

Е.М. П Р И М А К О В

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в 10-ти томах

Торгово-промышленная палата
Российской Федерации

Издание собрания сочинений Е.М. Примакова осуществлено при поддержке следующих лиц и организаций:

- Публичное акционерное общество «Сбербанк России»,
Президент-Председатель Правления — Греф Герман Оскарович;
- Усманов Алишер Бурханович — основатель Благотворительного фонда «Искусство, наука и спорт»;
- «Уральская горно-металлургическая компания», генеральный директор — Козицын Андрей Анатольевич;
- Публичное акционерное общество «Трубная Metallургическая Компания», председатель Совета директоров — Пумпянский Дмитрий Александрович;
- Акционерное общество «ЕВРОЦЕМЕНТ групп», президент — Скороход Михаил Анатольевич;
- Акционерное общество «Негосударственный Пенсионный Фонд “Торгово-промышленный пенсионный фонд”», президент фонда — Рошак Александр Валерьевич;
- Открытое акционерное общество «РТИ», генеральный директор — Боев Сергей Федотович;
- Открытое акционерное общество «Центр международной торговли», генеральный директор — Страшко Владимир Петрович;
- Закрытое акционерное общество «Экспоцентр», генеральный директор — Беднов Сергей Сергеевич.

Редакционный совет:

В.И. Матвиенко, сопредседатель

С.Е. Нарышкин, сопредседатель

С.Н. Катyrин, заместитель сопредседателей

Члены совета:

В.П. Андросов

Р.С. Гринберг

А.А. Дынкин

С.В. Лавров

В.А. Садовничий

В.Е. Фортов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в 10-ти томах

Том 6
МИННОЕ ПОЛЕ
ПОЛИТИКИ
МИР БЕЗ РОССИИ?

Москва
2016

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

П76

Рабочая группа

(составление, введение, предисловия, комментарии, указатели,
биобиблиографические материалы):

А.М. Рыбаков (руководитель)

Г.А. Бордюгов

В.Л. Малькевич

И.Л. Митрофанов

И.Б. Примакова

А.И. Шкирандо

Научно-вспомогательная работа выполнена
в Научно-исследовательском центре Ассоциации исследователей
российского общества (НИЦ АИРО-XXI).

Отв. за подготовку тома – *А.В. Владимирский*

Художественное оформление, дизайн – *С.П. Щербина*

Примаков Е.М.

П76 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 6: Минное поле поли-
тики. Мир без России? – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство
«Российская газета», 2016. – 800 с. – ISBN 978-5-91022-322-0.

В книге «Минное поле политики», включенной в данный том и впервые вышедшей в 2007 году, автор пишет о своей жизни с раннего детства и вплоть до начала XXI века. В книге «Мир без России?», также включенной в данный том и впервые опубликованной в 2009 году, через призму личного восприятия рассказывается о тех внешнеполитических вызовах, которые стоят перед современной Россией, и о способах оптимального реагирования на них.

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

© Примакова И.Б., 2016

© ТПП РФ, 2016

© ЗАО Издательство «Российская газета», 2016

© Рабочая группа проекта, 2016

ISBN 978-5-91022-322-0

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	11
МИННОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИКИ	
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.....	15
Глава I	
ВЕДОМЫЙ СУДЬБОЙ	
I. Тбилиси тех лет	16
II. Москва: первые радости и первые невзгоды	22
III. Извилистые пути корреспондента «Правды»	33
Глава II	
ВНЕСИСТЕМНЫЕ ДИССИДЕНТЫ	
I. Трудное избавление от догм.....	42
II. Международные отношения: что за кадром.....	54
III. Единственное успокоение – работа	73
Глава III	
ВОЙНА, КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ	
I. Лечу в Багдад.....	84
II. Миссия продолжена.....	93
III. И все-таки война	108
Глава IV	
ПАРАДОКСЫ И ПЛАЧЕВНЫЙ ФИНАЛ ПЕРЕСТРОЙКИ	
I. Почему развалился СССР?.....	119
II. Окончательную точку поставил ГКЧП	138
Глава V	
ПОШЕЛ В РАЗВЕДКУ	
I. Президент в Ясенево.....	143
II. Новые подходы: мысли вслух	154
III. Трудный прорыв	170
IV. «Кроты» в СВР	180
V. Секретные поездки	188
Глава VI	
В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ	
I. Из Ясенева на Смоленскую площадь.....	201
II. Расширение НАТО: все мы упустили шанс	216
III. За спиной Соланы США	227
IV. Мещерино и далее.....	231

V. Два послеоперационных президента	237
VI. Выход из лабиринта.....	247
Глава VII	
СИЛА ИЛИ ДРУГИЕ МЕТОДЫ	
I. Ирак: поучительные уроки.....	253
II. В прицеле Косово	275
Глава VIII	
БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	
I. Арабо-израильский конфликт: мифы и реальность	286
Глава IX	
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА	
I. Решение, принятое в коридоре.....	295
II. Наследство от псевдолибералов.....	304
III. А я-то старался... ..	311
IV. Стратегия и тактика	313
V. Главная задача – развитие реальной экономики.....	322
VI. Кровоточащая рана – Чечня.....	335
VII. Переговоры с МВФ: топтание на месте	353
VIII. Сумбурная позиция Вашингтона?.....	363
IX. «Петля» над Атлантикой	378
Глава X	
«СЕМЬЯ», ПРЕЗИДЕНТ И Я	
I. «Ловушки», расставленные на пути.....	400
II. Страхи ложные	406
III. Страхи истинные.....	421
IV. Кто есть кто	432
V. Отставка	442
ЧТО ДАЛЬШЕ?	450
МИР БЕЗ РОССИИ? К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ	
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	471
Глава I	
МИРОУСТРОЙСТВО ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	
I. Конец биполярности	474
II. Деградация России в 90-е годы, но и США не остаются супердержавой.....	479

III. Объективная реальность – становление ряда мировых центров.....	483
IV. Характер нынешней многополярности.....	487
Глава II	
КОРНИ И «РАЗВЕТВЛЕНИЯ» ДОКТРИНЫ УНИЛАТЕРАЛИЗМА	
I. Свидетельствует бывший вице-президент США.....	491
II. Неоконсерваторы США: идея глобальной гегемонии.....	494
III. «Экспорт демократии».....	501
IV. Проблема вмешательства во внутренние дела.....	504
V. Против исламского мира.....	506
VI. Исламский экстремизм – в чем причины?.....	511
VII. Может ли терроризм быть оправдан?.....	515
VIII. США против ООН.....	519
IX. Размышления о модернизации ООН.....	522
Глава III	
ТУПИКИ ОДНОПОЛЯРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ	
I. Провал с обоснованием интервенции.....	529
II. Оккупация Ирака: явные просчеты.....	533
III. А как в Иракском Курдистане?.....	539
IV. Уйти, чтобы остаться.....	545
V. Забыли про Афганистан.....	548
Глава IV	
СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ИЛИ КРИЗИС ДИАЛОГА МЕЖДУ НИМИ.....	553
I. Кому служит теория Хантингтона.....	554
II. Новый идеологический раздел мира?.....	557
III. Диалог должен влиять на политику.....	562
Глава V	
ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В ЧИСЛО МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ	
I. Политическая стабильность: ее будущее при «тандеме».....	564
II. Преодоление олигархического капитализма.....	567
III. Участие государства в реальной экономике.....	570
IV. Требование времени: инновационный путь.....	577
V. Высокие цены на сырье: куда пойдут полученные средства?.....	581

VI. Влияние мирового финансового кризиса	587	
VII. Социально ориентированная экономика	590	
VIII. Внимание малому предпринимательству	594	
IX. Демократия или диктатура	598	
Глава VI		
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО		
ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ		605
I. Принципы энергетической политики России	606	
II. Переломный 2006 год	611	
III. Истинная цена обвинений.....	615	
IV. Трубопроводное противоборство	620	
V. Отнюдь не слабая позиция	624	
Глава VII		
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США:		
ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ		
I. Европейские реалии	628	
II. Две задачи американской ПРО в Европе	634	
III. Цели расширения НАТО	640	
IV. Причины «операции Косово»	647	
V. Азиатские реалии	653	
VI. СНГ – зона американских интересов?	658	
VII. В августе 2008-го	666	
Глава VIII		
ЦЕННОСТИ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ		
I. Ядерная опасность: Иран и Северная Корея	677	
II. Стоит ли пренебрегать контролем над вооружениями?	687	
III. Проблемы ближневосточного урегулирования.....	694	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	700	
ПРИЛОЖЕНИЯ		
Примечания	705	
Именной комментарий	709	
Именной указатель	773	
Географический указатель.....	784	
Список сокращений	792	

ПРЕДИСЛОВИЕ

В шестой том Собрания сочинений включены книги Евгения Максимовича Примакова «Минное поле политики», впервые изданная издательством «Молодая гвардия» в 2007 году, и «Мир без России?», выпущенная в 2009 году издательством «Российской газеты». Обе книги написаны в жанре политических мемуаров. В «Минном поле политики» Евгений Максимович подробно рассказывает о своей жизни, начиная от раннего детства и заканчивая завершением политической карьеры после отставки с поста главы правительства и неудачи на выборах в Государственную Думу 1999 года. Книга завершается описанием встречи Е.М. Примакова с президентом В.В. Путиным летом 2000 года и изложением тех идей, которые Евгений Максимович высказал президенту и которые в значительной степени проводились в жизнь в российской политике на протяжении первых полутора десятилетий XXI века. Примаков подробно пишет о тех людях, с которыми довелось вместе работать, и для каждого находит несколько теплых слов. «Минное поле политики» является наиболее полным по охвату жизненного пути. Поэтому туда вошли фрагменты других, более частных мемуарных книг, но дополненные новым материалом и поставленные в иной контекст.

В книге «Мир без России?» рассказывается о тех проблемах, главным образом, внешнеполитических, которые стоят перед Россией в XXI веке, когда Евгений Максимович уже не играл активной политической роли, но

часто давал советы, к которым прислушивалось руководство страны, а также выполнял некоторые политические миссии. Он дает свой оригинальный анализ геополитических проблем, которые стоят перед нашей страной, и доказывает, что стабильный миропорядок без России существовать не может. Е.М. Примаков считает в целом оправданным тот внешнеполитический курс, которым ныне следует Россия, но допускает внесение в него некоторых корректив. Во многом в книге отражены те аналитические наработки, которые были созданы во время заседаний созданного Евгением Максимовичем «Меркурий-клуба», где происходят неформальные встречи представителей власти разных уровней с бизнесменами и учеными.

Данный том в полном объеме повторяет оригинальные сочинения Е.М. Примакова. Ссылки и пояснения, которые дает автор, помечены звездочками и даются в конце страницы. В Приложении к тому даются подготовленные Рабочей группой проекта Примечания, Именной комментарий, Именной и Географический указатели, Список сокращений.

МИННОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Книга не задумывалась как автобиография. Это не мемуары, так как я был далек от того, чтобы сделать ее автора неким героем повествования, – мне представляется, что мемуарная литература этим отличается от других жанров. Тем не менее – никуда не денешься – я был участником многих из описываемых событий и пропускал их через свое видение. Эта книга – и не историческое исследование, хотя в ней рассмотрены события и процессы, без оценки которых невозможно понять историю России конца второго тысячелетия.

В этой книге я хотел показать многослойность российской политической и общественной жизни. Уверен, что однозначные оценки происшедшего и происходящего в России неточны, а значит – неприемлемы.

Это, по сути, новая книга, хотя и является вторым переработанным изданием книги «Встречи на перекрестках», вышедшей сравнительно небольшим тиражом в Екатеринбурге. Я стремился к тому, чтобы эта книга, как и прежде изданные, не была конъюнктурной, просматривающей прошлое, пережитое через восприятие сегодняшнего дня.

Глава I

ВЕДОМЫЙ СУДЬБОЙ

Мало кто понимает, что мы не идем по жизни, а нас ведут по ней.

Лион Фейхтвангер

I. Тбилиси тех лет

Меня по жизни вела судьба, не только предопределяя тот или иной сдвиг, поворот, переход в другое качество, но отводя в сторону от различных капканов и западней. Вспоминая свое прошлое, особенно детство и юность, убеждаюсь в этом все больше. Как писал Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи».

Верю ли в божественное предназначение? Думаю, что существует Высшее начало у жизни. Высший интеллект, Высшая справедливость. Уверен, что тем, кто приносит добро, зачтется. Тому, кто поступает худо, жизнь отомстит.

Тбилиси, 1937 год. Вокруг повалились практически все, с кем моя мама – Примакова Анна Яковлевна, врач по специальности – дружила, встречалась, водила знакомство. Маминого брата, тоже врача-гинеколога, арестовали в Баку и, как стало известно позже, этапировали в Тбилиси, где расстреляли. Он был далек от политики. Мне стало известно через много лет, что главным «веще-

ственным доказательством» его принадлежности к «антисоветской группе» был найденный при обыске юнкерский кортик – Александр Яковлевич несколько месяцев перед революцией был в юнкерах.

У мамы было много братьев и сестер, но все они, за исключением Александра Яковлевича и моей любимой тети Фани, умерли – один брат погиб в Русско-японскую войну, другой, вернувшись с фронта, умер от чахотки. Моя тетка стала женой известного доктора Д.А. Киршенблата. Профессор, получивший степень в Берлинском университете, он был блестящим терапевтом – любимцем всего Тбилиси. У него было трое сыновей – двое старших от рано умершей жены. Один из них – Миша, тоже врач и пламенный большевик – был директором Тбилисского института скорой помощи, одной из крупных больниц в городе. Однажды из Еревана привезли тело первого секретаря ЦК компартии Армении Ханджяна¹. От Михаила Давидовича потребовали дать заключение о самоубийстве. Он гневно отверг это предложение и был арестован, а затем расстрелян.

В гулкие тбилисские ночи шуршали шины автомобиля, останавливающегося у того или иного дома. Ленинградская улица, на которой мы жили, небольшая – длиной метров в 150, всего 13 домов. Поэтому все трагедии происходили на глазах у всех. В доме 5 жил Лева Кулиджанов, ставший впоследствии большим кинорежиссером. Его кинофильмы «Дом, в котором я живу», «Когда деревья были большими», экранизация Достоевского вошли в классический фонд советского кино. А тогда, в 1937 году, мы – пацаны (он был старше нас на пять лет) толпились под его окном в бельэтаже. Ходили слухи (конечно, лишь слухи), что его мама при аресте отстреливалась. Из какого пистолета – нас интересовал главным образом этот вопрос, – из «браунинга»? «Что-то вроде этого», – отвечал уже не в первый раз Лева.

Я у матери единственный. Она родила меня уже в возрасте и жила мною. Трудно представить, как переломилась бы моя судьба, если бы ее арестовали.

Как я реагировал на происходившее? Некоторые представители моего поколения уверяют, что даже в «щенячем возрасте» все понимали. Я не принадлежал к числу «ясновидящих». Когда услышал, что арестовали заместителя председателя Совнаркома Грузии Илюшина, с женой которого мама сначала встречалась как с пациенткой, а потом сдружилась, взял ножницы и изрезал на мелкие куски кожаную кобуру и португепю, которую он мне подарил в день рождения.

Но все-таки маму косвенно задел трагический тридцать седьмой. Она работала в Железнодорожной больнице и была, как говорили, превосходным акушером-гинекологом. Но ее оттуда попросили, и она не без труда нашла работу в женской консультации Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. Оставалась там единственным врачом непрерывно тридцать пять лет. Комбинат находился далеко от центра города, а во время войны мама еще взяла и вторую работу – в другом конце Тбилиси. Приходила домой вечером, изнуренная до предела. Она очень много работала ради того, чтобы я был накормлен и одет в то нелегкое для всех военное время.

Мама никогда не состояла ни в каких партиях, не произносила зажигательных речей, не любила даже поддерживать разговор на политические темы. Но это вовсе не означало ее политической инфантильности. Помню, как, уже будучи студентом, в самом начале 1950-х годов приехал на каникулы в Тбилиси и разговорился с матерью на «сталинскую тему». Сознаюсь, пришел в ужас от ее слов, что Сталин – «примитивный душегуб». «Да как ты можешь, ты хоть что-нибудь читала из трудов этого “примитивного человека”?» – взорвался я. Меня сразил спокойный ответ матери: «И читать не буду, а ты пойд и донеси – он это любит». Я никогда больше не возвращался к этой теме.

Однако подобные разговоры с матерью были исключением. У нее, я уверен, был богатый внутренний мир, но именно внутренний. Она не делилась им ни с кем, в том числе со мной. Может быть, оберегала меня. Думаю даже, что не только оберегала, так как при всех своих сомнениях и неприязни ко многому происходившему страну любила однозначно и вне всякого сомнения. Она считалась с моим внутренним настроем. Во всяком случае, была довольна, когда я стал комсомольцем, а потом и членом партии.

Ее любили работницы, уважали и побаивались руководители комбината – она не стеснялась в выражениях, если беременных женщин не отпускали в положенный отпуск или ставили в третью смену. Я узнал обо всем этом из прощальных слов на похоронах матери 19 декабря 1972 года – в последний путь ее провожал почти весь Тбилисский прядильно-трикотажный комбинат.

Жили мы в общей квартире без элементарных удобств, в четырнадцатиметровой комнате. Целыми днями я с ребятами пропадал на улице. Закончив семь классов, объявил не на шутку встревоженной матери: «Еду с друзьями поступать в Бакинское военно-морское подготовительное училище». На робкое мамино «может быть, передумаешь, ведь в Тбилиси есть Нахимовское училище», последовал ответ: «Я так решил. А Нахимовское училище подчиняется Наркомпросу, а не Министерству обороны. У них даже вместо ленточек на бескозырках куцый бант».

Сейчас, когда представляю себе во всей красе безапелляционность тогдашних своих поступков и при этом без стремления понять маму, становится грустно.

Учился я хорошо, больше всего любил математику, историю, литературу. Преподаватели в русских общеобразовательных школах в Тбилиси были очень сильные. Им, особенно моей доброй первой учительнице Ольге Вакуловне Прихня, математику – блестящему педагогу

Пармену Засимовичу Кукаве, да и другим премного обязан. Выпускники тбилисских школ абсолютно на равных и в то время без всякого блата выдерживали конкурсные экзамены в престижные московские институты. Среди них был и я, поступив в 1948 году в Московский институт востоковедения. Но об этом позже.

В военные годы, однако, ученики в школе далеко не все время отдавали учебе. В вечернюю третью смену не раз гасла лампочка (как правило, в классе она была одна). Секрет был прост – вкрученная нами в патрон с мокрой промокашкой лампочка переставала светить, как только промокашка высыхала. Урок прекращался, а нам было куда пойти. В кинотеатрах крутили кинофильмы – мы знали их наизусть, особенно киносборники, составленные в том числе из фронтовых лент. А песню, которую прекрасно исполняла Окуневская, со словами:

Ночь над Белградом тихая вышла на смену дня.
Помнишь, как ярко вспыхивал яростный луч огня...
Пламя гнева горит в груди.
Пламя гнева, в поход нас веди.
В бой, славяне, – заря впереди... —

пели на тбилисских улицах и русские, и грузины, и армяне, и евреи. Таким был Тбилиси.

Может быть, мама внутренне согласилась на мое поступление в Бакинское училище еще и потому, что не успела остыть от пережитого. Я и трое моих друзей решили отомстить завучу Раисе Павловне, которая, по нашему мнению, совершила величайшую несправедливость, поставив многим двойки, «чтобы неповадно было шуметь на уроке». «Возмущенные», мы выбили стекла в окне ее дома. На следующий день были разоблачены – оказывается, нас видели прохаживающимися вечером около злополучного окна. Мы, как полагается, сначала осмотрели местность, а потом приступили к исполнению. Вызвали родителей. Мама редко бывала в школе, но по

вызову явилась сразу – Раиса Павловна училась с ней в одной гимназии. У меня горело лицо от впервые полученной маминой пощечины. Мы с ребятами решили бежать на фронт, но нас поймали на вокзале. Всех четверых исключили из школы, и по разрешению городского отдела народного образования мы сдавали экзамены уже в другой школе.

После занятий мы, как правило, дефилировали по Плехановской – такое название проспекту дал Ной Жордания, когда в Грузии было меньшевистское правительство. Мало улиц носило имя Плеханова в Советском Союзе, и очень жаль, что в независимой Грузии ее переименовали – теперь она называется именем царя Давида Агмашенебели, что по-русски означает Давид-строитель.

Время было беспокойное. В городе распоясались уголовники, многие из которых «эвакуировались» в Тбилиси из Одессы и Ростова, но полно было и местных воров. Криминал захлестнул улицы, но никто из нашей компании не соскользнул на преступную дорожку.

В Баку поехали целой компанией – я, братья-боксеры Сергей и Жора Квелидзе, Толя Бажора. Все, кроме меня, вернулись домой через несколько месяцев. Я провел в училище два, скажем прямо, нелегких года, прошел практику на учебном корабле «Правда» и, когда уже казалось, что все трудности адаптации позади, был отчислен по состоянию здоровья – обнаружили начальную стадию туберкулеза легких. Тут же примчалась в Баку моя дорогая мама, а я меньше всего думал о здоровье. В вагоне поезда Баку – Тбилиси стоял у окна, мимо проносились столбы, деревья, здания какие-то, а я ничего не видел. Глаза застилала слезы. В течение двух лет связывал свое будущее с флотом, а тут... Жизнь, считал, окончена.

Однажды адмирал флота Чернавин, с которым мы вместе учились в БВМПУ, бросил в шутку: «А ведь мог тоже стать адмиралом». Я же никогда не шутил, когда касались этой темы. Через многие годы после моего

окончания БВМПУ, М.С. Горбачев, назначая меня руководителем внешней разведки, готовился подписать указ о присвоении мне звания генерал-полковника. Я отказался, сказав, что присвоение сразу этого звания мне, пришедшему со стороны, создаст ненужное напряжение с коллегами. Добавил, что, если стану генералом, все забудут, что я академик – к этому времени уже был действительным членом Академии наук Советского Союза. Моя жена Ирина Борисовна заметила: «А ведь если бы предложили адмирала, а не генерал-полковника, у тебя отказаться сил не было бы».

Приехав в Тбилиси, мамиными заботами вылечился и закончил одиннадцатый класс в 14-й мужской средней школе – тогда в Тбилиси было одиннадцатиклассное образование и раздельное обучение. Куда поступать? Решил держать экзамены в Московский институт востоковедения. Может быть, повлияло то, что туда нацелился мой друг Сурен Широян. Но сознаюсь, я не был одержим поступлением именно в этот вуз. Вообще я хотел вначале пойти на математический, но в физике был слаб, а мама умоляла: куда угодно поступай, но прошу – не в медицинский. Да я в него и не стремился.

II. Москва: первые радости и первые невзгоды

Приехали в Москву. Хорошо сдали вступительные экзамены. В тот год была потребность в специалистах по Китаю. Не исключаю, что поддался бы на уговоры и выбрал бы китайское направление, но задели на собеседовании слова профессора Евгения Александровича Беляева: «Вы, должно быть, решили пойти на арабский, так как

вам мерещатся караваны в пустыне, миражи, заунывные голоса муэдзинов?» И я ответил: прошу зачислить на арабский – баллов для этого у меня достаточно. Так стал арабистом.

В институте больше всего любил страноведческие и общеобразовательные предметы. Блестящие лекции по исламоведению профессора Беляева, по различным разделам истории – профессоров Турока, Шмидта, по политэкономии – профессора Брегеля были настоящими праздниками. Но гораздо меньше интереса я проявлял, к сожалению, к арабскому языку, что и сказалось: по всем предметам, кроме арабского, в дипломе были пятерки, а на госэкзамене по арабскому получил три.

Принимала экзамен чудесный преподаватель и исключительно хороший человек – палестинская христианка Клавдия Викторовна Одэ-Васильева. Она приехала в Россию перед Первой мировой войной, вышла замуж за русского врача Васильева, который погиб на фронте. После этого всю свою жизнь посвятила преподаванию. Ассистировали ей на выпускных экзаменах Беляев и Шмидт. Отвечал я хорошо, просто сумел сосредоточиться. На вопрос Клавдии Викторовны – какую отметку поставить, ассистенты сказали «пять». Это меня и погубило. «Как “пять”?! – возмутилась Клавдия Викторовна. – Он часто пропускал занятия. Три». С тройками в дипломе тогда не давали рекомендации в аспирантуру, а я очень хотел продолжить в ней учебу и уже выбрал для этого экономический факультет МГУ. Но что поделаешь – значит, не всегда мечты не сбываются.

Вдруг неожиданно встречаю в институтском коридоре Клавдию Викторовну. «Как ты относишься к поставленной тебе тройке?» – спрашивает она. «Я большего и не заслуживаю, это справедливая отметка», – ответил я. После этих слов Клавдия Викторовна пошла к директору института и настояла на том, чтобы я все-таки получил рекомендацию в аспирантуру, пригрозив, что в случае отказа пойдет «на самый верх».

Заканчивали мы институт в 1953 году. В марте умер И.В. Сталин. Нас захлестнуло горе. На траурном митинге плакали многие. Выступавшие искренне недоумевали – сумеем ли жить без Сталина, не раздавят ли нас враги, уцелеем ли? Я чуть не заплатил жизнью, когда пытался через Трубную площадь пробиться к Колонному залу Дома союзов, чтобы проститься с вождем. Была настоящая Ходынка, в страшной давке погибли десятки людей. Нас возмутили услышанные по радио абсолютно спокойные голоса Маленкова и Берия, выступавших с трибуны Мавзолея на похоронах Сталина. Наши симпатии были на стороне третьего выступавшего – Молотова, который еле сдерживал рыдания.

Те, кто считает, что со смертью Сталина сразу прорвалась плотина и резко изменилось сознание всех граждан Советского Союза, глубоко ошибаются. Процесс зародился, потом, как говорится, пошел, но постепенно. И в этом была своя закономерность. Большинство моих соотечественников, и я среди них, понимало, что при всех трудностях, иногда даже перераставших в трагедии, было немало хорошего в жизни страны, народа.

Впервые о негативных, трагических сторонах нашей истории было сказано на XX съезде партии, в речи Хрущева, которую не опубликовали, а зачитывали на собраниях коммунистов и комсомольцев. Для многих это прозвучало как гром среди ясного неба. Реакция большинства выражалась в возмущении по поводу скрытых от народа сторон жизни партии, страны и, естественно, в мучительном переосмыслении далеко, как оказалось, неоднозначной роли Сталина. Но в разговорах между собой мы нередко отдавали должное более сбалансированному документу китайской компартии о культе личности, хотя понимали, что на характер этого документа повлияло желание обойти критикой свой «культ» – Мао Цзэдуна.

Так или иначе, XX съезд нас раскрепостил и оказал сильное влияние на формирование мировоззрения мое-

го поколения. Конечно, впоследствии решающее воздействие оказывали и другие события, но первым импульсом, заставившим мыслить по-иному, чем в прошлом, можно считать XX съезд партии.

«Съездовское» время застало меня в аспирантуре Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Три года, проведенные в ней, прошли в упорной работе. Аспирантура эконофака МГУ давала очень многое: отличную теоретическую подготовку, учила работе с источниками, аналитическому осмыслению происходящего. Конечно, были там и профессора-догматики, да где их в то время не было. Но что самое главное – общая обстановка в аспирантуре подталкивала к самостоятельному мышлению.

Мы прошли в аспирантуре МГУ хорошую марксистскую школу. Позже многие из нас (и я в том числе), не порывая с марксизмом, стали отходить от представлений о нем как о единственной науке, чуть ли не религии. Мы были хорошо теоретически подкованы и имели все основания считать, что нельзя «с водой выплескивать ребенка». Конечно, марксистские постулаты не могут применяться вне времени и пространства, но этот вывод ни в коей мере не относится к марксистской методологии, которая имеет историческую ценность.

Коллектив аспирантов был очень дружный. Ходили все вместе в театр, совершали вылазки на природу. Дружба с некоторыми из них, в первую очередь со Степаном Арамаисовичем Ситаряном, прошла через всю жизнь. Выдающийся профессионал, он стал в 1980-е годы заместителем председателя Госплана, а затем зампредом Совета министров СССР.

Большинство аспирантов были иногородними, но и москвичи проводили все время с нами, а часто и заночевывали в нашем общежитии МГУ, в высотном здании на Ленинских горах – мы стали первыми его «поселенцами». Моим соседом по блоку (две шестиметровые комнаты

с общими «удобствами») был китайский аспирант Чжу Пэйсинь – скромный, деликатный, трудолюбивый, он занимался с раннего утра и до ночи, – умный парень. В одном блоке со Степаном Ситаряном жил кореец Чен, приехавший на учебу в Москву чуть ли не прямо с фронта корейской войны, не повидавшись даже с семьей.

Мы были все в одной компании, не отгораживались от «несоветских» и тогда, когда бурно обсуждали перипетии нашей действительности. Они, как правило, не участвовали в разговорах такого рода, но буквально впитывали их в себя. Это обернулось трагически. Чжу Пэйсинь после возвращения в Китай провел много лет в деревне, куда был послан «на исправление», – как он мне рассказал позже при встрече в Китае, голодал, с рассвета и до темноты занимался тяжелым физическим трудом, но, слава Богу, выжил и после осуждения в Китае «культурной революции» вернулся в Пекин, где впоследствии стал профессором университета. Приехав в КНР в 1995 году, я попросил моих коллег (тогда я работал в СВР) найти Чжу. Мы сорок лет не виделись с ним. Обнялись и долго стояли так – не хотели, чтобы окружающие видели наши слезы. Чжу уже почти забыл русский. Объяснялись по-английски, вспоминая молодость. Это была грустная встреча, больше я с ним не виделся.

А судьба корейца Чена, судя по всему, сложилась трагически. Степан Ситарян узнал через несколько лет, что он после возвращения домой выступил на партсобрании с критикой культа личности Ким Ир Сена. После этого его никто не видел...

С нами вместе часто находилась, активно участвуя во всех разговорах, моя жена Лаура. Женился я на тбилисской девушке Лауре Харадзе, будучи студентом третьего курса. Она была тоже студенткой, училась на втором курсе Грузинского политехнического института. После замужества перевелась в Москву, в Менделеевский институт на электрохимический факультет. В наше время

многие ранние браки распадаются. Я прожил с Лаурой тридцать шесть лет. Вначале нам вместе было очень нелегко. Свое собственное первое жилье, комнату в общей квартире, я получил в 1959 году, уже работая в Гостелерадио. Это было для нас настоящим счастьем: все годы до этого снимали, если повезет – комнату, если нет – угол. Особенно тяжело стало, когда в 1954 году родился сын, – многие хозяйки предпочитали сдавать жилье семьям без детей, и поиски места проживания становились настоящей мукой.

Мы вынуждены были отправить девятимесячного Сашеньку в Тбилиси, где до двух с половиной лет он жил у моей мамы. Когда позвонил ей по телефону и сказал, что у нас нет выхода, кроме как послать сына на время к ней, у нее вырвалось: но ведь я работаю. За этим последовала мамина телеграмма – немедленно привози ребенка, я все устрою.

В мои аспирантские времена Лаура разрывалась между учебой в институте и поездками в Тбилиси, а будучи в Москве, тайно жила в моей аспирантской комнате в МГУ. Мой сосед по блоку Чжу Пэйсинь ни разу меня не упрекнул, никто не заложил. Всех связывало чувство товарищества.

Жили мы в зоне «Б» на четвертом этаже. Почему-то именно этот этаж был выделен администрацией университета в качестве показательного. Всех высоких гостей приводили к нам. Были у нас и Неру, и Тито, который в 1955 году, после долгой ссоры со Сталиным был приглашен в Советский Союз. Мы собрались в зале нашего этажа. Тито поздоровался с нами, а потом начал внимательно слушать разъяснения министра высшего образования Елютина. «А как используется этот зал?» – спросил Тито. «Для коллективных мероприятий, например, самодеятельности», – отвечал Елютин. «А это тоже самодеятельность?» – Тито указал пальцем на висевшую на стене картину, изображающую Ленина и Сталина, которые си-

дели рядом на скамейке в Горках, где, как известно, больной Ленин, у которого в то время были неприязненные отношения со Сталиным, провел последние годы жизни.

Через много-много лет, уже после смерти Тито, я был в Белграде, в его доме. По моей просьбе меня повели туда югославские друзья. Каково было мое удивление, когда на книжной полке я увидел фотографию Сталина. Что это – всеядность человека, который бережно хранил фотографии своего врага, или дань уважения к противнику?

Я окончил аспирантуру, подготовив диссертацию на тему о получении максимальных прибылей иностранными нефтяными компаниями, оперирующими на Аравийском полуострове. Работая над диссертацией, знакомился в том числе и с технической литературой по нефти – это мне пригодилось в будущем. Но защитить диссертацию до окончания срока аспирантуры не смог. Тогда требовалась перед защитой публикация на диссертационную тему, издал небольшую монографию «Страны Аравии и колониализм», но вместе с тем исключалась защита в той организации, в которой подготовил диссертацию. Это положение ввели незадолго до окончания срока моего пребывания в аспирантуре, и я не мог себе позволить длительную, без работы, паузу, необходимую для вторичного обсуждения диссертации и выполнения по ней всех формальностей в другом учебном или исследовательском учреждении. В результате начал подыскивать себе место преподавателя политэкономии. Знал, что во многих городах Союза есть хорошие вузы, там, думал, и защищусь. Но судьба распорядилась и на этот раз иначе.

Сергей Николаевич Каверин – главный редактор арабской редакции иновещания, с которым познакомился, так как время от времени писал в его редакцию, чтобы подзаработать, предложил поступить к нему. Так я стал профессиональным журналистом. За год последова-

тельно прошел путь корреспондента, выпускающего редактора, ответственного редактора, заместителя главного редактора. После безвременной кончины Сергея Николаевича на должность главного назначили Андрея Васильевича Швакова – фронтовика-белоруса, очень честного, порядочного человека. Я был у него заместителем. Потом с его подачи (!) сделали рокировку: он стал заместителем, а я главным. Мы с ним дружили многие годы, вплоть до его смерти.

Работа на иновещании дала очень многое. Прежде всего – умение быстро и при любом шуме подготовить комментарий на происходящие события. Вместе с тем для меня это была первая школа руководителя. В свои двадцать шесть лет я возглавил коллектив в семьдесят человек, среди которых, пожалуй, был самым молодым.

В 1958 году я удостоился чести в качестве корреспондента Всесоюзного радио сопровождать Н.С. Хрущева, Н.А. Мухитдинова, маршала Р.Я. Малиновского и других членов партийно-правительственной делегации в Албанию. Кто предложил послать именно меня, не знаю. Может быть, «наверху» кто-то решил, что Албания – арабская страна. Ну а если не арабская, то все-таки «мусульманская». Командировка эта запомнилась на всю жизнь. Увидел Хрущева вблизи, и это было очень любопытно.

Он умел в резкой форме заявлять о своей позиции, но и знал, как самортизировать недовольство собеседников, если хотел их расположить к себе. Не всегда, правда, это удавалось. Выслушав на аэродроме приветственную речь Энвера Ходжи – первого секретаря компартии Албании, которая изобиловала антиюгославскими выпадами, Хрущев при первой же встрече с Ходжей в присутствии журналистов сказал ему: «Я не хочу, чтобы вы превращали мой визит в антиюгославскую кампанию (шел процесс примирения с Тито), – и тут же добавил: – Мы с вами – настоящие ленинцы и можем постоять за чистоту марксизма-ленинизма в других формах».

Хрущеву не понравилась программа пребывания в Албании – «мало встреч с людьми», и он потребовал ее откорректировать уже во время визита. Албанцы подавили в себе возмущение и с этим тоже смирились. Без всякой дипломатии Хрущев гнул свою линию. «А это зачем?» – спросил он, ткнув указательным пальцем в скульптуру Сталина у входа в текстильный комбинат, построенный Советским Союзом. Молча выслушал разъяснения сопровождавшего его премьер-министра Мехмета Шеху: «Сталина чтут в Албании, так как он направил ультиматум Тито, когда тот уже был готов силой присоединить ее к Югославии, – мы с автоматами в руках ждали нападения. С его именем связано и строительство нашего промышленного первенца-комбината, которым мы гордимся». – «А чего гордиться? – сказал Хрущев. – Построили-то вам комбинат уже устаревший – в один этаж. За границей давно уже строят многоэтажные производственные здания».

В своей главной часовой речи, произнесенной на митинге без заранее подготовленного текста, Хрущев заявил: «Если США поставят свои ракеты в Греции и Италии, то мы разместим свои в Албании и Болгарии». Мне показалось, что албанцы были ошеломлены, но довольны, так как нуждались в гарантиях, и, таким образом, могли надеяться их получить. Одновременно прозвучало предложение Хрущева превратить Средиземноморье в зону мира.

В этой же речи он неожиданно выразил соболезнования Соединенным Штатам по поводу кончины Джона Фостера Даллеса – государственного секретаря, известного своей, мягко говоря, антисоветской позицией. Это не помешало Никите Сергеевичу заявить, что в последние годы своей жизни Даллес изменился. Словом, в выступлении было много новых моментов – хоть отбавляй.

С этой речью была связана острая коллизия и для меня. К моменту ее произнесения уже было ясно, что Хру-

щев будет все время выступать без текста, а его речи – стенографироваться, затем редактироваться двумя помощниками – Шуйским и Лебедевым и лишь после одобрения Хрущевым окончательного текста передаваться в ТАСС. На всю эту процедуру требовалось много часов. Албанцам сказали сразу, что они могут публиковать выступление Хрущева только по ТАССу. Они справедливо обиделись и по радио Тираны нарочито передавали: «Как сообщает ТАСС, выступая в Тиране, Н.С. Хрущев сказал то-то и то-то».

То ли по неопытности, то ли потому, что ответственность за выполнение порученной мне столь важной миссии – освещать по радио визит советского лидера в Албанию – отодвинула на задний план все формальные моменты, я решил вторгнуться в «святая святых» – в порядок опубликования выступлений генерального секретаря. Подошел к его помощникам и сказал: «Разрешите мне готовить для передачи на московское радио изложение основных идей, высказываемых Никитой Сергеевичем. Я буду, конечно, показывать вам, а потом срочно сообщать все в редакцию, иначе я не очень понимаю, для чего я здесь нужен – только для того, чтобы передавать “антураж”?» – «Если ты такой смелый, – сказал Шуйский, – пиши и передавай под свою ответственность». Я это и сделал. Выдвинув главные идеи речи Хрущева на первый план, продиктовал корреспонденцию по телефону нашим стенографисткам в Москве, а сам, довольный собой, пошел пить пиво. Вдруг подходит ко мне корреспондент «Правды» Ткаченко, с которым у нас потом установились дружеские отношения, и говорит: «Иду из резиденции, там переполох, речь Хрущева решили не публиковать, но она улетучилась, и сейчас пошли на нее отклики во всем мире. Ищут, кто виноват в утечке».

У меня сердце ушло в пятки. Я представил себе, как меня срочно отзывают в Москву, исключают из партии, снимают с работы. Кстати, все тогда так и могло полу-

читься. Увидев мое побелевшее лицо, Ткаченко ухмыльнулся: «Я пошутил. Напротив, Никите показали зарубежные отклики, и он очень доволен оперативностью». Очевидно, все было именно так, потому что я с этого момента спокойно передавал свои корреспонденции в Москву, и ни Шуйский, ни Лебедев мне не делали никаких замечаний. Правда, и не хвалили, просто не замечали.

На иновещании прошла реорганизация, укрупнили редакции, и меня повысили, назначив заместителем главного редактора редакции информации на все зарубежные страны. Все вроде шло хорошо. О диссертации даже перестал думать, но после моего выступления на одном из «круглых столов» (не помню уже, на какую тему я выступал) ко мне подошел грузный, седой мужчина и представился: Ростислав Александрович Ульяновский, заместитель директора Института востоковедения Академии наук. Расспросив меня о моей работе, интересах, в том числе о том, думаю ли я написать диссертацию, и услышав в ответ, что она готова и ждет защиты, Ульяновский предложил мне защищаться в его институте. Это предложение было повторено мне по телефону. Не было бы этой встречи, не знаю – защитил бы я когда-нибудь кандидатскую диссертацию, а ведь это открыло мне дорогу в науку, в академическую жизнь.

По-видимому, работал бы на иновещании еще многие годы, но весьма «осяземо» прочувствовал скверное отношение ко мне заведующего сектором ЦК – он занимался радио. Возможно, ему не понравилось мое выступление на партсобрании, возможно, существовали какие-то другие причины, но в течение нескольких лет после сопровождения Н.С. Хрущева в его поездке по Албании я фактически был «невъездным». «Рубили» даже туристические поездки.

Тогда же была запущена легенда о моем происхождении. Мне даже приписали фамилию Киршенблат. Позднее я узнал, что в других «файлах» мне приписывают

фамилию Финкельштейн – тут уж вообще разведешь руками, непонятно откуда.

Антисемитизм всегда был инструментом для травли у тупых партийных чиновников. Фамилия моего отца Немченко – об этом сказала мне мать. Я его никогда не видел. Их пути с матерью разошлись, в 1937 году он был расстрелян. Я с рождения носил фамилию матери – Примаков. С моей бабушкой по материнской линии – еврейкой – связана романтическая история. Обладая своенравным характером, она вопреки воле моего прадеда – владельца мельницы – вышла замуж за простого работника, к тому же русского, отсюда и фамилия Примаковых. Позже они жили в Тифлисе, а ее муж – мой дед, ставший подрядчиком на дорожном строительстве в Турции, погиб в схватке с грабителями-курдами.

Мне всегда были чужды как шовинизм, так и национализм. Я и сегодня не считаю, что Бог избрал какую-либо нацию в ущерб другим. Он избрал нас всех и всех создал по своему образу и подобию...

III. Извилистые пути корреспондента «Правды»

В это время меня познакомили с заместителем главного редактора «Правды» Николаем Николаевичем Иноземцевым, отвечавшим в газете за международную тематику. От него я и получил приглашение перейти в «Правду» обозревателем отдела стран Азии и Африки. Я сказал Иноземцеву, что за мной тянется какой-то «хвост», так как с некоторого времени начали отказывать в выезде за рубеж. Николай Николаевич при мне вызвал заведующего отделом кадров и сказал ему: «Запросите соответ-

ствующие органы о возможности использовать Примакова в качестве собственного корреспондента «Правды» в одной из капиталистических стран». Я понял, что меня направляют на проверку по самому высшему разряду, и был этому рад.

Для проверки нужно было определенное время. Предположив, что на мой уход может негативно отреагировать руководство Гостелерадио (так и получилось), Иноземцев предложил мне «промежуточно» самому подать документы на конкурсное замещение (я уже был кандидатом экономических наук) должности старшего научного сотрудника в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО).

Мое четырехмесячное первое пребывание в ИМЭМО закончилось после ночного телефонного звонка от главного редактора «Правды» П.А. Сатюкова. Мне сказали, что он меня ждет и за мной уже выехала машина.

– Когда можете приступить к работе? – спросил Сатюков.

После того как мы вышли из кабинета главного – так в то время во всех газетах величали главного редактора, – Иноземцев передал мне, что получена информация из «соответствующих органов» об отсутствии возражений против моей поездки за рубеж в качестве собкора «Правды».

– А что касается этого деятеля из сектора ЦК, то «Правда» вне пределов его влияния, – добавил Николай Николаевич, улынувшись.

Проработав в редакции «Правды» три года, я был назначен собственным корреспондентом этой газеты на Ближнем Востоке с постоянным пребыванием в Каире. «Правда» – орган ЦК КПСС, и будучи ее корреспондентом, впервые начал выполнять ответственные поручения центрального комитета, политбюро ЦК. Некоторые из них оформлялись в Особую папку, к которой мало кто имел доступ. В ней формулировалась задача, назывались

исполнители. Как правило, меры безопасности и связь поручалось обеспечивать КГБ.

Мне довелось выполнить целый ряд таких поручений – много раз посещал север Ирака, где контактировал с руководителем курдских повстанцев Мустафой Барзани с целью сблизить его с Багдадом. Советский Союз хотел мира в Ираке. Мы симпатизировали освободительной борьбе курдов и в то же время стремились укрепить свои позиции в новом руководстве Ирака, которое пришло к власти в 1968 году. С багдадской стороны ответственным за переговоры с курдами был Саддам Хусейн. Я встретился с ним в 1969 году, тогда же познакомился с Тариком Азизом, который был главным редактором газеты «Ас-Саура». И у Саддама Хусейна, и у Тарика Азиза в углу кабинетов стояли автоматы. Время было тревожное. Я совершил много поездок на север Ирака – сначала во время боевых действий к зимней резиденции Барзани по тропам на мулах, потом вертолетом. Соглашение о мире было подписано в 1970 году.

Другой эпизод – первое знакомство с левобаасистскими лидерами после переворота в Дамаске, который произошел 23 февраля 1966 года. В то время в Каире находился первый заместитель министра иностранных дел СССР Василий Васильевич Кузнецов. Он был у Насера, когда поступило сообщение о перевороте в Сирии. Власть в Дамаске взяли правые, антинасеровские силы. Я получил указание редакции срочно вылететь в Дамаск.

Прилетел в Бейрут. Сухопутная ливано-сирийская граница оказалась закрытой, закрыт был и аэродром Дамаска, но все же правдами и неправдами удалось получить место на чешском самолете, который летел в Багдад с технической посадкой в Дамаске. Я попытался остаться там. Но меня хотели во что бы то ни стало выдворить. Помог телефонный звонок к одному из руководителей левобаасистского движения, пришедшего к власти, Джунди. Была свежа в памяти недавняя встреча

в Сирии с ним и его братом – профсоюзным лидером. Результатом полученных интервью стала статья в «Правде» под заголовком «Многоэтажный Дамаск». Заголовок был со смыслом. В Дамаске вплоть до недавнего времени запрещали строить здания выше мечетей, и поэтому, а может быть – из-за жаркого климата, здания уходили на несколько этажей в землю, и их окружали расположенные ниже поверхности небольшие садики. Издали определить число этажей в дамаскских домах было невозможно. А статья моя была посвящена правящей баасистской партии, в отношении которой у нас господствовали однозначно негативные оценки, особенно в связи с ее антикоммунизмом. Однако в результате моих контактов выяснилось, что баасистская партия в Сирии отнюдь не однородна. Ее левое крыло не воспринимало антикоммунизм, придерживалось прогрессивных взглядов и идей. После моей публикации, которая наделала много шума в Сирии, братья Джунди чуть не лишились своих постов, а после переворота 23 февраля Абдель Керим Джунди возглавил спецслужбу. Ему я и позвонил, и мне было немедленно разрешено выехать из аэропорта в город.

Корреспондент «Правды» был первым иностранцем, который встретился с премьер-министром нового правительства Зуэйином. Рассказав ему о сомнениях Насера, я взял на себя смелость посоветовать собрать пресс-конференцию и заявить, что пришедшие к власти в Сирии люди не имеют ничего общего с правыми антинасеровскими группами. Пресс-конференция состоялась. Естественно, я все это доложил шифротелеграммой в Москву, а в Дамаске для меня открылись многие двери. 8 марта во время баасистской демонстрации я был приглашен на трибуну, где познакомился с Хафезом Ассадом, в то время командующим военно-воздушными силами страны. Асада окружала группа прибывших с ним автоматчиков, которые напряженно вглядывались в ше-

ренги проходивших мимо демонстрантов, – новая власть, судя по всему, еще не чувствовала себя в безопасности. Через много лет я спросил Хафеза Ассада, узнает ли он во мне того относительно молодого корреспондента «Правды», который был представлен ему во время баасистского парада. Он был крайне удивлен, что тот человек и я – одно и то же лицо.

Был я первым иностранцем, который встретился и с генералом Нимейри, возглавившим переворот в Судане в 1969 году. Я привез генеральному секретарю суданской компартии послание ЦК КПСС, в котором говорилось о поддержке Советским Союзом революционных изменений в этой стране. К сожалению, нашим оптимистическим прогнозам не суждено было сбыться – сыграли свою роль в том числе и ошибки суданской компартии. Но столкновения между Нимейри и коммунистами начались позже.

Я прибыл в столицу Судана, когда еще не была восстановлена телефонная связь. Я вынужден был передавать первую корреспонденцию из посольства шифротелеграммой. Конечно, это было нарушением всех канонов. Но это была первая информация о происходящем, да еще с изложением разговора с Нимейри. Позже узнал, что корреспонденция увидела свет, так как Суслов на предложенной ему моей телеграмме наложил резолюцию: «Опубликовать в “Правде”».

В общем, многое что есть вспомнить. Я продолжал выполнять ответственные миссии по заданию советского руководства, уже не находясь на журналистском поприще, а перейдя на работу в академические институты. Среди этих миссий – конфиденциальный визит в Оман для установления дипломатических отношений СССР с этим аравийским княжеством. Визит, который по нашей просьбе подготовил король Иордании Хусейн, оказался успешным.

Особое значение имели, очевидно, строго конфиденциальные встречи с израильскими руководителями – Голдой Меир, Моше Даяном, Шимоном Пересом, Ицхаком Рабином, Менахемом Бегинем – он единственный из всех говорил по-русски: провёл в ссылке у нас на севере около двух лет, написал об этом позже книгу, был освобожден, поступил на службу в польскую армию Андерса. Целью всех этих контактов, осуществленных с вельможей Садата, который после Насера стал президентом Египта, был зондаж возможности установления всеобщего мира с арабами.

С Ясиром Арафатом, Абу Айядом*, Абу Мазеном, Ясиром Абдраббо и другими палестинцами знаком, много беседовал, спорил, дружил с конца 1960-х – начала 1970-х годов. Степень дружеских отношений подчеркивает хотя бы то, что, совершая поездку в Багдад в 1990 году (их всего было три во время кризиса в зоне Персидского залива), я остановился в Аммане, где не только встретился с королем Хусейном, но и попросил прилететь туда из Туниса Ясира Арафата. Он прибыл в назначенное время со всем руководством Организации освобождения Палестины.

Сначала Арафат безоговорочно одобрял насильственное присоединение Кувейта к Ираку, говорил, что в поддержку Саддама выступят народные массы и в арабских странах создастся принципиально иная – революционная ситуация. Чувствовалось, что не все руководство, например, Абу Айяд, Абу Мазен и некоторые другие, придерживалось аналогичных взглядов. Но, по-видимому, окончательно охладили пыл Абу Аммара (так называли Я. Арафата его близкие) мои слова: «Помнишь, как мы сидели в маленькой комнате на твоей походной желез-

* Второй по значению лидер в ООП, руководивший военными операциями. За время многих встреч сложилось впечатление о нем как о человеке непростом, эволюционирующем в сторону реализма. Он был убит в Тунисе при неизвестных обстоятельствах в 1992 году.

ной кровати в Дамаске накануне “черного сентября”^{*} 1970 года? Нарастала напряженность в Иордании, в воздухе витала угроза боевых действий, ты тогда мне тоже говорил, что совершенно не опасешься, если события приведут к столкновению палестинцев в Иордании с королевской армией – офицеры в ней, де, палестинцы, да и в арабских народных массах начнутся революционные процессы, «как во Вьетнаме», а те арабские режимы, которые не поддержат ООП, будут под “народным огнем”. Что из этого получилось, хорошо известно».

После этих слов Арафат приказал подготовить свой самолет к вылету в Багдад и обещал, что проведет «нужную по тону» беседу с Саддамом Хусейном до моего приезда.

Я был знаком почти со всеми ливанскими руководителями – и мусульманскими, и христианскими, разведенными гражданской войной по разные стороны баррикад: с Шамуном, Пьером Жмайелем, их сыновьями, Джумблатом – отцом и сыном, Рашидом Караме и другими.

Вместе с И.П. Беляевым проговорили три часа с Анваром Садатом в декабре 1975 года в его загородной резиденции на Барраже. Получив международную премию имени Насера за книгу о выдающемся египетском руководителе, мы были приглашены для откровенного разговора и практически стали последними советскими людьми, с которыми Садат встречался. Не из-за характе-

^{*} Такое название получили события, начавшиеся с захвата заложников и насильственной посадки террористами четырех самолетов на амманский аэродром с угрозой взорвать их с пассажирами, а затем широкомасштабными вооруженными столкновениями иорданской армии с палестинскими боевиками. Стремление Сирии прийти на помощь палестинцам было пресечено угрозой вторжения в Иорданию израильской армии. В результате столкновений палестинские вооруженные отряды, равно как и штабы их политических организаций, были вынуждены покинуть территорию Иордании.

ра нашей дискуссии – напротив, она была весьма дружеской, – но Садат уже принял к этому времени решение повернуться спиной к Москве.

Три ночные продолжительные встречи (он обычно принимал гостей ночью) состоялись с саудовским королем Фахдом, который подарил мне свои четки, сопроводив это словами: «Я – хранитель двух главных мусульманских святынь, и смотри не передаривай эти четки никому». Я так и поступил. Король Фахд в 1991 году мне говорил, что любит смотреть по телевизору московскую программу «Время», которая, по его словам, правдиво освещает события на Ближнем Востоке, и спросил: «Нельзя ли организовать ежедневный перевод этой программы на арабский язык?»

В музей короля Фейсала я привез уникальную документальную киноплёнку. На ней был запечатлен приехавший в Москву в 1930 году Фейсал, тогда еще не король, а министр иностранных дел Саудовской Аравии, которого на железнодорожном вокзале встречал заместитель наркома иностранных дел Крестинский. За это меня благодарили сыновья покойного короля Фейсала, занимавшие в конце двадцатого столетия высшие посты в саудовском правительстве.

Я многократно встречался и всегда испытывал самые добрые чувства к иорданскому королю Хусейну. Можно считать, что обоюдная симпатия или – возьму на себя смелость сказать – дружеские отношения зародились, когда опоздал к нему на прием в 1970 году. Король встретил меня в цветастой рубашке с закатанными рукавами и засмеялся, когда я, объясняя причину опоздания, сказал: «Виноваты вы сами: Иордания – единственная арабская страна, где не проедешь на красный свет». О близости отношений свидетельствовал хотя бы такой факт: однажды я был у иорданского премьера, и Хусейн, узнав, что я у него, сам приехал на мотоцикле (он прекрасно водил и самолеты различных марок), а за ним

примчались взбешенные, безумно испуганные за своего по-настоящему любимого сюзерена черкесы из личной охраны.

С братом короля, Хасаном, я переписывался годами. В добрых отношениях был и с другим прямым наследником пророка Мухаммеда – марокканским королем Хасаном II, сыгравшим, особенно на «палестинском направлении», выдающуюся роль в попытках сблизить позиции сторон. К сожалению, обоих – и короля Хусейна, и короля Хасана II – уже нет в живых.

Откровенные и доверительные отношения установились у меня с президентом Египта Мубараком, начальником его канцелярии Усамой аль-Базом.

Да разве всех и все миссии перечислишь? Я рассказываю об этом гораздо подробнее в другой книге*.

Работа в «Правде» была для меня очень важным этапом в моей жизни еще и потому, что в этот период я встретился и сблизился с людьми, которые внесли большой вклад в процесс реформирования нашего общества.

* *Примаков Е.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (Вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Российская газета, 2006.

Глава II

ВНЕСИСТЕМНЫЕ ДИССИДЕНТЫ

Если стремление происходит из источника чистого, оно все-таки, и не удавшись вполне, не достигнув цели, может принести пользу великую.

Иван Тургенев

I. Трудное избавление от догм

У нас и за рубежом много писали и до сих пор пишут о диссидентах, раскачавших советскую систему. Их имена хорошо известны. Это и Андрей Сахаров, и Александр Солженицын, и Мстислав Ростропович, и другие. Но они никогда не были частью системы. Они критиковали ее, боролись с ней, требовали ее ликвидации, – но все это «извне», даже в то время, когда некоторые из них еще жили в СССР, до своего вынужденного выезда из страны.

Хотя их мало упоминают, однако были и внутри системы люди (в том числе занимавшие далеко не низкие официальные посты), сотрудники научных учреждений, газет и журналов, которые выступали не только против преступной практики массовых репрессий, но и против господствовавших идеологических догм, нелепых, ана-

хроничных представлений в области официальных теоретических постулатов. Мне повезло, так как жизнь свела со многими из таких людей, с некоторыми даже сдружилась, а во «внутрисистемных диссидентских» учреждениях привелось работать много лет.

После XX съезда КПСС упор «внутрисистемные диссиденты» сделали на то, что Сталин извратил учение Ленина, создал нечто, противоречащее его идеалам, мыслям и установкам. Это выразилось и в массовых репрессиях, унесших миллионы жизней ни в чем не повинных людей, в варварских методах коллективизации, погубившей крестьянство. Но этим критика Сталина не ограничилась. Постепенно она начала распространяться на вопросы партийно-государственного строительства.

Еще в начале 1960-х годов, то есть задолго до перестройки, главный редактор газеты «Правда» академик Алексей Матвеевич Румянцев написал ко Дню печати, который отмечался в СССР 5 мая, статью о необходимости возвратиться к ленинским принципам: по его словам, при временном отказе от фракционности в партии возник дискуссионный «вакуум», и Ленин предполагал, а также предлагал заполнить его своеобразным двоецентрием – партийным комитетом и партийными газетами и журналами. В таких условиях партийная пресса призвана была критиковать не только нижестоящие организации, но и тот партийный комитет, печатным органом которого являлась. Поскольку «Правда» являлась органом ЦК КПСС, то газета правомочна критиковать и ЦК партии, и Политбюро, утверждал Румянцев. По тем временам это была ересь. Чем это могло обернуться – теперь известно.

К А.М. Румянцеву приехал заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК и от имени Суслова, руководившего в ту пору всем идеологическим направлением работы партии, предложил исключить из статьи самую ее сердцевину. Румянцев наотрез отказался и вообще

снял статью, – я дежурил в типографии, и мы поспешно забивали образовавшуюся дыру на полосе другими материалами.

Румянцев был вовсе не рядовой партиец, поэтому он смог противостоять всемогущему Суслову.

Постепенно стало крепнуть второе направление объективного идеологического расшатывания существовавших порядков. Оно не только касалось «отступничества Сталина», а в той или иной форме признавало несоответствие реальности догматических постулатов марксизма-ленинизма.

Опять обращаюсь к примеру Румянцева, которому принадлежали две «двухподвальные» статьи об интеллигенции, наделавшие много шума в стране, так как он, отказавшись от схемы, отводившей центральное место в обществе пролетариату, показал истинную роль интеллигенции. Как было принято, гранки статей такого рода рассылались членам Политбюро, замечания которых надлежало учитывать. На статьи Румянцева комментарии поступили от одного из помощников генерального секретаря, на что Алексей Матвеевич отреагировал запиской в ЦК, в которой заявил, что, будучи членом выборного органа, не намерен получать замечания от партийных чиновников. Статьи были опубликованы, но ему этого не простили – через некоторое время Румянцев оказался в Академии наук, а в «Правду» пришел другой главный редактор.

Когда он уже был в Академии наук – а мы с ним жили в одном доме и по вечерам нередко гуляли вместе, – я много часов проговорил с этим честнейшим, прямолинейным, но несколько «зашоренным» человеком, которого уважал и любил.

Румянцев стал «внутрисистемным диссидентом», будучи шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге, организованного ЦК КПСС, но при

членстве в редколлегии представителей целого ряда компартий. Этот журнал превратился в своеобразный партийный «центр инакомыслия». В журнале работала плеяда людей, которые в 1970–1980-х годах заняли ведущие позиции в международном отделе и в отделе стран ЦК КПСС. Их активная деятельность постепенно, хоть и не последовательно – иначе в то время и быть не могло, – помогала приближать партию к реальному пониманию действительной, а не «марксистско-книжной» обстановки в мире.

Характерно, что в этом направлении эволюционировал и секретарь ЦК Юрий Владимирович Андропов. После своего перевода с поста посла СССР в Венгрии он окружил себя одаренными людьми, в основном выходцами из журнала «Проблемы мира и социализма», составив из них группу консультантов. Один из консультантов – Н.В. Шишлин – рассказывал мне, что сначала Андропов часто раздражался, а потом практически уже не мог обходиться без откровенных и достаточно острых «внутренних» дискуссий. С Андроповым работала в то время группа таких партийных интеллектуалов, как Г.А. Арбатов, Ф.М. Бурлацкий, А.Е. Бовин, Н.В. Шишлин и другие.

Второй мой приход в ИМЭМО состоялся после того, как, будучи корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке, я «умудрился» защитить докторскую диссертацию, тоже по экономике. Но защите предшествовали бурные события, которые чуть ли не выбили меня из седла.

После Шестидневной войны³, закончившейся полным военным разгромом Египта, мы вместе с приехавшим ко мне в Каир членом редколлегии «Правды» Игорем Беляевым опубликовали несколько статей в журнале «За рубежом», в которых осмелились сказать, что страну к этому поражению привела египетская военная буржуазия. Такая констатация выбивалась из русла антиимпериали-

стического накала официальной советской пропаганды. Тот же Ульяновский, который, как я писал, сыграл весьма положительную роль в моей жизни, подтолкнув к защите кандидатской диссертации, на этот раз готов был сбить с ног и меня, и Беляева. К этому времени он уже стал заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС. Человек этот не уставал поражать. Семнадцать лет он как «враг народа» находился в тюрьме и ссылке. Работавшие с ним до его ареста ученые вспоминали, как он в 1930-х годах громил троцкистов, бухаринцев – арестовывали и таких. Но главное, что вернулся Ульяновский, сохранив весь свой догматический багаж, накопленный до того времени, когда был арестован. Прочитав наши статьи, он написал записку в секретариат ЦК с требованием строжайше наказать «отступников» от марксизма-ленинизма и партийной линии.

Статьи показали Насеру, а тот в беседе с послом СССР подчеркнул, что они отражают египетскую реальность. Посол сообщил об этом в Москву. Тучи над нашими головами рассеялись.

Приехав в отпуск в Москву, мы с Беляевым рассказали о положении дел в Египте группе, состоящей из вице-президента Академии наук П.Н. Федосеева, А.М. Румянцева, Н.Н. Иноземцева и других, которые готовили материалы к очередному пленуму ЦК. Нас настойчиво уговаривали защитить докторские диссертации на тему о внутренних противоречиях в Египте.

Перед защитой я получил предложение от Иноземцева, в то время уже назначенного директором ИМЭМО, перейти на работу к нему первым заместителем. Аналогичное предложение мне сделал Г. Арбатов – директор нового, отпочковавшегося от ИМЭМО Института США и Канады. После защиты (Беляев защитился несколько позже) я поступил на работу в ИМЭМО.

В то время и Иноземцев, и Арбатов тесно сотрудничали с генеральным секретарем ЦК Л.И. Брежневым, уча-

ствовали в подготовке материалов пленумов, съездов партии, выступлений Брежнева. Между составителями этих материалов не было единства. «Прогрессистам», отстаивавшим необходимость отойти хотя бы от самых очевидных нежизненных догм, приблизиться к реальному пониманию действительности и внутри страны, и за ее пределами, противостояла сильная группа. Характерно, что и те и другие выходили на различных людей в высшем руководстве партии и сближались с ними. Тогда уже Иноземцев, например, с воодушевлением рассказывал мне, как отреагировал М.С. Горбачев – в то время один из секретарей ЦК – на замечания некоторых членов Политбюро, потребовавших исключить из готовившейся речи генерального секретаря ссылку на необходимость дать большую хозяйственную самостоятельность колхозам.

– «Если это не пройдет, – с восторгом пересказал Иноземцев слова Горбачева, – тогда народ сам все равно решит эту задачу».

Я понимал, что дискуссии в рабочих группах идут нешуточные и что они дают определенный простор для новых идей. Но Брежнев, который, по словам Иноземцева, был настроен на серьезную реформаторскую деятельность в партии и в обществе, изменился после 1968 года – так его испугала Пражская весна⁴. А потом к этому прибавились недомогание и старческий склероз.

ИМЭМО был центром выработки новых идей, новых подходов, нового отношения к процессам, происходящим в мире. Да и занимал он особое место среди других академических институтов гуманитарного профиля по своей близости к практике, к структурам, вырабатывавшим политическую линию.

По-настоящему ИМЭМО расцвел в те годы, когда директором стал академик Николай Николаевич Иноземцев. Нас связывали, помимо служебных, дружеские и, что особенно важно, доверительные отношения. Это был

несомненно выдающийся человек – образованный, интеллигентный, смелый, прошел всю войну офицером-артиллеристом, получив целый ряд боевых наград, и в то же время легкоранимый, главным образом тогда, когда приходилось решительно отбивать атаки своих личных противников, а таких было немало – злобных, завистливых.

Сегодня, с расстояния пройденных лет, трудно даже представить себе, какие идеи приходилось нам доказывать, пробивать через сопротивление ретроградов. Ну хотя бы такой курьезный случай из практики 1970-х годов. ИМЭМО всерьез занимался долгосрочными прогнозами развития мировой экономики. Различные сценарии публиковались в нашем журнале. Один из его читателей – отставной генерал НКВД – пожаловался в ЦК на то, что во всех этих сценариях, содержащих прогнозы до 2000 года, фигурирует «еще не отправленный на историческую свалку» капиталистический мир. Нас обвинили в ревизионизме, и пришлось по этому поводу писать объяснительную записку в отдел науки ЦК.

А сколько сил ушло, например, на то, чтобы доказать не совпадавшее с выводами Сталина положение о существовании целого ряда одинаковых закономерностей в отношении производства, независимо от того, где оно развивается – в социалистическом или капиталистическом обществе. А ведь противники этого совершенно очевидного положения практически захлопывали дверь перед опытом западных стран, который можно было бы использовать в СССР.

Этот полезный для нас опыт становился содержанием записок, направляемых руководству страны. Щедро снабжал ими ИМЭМО и рабочие группы при Брежневле, а во времена Горбачева прорывался с такими записками на самый верх. Но часто это происходило поистине в карикатурных формах. Уже в годы перестройки Н.И. Рыжков, тогдашний председатель Совета министров, понимая важ-

ность преобразования подшипниковой промышленности для развития отечественного машиностроения, собрал у себя широкое совещание производителей и ученых. Мы в ИМЭМО серьезно подготовились к этой встрече, изучив опыт Швеции, ФРГ. На совещании в Кремле предложили схему объединения нескольких десятков хромающих на обе ноги подшипниковых заводов в четырех научно-производственных структурах. В ту пору речь могла идти лишь о преобразованиях в рамках государственной собственности. Но, к удивлению многих присутствовавших, мы разъяснили, что все четыре объединения будут выпускать однотипную продукцию – так мы обеспечим конкуренцию. Тогда взял слово министр автомобильного транспорта и, обращаясь к председателю Совмина, сказал: «Я обещаю прорыв в подшипниковой области другим путем – мне нужен еще один заместитель министра».

Будучи умным человеком, Николай Иванович прервал заседание, сказав министру: «Вы явно не готовы к обсуждению». Но в Кремль по этому вопросу нас больше не вызывали...

Помню, как еще во времена Брежнева Иноземцев пригласил меня к себе домой поужинать. Он был явно взволнован. Сказал, что ему, тогда кандидату в члены ЦК КПСС, впервые предложили выступить на пленуме Центрального комитета. С трибуны пленума Иноземцев, говоря не по бумажке, что тогда считалось чуть ли не кощунством (ведь это речь на пленуме!), возразил против монополии на внешнюю торговлю даже не государства, а, как он справедливо сказал, Министерства внешней торговли СССР. Второй темой была необходимость целенаправленной работы для обеспечения наилучших результатов на прорывных направлениях научно-технического прогресса. Все бы ничего, но академик Иноземцев привел в этом отношении в пример капиталистическую Японию. Николай Николаевич был очень удручен,

когда ему передали реплику одного из руководителей по поводу этого выступления: «Вы разве не видите, он нас пытается поучать!» А бессменный помощник нескольких генеральных секретарей, остроумный, едкий А.М. Александров-Агентов сказал Иноземцеву: «После вашего выступления стало ясно, что мы стоим перед дилеммой: либо нужно выводить из ЦК интеллигентов, либо делать ЦК интеллигентным».

Много шишек набил себе ИМЭМО, доказывая изменившийся характер капитализма. В штыки встречались догматиками, а они верховодили, во всяком случае, в отделах науки и пропаганды ЦК КПСС, такие бесспорные положения, выдвигаемые сотрудниками ИМЭМО и некоторых других институтов, как способность современного капитализма добиваться серьезных успехов в экономическом регулировании на макро- и микроуровнях.

Это кажется ныне забавным, но ИМЭМО не без причины считал тогда одним из своих несомненных достижений то, что впервые было заявлено во всеуслышание о необратимости и объективном характере экономической интеграции в Западной Европе.

А опровержение ИМЭМО постулата о неизбежности абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме! Ведь из этого постулата выводится постулат о неизбежности революции, свергнувшей капиталистический строй.

Пожалуй, самым главным препятствием, мешавшим реальному представлению об окружающей нас действительности, было отрицание конвергенции, то есть взаимовлияния двух систем – социалистической и капиталистической. Между тем в ряде работ ИМЭМО, например, отстаивался тезис о совместимости социализма с рынком, рыночными отношениями. Сама жизнь подталкивала к этому выводу.

Были и живые примеры, подтверждающие конвергенцию. В середине 1970-х годов я познакомился с В.В. Ле-

онтьевым – одним из крупнейших американских экономистов, получившим всемирное признание за разработку и внедрение в экономическую практику США линейного программирования. Леонтьев в 1920-х годах работал в Госплане, в Москве. Будучи направленным в торгпредство в Берлин, стал «невозвращенцем», а затем переселился в Соединенные Штаты, где разработал свою теорию, в которой, в частности, смело и умно применил некоторые госплановские навыки и идеи.

В 1970-х он был гостем ИМЭМО, и Иноземцев пригласил его поужинать к себе домой. Незадолго до этого Ник Ник (так за глаза его многие называли в институте) въехал в шикарную квартиру – построили дом для членов Политбюро, но те в последний момент не захотели жить все вместе и отдали этот «нестандартный» дом Академии наук, которая распределила квартиры среди ученых. Леонтьев обошел все многочисленные «закоулки» – зимний сад, библиотеку, гардеробную, сервировочную комнату, холлы – и, прищурив глаз, спросил: «Николай Николаевич, вот смотрю и думаю: а может, мне и не стоило уезжать?»

Трудно было рассчитывать на то, что «старая гвардия» потеснится и уступит место тем, кто шел изнутри к обновлению системы. Противники ИМЭМО начали атаку на Иноземцева. Это было уже после того, как в 1977 году я стал директором Института востоковедения – тоже важного академического исследовательского центра, сопоставимого по размерам с ИМЭМО, но меньше связанного с выработкой политики и с хозяйственной практикой в СССР. Но, совершенно естественно, я, сохранив все связи с ИМЭМО, переживал за своих товарищей. Провокаторы пытались воспользоваться тем, что два молодых сотрудника этого института были арестованы по обвинению ни больше ни меньше как в сотрудничестве с западной разведкой (позже обвинение не подтвердилось и они были с извинениями освобождены), затем после-

довали доносы на самого Иноземцева, «создавшего такой климат в институте». В кампании против ИМЭМО активно участвовал член Политбюро и секретарь Московского комитета партии Гришин, а также отдел науки ЦК. Подробности мне рассказал Ник Ник, которого я посетил в больнице на Мичуринском проспекте – у него резко ухудшилось здоровье.

Узнав от Арбатова и Бовина о происходившем с Иноземцевым, Брежнев позвонил Гришину, и тот, будучи председателем специально созданной «по делу ИМЭМО» комиссии, не на шутку перепугавшись, на вопрос, что там делается с Иноземцевым и его институтом, ответил: «Ничего об этом не знаю, Леонид Ильич, разберусь незамедлительно». Это означало конец открытой атаки. Противники нового затаились... А Н.Н. Иноземцев в 1982 году скончался от сердечного приступа. После него три года директором ИМЭМО был А.Н. Яковлев.

Нельзя не сказать и о том, что в самые застойные годы настоящим «островом свободомыслия» была Академия наук СССР. Парадокс заключался в том, что преобладающая часть ученых-естественников, а они задавали тон в академии, была так или иначе, прямо или косвенно связана с «оборонкой». Казалось бы, эта среда меньше всего подходила для политического протеста, больше всего должна была бы способствовать подчинению диктуемой сверху дисциплине. А получилось совсем не так. Я был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1974 году, а в 1979-м – академиком. Естественно, посещал все общие собрания, и на моих глазах часто разворачивались события, далеко не характерные для тех времен. Помню, как все руководство чуть ли не на ушах стояло, чтобы провести в академики заведующего отделом науки ЦК Трапезникова – одного из близких к Брежневу людей. На общем собрании академии его «прокатили».

Срабатывал синдром негативного отношения ученых к партийным и советским функционерам. Еще в члены-

корреспонденты могли кое-кого пропустить, но в академии, как правило, нет. Вспоминаю общее собрание, на котором голосовалась в действительные члены АН СССР кандидатура члена-корреспондента, министра высшего образования Елютина. Известный физик академик Леонтович задал вопрос: «Что сделал Елютин за тот период, который его отделяет от членкорства, то есть за четыре года?» В ответ был приведен перечень работ, написанных претендентом и самостоятельно, и в соавторстве, и научным коллективом под его руководством. После этого академик Леонтович вышел на трибуну и сказал: «Если Елютин так много успел сделать по научной части, то, следовательно, он плохо работал министром – у него попросту на это не могло хватить времени. Или наоборот». В результате опять при тайном голосовании «прокатили».

Были и другие причины отказа в избрании. Помню, как при обсуждении кандидатуры одного почтенного и достаточно известного юриста взял слово академик Глушко, один из крупнейших конструкторов-ракетчиков, и зачитал несколько выдержек из работ претендента, где тот высказывался в пользу так называемой презумпции виновности, то есть достаточности самопризнания для обвинения. Академик Глушко спросил, где работал соискатель в 1937 году. Последовавший ответ – в Центральной прокуратуре – был достаточным. Проявилась неприязнь, а у кого и ненависть к тем, кто так или иначе ассоциировался с массовыми репрессиями, которые не обошли и очень многих ученых, конструкторов, увешанных теперь орденами, тех, кто сидел в зале и голосовал.

Характерна и эпопея с А.Д. Сахаровым. Несмотря на то что некоторые коллеги подписались под осуждающим его письмом в «Правду», при всем давлении сверху ни разу даже не пытались поставить вопрос об исключении Сахарова из академии. Не было никаких сомнений, что

тайное голосование по этому вопросу с треском бы провалилось.

Президент академии М.В. Келдыш сказал нам, нескольким членам академии, которых он пригласил для составления ответа американским ученым, выразившим протест против гонений на Сахарова: «Вы, пожалуйста, не переусердствуйте. Сахаров – крупнейший ученый и сделал очень много для страны». Академик Келдыш, а он мог себе это позволить, возмущенно говорил о том, что с Сахаровым высшие руководители партии и государства вообще не встречались.

Когда уже при Горбачеве Сахаров вернулся в Москву из своего вынужденного пребывания в Нижнем Новгороде (тогда город Горький), все в академии вздохнули с глубоким облегчением.

II. Международные отношения: Что за кадром

Мы понимали, что следует отходить от догматических представлений и во внешнеполитической, и военно-политической областях.

В этой связи наиболее актуальной стала теоретическая проблема трактовки мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем. Традиционно оно рассматривалось как передышка в отношениях между социализмом и капитализмом на международной арене. С появлением у двух сторон ракетно-ядерного вооружения, способного уничтожить не только две сверхдержавы, но и большую часть населения планеты, стали относить мирное сосуществование между двумя системами к категории более или менее постоянной. Но

при этом не забывали добавлять, что это отнюдь не приглушает идеологическую борьбу.

Такое видение состояния отношений с Западом, умноженное на стремление достаточно сильных и авторитетных кругов в США и некоторых других западных странах расправиться с Советским Союзом*, порождало перманентную нестабильность, неустойчивость на мировой арене. Создавался замкнутый круг, в котором раскручивалась гонка вооружений.

В это время в ИМЭМО и некоторых других научных центрах, отпочковавшихся от этого института, – особенно в Институте США и Канады, директором которого был академик Г.А. Арбатов, и в Институте Европы, возглавляемом академиком В.В. Журкиным, – началась разработка новых внешнеполитических подходов с целью переломить тенденции, ведущие к термоядерной войне. Вывод был сделан однозначный: нужно обеспечить надежную оборону, но не в ущерб гражданскому производству, развитию социальной сферы. Так появился термин «разумная достаточность».

Дело в том, что мы не просто наращивали свои вооружения, мы отвечали США «зеркально». Между тем игнорирование принципа «достаточности» с учетом возможности нанесения «неприемлемого ущерба» потенциальному агрессору стоило нам очень дорого. Экономика СССР не выдерживала гонки вооружений по принятым нами правилам.

* Характерны воспоминания, относящиеся к 1946 году, личного врача У. Черчилля лорда Морана, который процитировал своего пациента в разговоре с ним, как говорится, с глазу на глаз. «Нам не следует ждать, пока Россия будет готова, – сказал бывший британский премьер. – Я полагаю, пройдет восемь лет, прежде чем она получит эти бомбы. Америка знает, что 52 процента машинной продукции России находится в Москве и могут быть уничтожены одной бомбой. Это, возможно, будет означать гибель трех миллионов человек, но для них (американцев) это ничего не значит (он улыбнулся). Они скорее будут озабочены уничтожением исторических зданий вроде Кремля».

В ИМЭМО и ряде других институтов Академии наук очень серьезно анализировали деятельность Организации Объединенных Наций, которая, по нашему мнению, должна была сыграть исключительно важную роль в установлении нового миропорядка. Основной фигурой в этих исследованиях был мой друг профессор Г.И. Морозов. Он прожил сложную жизнь, на которую тяжелым отпечатком легла его женитьба на дочери Сталина Светлане. Брак закончился трагически: Сталин развел этих любивших в то время друг друга людей, отец Морозова был арестован, Григория Иосифовича лишили возможности видеться с сыном, он зарабатывал на жизнь, пописывая статьи под чужими именами.

Когда Светлана эмигрировала, а затем с дочкой, родившейся в США, вернулась в Москву, Григорий Иосифович сделал все что мог, чтобы помочь им войти в нашу жизнь, обустроиться. Возможно, Светлана рассчитывала на восстановление с ним прежних отношений, но они стали к тому времени совсем разными людьми...

В 1970-х и первой половине 1980-х годов, когда у нас были лишь эпизодические контакты с США и другими западными странами по правительственной линии (разве сравнить с сегодняшними периодическими встречами на высшем и высоком уровнях, постоянными телефонными разговорами лидеров, заседаниями министров, регулярными обсуждениями на межправительственных комиссиях), особое значение приобрели дискуссии по самым злободневным внешнеполитическим вопросам, так сказать, на организованно-общественном уровне. Если по линии ранее созданного Советского комитета защиты мира (я был заместителем его председателя) мы пытались разъяснить нашу политику, приобрести друзей и единомышленников за рубежом, апеллируя, как правило, к деятелям науки, культуры, к интеллигенции, то теперь стали возникать и другие каналы. По ним начала осуществляться уже не пропаганда, а зондаж возможности

договориться по животрепещущим проблемам. Я, например, принимал непосредственное участие в закрытых обсуждениях, которые проводил ИМЭМО со Стратегическим центром крупнейшего в США Стенфордского научно-исследовательского института (SRI). Темой было сопоставление методик подсчетов военных бюджетов двух стран. Это подводило к началу пути сокращения вооружений.

Особенно большую роль в этом сыграли два движения, в которых я принимал непосредственное участие, – Пагуошское*, имевшее международный характер, и советско-американские Дартмутские встречи⁵. Первое объединяло ученых различных стран, в том числе политологов. В недрах Пагуошского движения формировались общие идеи о смертельной опасности для всего человечества использования ядерного оружия. Участники этого движения, например, провели расчеты, осуществили моделирование, доказав, что в случае ядерной войны во всем мире наступит «ядерная зима» – резкое понижение температуры, при котором нет шансов на сохранение не только людей, но и всего живого на земле. Немало сделали участники этого движения для того, чтобы запретить ядерные испытания в атмосфере, приблизиться к мораторию на испытания ядерного оружия во всех сферах.

Что касается Дартмутских встреч, то они проводились регулярно практически для того, чтобы обговаривать и сближать подходы двух супердержав по вопросам сокращения вооружений, поисков выхода из различных международных конфликтов, создания условий для экономического сотрудничества. Особую роль в организации таких встреч с нашей стороны играли два института – ИМЭМО и ИСКАН. У американцев – группа политологов,

* Создано в 1955 году. Среди инициаторов Эйнштейн, Жолио Кюри, Рассел.

в основном отставных чиновников из госдепартамента, Пентагона, администрации, ЦРУ, действующих банкиров, бизнесменов. Долгое время возглавлял эту американскую группу Дэвид Рокфеллер, с которым у меня сложились очень теплые отношения. Мы с моим партнером Г. Сондерсом – бывшим заместителем госсекретаря США – были сопредседателями рабочей группы по конфликтным ситуациям. Нужно сказать, что мы значительно продвинулись в выработке согласованных мер нормализации обстановки на Ближнем Востоке. Естественно, что все разработки обе стороны докладывали на самый верх.

Встречи происходили и у нас, и в Штатах. Складывалась столь необходимая и непросто достигаемая по тем временам человеческая общность. Так, во время проведения очередной встречи в Тбилиси в 1975 году родилась идея пригласить американцев в грузинскую семью. Я предложил пойти на ужин к тете моей жены Надежде Харадзе. Профессор консерватории, в прошлом примадонна Тбилисского оперного театра, она жила, как все настоящие грузинские интеллигенты, довольно скромно, поэтому одолжила у соседней сервиз. В результате весь дом, конечно, знал, что к ней приедет «сам Рокфеллер». Среди гостей были и сенатор Скотт с супругой, и бывший представитель США в ООН Йост, и главный редактор журнала «Тайм» Донован. Спросили разрешения у Шеварднадзе, который был тогда первым секретарем ЦК компартии Грузии, – в те времена это был далеко не жест вежливости, – и получили его согласие.

Квартира Надежды Харадзе находилась на четвертом этаже, лифта в доме не было, стены подъезда городские власти не успели к нашему приезду побелить и нашли «оригинальный» выход, вывернув электрические лампы. Мы поднимались во тьме, но подсвет был на каждом этаже – совсем как в итальянских кинокартинах нас ждали одинаковые сцены: открывались двери каждой

квартиры и молча нас рассматривало все ее население от мала до велика.

Вечер удался. Прекрасный грузинский стол, пели русские, грузинские и американские песни. Д. Рокфеллер отложил вылет своего самолета и ушел вместе со всеми в три часа утра. Впоследствии он мне много раз говорил, что тот чудесный вечер запомнился ему надолго, хотя вначале явно недооценил искренность хозяев и, может быть, даже считал все очередной «потемкинской деревней». Ведь подошел к портрету Хемингуэя, висевшему на стене над школьным столиком моего племянника, и, отодвинув портрет, убедился, что стена под ним не выцвела, – значит, не повесили к его приходу.

В Тбилиси Рокфеллер вообще пользовался особой популярностью. Тэд Кеннеди, который одновременно с нашей группой был в столице Грузии, жаловался, что стоило ему появиться на улице, как все вокруг кричали: «привет Рокфеллеру».

Дэвид Рокфеллер многое сделал для развития отношений между нашими странами. Этот незаурядный и обаятельный человек пригласил нашу группу, в том числе меня с женой, во время одной из поездок в США в свой родовой дом. Непринужденная, теплая обстановка способствовала достижению договоренностей по самым сложным международным вопросам. И в этом отношении удалось немало. Была создана своеобразная «лаборатория» для анализа целого ряда проблем, часть из которых в дальнейшем нашла решение на официальном уровне.

Большой смысл приобрели встречи (с нашей стороны организатор – ИМЭМО) с японским Советом по вопросам безопасности («Ампокэн»). В первой половине 1970-х годов по предложению инициатора таких встреч И. Суэцугу мы с Журкиным посетили Токио и договорились о периодичности визитов, составе группы и содержании диалога. Помимо Суэцугу, в нем участвовали с

японской стороны профессора Иноки, Саэки и многие другие, пользовавшиеся большим авторитетом в стране, но, может быть, что важнее – влиятельные фигуры, как и весь «ампокэн» в целом, в правящей либерально-демократической партии.

Вначале такие ежегодные «круглые столы» напоминали скорее разговор глухих. Каждая сторона признавала важность развития отношений между СССР и Японией. Однако наши японские коллеги не переставая твердили, что это невозможно без решения вопроса о «северных территориях», а мы с не меньшим упорством отвечали, что такой проблемы не существует.

Но постепенно лед таял. С каждой встречей все более росло уважение друг к другу Я, например, никогда не забуду того, как Суэцугу, узнав, что я потерял – это было в 1981 году – сына, всю ночь каллиграфически выводил иероглифы древнеяпонского изречения и подарил мне эту запись, смысл которой заключался в необходимости смиренно переносить все невзгоды, думая о Вечном. Конечно, японская мудрость не помогла приглушить страшную боль, вызванную неожиданной смертью двадцатисемилетнего сына от сердечного приступа во время первомайской демонстрации в Москве, но я высоко ценю по сегодняшний день порыв души японского коллеги, который, к сожалению, скончался в 2001 году.

Мне представляется, что именно наши встречи заложили основу продвижения в отношениях между двумя странами. Ведь дело не ограничивалось академическими по своему характеру презентациями их участников. Суэцугу делал все, чтобы вывести меня и других на самых крупных политических руководителей Японии. Одним из них был бывший премьер-министр Накасонэ. Встреча с ним – она была первой, но далеко не последней – происходила в старинном японском ресторане.

– Господин премьер, – сказал я, – давайте будем реалистами. Настрой вашего общественного мнения не по-

зволяет вам отказаться от цели обрести суверенитет над островами. Не можем и мы отказаться от своего суверенитета над ними – никто в нашей стране этого тоже не поймет. Что делать в таких условиях? Мы стоим перед дилеммой: или заморозить связи между двумя странами на долгий, долгий период, что противоречит и нашим и вашим интересам, или отойти от крайностей. Мы – от непризнания территориальной проблемы (как же нет проблемы, если вы претендуете на острова, а мы не принимаем ваших претензий?), а японцы – от требования передачи островов в качестве обязательного условия развития двусторонних связей. Давайте начнем шаг за шагом взаимодействовать, особенно в экономической области. Это постепенно укрепит доверие и создаст основу для решения самых трудных вопросов.

К немалому удивлению, Накасонэ с такой логикой сразу согласился. Позже он разделил и вынашиваемую нами идею совместной хозяйственной деятельности на островах.

Переводил наши беседы и переговоры с японцами по линии «ампокэн» прекрасный специалист, свободно владеющий русским, японским и корейским, Рю Хаку, или, как мы его называли, Юрий Михайлович. Я был дружен с ним. По его просьбе взял его с собой из ИМЭМО в Институт востоковедения. Рю Хаку прожил удивительную жизнь. Был солдатом в японской армии. Попал к нам в плен. Остался в Советском Союзе. Женился на русской. Защитил диссертацию. Во время одной из первых поездок в Японию он обратился ко мне с просьбой разрешить ему позвонить в Южную Корею и поговорить с матерью, которая уже тридцать лет не знала, что он живой. Представляю счастье матери, услышавшей голос сына, которого считала давно погибшим. Об этом телефонном разговоре, естественно, мы в Москве не распространялись – была середина 1970-х.

Потеряв жену, Рю уехал в Сеул, где снова женился, и опять на русской, преподававшей «по обмену» язык в местном университете. Уже в 1990-х он переводил мою беседу с южнокорейским президентом, став гражданином Южной Кореи. Но навсегда остался нашим другом. К сожалению, и он уже ушел из жизни.

Все большему сближению ИМЭМО с практической деятельностью способствовало то, что мы начали развивать абсолютно новое направление исследовательской работы с прямым выходом на политику – ситуационные анализы. Мне довелось возглавить разработку методики «мозговой атаки» и руководить большинством из таких обсуждений. Назову лишь несколько результатов: мы спрогнозировали за четыре месяца бомбардировки американской авиацией Камбоджи во время вьетнамской войны; после смерти Насера – поворот Садата в сторону Запада и его отход от тесных отношений с СССР; наконец, после победы исламской революции в Иране – неизбежность войны между Ираком и этой страной, она началась через десять месяцев после проведения ситуационного анализа. Этот список можно было продолжить. Не последнее место в нем заняли сбывшиеся прогнозы по поводу экономических результатов энергетического кризиса, начало которому положил последовавший за войной в 1973 году на Ближнем Востоке резкий подъем цен на нефть.

За разработку методики ситуационных анализов группа ученых, которую я возглавлял, получила в 1980 году Государственную премию СССР. Мы прошли вместе с оборонщиками по закрытому списку. Когда каждому из нас торжественно вручали значки лауреатов и дипломы, мы удивились тому, что в зале было не меньше награжденных, чем тех, которые становились лауреатами по открытому списку. Вручавшие награды – секретарь ЦК, заместитель председателя Совмина и заведующий обо-

ронным отделом ЦК – отреагировали без тени юмора на мой вопрос, следует ли значок лауреата носить с обратной стороны лацкана пиджака. «Вы можете носить его открыто», – последовал ответ.

В 1985 году, после перехода А.Н. Яковлева на работу руководителем отдела пропаганды ЦК КПСС, директором ИМЭМО по его предложению назначили меня. М.С. Горбачев, ставший к этому времени генеральным секретарем Центрального комитета партии, сначала не соглашался. Меня знал лишь понаслышке. Однако главная причина его колебаний, очевидно, заключалась в том, что он уже пообещал одному из своих коллег по Политбюро назначить директором ИМЭМО его сына. В конце концов все-таки назначили меня.

Пост директора ИМЭМО создавал определенные возможности для участия в выработке политики государства, но в тот период я не входил в группу, возглавляемую Яковлевым, которая по заданию Горбачева на даче в Лидзаве (Абхазия) в 1987 году разрабатывала теорию «нового политического мышления». Многие положения этой теории прокладывали путь к реальному осмыслению международной действительности: идея о единстве мира, разделенного на две противоположные системы; проблема выживания общечеловеческой цивилизации (наконец-то признали ее существование); на передний план выдвигались политические методы обеспечения безопасности (естественно, при сохранении высокого уровня обороноспособности страны). Такой вывод подтолкнул к идее сохранения паритета.

Мы впервые начали соизмерять свои внешнеполитические инициативы с общественным мнением на Западе – не отдельной его части, близкой нам по идеологическим убеждениям, а с доминирующими в нем представлениями, в том числе и нелицеприятными для нас.

Известно, что с 1979 года не было советско-американских встреч в верхах, а М.С. Горбачев встречался с

президентом Р. Рейганом пять раз. Мне довелось в составе группы экспертов быть очевидцем этих встреч в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне и в Москве. Видел, можно сказать, с близкого расстояния, как трудно начинался диалог и каких усилий стоило отвести мир от опаснейшей черты.

В Женеву президент Рейган приехал с намерением сначала добиться доверия через решение проблем защиты прав человека, урегулирование региональных конфликтов и лишь затем приступить к сокращению вооружений. В конце концов после острой полемики согласились с тем, чтобы идти по всем направлениям одновременно. Но это, по сути, были лишь наброски на будущее.

В Женеве, к огромному сожалению, американцами не были оценены «домашние заготовки» советской делегации. Горбачев пытался открыть дверь для нового направления взаимоотношений, заявив о ряде принципиально иных подходов. Во-первых, мы отказывались от формулы, которой пользовались в прошлом: «или все, или ничего». Иными словами, мы впервые начали учитывать существующее на Западе убеждение, что без сохранения определенного количества ядерных боеголовок у Советского Союза и Соединенных Штатов не обойтись в обозримом будущем – принимая во внимание и недоверие между СССР и США, и отсутствие гарантии нераспространения ядерного оружия. Бывший министр обороны США Р. Макнамара, которого я знал лично и очень высоко ценил не только как профессионала, но и как человека, назвал количество таких «гарантирующих» боеголовок – 400, то есть на порядок меньше имевшихся на вооружении каждой из двух стран.

Во-вторых, была определена наша новая позиция в отношении проблем контроля. Раньше мы соглашались на контроль за процессом сокращения вооружений только с помощью национальных средств. Изменение позиции по этому вопросу, очевидно, проговаривалось Горбаче-

вым предварительно только с очень небольшим числом людей из его непосредственного окружения, а возможно, и вообще не проговаривалось. Помню, как экспертов в Женеве неожиданно пригласили в «защищенный» кабинет*, где помимо Горбачева присутствовали Шеварднадзе, первый заместитель министра иностранных дел Корниенко и другие. И должен сказать, для нас, людей, профессионально занимающихся международными проблемами, но в общем «детей своего времени», довольно неожиданно прозвучали слова: «нет, очевидно, смысла упорно держаться за прежнюю “философию по контролю”. Дело даже не только в том, что национальные средства, как считают на Западе, не во всех случаях надежны, а в том, что своим отказом от других средств мы объективно подыгрываем тем, кто говорит, будто наше общество закрытое, результаты соглашений непроверяемы, и поэтому, дескать, с нами не стоит договариваться. Мы должны заявить, что готовы на самый что ни есть жесткий контроль, в том числе международный, или инспекцию на месте, включая открытие лабораторий».

Услышав эти слова Горбачева, присутствовавший в «защищенном кабинете» академик Е.П. Велихов тут же спросил: относится ли все это и к нашим оппонентам? Здесь мы все были единодушны: никто не собирался открываться в одностороннем порядке.

К сожалению, время показало, что ни та, ни другая сторона не стремились открывать свои лаборатории.

Крайне неожиданным для западных политиков явилось то, что мы не отказались от обсуждения вопроса о правах человека.

В Женеве нас не услышали. Так мы подошли к октябрю 1986 года, когда состоялась встреча на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике. Могу засвидетельство-

* Специально оборудованные в посольствах помещения, с тем чтобы исключить прослушивание.

вать, что там была уже иная атмосфера: широкий диапазон обсуждаемых вопросов, интенсивные переговоры, во время которых не исключались компромиссы. Впервые Горбачев пошел на то, чтобы несколько «разбавить» мидовцев непосредственно в переговорных рабочих группах. Шеварднадзе этому не сопротивлялся, во всяком случае в открытую, наверное, потому, что сам еще полностью не контролировал свой аппарат, но в дальнейшем престиж МИДа для него играл подчас самодовлеющую роль.

Я с советской стороны возглавлял подгруппу по конфликтным ситуациям. Моим американским партнером была заместитель госсекретаря Розалина Риджуэй – женщина с сильным характером и прекрасный профессионал. Мы пришли к взаимопониманию по целому ряду проблем, согласовали многие формулировки совместного документа. Правда, на это понадобилось почти 36 часов непрерывной работы. Но все в конце концов зависело от того, договорятся ли в основной – разоруженческой группе. Не договорились, хотя были близки к этому. Поэтому не был подписан и наш документ.

Горбачев очень стремился к результативности встречи. Рейган, помню, тоже был расстроен тем, что все кончилось ничем. Горбачев вышел провожать Рейгана, и даже когда дверца лимузина президента США была открыта, он предложил ему вернуться и подписать соглашение о сокращении вооружений. Но Рейган не согласился.

Тем не менее сближение сторон продолжалось. Этому в немалой степени способствовало то, что мы впервые стали признавать свои ошибки и пытаться их ликвидировать. Одна из них, очевидно, заключалась в размещении в Европе наших ракет средней дальности (по американской маркировке, СС-20). США в ответ решили размещать в Западной Европе «Першинги-2» с подлетным временем до Москвы в 6–8 минут. Если наши СС-20

не могли рассматриваться США как стратегическое оружие, так как не достигали их территории, то «Першинги-2» именно таковым для СССР и стали.

Но не все у нас понимали необходимость пойти даже на «асимметричные» меры, чтобы ликвидировать свои же недочеты. Специалисты-ученые, среди которых были люди моего поколения, например, Олег Быков и молодые – Алексей Арбатов, Сергей Караганов и другие, резко критиковали тех, кто чисто арифметически подсчитывал и выражал свое неудовольствие тем, что мы уничтожаем боеголовок больше, нежели американцы, по договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, подписанному в Вашингтоне в 1987 году.

Особое значение имело признание ошибочности ввода советских войск в Афганистан. Боролись против направления нашего контингента в Афганистан – это нужно признать – те, кто порвали с советской системой, а не «внутрисистемные» диссиденты. Но реакция на афганские события все-таки стала меняться даже среди «аппаратчиков», когда «временная мера в виде пребывания ограниченного контингента» растянулась на годы, да к тому же привела к явно негативным последствиям.

Вывод наших солдат из этой страны был встречен с облегчением и поддержан большинством населения СССР.

Вместе с тем нельзя было не учитывать действия Соединенных Штатов и их союзников, направленные на изоляцию СССР, создание для нас труднейших ситуаций в различных регионах мира. Позже, работая во внешней разведке, я ознакомился с материалами, свидетельствовавшими об американских поставках самого современного оружия, например, «стингеров» афганским моджахедам с целью нанести как можно больший урон советским войскам в Афганистане. Такие уж были «правила поведения» во время холодной войны. Кстати, по нашим данным, идею о «стингерах» подсказал амери-

канцам тесно сотрудничавший в то время с ЦРУ Усама Бен Ладен.

Как признал в одном из своих интервью бывший помощник по национальной безопасности президента США Збигнев Бжезинский, Вашингтон начал поставлять вооружение моджахедам, боровшимся против близкого к СССР режима в Кабуле, еще до направления в Афганистан советских войск. По словам Бжезинского, США хотели «втянуть» советскую армию в Афганистан, сделать его «вторым Вьетнамом», но на этот раз не для США, а для СССР.

Центральное разведывательное управление США развернуло активную деятельность по задействию против Советского Союза групп радикальных исламистов. Даже позволили Бен Ладену открыть на американской территории два вербовочных пункта для пополнения рядов моджахедов. ЦРУ приложило руку и к созданию международной террористической организации «Аль-Каида» с целью ее использования против СССР.

Как зло посмеялась история над авторами этих мероприятий! После вывода советского военного контингента из Афганистана в прицеле «Аль-Каиды» оказались Соединенные Штаты – трагедия 11 сентября 2001 года – дело рук Бен Ладена и его бандитов.

Нужно сказать, что Советский Союз, который тоже во время холодной войны работал не в «белых перчатках», никогда не прибегал к помощи исламских экстремистов, хорошо понимая опасность такой политики.

Американцы поддерживали отдельные группы в Афганистане и после вывода наших войск. Когда Кабул захватили и контроль над большей частью территории страны установили талибы (мы хорошо знали, что движение «Талибан» создавалось пакистанскими военными и спецслужбами, да и американцы, особенно на первых порах, были не безучастны), Афганистан превратился в

место подготовки террористических групп, протянувших свои щупальца во многие другие страны и даже на другие континенты.

Но вернемся к концу 1980-х. Когда в Белый дом пришел новый президент, наши надежды на то, что Буш-старший в гораздо меньшей степени, чем Рейган, «идеалист» и в гораздо большей – «прагматик», в целом оправдались. Немалое значение имел и тот факт, что за спиной Буша уже был накопленный в результате обоюдных советско-американских усилий потенциал стабилизации международной обстановки. Прагматик Буш, как представляется, оказался больше, чем Рейган, восприимчив к процессу деидеологизации межгосударственных отношений. Он несколько отошел – правда, не до конца – и от типичных для американских политиков представлений: если СССР сосредоточивается на улучшении отношений со странами Западной Европы, с Китаем – значит, он разыгрывает против США какую-нибудь очередную карту.

Между тем накануне прихода к власти президента Буша состоялся визит М.С. Горбачева в Индию, а после – в Китай. Оба эти визита имели первостепенное значение.

Нужно сказать, что в практику Горбачева плотно вошел обмен мнениями с экспертами и в ходе переговоров, а некоторых из нас он направлял в посещаемую им страну заранее.

Большое впечатление произвела на нас Индия. Естественно, воображение захватывали и древнейшие памятники культуры, зодчества, масштабы страны. Но, пожалуй, главное, что поразило, – для некоторых членов советской делегации, ранее не знакомых с Индией, это было полной неожиданностью, – высокий уровень научно-технического прогресса. Во многих его областях Индия выходила в первые ряды. При обоюдном стремлении к политическому сближению, развитию многосторонних экономических связей, в том числе военно-технического

сотрудничества, это создавало абсолютно новую перспективу взаимодействия двух стран. Мы обменивались мнениями об этом с Горбачевым в его резиденции в Дели.

На встречу ехали на машине, за рулем которой сидел советник нашего посольства. Разговорились. Он – я думаю, что это не было характерным для нашего посольства в целом, – очень невежливо отозвался об индийцах.

Я сразу же резко прервал его, сказав: «Да как вы можете здесь работать, если так неуважительно говорите о людях этой страны?» Исправившись – все-таки мы прибыли из Центра, – он что-то промямлил в ответ. Так вот, когда зашел разговор в присутствии Горбачева и Шеварднадзе об обнадеживающих перспективах наших взаимоотношений с Индией, я «вставился» и сказал, что для этого здесь в основном должны быть в качестве наших представителей другие люди. Происшедший разговор чуть не повлиял на мою судьбу. Но об этом потом.

Визит в Китай был не менее важен. Горбачев с «сопровождающими лицами» прибыл туда в то время, когда КНР была на распутье. С одной стороны, под патронатом Дэн Сяопина начались экономические преобразования – основательные, переводящие из ресурсного потенциала в реальность огромные возможности этого великого народа. С другой – китайское руководство было максимально заинтересовано в сохранении политической надстройки, в том числе партии, способной обеспечить стабильность и активно руководить преобразованиями в экономике. В результате определенная и осязаемая демократизация в экономической сфере не подкреплялась сразу столь же действенной демократизацией в политической области.

Двойственность сложилась и в отношении визита Горбачева. Его принимали как лидера обновленного социализма, вставшего на путь, ведущий к рыночным отношениям, к новым нормам, которые могут наконец-то показать преимущества социалистического способа про-

изводства. В то же время китайское руководство опасалось, как бы этот визит не подпитал ту часть населения, главным образом интеллигенцию и особенно студентов, которую явно вдохновлял советский пример внедрения гласности.

И, как оказалось, опасались не зря. Во время визита Горбачева в Пекине забушевали страсти. Студенты устроили демонстрацию на площади Тяньаньмэнь, а также, по сути, блокировали «правительственный островок» – живописнейшее место, где на многих гектарах располагались дома руководителей Китая и гостевые дачи.

Студенты обратились к Горбачеву с просьбой выступить перед ними на митинге. Мы убедили его не делать этого. И, может быть, оказались правы. Выступи Горбачев перед студентами, навряд ли оказалась бы столь плодотворной встреча с Дэн Сяопином, на которой я присутствовал. Можно считать эту встречу поворотной в отношениях двух стран. Разговор с Дэном практически открыл дверь для многостороннего сотрудничества СССР с КНР.

Дэн сидел в большом кресле рядом с восседавшим в таком же большом кресле Горбачевым. Обращался к нему по-дружески, как мне показалось, специально демонстрируя свое уважительное отношение. Горбачев тоже был дружелюбен. Нашел формулу, которая, по его словам, показывает наши различия, но не разделяет СССР и КНР: «Мы начали перестраиваться с политики, а вы с экономики, но придем к одним результатам». Дэн в ответ молча кивал головой.

Тут я позволю себе маленькое отступление. Прошло уже двадцать лет с момента встречи Горбачева с Дэном. Пришли ли мы к одним и тем же результатам с Китаем, о которых говорил Горбачев? К сожалению, нет. Китай не проходил через такую трагическую полосу, как Советский Союз, закончившуюся его развалом. Китай не пе-

режил что-либо похожее на нашу «шоковую терапию» 1990-х годов, бездумную приватизацию, в результате которой накопленное всем обществом добро попало в карманы группы рвачей, ставших олигархами. Китай обрел устойчивую динамику быстрого экономического роста, который выводит его на уровень одного из могущественных экономических центров. Достаточно сказать, что к середине первой декады XXI века КНР обогнала США по доли прироста мирового ВВП, по экспорту продукции наукоемкой промышленности – электронной, телевизоров, средств связи. Было время, когда СССР обогнал США по производству стали, чугуна – это тоже становилось большим достижением. Но Китай набирает свою скоростную экономическую динамику за счет увеличения производства не сырья, а продукции обрабатывающей промышленности.

Конечно, и у Китая есть целый ряд нерешенных проблем, противоречий развития. Но не они сегодня определяют лицо этой страны. Во многом это результат того, что Китай при переходе на рыночные рельсы не руководствовался принципом сломать все, что было наработано в прошлом, в том числе несомненно полезного – и в экономике, и в социальной сфере, и в политической области.

Встреча Горбачева с Дэн Сяопином происходила в тот момент, когда отношения между нашими государствами уже перестали быть «заложниками» идеологических споров на тему, кто из нас больший марксист-ленинец, кого следует отнести к лагерю ревизионистов. Дэн всячески демонстрировал свое уважение к СССР, подчеркивал громадное значение для Китая оказанной ему Советским Союзом помощи и поддержки. Он говорил о чрезвычайной важности не только для наших двух стран, но для всего мира в целом развития китайско-советского сотрудничества.

Даже по этой беседе, происходившей в течение более часа, можно было представить, насколько светлым умом обладал этот уже очень пожилой человек и с каким огромным уважением относились к нему все присутствовавшие.

В один из перерывов в переговорах Горбачев пригласил меня прогуляться с ним по территории резиденции. Говорили обо всем и, конечно, о международных делах. Сила нашей внешней политики, заметил я, – в связях не с одной какой-то группой государств, а с азиатским регионом в целом. Тогда нам будет легче иметь дело и с Западом. Горбачев согласился и неожиданно сказал, что у него со мной связаны некоторые планы. Я не счел возможным спросить, какие. А он не уточнил.

III. Единственное успокоение – работа

Когда я вернулся из Нью-Дели, меня пригласили выступить с докладом перед сотрудниками отдела заграничных ЦК. После выступления заведующий отделом Червоненко проявил ко мне какое-то особое внимание. Он меня даже проводил до лифта, что было отнюдь не принято в те времена. Его заместитель, с которым у меня сложились добрые отношения, позвонил мне в институт и сказал: «Вы на меня не ссылайтесь, но уже в принципе решено – Горбачев это одобрил, – вы едете послом в Индию».

Я встревожился не на шутку. В то время резко ухудшилось здоровье моей жены, и я понимал, что индийский климат для ее сердца может быть не лучшим. Пошел к Шеварднадзе, и тот сказал: «Не волнуйтесь,

конечно, не будем настаивать, хотя пост этот очень важен, он может послужить трамплином, и вам стоило бы его занять».

Итак, я не стал послом в Индии. А вскоре был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, затем членом ЦК. Но жену потерял – она скончалась в 1987 году.

Смерть жены – Харадзе Лауры Васильевны – переживал очень тяжело. Она была частью всей моей жизни. До сих пор ловлю себя на мысли о том, что она принесла в жертву мне, детям свой разносторонний, незаурядный талант. Широко эрудированная, прекрасно разбиравшаяся в искусстве, блестящий пианист, а по образованию инженер-электрохимик, однозначно прямолинейная, никогда не кривящая душой, неспособная соглашаться с ложью или лицемерием, в том числе и в официальной политике, интернационалист по всем своим убеждениям, но в то же время искренне восхищавшаяся лучшими чертами России и Грузии, очаровательная женщина – именно такой видели мою жену и я, и все те, кто был рядом со мной и с ней.

Публикации в «Новом мире» солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича», а затем «Матренина двора» были огромными событиями для всей нашей семьи. Но жена восхищалась этими выдающимися произведениями особенно, по-своему агрессивно, не терпя и не пропуская мимо ушей ни одного критического замечания, которые кое-кем инициировались в то время.

Когда умер Твардовский, один из моих знакомых, работавших в то время в КГБ, сказал мне, что похороны, несомненно, приобретут политический характер и будут зафиксированы все, кто примет в них участие. Об этом разговоре я даже не рассказал Лауре, зная заранее, что она обязательно пойдет на похороны. И не потому, что была лично знакома с Твардовским – этого не было, а потому, что присутствие на проводах из жизни этого

выдающегося человека считала своим долгом. И уверен, что ее ничто не могло бы остановить. Чувства гражданственности и справедливости были в ней неистребимы, и, что очень важно, она руководствовалась этими чувствами сутобо «для себя», а не демонстрировала их другим – смотрите, мол, какая я.

Лаура прекрасно писала. У нее был обостренно зоркий взгляд. Она могла достичь немалых высот в творчестве, но посчитала меня главной фигурой в семье. В этом, конечно, заключалось мое счастье, однако, как я понял «с высоты прожитых лет», счастье с эгоистическим оттенком.

Мы любили друг друга беспредельно, но это не мешало нам нередко спорить до хрипоты. Я всегда знал и ценил ее неспособность приспособливаться. Домой, например, не мог пригласить людей, которых она внутренне заслуженно не принимала. Я знал, что, поступив иначе, мог бы остаться в какой-то момент беседы с ними без «гостеприимной хозяйки», которой срочно вдруг нужно будет куда-то уйти. Вместе с тем хорошо знал и не раз убеждался в том, что она буквально глотку перегрызет тому, кто отзовется обо мне дурно. Здесь Лаура становилась бескомпромиссной даже с подругами.

Лаура была равнодушна к моей карьере. Когда переходил из Гостелерадио в «Правду», задала вопрос: «Зачем, ты же любишь свою работу на иновещании?» Когда защищал докторскую и уже созрел для перехода в Академию наук, сказала: «Ты же прекрасно чувствуешь себя в журналистике, к чему перемены?» Единственный раз, уже находясь в больнице, спросила: «А почему не надеваешь значок депутата Верховного Совета? мне хочется, чтобы ты его носил...»

Через семь лет после смерти Лауры, я женился второй раз. Судьба оказалась ко мне после моих потерь благосклонной. Ирина – прекрасная женщина, друг, блестящий специалист – врач-терапевт. Ее любят и уважают

все мои близкие. Она многими чертами своего характера напоминает Лауру, которую не знала, но с исключительной теплотой относится к ее светлой памяти.

После смерти Лауры с головой ушел в работу в ИМЭМО, которая меня удовлетворяла по всем статьям. И не только в ИМЭМО, но и в Советском национальном комитете азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, первым председателем которого я был избран. Формально комитет был образован как национальная ячейка, необходимая для приема нашей страны в АТЭС – Азиатско-тихоокеанское экономическое сообщество⁶. Вместе с тем комитет был призван способствовать более динамичному развитию нашего Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Задача заключалась в органичном вписывании этих регионов в мирохозяйственные связи АТР, конечно, не во вред единству нашей страны. С учетом гигантских расстояний, несомненно выгодными были и остаются также и непосредственные экономические отношения этих российских регионов с расположенными вблизи от них бурно развивающимися азиатско-тихоокеанскими странами. Одновременно стояла, да и сегодня стоит задача внутренней перегруппировки финансово-экономических возможностей Центра в пользу Дальнего Востока и Восточной Сибири. Не было никакого сомнения и тогда и сейчас, что будущее России во многом зависит от того, сумеем ли мы поднять эту громадную, богатейшую, но чрезвычайно малонаселенную часть нашей страны.

Во главе группы экспертов Советского комитета я совершил поездку по Приморскому, Хабаровскому краям, Амурской и Сахалинской областям. Впечатления просто переполняли. Встречался и разговаривал с сотнями людей – умными, энергичными, готовыми к делам на благо развития своих территорий. Запомнил слова одного из них – инженера по специальности: «США стали великими только после освоения своего Тихоокеанского Запада.

Это в основном произошло не за такой уж большой период. Неужели это ничему никого не учит? Ведь мы лишь принимаем постановления и их не выполняем».

Положение мало изменилось с тех пор. Между тем энергичное освоение Восточной Сибири и Дальнего Востока приобретает еще большее значение, особенно в свете необходимости выхода России из серьезнейшего кризиса народонаселения. Сейчас оно уменьшается на 700 тысяч в год. Если не переломить этой тенденции, то к середине нынешнего столетия, по достаточно обоснованным прогнозам, население России составит всего 100 миллионов человек, и это на необъятных просторах самой большой страны мира.

Трудно решить проблему народонаселения только за счет выделения дополнительных средств с целью повысить рождаемость или увеличить срок жизни россиян, хотя эти меры и имеют первостепенное значение. Наряду с этим необходима и продуманная иммиграционная политика. Упор на иммиграцию в Россию из бывших советских республик, очевидно, правильный, но недостаточный. Выход из кризиса включает в себя и такую трудную проблему, как регулирование плотности населения. Более 6 миллионов в основном русскоязычного населения стран СНГ уже переехали к нам, но не намного облегчили демографическую ситуацию, осев в европейской части России. Иного, по-видимому, и быть не могло без выравнивания социально-экономического положения Сибири и Дальнего Востока с европейской территорией России. А кто сможет в условиях недостаточности местных трудовых ресурсов создать в сжатые сроки такую инфраструктуру? К тому же богатейшие природные ресурсы этих регионов России не могут эксплуатироваться «вахтовым методом». Выход из ситуации – дозируемая и четко контролируемая иммиграция специалистов и рабочей силы из Китая и Кореи.

Некоторые высказывают опасение, как бы это не привело к потере наших территорий. Продуманная иммиграционная политика как раз и будет способствовать тому, чтобы не пришел тот час, когда эти полупустынные территории захлестнет возникшая извне неконтролируемая волна.

В 1989 году после моей поездки по Дальнему Востоку я написал записку Горбачеву, в которой были подняты многие вопросы, аналогичные тем, что так остро стоят в настоящее время. Так что занимался тогда делами интересными и перспективными. Но опять наступили перемены в моей жизни. Хорошо помню тот майский день 1989 года. Сидел за столом в своем кабинете в ИМЭМО на 16-м этаже и правил подготовленную сотрудниками записку о малом и среднем бизнесе в США. Вдруг зазвонил «кремлевский телефон», и в трубке раздался совершенно неожиданно для меня – он мне никогда не звонил до этого – голос Горбачева.

– Помнишь наш разговор в Пекине? Я уже тогда сказал, что есть планы в отношении тебя. Теперь предстоит их осуществить. Речь идет о твоей работе в Верховном Совете СССР.

– Ну что ж, Михаил Сергеевич, нужно, так нужно, – ответил я, не сомневаясь, что мне, как депутату, предложат, пожалуй, возглавить комитет по международным делам.

– Хорошо отреагировал, – прозвучало в ответ. – Как ты отнесешься к предложению стать во главе одной из палат Верховного Совета?

Меня это предложение огорошило.

– Но как быть с институтом?

– Обещаю, что ты примешь участие в подборе своего преемника.

Преемником стал мой первый заместитель, впоследствии избранный академиком В.А. Мартынов, который достойно возглавил институт. Что касается меня, то во

время представления моей кандидатуры депутатам и отвечая на вопрос, а как Примаков совместит свою работу председателя Совета Союза с работой в Академии наук (помимо директорства в ИМЭМО я еще был академиком-секретарем Отделения мировой экономики и международных отношений, куда входили все научно-исследовательские академические институты международного профиля, и членом Президиума АН СССР), Горбачев заявил: «Он уходит со всех своих постов в академии». Следует отметить, что такой «поворот» со мной не оговаривался.

Страна в то время буквально жила сессиями Верховного Совета. Все было непривычно. И острые выступления, и столкновения мнений, иногда переходящие в нелицеприятный спор. И самое главное – все это транслировалось без всяких купюр. Сначала «живьем», в прямом эфире. Потом, когда стало ясно, что люди просто-напросто перестали работать, собираясь перед телевизорами, решили передавать заседание Верховного Совета в записи по вечерам с переходом на ночное время, но все равно «по требованию трудящихся» полностью.

Глазок телекамеры был нацелен на трибуну для выступавших, а ракурс был такой, что державший речь оставался все время на фоне председателя палаты. Сидеть с утра до вечера почти ежедневно, зная, что ты перед глазами многомиллионной аудитории телезрителей, – занятие и неприятное, и иногда опасное. На неприятную сторону дела я жаловался своему помощнику: «Это то же самое по времени, как ежедневно летать в самолете из Москвы в Токио. Но там и кресло поудобнее – откидывается, да и можно выпить водки или виски». Что касается «опасности» от столь долгого и постоянного нахождения на экранах телевизоров, то вспомнил модную в то время песню: «Поручик Голицын, раздайте патроны. Корнет Оболенский, надеть ордена». Слова песни переиначили и даже исполнили в телепрограмме:

Поручик Нишанов*, ведите собрание.
А ну-ка проснитесь, корнет Примаков.

Естественно, что работа в качестве руководителя Совета Союза Верховного Совета СССР не ограничивалась сидением перед телекамерами. Она включала в себя подготовку законов, по которым, как мы считали, должна начинать жить страна. Немало времени занимала у меня и деятельность аппарата Верховного Совета – мне поручили курировать его работу. Раньше все было более чем просто. Аппарат Верховного Совета получал указания из ЦК и проводил заданную линию. Депутаты выполняли в решении поставленных задач вспомогательную роль. Все делалось в аппарате, все «ранжировалось» и предусматривалось аппаратом, вплоть до последовательности выступлений, не говоря уже о том, что сами эти выступления в целом ряде случаев аппаратом и готовились. Став председателем верхней палаты, я показал свою приверженность линии на самостоятельность Верховного Совета, считая, что лишь такой курс сможет превратить его в важный инструмент эволюционного перехода к новому обществу.

В отделе оргпартрботы ЦК были другие настроения. Там ни за что не хотели терять власть над Верховным Советом и, опираясь на часть его руководителей, пытались все сохранить по-старому. Так или иначе, но когда заместитель заведующего этим отделом, курирующий Верховный Совет, пришел ко мне с готовым списком руководителей всех комитетов Совета Союза, которых «следовало избрать», и услышал в ответ, что кандидатуры я буду подбирать сам, он оказался совершенно не готовым к такому повороту событий.

– Список уже согласован с секретарем ЦК, – выдвинул он «бронепробойный» аргумент.

* Рафик Нишанович Нишанов был председателем второй палаты Верховного Совета – Совета национальностей.

– Ну и что? Надо было предварительно узнать мое мнение.

Позже мне позвонил этот секретарь ЦК, кстати, гораздо лучше понимавший новую обстановку, чем в отделе, «надзиравшем» над Верховным Советом, и извинился за «несогласованность действий». В результате подбирал кандидатуры я сам. Среди них, например, была Валентина Ивановна Матвиенко, которой я предложил пост председателя комитета, занимавшегося вопросами семьи, женщин, и не принял ее отказ. После того как она все-таки согласилась на мое предложение, начались наши дружеские отношения, сохраняющиеся вплоть до настоящего времени.

Хорошо помню и партсобрание аппарата Верховного Совета, на котором я выступал с докладом. Позже мне сказали, что он был непривычен и по тональности, и по форме, – я не зачитывал заранее подготовленный текст. Смысл сказанного заключался в необходимости коренной перестройки работы аппарата. Только помогая депутатам, понимая их первостепенную роль, исходя из того, что депутатов «не подстрижешь под одну гребенку», можно и нужно менять всю систему работы. В этих выводах я опирался на своих единомышленников, а их было немало. Знаю, что подобных взглядов придерживался и Р.Н. Нишанов.

Однако курс на самостоятельность законодательной власти не так уж легко осуществим. Ему, в разных формах и применяя разные механизмы, противодействовала, да, к сожалению, и в настоящее время противодействует высшая исполнительная власть. Этот российский феномен дорого обходится стране, подчас лишая ее такого мощного рычага развития, как самостоятельный парламент.

Разделение различных ветвей власти – законодательной, исполнительной, судебной – обязательное условие демократизации общества. Будучи председателем Совета

Союза Верховного Совета СССР, я решительно выступал за то, чтобы наш парламент не зависел от воли партийных чиновников из ЦК КПСС. Этот шаг в сторону независимости Верховного Совета очень не нравился ряду партийных деятелей. А в аппарате ВС я нашел много сторонников, среди которых выделялась заместитель руководителя аппарата умная, энергичная, волевая Людмила Ивановна Швецова.

После отмены VI статьи в Конституции СССР, провозглашавшей КПСС «правлящей партией», казалось, дорога к самостоятельности парламента открыта. Она должна была привести к политическому плюрализму в России. Однако опять Госдуме навязали модель, когда заранее известны результаты голосования и не только потому, что одной партии – «Единой России» принадлежит конституционное большинство, но и потому, что, провозгласив себя «партией власти» (неужели ничему не научились?!), она голосует так, как ей велют. Без дискуссий внутри «Единой России» (а ее лидер заявил, что ей не нужны «никакие крылья» – ни правое, ни левое) при постоянном использовании административного ресурса мы не приходим к подлинной демократии. Опыт КПСС свидетельствует об этом со всей определенностью.

Существует еще один момент, о котором говорят реже – многие депутаты Госдумы и Законодательного собрания не порывают с бизнесом. Более того, с ним сражаются. Это делает их зависимыми, позволяет «держат их на крючке», так как зачастую нетрудно найти на них компромат и активизировать его в случае непослушания. Конечно, путь предпринимателям в депутаты парламента не заказан. Но нельзя допускать, чтобы они передавали свой бизнес в управление, на самом деле не отлучаясь от него, супругам, родственникам, близким людям. Контроля над таким обходом регламента законодательного органа, по существу, нет.

Но вернемся к моему пребыванию в Верховном Совете СССР. Хотя мое положение в нем было укреплено тем, что в сентябре 1989 года я был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС*, деятельность спикера палаты Верховного Совета была мне не по нутру, и в конце концов я сказал Горбачеву, что готов перейти на любую другую работу – дело, мол, для меня не в «погонах».

Так, уйдя с поста председателя Совета Союза Верховного Совета, я стал членом Президентского совета.

* М.С. Горбачев ничего не сказал мне об этом заранее, и его предложение пленуму ЦК избрать меня кандидатом в члены Политбюро было для меня совершенно неожиданным.

Глава III

ВОЙНА, КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ

Если бы мои солдаты начали думать,
ни один не остался бы в войске.

Фридрих II

I. Лечу в Багдад

Самое запоминающееся и значительное в период моей работы в Президентском совете – в общем-то достаточно аморфном органе – это, безусловно, участие в событиях, связанных с кризисом, а затем и войной в зоне Персидского залива. Но не только поэтому решил описать эти события.

Через двенадцать лет после того как они произошли, буквально накануне американского вторжения в Ирак, в феврале 2003 года я по поручению президента В.В. Путина вылетел в Багдад с его устным посланием. В условиях перспективы американского удара Путин предложил Саддаму Хусейну отказаться от поста президента и обратиться к парламенту с призывом провести демократические выборы. Саддам Хусейн отверг это предложение и, обращаясь ко мне, сказал: «Вот и во время войны в зоне Персидского залива вы уверяли меня, что если

выведу свои войска из Кувейта, то американцы не предпримут сухопутной операции. Однако уговоры, с которыми вы приезжали ко мне, оказались обманом».

Я ответил Саддаму Хусейну: «Если бы после сообщенного мне решения вы начали в считанные дни отводить свои вооруженные силы на иракскую территорию, а Тарик Азиз не затянул свою поездку в Москву до того времени, когда Вашингтон выдвинул ультиматум, было бы все иначе. Вы этого не сделали». Саддам Хусейн хлопнул меня по плечу и ушел. А Тарик Азиз, присутствовавший при нашем разговоре (как известно, после вторжения в Ирак, в марте 2003 года, он сдался американцам), быстро проговорил вслед уходящему Саддаму: «Пройдет еще десять лет, и вы, Примаков, убедитесь, что мой любимый президент и сейчас прав...»

Итак, как развивались события в 1990 году?

Начало кризису положила агрессия против Кувейта, а затем аннексия его Ираком. Мировое сообщество в своем преобладающем большинстве требовало безоговорочного вывода интервентов из Кувейта. Соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН прошли как по маслу, без обычных в таких случаях долгих согласований, дипломатических конвульсий. Между тем ужесточающаяся от резолюции к резолюции линия Совета Безопасности не приводила к ожидаемым результатам. Может быть, Саддам Хусейн считал, что в запасе есть много времени для маневрирования, которое следует начинать с наиболее жесткой отметки. А может быть, он просто не верил в то, что США проявят решимость в свержении его режима и все ограничится обстрелами с воздуха, а не сухопутной операцией. Он оказался полуправ. Наземная операция не завершилась американским броском на Багдад, и его режим был сохранен. Но почему у Саддама возникла уверенность в том, что США его могут заставить уйти из Кувейта, но никогда не утопят? В результате моих многократных встреч и разговоров с Саддамом,

начиная с 1969 года, я пришел к выводу, что его менталитет складывался под воздействием постоянно присутствовавшей мысли о том, что его режим (а по мнению Саддама другого режима в Ираке и быть не могло, так как он плотно контролировал обстановку в стране) нужен американцам как контрбаланс послешахскому Ирану. Саддам укрепился в этой идее после того, как США оказали ему всяческую поддержку и военную помощь в войне с Ираном (1980–1988 годы).

Такой его психологический настрой повлиял, по моему глубокому убеждению, на позицию Ирака и во время захвата Кувейта. К этому можно добавить, что перед вторжением иракских войск в Кувейт Саддам Хусейн принял американского посла и спросил его, как относятся США к идее территориального единства Кувейта с Ираком. «Это – ваша проблема, решайте ее сами», – ответил американский посол.

Между тем, после вторжения иракских войск в Кувейт и объявления о том, что он становится одной из иракских провинций, на фоне безостановочного одобрения резолюций Совета Безопасности ООН, происходила переброска войск США и некоторых других стран, в том числе арабских, на подступы к Ираку. Американский контингент был отправлен в Саудовскую Аравию, которая, опасаясь стать следующей жертвой иракских вооруженных акций, обратилась за помощью к Вашингтону.

Жесткие санкции и столь масштабная военная демонстрация, как это ни звучит парадоксально, создавали простор для поисков политического выхода из тупика, в который вогнал ситуацию Саддам Хусейн. В августе впервые возникла идея направить в Багдад представителя президента СССР. Идея не была осуществлена сразу, так как практически оказался задействован другой канал – в Москве по просьбе С. Хусейна был принят министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз.

Однако сразу же проявились и недостатки такого метода общения с Ираком. Т. Азиз, так же, как и все остальные из окружения С. Хусейна, не мог самостоятельно принимать решения. Он был лишь «толкователем» иракской позиции, и то в строго очерченных рамках, и «почтальоном» для передачи посланий.

Проявилось и другое – наш МИД был, по сути, против направления советского представителя в Багдад.

9 сентября 1990 года в Хельсинки состоялась советско-американская встреча в верхах. Инициатором ее выступил президент США Дж. Буш. Ему было важно получить публичную поддержку со стороны СССР, продемонстрировать единство двух держав в их стремлении добиваться вывода иракских войск из Кувейта. Без всяких колебаний было принято решение согласиться с предложением Буша.

В тот момент – и нужно сказать это со всей определенностью – в Москве преобладало мнение, что дело не дойдет до войны, будет отдача от использования всего арсенала политических, экономических и военно-демонстрационных средств давления на Саддама Хусейна. У Горбачева – он говорил об этом в своем окружении – сложилось впечатление, что президент США намерен решать проблему Кувейта политическими методами.

После переговоров с участием членов двух делегаций и беседы президентов СССР и США один на один состоялся обед. За столом я сидел между госпожой Б. Буш и помощником президента по национальной безопасности генералом Б. Скоукрофтом. Зная о том, что в течение многих лет я специализировался по Ближнему Востоку и лично знаком с руководителями многих арабских государств, Скоукрофт спросил, когда я в последний раз встречался с Саддамом Хусейном. Мне показалось, что генерал хочет знать, не был ли я в Багдаде уже после начала нынешнего кризиса. «Нет, там еще не был», – с улыбкой ответил я Скоукрофту.

Очевидно, мое знакомство с Саддамом Хусейном было принято во внимание, когда президент Горбачев, несмотря на позицию МИДа, все-таки поручил мне вылететь в Багдад в качестве своего личного представителя. Были поставлены две задачи: во-первых, договориться о беспрепятственном выезде из Ирака наших специалистов и, во-вторых, во время разговора с Саддамом Хусейном показать ему полную бесперспективность отказа подчиниться требованиям Совета Безопасности ООН. Со мной вылетел заместитель председателя Совета министров СССР, один из лучших специалистов по вооружениям И.С. Белоусов.

Сначала наш самолет приземлился в аэропорту Аммана. Это была не техническая посадка. День перед полетом в Багдад был отведен для обмена мнениями с королем Хусейном и другими иорданскими руководителями, а также лидерами Организации освобождения Палестины, которые, узнав, что я буду в Аммане, прибыли туда из Туниса во главе с Я. Арафатом.

В Аммане я получил шифротелеграмму от Шеварднадзе, находившегося в Нью-Йорке на Генеральной ассамблее ООН. Он назвал «аморальными» контакты в сложившихся условиях с Саддамом Хусейном. Я ответил шифротелеграммой, что аморально не контактировать с Саддамом, хотя бы с целью обеспечить возвращение на родину тысяч советских граждан и других иностранцев. Это было первым столкновением с Шеварднадзе по поводу моей миссии.

4 октября мы прилетели из Аммана в Багдад. На аэродроме нас встречал Тарик Азиз. Не буду пересказывать весь разговор, длившийся несколько часов, – очевидно, самый нелегкий из всех, что имел с ним раньше. Т. Азиз полностью сконцентрировался на доказательствах «исторической, политической и экономической принадлежности Кувейта Ираку». Назывались даты, цифры, события, люди. Подчеркивалось, что любой режим, в том

числе королевский, никогда не признавал Кувейт в качестве самостоятельного государства.

В монологе Азиза ясно звучала неудовлетворенность позицией Советского Союза, который «должен был вести себя по-иному, имея соответствующий договор с Ираком». Но когда Азизу был задан вопрос, почему другая договорная сторона не поставила в известность Москву, замышляя, а затем осуществив интервенцию в Кувейт, он ушел от ответа.

На первой же встрече с Т. Азизом я говорил о необходимости предоставить возможность всем советским гражданам выехать из Ирака домой.

В это время на территории Ирака находились около 5 тысяч советских специалистов и членов их семей. Находились в Ираке и около полутора сотен советских военных специалистов, которые прибыли сюда еще до начала кувейтского кризиса для ремонта проданной нами военной техники.

К моменту нашего приезда в Багдаде было предпринято много усилий для обеспечения выезда из Ирака не только военных специалистов, у которых заканчивался контрактный срок, но и всех других граждан СССР, работавших здесь на строительстве различных объектов, сооружавшихся при нашем техническом содействии. Иракская сторона не отказывала, но и не решала вопроса.

Беседа с Саддамом Хусейном состоялась 5 октября. Углубившись в чтение переданного ему послания президента Горбачева (перевод на арабский язык был сделан в МИДе СССР заблаговременно), С. Хусейн не отреагировал на достаточно жесткие заявления о необходимости незамедлительного ухода из Кувейта и восстановления суверенитета этого государства. Обстановка была натянутой.

После того как Саддам Хусейн повторил о Кувейте все, уже слышанное от Тарика Азиза, я в острой форме поставил вопрос о наших специалистах. Чувствовалось, что

С. Хусейн был готов к этому, незамедлительно и однозначно отреагировав: все, кто хочет, могут выехать, но в предстоящие два месяца ограничимся одной тысячей человек, чтобы не мешать осуществлению работ, не останавливать проекты.

Зная, что в наше посольство поступило примерно полторы тысячи заявлений о выезде, я предложил график на полторы тысячи специалистов в течение одного месяца. В конце концов С. Хусейн уступил: пусть будет по-вашему.

Саддам подробно рассказал о том, как, по его словам, против Ирака в ход пустили и экономические рычаги. Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты нарушили квоты экспорта нефти, установленные ОПЕК для каждой страны, и в результате цены снизились с 21 до 11 долларов за баррель, что предвещало, по его словам, экономический крах для Ирака.

– Не кажется ли вам, что у иракцев, как у израильтян, развивается комплекс Масады? – спросил я Саддама, имея в виду судьбу последней крепости, павшей во время иудейской войны. Ее защитники, понимая безнадежность своего положения, объявили о готовности умереть, но не сдаться.

Саддам кивнул головой.

Перешли к обсуждению возможных последствий отказа вывести иракские войска из Кувейта и реакции в мире на кувейтский кризис. Я специально хотел коснуться этих двух тем, так как понимал, что Саддам, возможно, не обладает полной информацией. Несомненно, ему в первую очередь докладывали то, что вызывало положительные эмоции: например, о поддержке Ирака в арабском мире, об антивоенных выступлениях на Западе, о первых разногласиях между союзниками по антииракской коалиции.

Саддам выслушал наше мнение о характере той войны, которая его ждет, если он не уйдет из Кувейта. Во время

боевых столкновений с Ираном Ирак, как известно, господствовал в воздухе, обладал большим техническим преимуществом на суше. Теперь в случае столкновения с международной коалицией, основное ядро которой составляют вооруженные силы США, все будет наоборот. Превосходство в воздухе коалиции США – совершенно очевидно, так же как ее общее военно-техническое преимущество.

Саддаму было разъяснено, что интервенция в Кувейте изолировала Ирак от мирового сообщества. Об этом свидетельствовала хотя бы общая обстановка на Генеральной ассамблее ООН, заседания которой проходили в те дни.

Я попросил Хусейна провести заключительную часть беседы один на один. На вопрос Саддама ответил, что не против, чтобы остался Тарик Азиз. У нас был прекрасный знаток арабского языка и вообще один из лучших специалистов-арабистов, впоследствии посол России сначала в Объединенных Арабских Эмиратах, затем в Ливии, а теперь в Сирии Сергей Кирпиченко. Он переводил беседу.

– Если вы не выведете свои войска из Кувейта, – была первая моя фраза, – то неизбежно станете объектом удара. Вы должны чувствовать всю ответственность за войну. Вы понимаете, конечно, что целью моего приезда не является запугивание. Но, наверное, выхода из ситуации, кроме эвакуации иракских войск, нет.

Саддам Хусейн отреагировал так: если передо мной стоит только такая дилемма – либо встать на колени, капитулировать, либо воевать, я выберу второе.

Вместе с тем Хусейн заметил (здесь я хочу передать то, что было сказано им, почти со стенографической точностью):

– как реалист, я представляю себе, что при определенных обстоятельствах можно пойти на вывод войск. Но я не могу пойти на это, если такой уход не будет обу-

словлен решением палестинской проблемы. Однако хочу уточнить, что речь идет о начале переговоров с повесткой дня: содержание и формы решения палестинской проблемы. Без определенности в этих вопросах нельзя решать кувейтскую проблему. Вы понимаете, – добавил он, – что, после того как я отказался от всех результатов восьмилетней войны с Ираном и вернул прежнее положение, которое было до ее начала, иракский народ мне не простит безоговорочного вывода войск из Кувейта. Как быть с выходом к морю, спросят меня.

– Если иракский народ безоговорочно принял то, что просто так отданы все результаты кровопролитной войны с Ираном, то он согласится и с вашими решениями по Кувейту, – парировал я.

Еще я сказал С. Хусейну, что так называемый «живой щит» из иностранных заложников, насильственно удерживаемых на военных и других стратегических объектах, не предотвратит американского удара в случае отказа вывести войска из Кувейта. Подчеркнул, что такими действиями он окончательно настроил против себя весь мир.

Саддам промолчал в ответ, но задумался...

В октябре началась «либерализация» политики в отношении некоторых групп иностранных заложников. Эта тема получила конкретные очертания во время нашей второй встречи 28 октября, о чем будет рассказано позже.

Ночью в кабинете советского посла мы обменивались мнениями по поводу телеграммы, которую предстояло отправить по итогам разговора в Багдаде. Конечно, мы были рады тому, что решился вопрос с эвакуацией советских специалистов. К этому моменту, уже был на месяц вперед согласован график рейсов Аэрофлота в Багдад, который, как показали события, иракцами неукоснительно соблюдался.

Все без исключения отмечали, что удалось довести до сведения Саддама целый ряд фактов, аргументов, обра-

тить его внимание на те стороны событий, о которых он мог и не быть информирован.

Утром я ехал на аэродром с Тариком Азизом в его машине. Он сказал мне:

– Саддам Хусейн рассчитывает на конкретные предложения. Мы ждем продолжения контактов.

– Тарик, а не повторишь ли ты все это при нашем поселе на аэродроме? – спросил я.

– Для чего?

– Мы летим самолетом. Твое сообщение – важное, лучше продублировать его шифротелеграммой в Москву. Так будет надежнее.

Тарик выполнил мою просьбу.

II. Миссия продолжена

Возвратившись в Москву вечером 6 октября, я сразу же подробно доложил Горбачеву о встречах в Багдаде.

Во время доклада родилась идея ознакомить с моими наблюдениями президентов Буша, Миттерана, Мубарака, Асада, короля Саудовской Аравии Фахда, а затем вторично встретиться с С. Хусейном. Проработать инструкции для поездок было поручено Шеварднадзе и мне.

Министр иностранных дел болезненно воспринял идею о моей миссии. Наши отношения особенно осложнились после того, когда в присутствии Н.И. Рыжкова и В.А. Крючкова мы обменялись «любезностями». В ответ на его резкое замечание, что на Ближнем Востоке нужно действовать не предлагаемыми мною методами, которые якобы ведут «к провалу всей советской политики», я вспылил: «Это меня, который занимается Ближним Востоком со студенческих времен, поучаете вы, закончивший заочно педагогический институт в Кутаиси?»

– Евгений, прекрати сейчас же! – поднял голос Горбачев.

МИД так и не представил свои предложения по моей миссии. Я решил позвонить Шеварднадзе и спросил его:

– Почему у нас так портятся отношения, ведь они были хорошими прежде – по вашей инициативе я даже стал почетным гражданином Тбилиси. Неужели вы думаете, что я мечу на ваше место министра иностранных дел?».

– Да, об этом говорят все в МИДе, – ответил Шеварднадзе.

На него действовали наговоры, нашептывания некоторых окружавших его людей о моих «намерениях», которые абсолютно не имели места. Но (это стало ясно позже – хотя бы из книги Бешлосса и Тэлботта*) и сам министр иностранных дел СССР пошел на беспрецедентный шаг: перед моей встречей с президентом США он, по словам авторов книги, «довел до сведения Буша», что тот может не считаться с «идеями Примакова».

Таким образом он фактически дезавуировал миссию, осуществляемую по указанию своего президента. «Это была новая веха в отношениях между двумя странами – советский министр иностранных дел и госдепартамент США тайно объединились против специального посланника Кремля» – к такому заключению пришли два американских автора, наблюдавшие за развитием событий «изнутри».

Я готовился к встречам с главами государств для того, чтобы поделиться с ними идеями о «невидимом пакете»:

Ирак обязан – с этого только и могло все начаться – заявить о выводе войск из Кувейта, а затем незамедлительно осуществить этот вывод. Но замысел заключался в том, чтобы С. Хусейн заранее был проинформирован,

* «At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War» by Michael R. Beschloss, Strobe Talbott.

что после вывода его войск начнется реальный процесс урегулирования арабо-израильского конфликта, и в этом процессе примут активное участие члены Совета Безопасности ООН.

И еще одна главная часть так называемого «невидимого пакета», с которым С. Хусейн мог быть ознакомлен до вывода его войск – полного и безусловного. Речь шла о системе безопасности, которую мировое сообщество хотело бы видеть в регионе в посткризисный период.

Такая система могла бы опираться на заинтересованность в ней двух сторон: соседей Ирака, испытывающих опасения, и небезосновательные, так как его агрессивное поведение в последние годы опиралось на быстро увеличивающийся военный потенциал, а также самого Саддама Хусейна, который сетовал в разговоре со мной, что он останется «в прицеле» даже в случае вывода войск из Кувейта.

Когда намечался мой отъезд из Москвы в Париж, поступила телеграмма от нашего посла в Италии, который передал, что премьер-министр Дж. Андреотти хотел бы видеть меня в Риме. Целый ряд послов, аккредитованных в Москве, запросились на беседы. Это тоже свидетельствовало о том, что политическая активность Советского Союза на Ближнем Востоке попала в центр мирового внимания.

16 октября около двух часов дня мы прибыли в аэропорт Фьюмичино. Встреча с Андреотти была назначена на 15.30, и дорога предстояла неблизкая. И тут я понял, на что способны сопровождавшие нас итальянские полицейские мотоциклисты. На большой скорости, виртуозно управляя мотоциклами, они буквально «расталкивали» другие машины, для того чтобы освободить путь. На крутом вираже на шоссе один из них упал, но, к счастью, тут же поднялся. Во дворец к премьер-министру прибыли вовремя.

Расспрашивая о деталях разговора с С. Хусейном, Дж. Андреотти высказал озабоченность тем, что еще до того, как будут исчерпаны политические возможности, «объективные обстоятельства» могут подтолкнуть США и другие страны к началу вооруженных действий. К таким обстоятельствам он отнес и погодные условия (в марте в Аравийской пустыне начинаются песчаные бури, что резко затрудняет осуществление военных операций), и начинающийся в июне сезон паломничества в Мекку и Медину – туда ежегодно совершают хадж примерно до полутора миллионов мусульман из разных стран. По прогнозам Андреотти, война могла стать реальностью в ближайшее время.

Но что было важнее всего, Андреотти сказал: «Если в Вашингтоне согласятся с предлагаемыми вами подходами к политическому урегулированию, мы это несомненно поддержим». Чувствовалось, что активизация СССР рассматривалась им как одна из немногих реальных альтернатив сползанию в военную пропасть.

Утром 17 октября мы вылетели из Рима в Париж. Во второй половине дня в Елисейском дворце состоялась встреча с президентом Франции Ф. Миттераном. Он тоже показал себя приверженцем линии на использование всех возможностей «до того, пока придется прибегнуть к крайним мерам». Но так же, как и Андреотти, французский президент не сомневался: война стоит у порога. Поддержав усилия, предпринимаемые СССР, чтобы избежать военной развязки, Ф. Миттеран рассказал, что делает в этом же направлении Франция. При этом он подчеркнул большую пользу от согласования линий двух держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Может быть, больше, чем любой другой западный лидер, президент Миттеран ощущал необходимость продвинуть решение палестинской проблемы, в том числе и для того, чтобы урегулировать кувейтский кризис, но

высказал сомнение, что это встретит поддержку в Вашингтоне.

И вот мы в Соединенных Штатах. 18 октября, сразу же по прибытии в Вашингтон, начались встречи с американскими руководителями. Первая из них состоялась с начальником управления планирования государственного департамента Д. Россом – фактически главным американским специалистом по Ближнему Востоку. Росс приехал в советское посольство с целью предварительно выяснить подробности нашей позиции. Интересуясь деталями, Росс – это было написано на его лице и отражалось в репликах – воспринимал мои разъяснения сдержанно, если не негативно. Явное неприятие с его стороны вызвала идея довести до Ирака мысль о том, что после вывода войск из Кувейта будет проявлена активность в решении палестинской проблемы.

– Израиль не пойдет на это, – категорично заявил Росс.

Мало нового внесли и последовавшие встречи с государственным секретарем Бейкером и помощником президента по национальной безопасности Скоукрофтом. Бейкер явно ждал главного разговора с Бушем, а Скоукрофта больше интересовало наше видение ситуации в Ираке. Может быть, лишь специальный помощник президента по вопросам кризиса в Персидском заливе К. Райс (когда пишу эти строки, она стала госсекретарем в администрации Буша-младшего), как мне показалось, понимала, что в наших предложениях есть по меньшей мере «полезное зерно».

Встречу со Скоукрофтом оживил неожиданный приход президента Буша, который, выбежав под проливным дождем из своего особняка, зашел, весь мокрый, только для того, как он сказал, чтобы пожать руку.

– Я жду с нетерпением встречи завтра утром, – услышали мы от Буша, покидавшего кабинет своего помощника.

19 октября, утром, мы приехали в Белый дом на прием к американскому президенту. Здесь уже были Бейкер, Скоукрофт, руководитель аппарата Белого дома Сунуну. Направление в Вашингтон личного представителя Горбачева для информирования о нашей миссии на Ближнем Востоке было подчеркнуто высоко оценено американским президентом. Он несколько раз возвращался к этой теме.

Живо интересуясь впечатлениями от разговора с Саддамом, Буш расспрашивал о его психологических особенностях, истории отношений с ним, задавал уточняющие вопросы, делал записи в блокноте. Было видно, что отдельные наши наблюдения не совпадали с точкой зрения президента. Но в общем создавалось впечатление, что Дж. Буш все еще не принял окончательного решения, нанести ли удар по Ираку. Он не только не исключал, но фактически высказался за нашу вторую встречу с С. Хусейном, сделав упор на ограниченности ее цели – «проинформировать Хусейна о бескомпромиссной позиции США». Но при этом все-таки добавил:

– Если появится позитивный сигнал со стороны Хусейна, то он будет нами услышан.

Двухчасовой разговор закончился словами Буша:

– Вы рассказали много интересного. В целом ряде высказанных идей есть для меня новое. Но мне необходимо посоветоваться с помощниками. Собираетесь ли вы задержаться в Вашингтоне?

Я сказал, что готов, если есть в этом необходимость.

– Через два-три часа дам вам ответ, – пообещал Буш, тепло попрощавшись с нами.

Ответ пришел раньше. Как представляется, многие из окружения Буша после нашего ухода стали куда более активными, чем во время беседы. Так или иначе, но двух-трех часов не потребовалось. Через сорок пять минут на ланче, который устраивал Дж. Сунуну, мне было сказано: «Президент просил передать, что вы можете

сами планировать время отъезда». Я понял, что продолжения разговора не будет.

После того как отправили в Москву подробную информацию о встречах с официальными американскими лицами, наш посол Бессмертных, постоянный представитель в ООН Воронцов, прибывший из Нью-Йорка, и я обменялись впечатлениями и пришли к одному выводу: усилия СССР в рамках самостоятельно предпринимаемой миссии абсолютно не противоречат советско-американскому взаимодействию для достижения главной принципиальной цели – ухода Ирака из Кувейта.

С большим удовлетворением хочу отметить, что эта идея прозвучала и на пресс-конференции в Белом доме. Уже после окончания «острой фазы» кувейтского кризиса, 2 марта 1991 года, президент Дж. Буш заявил, что «никогда не был в претензии» к Горбачеву в связи с его попытками найти мирное решение кувейтского кризиса.

– Я хочу поддержать Советский Союз в стремлении продолжать его многосторонние дипломатические усилия, которые уже внесли значительный вклад в решение ближневосточных проблем, – заявил Буш.

До отлета в Москву оставалось буквально несколько часов, когда маршрут пришлось изменить. От Горбачева поступило указание лететь сначала в Лондон, чтобы встретиться с премьер-министром Тэтчер, которая обратилась с соответствующей просьбой.

Наш посол в Лондоне Л.М. Замятин подчеркнул, что премьер-министр редко принимает посетителей в своей загородной резиденции Чекерс. Мне все-таки кажется, что я был удостоен этой чести по простой причине: была суббота, а уик-энд Тэтчер предпочитала проводить за городом. После часа автомобильной езды у тяжелых ворот старинного английского замка на безукоризненно ровной дорожке, усыпанной гравием, нас встретила Маргарет Тэтчер.

Премьер приняла нас в неофициальной обстановке. Мы сидели у камина в старинных креслах. Я познакомился с премьер-министром в сентябре 1989 года в Лондоне во время сессии Межпарламентского союза. А через считанные дни мне довелось встречать и провожать ее в московском аэропорту, когда она летела в Токио и обратно. Тэтчер вспомнила мою шутку о ее «легкой руке»: во время ее визита в Японию я был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Наша новая встреча, казалось, предвещала мирную беседу. Ничто не настораживало. Премьер-министр внимательно выслушала всю изложенную ей информацию, не перебивая. Но зато потом добрый час не давала прервать свой монолог, в котором в самом неприкрытом виде выразилась линия, набиравшая все большую и большую силу: не ограничиваться выводом иракских войск из Кувейта, а нанести сокрушительный удар по Ираку, «сломать хребет» Саддаму Хусейну, ликвидировать весь военный, а возможно, и промышленный потенциал этой страны.

– Нельзя мешать решению этой задачи, – сказала Тэтчер. – У Саддама Хусейна не должно быть ни тени сомнения в том, что мировое сообщество не отступит и добьется своих целей. Никто не должен даже пытаться вывести его режим из-под удара.

– Значит, вы не видите ни одного варианта, кроме военного? – с трудом вклинился я.

– Нет, – ответила Тэтчер.

– Когда же начнутся военные действия?

– Этого я сказать не могу, так как они должны начаться неожиданно для Ирака.

Разговор с Тэтчер уже вышел за двухчасовые рамки. Почувствовав, что он приобретает все более острый характер, я сказал:

– Может быть, на этом закончим, госпожа премьер-министр? Мне было полезно побеседовать с вами. Я про-

яснил для себя вашу позицию. Надеюсь, что какую-то пользу разговор принес и вам.

И вдруг в одно мгновение «железная леди» вновь стала доброжелательной, любезной хозяйкой:

– Давайте переменим обстановку, пройдем в библиотеку, немного отвлечемся от дел.

Тэтчер, как мне показалось, осталась довольна тем, что я, последовав ее примеру, предпочел всем другим напиткам виски.

Провожала нас она опять до ворот старинного замка Чекерс. Но такая любезность с ее стороны не изменила моего мнения: беседа с Тэтчер была запланирована, чтобы вылить на нас ушат холодной воды.

Главный вывод от поездок за океан и в Европу сводился к следующему: барометр ситуации явно указывает на военное решение. Президент Буш, возможно, еще выжидал. Однако на него, судя по всему, оказывалось все усиливающееся давление. Вместе с тем руководители стран, которые довелось посетить, высказали заинтересованность в продолжении наших контактов с ними по поводу развития обстановки в зоне Персидского залива.

Выслушав мой доклад, Горбачев дал указание продолжить миссию и с этой целью вылететь в Каир, Дамаск, Эр-Рияд и Багдад. В столицах Египта, Сирии и Саудовской Аравии мне предстояло еще раз обговорить те или иные возможности активизации «арабского фактора», чтобы заставить Ирак вывести войска без применения военной силы и без его «вознаграждения». А во время второй встречи с Саддамом обрисовать ему полную картину ситуации, с которой придется столкнуться в случае отказа следовать требованиям мирового сообщества. Особый смысл миссии заключался в том, что это был практически единственный канал прямого выхода на Саддама Хусейна.

24 октября мы вновь вылетели из Москвы. На следующий день состоялась встреча с президентом Сирии

Хафезом Асадом. Я знал его много лет, встречался с ним не однажды. Поэтому беседа сразу приняла непринужденный характер. Асад вообще умел по-особому внимательно слушать собеседника, вплетая свои идеи в ткань разговора. Обладая большим политическим опытом, он предложил интересную «формулу».

– А что, если устроить встречу лидеров арабских государств, с тем чтобы они обратились к Саддаму Хусейну с призывом «в интересах всей арабской нации» вывести войска из Кувейта. В этом обращении следовало бы также сказать, что такой вывод откроет путь, как надеются арабы, к решению палестинской проблемы.

– А удастся ли созвать такую встречу в верхах?

Однозначно он не ответил на этот вопрос, но сказал, что СССР «является, может быть, единственным государством, которое способно в контактах с Саддамом Хусейном подготовить арабское решение».

26-го мы были в Каире, где произошла встреча с президентом Египта Мубараком, которого я тоже знал много лет.

И здесь акцентированно прозвучала незаинтересованность в войне. Мубарак тоже высказался в поддержку советской инициативы и, в свою очередь, обогатил ее следующим предложением: если Хусейн согласится безоговорочно вывести войска из Кувейта, то можно будет дать ему гарантии создания условий, благоприятствующих его дальнейшим переговорам с Кувейтом. На прямо поставленный вопрос Мубарак без колебаний ответил: гарантии Египет может дать заранее.

– А как Саудовская Аравия?

– Могу твердо обещать, что к таким гарантиям присоединится и Саудовская Аравия.

Вместе с тем Мубарак с большим, чем Асад, скептицизмом отнесся к возможности встречи арабских лидеров. Не скрывал он личной неприязни, даже враждебности к иракскому лидеру.

После встреч в Дамаске и Каире казалось, что оптимизм чуть-чуть возрос. Хотя, конечно, ключ от успеха предпринимаемой миссии находился в Багдаде, а поездка туда вдруг была поставлена под вопрос. Тарик Азиз пригласил нашего посла Посувалюка и заявил ему, что в иракском руководстве крайне негативно относятся к принятию новой резолюции Совета Безопасности ООН, требующей от Ирака компенсации за нанесенный ущерб в Кувейте. По словам Азиза, Советский Союз «активно проталкивал резолюцию», и в такой обстановке, по его заключению, навряд ли может быть плодотворным приезд представителя президента СССР в Багдад.

Я решил связаться с нашим посольством в Багдаде и продиктовал для передачи Т. Азизу текст примерно следующего содержания: вызывает по меньшей мере недоумение, что в тот ответственный момент, когда Москва предпринимает все от нее зависящее, чтобы найти политический выход из ситуации, иракская сторона ставит на этом пути препоны. Передал Тарику Азизу, что в таких условиях мой приезд в Багдад будет возможен только в случае получения повторного приглашения. Если до обеда следующего дня ответа из Багдада не будет, поездка отменяется. Наш посол в Багдаде незамедлительно выполнил поручение, и так же незамедлительно Т. Азиз дал ответ: в Ираке на самом высоком уровне готовы встретить представителя президента СССР.

На следующий день мы приземлились в багдадском аэропорту. Вторая встреча с Саддамом Хусейном была такой же продолжительной, как и первая, и тоже состояла из двух частей – сначала в присутствии других, затем – беседа один на один.

Характерно, что Саддам пригласил на встречу практически все иракское руководство. Все были одеты одинаково – в военную униформу. Начал беседу Саддам со слов:

– Я специально позвал сюда коллег по руководству – пускай послушают наш разговор, среди них ведь есть «ястребы» и «голуби». Я бы предпочел, чтоб здесь сидели одни «голуби».

– В таком случае здесь останется только наш любимый президент, – отреагировал Т. Рамадан.

Не исключаю, что, деля руководителей Ирака на две группы, С. Хусейн умышленно хотел показать: существует определенное поле для маневрирования. Но сомневаюсь, что слова о «разнообразии мнений» в иракском руководстве отражали реальную картину. Все решал один человек. Те, кто в прошлом не соглашались с ним, были, как говорится, далече. А оставшиеся полностью поддерживали все его решения. Субординация выдерживалась даже во внешнем плане. Когда я попросил поговорить со мной один на один, то каждый из иракцев, покидая комнату, подходил к лидеру, щелкал каблуками и откланивался. Может быть, «свободомыслие» выражалось главным образом в том, что некоторые из присутствовавших на встрече особенно рьяно кивали головами, демонстративно соглашаясь с высказываниями Саддама, а другие это делали с меньшим энтузиазмом, но все-таки делали.

Вторая встреча с Саддамом Хусейном прежде всего представляла интерес с точки зрения ее сопоставления с первой. По моему мнению, которое разделили и коллеги, за три недели все-таки произошли определенные изменения. 28 октября Саддам Хусейн не воспринял негативно, как это было три недели назад, мои слова, что выход войск из Кувейта должен «предшествовать любым другим действиям».

Другая «подвижка» – готовность Хусейна, который уже не отмалчивался, как это было при первой встрече, говорить в достаточно конкретных категориях о решении проблемы иностранных заложников в Ираке. Эти идеи сводились к следующему: он хотел, чтобы с призывом освободить заложников к нему обратились президенты

СССР и Франции, подтвердив свою приверженность «политическому урегулированию кризиса в зоне Персидского залива, а также других проблем всего региона». Еще одним элементом такого обращения должно было, по мнению Хусейна, стать осуждение всякого применения силы против Ирака.

Я сказал Хусейну, что обращение с такими формулировками нереально, хотя и обещал незамедлительно проинформировать о его предложении Горбачева, находившегося в то время с визитом во Франции. Однако интересно отметить, что в ответ на мои слова о неприемлемости предлагаемых формулировок Тарик Азиз сказал о готовности обсуждать и другие предложения советского и французского президентов по этому вопросу.

Хусейн продемонстрировал свой интерес к идее привлечения арабских лидеров к урегулированию. Обратило на себя внимание, что он выделял Саудовскую Аравию в качестве главного, а возможно, и единственного арабского партнера для переговоров, подчеркнув, что готов встретиться сам или направить своего представителя для встречи с соответствующими саудовскими представителями «в любое время и в любом месте».

Но на главный вопрос – готов ли вывести иракские войска из Кувейта – Саддам не ответил «да». Он, как и раньше, по-видимому, полагал, что есть время, для того чтобы выторговать выгодные для себя условия.

В то время, когда мы летели из Багдада в Эр-Рияд, президенты СССР и Франции выступали в Париже на совместной пресс-конференции. Идея политического урегулирования прозвучала и в выступлении Миттерана, и в выступлении Горбачева, где он сослался на то, что в 5 утра получил в Париже телеграмму от меня из Багдада.

Итак, мы в Саудовской Аравии. Главная встреча в этой стране прошла в Джидде, где за прямоугольным вытянутым столом, совсем как в московских официальных кабинетах, собрались члены правящей семьи во главе с ко-

ролем Фахдом. Здесь были и наследный принц Абдалла, и министр обороны принц Султан, и министр иностранных дел принц Сауд аль-Фейсал.

Я подробно изложил нашу позицию по кувейтскому кризису. Когда сказал, что Советский Союз, не отступая ни на шаг, исходит из бесспорной необходимости вывода иракских войск и восстановления в Кувейте ситуации, существовавшей на 2 августа, но стремится достичь этой цели политическими средствами, король Фахд зааплодировал. Саудовцы вообще располагают к себе своей непосредственностью, естественностью. Может быть, в этом сказывается и бедуинский характер – в общем доброжелательный.

Король и его окружение не отвергали идею «невидимого пакета» для разговора с Саддамом Хусейном. Но в то же время их, так же как и американцев, тревожило: не будет ли это воспринято Саддамом как повод тянуть время в целях укрепления своих позиций в Кувейте? Очевидно, были в королевской семье такие, кто склонялся к немедленному переходу к военным акциям. Однако думаю, что король Фахд занимал более взвешенную позицию. Он – смею утверждать – искренне надеялся, что все-таки удастся заставить Ирак уйти из Кувейта невоенными методами.

Конечно, я передал королю слова Саддама, что именно Фахд, больше чем кто-либо другой из арабских лидеров, может сыграть ведущую роль в урегулировании кувейтского кризиса, а также предложение провести иракско-саудовскую встречу. Чувствовалось, что король не хотел принимать решение, что называется, «с колес». Сказывалась (да и не могло быть иначе, особенно в условиях пребывания американских войск на территории Саудовской Аравии) тесная координация между саудовцами и американским руководством. Но Фахд выступил за продолжение нашей миссии и сказал, что направит

послание президенту СССР с размышлениями о ситуации с учетом подробной беседы с нами.

Министр иностранных дел Сауд аль-Фейсал передал пожелание эмира Кувейта встретиться с представителем президента СССР. Во время ввода иракских войск в Кувейт эмиру удалось бежать из подвергнувшегося штурму дворца и перебраться в Саудовскую Аравию. Саудовцы сказали, что королевский самолет может доставить нас в Таиф, недалеко от которого в отеле «Шератон» размещалась временная резиденция эмира.

Заинтересованность саудовцев в нашей встрече с руководителем Кувейта была очевидной. Эта встреча была важна и для нас – она давала возможность узнать непосредственно от кувейтского руководителя о его отношении к политической активности СССР – ведь по вполне понятным причинам Кувейт, больше чем кто бы то ни было, придерживался жесткой линии, считал необходимым применить силу против Ирака.

На аэродроме в Таифе нас ждал министр иностранных дел Кувейта. В машине он рассказал о трагической судьбе населения этой страны, в том числе его родственников, оказавшихся в оккупации, – одни погибли, а о других он ничего не знал.

Эмир Кувейта встретил нас тепло и никоим образом не проявил сомнений в целесообразности попыток нащупать политический выход из лабиринта. Таким образом, беседа в отеле «Шератон» еще с одной позиции подтверждала правильность избранной линии.

В мыслях я возвращался к встречам с лидерами тех арабских стран, которые участвовали в антииракской коалиции. Конечно же беседы были разные. Но сложилось впечатление, что все они, испытывая острые антисаудомовские чувства и поставив своей целью осадить его, а возможно, и покончить с ним, всегда думали о том, что Ирак – арабская страна. И в этом плане как бы суще-

ствовал «резерв» в их позициях в пользу политического, мирного урегулирования.

Мы вылетели в Москву 30 октября. Совершили промежуточную посадку на аэродроме Ларнака на Кипре. Встречал нас министр иностранных дел Республики Кипр. Недалеко «под парами» стоял небольшой вертолет. Министр передал просьбу президента Кипра Василиу «подлететь к нему хотя бы на короткое время».

– Кипр, – сказал Василиу, – готов предоставить свою территорию для встреч, в том числе конфиденциального порядка, если они будут нужны, чтобы попытаться отодвинуть угрозу войны.

После моего возвращения в Москву Горбачев позвонил Бушу и сказал ему о готовности еще раз направить своего представителя в Багдад. Положительная реакция на предложение Горбачева прозвучала в выступлении Буша по радио. Но через несколько часов был приглашен в государственный департамент посол СССР, и ему сказали, что США не возражают против поездки в Багдад советского представителя, однако лишь для того, чтобы еще раз сказать Саддаму Хусейну: «Уходи из Кувейта».

III. И все-таки война

Между тем ставка на войну как средство разрешения конфликта в зоне Персидского залива была сделана. В 2.45 ночи 17 января меня разбудил телефонный звонок. Горбачев сказал:

– Язов, Бессмертных и Крючков уже в пути в Кремль, выезжай и ты. – Потом он пояснил: – Только что госсекретарь США позвонил домой министру иностранных дел СССР Бессмертных, и сообщил, что военные действия начнутся через считанные минуты.

Как и следовало ожидать, война началась с мощных ударов с воздуха. Сначала на аэродромы, радиолокационные системы Ирака обрушились ракеты, направленные с американских кораблей, находившихся в Персидском заливе, потом пошли в атаку бомбардировщики, в том числе «Стелс».

Представляется, что Хусейн до последнего времени все-таки исходил из того, что «многонациональные силы» не начнут военные действия. Это был еще один его просчет – может быть, фатальный. Мне рассказывали, что С. Хусейн прямо накануне войны заявил в своем окружении: «Я говорю вам, что Советский Союз запугивает нас неизбежностью удара – события идут по другому сценарию».

Несмотря на очевидные потери, Багдад сохранил большую часть мобильных ракетных комплексов. Особое значение С. Хусейн придавал ракетному обстрелу Израиля.

Несомненно, ставка делалась на то, что в случае ответных мер со стороны Израиля Ираку будет оказана поддержка даже теми арабскими странами (а возможно, и мусульманскими вообще), которые до этого момента сохраняли нейтралитет, причем некоторые из них – даже с антииракским оттенком. В ответ на ракетный обстрел Тель-Авива в Израиле действительно началось давление общественности на правительство с целью подтолкнуть его к вооруженной реакции на иракские провокации. Больших усилий стоило остановить израильское руководство. Это сделали главным образом Соединенные Штаты. Однозначно осудил ракетные обстрелы Израиля Советский Союз.

Война между тем эскалировала «по вертикали». Набирали интенсивность американские бомбардировки. Основной целью были военные объекты, промышленные предприятия, работающие на иракскую армию. Особое значение Соединенные Штаты придавали ударам по

ядерным реакторам, химическим предприятиям, центрам, в которых могло разрабатываться биологическое оружие.

В это время в Москве была создана «рабочая кризисная группа». В ее состав вошли министры иностранных дел, обороны, внутренних дел, председатель КГБ, помощник президента по международным делам Анатолий Черняев и я. На третий день войны – 19 января – Горбачев собрал нас, чтобы обсудить решение выступить еще с одной политической инициативой с целью прекращения войны в зоне Персидского залива.

Советскому послу в Багдаде было дано указание немедленно вступить в контакт с С. Хусейном либо передать ему через министра иностранных дел Т. Азиза следующее: если мы в конфиденциальном порядке получим заверения от Ирака о его готовности безоговорочно вывести войска из Кувейта, то обратимся к Соединенным Штатам с предложением о прекращении огня. Предварительно Горбачев информировал американское руководство о предпринимаемых СССР усилиях.

Багдад молчал в течение двух дней, а потом дал негативный ответ, объявив по радио, что с предложениями подобного рода «следовало бы обращаться к президенту Бушу».

Между тем под бомбардировки и ракетные обстрелы все больше попадали мирные жители Багдада и других городов. Были разрушены все электростанции страны. В результате перестали работать очистные сооружения при заборе воды, помпы, применяемые при эксплуатации канализации. Это предвещало серьезнейшие последствия, в том числе массовые эпидемии.

По мнению многих специалистов, Ирак ядерным оружием не обладал, но не исключалось, что могут быть использованы радиоактивные средства ведения войны, распыление их над войсками, а возможно, и над городами

Израиля и воюющих с Ираком арабских стран. Это вызывало особую тревогу.

На совещании «кризисной группы» 9 февраля мы предложили Горбачеву пригласить Т. Азиза в Москву.

– Нет, нужно направить нашего представителя к С. Хусейну непосредственно, – ответил президент. – У нас нет времени на «промежуточные» разговоры. – Обращаясь ко мне, Горбачев сказал: – Вылететь нужно как можно скорее.

На этот раз до Багдада добраться было несравнимо труднее. Сочли, что наилучший маршрут – через Иран. Официальные власти Ирана дали коридор нашему самолету из Тегерана до Бахтарана (бывший Керманшах), а далее предоставили автомобильный транспорт, чем мы воспользовались в четырехчасовом пути до границы.

Ехали по горной дороге кавалькадой с постоянной охраной, а также со сменяющимся сопровождением от района к району. Судя по всему, нас эстафетой передавали друг другу местные власти. Некоторые машины сопровождения были полицейскими. Другие, очевидно, принадлежали стражам исламской революции. Одна из них следовала с нами километров пятьдесят. На открытой площадке на ветру стоял почти подросток, вцепившись руками в гашетку зенитного пулемета. Было зябко даже глядеть на него, но он невозмутимо «выполнял свой долг».

Что поразило больше всего по пути – лежащие в руинах населенные пункты, повсюду остовы сгоревших танков. И это было практически во всей стокилометровой приграничной зоне, где прошли тяжелейшие ирако-иранские бои. Признаюсь, я не предполагал, что война Ирака с Ираном приведет к такому масштабу разрушений, к такой жуткой картине.

В Багдаде, когда Тарик Азиз возмущался бомбовыми ударами по территории Ирака, я рассказал об увиденном

на иранской территории, там, где вела бои иракская армия.

К границе подъехали уже в темноте. Пока оформляли документы – этим занимались тоже стражи исламской революции, которые фактически осуществляли пограничные, да и вообще все функции безопасности на территории Ирана, – мы вышли из «гостевого шатра» и сразу попали в гущу беженцев. Чемоданы, сумки, тюки, плачущие дети, женщины со скорбными лицами, холодно – все под открытым небом.

На иракской стороне нас встречали заместитель министра иностранных дел С. Фейсал и советский посол Виктор Посувалюк. Время было позднее, и мы двинулись на большой скорости к Багдаду. Периодически включающиеся фары машин, плотно следовавших в колонне, выхватывали из кромешной тьмы дорогу. Как только через два с лишним часа достигли пригородов Багдада, колонна сразу же рассыпалась. Машины, на которых мы ехали, – я убедился, что это характерно для всех автомобилей иракского руководства, – были в маскировочных целях заляпаны грязью. Но подумалось: не выделяет ли именно грязь эти машины из числа других, не демаскирует ли она тех, кто ими пользуется?

Мы остановились в отеле «Ар-Рашид». Нам сказали, что это самое безопасное место в иракской столице, так как здесь живут иностранные журналисты и, в частности, Питер Арнетт из американской телекомпании CNN. Электричества не было, лифты не работали, в шикарном номере горел керосиновый фонарь – я в отличие от моих коллег удостоился этой привилегии, – в ванной стояли чаны с запасенной водой.

Было тихо. Бомбардировки запаздывали, и американские журналисты, потянувшиеся на огонек, шутили: оставайтесь подольше, может, бомбежек не будет. Но, как говорится, «накликали». Через час завывла сирена воздушной тревоги, и в те две ночи, которые мы провели

в Багдаде, по свидетельству многих, происходили одни из самых ожесточенных бомбардировок города.

Встреча с Саддамом Хусейном состоялась вечером. Мы были готовы к тому, что нас поведут в бункер, может быть, вывезут далеко за пределы Багдада. Все оказалось намного прозаичнее. Привезли нас в один из гостевых домов в центре города. Мы сначала думали, что это перевалочный пункт и отсюда начнется «поход в подземелье». Но именно в этот гостевой дом, который озарился электрическим светом, так как неожиданно для нас заработал местный движок, пришел Саддам Хусейн со всем иракским руководством.

Речь он начал с заявлений, которые можно было расценить как попытку показать «непоколебимость» занятой Ираком позиции. Тон беседы, скорее всего, определялся присутствием его окружения. Создавалось впечатление, что он обращался не ко мне, а к нему.

Когда остались один на один, я сказал: американцы решительно настроены начать широкомасштабную сухопутную операцию, в результате которой группировка иракских войск в Кувейте будет разгромлена. Напомнил, что политика – искусство возможного, и предложил ему следующее: заявить о выводе войск из Кувейта, причем в этом заявлении определить наикратчайшие сроки такого вывода.

И этот вывод должен быть полным и безусловным.

Саддам Хусейн сказал, что готов вывести войска из Кувейта, и спросил, смогу ли я задержаться в Ираке – ведь ему еще нужно проконсультироваться с коллегами по руководству. Боясь, что он будет тянуть с ответом, я сказал, что задержаться не могу, так как должен выехать в 6 утра к иранской границе. Саддам согласился собрать иракское руководство этой ночью и заявил: официальный ответ привезет в советское посольство (телефонная связь также была выведена из строя бомбардировками) через несколько часов Тарик Азиз.

Я сразу же поехал в посольство. В комнате собралась большая часть тех тринадцати советских граждан, что находились в те дни в Багдаде. Эти мужественные люди без всякой рисовки и жалоб переносили все тяготы багдадской жизни – без электричества, без чистой воды, в холодных, нетопленых помещениях (в Багдаде в это время года холодно, к утру лужи покрываются коркой льда). Бензин буквально собирали по литрам, и не для отапливания или освещения помещений, а для «движка», чтобы поддерживать связь с Москвой. Работники посольства, добровольно оставшиеся выполнять свой долг, значительную часть времени проводили в металлической трубе диаметром два метра, засыпанной землей и обложенной балками. Бомбоубежищем конечно же эту трубу можно назвать лишь условно, но, как уверяли нас наши друзья, они надежно укрывались здесь от осколков, которые в изобилии падали с неба во время обстрелов самолетов, налетающих на Багдад.

В 2 часа ночи 13 февраля приехал Тарик Азиз. Он привез письменное заявление, в котором говорилось: иракское руководство серьезно изучает идеи, изложенные представителем президента СССР, и даст ответ в ближайшее время.

Тарик Азиз сообщил, что в воскресенье он вылетает в Москву. Я был в полном недоумении: неужели С. Хусейн не понимает, что время не терпит? Неужели он опять на что-то надеется?

Азиз прилетел в Москву 17-го вечером на специально присланном за ним в Тегеран советском самолете.

Горбачев предложил иракскому руководству незамедлительно заявить о полном выводе своих войск из Кувейта и определить максимально конкретные сроки для этого. Тут же Горбачев связался по телефону с президентом США и руководителями ряда западноевропейских стран. Тарик Азиз немедленно отбыл на родину, так же – через Иран.

20-го вечером из Багдада поступило сообщение о том, что в Москву вновь прилетает Тарик Азиз, – он попросил прислать за ним советский самолет к 17.00 следующего дня в Бахтаран.

Несколько раз Горбачев звонил по телефону, спрашивая, есть ли сведения о том, когда прибывает Азиз. Сведений не было. Стало известно только, что он задерживается в Тегеране. Только в 20.15 по московскому времени 21 февраля поступило сообщение, что он на борту самолета. Наступала ночь, и возникло предложение перенести встречу у президента СССР на утро. Горбачев отказался: время достигло критической отметки, переговоры нельзя откладывать ни на час.

Тарик Азиз прямо с аэродрома прибыл в Кремль в начале первого ночи. Разговор длился до трех часов утра 22 февраля. Главным была готовность Ирака полностью вывести свои войска из Кувейта. Вместе с тем иракцы утверждали, что не смогут сделать этого в предельно сжатые сроки, мотивируя это тем, что предстояло вывести огромную армию в условиях, когда разбиты мосты, дороги. Называли сначала срок в 3–4 месяца, потом под нашим нажимом «минимальный» – 6 недель. Тарик Азиз твердил, что уменьшить этот срок не может ни на один день.

В четвертом часу утра у Горбачева состоялся продолжительный телефонный разговор с Бушем. При этом разговоре я находился в кабинете президента СССР. Буш выразил признательность за усилия, предпринимаемые Советским Союзом. Вместе с тем, как и ожидалось, он подчеркнул, что не удовлетворен сроками вывода иракских войск.

На переговорах утром 22-го родились согласованные пункты, первым и главным из которых был следующий:

«Ирак соглашается выполнить резолюцию 660, то есть незамедлительно и безусловно вывести все свои войска из Кувейта на позиции, которые они занимали

1 августа 1990 года». Под нашим давлением иракцы сократили сроки вывода своих войск из Кувейта, но лишь до 21 дня. Мы говорили Т. Азизу, что это нереально, что такую «растяжку» в эвакуации из Кувейта не примет антииракская коалиция, а он утверждал, что, по полученным от Саддама инструкциям, не может отступить от этих сроков. Даже относительно 21 дня Т. Азиз сказал, что нуждается в подтверждении Саддама Хусейна, однако добавил, что сам не сомневается в положительном ответе. Несмотря на такую «уверенность», Азиз все-таки предложил мне вместе с ним вылететь в Багдад, для того чтобы «проинформировать Хусейна».

Понимая, что время не терпит, мы отклонили этот вариант, считая возможным связаться с иракским руководством из Москвы. Предложили Азизу воспользоваться нашими передатчиками и послать телеграмму через советское посольство в Багдаде даже иракским шифром. Однако без электричества не работала машина, с помощью которой в иракском МИДе предстояло расшифровать телеграмму. Пришлось с согласия Азиза переводить ее в Москве на русский, затем посылать уже нашим шифром в посольство в Багдаде и там переводить на арабский.

Развитие событий показало, что затяжка времени с иракской стороны, неопределенность в сроках вывода иракских войск из Кувейта оказались фатальными.

22 февраля в 19 часов по московскому времени президент Буш предъявил ультиматум Ираку с требованием вывести войска с территории Кувейта в недельный срок, в том числе из города Эль-Кувейт за 48 часов, и начать этот вывод 23 февраля до 12 часов дня по нью-йоркскому времени.

23 февраля в 12 часов Тарик Азиз встретился с журналистами в пресс-центре МИДа СССР. Он огласил решение иракского руководства вывести все свои войска из

Кувейта, и только. Сразу после этого Тарик Азиз отбыл в Ирак. Прощаясь с ним, я отвел его в сторону и сказал:

– Разве не понятно, что иракское руководство все время опаздывает? Если бы, например, ты приехал в Москву 17 февраля уже с теми предложениями, которые привез во второй раз 21-го, или, еще лучше, если бы эти предложения были одобрены Саддамом Хусейном во время моей встречи с ним в Багдаде, то, возможно, ситуация была бы другой. Как вы не понимаете, что нынешний момент – не для торговли и маневрирования?

Когда уже прошла масштабная сухопутная операция, иракская группировка в Кувейте была разгромлена и оккупанты быстро ушли за его пределы, многие задавали вопрос: а стоило ли вообще использовать шанс на политическое урегулирование? Может быть, именно военная развязка была оптимальной?

С таким выводом согласиться не могу, прежде всего потому, что гибель каждого человека – это трагедия. У коалиции потерь было не много, но когда «осела пыль» от операции «Буря в пустыне» и открылась настоящая картина разрушений и жертв на иракской стороне – они оказались велики. В ходе военных действий вся информация о жертвах и разрушениях подверглась в Соединенных Штатах жесткой цензуре.

Конечно, невозможно изменить события, которые уже прошли. Естественно, легко ретроспективно все расставить по своим местам. Но если бы Ирак не совершил агрессии против Кувейта, не попытался аннексировать эту страну, катастрофически не запаздывал каждый раз с осознанием реальностей, если бы у иракского руководства было больше ответственности, и если бы кое-кто на Западе не подталкивал военное решение и не считал миссию СССР направленной на достижение каких-то своекорыстных целей, и если бы... самой войны и ее эскалации могло бы не быть.

Глава IV

ПАРАДОКСЫ И ПЛАЧЕВНЫЙ ФИНАЛ ПЕРЕСТРОЙКИ

Разрушать – профессия тех, кто не умеет строить.

Р. Эмерсон
(американский философ и поэт)

После неудачных попыток привести ситуацию в зоне Персидского залива к политическому урегулированию я в Президентском совете, а после его роспуска в Совете безопасности занимался главным образом внешнеэкономической деятельностью. Но, будучи кандидатом в члены Политбюро, с близкого расстояния мог разглядеть и выходящие за пределы внешнеэкономических проблем коллизии, которые в конечном счете привели к поражению горбачевских реформ, а затем и к тому, что перестал существовать Советский Союз. Естественно, я не просто разглядывал обстановку, а пытался влиять на нее, но был в то время не на тех ролях, от которых в решающей степени зависел ход событий. Однако с позиции сегодняшнего дня понимаю, что, как и другие, мог все-таки сделать больше, для того чтобы мы все избежали такого финала столь обнадеживающего процесса, получившего название «перестройка».

I. Почему развалился СССР?

Трагический финал заключался в распаде Советского Союза. Перестало существовать некогда одно из самых могучих государств с мощной экономикой, огромным научно-техническим потенциалом, сопоставимое по военно-стратегическим параметрам с Соединенными Штатами. Распад СССР болью отозвался в сердцах не только большей части его населения, но и многих людей за рубежом, где справедливо рассматривали Советский Союз, особенно в период его несомненной демократизации, как контрбаланс гегемонистским тенденциям в мире.

Почему перестал существовать Советский Союз? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Часть причин развала СССР кроется в несовершенстве его федеральной структуры, в субъективных промахах, ошибках советских руководителей. Другая группа причин – это ошибки, допущенные уже во время перестроечного процесса. Наконец, самым негативным образом на развитие ситуации сказалось противоборство Горбачева и Ельцина. Определенную, но не главную роль сыграли США и их союзники по НАТО.

В.И. Ленин в последние годы перед своей смертельной болезнью, когда он еще мог руководить строительством страны или хотя бы принимать посильное участие в этом процессе, явно находился на стороне тех, кто противился созданию унитарного государства. Это видно и по его письмам, в которых не просто содержались обвинения ряда руководящих работников Центра (причем, как правило, нерусских) в шовинистических настроениях в отношении «националов», но и был сделан явный акцент в пользу федерализма.

В дальнейшем победила линия на «показной», «витринный» федерализм, отражаемый в сменявших друг

друга конституциях. Однако, по сути, было создано абсолютно унитарное государство. Союзные республики лишь провозглашались суверенными, самоуправляемыми. На самом деле все в главном предписывалось Москвой.

Нельзя отрицать того, что в республиках создавались условия для развития национальной литературы, искусства, кинематографа, театра, национального образования. Самым положительным образом сказывалось необходимое для этого тесное общение интеллигенции различных республик. На местах развивались наука, промышленность. Но всем руководили из Центра. Даже вопросы строительства тех или иных предприятий в республиках часто решались не на основе экономической целесообразности, а по политическим мотивам.

Характерно в этом плане сооружение металлургического комбината в Рустави (Грузия), куда издалека поставлялись и руда, и коксующийся уголь. Но зато комбинат должен был способствовать созданию и укреплению настоящего рабочего класса в преимущественно «мелкобуржуазной» республике.

Из Центра диктовалась для неукоснительного выполнения и кадровая политика. Додумались до «наместников», направляемых из Москвы, в виде вторых, а подчас и первых секретарей ЦК республиканских компартий. Как сейчас говорят, лица «титულიной» национальности обычно не занимали постов руководителей республиканских КГБ. Между тем понятно, что парторганы и КГБ были фактическими хозяевами в республиках.

А как на деле выглядела «федеральная вертикаль» по парламентской линии? Каждая республика имела разрядку из отдела оргпарработы ЦК КПСС на замещение работниками из Москвы целого ряда мест кандидатов от республик в депутаты Верховного Совета СССР (считай, депутатов, так как назначение кандидатов было идентично выборам в депутаты, которые происходили чисто формально). Когда, например, решили, что директор

Института мировой экономики и международных отношений Академии наук должен стать депутатом Верховного Совета СССР, то меня выбрали от Киргизии. Вполне понятно, что альтернативных кандидатур не было, я провел ряд встреч с избирателями, которые живо интересовались главным образом тем, смогу ли я помочь тому или иному району с поставками стройматериалов, комбайнов, грузовых автомобилей, строительством школы.

В середине 1980-х годов положение стало меняться. В республиках начали брать верх силы, делающие ставку на самостоятельность, суверенитет. Однако в жизни это происходило на фоне роста настроений против «русского центра». При этом широкое распространение получила точка зрения, что в предшествовавшие годы якобы происходила своеобразная «перекачка» ресурсов из «богатейших союзных республик» в РСФСР.

Глаза на истинное положение дел открылись позже, когда после развала единого экономического пространства в отделившихся республиках жизненный уровень стал значительно ниже, чем в России. Конечно, сказались и изнурительные межнациональные конфликты в некоторых бывших республиках СССР. Вместе с тем проявилась безосновательность обвинений в том, что РСФСР получала в прошлом больше от других республик, чем они от нее.

Закономерно, что настроения в пользу суверенитета стали быстро развиваться и в России. Они подпитывались стремлением консолидироваться на своей территории, раз и навсегда отойти от того положения, когда Россия командовала, но во многом растворялась в СССР. В немалой степени сказывалось и недовольство тем, что Россия оставалась донором в то время, когда приходили к экономическому упадку огромные ее территории – Нечерноземье, Зауралье, Дальний Восток.

В таких сложных условиях многое зависело от правильной, выверенной политики Центра, а такой линии выработано практически не было.

Хорошо помню обсуждение этих вопросов в Политбюро. В первую очередь звучала тревога по поводу того, что ослабление России, возможно, сломает тот «российский стержень», на котором держался Советский Союз. Это была реальная угроза. Но реальными были и те настроения, которые, подстегиваемые «суверенизацией» национальных республик, быстро распространялись в русских областях, не только среди русского, но вообще российского населения. Одним из центральных стал вопрос о создании компартии России. Как известно, все союзные республики, хотя и формально, имели свои партии, входящие в КПСС, а Россия была лишена этого, и можно прямо сказать, по причине того, что союзные партийные руководители всегда опасались – и не без основания – создания мощного российского партийного центра, который, несомненно, мог бы выступать на равных или вообще отодвинуть ЦК КПСС на второй план.

Движение в пользу создания компартии Российской Федерации ширилось и начало приобретать организационные формы. Что было делать в таких условиях? Противодействовать этому – и бесполезно, и контрпродуктивно. На заседании Политбюро некоторые члены, кандидаты и секретари ЦК, в том числе и я (об этом позже писал избранный первым секретарем ЦК И.К. Полозков), выступили за то, чтобы ЦК КПСС официально поддержал эту идею. Были и те, кто с этим не согласился, но линия на поддержку создания КПРФ победила.

Что это дало? Политбюро ЦК не пошло против воли значительной части партийных масс, но объективно это не укрепило центристские тенденции в Советском Союзе. Однако иного решения на тот период попросту не было.

Все это происходило на фоне практического бездействия в реформировании партии. Исключение VI статьи Конституции, утверждавшей руководящую роль партии в СССР, само по себе не вело к демократизации партийной

жизни. Очевидно, следует сказать и о том, что не изменившая свой характер, стиль работы КПСС лишь отошла от прямого руководства государства. Это отразилось и в том, что Горбачев стремился не к тому, чтобы перейти с поста генерального секретаря партии на пост президента СССР. Речь шла об объединении этих двух должностей в одном лице.

Естественно, с расстояния прожитых лет легче рассуждать о недостатках и ошибках, абстрагируясь и от инерции мышления всех (хотя бы на первых порах) лидеров государства в этот реформаторский период, и от реального соотношения сил в стране, выбиравшей новый путь развития. Но факт остается фактом: неудачи перестроечного процесса были predeterminedены тем, что экономическое реформирование и демократизация общества не могли быть осуществлены при сохранении главенствующей роли мало измененного ЦК КПСС и партии в целом.

Половинчатость принимаемых решений привела к фактическому расколу партии, который, однако, опасались закрепить организационно. Партийные руководители, особенно на местах, самым активным образом сопротивлялись тому, чтобы их значение было принижено. Они выступали на общесоюзных форумах с резкой критикой «антисоциалистической» сущности перестройки. В большинстве случаев за такой критикой скрывались личные мотивы или чисто догматическое представление о социализме, но у части выступавших проявлялось искреннее несогласие с реформами в связи с тем, что линия перестройки оказалась отнюдь не выверенной, особенно в хозяйственно-экономическом плане, не была развернута столь необходимая борьба с преступностью, поднявшей голову, против сепаратистских элементов, раскачивавших страну.

Я слышал много таких выступлений и на пленумах ЦК, и на заседаниях съездов народных депутатов, и в

Верховном Совете СССР. Горбачев и целый ряд лиц из его окружения воспринимали их болезненно. Я принадлежал к тем, кто считал, что нужно взять на вооружение рациональное зерно из некоторых таких выступлений, но только в том случае, если ясно, что их авторы – за радикальные изменения в нашей общественной и экономической жизни.

Лишь процесс демократизации партии позволил бы изолировать в ней деструктивные, догматические элементы и идеи. Это могло привести к постановке вопроса об организационном ее расколе. К здоровой части, несомненно, отошли бы и те, кто, не принимая тоталитарную систему, в то же время критиковали Горбачева и его окружение за серьезные ошибки в экономическом и государственном строительстве. Можно было бы рассчитывать и на то, что к здоровой части партии отойдет уже отколовшаяся от нее и набирающая вес прослойка, состоящая главным образом из представителей интеллигенции, которая начинала сильно критиковать Горбачева за нерешительность в реформировании, демократизации страны.

Перед XXVIII съездом Горбачев спросил, кто из нас хотел бы остаться в Политбюро. Большинство, в том числе и я, ответили, что считаем несовместимым членство в ЦК с занятием государственных постов. С этим согласились. Тем не менее на съезде настояли, чтобы министры обороны, иностранных дел, председатель КГБ все-таки были членами ЦК. Все занимавшие эти посты такую позицию приняли.

Что касается меня, то в своем выступлении на съезде я заявил: «Считаю твердо, что члены Президентского совета не должны входить в Политбюро, и буду действовать на основе этого убеждения». В этом же выступлении, касаясь роли партии, подчеркнул, что одной из главных причин осложнения обстановки в стране был тот факт, что мы не действовали «опережающими тем-

пами» в области обновления партии, которая после отказа от конституционно гарантированной ведущей роли в обществе должна была встать на путь завоевания места ведущей силы.

Партия, по сути, на этот путь не встала. Оказалась не готовой действовать в тот момент демократическим путем, согласиться с существованием в ней «разномыслящих, но равно ответственных за перестройку сил», с политическим плюрализмом в стране. Негативно сказалось и отсутствие новой идеологической основы деятельности. Ее не могли заменить сентенции типа «социализма с демократическим лицом».

В это время в стране стал расти рейтинг Б.Н. Ельцина, который динамично выдвигался в лидеры. Без «ельцинского фактора» уже нельзя было ни оценивать обстановку, ни делать прогнозы ее развития.

Что касается роли и места партии в обществе, то позиция Ельцина в общем не отличалась радикально от позиции Горбачева. Работая первым секретарем Московского городского комитета КПСС и будучи кандидатом в члены Политбюро, Ельцин отнюдь не выступал против руководящей роли партии. Но уже на том этапе, – а я присутствовал на пленуме ЦК, когда Борис Николаевич неожиданно для большинства находившихся в зале подал в отставку с поста кандидата в члены Политбюро, – он выступил против порядков, существовавших в высшем партийном органе. Но что хотелось бы отметить: он не просил отставки с поста первого секретаря московской парторганизации.

Дальнейший расклад был вполне ожидаемым. Все выступавшие осудили – кто резче, кто мягче – «проступок» Ельцина. Ни один не выступил в его поддержку. Создавалось впечатление, что Горбачев в тот момент хотел если не вывести его из-под удара, то во всяком случае смягчить этот удар.

Просьбу Ельцина удовлетворили. А через несколько дней освободили его и от поста первого секретаря МГК –

в результате хорошо подготовленной, главным образом отделом оргпартрabоты ЦК, антиельцинской кампании в Москве. Мне представляется, что и в тот момент Горбачев не занимал крайних позиций, он даже пытался «оставить дверь приоткрытой», но тон в отношении Ельцина уже задавали другие, а Горбачев им не противодействовал, возможно, опасаясь усиления в партии «антиперестроечного ядра».

Но все это еще не привело Ельцина к отрицанию лидирующей роли партии. Об этом свидетельствовало его выступление на XIX партконференции, где он признал свои ошибки. Лишь после этого «неуслышанного» партией выступления Ельцин начал политически дрейфовать в сторону отказа от модели партийного руководства, ставя это условием демократизации общества, а затем, после путча ГКЧП, перешел на антикоммунистические позиции.

Как-то один из моих друзей-политологов сказал мне: «А знаешь, если б Ельцин был избран генеральным секретарем партии, она сохранила бы свое значение и место в обществе». Думаю, что он был прав. Но после XIX партконференции развитие событий приобрело собственную логику. Я бы выделил в ней два основных элемента: во-первых, набирающую силу неприязнь, соперничество и борьбу между Горбачевым и Ельциным и, во-вторых, все большее влияние, которое оказывала на Ельцина обладавшая значительным интеллектуальным потенциалом Межрегиональная группа, которая явно подталкивала его к лидерству в стране.

В это время уже возник российский центр во главе с Б.Н. Ельциным, который выиграл борьбу за Верховный Совет РСФСР, а затем стал первым президентом России. Во многом руководствуясь интересами борьбы за власть, Ельцин и его окружение поставили своей целью добиваться абсолютного суверенитета Российской Федерации. В этих условиях на их сторону начали перетекать те,

кто вынашивал идеи независимости национальных республик.

С этого момента, с учетом истинного места России в экономике и политике СССР, можно было реально говорить о двоецентрии. Личные отношения Горбачева и Ельцина, слегка сглаженные отдельными «доверительными контактами», оказывали все более негативное влияние. Неприязнь подогревалась влиятельными людьми из их окружения.

Реальная сила и власть постепенно переходили к Ельцину. Процесс, конечно, был непростой. У всесоюзного руководства в руках оставались важнейшие рычаги управления. Но дело было в том, что они использовались все менее активно и здраво на благо развития экономики, сохранения союзного государства.

Мне представляется, что развала Советского Союза могло бы не быть при успехах союзных властей в решении основных задач, стоящих перед страной.

Одним из наиболее актуальных и важных было со вмещение неумолимого процесса обретения республиками суверенитета с сохранением единого экономического пространства в рамках Союза и всеобщим переходом к рыночным отношениям. Я бы даже назвал это главной задачей. На успех можно было бы рассчитывать лишь в случае согласованных и взаимообусловленных решений союзного руководства и руководства Российской Федерации. Их не было.

В моем архиве сохранились записи с совещания экономистов у М.С. Горбачева 16 марта 1991 года. Среди участвовавших был эстонский экономист, несомненно влиятельный в балтийских депутатских кругах М.Л. Бронштейн. «Главная причина трудностей, – сказал он, – резко растущее противостояние Центра и республик. Нужно разграничить во времени подписание экономического и политического Союзного договора». Эта мысль высказывалась не впервые.

Горбачеву предлагали сначала подписать экономический договор, который – уверен, так как говорил со многими руководителями союзных республик, – подписали бы все, в том числе и прибалты. В ноябре 1990 года, накануне четвертого съезда народных депутатов, мы на даче в Волынском готовили доклад президента СССР «О положении страны и мерах по преодолению сложившейся кризисной социально-экономической и политической ситуации». Присутствовали А.Н. Яковлев, С.С. Шаталин, В.А. Медведев, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров, Е.Г. Ясин и другие. Так как мне было поручено подготовить часть доклада по проблемам власти, я озвучил, уверен, разделяемую многими из перечисленных лиц идею о первоначальности экономического договора. Предложение на этот счет сначала было воспринято Горбачевым, не скажу что с большим энтузиазмом, но отвергнуто с ходу не было. На следующий день, однако, он сказал:

– Не пойдет.

– Почему? – спросил я. – Ведь это проходной вариант, причем все республики согласны с тем, что при подписании экономического договора они возьмут на себя определенные обязательства, без которых не сможет функционировать единое экономическое пространство.

– Если мы подпишем экономический договор, – ответил Горбачев, – то многие останутся на нем и не захотят подписать Союзный, который уже готов, и все заявили о своем согласии присоединиться к нему.

– Да, но ведь и экономический договор подразумевает создание наднациональных структур. Нужно начать с экономики, а затем наращивать политические структуры Союза.

Горбачев отверг эту идею. Думаю, что он искренне верил в реальность Союзного договора и возможность его подписания. Так или иначе, но развести по времени экономический договор, приемлемый для всех, и политический не удалось.

Стало еще сложнее оттого, что вместо создания общесоюзной рыночной инфраструктуры ставку сделали на так называемый «региональный хозрасчет». В республике передавалась государственная собственность. В некоторых из них решалось, отчислять ли средства в союзный бюджет. Провозглашался приоритет республиканских законов над союзными.

В общем, дело шло к распаду не только Союза, но и единого экономического пространства.

Иногда можно было услышать: «Давайте действовать, как в Западной Европе, где самостоятельные государства с самостоятельными экономиками вошли в единый интеграционный поток». Такое сопоставление было абсолютно несостоятельным. Советский Союз представлял собой единое государство (я здесь не говорю о недостатках, а констатирую то, что государство было единым со всеми вытекающими из этого последствиями). Следовательно, лозунг: «Сначала размежевание, а потом интеграция» – означал разрыв тысяч устоявшихся производственных связей. Нож размежевания не мог не резать по живому – так и получилось.

Отношения с Михаилом Сергеевичем, как я считал, позволяли ставить перед ним проблемы довольно острые, решение которых, на мой взгляд, было необходимо. Сознаюсь, главное, что меня волновало, даже возмущало, – это недостаточная решительность в укреплении власти Закона. Нельзя было не слышать, как на волне широкого недовольства бездействием государственных органов, падением порядка и дисциплины все громче звучали голоса, призывающие положить конец «демократическим играм» и вернуться к «жесткой руке». Опасность многократно усугублялась тем, что эти голоса были порождены не только ностальгией консервативных сил по прошлому. Они исходили и от тех, кто разочаровывался в способности властных структур в новых условиях перехода к демократии организовать дело и добиться результатов.

Однако поставленные мною вопросы начали явно вызывать определенную напряженность. 15 января 1991 года во время телефонного разговора с Горбачевым я стремился показать опасность переживаемого момента. Разговор проходил далеко не гладко и закончился фразой Михаила Сергеевича: «Я чувствую, что ты не вписываешься в механизм». На следующий день я передал Горбачеву личное письмо, в котором говорилось: «После вчерашнего разговора я твердо решил уйти в отставку. Это – не сиюминутная реакция и уж во всяком случае не поступок, вызванный капризностью или слабонервностью. Ни тем ни другим, – думаю, вы не сомневаетесь в этом – никогда не отличался. Но в последние месяц-полтора явно почувствовал, что либо вы ко мне стали относиться иначе, либо я теперь объективно меньше нужен делу. И то и другое несовместимо даже с мыслью о продолжении прежней работы». К письму было приложено формальное заявление с просьбой разрешить мне переход в Академию наук СССР.

Горбачев решительно отказал мне в отставке, сказав, чтобы я даже не думал об этом. Его желание оставить меня в «активной команде» подтвердилось в начале марта во время выборов членов Совета безопасности. Не знаю точно, кто работал в Верховном Совете против меня, но работа велась, и результат голосования был крайне неожиданным и обескураживающим – из всего списка не прошли я и В.И. Болдин. Думаю, что это было неожиданным и для многих других. Взволнованно, искренне, горячо выступил Горбачев, подчеркнувший, что мое членство в Совете безопасности будет служить делу и он ставит вопрос о переголосовании. Я подошел к микрофону и сказал, что прошу не переголосовывать. Затем начались выступления. Все депутаты, попросившие слово по итогам голосования, вне зависимости от своей политической ориентации выступили в мою поддержку. Председательствующий Лукьянов обратился ко мне с во-

просом, не изменил ли я свою точку зрения. «Не изменил», – ответил я. Все-таки состоялось переоголозование, и на этот раз я был избран.

Совет безопасности был в ту пору конституционным органом, и это предполагало его большое значение в государстве. Многие считали, что, по существу, он берет на себя функции Политбюро, которое продолжало существовать, но уже строилось совсем по другому принципу – наряду с несколькими «освобожденными» членами в него вошли по должности все первые секретари ЦК союзных республик. Создание Совета безопасности означало смещение оси федеральной власти в сторону государственных структур. Вместе с тем он так и не стал, за редким исключением, коллегиальным органом для откровенного обмена мнениями и конкретных рекомендаций по многим животрепещущим вопросам. Больше действовали по линии контактов отдельного члена СБ, отвечающего за ту или иную сферу, с Горбачевым или с другим членом Совета безопасности.

Я упорно пытался навести порядок в первую очередь в сфере внешнеэкономической деятельности, за которую нес в этом органе ответственность. Внимание заострилось на необходимости исключить из внешнеэкономической сферы несогласованность, безответственность, коррупцию.

Вот несколько примеров.

Доложил президенту СССР о конфиденциальном письме, поступившем от заместителя председателя правительства Чехословакии, который справедливо утверждал, что принятая нами система, предусматривающая обмен между предприятиями стран СЭВ лишь через валютные отношения, практически прекращает существовавшие кооперационные связи. Предложил срочно разрешить товарообменные операции для предприятий перерабатывающих отраслей. Я знал, что за первые два месяца 1991 года взаимные поставки (кроме нефти) составили менее чем два процента от годовых.

Получив материалы от Комитета народного контроля СССР и Госплана, я поднял вопрос о совершенствовании работы по закупке и использованию импортного оборудования. Проверки показали, что многие дорогостоящие станки, машины, автоматические линии и другая техника годами не вводились в эксплуатацию, выходили из строя, раскомплектовывались, расхищались. Что было особенно чувствительно, в период нехватки продовольствия в стране и вынужденных его валютных закупок за рубежом на складах предприятий истроек агропромышленного комплекса на 1 января 1991 года находилось 29 тысяч единиц оборудования молочной и маслосырдельной промышленности, почти 15 тысяч – мясоперерабатывающей, 4 тысячи – кондитерской и 11 тысяч единиц оборудования плодоовощной и консервной промышленности. Из 39 пусковых объектов, которые должны были быть введены в эксплуатацию в 1990 году на базе импортного оборудования, было запущено лишь пять.

Направил руководству материал, свидетельствующий о коррупции, внедрившейся во внешнюю торговлю. В качестве примера приводилась работа делегации, во главе с министром торговли СССР, посетившей Италию. Значительное время было затрачено на всевозможные развлечения.

А между ними закуплено обуви на 300 миллионов долларов, в то время как у нас стояли 6 ранее приобретенных в той же Италии обувных фабрик из-за отсутствия подошв из синтетического материала, импорт которых обошелся бы в 10 раз дешевле. Или приобрели колготок почти на 30 миллионов долларов в то время, когда у нас в Башкирии уже находилось оборудование стоимостью 200 миллионов долларов, и нужно было затратить именно 30 миллионов, чтобы ввести в строй предприятие, которое могло бы покрыть потребности в этой продукции.

«Мне кажется, – писал я, – что очень желательны резкие решения, в том числе и персонального характера, создание комиссии, которая расследует все и накажет виновных». Этого сделано не было.

В мае 1991 года в записке на имя президента СССР я остро поставил вопрос о том, что, несмотря на меры по линии МВД и КГБ, резко возрастает число криминогенных проявлений в аэропорту Шереметьево, в том числе отмечается сращивание сотрудников правоохранительных органов с преступным миром. Предлагались конкретные меры по ликвидации «серьезного не только экономического, но и политического ущерба нашей стране». По записке меры не были приняты.

В июне 1991 года по моему поручению в Западную группу войск вылетел консультант члена Совета безопасности Ю.А. Зубаков. Были установлены грубые нарушения при реализации имущества в связи с выводом советских войск из Германии, хищения валютных средств и другие злоупотребления.

Июль 1991 года. На имя президента СССР была направлена записка, подписанная не только мною, но и заместителями председателя Совета министров СССР В. Щербаковым, Ю. Маслюковым, С. Ситаряном, министром МВЭС К. Катушевым, в которой, в частности, поднимался важнейший вопрос о неминуемых тяжелых последствиях возрастающей финансовой зависимости СССР. Привлечение финансовых и товарных кредитов стало основным источником средств для погашения задолженности и приобретения импортных товаров. Подчеркивалось, что это заметно повлияет на валютное положение страны в ближайшие годы, тем более что сокращалось производство, в частности, в сырьевых отраслях, и, следовательно, уменьшался объем экспорта.

Список этот можно было бы продолжить.

Далеко не по всем поднятым вопросам были приняты решительные действия. Больше думали и спо-

рили о стратегических направлениях в экономике, меньше – о борьбе с коррупцией и экономической преступностью. Многие не понимали, что без этого невозможен переход к цивилизованному рынку.

Многое из того, что приходилось делать на стыке 1980-х и 1990-х годов, актуально и для сегодняшнего дня.

Тот факт, что перестал существовать Советский Союз, в определенной степени связан и с политикой Запада. Есть все основания считать, что развал СССР был в интересах США и их союзников. Правда, в течение определенного времени опасались того, что это произойдет в стране, начиненной ядерным оружием, которое находилось не только на территории России, но и на Украине и в Казахстане. Любая дестабилизация в таких условиях действительно могла бы создать реальную угрозу потери контроля над ядерным потенциалом СССР. Но этого не произошло, и на Западе вздохнули с облегчением. Может быть, со временем всплывут факты, свидетельствующие о целенаправленной деятельности американской, английской или спецслужб других членов НАТО, направленной на развал СССР, но уже сегодня можно сказать, что позиция Запада по экономическим проблемам этому способствовала. Нельзя было рассчитывать, что нам радикально помогут извне обезболить или, во всяком случае, сократить трудности переходного периода. Ждать второго «плана Маршалла»⁷ не приходилось. И все-таки...

Я сидел в своем кабинете в Кремле (раньше он принадлежал В.М. Молотову, затем Г.А. Алиеву) и обсуждал не помню уж какую проблему с моим старым другом академиком С.А. Ситаряном. Секретарша сказала, что пришел Г.А. Явлинский. Я попросил его войти. Это была первая наша встреча.

Он рассказал, что получил приглашение принять участие в семинаре в Гарвардском университете. По его сло-

вам, речь идет о выработке конкретных мер экономической помощи Советскому Союзу размером не менее 30 миллиардов долларов. Но главное заключается в том, что помощь – целевая: каждая ее часть будет ответом на тот или иной наш шаг по пути реформ. Например, мы отпускаем цены – за этим следует товарная интервенция в СССР с Запада; мы делаем свой рубль конвертируемым – Западом создается стабилизационный фонд.

– Можете ли вы со мной подписать письмо о нашем согласии на такую схему? – спросил Явлинский. – Вторая моя просьба – устройте мне встречу с Горбачевым.

Я ответил утвердительно. На следующий день у меня на квартире мы отредактировали письмо, и Григорий Явлинский был искренне удивлен, что я, не согласовав ни с кем содержание этого письма, подписал его. Затем его принял Горбачев.

Это было незадолго до поездки советской экономической делегации, которую мне поручили возглавить, в Соединенные Штаты. Многое из нашего пребывания в США обросло сплетнями, домыслами. На самом деле дело обстояло так. Мы вместе с В.И. Щербаковым – в то время заместителем председателя Совета министров СССР – приехали в Вашингтон, чтобы разъяснить американскому руководству суть экономической политики нашего правительства. Горбачев попросил включить в делегацию и Явлинского, уже находившегося в Бостоне, что и было сделано. Американцы проявили к нему особый интерес, настаивая, чтобы он был с нами не только у госсекретаря Бейкера, но и у президента Буша. Создавалось впечатление, что они хотели более выпукло показать наличие оппозиции вырабатываемому экономическому курсу в СССР и найти таким путем аргументы для оправдания своей «сдержанности» в отношении этого «половинчатого» курса.

При всех разногласиях, нужно сказать, Явлинский в общем оставался в команде, хотя на встречах стремился

демонстрировать «превосходство в интеллектуальном плане» над остальными членами делегации. Мы к этому относились в меру снисходительно.

После окончания официальных встреч 31 мая меня пригласил президент Буш на рабочий ланч. Присутствовал его помощник по вопросам национальной безопасности Скоурофт и переводчик Афанасенко. Атмосфера была поистине дружеской. Я сказал президенту, что он отлично выглядит. Это было хорошо воспринято – Буш незадолго до нашей встречи, будучи в Токио, потерял там сознание во время приема. Питер Афанасенко позже рассказал, что один из наших военачальников, до меня принятый Бушем, начал разговор с ним со слов: «Вы что-то сегодня не очень хорошо выглядите, господин президент», – беседа, запланированная на полчаса, закончилась в 5 минут.

Буш больше расспрашивал. Сам говорил о чем угодно, но без какой-нибудь конкретики. После ланча повел меня в «личный кабинет», где показал свою гордость – новый компьютер. Напечатал на нем письмо Горбачеву. Позвал свою секретаршу, попросив снять копию. Старая леди пробрюзжала: «Господин президент должен был бы знать, что ему следовало нажать вот эту кнопку – сам компьютер выдает необходимое число копий».

В общем, впечатлений было хоть отбавляй. Но никакого серьезного разговора об экономической поддержке наших реформ не было.

Фактически безрезультатно окончилась и столь многообещающая вначале работа советско-американской группы в Бостоне. Во всяком случае, ни при каких условиях нам никто не предложил 30 миллиардов долларов. У членов группы – Аллисона, Явлинского и других были разные объяснения неудачи. Но факт оставался фактом.

В это время я стал «шерпой» – так называют местных проводников-носильщиков, помогающих иностранцам взбираться на Гималайские вершины. По одному такому

помощнику полагается и каждому главе государства, входящего в «семерку», а затем – в «восьмерку». У нас, хотя мы в то время еще не были членами этого клуба, тоже появился «шерпа». В мои обязанности входили предварительные встречи с коллегами с целью подготовки нашего участия в саммите «семерки» в Лондоне. На 17 июля 1991 года была назначена встреча глав государств «семерки» с Горбачевым.

Я прибыл в Лондон раньше. Нужно было обговорить кое-какие детали с британским «шерпой», с которым условились встретиться после окончания заседания «семерки». Меня остановил полицейский в ожидании того, когда главы государств рассядутся по своим машинам. На пороге стояли Буш, Бейкер и другие. Площадь была пуста – журналисты, главным образом с телекамерами, сгрудились метрах в пятидесяти. Ближе их не подпускали. Вдруг президент Буш приветливо помахал рукой: «Примаков!» Я, естественно, подошел – пропустили. Рукопожатия, приветствия, вопросы – когда прибывает Горбачев? Бейкер, понизив голос, спросил, не привез ли я с собой тархуновой водки – он хорошо запомнил тот напиток, которым нас потчевал известный скульптор Зураб Церетели на своей квартире в Москве. Ответил в шутку, что, если это будет способствовать успеху завтрашних переговоров с Горбачевым, достану тархуновую водку и в Лондоне.

Телевизионщики и фоторепортеры, не слыша, о чем мы говорили, активно снимали нас с расстояния. Через считанные минуты разнеслось: американское руководство что-то живо обсуждало с советским «шерпой».

«О чем это вы беседовали?» – был первый вопрос, с которым ко мне обратился Горбачев на аэродроме, где я его встречал через пару часов.

На следующий день состоялся долгожданный разговор руководителей семи государств с президентом СССР. С советской стороны в зале были Горбачев и я.

Остальные, в том числе В.И. Щербаков, С.А. Ситарян, министр иностранных дел А.А. Бессмертных, помощник президента А.С. Черняев, советник В.В. Загладин, были в другой комнате. Связь с ними я мог осуществлять при помощи факса, но воспользовался им единственный раз, передав, что началось обсуждение – надо же было хоть как-то задействовать этот механизм, после того как мне долго объясняли, как я им должен пользоваться.

Я вел подробную запись выступлений. Почти в каждом из них звучал энтузиазм по поводу «исторической первой встречи “семерки” с главой советского государства», но мне не удалось выудить какой-либо конкретики по проблеме экономической помощи СССР. Стало очевидным, что Запад не собирался масштабно поддержать СССР. Может быть, уже имелась развединформация о ГКЧП – встреча в Лондоне была накануне путча. Но скорее всего, сказалась неготовность и нежелание Запада помочь подняться Советскому Союзу, войти на равных в мировое сообщество.

II. Окончательную точку поставил ГКЧП

1990-й и первая половина 1991 года знаменовали собой резкое обострение внутрисоюзных отношений. Именно в это время усилились процессы, которые привели в конце концов к развалу Советского Союза.

Точку поставил так называемый ГКЧП. Горбачев, кто бы что ни говорил впоследствии, однозначно признал решающую роль Ельцина в ликвидации путча. В Форосе, куда я вместе с другими прилетал за Горбачевым (об этом – дальше), он при мне и Бакатине резко бросил

А.И. Лукьянову: «Если ты не смог сразу собрать Верховный Совет СССР, чтобы разделаться с путчистами, почему не встал рядом с Ельциным?» Но выбор был сделан Ельциным. Об этом свидетельствовала и унижительная сцена на заседании Верховного Совета РСФСР, куда вызвали президента Горбачева после его возвращения из Фороса.

19 августа 1991 года, когда произошел путч, я находился с внуком Женей в санатории «Южный», километрах в 8–10 от дачи в Форосе, на которой отдыхал Горбачев с семьей. Со мной в этом санатории отдыхали Р.Н. Нишанов, П.К. Лучинский, бывший в то время секретарем ЦК, министр внутренних дел Б.К. Пуго с женой Валентиной и другие. Здесь же жили помощники президента А.С. Черняев и Г.Х. Шахназаров, которые ежедневно ездили к Горбачеву.

В воздухе пахло грозой. 17-го вечером мы с Шахназаровым прогуливались по территории санатория и говорили о том, что предстоящее через несколько дней в Огареве (под Москвой) подписание уже готового Союзного договора может быть сорвано просто потому, что его активных сторонников арестуют.

Прошло уже две недели, как я находился вблизи Фороса, но Горбачев ни разу мне не позвонил. Год назад при том же расположении – в Форосе он, в санатории я – все было по-другому. Что случилось? Толя Черняев, чувствуя какую-то неловкость, тем более что Горбачев по несколько раз в день говорил по телефону с Нишановым, Лучинским, Пуго, уверял меня, что «шеф собирается пригласить перед отъездом». Скажу честно, мне такая «пауза» в отношениях – я не нахожу ей объяснения по сей день – не мешала прекрасно отдыхать. 16-го чета Пуго, с которыми я был в очень хороших отношениях, мой старый приятель Лучинский и я были приглашены председателем Крымского облисполкома Багровым в горы (Нишанов, больше других связанный с подготовкой Со-

юзного договора, улетел в Москву раньше). В горах мы все отравились, думаю, что съели арбуз с нитратной начинкой. Когда 18-го Пуго, к которому я питал и питаю самые добрые чувства, с женой, еще далеко не оправившись, вылетали в Москву, сказал ему: «Борис, куда торопишься, побудь еще несколько дней». Улыбнувшись, он ответил: «Не могу, нужно быть в Москве». Будучи втянутым в ГКЧП, Пуго оказался честнее других: после провала путча, в тот момент, когда его пришли арестовывать, он и жена покончили жизнь самоубийством.

Но это уже было после провала ГКЧП 21 августа, а 18-го, во второй половине дня, у меня и других отдохнувших в санатории «ответственных работников» перестали работать телефоны спецсвязи и городской. В 7 утра 19 августа меня разбудил встревоженный Лучинский: «Быстро включай телевизор!» Передавали обращение ГКЧП. Тут же запросил срочно билеты на самолет и вылетел в Москву.

На следующий день в 8 утра поехал в Кремль. Пропустили, как всегда, без задержки. Через полчаса зашел к Г. Янаеву, кабинет которого находился метрах в тридцати от моего. Спросил:

– Ты что, в своем уме?

Янаев был растерян.

– Если бы отказался, как тогда, в апреле (?!), – ответил он, – то... – и выразительно постучал указательным пальцем по лбу. – Что делать сейчас?

– Пойди и выступи по телевидению, отмежевавшись от ГКЧП.

– Евгений, поверь, все уладится. Михаил Сергеевич вернется, и мы будем работать вместе.

– Что-то не верится. Нужно немедленно убрать танки с улиц Москвы, – сказал я.

Создалось впечатление, да так и было на самом деле, что Янаев, объявленный ГКЧП исполняющим обязанности президента, то есть первым лицом в государстве, был

далеко не первой скрипкой заговора и искренне хотел, чтобы все случившееся оказалось дурным сном. Может быть, ему становилось легче от постоянного в то время общения с бутылкой?

Два члена Совета безопасности – Бакатин и я – выступили против переворота, устроенного ГКЧП. При прямом участии А.И. Вольского, который возглавлял в то время Промышленный союз, в 11.30 20 августа 1991 года по каналам Интерфакса, а затем многократно по радио «Эхо Москвы» было передано за моей и Бакатина подписями следующее: «Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, президент СССР М.С. Горбачев здоров. Ответственность, лежащая на нас как на членах Совета безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М.С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

21 августа состоялась пресс-конференция в помещении Промышленного союза. Туда позвонил И. Силаев – председатель Совета министров РСФСР – и спросил, согласны ли мы с Бакатиным полететь вместе с российской группой в Форос? Сразу же ответили утвердительно, но я все-таки решил спросить по телефону Ельцина. Он без всяких колебаний подтвердил предложение Силаева.

Нужно было спешить. В Крым уже вылетела группа, принимавшая участие в ГКЧП, и некоторые считали, что они могут посадить на борт Горбачева и увезти в неизвестном направлении. Сразу же выехали на аэродром Внуково-1. По дороге встретили уходящие из Москвы танки – поступил приказ из Министерства обороны, фактически положивший конец попыткам заговорщиков решить вопрос силой.

Дорога повреждена, грязь, машины заносило. Уже «под парами» стоял Ту-134. Нас окружили кольцом офицеры, потому что самолет штурмовала группа корреспондентов, которые требовали взять и их, но из переполненного самолета пришлось даже высадить несколько охранников. На борту были Иван Силаев, Александр Рущкой, Николай Федоров – министр юстиции РСФСР, и группа омовцев в гражданской одежде с автоматами. С нами также летели поверенный в делах Франции, корреспонденты нескольких газет и телевидения – наши и иностранцы.

Поднялись в воздух и не знали, куда садиться. Нам сообщили, что база «Бальбек», находящаяся вблизи дачи Горбачева в Форосе, не принимает – на летную полосу выкатили самолет. Позже писали, что командующий Черноморским флотом дал команду сбить нас на подлете, а когда все-таки расчистили посадочную полосу и разрешили посадку на «Бальбек», стрелять на поражение. Но обо всем этом узнали позже.

На военной базе «Бальбек», куда приземлились часов в 8 вечера, было подозрительно тихо. Ни души. К этому моменту Горбачеву – это тоже выяснилось позже – восстановили связь, и он дал команду о беспрепятственной посадке нашего самолета. Сразу же выехали в Форос на так называемый объект «Заря». Горбачев и его семья были рады встрече. В Москву вернулись вместе.

Конечно, основные события по ликвидации ГКЧП разворачивались в Москве. Сорвать заговор удалось только потому, что страна уже стала другой. Проявилась и полная бездарность руководителей путча. Но, к несчастью, уже не способная к сопротивлению партия, выведенная ГКЧП из строя армия, запуганные событиями спецслужбы не могли остановить набравшую силу волну, которая захлестнула и развалила Советский Союз.

Глава V

ПОШЕЛ В РАЗВЕДКУ

Держи язык за зубами – наготове.

Станислав Ежи Лец

(польский писатель)

I. Президент в Ясенево

Чез некоторое время после подавления путча моя судьба вновь изменилась – стал главой внешней разведки сначала Советского Союза, а после распада СССР – России. Можно ли считать это случайностью? И да, и нет.

Инициатором моего перехода в разведку был В. Бакатин, который после срыва заговора стал председателем КГБ. К моменту, когда он предложил мне возглавить внешнюю разведку, уже было достоверно известно, что она выделяется в самостоятельную службу.

Это предложение поступило от Бакатина в тот период, когда он переживал настоящую драму – в обществе очень многие осуждали его за передачу американцам схемы прослушивающих устройств, заложенных в бетонированные плиты здания их нового посольства в Москве. Передачу, по его словам, санкционировали и Горбачев, и Ельцин, а он искренне, хотя и наивно полагал, что

получит в ответ американские схемы и все это послужит установлению новых отношений. Но американские партнеры ограничились словесной благодарностью.

Между тем американцы могли бы сделать в ответ жест доброй воли. Придя в разведку, я узнал, что во время постройки нового комплекса нашего посольства в Вашингтоне в первой очереди здания – жилом доме и посту дежурного – было выявлено пять типов систем подслушивания с десятками микрофонов. В результате поисковых работ бригадами Центра, проведенных по второй очереди – административное и представительское здание, помещение поста дежурных комендантов, – было обнаружено полторы сотни микрофонов и датчиков различных систем прослушивания. В девятнадцатизэтажном двухсотпятидесятишестиквартирном доме Постпредства при ООН в Нью-Йорке были тоже обнаружены многочисленные системы прослушивания. Причем на пресс-конференциях и в средствах массовой информации по оперативным сообщениям мы сообщали лишь о части выявленных систем. Следовательно, американцам было что «отдать», но этого не произошло.

К Вадиму Бакатину я относился и отношусь хорошо – он честный, порядочный человек. Но предложение, исходившее от него, возглавить разведку было настолько неожиданно ошеломляющим, что, каюсь, воспринял его вначале несерьезно. Начисто забыл о нем во время сентябрьской поездки по Ближнему Востоку, куда полетел с большой группой представителей союзных и российских органов власти с целью получить столь необходимые стране кредиты. Нам тогда это неплохо удалось сделать – сумма полученных только несвязанных займов составила более 3 миллиардов долларов. Во время поездок в Саудовскую Аравию, Кувейт, Арабские Эмираты, Египет, Иран, Турцию в полной мере использовал и свои связи, но главное, конечно, было не в них, а в высоком авторитете нашей страны в арабском мире.

Прилетел в Москву окрыленный успехом. Однако для личного доклада меня Горбачев не вызвал. Он позвонил по телефону и, не спросив ни слова о результатах поездки, предложил в условиях ликвидации Совета безопасности стать его советником по внешнеэкономическим вопросам. Я понимал, что мне «подыскивается место». Может быть, сказалась в какой-то степени и обида – предложение делалось как бы мимоходом, по телефону. Так или иначе, я ответил:

– Михаил Сергеевич, мне как-то уже надоело советовать.

– Тогда соглашайся на должность руководителя разведки, мне Бакатин говорил об этом.

– Хорошо, – с ходу, неожиданно даже для самого себя, ответил я.

Прошло несколько дней – никто не возвращался к этой теме. Бакатин позже мне объяснил причину. Тогда уже ни одно назначение на сколько-нибудь крупный государственный пост не проходило без Ельцина, который отдыхал на юге. Бакатин позвонил ему – Ельцин вначале колебался, но, по словам Вадима, он его уговорил.

Ельцин к этому времени знал меня неплохо. Будучи председателем Совета Союза, я отвечал за международную деятельность Верховного Совета. Он контактировал со мной в связи со своими зарубежными поездками в качестве депутата. Однажды, например, я передал ему, что его поездку в Бонн хотят использовать в антигорбачевских целях.

– Откуда вам это известно? – последовал вопрос.

– Об этом написал в телеграмме наш посол, могу вам показать.

– Не надо, – ответил Ельцин. – Я не поеду.

Я был против сталкивания лбами Горбачева и Ельцина. А это делали многие, причем с обеих сторон, и не думаю, что за этим стояли в тот период главным образом «идеологические мотивы». У меня не было никаких

оснований считать, что Ельцин ко мне относится негативно, но причину его колебаний в связи с назначением руководителем внешней разведки я понимал – был в «команде Горбачева», не принадлежал к окружению Ельцина, а в то время на ведущие посты расставлялись люди, которые работали с ним раньше.

Так как разведка еще не была выведена из состава КГБ, то меня назначили начальником Первого главного управления (ПГУ) и одновременно первым заместителем председателя КГБ, а через месяц внешняя разведка получила организационную самостоятельность и стала называться Центральной службой разведки (ЦСР).

Так что пробыл первым заместителем председателя КГБ один месяц, но это отнюдь не мешает во всех моих биографических справках, опубликованных на Западе да и у нас, жирно подчеркивать, что я, дескать, вышел «из недр КГБ».

После ликвидации союзных органов власти Ельцин подписал указ о создании на базе ЦСР Службы внешней разведки России (СВР). Сразу же позвонил ему и задал далеко не праздный вопрос: кто будет осуществлять этот указ?

– Это не телефонный разговор, – ответил Ельцин. – Приходите, поговорим.

В назначенный срок был у Ельцина.

– Я вам доверяю, но в коллективе к вам относятся очень по-разному.

– Знаете, – отреагировал я, – если бы вы сказали, что не доверяете, разговор на этом бы и закончился. Но меня задело то, что вас информировали о плохом отношении ко мне в самой разведке. Признаюсь, я этого не чувствую, но нельзя исключить, что ошибаюсь.

– Хорошо, я встречаюсь с вашими заместителями.

– Некоторых уже подобрал я сам. Картина будет объективной, если вы встретитесь со всем руководством – это 40–50 человек.

В 10.40 в моем кабинете собрались руководители всех подразделений СВР. Глава государства впервые за всю историю приехал в разведку. Причину приезда узнали не заранее, а от самого Ельцина. Повторив, что он не имеет никаких оснований для недоверия, даже заметив, что «Примаков – один из немногих в Политбюро, которые не делали мне гадостей», Ельцин сказал:

– Вы, разведчики, – смелые люди, поэтому я жду откровенных оценок вашего руководителя.

Выступили 12 человек, и все без исключения в пользу моего назначения директором СВР.

Ельцин достал из кожаной папки и тут же подписал указ, добавив:

– У меня был заготовлен указ и на другого человека, но теперь его фамилии я не назову.

Провожая президента, в лифте я сказал ему:

– Вы сняли огромный груз с моих плеч, назначив меня через такую процедуру.

Ни к источникам его информации обо мне, ни к фигуре альтернативного кандидата мы никогда не возвращались во время наших в дальнейшем многочисленных встреч.

Итак, я – директор СВР.

Главная моя задача, как я ее понимал, заключалась в сохранении российской разведки. Прежде всего необходимо было стабилизировать положение в самой СВР. В ней сосредоточен цвет офицерского корпуса. В большинстве это интеллигентные, образованные люди, многие из них знают несколько иностранных языков, государственники по своему призванию и профессии. В то же время многие сотрудники были дезориентированы происходящими переменами, в том числе и разделением на части Комитета государственной безопасности, в котором прослужили уже не один год, а некоторые и не один десяток лет. И что самое неприятное – из разведки продолжали уходить, в основном молодые кадры. Главное, что их подталкивало к уходу, была неопределенность. В то же

время хорошо подготовленных людей с удовольствием брали в коммерческие структуры, где платили намного больше.

ЦРУ и английская СИС направили в свои резидентуры указания использовать в максимальной степени нелегкую ситуацию в российских спецслужбах для установления связей с отдельными их представителями. Чтобы еще больше расшатать положение в спецслужбах России, ЦРУ и СИС стали менять тактику и в отношении ряда ранее завербованных сотрудников. Обычно предателей, вне зависимости от того, были ли они «добровольными заявителями»* или завербованы иностранной спецслужбой, пытались как можно дольше сохранять в виде «кroтов» и лишь в случае угрозы провала вывозили в США, Англию, другие страны. Теперь, даже когда отдельных неразоблаченных предателей ждала перспективная работа, пренебрегая этим, подчас подталкивали их к бегству во время заграничных командировок.

* Пожалуй, одной из наиболее колоритных фигур «заявителей», то есть добровольно предлагающих свои услуги иностранной спецслужбе, был А.И. Кулак, полковник-инженер, сотрудник ПГУ, не просто участник Великой Отечественной, а получивший во время войны звание Героя Советского Союза. Находясь в заграничной командировке в США в 1962 году, он инициативно установил сотрудничество с ФБР. В предательстве Кулака не было ни грама недовольства существовавшей в СССР системой – это хорошо знали и американцы. Но он был недоволен своим положением в этой системе, считая, что заслуживает много большего, чем быть заместителем начальника одного из отделов в ПГУ. Недовольство подогревалось постоянным и безудержным употреблением алкоголя.

Уже после ухода Кулака на пенсию поступило сообщение от одного источника разведки о его предательстве. Судя по реакции Центра (что явствовало из дела Кулака, хранящегося в архиве), этому сначала не поверили. Затем пришел абсолютно независимый параллельный сигнал в отношении Кулака. Когда Кулак умер в 1984 году, уже было известно о предательстве «Федоры» (фэбээровский псевдоним Кулака). Тем не менее похоронили его с почестями – из-за опасения за безопасность источников. Посмертно он был лишен государственных наград.

В целом офицеры разведки были за демократические преобразования в стране. Однако многих возмущал искусственно раздуваемый настрой против КГБ. Грубо затаптывались традиции, всех мазали одной, черной краской. Некоторые «демократы» вообще предлагали не реорганизовать КГБ, а «закрыть» его, а всех сотрудников без разбора уволить.

Такой провокационный подход был неприемлем ни для сотрудников разведки, ни для меня самого. Мои новые коллеги не раз с болью говорили о том, что разведка больше, чем любая другая структура, пострадала в сталинские времена. В 1937-м были репрессированы, расстреляны практически все работники зарубежных резидентур, почти все руководители в Центре.

Конечно, были и те, кто жил старым, даже мечтал о возврате тех времен, когда КГБ занимал особое положение в стране. Но таких было меньшинство. Большинство приветствовало расширение демократии, отказ от идеологической зашоренности.

В таких условиях нужно было действовать в двух направлениях – добиться улучшения материального положения сотрудников СВР и последовательно, без кадровой ломки, утвердить место российской разведки после окончания холодной войны. С ее окончанием не ушло противоборство на межгосударственном уровне. Однако нам нужно было учесть, обязательно учесть, что суть, формы такого противоборства изменились.

Начав продвигаться в этих двух направлениях, я опирался на поддержку, советы ряда своих старых друзей – многих работников в ПГУ я знал лично. Например, первым заместителем начальника был Вадим Алексеевич Кирпиченко. С ним и с его женой Лерой вместе учились в Институте востоковедения, а потом дружили многие годы. До моего прихода Вадим Алексеевич уже подал в отставку, но я его попросил остаться и возглавить группу консультантов. Это не было формальным назначением.

Я советовался с ним, когда входил в совершенно новую для себя сферу деятельности. Кстати, этот заслуженный генерал, прошедший большой жизненный путь – от рядового солдата в Великой Отечественной войне до одного из руководителей внешней разведки – был оставлен на действительной службе, несмотря на все возрастные ограничения. И это еще раз доказывало: возраст – категория относительная. Одни могут быть стариками в сорок—пятьдесят лет, другие – молодыми за семьдесят. Вся моя семья переживала горькую утрату – смерть Вадима Алексеевича. Я был, пожалуй, последним из его друзей, кто виделся с ним перед его кончиной. Этот замечательный человек навсегда останется в моей памяти.

В разведке на весьма важном участке в это время работал мой старый приятель по Бейруту, а потом я его встретил в Афганистане, где он был уже представителем КГБ, В.П. Зайцев. Я видел в нем человека, всегда готового поддержать, и ни разу в этом не ошибся. Вместе вспоминали, как во время гражданской войны в Ливане в 1976 году я должен был встретиться с руководителем маронитского лагеря Шамуном, с которым был знаком до этого, чтобы передать ему «сигнал» о готовности Москвы сыграть посредническую роль в прекращении кровопролития. Шамун находился в президентском дворце за чертой Бейрута. От советского посольства нужно было обязательно проехать по участку, где шли бои, – на параллельных улицах Абу-Румана и Шиях обстреливали друг друга христиане и мусульмане.

Нам повезло. Когда проезжали на двух машинах (со мной был К.Е. Гейвандов, с которым дружил со студенческой скамьи, а за рулем второй сопровождавшей машины сидел В.П. Зайцев), не прозвучало ни одного выстрела, – вроде в очередной раз договорились, ну, если не о прекращении огня, то о паузе. Приехав во дворец, решили отпустить машину сопровождения. Как только вошли в кабинет к Шамуну, раздался телефонный зво-

нок. Ему сообщили, что только что христианская сторона расстреляла в порту более ста мусульман за то, что накануне в горах убили пять христианских юношей. И тут началось. Назад еле добрались. А выехавшую от нас ранее машину Зайцева расстреливали в упор. Он чудом остался жив – пуля попала в запасное колесо в багажнике и по касательной поцарапала спину. А другому товарищу, сотруднику разведки, перебило позвоночник...

Забегая вперед, скажу, что, как только начался югославский кризис, я направил генерала Зайцева на один из самых ответственных в то время участков – представителем СВР в Белград.

Из действовавших заместителей начальника ПГУ я хорошо знал и превосходно относился к Вячеславу Ивановичу Гургенову, который в качестве советника сопровождал меня в Ирак и другие страны во время кризиса в зоне Персидского залива. Я очень благодарен этому так рано ушедшему (в 1994 году) из жизни светлomu, прекрасному, высокоэрудированному человеку за то, что он во многом мне помог, в том числе – познать все формальности вступления в новую должность.

Смена кадров в разведке не была и не могла быть самоцелью, если руководствуешься соображениями не разрушения, а созидания. На меня в этом плане несколько не действовали ни отдельные, по-видимому, «заказные» статьи, появившиеся в средствах массовой информации, ни нравоучения некоторых бывших работников КГБ, в том числе небезызвестного О. Калугина*, положившего «на алтарь перестройки разведки» весь свой «богатый опыт и знания». Советами Калугина, например, «отдалиться от Кирпиченко», я, естественно, пре-

* Генерал, бывший начальник Отдела контрразведки ПГУ, был уволен из КГБ, так как примкнул к его хулиганам. Путь, на который он вступил, привел его к предательству. Работает консультантом ЦРУ. Получил американское гражданство. Заочно осужден Верховным судом РФ.

небрег. Знал к этому времени и об отношении к Калугину в коллективе, в том числе со стороны некогда близких ему людей. В то же время жил собственным умом и руководствовался теми соображениями, с которыми пришел в СВР.

Среди заместителей и начальников отделов, а затем управлений были проведены некоторые замены, но они носили ординарный характер. Однако к ординарным не относилось назначение первого заместителя.

Сразу же после своего прихода в разведку пригласил бывшего начальника ПГУ Шебаршина, который, не согласившись с методами и стилем руководства Бакатина, подал в отставку. Я предложил Леониду Владимировичу вернуться в разведку ко мне первым замом или хотя бы консультантом. Считал, что это никак не ущемляет его достоинства: будучи при нем главным управлением, разведка превратилась в самостоятельное ведомство.

О добром отношении к нему он, возможно, знал. Я был инициатором назначения его в августе 1991 года на пост председателя КГБ, в кресле которого, естественно, не по моей вине, он просидел всего один день – Ельцин настоял на своей креатуре. Но Шебаршин, к моему сожалению, предложение вернуться не принял. Подумав, я пришел к выводу, что на его месте мне тоже трудно было бы согласиться.

После перехода в разведку мне не раз по службе приходилось иметь дело с Вячеславом Ивановичем Трубниковым. Начальника ведущего в политической разведке первого отдела, занимавшегося Соединенными Штатами, отличали эрудиция, широкий кругозор – индолог по образованию, он стал прекрасным американистом, – интеллигентность, добропорядочность (ни разу не слышал от него недобрых слов о своих подчиненных, даже когда они не оказывались на должной высоте, хотя знал о его требовательности к ним), высокий профессионализм. Он безукоризненно прошел путь от рядового оперработника

до резидента в одной из крупных стран. Характерно, что его назначение первым заместителем директора СВР прямо с поста начальника отдела не вызвало никакого недовольства среди моих замов и было положительно воспринято в коллективе. В дальнейшем работал с ним рука об руку, а когда уходил из СВР, не было никаких сомнений в том, что он – наиболее подходящая фигура на пост директора.

Хотелось бы ответить авторам ряда статей о «своеобразном разделении функций» между мной – «политическим назначенцем» и профессионалом – первым заместителем: мне, дескать, отвели функцию связи с политическим руководством страны, а под началом первого заместителя оставалась вся оперативная деятельность СВР. Вячеслав Иванович никогда не ориентировался на такое разделение ролей. В то же время по своей натуре я никогда не мог бы оставаться руководителем, если бы не занимался «профильными» сторонами деятельности того учреждения, где работал. На должность «зиц-председателя» я вообще не годился и не гожусь.

В. Кирпиченко, В. Гургенов, В. Трубников, многие другие плавно вводили меня в курс повседневной деятельности подразделений разведки.

Еще при назначении меня директором СВР Ельцин по моей настойчивой просьбе подписал распоряжение о масштабном выделении нового жилья для остро нуждающихся сотрудников СВР. Но даже его подписи оказалось мало – такие уже порядки начинали действовать в стране. Дело отладилось с приходом на работу в СВР моего заместителя генерал-лейтенанта И.И. Гореловского (в 1997 году ему было присвоено звание генерал-полковника). Иван Иванович оказался просто незамеченным руководителем хозяйственно-финансовой структуры разведки. Методично, нисколько не выпячиваясь, он делал все для закрепления кадров. Впервые в истории разведки ее сотрудники реально получили такое большое

количество квартир, в том числе за счет организации собственного строительства, начали отдыхать семьями в приобретенных СВР здравницах, улучшилось медицинское обслуживание, увеличились оклады. В результате можно считать, что СВР не проиграла по сравнению с ПГУ, а также другими службами в социально-бытовом плане после раздела КГБ.

II. Новые подходы: мысли вслух

Какой линии следует придерживаться СВР? Это был непростой вопрос. То, что разведка должна сохраниться как важнейший государственный механизм, не вызывало никаких сомнений. Тем более что никто этот механизм не демонтировал в других странах.

В ноябре 1991 года, уже будучи директором Центральной службы разведки, выехал в США, где принял участие в семинаре американо-советской рабочей группы по проблемам будущей безопасности. С американской стороны во встрече участвовали ряд руководителей госдепартамента, заместитель министра обороны Вулфовиц, заместитель председателя Комитета начальников штабов генерал Шаликашвили, некоторые высшие представители Совета национальной безопасности и, что было самым важным для меня, Фриц Эрмарт – председатель Национального совета разведки ЦРУ. Директор ЦРУ предпочел на том этапе со мной не встречаться, и это воспринималось как определенный «сигнал».

Выступая на встрече, я сказал, что существует большое поле совпадающих интересов для разведок двух стран – в противодействии международному терроризму, наркобизнесу, организованной преступности. Оста-

новился и на конкретных способах такого сотрудничества: обмен развединформацией, разработка и осуществление совместных мероприятий по предотвращению или розыску и задержанию исполнителей преступных акций, взаимодействие в пресечении распространения ядерного, химического и биологического ОМУ, а также незаконной торговли оружием.

Сказал и о «правилах поведения», среди которых назвал отказ от методов насилия (похищения отдельных лиц, принуждения к сотрудничеству), психотропных препаратов. Меня внимательно выслушали, но никакого конкретного ответа на свои предложения ни от кого тогда я не услышал.

Таково было начало «новых отношений» между разведслужбами бывших противников в холодной войне. Прямо скажу, начало не обнадеживающее. Однако мы не могли поддаваться настроению, эмоциям. Ведь это было только начало. Вместе с тем понимали, что в любом случае российская разведка не должна быть тормозом на пути к демократизации внутри страны и российской внешней политики. Но для того, чтобы действительно скрепить коллектив СВР с новой эпохой, которая, несомненно, началась после окончания холодной войны, нужно было честно и прямо ответить на ряд основополагающих вопросов.

В условиях, когда часть «демократов» (я беру это слово в кавычки), обуреваемая ненавистью к КГБ, кричала на всех углах о необходимости вообще ликвидировать «этого монстра» со всеми его ответвлениями, в том числе и разведкой, жизненное значение приобрел вопрос: нужна ли России после окончания глобальной конфронтации внешняя разведывательная служба.

Конечно, после окончания холодной войны нет раз и навсегда обозначенного главного противника – ГП, как мы его в прошлом величали. Но, судя по практическим делам спецслужб США и других стран НАТО, противники

у нас оставались в каждой ситуации, когда акции других государств планировались или осуществлялись вразрез с жизненными интересами России: такими, как территориальная целостность, обороноспособность, интеграционное сближение стран СНГ, стабильность ситуации по периметру границ, обеспечение условий, при которых Россия входит в мировую экономику в качестве полноправного участника.

Однако важно подчеркнуть, что одновременно мы приняли другую реальность: при отходе от конфронтационного противостояния значительно расширяются поля совпадения интересов между государствами, растет заинтересованность в международном сотрудничестве, направленном против общих для всех угроз – региональных вооруженных конфликтов, терроризма, организованной преступности, наркобизнеса, распространения оружия массового поражения.

Необходимость адаптироваться к новым условиям вела к отходу от глобализма, тотальности в работе внешней разведки. В ноябре 1991 года я дал указание отменить программу обнаружения признаков возможного ракетно-ядерного нападения на нашу страну (ВРЯН). В течение десяти лет большие финансовые и людские ресурсы затрачивались на подготовку чисто формальных, но обязательных раз в две недели докладов в Центр об отсутствии показателей подготовки внезапной ядерной атаки, включая и такие «индикаторы», как число освещаемых в ночное время окон в Пентагоне и министерствах обороны других стран.

Эта программа была типичным анахронизмом. Но значит ли это, что мы вообще отказываемся от получения данных о развитии вооружений, особенно с учетом возможного выхода на новые системы, способные дестабилизировать обстановку? Отнюдь нет. Именно на это была нацелена в 1990-х годах наша научно-техническая разведка. Она была сориентирована на аналитический

акцент в своей работе. Среди важных задач рассматривалось отслеживание изменений в подходах к так называемым «критическим технологиям», корректировки их приоритетности в ведущих индустриальных государствах. Понятно, что такая информация важна для политического руководства России, так как способствует оптимизации усилий по перегруппировке наших на сегодняшний день небольших средств и возможностей.

Я не хотел бы, чтобы у читателя возникло подозрение, что СВР имела в виду необходимость закрыть научно-технические сферы для международного сотрудничества. Отнюдь нет. Мы отлично понимали, что изоляционизм лишь вредит научно-техническому прогрессу в нашей стране. Причем в создавшейся российской ситуации среди мотивов расширения сотрудничества с иностранными партнерами контрастно вырисовывалась задача сохранить научные кадры и достигнутый уровень исследований. Знали мы и о том, что многие иностранные партнеры заинтересованно и честно развивают научные связи с Россией, оказывают помощь и поддержку нашей науке в столь тяжелое для нее время. Вместе с тем некоторые моменты сотрудничества российских научно-исследовательских учреждений с внешним миром вызывали у нас озабоченность. На двух я заострил внимание, выступая на закрытом заседании Президиума Российской Академии наук.

1. В большинстве случаев валютное покрытие расходов иностранных заказчиков российским НИИ и КБ на порядок и даже несколько порядков ниже аналогичного уровня в развитой западной стране. По мнению экспертов разведки, иностранные партнеры в целом ряде случаев широко используют несовершенную российскую систему защиты интеллектуальной собственности.

2. Имеются большие подводные камни в научно-техническом обмене России с Западом. Управление военных программ министерства энергетики США в сентябре

1993 года, например, подготовило доклад, в котором говорилось, что через канал научно-технического сотрудничества с Россией, созданный «для стабилизации российской науки», будет осуществлен поиск уникальных технологий для передачи их в американскую промышленность и национальным лабораториям. Одновременно наблюдалось стремление США и некоторых партнеров из других стран исключить доступ российских специалистов к «своим» передовым технологиям.

Однако, несмотря на возрастающее значение научно-технической разведки, приоритетной для СВР оставалась политическая разведка – получение информации о намерениях других государств, особенно в отношении России. Российское руководство, например, вполне обоснованно интересовалось, действуют ли зарубежные круги и кто конкретно в направлении дезинтеграции России. Правильный ответ на этот вопрос был чрезвычайно важен. СВР после тщательной проработки этой проблемы сообщила, что на время доклада не обладает данными об именно такой направленности государственной политики США и других ведущих западных стран. Слишком опасным считается подводить к черте, переход за которую может привести к непредсказуемым последствиям, тем более в стране, напичканной ядерными боеголовками. Но в целом СВР не отрицала существования внешней угрозы территориальной целостности России. Эта угроза (в максимально возможной степени приводились конкретные данные) исходит главным образом из тех зарубежных кругов, политических организаций националистического или религиозно-экстремистского толка, которые непосредственно поддерживают сепаратистские настроения и движения в России.

Что касается положения в СНГ, то в этом случае мы на основе добытых материалов и их анализа пришли к однозначному выводу: руководители ряда западных стран действуют с целью не допустить участия России в стаби-

лизации обстановки в бывших республиках СССР, сорвать развитие тенденций на их сближение с Российской Федерацией. В то время мы обладали достоверными сведениями о том, что спецслужбы США начали укреплять свои позиции, в частности, создавая резидентуры в целом ряде стран СНГ. Основной задачей этих резидентур являлась работа по России. Был зафиксирован целый ряд случаев вывода на связь агентуры из России в страны СНГ, а также в государства Балтии.

Получение подобной информации было, с нашей точки зрения, нормальной разведдеятельностью по «мировым стандартам». Ведь никто в Соединенных Штатах не был, например, шокирован, когда там объявили 23 августа 1998 года, что президента Б. Клинтона информировало ЦРУ на основе полученных сведений и анализа о грядущей замене правительства в России и даже о том, что на пост председателя правительства после С. Кириенко будет выдвинут В. Черномырдин.

Смещение акцентов в задачах разведки требовало усиления аналитической направленности в работе СВР. Это сказалось и на качестве материалов, докладываемых руководству государства.

Акцент на аналитическую сторону деятельности разведки отразился и на ее структуре. Наряду с существовавшими еще в ПГУ аналитическими подразделениями было создано новое управление, работе которого придавался особый смысл. Оно занималось обострившейся проблемой распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки.

Управление развернуло работу, направленную на оперативное получение данных, способных обозначить объективную картину в области распространения ядерного оружия. На основе собственной информации, сопоставления ее с открытыми публикациями, анализа экспертов были выработаны критерии, по которым определялось,

каков потенциал создания ядерного оружия у государств, не входящих в «ядерную пятерку».

В это время мы решили периодически публиковать и открытые доклады СВР, с тем чтобы знакомить не только руководство, но и широкую общественность – и российскую, и зарубежную – с выводами аналитиков разведки по самым животрепещущим проблемам. И не случайно, что из такого рода докладов два, в том числе первый, были посвящены угрозе распространения ядерного оружия.

В докладе СВР, опубликованном в 1992 году, говорилось о том, что уже существуют три «неофициальных ядерных государства» – Израиль, Индия и Пакистан. Потенциальные ядерные государства были обозначены как «пороговые» и «предпороговые». В докладе содержалась методика такой группировки, показатели, позволяющие относить те или иные государства к этим трем группам. Нам сообщили о недовольстве индийского руководства тем, что мы на основе имеющихся данных включили эту страну в группу «неофициальных ядерных государств». Ничего не поделаешь, СВР не исходила из двойных стандартов.

В приложении ко второму открытому докладу, опубликованному в начале 1995 года, давался список «пороговых» и «предпороговых» государств.

СВР пришлось не только отслеживать процессы распространения оружия массового поражения, но и противодействовать попыткам некоторых иностранных спецслужб проводить активные мероприятия по поводу так называемой утечки ядерного сырья из России. Такие акции спецслужб, как правило, осуществлялись в интересах получения дополнительного финансирования или внутривнутриполитической борьбы в своих странах. Но при этом одна из их целей, безусловно, заключалась в компрометации российских властей, якобы оказавшихся не в состоянии обеспечить надежную охрану ядерного сырья.

Одной из классических операций такого рода было разоблачение провокационной акции германской разведки БНД, которая, действуя через своего агента, сама попыталась организовать приобретение в России плутония, с тем чтобы «перехватить» его в Мюнхене.

Волна обвинений в утечке из России ядерного сырья вскоре спала.

Значительно больше внимания, чем прежде, уделялось экономической разведке. В СВР было создано подразделение, в функции которого входили: контроль за выполнением зарубежными странами экономических соглашений, заключенных с Россией, определение объективных и субъективных причин в случае, если такие соглашения не претворяются в жизнь; определение реальной, а не запросной позиции наших зарубежных партнеров при подготовке соответствующих документов; действия, способствующие возвращению долгов России; проверка истинной дееспособности фирм, предлагающих свои услуги различным российским государственным организациям и т. д.

Экономическая разведка работала и работает также над проблемами снятия искусственных препятствий, нагромождаемых с целью не допустить выхода на мировые рынки российской конкурентоспособной продукции; противодействия попыткам выбить Россию с завоеванных позиций в области военно-технического сотрудничества с зарубежными странами; поисков новых рынков сбыта российских вооружений. Последнее особенно важно для России в нынешний период, так как от сбыта продукции ВПК за рубежом во многом зависит экономическое благосостояние двух с лишним десятков миллионов россиян и в целом социальная обстановка в обширных регионах Российской Федерации.

Вот один из примеров. В 1995 году пакистанские представители настойчиво ставили вопрос о масштабной закупке в России военных самолетов. Эти вопросы были

поставлены и перед директором СВР. К этому времени мы уже обладали данными, свидетельствующими о том, что осуществляется многоцелевое активное мероприятие. Пакистан стремился оказать давление на США, которые, будучи недовольны его позицией в вопросах нераспространения ракетно-ядерного оружия, заблокировали 500 миллионов долларов, предназначенных для закупки Пакистаном средств ВВС в Соединенных Штатах. Другой целью этого мероприятия была попытка нанести серьезный урон российско-индийскому военно-техническому сотрудничеству.

Для того чтобы доложить политическому руководству России ситуацию в наиболее полном виде, пакистанцам по линии спецслужб был задан вопрос: обладают ли они необходимыми наличными средствами для закупки самолетов?

«Мы получили большой кредит из Саудовской Аравии», – последовал ответ.

Экономическое подразделение СВР тщательно проверило эту информацию и выявило, что никаких займов или кредитов Пакистан из Саудовской Аравии на эти цели не получал.

На внутреннем положении разведки, на ее боеспособности не мог не отразиться новый для нее вопрос – участвовать или нет во внутривнутриполитических процессах в своей стране. Раньше, когда она была частью правоохранительного органа – КГБ, такой вопрос не возникал, а как быть теперь, когда СВР выделилась из КГБ в качестве самостоятельной службы? Я считал, что неучастие СВР в сложнейших хитросплетениях борьбы различных сил внутри страны – необходимое условие ее сохранения. Эта точка зрения, которая, прямо скажем, не всем нравилась в российском руководстве, была принята нашим коллективом.

В октябре 1993 года, когда произошло прямое столкновение парламента с президентом, мы, естественно, не

затыкали уши ватой, следили за происходившим не как посторонние наблюдатели, но непосредственно не вмешивались в события. Я не собирал директорат для вынесения политических вердиктов, как это сделали все остальные российские спецслужбы. Созвал лишь совещание руководителей ряда подразделений СВР, дав указание усилить охрану территории штаб-квартиры, а офицерам не выходить в город с табельным оружием. Любая политическая ангажированность в тот момент нам дорого стоила бы – мы могли потерять значительную часть своего агентурного аппарата.

Кстати, СВР была единственной спецслужбой, куда во время этих событий ни разу не позвонил Ельцин. Может быть, он находился под впечатлением разговора со мной по поводу Указа № 1400 о роспуске парламента.

– Как вы относитесь к моему указу? – спросил тогда президент, позвонив мне по телефону.

– Мне кажется, что он не до конца продуман.

– Я ожидал другого ответа от директора моей Службы внешней разведки.

– Я сказал вам так, как думаю. Было бы гораздо хуже, если бы руководитель Службы внешней разведки говорил неправду своему президенту. Но я надеюсь, что вы не заподозрите ни меня, ни СВР в целом в антипрезидентских настроениях.

Ельцин положил трубку и больше ни разу не возвращался к этому разговору.

Непринадлежность внешней разведки к правоохранительным органам, ее полная самостоятельность дают ей возможность без всякой корректировки и без купюр доводить свою точку зрения до политического руководства страны. Когда я был кандидатом в члены Политбюро и позже членом Президентского совета и Совета безопасности, мне не раз приходилось читать закрытые сообщения КГБ о внешнеполитической ситуации. Во многом они не имели ничего общего с той информацией, кото-

рую ПГУ передавало «по инстанции», не обладая правом прямого выхода на руководство страной. И тогда этим подчас пользовались те, кто в своих внутривластных целях хотел представить положение в ракурсе, не отвечающем действительности.

До какой степени разведка должна быть открытой? Строгое соблюдение секретности, конечно, необходимо для разведки. Гласность ни в коей мере не должна наносить ущерб оперативной работе и людям, в нее вовлеченным, их семьям, друзьям, окружению. Но нужно ли закрывать все и вся? Мы в 1990-х годах начали по-новому относиться к архивам СВР. Достоинством общественной стали многие из закрытых ранее эпизодов жизни внешней разведки, возвращены истории неизвестные до настоящего времени имена разведчиков – самоотверженных борцов за интересы своего народа. Начался выпуск и многотомных очерков по истории разведки России. Причем такой «луч гласности» был направлен не только в прошлое. Было создано бюро СВР по связи с общественностью. Оно установило тесный контакт с журналистами.

Но такие новшества не имели ничего общего, я бы сказал, с аморальной «экзальтацией», даже обращенной в прошлое. Некоторые сотрудники упомянутого бюро многократно обращались ко мне с просьбой признать факт работы на КГБ известных по делу о так называемом атомном шпионаже супругов Розенберг, ссылаясь на такую, с позволения сказать, довод: «да об этом все пишут». Что ж... Супруги Розенберг действительно опасались, что одностороннее владение США атомной бомбой может вовлечь все человечество в новую бойню. Но они при этом даже ценой своей жизни категорически отвергли обвинения в том, что они «агенты КГБ». И погибли на электрическом стуле. В таких условиях никто, тем более российская разведка, не имеет морального права разглашать о принадлежности супругов Розенберг к КГБ.

Ни я, ни мои, уверен, преемники никогда не поступят таким образом.

В 1992 году внешняя разведка России приобрела легальный статус. Был принят закон о внешней разведке, который вместе с поправками к нему, одобренными Государственной Думой, создал правовую регламентацию деятельности СВР. Закон зафиксировал, что разведка действует на правовом поле и это дает ей определенные гарантии и права.

На архивах СВР остановлюсь чуть подробнее. Текущее делопроизводство было за семью печатями. К нему допускались только те, кто был причастен именно к этому «файлу» и допуск к нему был необходим по работе. Я как руководитель СВР имел, конечно, доступ к любым архивам, но никогда этим не пользовался. Считал это абсолютно неуместным.

Но то, что касается давно ушедших лет...

Руководитель архивного подразделения СВР по своей инициативе принес мне ряд дел работников, как бы демонстрируя ту пропасть, которая отделяет нынешних сотрудников разведки от некоторых «назначенцев» конца 1930-х годов, пришедших в службу после репрессий и расстрелов. Были среди них и достойные сотрудники. Но, пожалуй, впервые тогда в разведку стали приходить люди «по знакомству», что наносило вред ее деятельности, а подчас и стране.

Несколько томов составляли дело «Захара» – псевдоним Амаяка Захаровича Кобулова. В деле значилось, что он закончил пять классов, курсы счетоводов, работал счетоводом на заводе, производящем бутылки для розлива «Боржоми», потом стал бухгалтером в НКВД Грузии, который в то время возглавлял Берия. Здесь и началась его головокружительная карьера – в 1940 году Кобулов был назначен резидентом в Берлин.

Меня заинтересовали эти тома. Как известно, много писалось о том, что Сталин не верил в возможность на-

падения Германии на СССР летом 1941 года, считая все поступающие сигналы об этом английской дезинформацией. Оказывается, были и другие источники, которые убеждали Сталина в «ложности» таких сигналов.

В деле «Захара» находится донесение Кобулова в Центр о вербовке Берлингса (псевдоним «Лицеист») – представителя одной из латвийских газет в Берлине, датированное 21 августа 1940 года:

«В одном из ресторанов Берлина я, “Лицеист” и “Философ” (один из оперработников берлинской резидентуры. – *Е.П.*) затронули вопрос о новом государственном строе (в странах Балтии. – *Е.П.*). “Лицеист” – хотя и молодой, но очень культурный, образованный человек. Он сказал, что всецело поддерживает стремление советской власти, направленное на освобождение трудящегося человечества. После общего разговора я поставил перед ним вопрос о его дальнейших перспективах. Он как корреспондент латвийской газеты с 01.10.40 освобождается от своих обязанностей, таким образом лишается источника существования. Я сказал, что мы его поддержим, если он нам поможет, подчеркнув, что связь с ним должна носить тайный характер. Для выполнения наших заданий “Лицеист” должен остаться в Германии. “Лицеист” был удивлен таким предложением, высказал опасения за свою жизнь, если узнают немцы... Я его успокоил и обещал в случае необходимости обеспечить выезд из Германии. Что касается опасения за расшифровку, предложил ему не болтать о связи с нами даже своей жене. После некоторых колебаний “Лицеист” согласился... Хочу отметить, что “Философа” беру потому, что “Лицеист” плохо говорит по-русски, а я тоже не блещу немецким. “Философ” и я обоюдно разьясняем».

В деле «Захара» есть протокол допроса от 21 мая 1947 года арестованного Мюллера Зигфрида*, уроженца Штут-

* Известно, что особенно в 1950–1960-х годах распространялись слухи в Германии и других странах: дескать, руководитель гестапо

гарта, 1916 года рождения, немца, с высшим образованием, бывшего члена национал-социалистической партии. Он служил в гестапо в отделении 4-Д, которое под руководством Шрейдера работало по советскому посольству и вообще по русским, находящимся в Германии, с 1940 года перешел в абвер.

Привожу выдержку из этого протокола.

После слов Мюллера: «Кобулов был нами довольно ловко обманут» – последовал такой диалог:

«Вопрос: В чем выражался этот обман?»

Ответ: К Кобулову в августе 1940 года был подставлен агент германской разведки латыш Берлингс, который по нашему заданию длительное время снабжал его дезинформационным материалом.

Вопрос: Откуда у вас такая уверенность, что вам удалось обмануть Кобулова? Может быть, наоборот, Кобулов водил вас за нос?

Ответ: Я твердо уверен, что Кобулов не подозревал об обмане. Об этом свидетельствует тот факт, что Кобулов в беседах с Берлингсом выбалтывал ему некоторые данные о политике советского правительства в германском вопросе. Как мне известно со слов работника германской разведки, полковника СС Ликиуса, руководившего работой Берлингса, сведения, полученные из бесед с Кобуловым, представляли интерес для Германии и его донесения докладывались Гитлеру и Риббентропу. Например, Берлингс говорил, что ему удалось настолько влезть в доверие к Кобулову, что последний рассказывал ему даже о том, что все его доклады он направляет лично Сталину и Молотову. Очевидно, все это позволило Гитлеру рассматривать Кобулова как удобную возможность для посылки дезинформации в Москву, в связи с чем он лич-

Мюллер находится в Советском Союзе. Это не соответствовало действительности. Я не исключаю при этом, что поводом для таких слухов были арест и задержание однофамильца Мюллера, который тоже работал в гестапо, но не на той должности.

но занимался этим вопросом. Материалы, предназначенные для передачи Кобулову, прежде Риббентропом докладывались Гитлеру и только с его санкции вручались агенту Берлингу, который после этого относил их Кобулову».

Так продолжалось с августа 1940 года вплоть до нападения Германии на Советский Союз.

Показания Мюллера – не единственное свидетельство игры немцев через агента-двойника. В германских архивных документах, опубликованных после войны, есть ссылки на донесения Орестеса Берлинга, которому немецкой разведкой было присвоено кодовое имя «Петер». В сопроводительных его донесениях, в том числе на имя Риббентропа, он называется «немецким агентом в советском посольстве».

Берия докладывал Сталину на основе информации, полученной от «Лицеиста», что 22 октября 1940 года Риббентроп обсудил с Гитлером подготовленный германским МИДом план, одним из элементов которого является заключение пакта СССР с Японией, «чтобы показать миру полный контакт и единение между четырьмя державами» (Германией, Италией, Японией и СССР).

В то время когда надежные источники наших разведслужб – Шульце-Бойзен Харро («Старшина»), Харнак Арвид («Корсиканец») и другие «бомбили» информацией о готовившемся нападении Германии на СССР, о том, что именно этой цели служит концентрация немецких войск у его границ, а Ильзе Штебе («Альта») в феврале 1941 года сообщила об основных положениях плана «Барбаросса», направлениях готовившихся немецких ударов по СССР, нарком государственной безопасности Меркулов составил менее чем за месяц до начала войны (25 мая) записку на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова и Л.П. Берия, в которой со ссылкой на донесения «Лицеиста», в частности, говорилось:

«Война между Советским Союзом и Германией маловероятна, хотя она была бы очень популярна в Германии, в то время как нынешняя война с Англией не одобряется населением. Гитлер не может идти на такой риск, как война с СССР, опасаясь нарушения единства национал-социалистической партии... Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если ее к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет в связи с этим более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное, даст побольше товаров, особенно нефти».

Нужно сказать, что несколько профессионалов, продолжавших работать в 5-м отделе ГУГБ НКВД (внешняя разведка), судя по материалам дела «Захара», не были в восторге от деятельности резидента в Берлине. Но Кобулов «мастерски» нейтрализовал такие настроения письмом в Центр, в котором намекал на свои тесные связи с Берия.

Полагаю, что определенное недоверие к «Лицеисту» нашло отражение и в указании начальника 5-го отдела П.М. Фитина Кобулову выяснить у Берлингса, какие части германской армии переброшены на границу с СССР. По словам Мюллера, когда Кобулов поставил соответствующую задачу перед Берлингсом, состоялся совет с абвером и выше. Решили, что в условиях готовящейся войны правдивую информацию давать нельзя, а дезинформация может быть выявлена и Берлингс «сгорит». Поэтому ему было поручено сказать, что у него нет источников в военной сфере.

Как явствует из очередного донесения Кобулова в Центр, он счел такой ответ показателем искренности «Лицеиста». А в Центре в ответ промолчали.

Конечно, описанный эпизод с Кобуловым не может характеризовать деятельность разведки в целом, даже в тот нелегкий предвоенный период, не говоря уже о во-

енном и послевоенном времени, когда внешняя разведка встала на ноги и играла роль, которую трудно преувеличить. Поэтому мои коллеги в то время, когда я пришел в СВР, сочетали неприятие отрицательного прошлого с нежеланием отказываться от традиций вообще. Я понимал их, я чувствовал себя их частью. Настороженность, даже враждебность оголтелых противников КГБ и полную поддержку и даже восторженное отношение со стороны преобладающего большинства сотрудников и ветеранов спецслужб вызвало мое решение отметить в декабре 1991 года День разведчика, совпадающий по дате с Днем чекиста, в клубе имени Дзержинского. Ни одна другая часть бывшего КГБ к нам официально не присоединилась. А неофициально в зале были многие сотрудники всех этих подразделений.

Все это ни в коей мере не мешало внедрять в деятельность разведки новые ориентиры, методы, способы работы. Наоборот, помогало этому.

III. Трудный прорыв

Может быть, самым «прорывным» в нововведениях внешней разведки России было развитие контактов и взаимодействие со спецслужбами различных стран, в том числе входящих в НАТО. Во время холодной войны установилось сотрудничество ПГУ, Комитета госбезопасности СССР в целом с партнерами из социалистических государств и ряда развивающихся стран, которые причислялись нами к «антиимпериалистическому лагерю». Сотрудничество было достаточно плотным, интенсивным, но не всегда означавшим полное открытие друг другу всех своих файлов, архивов и особенно агентуры. Так, например, разведка ГДР – Штази проводила неко-

торые операции за спиной КГБ и в ряде случаев давала ПГУ «дозированную» информацию. Не могу сказать, что мы, в свою очередь, были абсолютно открытыми перед партнерами. Такова уж специфика разведки, что даже различные спецслужбы одной страны до конца не бывают откровенны друг с другом. Но сотрудничество, повторяю, было в ту пору весьма интенсивным и приносило несомненную обоюдную пользу.

Теперь, однако, речь шла о качественно иных контактах – с теми, кто прежде рассматривался лишь как противник. Нужно признать, что вначале значительная часть сотрудников СВР с неохотой принимала линию на такие контакты. Противники этого были и в спецслужбах других государств. Конечно, многое зависело от того, как пойдут дела в этом направлении у СВР в первую очередь с ЦРУ, а также с германской, французской, английской разведками.

В соответствии с договоренностью директор ЦРУ Роберт Гейтс посетил Москву и Санкт-Петербург с 15 по 18 октября 1992 года. Он встретился с министром внутренних дел и министром безопасности, начальником Генерального штаба Вооруженных сил России. Особо хочу подчеркнуть, что на последней встрече присутствовал начальник Главного разведывательного управления (ГРУ). Как обычно говорится в этих случаях, беседы были взаимопользны, прошли в конструктивной обстановке, и Гейтс пригласил меня посетить Вашингтон с ответным визитом.

Через полгода я был готов отправиться в США. Шел интенсивный обмен мнениями по программе визита, и прямо накануне отъезда мне сообщили, что президент США Б. Клинтон «из-за большой занятости» не сможет меня принять. Я решил не драматизировать ситуацию и сказал об этом представителю ЦРУ в Москве Д. Рольфу, которого пригласил на ланч. Но при этом не удержался и добавил: «Намерен в ноябре пригласить в Москву нового

директора ЦРУ Джеймса Вулси, и есть все основания надеяться, что президент России при всей своей перегруженности проблемами внутривосточного и экономического характера найдет время для встречи с ним».

В этот же период происходили нередкие рабочие контакты СВР с ЦРУ, начался обмен информацией. Некоторые информационные сообщения СВР докладывались президенту Б. Клинтону. Конечно, на пути обмена информацией между службами стояли очень серьезные, а подчас и труднопреодолимые препятствия. Каждая из разведок опасалась включить в обмен такие данные, которые могли бы нанести ущерб источнику информации. Но в целом можно констатировать, что существовало обоюдное стремление к взаимодействию.

Встречи на «высшем разведывательном уровне» между мной и новым директором ЦРУ Дж. Вулси состоялись в США с 12 по 18 июня 1993 года. Со мной в Вашингтон вылетела группа ведущих сотрудников СВР, среди которых находился назначенный нами «открытый» резидент в Вашингтоне А.И. Лысенко – к этому моменту мы договорились с американцами об обмене «открытыми резидентами». Обсуждали много тем: югославский кризис, положение на Ближнем и Среднем Востоке, исламский фундаментализм, проблемы борьбы с наркобизнесом, нераспространение оружия массового уничтожения. Обсуждения проходили в Лэнгли – штаб-квартире ЦРУ. Сам этот факт уже говорил о многом.

Устанавливались неплохие и личные отношения между руководством СВР и ЦРУ. Хорошо помню атмосферу на загородной даче нашего посла в Вашингтоне В.П. Лукина, где мы принимали американских коллег. Сидели на воздухе на лавках за сколоченными столами. Тут же готовился шашлык. Непрерывно произносились тосты, шутили, рассказывали анекдоты. Со стороны мало кто мог бы подумать, что встречаются, мягко говоря, соперники. Ответный визит в Россию директора ЦРУ и его

коллег по разведке состоялся с 7 по 10 августа 1993 года. Гости прилетели сначала в Санкт-Петербург, а потом в Москву. Наши деловые беседы в Санкт-Петербурге, куда я вылетел для встречи с американцами, перемежались «культурными мероприятиями». После посещения Петродворца и Эрмитажа состоялся ужин в доме приемов на Каменном острове, на который был приглашен и директор Эрмитажа, мой бывший коллега по Институту востоковедения профессор М.Б. Пиотровский, который сам показывал нам экспонаты музея. Позже он мне сказал: «Ведь не поверят, что я сидел за столом между директорами СВР и ЦРУ».

Пребывание делегации ЦРУ в России пришлось сократить, так как в связи с убийством резидента ЦРУ в Тбилиси Вулси вылетел 10 августа в Грузию.

Директор ЦРУ привез послание Ельцину от Буша, в котором говорилось о том, как высоко американский президент ценил набиравшие темп контакты между спецслужбами двух стран. Факт направления этого послания был важен и сам по себе. По утверждению американских авторов, высшее руководство США более чем за год до ареста Эймса знало, что ФБР разоблачило «российского агента» и ведет его разработку. Если это так, то Дж. Буш был осведомлен о деле, которое впоследствии нанесло серьезный урон сотрудничеству СВР и ЦРУ, но не преувеличивал негативных результатов этого для взаимодействия наших спецслужб. А может быть, и не знал об Эймсе и многомесячная слежка за ним – мистификация, призванная показать «непревзойденное профессиональное мастерство» ФБР?

Американцы стремились получить через сотрудничество с СВР достоверную информацию для доклада президенту США о том, что происходит в России, особенно при обострении обстановки в нашей стране, например, той жесткой конфронтации, которая возникла между президентом и парламентом в 1993 году. Это создавало

хорошие возможности для доведения непосредственно до высшего руководства США информации, отражающей действительность. Мы в то время уже знали, что ряд наших «демократов» снабжают американцев своими субъективными оценками о происходящих в России событиях.

Или другой пример. После очередной поездки на Ближний Восток я направил 11 ноября 1993 года устное послание Дж. Вулси, в котором отмечал, что серьезные негативные последствия для всего ближневосточного урегулирования может иметь отсутствие прогресса на сирийском направлении, которое, как мне представляется, явно недооценивается США, особенно после некоторого успеха в переговорах израильтян и палестинцев. Мне сообщили, что эти соображения были доложены Клинтону.

Перелом в отношениях между СВР и ЦРУ произошел в связи с «делом Эймса». Конечно, арест Эймса был неприятнейшим событием для нас – мы потеряли важнейший источник в самом ЦРУ. Но и для США тоже: выяснилось, что в течение многих лет он передавал нам важнейшую информацию. Но даже при всем этом можно было «спустить эмоции на тормозах» – ведь никто не застрахован от подобных провалов.

Фигура Эймса очень интересна по нескольким аспектам. Прежде всего я не принадлежу к тем, кто считает, что Эймс работал на Советы, а затем на Россию только ради материальной выгоды. Конечно, получаемые им средства были немалыми, но есть доказательства совершенно иного рода. Известно, например, что Эймс пытался в 1970-е годы найти подход к корреспонденту «Правды» в США Томасу Колесниченко. Кстати, когда Эймс был арестован и его портрет опубликовали в американских газетах, семья Колесниченко была шокирована. Ведь он в течение нескольких лет бывал у них в доме, водил дружбу, выдавая себя за Фрэда Мэдисона, сотрудника института изучения России в Нью-Хэмпшире. Томас

и его супруга Светлана тогда и не подозревали истинных целей такого внимания к себе. Но, вспоминает Колесниченко, Эймс мало-помалу стал не просто проявлять интерес к процессам, происходящим в Советском Союзе, но и искренне радовался многим переменам в нашей стране. Не по этой ли причине Эймс резко оборвал свои отношения с семьей Колесниченко?*

Вместе с тем Эймса характеризует то, что передаваемая им информация касалась американских агентов, завербованных во властных структурах или спецслужбах СССР, а затем России.

* После ареста Эймс на непродолжительное время стал доступен для журналистов. Во время одной из таких встреч в тюрьме он сказал, что хотел бы дать интервью Колесниченко. Это было опубликовано, и Томас обратился за визой в посольство США в Москве, но получил отказ. Уже в бытность мою министром иностранных дел я совершил в 1996 году поездку в США. Пригласил полететь, как это принято, группу журналистов, в том числе и от ИТАР-ТАСС Т. Колесниченко, который, чтобы «не осложнять ситуацию», заявил, что не будет ставить вопрос об интервью с Эймсом и ограничится лишь освещением моего визита. Тем не менее, уже выданную Колесниченко американскую визу аннулировали прямо накануне вылета, и он, вполне понятно, не полетел. Однако, как мне рассказал наш тогдашний посол в США Ю.М. Воронцов, шеф американской полиции заявил встречавшим нас на аэродроме российским дипломатам, что не выпустит из моего самолета никого, пока не проверит и не убедится в отсутствии на борту Колесниченко. Только твердое заявление с нашей стороны, что в таком случае визит российского министра будет сорван, остановило эту беспрецедентную операцию. В тот же день я рассказал о случившемся М. Олбрайт, подтвердив, что Колесниченко вообще не намерен ни в какой форме обращаться к кому бы то ни было с просьбой об организации интервью с Эймсом. Добавил, что могу гарантировать – Колесниченко никогда не был работником спецслужб. Через два дня Мадлен во время переговоров передала мне записку, в которой говорилось, что виза моему другу для освещения визита в США может быть выдана. Несмотря на то, что до окончания пребывания оставалось всего два дня и к тому же Т. Колесниченко плохо себя чувствовал, он из принципа все-таки прилетел на сутки.

В июле 2003 года Тома Колесниченко не стало. Я тяжело переживаю потерю своего близкого друга.

Российская разведка оказалась настолько высокопрофессиональной, что ФБР не удалось засечь ни одной тайниковой операции Эймса, а их было немало. Кстати, одна из них должна была состояться буквально за несколько дней до ареста Эймса. Но об этом точно не знали, иначе ФБР предпочло бы взять его с вещественными доказательствами – это совершенно ясно. Я мог бы добавить, что Эймс незадолго до ареста выезжал для встречи с нашим связником в одну из латиноамериканских стран. Позже в США даже уверяли, что знали об этом, плотно опекали его. Но дело в том, что американцы так и не смогли зафиксировать факт встречи Эймса с нашим представителем. А встреча состоялась.

Я не хочу судить о причинах провала Эймса. Возможно, ФБР в той или иной форме получило «сигнал» от своего источника из Москвы. Очевидно, на каком-то этапе вычислению «крота» американским контрразведчикам помогла беспечность Эймса в отношении денежных трат. Так или иначе, но кольцо вокруг него начало сужаться, и в конце концов он был арестован.

24 февраля Трубников принял в штаб-квартире СВР представителей директора ЦРУ Дж. Маклафлина и У. Лофгрена, специально прибывших в Москву для обсуждения ситуации, сложившейся в связи с делом Эймса. В беседе американцы пытались оказать давление на нас, потребовав односторонне отозвать резидента СВР в Вашингтоне Лысенко, хотя тот, как они знали, не имел никакого отношения к Эймсу. Однако Трубников решительно отвел эти требования. Если американцы выдворят Лысенко, сказал он, будут приняты «симметричные» меры по отношению к резиденту ЦРУ в Москве. К сожалению, такой «обмен» произошел. После всех этих событий нам стало известно, что ЦРУ осуществило вербовочный подход к резиденту СВР в Берне.

В операции принял участие Рольф Муват-Ларсен, тот самый, который поддерживал в 1992–1994 годах в Моск-

ве партнерские контакты ЦРУ с представителями СВР. Характерно, что в ответ на представление нашей разведки американская сторона, признав факт попытки осуществить вербовку, объяснила свои действия как «рутинное дело в работе спецслужб».

Стороны не отказались от своей заинтересованности в сотрудничестве друг с другом, но после ареста Эймса возникла пауза в контактах.

Нелегко складывались отношения СВР с самой опытной и опасной для нас английской СИС. Англичане проявили инициативу в установлении первичного конфиденциального контакта с СВР, но затем стали действовать по собственному сценарию. В июне 1992 года меня посетил посол Великобритании Фолл, который проинформировал о том, что политическое руководство его страны приняло решение о сотрудничестве между российской и британской спецслужбами, и «заодно» представил так называемую «группу связи» в Москве – резидента СИС Д. Скарлетта и представителя МИ-5 (британская контрразведка) Эндрю Слаттера. Это произошло «в явочном порядке».

Одновременно британские власти делали все, чтобы заблокировать симметричные шаги с нашей стороны. Естественно, что такой дисбаланс нас не устраивал, и мы решили временно приостановить взаимодействие с СИС. Для переговоров с директором СВР в Москву прибыл Р. Брейтвейт – координатор деятельности спецслужб при премьер-министре Великобритании. Он признал оправданными наши оценки асимметрии, сложившейся в отношениях СВР – СИС, и проинформировал, что наши предложения будут удовлетворены, однако оговорился, что в Великобритании по-прежнему настаивают, чтобы вопрос о представительстве СВР в Лондоне рассматривался в одном пакете с «агрессивной деятельностью ГРУ в Великобритании».

Здесь я позволю небольшое отступление. Не только англичане, но и многие другие пытались во время моего

пребывания на посту директора СВР столкнуть лбами внешнюю разведку с нашими военными коллегами. Этого им сделать не удалось ни разу и ни по одному направлению. Что касается англичан, то я прямо сказал Брейтвейту, что ГРУ является самостоятельной организацией и они могли бы вступить в непосредственный контакт с ней для рассмотрения возникающих вопросов.

Решили перевести в практическую плоскость аморфные английские обещания. 23 июля я назвал послу Фоллу кандидатуру на пост «открытого» резидента – заместителя директора СВР В.И. Гургенова. Но оказалось, что англичане продолжали свою игру. 1 октября в газете «Дейли миррор» появилась публикация, в которой говорилось о нежелательности приезда в Лондон на постоянную работу «крупного российского разведчика» Вячеслава Гургенова. Мы поняли, что готовится отказ ему в визе, что и произошло.

2 марта посол Великобритании в Москве был вызван во 2-й Европейский департамент Министерства иностранных дел России, где ему было сказано: в связи с невыдачей британской визы официальному представителю СВР в Лондоне «открытому» представителю СИС в Москве Скарлетту предложено покинуть Россию. Англичане в качестве ответной меры потребовали выезда из Лондона советника посольства России Николая Явлюхина.

Однако после этого лед тронулся. С 8 по 9 сентября Москву посетили начальник регионального управления СИС Эндрю Роберт Фултон и директор МИ-5 Чарльз Бленд⁸. Англичан привезли в загородный санаторий «Барвиха», где я находился в очередном отпуске. Фултон в самом начале беседы подтвердил намерения британской стороны восстановить «искренние отношения взаимодействия с российскими спецслужбами, оставив позади неудачи, имевшие место по ряду известных причин». Я сказал, что мы тоже заинтересованы в этом, но на основе полного равенства, также и по вопросам численно-

сти состава будущих представителей СВР и СИС соответственно в Лондоне и Москве.

Приводя «гипотетические примеры», решил «сыграть в простака» (естественно, твердо знал при этом, что не подвожу ни одного нашего источника) и сказал англичанам, что у нас вряд ли были бы возражения против направления ими в Москву Майкла Шебстера (дело в том, что его действительно намечали отправить в Россию в качестве «открытого резидента»), при том понимании, что он не будет, как это делал в Индии, тайно вывозить на Запад завербованного сотрудника резидентуры чехословацкой разведки. Упоминание фамилии Шебстера обескуражило контрразведчика Бленда, что было видно по брошенному им взгляду в сторону разведчика Фултона. А когда я сослался на причастность Шебстера к операции в Индии, то мне показалось, что Бленд вообще на мгновение потерял контроль над своими эмоциями – уж такой утечки информации из СИС (а откуда еще!) британский контрразведчик явно не предполагал.

Будучи уже министром иностранных дел, я, находясь в Лондоне, встретился со своим старым приятелем еще по совместной работе на Ближнем Востоке Р.В. Ющуком – в эту пору «открытым» резидентом СВР в Великобритании. Он меня познакомил с Шебстером – своим партнером по контактам со стороны СИС. Я в шутку извинился перед Шебстером за то, что помешал его карьере в Москве.

Другим сюрпризом, который ждал меня в Лондоне во время моего визита в английскую столицу в марте 1997 года в качестве министра иностранных дел, была встреча с одним из самых лучших – во всяком случае, я так считаю – авторов политических детективов Джоном Ле Карре. Наш посол А.Л. Адамишин пригласил по моей просьбе его с женой на обед. Встреча была абсолютно непринужденной. Мы с моей супругой получили огромное удовольствие от беседы с этим незаурядным человеком. Как давнему почитателю творчества бывшего разведчика

Дэвида Корнвелла, снискавшего всемирную известность под именем Ле Карре, мне было особенно приятно получить книгу «Люди Смайли» с надписью автора: «Евгению Максимовичу Примакову с моими искренними теплыми пожеланиями и с надеждой на то, что мы будем жить в гораздо более лучшем мире, чем тот, который описан здесь».

И еще один сюрприз. В Москву по приглашению директора СВР С.Н. Лебедева приехал директор СИС Джон Скарлетт. Посол Великобритании пригласил узкий круг лиц из СВР, Совета безопасности и МИДа России на встречу с ним. Среди приглашенных был и я. Провели прекрасный вечер. Высказывали близкие или совпадающие взгляды по ряду мировых событий. Много шутили. И не вспоминали о минувшем. Но иногда я ловил на себе – или мне это показалось – испытывающий, настороженный взгляд Джона...

IV. «Кроты» в СВР

Самый большой вред разведке приносили предательства отдельных ее сотрудников. Собственно, эта беда, очевидно, не обходит ни одну спецслужбу в мире, но она особенно остро чувствовалась на этапе становления СВР, борьбы за ее выживаемость.

Гнусное лицо предателей было видно невооруженным глазом. Еще до моего прихода в разведку в мае 1991 года с помощью английских спецслужб перебрался в Англию находившийся в Норвегии под журналистским прикрытием подполковник Бутков. Облик Буткова определяет хотя бы то, что в конце 1997 года он и приехавшая в Англию его любовница – жена сотрудника российского

посольства в Осло, на которой он впоследствии женился (свою супругу Бутков бросил) – были арестованы британскими властями и приговорены к тюремному заключению за преступные финансовые махинации в их предпринимательской деятельности. А сколько в средствах массовой информации, в том числе российских, писалось об «идеологическом борце» Буткове, вынужденно связавшимся с английской разведкой!

В начале 1991 года не вернулись из заграникомандировки два сотрудника научно-технической разведки – подполковник Илларионов, работавший в Италии под прикрытием должности вице-консула в Генуе, который при содействии американских спецслужб выехал в США, и майор Гайдук, работавший старшим инженером в торговле в Оттаве.

Уже при мне, в 1992 году, бежали в США два сотрудника СВР из Бельгии и Финляндии. И самым, пожалуй, крупным предателем оказался полковник Оценко, находившийся в командировке в Париже. Он был завербован английской спецслужбой и тайно вывезен в Великобританию. Все трое тоже были из научно-технической разведки, а Оценко даже ждало повышение в Центре, куда он должен был вскоре прибыть, так как его заграникомандировка близилась к завершению.

Что явилось причиной его поспешного бегства? Ознакомившись с выводами специально созданной комиссии, я заключил, что, может быть, он боялся возвращения, так как перед новым назначением в Центре должен был пройти очередную проверку, которая с большой степенью вероятности могла показать его преступную нечистоплотность – как выяснилось, Оценко присваивал себе часть средств, выделяемых ему для расчетов с источниками. Были достоверные данные о том, что Оценко представил своим хозяевам из СИС наряду со списком агентуры совершенно другую версию своего поспешного ухода из Парижа.

Я здесь пишу о предателях. А сколько было неудавшихся вербовочных подходов за это время к сотрудникам наших спецслужб, особенно перед тем, как они заканчивали свою работу в загранучреждениях и возвращались в Россию.

Став директором СВР, я ознакомился с документом Центрального разведывательного управления США по методике вербовочной работы. ЦРУ создало своеобразную «модель вербуемости», выделяя такие черты объекта, как «двойная лояльность», самовлюбленность, тщеславие, зависть, карьеризм, меркантилизм, сексуальная неразборчивость, склонность к пьянству. Особое внимание предлагалось обращать на факты неудовлетворенности служебным положением, семейными отношениями, жизненные трудности, сопровождаемые стрессами. Что касается идеологической, политической подоплеки вербовки, то в модели ЦРУ она отсутствовала. По словам двух бывших директоров ЦРУ Р. Хэлмса и У. Колби, они не знали ни одного советского или российского перебежчика, который перешел на сторону противника по идеологическим соображениям.

С феноменом предательства я столкнулся еще задолго до того, как возглавил СВР. Был обозревателем в «Правде» в то время, когда арестовали Пеньковского – сотрудника Государственного комитета по науке и технике, полковника ГРУ. Масштабы того урона, который он нанес обороноспособности СССР, несомненно, были более чем значительными. Его вербовка была успехом ЦРУ. Все это бесспорно. После того как советская контрразведка установила его связи с представителями Центрального разведывательного управления США и он был арестован, в зарубежной печати, как это обычно бывает, стали создавать вокруг него ореол героя.

В то время Пеньковский уже сидел на Лубянке, и одному из моих коллег по «Правде» предложили написать о нем материал в газету. Ему устроили встречу с Пень-

ковским, который тогда еще не знал, что объявлено во всеуслышание о его задержании, – очевидно, таков был прием следствия с целью получить как можно больше его признаний. По словам корреспондента «Правды», Пеньковский принял его за представителя ЦК («где-то я вас видел») и умолял использовать его несомненные возможности и связи для двойной игры. «Я сделаю все, – говорил Пеньковский, – чтобы нанести соизмеримый с моим отступничеством вред американцам». Это ли не раскрывает истинный облик такого «героя»?

Не был «идеологом» и О. Гордиевский – бывший заместитель резидента внешней разведки в Лондоне, которого завербовали еще во время его работы в Дании. Много интересного и необычного о деле Гордиевского мне рассказал один из бывших руководителей внешней контрразведки ПГУ. Гордиевский, который попал под подозрение, был вызван в Москву якобы для оформления его назначения резидентом. Во время продолжительного дебрифинга (активное целенаправленное собеседование), который проводил рассказывавший мне об этом генерал в отставке, Гордиевский был близок к признанию. И именно тогда он стал зондировать возможность его активного использования против англичан, даже предлагал различные «гарантии» того, что будет «надежно» действовать на этом направлении. Об этом результате первого дня работы с Гордиевским доложили руководству КГБ.

Работники внешней контрразведки были уверены, что на следующий день он полностью признается во всем. Но вдруг поступил сверху приказ: дебрифинг прекратить, наружное наблюдение снять, направить Гордиевского на отдых в подмосковный санаторий (?!). Оттуда он и сбежал и был английской разведкой тайно переправлен через границу с Финляндией⁹.

Дело Гордиевского еще больше утвердило меня в мысли о необходимости усилить и упорядочить работу

внешней контрразведки. При этом нужно было обойти несколько «подводных камней». Ни в коей мере такое усиление не должно было нагнетать атмосферу подозрительности в СВР, не разрушать ни прямо, ни косвенно обстановку доверия к сотрудникам. Одновременно следовало избавиться от любых проявлений беспечности. Не было никакого сомнения в том, что служба безопасности в разведке должна быть собственной. Вместе с тем эта служба должна самым тесным образом взаимодействовать с ФСБ, на что и была сориентирована.

Наконец, далеко не простой вопрос о реализации получаемой от ценных источников информации. Порой нелегко быстро привести в соответствие интересы зашифровки наших ценнейших источников с необходимостью принятия срочных мер в отношении разоблаченных предателей. А бывало и так, что мы сами проявляли нерасторопность, граничащую с халатностью. Об этом, например, может свидетельствовать история предательства Владимира Резуна, известного на Западе чуть ли не как «блестящий писатель» Суворов – автор нескольких книг о ГРУ.

В конце мая 1978 года советская внешняя разведка (ПГУ) получила сообщение своего источника в британских спецслужбах (теперь об этом уже можно сказать) о том, что в течение года СИС через свою швейцарскую резидентуру ведет работу с завербованным ею сотрудником резидентуры ГРУ в Женеве. Сведения были получены от особо оберегаемого источника, поэтому подключать к работе можно было только очень ограниченный круг. Но дело было не только в этом. Речь шла о сотруднике ГРУ – другого разведывательного ведомства, и требовалось тщательно продумать вопрос о согласовании всех необходимых мероприятий. Не исключаю и того, что согласованию мешала все-таки существовавшая разобщенность между двумя нашими спецслужбами.

Так или иначе, но 8 июня 1978 года Резун связался со своими хозяевами из британской разведки, обрисовал ситуацию таким образом, что находится на грани провала, и был вывезен с семьей через аэропорт в городе Базеле в Великобританию. Наш источник сообщил, что уход Резуна не привел СИС в уныние. Весь период сотрудничества с англичанами Резун постоянно боялся разоблачения, опасался досрочного отзыва в Москву за бездеятельность (он даже оказался неспособным реализовать предложение англичан об оказании ему содействия в вербовке иностранца для повышения престижа в резидентуре ГРУ).

Любопытно, что, несмотря на его разглагольствования о несогласии с советским режимом, британская разведка пришла к четкому выводу: основным мотивом сотрудничества Резуна с СИС является извлечение материальной выгоды. Между тем он сейчас фигурирует на Западе в качестве «идейного борца» за свободу, который в своих произведениях поведал миру о «невероятных преступлениях ГРУ».

Не хочу скрывать: и среди наших агентов тоже попадались проходимцы. Но в своей массе это были достойные люди. В период существования СССР многие из них работали на советскую разведку по идеологическим соображениям. Вот несколько примеров.

Я был знаком, и не только знаком, но находился в приятельских отношениях с Дональдом Макклейном – одним из представителей блистательной «кембриджской пятерки», которой, наверное, нет равных в истории мировой разведки. Будучи заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений, я много часов провел вместе с этим талантливым человеком, который значился в институте как Марк Фрейзер, а после двадцатилетнего периода, отделявшего от появления в СССР (он и его семья были вывезены из-под носа у английской контрразведки, которая напала на след вы-

сокопоставленного сотрудника Форин Офис, работавшего на Москву), он снова стал Дональдом Макклейном, точнее Дональдом Дональдовичем Макклейном, как его величали в ИМЭМО.

Выходец из знатной шотландской семьи, он ни за какие деньги не связал бы свою судьбу с советской разведкой. Собственно, те средства, которыми он располагал, по-видимому, были бы достаточны для того, чтобы содержать значительную часть внешней разведки СССР. Макклейн стал работать с ней, исходя из чисто идеологических соображений.

Нельзя сказать, что Макклейн не любил Британию, особенно Шотландию. Но он был патриотом и Советского Союза. Вместе с нами он переживал драму развенчания Сталина, раскрытия тех преступлений, которые никак не укладывались в рамки идеологически чистого социализма, в который он свято верил. Мы много говорили с ним на эту тему, но ни разу он даже намеком не сетовал на свою судьбу.

Неизлечимая болезнь, а Макклейн ей мужественно сопротивлялся, в конце концов увела этого замечательного человека из жизни. Весь институт и все его коллеги по внешней разведке провожали Макклейна в последний путь.

В ИМЭМО работал и продолжает работать научным сотрудником другой известный разведчик – Джордж Блейк.

Я был причастен к тому, что его приняли на работу в наш институт. Дональд Дональдович сказал мне, что в ИМЭМО хотел бы поступить на работу недавно бежавший из лондонской тюрьмы, где он должен был отбыть 42 года за связь с советской разведкой, и «очутившийся» в Москве знаменитый Блейк. Тот самый Блейк, который передал нам чертежи тоннеля, прорытого в Берлине к кабелям секретной связи нашего военного командования, и сведения о том, как американцы про-

слушивают все разговоры, ведущиеся по этой связи. У Джорджа Блейка были и другие заслуги перед советской разведкой. Ходатайствуя за своего друга, Макклейн сказал прищурившись: «Поверьте, хоть Блейк и контрразведчик, но он – умный». Оказывается, и в Великобритании разведчики, считающие себя в высшей степени интеллектуалами, любят подшучивать над своими коллегами из контрразведки.

Блейк действительно оказался умным и обаятельным человеком. Он был прекрасно принят в ИМЭМО. После моего перехода в разведку я продолжал дружить с Георгием Ивановичем, так мы его называли. На всех торжествах в СВР полковник Д. Блейк всегда самый желанный гость. Да, собственно, о каких гостях может идти речь – он был плоть от плоти свой, говорю об этом абсолютно без всяких натяжек. Блейк тоже работал на советскую разведку по идеологическим соображениям.

Однако можно ли считать, что после деидеологизации международных отношений материальная основа стала единственной для привлечения иностранцев или сохранения их в качестве источников СВР? Отрицательный ответ на этот вопрос дала сама жизнь.

Через несколько месяцев после моего назначения директором СВР мне доложили: наш источник, работающий в течение весьма длительного времени в одной из европейских стран, передал в Центр, что в связи с отказом России от коммунистической идеологии он не намерен больше работать на нашу разведку. Источник был ценный. К тому же, судя по характеру его обращения, это был человек несомненно честный. В аналогичных случаях обычно связи «отказника» незамедлительно замораживаются, проводится многосторонний анализ всего предшествовавшего периода сотрудничества и «подавшее на развод» лицо исключается из агентурной сети. Я попросил не спешить. Задиктовал ему письмо, в котором не просто рассказал о внешнеполитических целях

«деидеологизированной» России, но попытался показать, насколько и в новых условиях сильная Россия важна для стабильности в мире.

Ответ пришел не сразу. Его автор сообщил, что готов продолжать сотрудничество, и еще в течение многих лет, как я знаю, делал очень важную для нас работу. Правда, после своего ответа он 7 ноября по определенному каналу поздравил сотрудников разведки с годовщиной «Великой Октябрьской социалистической революции». Затем такие поздравления прекратились...

Вообще история разведки свидетельствует о том, что «идейная» основа работы с источниками никогда не сводилась лишь к одной идеологии и всегда содержала в себе политический элемент. В различные годы нам предлагали свою помощь люди, не исповедующие коммунистическую идеологию, но движимые ненавистью к фашизму или стремлением сохранить мир. Да и сейчас многие не хотят жить в однополярном мире, испытывать на себе односторонний диктат. Нас поддерживают также и в стремлении найти политические решения при урегулировании кризисных ситуаций, с симпатией относятся к российскому дифференцированному подходу к исламу – необходимости отличать исламский фундаментализм от исламского экстремизма.

V. Секретные поездки

За время пребывания в СВР у меня бывали закрытые или полуоткрытые поездки за рубеж. Не обо всех поездках, которые способствовали решению самых серьезных проблем, я могу рассказать в этой книге. Но...

30 июля 1993 года самолет взял курс на Кабул. Это было не первое мое посещение Афганистана. Но в каче-

стве директора СВР летел в Кабул впервые. На этот раз посадка ничуть не напоминала ту, которая была до вывода наших войск. Тогда все было намного сложнее: делали крутые виражи, чтобы не пролетать над зеленой зоной, снижались очень быстро, выстреливали «ловушки» с целью защиты от тепловодящихся ракет. Теперь без всяких затей сели на посадочную полосу. Правда, на следующий день, улетая из Кабула, взяли со взлетной полосы резко вверх, так как начался артиллерийский обстрел аэродрома. После ухода наших войск мирная жизнь в истерзанном войной Афганистане так и не наступила. Военные действия между различными группировками продолжались.

Дестабилизированная обстановка в Афганистане породила метастазы, которые распространились на соседние страны. Особенно опасным стало положение в Таджикистане, где разгорались кровавые междоусобные бои. Столкновения региональных кланов переплетались с борьбой Душанбе с оппозицией, окрашенной в исламские цвета. Она открыла антиправительственный фронт в самом Таджикистане, но базировалась в основном в соседнем Афганистане. Оттуда совершали дерзкие вылазки боевики, поступали оружие, деньги.

Положение для России было вдвойне тревожным, так как на таджикско-афганской границе стояли наши пограничники. Их присутствие там было неизбежным не только из-за нашей заинтересованности в стабилизации положения в этой стране СНГ, но и в результате того, что таджикско-афганская граница была границей всего Содружества, да в определенной степени и самой России.

Между тем наши погранзаставы, которые создавали заслон для передвижений через границу боевиков и дельцов наркобизнеса, а подчас это были одни и те же люди, стали объектом постоянных нападений со стороны Афганистана. Росло число жертв. Пришлось в ответ подавлять огневые точки на афганской территории. Была задействована и авиация.

Мой приезд в Кабул был вызван всеми этими обстоятельствами. Остановились в полуразрушенной гостинице «Интерконтиненталь» – функционировала только одна ее часть. Через несколько часов после прибытия был приглашен на встречу с президентом Раббани. Однако я понимал, что основная беседа состоится с военным министром Ахмад Шахом Масудом. Будучи одним из ведущих полевых командиров, он вел борьбу против нашей армии в Афганистане. В основном совершал набеги из своего неприступного ущелья Панджшер. Его называли «панджшерский лев». Так же, как и Раббани, Ахмад Шах – таджик. Я думаю, что ситуация в Таджикистане эмоционально на них воздействовала больше, чем на других.

Но начал я свой разговор с ним не с таджикских событий. Когда ехал в его резиденцию, мой афганский коллега рассказал, что «охранник Ахмад Шаха из русских» на днях женился на афганской девушке, обрел семью. Этот рассказ, естественно, меня заинтриговал. По моей просьбе Ахмад Шах позвал «русского охранника» в комнату, где мы находились вдвоем плюс приехавший со мной в Кабул переводчик, прекрасно говорящий на дари. Вошел здоровенный парень в афганской одежде с автоматом. Черная окладистая борода (потом мне сказали, что он красит волосы на голове и бороду в черный цвет) обрамляла уже не скажешь европейское, а с восточным налетом лицо.

Я стал расспрашивать его, он отвечал по-русски чисто, но с некоторым напряжением. С Ахмад Шахом и другими говорил совершенно свободно на дари. Ахмад Шах сказал мне, что только очень узкий круг знает о том, что его охранник – русский. Сам «русский охранник» рассказал свою историю: был направлен в разведку, завязался бой, его тяжело ранили, взяли в плен в бессознательном состоянии. Бойцы Ахмад Шаха его вывели («разве я могу это забыть!»), принял ислам, поступил в личную охрану Ахмад Шаха («готов за него отдать

жизнь!»), приезжали мать с сестрой, уговаривали хоть на время приехать домой, и начальник разрешил, но он отказался.

Трехчасовой разговор с Ахмад Шахом получился максимально деловым. Я изложил ему наше видение ситуации в Таджикистане и в Афганистане. Сказал прямо, что усиление военных действий с нашей стороны неизбежно в том случае, если ударам будут подвергаться российские и таджикские пограничники. Мы научены горьким опытом и, конечно, вводить войска на территорию Афганистана не собираемся. Но у нас есть возможность защитить свои интересы без сухопутной операции.

Сказал Ахмад Шаху, что мы стремимся к политическому, несилowому урегулированию в Таджикистане. При этом мы считаем, что нужно незамедлительно начинать переговоры между Душанбе и оппозицией при одновременном проведении многосторонних встреч с участием России, Афганистана, Таджикистана, Узбекистана и Ирана. Возможно участие и других центральноазиатских государств. Для создания наилучших условий мирного урегулирования прекратить с двух сторон вооруженные действия на границе, отказаться от инфильтрации исламских боевиков в Таджикистан и начать процесс возвращения беженцев, гарантировав им безопасность и помощь в обустройстве.

Собеседник во многом соглашался со мной и проявил живой интерес в организации моей встречи с руководителем таджикско-исламской оппозиции Саидом Абдуллою Нури. Конфиденциальный контакт с ним состоялся 31 июля. Это была первая встреча российского представителя с руководителем самой крупной таджикской антиправительственной силы, бросившей вооруженный вызов президенту Таджикистана Эмомали Рахмонову. Разговор состоялся предельно откровенный, но общались через переводчика, хотя позже, встречаясь с Нури в Москве, я убедился, что он вполне прилично говорит по-русски.

Нури в целом оставил о себе хорошее впечатление. Мне рассказали, что он пришел в активную борьбу с правительством не сразу – был «рядовым» муллою, но, может быть, отличался от других своих коллег тем, что начал открыто выступать против коррупции, и его посадили в тюрьму.

– Надеюсь, вы понимаете, – сказал я, – что не в ваших интересах включать Россию в действия против отрядов оппозиции, базирующихся в Афганистане. Мы будем вынуждены пойти на это, если они не прекратят обстрелы пограничников. Но этому есть реальная альтернатива. Россия готова способствовать вашим переговорам с президентом Рахмоновым.

Откровенность моя была, судя по всему, хорошо воспринята Нури. Он, в свою очередь, заявил, что «таджикское правительство в изгнании (а они уже создали его. – *Е.П.*) не ставит задачу свержения руководства в Душанбе, однако стремится к созданию там коалиционного кабинета со своим участием». По словам Нури, после нашей встречи, которая может открыть перспективу переговоров с руководством в Душанбе, он направит свои усилия на то, чтобы не осложнять положение на границе. «Но всех полевых командиров я не контролирую», – добавил он.

Таким образом, как я считал, Нури послал весьма важный «сигнал». Разговор с ним, пожалуй, можно было считать отправной точкой тяжелого, продолжительного, со многими отступлениями процесса урегулирования отношений таджикского руководства с исламской оппозицией.

Дальнейшее развитие событий доказало правильность такого вывода. Уже в Москве и в Душанбе я продолжал встречаться с лидерами двух сторон. Важнейшими считаю беседы с президентом Э. Рахмоновым, который буквально на глазах матерел, набирал вес как политический деятель, и со вторым человеком в исламской оппозиции,

во многом задававшим в ней тон, Ходжи Акбаром Тураджонзода.

С ним удалось договориться о приблизительной пропорции представительства оппозиции и душанбинского руководства в органах власти – 30 процентов на 70. Рахмонов поддержал это соотношение.

После беседы с Нури особое значение приобрел полет из Кабула в Тегеран. Вечером 31 июля Ту-154 совершил посадку на аэродроме иранской столицы.

1 августа состоялись встречи с президентом Рафсанджани, министром иностранных дел Велаяти, заместителем министра Ваэзи. С коллегами из иранских спецслужб не встречались – тогда к этому не было проявлено интереса ни с одной стороны. В силу специфики нашей миссии в центре внимания оказался разговор о способности Ирана сыграть позитивную роль в урегулировании в Таджикистане.

Самой запоминающейся была продолжительная беседа с Ваэзи. Если отвлечься от его мусульманской униформы – рубашка со стоячим воротником, без галстука, – он представлял и по своему образу мышления, и по наружности (хотя и с обязательной, но коротко подстриженной бородкой) совершенно светский типаж. Говорить с ним было легко. Главное, в чем Ваэзи, да позже и Велаяти, согласился со мной, – это крайне невыгодная для наших стран дестабилизация обстановки в Таджикистане, который в силу обстоятельств стал одним из «общающихся сосудов» – другим был Афганистан.

Чувствовалось, что иранцев беспокоило ослабление их позиций в Афганистане. Тем более что там, как сказал Ваэзи, практически нет центрального правительства, усиливаются взаимозависимость и солидарность между таджикскими боевиками и теми афганскими отрядами, которые близки им по национальному признаку. Это создает опасность раскола Афганистана. Неурегулированность в Таджикистане непосредственно способствовала развитию этой тенденции.

Сошлись на том, что сепаратистские процессы, будь то в Афганистане или Таджикистане, чреватые в конечном счете дестабилизирующим воздействием на сам Иран. Сепаратизм – серьезный враг и для России, которая в то время столкнулась с трудными проблемами в Чечне. Ваэзи с пониманием отнесся к моим словам о том, что не следует считать религиозный фактор доминирующим при определении отношения к противоборствующим сторонам в этом конфликте, чреватым сепаратизмом.

И Ваэзи, и Велаяти сетовали на то, что Иран якобы «отодвигается» нами от решения таджикской проблемы. Это тем паче необъяснимо, что на его территории нашла временное убежище часть руководящей верхушки исламской таджикской оппозиции.

В ответ я предложил координировать деятельность по урегулированию в Таджикистане. Я считал, что нужно использовать все в интересах такого урегулирования, и не ошибся в этом. И в Москве, и в Тегеране мы позже не раз обсуждали таджикскую ситуацию с иранскими представителями и, несмотря на некоторые непоследовательные действия со стороны Ирана, в целом приходили к согласию.

Первое мое посещение Тегерана в 1993 году и второй приезд в иранскую столицу тоже в качестве директора СВР в феврале 1995 года еще раз убедили меня в том, что следует развивать отношения с этой страной не только в экономическом, но и в политическом плане. В мире не должно быть государств-изгоев. Вместе с тем игнорирование полезности политических контактов с Ираном, несомненно, ослабило бы миротворческие усилия в первую очередь в Таджикистане, а также в Нагорном Карабахе.

Особенно хочу сказать о выдающемся человеке – скромном, даже застенчивом, умном и доброжелательном, очень современном и образованном, обладающем огромными возможностями и щедро приносящем их на алтарь поддержки своей общины. Речь идет о руководи-

теле исмаилитов Кариме Ага Хане. В мире десятки миллионов представителей этой ветви ислама, которые условно признают Ага Хана своим предводителем. Значительная группа исмаилитов проживает в Афганистане и Таджикистане в районе Бадахшана. Я многократно встречался с Каримом Ага Ханом и всегда учитывал мудрые советы этого человека, без сомнения заинтересованного в мире и стабильности в этих двух странах. Немало сделал Карим Ага Хан и для того, чтобы поддержать в финансовом и экономическом отношении общины исмаилитов. Мы со своей стороны делали многое, чтобы облегчить осуществление этих столь необходимых гуманитарных акций.

Мирный процесс в Таджикистане продвинулся далеко, пройдя через важнейшее соглашение, подписанное в 1996 году в Москве, в подготовке которого, равно как и в трудном многочасовом редактировании с целью «состыковать» позиции сторон, я принял участие.

А теперь – о поездке на Кубу и встрече с Фиделем Кастро.

Когда 25 октября 1994 года я прилетел в Гавану, думал, что основным моим собеседником будет начальник Управления разведки МВД Кубы Эдуардо Дельгадо, с которым действительно провел обстоятельный деловой обмен мнениями. Однако самыми продолжительными стали встречи и беседы с Фиделем Кастро – в общей сложности около десяти часов, из них три часа – один на один, с Раулем Кастро, исполнительным секретарем Совета министров (фактически премьер-министром) К. Лахе, министром финансов Х. Родригесом, министром внутренних дел А. Коломе и другими.

Люди моего поколения, во всяком случае их преобладающая часть, видели Кубу в романтическом свете. Образ героической Кубы был неразрывно связан в нашем сознании с ее лидером Фиделем Кастро. Воображение поражали его страстные многочасовые выступления,

вызывающие бурный восторг сотен тысяч людей, стекавшихся на центральную площадь Гаваны и близлежащие улицы. Импонировала его простота – все на Кубе обращались к нему: «товарищ Фидель!» Нигде не было портретов Фиделя, только Че Гевары. Романтикой была овеяна вся его жизнь, начиная с вынужденной эмиграции, затем победоносного возвращения на родину во главе вооруженных единомышленников, свергнувших ненавистный режим Батисты, разгрома сил интервенции у Залива Свиной. Помню, какой восторг вызывали и у наших людей визиты Фиделя Кастро в Советский Союз.

Все это заслоняло «другую сторону медали»: тяжелую материальную жизнь кубинцев, жесточайшие ограничения, регламентирующие порядки в экономике, в обществе в целом. Конечно, нельзя забыть и то, что Куба была подвергнута экономической блокаде со стороны США. Пострадала Куба и в результате резкого ослабления экономических связей с Советским Союзом, странами Восточной Европы, после того как перестала существовать социалистическая система государств. На положении Кубы сказывались и субъективные причины, главным образом – догматический консерватизм в экономической политике, медленная адаптация к новым международным реалиям. Но положение начало меняться к лучшему. Кубинское руководство приступило к проведению экономических реформ, которые включали в себя не только определенную либерализацию внутриэкономической жизни, но и создание условий для притока иностранных инвестиций. Значительные капиталовложения пошли на Кубу из Канады, Испании, Мексики, других стран.

Это была моя вторая поездка на Кубу – первый раз был там в апреле 1981 года. Многое изменилось с тех пор. Но остался – возможно, несколько смягченный – дух романтики. Именно этот дух или специфический характер кубинцев рисуют радость на лицах людей, не-

смотря на все их невзгоды. Окружающая тебя жизнерадостность не может оставить равнодушным. Мне представляется, что все непредубежденные или неозлобленные люди не могут не питать добрые чувства к Кубе и ее народу.

С Фиделем Кастро встречался впервые. Он сразу предложил поговорить наедине. Как только начался разговор, я понял, что он испытывал настоящую потребность в откровенном обмене мнениями, оценками, идеями. Образовался «вакуум» в такого рода встречах с представителями российского руководства, и Фидель – человек непосредственный, не испорченный условностями, стремился получить нужную ему информацию и передать те мысли, которые его переполняли.

– Хотел бы изложить вам мое видение прежде всего российско-кубинских отношений, – начал я. – Нам нужно понять (специально сказал: «нам». – *Е.П.*), что в новых условиях в них отсутствует идеологический фактор. И это – не какая-то историческая пауза. Но следует ли нам в таких условиях разбежаться в разные стороны? Конечно, нет.

Фидель слушал внимательно. Одобрительно кивал головой, когда я говорил:

– Не только России, но и многим другим, особенно латиноамериканским странам, нужна независимая Куба. Вместе с тем, с учетом новых реалий, мы заинтересованы в нормализации отношений Кубы с Соединенными Штатами. Прошло то время, когда мы рассматривали Кубу как антиамериканский форпост. При нормализации и развитии ваших отношений с Соединенными Штатами у Российской Федерации появляются новые возможности развивать свои связи по всем линиям с Республикой Куба.

– Я полностью разделяю эти взгляды, – сказал Фидель. – Вы должны знать, что мы не хотим обострять отношения с США и готовы к компромиссам.

По словам Ф. Кастро, он хорошо понимал, что должен исходить в своей политике из новых условий. Поэтому

Куба отказалась от поддержки любых антиправительственных сил в Латинской Америке, пошла на полное прекращение всех операций на африканском континенте. Нормализация отношений с США Кубе нужна и как прелюдия к снятию блокады, против которой уже выступают практически все латиноамериканские страны и Канада, многие европейские государства.

Ф. Кастро пошел в разговоре со мной еще дальше. Он попросил, чтобы российское руководство в своих контактах с американским довело до него мысль о готовности и желании Кубы улучшить отношения с Соединенными Штатами.

– Мы вам будем очень признательны за это.

После разговоров с К. Лахе у меня не осталось сомнений, что кубинцы твердо взяли курс на внедрение основных элементов рыночной экономики. Судя по всему, их особое внимание привлекала китайская и, в определенной степени, вьетнамская модели перехода к рынку, которые, по их словам, «позволяют во многом сохранить политическую структуру». Между тем у меня сложилось впечатление, даже убежденность в том, что никто не ставит под сомнение факт бесспорного лидерства Фиделя Кастро.

Незабываемым был ужин в нашем посольстве. Его устроил в нашу честь мой добрый приятель еще со студенческих времен посол России на Кубе А.И. Калинин. Кубинцы узнали, что в этот день мне исполнилось 65 лет.

Я был очень тронут тем, что в посольство после пятилетнего перерыва прибыл Фидель Кастро. С ним вместе прибыл Рауль, несмотря на то, что решением политбюро им в интересах безопасности, как нам сказали, запрещается совместно посещать мероприятия. Вечер был чудесным. Гости сидели за столом в течение трех часов. Говорили обо всем, вспоминали прожитое. Фидель Кастро рассказал о встрече с Микояном во время Карибского кризиса. Это буквально исторический эпизод, и я перескажу его подробнее.

– Общеизвестно, – начал Ф. Кастро, – что мы долго сопротивлялись размещению на Кубе ракет с ядерными боеголовками и бомбардировщиков средней дальности, на чем настаивал Хрущев. В конце концов нас уговорили «в интересах всего социалистического лагеря» пойти на это. А потом вдруг приезжает Микоян и начинает уговаривать нас согласиться на вывоз ракет и бомбардировщиков. Идут трудные переговоры. Я не соглашаюсь на предлагаемый вариант, который скреплен лишь устной договоренностью с президентом США, что на нас после вывоза ракет не нападут. В это время мне на стол кладут записку. В ней написано, что скончалась супруга Микояна. Я тут же объявил перерыв и сказал: «Товарищ Микоян, должен сообщить вам прискорбную весть о кончине вашей жены. Я дам указание незамедлительно подготовить ваш самолет к полету». «Я не полечу, – сказал Микоян. – Я не могу прервать переговоры. Слишком большие ценности стоят за нашими решениями – судьбы мира».

Микоян отошел к окну, повернувшись спиной, но Фидель видел, как по его щекам текут слезы.

– Объявляю перерыв законченным, – сказал он. – Мы согласны с советским предложением.

Вот так закрылась эта трагическая страница в международной жизни, которая могла поставить все человечество на грань уничтожения.

Мы были потрясены рассказом и смущены, мягко говоря, его продолжением.

– После того как Микоян ушел в отставку, – продолжал Фидель, – я, приехав в Москву, попросил сопровождавшего меня товарища из ЦК КПСС организовать встречу с Анастасом. После нескольких часов я получил ответ, согласно которому мне не рекомендовалось этого делать.

Я самым подробным образом доложил Ельцину о своих беседах и впечатлениях. Он решил проинформиро-

вать о них Клинтона. Как я знаю, упор в этом послании был сделан на то, что мы считаем искренним стремление Ф. Кастро нормализовать отношения с США. А это, в свою очередь, способствовало бы не только стабилизации ситуации в Латинской Америке, но и демократическим преобразованиям на самой Кубе.

Кубинцы продемонстрировали доброе расположение ко мне и тогда, когда я посетил Кубу, будучи министром иностранных дел. Программа моего пребывания была сверстана таким образом, что сразу после обеда у Фиделя Кастро я должен был отправляться на аэродром. Хотел попрощаться с ним, но он сказал: «Я тебя провожу». Думал, до лестницы. Потом, когда спустились вниз, думал, до машины. Потом, к моему удивлению, к крыльцу подъехал автомобиль Кастро, и он мне сказал: «Садись со мной».

Представляю, как удивилась журналистская братия, приехавшая на аэродром, увидев у самолета вместе с российским министром иностранных дел Фиделя Кастро.

– Может быть, поднимемся на борт самолета и, как говорят по-русски, «на посошок»?

– Ну ты уж вообще хочешь, чтобы журналисты подумали, что ты меня увозишь с Кубы, – улыбаясь, ответил Кастро.

Когда я перестал быть Председателем Правительства в 1999 году, получил трогательное приглашение от Фиделя Кастро приехать на Кубу с семьей на отдых.

Глава VI В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

У мира не меньше побед, чем у войны,
но куда меньше памятников.

Фрэнк Хаббард
(американский писатель)

I. Из Ясенева на Смоленскую площадь

Утром 5 января 1996 года в кабинете директора Службы внешней разведки в Ясеневе зазвучал сигнал аппарата спецсвязи СК.

– С вами будет говорить президент.

Через несколько секунд в трубке раздался его голос:

– Могли бы вы подъехать ко мне сейчас?

– Конечно, возьму документы для доклада и сразу выезжаю.

– Нет, документы сегодня брать не надо.

По дороге обуревали вопросы: что стоит за вызовом?

Встретил Ельцин приветливо. После обычного в таких случаях обмена общими фразами спросил:

– Как отнесетесь к назначению вас министром иностранных дел?

Не скрою, этот вариант по дороге прокручивался в голове. По телевидению и в газетах много говорилось о том,

что отставка Козырева – дело предрешенное. Называли и кандидатуры преемников, одно время в их числе фигурировала и моя фамилия. Потом она из «списка претендентов» исчезла. Но я совершенно определенно не хотел переходить в МИД и об этом сразу же сказал Борису Николаевичу. Причем привел, как мне показалось, убедительные доводы, среди которых не последнее место занимала легко прогнозируемая негативная реакция на Западе, где меня не так уж редко называли «другом Саддама Хусейна», считали «аппаратчиком старой школы». Наконец, несмотря на то что руководителем ЦРУ в свое время был американский президент Дж. Буш, а К. Кинкель до назначения министром иностранных дел Германии тоже руководил разведкой – БНД, такого рода перемещение в России, да еще накануне президентских выборов, могло быть использовано недругами, особенно в пропаганде.

Ельцин выслушал все мои «против», а потом сказал:

– Может быть, минусы обернутся плюсами... Ну ладно, если категорически не хотите, повременим. Но вопрос я пока не закрываю.

Через четыре дня, 9 января, когда был у президента с очередным докладом, он задал вопрос:

– Ну как, не передумали?

– Нет, – как можно категоричнее ответил я.

– А вот я передумал. Прошу вас принять мое предложение.

Предложение было слишком настойчивым, и я не мог его отвергнуть. Правда, мне было обещано, что еще месяц-два поработаю на старом месте. Но не успел я приехать к себе «в лес» (так называют место расположения СВР его сотрудники), как ко мне в кабинет вбежал дежурный по секретариату:

– Это правда? Только что сообщили в новостях по телевидению, что вы назначены министром иностранных дел!

Позже позвонил помощник президента и извинился: не успел предупредить – получил указание срочно передать содержание указа, и уже во время эфира его текст дали диктору.

На следующий день на 12.00 была назначена коллегия МИДа в Кремле, где Ельцин представил меня моим будущим ближайшим сотрудникам. А вечером все-таки состоялась заранее запланированная встреча с бывшим руководителем разведки ГДР Маркусом Вольфом.

Я много знал о нем – безусловно, талантливом человеке, который в течение многих лет руководил одной из самых эффективных разведывательных служб, был толковым аналитиком. «Миша» Вольф провел детство и юность в Москве, куда вынужденно переехали после прихода к власти Гитлера в Германии его родители-антифашисты. Учился в русской школе, без акцента говорит по-русски.

На этот раз М. Вольф выбрался на несколько дней в Москву со своей очаровательной женой сразу после того, как его «промежучно», до суда, выпустили из тюрьмы, в которую он попал после объединения Германии. Был арестован вопреки всякой логике – служил своему государству, которое не было присоединено, а объединилось с другим; лично не был замешан ни в каких деяниях, которые могли бы ему быть инкриминированы как преступления. Собственно, занимался тем же, чем и его коллеги в Западной Германии, – ведь никому не пришло в голову их судить после объединения страны. Более того, в последние годы правления Хонеккера Вольф ушел в отставку, так как крупно разошелся с ним во взглядах*. Да и Москва чего-то недоделала. Когда велись переговоры об объединении Германии, отнюдь не мешало бы

* В 1996 году состоялся суд, который не нашел возможным посадить М. Вольфа за решетку, и он получил все права, включая право выезда за рубеж.

«положить на бумагу» обязательство Бонна не преследовать людей за то, что они в прошлом были связаны со структурами власти в ГДР.

На встречу поехали вместе с Трубниковым. Его будущее уже было предreshено. Во время последнего моего разговора с Ельциным он принял мое предложение назначить директором СВР действующего первого заместителя.

Вечер прошел на славу. Кстати, это была моя первая встреча с Вольфом, и мы оба к ней стремились. Много шутили, в том числе по поводу превратностей судьбы – первую рюмку в честь нового министра иностранных дел выпили в этой компании. Запомнил слова Вольфа: «Будут, конечно, спекуляции по поводу того, что пришли в МИД из СВР. Но поверьте, серьезные политики оценят тот бесспорный факт, что работа во главе разведки, да еще в течение немалого по нынешним временам периода, создает совсем неплохую информационную базу для руководителя внешнеполитического ведомства».

А теперь о моем приходе в МИД.

По всей своей предшествовавшей деятельности я был, естественно, органично связан с внешней политикой, во многом непосредственно работал на нее. Тесно общался с дипломатами, многих хорошо знал лично. Определенные отношения сложились и с министрами иностранных дел. Об одном из них – Андрее Андреевиче Громыко – хочется сказать особо. Встречался с ним не раз, работая в Академии наук. Глубоко тронуло меня его не формальное соболезнование, а сердечное письмо, когда в 1981 году я неожиданно потерял сына. Вспоминаю с благодарностью и то, что в своей монографии Громыко процитировал вышедшую после смерти сына его книгу о деятельности нефтяных компаний на Аравийском полуострове. Как не вяжется все это с обликом «сухаря», каким представляют некоторые этого человека, занимавшего более четверти века кресло министра иностранных дел.

Конечно, отношение к тому или иному лицу всегда зависит от того, как он сам относится к тебе, тем более если он занимает столь высокое положение в государственной иерархии. Но в своих оценках Громыко я руководствуюсь не только субъективными мотивами. Распространено, например, убеждение, что он был одним из трех лиц (Устинов, Андропов, Громыко), которые настояли на вводе наших войск в Афганистан. Возможно, его подпись и стоит под соответствующим документом, направленным в ЦК. Но отчетливо помню – и, конечно, не я один – коллегия МИДа в 1982 году, на которой я выступал в качестве директора Института востоковедения с докладом о внутренней ситуации в Афганистане после ввода туда наших войск.

Главная идея доклада заключалась в том, что в Афганистане напрочь отсутствует «революционная ситуация». Отсюда делался вывод об авантюризме аграрной реформы, невозможности навязывания силой революционных преобразований. Недоуменные и злые вопросы, реплики – так, явно с учетом присутствия министра, отреагировал на доклад ряд членов коллегии. Я думаю, что для них было неожиданным, что в заключительном слове Громыко солидаризировался со многими положениями доклада, по сути, поддержав бесплодность, необоснованность, с точки зрения внутренней афганской ситуации, проведение радикальных революционных преобразований в этой стране. А ведь официальная пропаганда – и в этом преуспевал главным образом аппарат ЦК – утверждала, что наши войска «не дают империализму задуть афганскую революцию».

Политика есть искусство возможного. Эту общеизвестную истину трактуют обычно как необходимость опоры политики на соответствующие экономические, военные, геополитические условия. Все это действительно так. Но искусство возможного проявляется и с учетом ограничений, которые создаются господствующей идео-

логией, характером режима, состоянием общества. Андрей Андреевич, по-видимому, был серьезно ограничен этими рамками.

Я пришел в МИД в совершенно другую эпоху. Страна встала на путь рыночных преобразований и политического плюрализма. Преобразования в России привели к окончанию глобальной конфронтации. Распались Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Такова была «отправная точка».

Некоторые посчитали, что от нее начнется вполне определенное вписывание России в качестве уже второразрядной державы в «цивилизованный мир». По большей части молчаливо, но подчас и громогласно признавалось поражение в холодной войне Советского Союза, преемницей которого «со всеми вытекающими из этого последствиями» стала Россия. А раз так, то ее отношения с Соединенными Штатами должны складываться, скажем, наподобие того, как устанавливались отношения с ними государств, побежденных во Второй мировой войне, но затем объединившихся с теми же США в одно сообщество, – Германии, Японии. Ведь их политика после войны контролировалась Вашингтоном, и они не особенно этим тяготились.

Такая точка зрения была достаточно распространена после 1991 года в демократических кругах в России. Более того, считалось, что подобное понимание внешнеполитического положения России поможет борьбе против «старых устоев» в стране.

В силу своих убеждений никогда и ни при каких обстоятельствах не чернил предшественников. Но для лучшего понимания настроения в руководстве МИДа начала 1990-х годов приведу пересказ беседы министра иностранных дел России с экс-президентом США и комментарии последнего, о чем поведал американский политолог, президент Центра Никсона за мир и свободу Дмитрий Саймс. «Никсон попросил Козырева очертить

для него интересы новой России. И Козырев ему сказал: «Вы знаете, господин президент, что одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен»».

Никсон, почувствовавший себя «не очень комфортно», уже в машине наедине с Саймсом спросил его мнение об услышанном. «Российский министр, – ответил Саймс, – человек, благожелательно относящийся к Соединенным Штатам, но я не уверен, насколько он понимает характер и интересы той державы, которую представляет, и это на каком-то этапе может привести к взаимным проблемам».

«Когда я был вице-президентом, а затем президентом, –отреагировал Никсон, – хотел, чтобы все знали, что я “сукин сын” и во имя американских интересов буду драться изо всех сил. Киссинджер был таким «сукиным сыном», что я еще мог у него поучиться. А этот, – продолжал Никсон, – когда Советский Союз только что распался, когда новую Россию нужно защищать и укреплять, хочет всем показать, какой он замечательный, приятный человек»*.

Естественно, далеко не каждому в МИДе, не говоря уже о других внешнеполитических ведомствах, было свойственно мышление, которое делило мир на «цивилизованных» и «шпану», считало главным для новой России любыми средствами добиться стратегического союза с «цивилизованными» – бывшими противниками по холодной войне, не исключая при этом конфигурацию ведущего и ведомого. Это становилось еще более

* Международная жизнь. 1997. № 11–12. С. 16–17.

опасным, так как отвечало реальным стремлениям ряда американских политиков.

Сторонники сближения любой ценой с «цивилизованным Западом» исходили из того, что альтернативой этому в сложившихся условиях является неизбежное сползание к конфронтации. Это не так. Придя в МИД, я был уверен, что Россия может и должна активно стремиться к равноправным партнерским отношениям со всеми, искать и находить поля совпадающих интересов, «вспахивать» такие поля с другими. А там, где они не совпадают (этого исключать, как показывает жизнь, нельзя), – стремиться найти такие решения, которые, с одной стороны, не приносят в жертву жизненно важные для России интересы и, с другой – не приводят к соскальзыванию к конфронтации. Очевидно, в этом и заключается диалектика внешней политики России после холодной войны. Если поля совпадающих интересов игнорируются – это в лучшем случае вновь холодная война. Если нет – это партнерство.

Были, они есть и в настоящее время, и те, кто считал, что нынешней России вообще не по плечу активная внешняя политика. Нужно, дескать, полностью переключиться на внутренние дела, подтянуть экономику, провести военную реформу и лишь затем проявить себя во внешнеполитической области в качестве одного из основных игроков на международной арене. Я понимал, что такая точка зрения не выдерживает критики прежде всего потому, что без активной внешней политики России трудно, если вообще возможно, осуществлять кардинальные внутренние преобразования, сохранить свою территориальную целостность, безопасность, войти в мировое хозяйство его равноправным участником.

Через три дня после назначения министром иностранных дел, 12 января 1996 года, состоялась пресс-конференция. Пресс-центр МИДа на Зубовской площади был переполнен. Интерес журналистов подогревался

и неоднозначными оценками решения о моем переходе в МИД, особенно в США и некоторых других странах. Отклики продолжали поступать и после пресс-конференции. Характерной была статья в «Нью-Йорк таймс» У. Сафайра, который писал, что мое неожиданное появление в качестве министра иностранных дел России приводит Запад в состояние озноба. По его словам, выбор «дружелюбного змея», который возглавлял шпионское агентство, сигнализирует, что пришел конец «мистера Хорошего Парня в российской дипломатии»*.

Не все придерживались таких оценок. Были и положительные отклики – в США, в частности в «Вашингтон пост», в некоторых лондонских газетах. Написал, что искренне рад моему назначению, наш посол в Вашингтоне, мой старый приятель Юлий Михайлович Воронцов, с которым пятнадцати-шестнадцатилетними мальчишками были курсантами Бакинского военно-морского училища. Позже, уже в 1970-х годах, мы смеялись над «превратностью судьбы»: в училище, которым командовал контр-адмирал Воронцов (кстати, тот самый военно-морской атташе в Берлине, который передал Сталину точную дату начала войны, но ему не поверили), его сын Юлий имел привилегию отрастить небольшую шевелюру, в то время как мы ходили подстриженные под машинку, а теперь, в зрелом возрасте, поменялись местами – волос у нашего посла стало куда меньше.

Порадовала в целом и статья в «Общей газете» бывшего министра иностранных дел СССР А. Бессмертных, который писал, что мое назначение – лучший выбор. Но закончил он статью словами: «Евгений Максимович может стать солидным профессионалом в дипломатии, если политическая судьба даст ему для этого достаточно времени».

* The New York Times. Op-Ed. January 15, 1996, p.a-17.

Подтекст, связанный с предстоящими через полгода президентскими выборами в России, проявлялся и в других публикациях. Скажу абсолютно искренне: сроки нахождения в кресле министра надо мной совершенно не довели. За всю свою жизнь, работая в разных должностях – и по много лет, и в течение месяцев, – я никогда не ощущал себя «временщиком». Перейдя в МИД, также настроился на настоящую работу.

Ознакомившись с обстановкой в МИДе изнутри, я понял, что преобладающее большинство руководящих работников, в первую очередь заместители министра – отличные профессионалы, справедливо занимающие столь высокое положение в мидовской иерархии. Надежно «закрывал» большие разделы оперативной работы блестящий профессионал, одаренный разносторонними талантами, известный не только своими глубокими востоковедными знаниями, но и авторством и исполнением многих прекрасных песен Виктор Викторович Посувалюк*. Отлично действовали Николай Николаевич Афанасьевский**, Георгий Энверович Мамедов, Сергей Борисович Крылов и заменивший его Александр Алексеевич Авдеев, Григорий Борисович Карасин, который пришел на смену направленному в Японию послом Александру Николаевичу Панову.

Я пришел в МИД вместе с Юрием Антоновичем Зубаковым, который принял предложение стать заместителем министра по кадрам. Из СВР со мной перешел в МИД еще один человек – мой помощник Роберт Вартанович Маркарян, который был назначен руководителем секретариата министра. Очень и по-настоящему был рад

* Виктора Викторовича не стало. Он до последнего дня мужественно, я бы даже сказал героически, боролся за жизнь, зная, что болезнь неизлечима. Продолжал работать – документы ему еще за неделю до кончины приносили из МИДа в больницу.

** К огромному сожалению, уже нет в живых и Н.Н. Афанасьевского.

тому, что и «вновь прибывших» через считанные недели хорошо приняли в коллективе. Одно время, правда, стала распространяться шутка, что теперь здание на Смоленской площади переименовано в адмиралтейство в честь вице-адмирала Зубакова, но говорили это по-дружески. К тому же, перейдя на работу в МИД, он вышел в отставку.

Первым замом, в том числе дублирующим министра во время его нахождения вне Москвы и в целом работающим с ним в «тандеме», был утвержден Игорь Сергеевич Иванов. Находясь за рубежом, поддерживал с ним постоянную связь, будучи абсолютно уверен в четком и инициативном осуществлении оперативного руководства. Это позволило мне при переходе из МИДа на должность председателя правительства рекомендовать моего первого заместителя И.С. Иванова на пост министра иностранных дел. Рекомендация была принята, и это, как я считаю, себя полностью оправдало.

Небольшое отступление. Читатель, видимо, заметил, что, переходя с одной работы на другую (из ИМЭМО, СВР, МИДа), вместо себя рекомендовал моих первых заместителей. Безусловно, хотел сохранить преемственность, но главное все-таки заключалось в том, что был уверен в их высоком профессионализме. Бесконечно рад, что ни разу не ошибся.

С учетом важности СНГ на должность еще одного первого заместителя был выдвинут Борис Пастухов – человек, обладающий большим опытом и великим чувством ответственности.

С самого начала работал в тесном взаимодействии с иностранными коллегами. Может быть, сказалась такая черта моего характера, как общительность. Откровенные отношения установились с министрами иностранных дел Франции – Эрве де Шареттом, а затем с Юбером Ведрином, ФРГ – Клаусом Кинкелем, Италии – Ламберто Дини, Канады – Ллойдом Эксуорси, Швеции – Леной Ельм-

Валлен, Финляндии – Тарьей Халонен, Швейцарии – Флавио Котти, Мексики – Гурриа, Индии – Гуджралом, Японии – Икэдой и другими. С некоторыми министрами, например Египта, Китая, меня связывали многолетние отношения.

Однако не сложились отношения с госсекретарем США.

Придя в МИД, я хотел инициативно поставить вопрос о встрече с ним. Но меня опередил государственный секретарь США У. Кристофер – он позвонил из Иерусалима, где находился во время ближневосточного турне, и предложил встретиться в Женеве.

Не скрою, был рад этому звонку. Но как-то жестко был поставлен вопрос о месте встречи. Узнал – оказалось, что это не связано с тем, что Кристофер намерен быть в ближайший период в Женеве по другим делам. Я никогда не придавал какого-то особого значения протоколу. Но тут несколько насторожился. Помогли этому и сотрудники секретариата, по словам которых прошлая встреча Кристофера с бывшим российским министром состоялась тоже в Женеве и тоже с подачи госсекретаря.

Дальнейший обмен мнениями по подготовке и проведению переговоров подтвердил, что настороженность была не совсем необоснованной. Возможно, что все, о чем расскажу, было продиктовано не самим госсекретарем. Может быть, «упражнялся» его аппарат. Но это был определенный почерк, который, кстати, никогда не проявлялся позднее при Мадлен Олбрайт.

Итак, сразу подтвердив свою заинтересованность обсудить с госсекретарем США целый ряд двусторонних и многосторонних проблем, предложил на выбор три страны – Белоруссию, Болгарию или Финляндию. При этом подчеркнул, что это не отменяет официального визита У. Кристофера в Москву. Как и предполагал, госдепартамент остановился на Финляндии. Финский министр ино-

странных дел Тарья Халонен тут же гостеприимно направила приглашения.

Но на этом «протокольная дуэль» (кому она нужна?!) не закончилась. Из Вашингтона пришло новое «уточнение»: предлагалось провести переговоры в резиденции посла США в Хельсинки. Мы ответили, что последний раз встреча уже проходила в Женеве на американской территории – в представительстве США, а теперь очередь за нами. Поэтому опять на выбор: либо в резиденции российского посла, либо в гостинице в предместье Хельсинки, в которой я был намерен остановиться.

В ответ – на несколько дней молчание. И только за сутки до намеченного на 9 февраля прибытия в Хельсинки поступил сигнал о согласии американцев с нашим предложением встретиться в отеле.

В гостиницу «Каластаяторппа», что по-фински означает «хижина рыбака», за пару часов до приезда госсекретаря подъехал представитель госдепартамента, который изложил такой «сценарий»: я встречаю У. Кристофера на подходе к отелю, там уже будут десятки прибывших с госсекретарем американских репортеров, в основном телевизионщиков, я буду одет так же, как и он, в пальто, потом мы вместе заходим в отель, в одном из залов которого состоится беседа-обед.

Почему я должен быть в пальто? Неужели американский протокольник так упорно беспокоится о моем здоровье – на улице действительно было минус 12 градусов по Цельсию? Додуматься об истинной причине такой заботы мне опять помогли наши сотрудники. Кристофер обычно обращал особое внимание на показную сторону дела. Во всяком случае, его окружение предусматривало режиссуру освещаемого в буквальном и переносном смысле начала встречи так, чтобы было непонятно, кто к кому приехал.

К сожалению, таким условностям придавалось столь большое значение.

Встретил Кристофера с радушной улыбкой, в костюме, на пороге отеля – как и подобает встречать гостей.

Переговоры один на один происходили во время обеда. За столом сидели по два человека с каждой стороны – министры и записывающие беседу сотрудники. Кристофер говорил по-английски, я – по-русски. Беседа была запланирована на полтора часа, но продолжалась более трех.

Начался разговор с предложения госсекретаря перейти на «ты».

– Друзья обычно зовут меня Крис, – сказал он.

Выслушал самым внимательным образом, как много снега в той самой Северной Дакоте, где вырос Кристофер, узнал, что жена у него финка, а предки родом из Скандинавии, что он стал морским офицером во время Второй мировой войны, в которой, однако, не принимал участия. Говоря о войне, Кристофер подчеркнул, что США и Россия были и остаются самыми мощными державами.

Оттолкнувшись от этих слов, я перешел к конкретике и сказал Кристоферу:

– Давайте договоримся о пяти пунктах, которые определяют отношения этих «самых мощных держав». Во-первых, постоянные консультации; во-вторых, взаимное информирование по вопросам, затрагивающим интересы другой стороны; в-третьих, предотвращение «сюрпризов»; в-четвертых, выполнение достигнутых договоренностей; и в-пятых, поиски развязок по тем вопросам, где наши интересы не сходятся. – При этом подчеркнул: – у нас нет сомнений в том, что Россия должна иметь продвинутые, развитые, многопрофильные отношения с США, но, говоря откровенно, складывается впечатление, что с американской стороны уделяется не столь уж большое внимание равенству двух субъектов наших отношений.

– Мне представляется обратное, – возразил Кристофер. – Никто, глядя на Клинтона и Ельцина, стоящих бок о бок на пресс-конференции, не может сказать, что наш президент относится к вашему не как к ровне.

Пришлось заметить Крису, что любой глава иностранного государства, приезжая в США, стоит на подиуме рядом с американским президентом. Затем сказал о нашей обеспокоенности в связи с американской политикой в ряде областей.

Одной из самых главных проблем нашего разговора стало будущее НАТО.

– Известно, – сказал я Кристоферу, – что Россия не намерена стучать кулаком по столу, как, к сожалению, и вы, и мы делали в эпоху холодной войны. Но это отнюдь не снимает наших весьма серьезных тревог в связи с расширением Североатлантического альянса. Нам заявляют, что НАТО не собирается вести военные действия против России. Но и вам известно, что российские ракеты не нацелены на США. Однако следует ли из этого, что Вашингтон был бы готов поддержать наращивание Россией ее ракетно-ядерного потенциала, не нацеленного на Соединенные Штаты? Так или иначе, само приближение НАТО к российским границам создает совершенно новую, крайне невыгодную для нас военно-политическую и геополитическую ситуацию.

По словам Кристофера, натовцы исходят из того, что Россия, во-первых, хотела бы, чтобы такое расширение было постепенным, и во-вторых, что необходимо найти какие-то формы подключения самой России к НАТО. Так в Вашингтоне, по словам госсекретаря, поняли «сигнал» из Москвы. Если он стал другим, то, как сказал Кристофер, «вам придется спать с ежом».

Не знаю, как он оценил мой ответ, но я ему сказал, что предпочитаю спать совсем не с ежом.

II. Расширение НАТО: все мы упустили шанс

Разговор с Кристофером не оставил сомнений в том, что с нами решили не считаться при расширении НАТО. Оправдывая свою позицию, он напирал на какие-то «сигналы», поступившие из России. На что он намекал? Может быть, Кристофер имел в виду заявление Ельцина, который во время визита в Варшаву летом 1993 года сказал президенту Валенсе, что вопрос о вступлении его страны в НАТО находится в компетенции Польши, а не России. Это высказывание сразу же подхватили – и за рубежом, и в России, – представив его чуть ли не как показатель того, что Москва если и не выступит в поддержку расширения Североатлантического альянса, то, во всяком случае, по сему поводу промолчит.

В понедельник, 15 ноября 1993 года, то есть за три года до описываемых событий, в качестве директора СВР я был у президента, которого проинформировал о подготовке службой открытого доклада по проблеме расширения НАТО. Мы имели абсолютно надежные свидетельства того, что стратегическое военное планирование в штаб-квартире НАТО по-прежнему включает в себя «наихудший вариант» с применением ядерного оружия – против кого: России, Китая?

В докладе СВР, в частности, говорилось, что в условиях постконфронтационного периода и отсутствия так называемой блоковой дисциплины, которая существовала до ликвидации Варшавского договора, Россия не вправе диктовать суверенным государствам Центральной и Восточной Европы, вступать ли им или не вступать в НАТО либо другие международные объединения. Однако процесс вхождения государств Центральной и Восточной Европы в НАТО, его характер, сроки, обязательства и

права новых членов должны формироваться с учетом мнения всех заинтересованных сторон, в том числе России.

Ельцин попросил текст доклада СВР и оставил его у себя, сказав, что после внимательного прочтения решит вопрос о его публикации. Через неделю, во время следующей встречи, он санкционировал презентацию открытого доклада СВР в пресс-центре МИДа на Зубовской площади. Оценивая материал, Ельцин подчеркнул:

– Считаю его актуальным, нужно поставить точки над *i*; в то же время чувствуется, что разведка не «нагнетает страсти», напротив, выступает за укрепление стабильности, в том числе в нормализуемых отношениях с Западом.

Пресс-конференция директора СВР для представления доклада «Перспективы расширения НАТО и интересы России» была назначена на 25 ноября. Утром вышла газета «Известия» со статьей, в которой говорилось, что у СВР и МИДа существуют противоречия по вопросу расширения НАТО.

Я уже стоял в пальто, готовясь выехать на Зубовскую, когда позвонил Козырев, попросивший высказаться на пресс-конференции по поводу этой «возмутительной публикации». Обещал ему, не упоминая о статье, сказать об отсутствии противоположностей в стратегических оценках. Обещание свое выполнил, ограничившись словами о том, что некоторые тактические различия естественны, но они не проявляются в главном, – взял на себя смелость заявить, что оба ведомства негативно относятся к расширению НАТО.

Каково же было мое удивление, когда через два часа после пресс-конференции СВР советник министра иностранных дел по контактам с общественностью созвала брифинг, где заявила, что доклад Службы внешней разведки – документ чисто ведомственный, а позиция МИДа, которая отражает мнение президента, заключается в

следующем: НАТО не угрожает России; любое государство может обеспечивать свою безопасность так, как считает нужным; вступление стран Центральной и Восточной Европы в НАТО контрпродуктивно... без вступления России.

Возможно, кое-кого дезориентировало то, что я ранее на пресс-конференции практически ушел от ответа на вопрос, знакомился ли с докладом предварительно Ельцин. Поэтому заключительный аккорд принадлежал пресс-секретарю президента Вячеславу Костикову, который заявил, что Ельцин разделяет негативную точку зрения разведки на проблему расширения Североатлантического альянса.

В первые дни пребывания на Смоленской площади я собрал совещание по НАТО. Я знал, что при прежнем министре несколько ведущих сотрудников МИДа заняли позицию против расширения Североатлантического альянса, но тогда оставались в меньшинстве. На этот раз картина кардинально изменилась, обсуждались три варианта:

1) выступить против расширения НАТО и отказаться от любых отношений с Североатлантическим альянсом. Этот вариант можно было считать «путем в никуда», а точнее, путем назад – пусть не сразу, но к возобновлению холодной войны;

2) принять без всяких попыток оказать влияние на этот процесс расширения НАТО. К этому варианту нас подталкивали натовцы, в первую очередь США, да и некоторые отечественные политики. Такой вариант смахивал на капитуляцию и был чреват эскалацией тяжелых последствий;

3) не сходить с негативной позиции в отношении расширения НАТО и одновременно вести переговоры с целью минимизировать последствия, в наибольшей степени угрожающие нашей безопасности и не отвечающие

нашим интересам. Иными словами, сделать упор на наше воздействие на процесс расширения.

Мы в МИДе сошлись на третьем варианте, посчитав его оптимальным в сложившейся ситуации. При этом мы понимали, что предстоит тяжелейшая, изнуряющая борьба за достижение нашей цели.

Первым сказал мне о том, что в НАТО нет «пассажиров» разных классов и поэтому, дескать, не могут вводиться какие-либо ограничения в отношении новых членов этого союза, С. Тэлботт во время его посещения МИДа в январе 1996 года вместе с будущим американским послом в России Дж. Коллинзом. Нужно отдать Тэлботту должное – он не стал спорить, а просто улыбнулся, когда я ему ответил:

– Струуб, о чем вы говорите? Если НАТО сравнить с самолетом, то на нем не только летят пассажиры разных классов, но американцы сидят в кабине пилота. Это ли не свидетельство «равенства» всех и вся?

А если говорить об обязательствах и правах различных членов НАТО, которые якобы подстрижены под одну гребенку, продолжал я, то приведу пример Норвегии, на территории которой не размещено ядерное оружие и нет иностранных баз. Мне могут со всем основанием заметить, что это – самоограничение. Но как в этой связи смотрится ФРГ? Ведь, согласно Договору об объединении Германии, США, СССР, Англия и Франция установили, что в восточных землях (бывшая ГДР) Германии не должно быть ни ядерного оружия, ни иностранных войск.

Подобные аргументы во время контактов с западными собеседниками повисали в воздухе.

Интересно отметить, что политика расширения НАТО родилась не в ходе холодной войны, а в результате ее окончания. В один из первых дней моего пребывания на Смоленской площади мой заместитель Крылов сказал мне, что в мидовских архивах есть записи бесед, которые

свидетельствуют об этом. Попросил дать мне эти архивные материалы. Они относились к периоду объединения Германии, а затем распада Варшавского договора. Лидеры всех ведущих западных государств – членов НАТО тогда заверяли советских руководителей, что у них на уме нет идеи расширения. Делалось это по вполне понятным мотивам – стимулировать Москву на решение о выводе советских войск из Восточной Германии и притупить возможную острую реакцию на распад Варшавского договора.

Вот заявления, которые были сделаны западными лидерами в 1990–1991 годах:

Дж. Бейкер: Мы считаем, что консультации и обсуждения в рамках механизма «два плюс четыре» должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток. (Запись беседы М.С. Горбачева с госсекретарем Дж. Бейкером 09.02.90.)

Обратите внимание, сам госсекретарь США подсказывал, что легализовать нерасширение НАТО можно через соглашение об объединении Германии. Хорошо помню, как на заседании Политбюро весной 1990 года М.С. Горбачев говорил о том, что можно было бы попытаться связать наше согласие на вывод войск из ГДР с выходом объединенной Германии из НАТО. С самого начала было ясно, что на такую увязку Запад не согласится. Очевидно, Горбачев рассматривал это как «запросную позицию». За нее в конце концов мы получили зафиксированные в Договоре об объединении Германии гарантии против размещения на территории бывшей ГДР ядерного оружия и иностранных войск на постоянной основе. Но Бейкер говорил о большем – о гарантиях против распространения военной организации НАТО на Восток!

Г. Коль: Мы считаем, что НАТО не должна расширять сферу своего действия. Надо найти здесь разумное урегулирование. Я правильно понимаю интересы безопас-

ности Советского Союза и отдаю себе отчет в том, что вы, г-н генеральный секретарь, и советское руководство должны будете доходчиво объяснить происходящее населению СССР. (Запись беседы М.С. Горбачева с федеральным канцлером Г. Колем 10.02.90.)

Как заявил премьер-министр Великобритании, он «не предвидит условий, чтобы в настоящее время и в будущем восточноевропейские страны могли бы быть в НАТО». (Информация министра обороны СССР Д.Т. Язова М.С. Горбачеву о беседе с премьер-министром Великобритании Дж. Мейджором 06.03.91.)

Д. Херд подтвердил отсутствие в НАТО планов присоединения стран Восточной и Центральной Европы к Североатлантическому договору в той или иной форме. (Информация министра иностранных дел СССР А.А. Бесмертных об итогах рабочего визита в СССР министра иностранных дел Великобритании Д. Херда 26.03.91.)

Ф. Миттеран: Есть еще одно соображение. Каждое из упомянутых мною государств (речь шла о бывших членах Варшавского договора. – *Е.П.*) будет стремиться обеспечить свою безопасность путем заключения отдельных соглашений. С кем? Очевидно, что с НАТО. Но такая перспектива усилит ощущение изоляции и даже окружения у Советского Союза. Убежден, что такой путь не является правильным для Европы. (Запись беседы М.С. Горбачева с президентом Франции Ф. Миттераном 06.05.91.)

К огромному сожалению, следует констатировать, что ни Шеварднадзе, ни Горбачев – в первую очередь они должны были это сделать (переговоры об объединении Германии велись келейно, во всяком случае, о их ходе не информировали ни кандидатов в члены Политбюро, ни секретарей ЦК) – не настояли на том, чтобы заверениям западных лидеров была придана договорно-правовая форма.

А ведь есть все основания считать, что в то время это можно было сделать.

Но все-таки, почему в последующем произошел такой кардинальный поворот в позиции стран, играющих ведущую роль в НАТО, и в первую очередь США? Почему они вопреки обещанному, причем подкрепленному, казалось бы, серьезной аргументацией против приема в НАТО стран распавшегося Варшавского договора, на 180 градусов развернулись в отношении своих прежних заверений? Ответы на эти вопросы неоднозначны.

Действительно, руководители стран Центральной и Восточной Европы объявили о намерении вступить в НАТО. Судя по всему, это поддерживалось большинством населения. Что стояло за этим? Опасения, что ситуация в России создаст угрозу их безопасности? Не думаю, что это основная причина или даже реальная. Да и многие лидеры этих стран подчеркивали, что их выбор не предопределен опасениями каких-то агрессивных действий со стороны России. Сегодня, уже после многолетнего периода демократического развития России и при изменившейся в корне международной обстановке, разговоры о возможной военной угрозе с ее стороны странам Центральной и Восточной Европы, равно как и другим странам, выглядят как элементарная мистификация.

Нелишне в этой связи напомнить, что и в тот острейший период, когда начался процесс распада социалистического лагеря, Москва не оказывала давления на своих союзников с целью их сохранения в Варшавском договоре. Я участвовал в заседании Политбюро ЦК, на котором Горбачев рассказал, что забившийся в истерике Чаушеску (это было еще при существовании Варшавского договора) обратился с просьбой незамедлительно ввести войска в Румынию. Но на дворе был уже не 1968 год, ознаменовавшийся маршем танковых колонн на Прагу, а 1989-й, и дело ограничилось лишь информированием высшего советского руководства о просьбе Чаушеску –

ни у одного присутствовавшего на заседании Политбюро даже не возникло вопроса о возможности военного вмешательства в Румынии. А в нынешних условиях говорить о такой перспективе не приходится и подавно.

Стремление стран Центральной и Восточной Европы вступить в НАТО обусловлено, очевидно, в основном другим. Они хотят быть идентифицированы как часть Европы – не Востока, а Запада, войти в европейские структуры, главным образом в Европейский союз. Есть основания считать, что в таких условиях присоединение к НАТО им представлялось кратчайшим и менее обременительным путем вхождения в европейские структуры.

Доля вины за все это лежит и на нас. После ликвидации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи мы как-то оставили в стороне своих бывших союзников, не уделили им должного внимания. Упраздня СЭВ, мы вместе с водой выплеснули и ребенка. Да, действительно, СЭВ был во многом несовершенен и вызывал нарекания со стороны его восточноевропейских участников. Однако были и сложившиеся в течение многих лет производственные связи с СССР, устойчивые рынки сбыта продукции восточноевропейских стран. Когда все связи оборвались, эти страны вначале очутились как бы в пустоте. Отдельные руководители стран Центральной и Восточной Европы хотели вступить в НАТО, исходя из своих внутривосточных интересов и пытались закрепить будущее за своими режимами.

Но ни одна страна и не помышляла бы о вступлении в НАТО, если бы не понимала, что это ее стремление не противоречит, а соответствует политике США. После окончания холодной войны НАТО сохранилась, но было ли это достаточно для обеспечения в полном объеме присутствия США в Европе? Это – не праздный вопрос. Ситуация быстро менялась. Европа шла и идет по пути интеграции. Вырисовываются контуры одного из самых

сильных центров многополюсного мира. В самом Североатлантическом альянсе явно начинал «выпирать» европейский элемент, приобретающий все большую историческую перспективу. Именно такая ситуация, очевидно, заставила Вашингтон думать над тем, как укрепиться в НАТО и, следовательно, в Европе через расширение Североатлантического союза за счет принятия новых членов, коленопреклоненно относящихся к США.

Создалось впечатление, что после первой встречи с У. Кристофером наши оппоненты приступили к «разведке боем» с целью определить прочность российской позиции по расширению НАТО. Это стало абсолютно ясно во время официального визита в Москву У. Кристофера 21–22 марта 1996 года. Вряд ли можно считать случайным, что буквально накануне приезда в Москву госсекретарь США сделал в Праге «концептуальное» заявление, в котором подчеркивались следующие моменты: для стран Центральной и Восточной Европы существует реальная угроза; лидерство США в Европе – необходимое условие обеспечения ее стабильности; во втором эшелоне кандидатов на вступление в НАТО может присутствовать Украина в контексте ее интеграции в европейские структуры; никаких пауз в переговорах с новыми кандидатами для вступления в НАТО нет и быть не может – это непрерывный процесс.

В первом же разговоре я сказал Кристоферу, что Ельцин весьма резко отреагировал, когда ему доложили о содержании выступления в Праге. Сослался и на жесткий разговор президента с генеральным секретарем НАТО Соланой, который был принят в Кремле за день до приезда госсекретаря США, и, по всей видимости, это тоже была реакция на пражское заявление Кристофера. Добавил к сказанному: не получается ли, что США делают ставку на проигрыш Ельцина на выборах?

Кристофер, который признался в том, что уже знает от Соланы о предельно жесткой российской позиции, стал

оправдываться, прибегая к традиционным уверткам, – мол, в Праге он говорил и о другом: о чрезвычайной важности установления нормальных, продвинутых отношений России с НАТО. Попросил соответствующим образом «подготовить» его предстоящую на следующий день встречу с Ельциным. Чувствовалось, что он очень нервничает перед этой беседой.

Ельцин, видимо, считал, что сигнал, направленный и генеральному секретарю НАТО, и через меня государственному секретарю, достаточен, чтобы отвести сомнения в «зыбкости» нашей позиции. Разговор Ельцина с Кристофером был благожелательным. Затронули вопросы проведения на должном уровне саммита по ядерной безопасности в Москве, трансформации «семерки» в «восьмерку» в Лионе.

Характерно, что во время переговоров с Кристофером в расширенном составе, которые сразу же начались в МИДе после его встречи в Кремле, ни госсекретарь, ни его коллеги ни словом не обмолвились о НАТО. Мы тоже не поднимали этого вопроса.

Однако в Джакарте, где 23 июля 1996 года в период очередного заседания форума АСЕАН по проблемам безопасности я вновь встретился с госсекретарем США, Кристофер начал беседу со слов:

– Вопрос о расширении НАТО, равно как и о предоставлении разных классов членства в НАТО, с третьими странами мы не обсуждаем.

– Не следует говорить с нами в ультимативной форме, – ответил я Кристоферу. – Если же вы нам говорите, что не хотите обсуждать эту тему, мы будем вынуждены сделать больший акцент на обеспечении нашей безопасности, в частности пересмотрев некоторые уже подписанные договоры по сокращению вооружений.

– Я не выдвигал ультиматумов, а просто разъяснял ситуацию, – отреагировал госсекретарь.

Мы не идеализировали обстановку, понимая, что США, по сути, осуществляют координацию между всеми западными участниками «параллельных» контактов с нами. Но одновременно далеко не все из них считали безупречной крайнюю позицию, проталкиваемую госсекретарем Соединенных Штатов. 30 июля 1996 года в Париже М. Рифкинд сказал мне:

– Во время диалога между вами и НАТО можно обсуждать в формате «16+1» вопросы непродвижения ядерного оружия. Но по более широким вопросам отношений между Россией и НАТО вам следует все-таки консультироваться и на двусторонней основе. Причем не только с США, но также с Великобританией и Францией. США, конечно, наиболее важный партнер, но они не могут говорить от имени всей НАТО.

Эта беседа состоялась спустя почти два месяца после того, как в Берлине я встретился с министром иностранных дел Германии К. Кинкелем.

– То, что сейчас скажу, я ни с кем не согласовывал, – сказал К. Кинкель. – Не подумать ли нам о создании Совета Россия – НАТО, где Россия была бы представлена на равноправной основе?

Это была еще одна новая и очень важная постановка вопроса. Но самым главным в этой связи следует признать высказанную президентом Франции Ж. Шираком идею «цепочки»: реформирование НАТО, затем диалог между Россией и обновленным Североатлантическим альянсом с целью установления особых отношений России – НАТО, а затем уже переговоры о его расширении, включая формы и содержание. Во время встречи «восьмерки» в Лионе Ж. Ширак подчеркнул, что идею такой «цепочки» разделяет и федеральный канцлер Г. Коль.

Я сказал французскому министру иностранных дел де Шаретту, с которым встретился отдельно в Лионе, что мы готовы были бы пойти по этому пути. К сожалению, идея президента Ширака позже была размыта – ведь ее

смысл, как мы понимали, заключался не только в фиксации трех направлений деятельности, но и последовательности их претворения в жизнь.

III. За спиной Соланы США

Именно в это время начало проявляться некоторое раздражение со стороны американцев по поводу того, что Россия ведет разговоры параллельно по многим линиям. Судя по реакции европейских собеседников, это раздражение было доведено и до них. Может быть, отсюда и росли корни американского предложения начать не откладывая переговорный процесс на натовском «треке», иными словами, с Х. Соланой.

Мы готовились к этим переговорам серьезно. На протяжении лета 1996 года в тесном взаимодействии с представителями Министерства обороны и Службы внешней разведки были наработаны многовариантные позиции и согласована наша переговорная линия. Однако, по нашему общему мнению, переговоры, как таковые, еще не вполне созрели. Следовало продолжать «зондажную работу».

Предстояли важнейшие встречи в Нью-Йорке, куда я должен был вылететь на заседание Генассамблеи ООН. Мне уже сообщили, что буду принят президентом Б. Клинтоном. А 20 сентября по пути в Нью-Йорк провел в Вене беседу с Х. Соланой.

Позже у меня установились хорошие отношения с Хавьером Соланой. Однако в тот раз все предвещало несовместимость собеседников. Когда я задавал конкретные вопросы, Х. Солана отвечал, что не может говорить от имени 16 стран – членов НАТО без предварительного

обсуждения с ними. В то же время предлагал мне дать конкретные ответы на поставленные им вопросы, чтобы, как было совершенно ясно, досконально выявить резервы нашей позиции. Я сказал ему:

– Вы не обижайтесь, но у меня такое впечатление, что оба мы в тюремной камере, но один из нас – «подсадная утка».

Зная, что Россию весьма привлекла идея «цепочки», выстроенной Ж. Шираком, Солана заговорил о «параллельности». Я постарался объяснить ему, что мы понимаем трансформацию НАТО, выработку отношений между Россией и НАТО и проблему расширения альянса не как независимо развивающиеся, а влияющие друг на друга три процесса. Тогда Солана положил на стол в качестве «иллюстративного материала» три ручки и сказал: «Я как физик утверждаю, что эти три параллельные линии пересекутся в бесконечности». Я ответил, что, не будучи физиком, живу не в бесконечности, а на земле, и хочу, чтобы проблемы пересекались при их обсуждении. Было ясно, что Солана на тот момент не имел никакого мандата на переговоры, что дополнительно убеждало в правильности избранной нами линии: «торопиться, не спеша».

В этом убедила и встреча с Кристофером 23 сентября в Нью-Йорке. Тот опять начал разговор с надрывом (я уже понимал: это был его переговорный стиль).

– Сегодня мы проводим, возможно, одну из самых важных бесед за всю историю наших отношений, – сказал госсекретарь. – Сроки сжатые, и с учетом этого мы намерены способствовать убыстрению диалога между НАТО и Россией. Хорошо бы, чтобы это оказалось возможным сделать одновременно с приемом новых членов.

Я спокойно ответил:

– Для нас основное – это подготовить документ, который определит взаимоприемлемое развитие наших от-

ношений с НАТО, будет способствовать трансформации альянса от инструмента холодной войны к новой организации, а также минимизирует негативные для нас последствия возможного расширения. Если такой документ не получится, то другого мы не подпишем. Нам не нужна новая декларация типа «не будем нападать друг на друга».

Кристофер решил в ответ вылить ушат холодной воды, подтвердив, что не рассматривает готовящуюся хартию – он упорно проталкивал это название – как нечто обязательное и тем более конкретно детализированное.

Впрочем, не думаю, что такую, я бы назвал, тупо нажимную позицию одобряли все в американском руководстве. Во всяком случае, убедила в этом состоявшаяся 24 сентября встреча с президентом Клинтонем. Нас проинформировали, что он специально задержался после своего выступления на Генеральной Ассамблее в Нью-Йорке для разговора буквально со считанными представителями других стран, в числе которых был и я.

Встреча произошла в здании миссии США при ООН. Президент США встретил на пороге специально подготовленного помещения. Затем последовали обычные в таких случаях сменяющие друг друга волны фото- и телекорреспондентов. Кто-то из них выкрикивал через плечи охранников какие-то вопросы. Б. Клинтон терпеливо и с улыбкой отвечал – он прекрасно умел работать с прессой. Наконец остались без юпитеров. На беседе с президентом США, запланированной на двадцать минут, но длившейся почти час, присутствовали У. Кристофер, помощник президента по национальной безопасности Энтони Лейк, М. Олбрайт – в то время постоянный представитель США при ООН, и С. Тэлботт. С нашей стороны – посол в США Ю. Воронцов, представитель России при ООН С. Лавров, мой заместитель Г. Мамедов, руководитель секретариата министра Р. Маркарян.

Упомянув, что госсекретарь доложил о нашей беседе по НАТО, президент США счел необходимым, очевидно, сгладить то впечатление, которое могло остаться после беседы с Кристофером.

– С первых дней пребывания на своем посту, – сказал Б. Клинтон, – я был привержен идее создания демократической России, чтобы она стала надежным и сильным партнером США в XXI веке.

При этом Б. Клинтон выделил – признаюсь, тогда неожиданно для меня – особое значение наших совместных, скоординированных действий, так как в течение предстоящих двадцати пяти лет, по его словам, вероятно возникновение конфликта между Индией и Пакистаном, с угрозой сползания к опаснейшей перспективе применения ядерного оружия.

– То же самое можно сказать о Ближнем Востоке, – добавил президент, – мирное урегулирование и здесь невозможно без совместного участия России и Соединенных Штатов.

Клинтон органично перешел от «угроз XXI века» к современной европейской тематике, подчеркнув свое желание сделать все, чтобы помочь построить «такую объединенную Европу, которая нужна для мира и спокойствия и за ее пределами. Это достижимо, – продолжал президент, – если мы сможем создать особые и четко очерченные отношения между Россией и НАТО, чему я лично глубоко привержен».

Беседа явно затягивалась. Кристофер начал демонстративно смотреть на часы. Тогда я решил помочь своему коллеге и спросил президента: хотел бы он в конце нашей не запланированной на столь длительное время беседы, чему я, конечно, очень рад, услышать один из понравившихся мне анекдотов?

– Конечно, – ответил Клинтон.

– Курицу спросили о самом большом достижении в ее жизни. «Снесла яйцо весом пять килограммов», – сказа-

ла она. «А каково главное желание?» – «Снести яйцо весом семь килограммов». На аналогичный первый вопрос петух ответил: «Подруга-курица снесла пятикилограммовое яйцо». – «А твое самое большое желание?» – «Набить морду страусу!»

Не помню, почему мне именно этот анекдот пришел в голову в качестве заключительного «непринужденного аккорда». Быть может, потому, что уж слишком заметно госсекретарь пытался закончить беседу. Все рассмеялись.

А президент, обращаясь к Олбрайт, с улыбкой спросил: «Это не про меня?»

Со свойственным ему дружелюбием Клинтон проводил нас до лифта и тепло попрощался.

IV. Мещерино и далее

Официальное предложение о начале переговоров по документу, который определил бы комплекс наших отношений с альянсом, было выдвинуто натовцами 11 декабря в ходе встречи министров по формуле «16+1». Мы пригласили натовскую делегацию, возглавляемую генеральным секретарем Х. Соланой, в Москву. Не помню, кому пришла в голову идея провести встречу в подмосковном особняке МИДа в Мещерине, но это себя полностью оправдало. Переговоры проводились вдали от журналистов, и никто в таких условиях не «играл на публику». Корреспондентам, правда, это не понравилось, и в ряде статей нас поругивали за то, что мы «скрылись от средств массовой информации» (не премину сказать, что у нас часто путают необходимую закрытость конфиденциальных переговоров с отсутствием столь долгожданной гласности).

Мещерино – сказочное место. Великолепная старинная усадьба, в главном здании которой проходила наша встреча, построена в 1830 году князем Мещерским и окружена огромным лесопарком, примыкающим одной из своих границ к берегу реки Пахры¹⁰. В январе река была подо льдом. Кругом лежал блестящий от белизны снег. Сквозь его толщу прорывались гордые зимой и летом хвойные деревья и печальные, с оголенными ветвями, лиственницы. Все кругом было погружено в звенящую тишину. А в доме жарко потрескивали дрова в камине. Здесь, в гостиной, и начались переговоры, продолженные за русским обедом – с соленьями, грибами, пирогами, салатами, селедкой, вареной картошкой, похлебкой в горшочках – блюд не перечить – и, конечно, водкой в запотевших бутылках.

Диалог, начатый за рабочим столом, был продолжен во время обеда и потом, когда мы около двух часов прогуливались с Соланой на морозном воздухе по очищенным от снега тропинкам леса.

Еще до начала переговоров задумался о превратностях судьбы. Здесь, в том самом здании, где мы работали и обедали, с 1924 по 1946 год жил «Всесоюзный староста», председатель ВЦИК, а потом Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин, рядом – генеральный секретарь Коминтерна Г. Димитров. Здесь побывали Мао Цзэдун и Ким Ир Сен. А теперь сюда прибыла делегация Североатлантического альянса, созданного в свое время для борьбы с коммунизмом и социализмом.

С самого начала с двух сторон проявилось стремление сделать встречу максимально деловой. Солана сразу же заявил – это было сделано в первый раз, – что он обладает мандатом на ведение переговоров от 16 государств – членов НАТО.

Я чувствовал, что и камин, и даже зимний морозный лес чуть «растопили» Солану. В целом он оставался в несколько напряженном состоянии, может быть, от ощу-

щения того, что не располагал особой гибкостью, будучи зависимым от мнения руководителей НАТО и полученных инструкций. Но все-таки я впервые ощутил во время этой двухчасовой прогулки, что Солана хотел продвижения вперед.

Солана высказал немало идей, способных нас заинтересовать. Однако генеральный секретарь НАТО упорно избегал обсуждения по существу военных вопросов, – очевидно, на тот момент это не было санкционировано альянсом. Видимо, Солана понимал наше настроение, и он произнес ключевую фразу, которая определила пределы его возможностей: «Вы встретитесь с американскими представителями, и важно уточнить их позицию на сей счет».

Солана уезжал из Мещерина, увезя с собой и наш главный «сигнал»: договоренности по военному блоку вопросов должны стать неотъемлемой частью общего документа. Очевидно, он вынес из беседы, в том числе во время прогулки, еще по крайней мере одно впечатление: как бы Россия ни была заинтересована в превращении «семерки» в «восьмерку», во вступлении в ВТО, Парижский и Лондонский клубы¹¹ (о приближении этой перспективы в случае подписания Хартии он так горячо говорил), мы не примем никакой «платы» за приглашение нашей позиции в интересах НАТО, и эти вопросы не должны иметь никакого отношения к подготавливаемому документу и тем более – включаться в него.

Натовцы, по-видимому, ждали результатов российско-американского саммита в Хельсинки, который был намечен на 20–21 марта 1997 года. По телефону два президента договорились, что перед их встречей в Хельсинки мне предстоит полететь в Вашингтон и с М. Олбрайт продвинуться в согласовании документов саммита: совместных заявлений президентов по вопросам европейской безопасности; по дальнейшему сокращению ядер-

ных вооружений; по укреплению Договора по ПРО; о российско-американских экономических инициативах. Каждый из этих документов был чрезвычайно важным. Что касается первого – по вопросам европейской безопасности, – то в нем практически должны были быть найдены «рамочные» развязки по тем проблемам отношений России – НАТО, которые все еще были далеки от того, чтобы лечь на бумагу.

Программа в Вашингтоне была более чем насыщенной. Встретился и с Олбрайт, и с Тэлботтом, потом Тэлботт пригласил меня с послом Воронцовым, Мамедовым и Олбрайт к себе домой, где мы целый вечер проговорили о делах. Симпатичная хозяйка – жена Строуба подчеркнуто не участвовала в разговоре, появляясь каждый раз в гостиной с очередным сверхострым блюдом. Но оказалось, что она была далеко не безразлична к тому, о чем мы говорили. Тэлботт сказал на следующий день, что его супруга с огромным интересом слушала, как «делается история».

Несмотря на то, что Клинтон накануне перенес операцию в связи с травмой ноги и был малоподвижен, он пригласил на встречу, которая длилась более часа. Сам факт приглашения в жилые апартаменты Белого дома президентом, который все время принимал обезболивающие пилюли, да и, конечно же, характер беседы, показывали, что Клинтон был искренне заинтересован в успехе предстоящих переговоров с Ельциным.

Экстраординарным было посещение в Пентагоне «ситуационной комнаты». Министр иностранных дел России был допущен в эту святая святых военного ведомства США на встречу с американскими министром обороны и начальниками штабов всех родов войск. Докладывали начальники штабов, иллюстрируя те или иные положения диаграммами, которые проецировались на широкий экран.

Военные всегда прямолинейнее политиков, и это чувствовалось по характеру выступлений. Вынес два впечатления. Пентагон заинтересован в продвижении процесса сокращения ядерных вооружений, иными словами, в проработке, связанной с будущим договором СНВ-3. А главное направление усилий по противоракетной обороне – создание ПРО, способной, как сказал один из докладчиков, надежно защитить американских солдат в случае региональной операции, подобной «Буре в пустыне».

По первому вопросу наши интересы, очевидно, стыковались, но сохранялась проблема сбалансированности сокращений с учетом сохранения безопасности сторон и стабильности на глобальном уровне в целом. Что касается ПРО, то перед нами стояла задача найти такое решение, которое не вело бы при создании нестратегической ПРО к образованию оружия для «звездных войн».

Американцы, особенно на первом этапе переговоров в Вашингтоне, придерживались тактики нажима. Были предприняты попытки исключить из проекта совместного Заявления президентов по европейской безопасности положения о неподвижности обычных вооруженных сил к территории России, ограничившись цитированием туманного и потому не устраивающего нас заявления НАТО (было сделано в Брюсселе накануне наших переговоров в Вашингтоне).

Результатом трудных дискуссий было согласие по ряду важнейших вопросов. Я бы выделил два из них, которые остро проявились в настоящее время, через значительный срок уже после подписания основополагающего акта. Мы настаивали на обязывающем характере документа об отношениях Россия – НАТО, и это удалось подтвердить. И тоже через сложные обсуждения было получено согласие американской стороны включить в совместное заявление заверение от имени президента

США, что не произойдет наращивания вблизи России постоянно размещенных боевых сил НАТО. Согласование этих пунктов, как и положения о непродвижении ядерного оружия на территорию новых членов НАТО, имело для нас особое значение.

Мы оправданно считали, что эти два момента минимизируют те военные негативные последствия, которые создаются при расширении НАТО для России. Однако в начале XXI века, когда прием новых членов в НАТО произошел на практике, США объявили, что разместят на постоянной основе на территории Болгарии и Румынии по пять тысяч своих военнослужащих. Это дезавуирует подпись президента США, стоящую под основополагающим актом.

А может быть, очередной американский президент отказывается от договоренностей, достигнутых с его предшественниками? Но можно ли тогда вообще говорить о последовательности внешнеполитического курса?

При встрече с американскими политиками я обращал их внимание на это обстоятельство. В ответ получал молчание. Некоторые, правда, «нажимали» на то, что запрет распространяется только на значительные военные перемещения из «старых» в «новые» члены НАТО. Как правило, мои оппоненты при этом не знали об объявленном плане постоянной дислокации в двух государствах, принятых в НАТО, по пятидесяти тысячному воинскому контингенту США. Честно говоря, мне непонятно наше молчание по этому поводу. Особенно на фоне требований НАТО о выводе из Приднестровья наших 2,5 тысячи солдат и офицеров, нахождение там которых якобы нарушает соглашение о фланговых ограничениях.

V. Два послеоперационных президента

– Борис, пожалей калеку, – такой фразой ответил президент Клинтон на упреки Ельцина в связи с упорной линией США на расширение НАТО.

Клинтон сделал над собой неимоверное усилие, перелетев через океан и приняв участие во встрече в верхах в Хельсинки. С трудом, на костылях, Клинтон дошел до специальной коляски, вытянул ногу и... улыбнулся, хотя было совершенно очевидно, что ему, несмотря на регулярно принимаемые медикаменты, было очень больно.

Ельцин перенес относительно незадолго до этой встречи тяжелую операцию на сердце, но выглядел отлично. Это тоже была его первая поездка за рубеж после операции.

А ведь можно было ожидать всего.

Вспоминаю предвыборную кампанию Ельцина. Я был в числе тех, кто встречал президента на аэродроме Внуково-2 во время его поездки по стране накануне первого тура голосования. В этот день он с головокружительной быстротой «прошелся» по нескольким городам и, возвратившись в Москву, тут же на аэродроме решил обменяться мнениями. За стол, накрытый в специальном помещении, нас пригласили всех – и сопровождающих, и встречающих. За столом царило приподнятое настроение. Такие поездки президента были действительно продуктивными. День ото дня рейтинг Ельцина поднимался в опросах общественного мнения в России все выше. Не знаю, что угораздило меня включиться в разговор, привнеся в него «ложку дегтя». Может быть, очевидная, бросающаяся в глаза беспечность нерасчетливых восторгов.

– Борис Николаевич, – сказал я. – В первом туре, как мне кажется, вы не победите. Но во втором, очевидно, пройдете.

– Я не очень готов физически действовать в таком же темпе перед вторым туром, – ответил президент. – И не готов к этому психологически.

Выходя из зала аэропорта, где мы пробыли вообще-то очень короткое время, супруга Ельцина Наина Иосифовна, молчавшая за столом, поблагодарила за мою реплику. Было ясно, что самые в то время близкие к Борису Николаевичу люди небезосновательно беспокоились о его здоровье.

Это уже позже стало известно, что Ельцин в середине марта сначала хотел принять Указ о роспуске Государственной Думы, запрете компартии и переносе срока выборов, а потом отказался от этой идеи. Ему помог в этом министр внутренних дел А.С. Куликов, заявивший Ельцину, что не готов выполнять такую задачу. Мы сблизились с Анатолием Сергеевичем уже будучи членами одной фракции «Отечество – Вся Россия» Государственной Думы. Он рассказал подробно о происшедшем, назвав всех, кто по этому поводу вызывался к Ельцину. Министра иностранных дел среди них не было, и я не посвящался в хитросплетения замыслов в связи с президентскими выборами, хотя кое о чем догадывался.

Между двумя турами Ельцин слег. Он тем не менее победил на выборах, но неумолимо надвигалась необходимость хирургического вмешательства. Операция на сердце была сделана российской бригадой врачей во главе с хирургом Р. Акчуриным.

И вот два «послеоперационных» президента встретились в Хельсинки. Ельцин начал с констатации того, что от результатов встречи зависит, не начнем ли мы вновь сползать к холодной войне. По первоначальным замечаниям Клинтона тоже чувствовалось, что он считает исключительно важной именно эту встречу с российским президентом. Кульминационным моментом можно считать обсуждение документа по разграничению стратеги-

ческой и тактической ПРО. Клинтон фактически обусловил продвижение по другим важнейшим разоруженческим направлениям (да и в целом успех хельсинкских переговоров) принятием заявления двух президентов по этому сложному вопросу.

Переговоры до хельсинкской встречи по противоракетной обороне шли уже четыре года. Их целью было сохранение Договора по ПРО, заключенного в 1972 году, который объективно подвергался обходу в условиях, когда распространение ракет и ракетных технологий, особенно в нестабильных регионах, продиктовало необходимость работать над нестратегической ПРО. Но в процессе ее создания неизбежно возникают элементы, которые могли бы быть использованы и для стратегической ПРО, что подрывало Договор по ПРО.

Российские и американские эксперты в Женеве решили вопросы разграничения стратегической и нестратегической ПРО в отношении низкоскоростных ракетных систем. Однако аналогичное разграничение в отношении высокоскоростных систем застопорилось. После трудных обсуждений президенты объявили небольшой перерыв и поручили нам с Олбрайт попытаться выйти из тупика. Уходя, Ельцин в присутствии американцев повернулся в мою сторону и сказал: «Найдите решение».

Было совершенно ясно, что в обсуждение требуется вовлечь свежие силы с американской стороны, поскольку «штатные переговорщики» исчерпали потенциал гибкости и исходили из того, что, если президент дал нам строгое указание, мы в конце концов отступим. С помощью Олбрайт удалось привлечь к переговорам обычно державшегося в тени председателя Объединенного комитета начальников штабов Дж. Шаликашвили, пользующегося большим авторитетом у американских военных. С трудом наконец был обозначен целый ряд критериев, которые ставят преграду на пути создания стратегиче-

ской ПРО: ограничения на параметры баллистических ракет-мишеней, запрет на ракеты-перехватчики космического базирования. Одновременно была достигнута договоренность об обмене информацией и приглашении наблюдателей на испытания систем ПРО.

Переговоры происходили далеко не плавно. Казалось бы, уже договорились, причем договоренность подтвердили и госсекретарь, и председатель Объединенного комитета начальников штабов. Ударили, как говорится, по рукам. Вдруг возвращается один из американских переговорщиков и требует внесения дополнительной поправки. Мы не соглашаемся. Наступает драматический момент, когда все повисает на тонкой ниточке. Олбрайт заявляет, что, если мы не примем не устраивающую нас американскую формулировку, вообще не будет никаких хельсинкских документов, в том числе и Совместного заявления по европейской безопасности. Отвечаю: «Не надо нас загонять в угол».

Наконец страсти остывают и удается найти формулировку, которая, хотя и не полностью, как нам сказали американцы, удовлетворительна, но все-таки для них приемлема.

Первым после перерыва в помещение для переговоров в коляске въехал президент Клинтон. Он искренне обрадовался, что решение найдено и встреча будет теперь во всех отношениях успешной. Ельцин, в свою очередь, поблагодарил всех участников этих «нелегких на финише» переговоров за проделанную работу.

Итак, все проекты, подготовленные к встрече в верхах в Хельсинки, превратились в документы. Все «белые пятна» были «заштрихованы». Позднее, в сентябре того же года, в Нью-Йорке мы с Олбрайт подписали на основе хельсинкских заявлений юридические соглашения по СНВ и ПРО, открывшие дорогу для ратификации Договора по СНВ-2¹² и начала переговоров о более глубоких

сокращения стратегических наступательных вооружений РФ и США в рамках СНВ-3.

Франция и Германия не хотели, чтобы их отодвинули от процесса. 9 апреля я был принят президентом Франции Жаком Шираком. Чувствовалось, что французский президент хотел быть максимально полезным в том, чтобы снять препятствия, существующие для подписания документа именно в Париже и именно 27 мая, то есть за пару недель до того, когда в Мадриде состоится сессия НАТО, на которой будет объявлено о предстоящем расширении альянса. Мы тоже были заинтересованы в том, чтобы подписать документ, ставящий некоторые условия расширения альянса и нейтрализующий наиболее неблагоприятные для нас последствия этого, не дожидаясь объявления о пополнении натовского союза. Однако я сказал президенту Шираку, что сроки подписания не имеют для нас самодовлеющего значения.

Опять все вернулось на орбиту российско-американских отношений. 2 мая в Москву прибыла делегация США в составе: госсекретаря М. Олбрайт, ее заместителей С. Тэлботта, Л. Дэвис, Дж. Корнблюма, специального помощника президента и директора европейского отдела Совета национальной безопасности А. Вершбоу, представителей Министерства обороны Й. Лодала и Д. Кука и других.

С нашей стороны в переговорах приняли участие министр иностранных дел, заместители министра Н. Афанасьевский и Г. Мамедов, специально вызванный в Москву посол РФ в США Ю. Воронцов, директора департаментов МИД, начальник главного управления международного военного сотрудничества Минобороны Л. Ивашов и другие.

К этому времени у меня уже стали устанавливаться очень хорошие отношения – не в пример с Кристофером – с Мадлен Олбрайт – умной и обаятельной «железной леди». Многие подчеркивают, что политические взгляды

Олбрайт сформировались под влиянием З. Бжезинского, который был не только ее преподавателем в университете, но, в бытность свою помощником президента по национальной безопасности, взял к себе на работу в СНБ.

Думаю, что такое представление о формировании и, самое главное, устойчивой приверженности Олбрайт образу мышления, взглядам и идеям Бжезинского – слишком поверхностно. С Бжезинским ее роднило разве только то, что она отстаивала «энергичное американское лидерство» в международных делах, резко критикуя изоляционистские настроения. Во всяком случае, при всей своей жесткости в отстаивании интересов США (естественно, таких, какими они ей видятся) Олбрайт не принадлежала к тем, кто по любому поводу хватается за эфес сабли, и тем более к тем, кто не спешит ее вновь вернуть в ножны.

Совершенно случайно я узнал, что научным консультантом по диссертации, которую писала Олбрайт, был Северин Биалер. Я был хорошо знаком с этим исключительно интересным человеком в 1970-е годы в бытность свою заместителем директора ИМЭМО.

С. Биалер во время Второй мировой войны был в польском Сопротивлении. За это имел советскую военную награду. Был не просто членом польской Объединенной рабочей партии, но одно время техническим секретарем ее политбюро. Как только возвели Берлинскую стену, бежал на Запад. В США стал одним из самых крупных советологов. Возглавлял институт международных отношений в Колумбийском университете, где считался основным антиподом З. Бжезинского, работавшего там же. Мне представляется, что в течение многочисленных встреч с Северином – и в Москве, и в Суздале, и в Нью-Йорке, и в Вашингтоне, и в других советских и американских городах, в которых проходили совместные симпозиумы, состоявшие не только из дискуссий, но и свободного времяпрепровождения с искренним обменом мнениями по самому широкому кругу вопросов, – я хо-

рошо понял суть этого человека. Добавлю лишь, что он даже лучше нас знал слова всех советских песен о Красной армии, внесшей главный вклад в освобождение – и в этом он, несомненно, так же как и мы, был уверен – мира от «коричневой чумы».

И на посту постоянного представителя США в ООН, и будучи госсекретарем, Олбрайт жестко и напористо проводила внешнеполитическую линию США. Нередко привносила в работу и личные эмоции, и пристрастия в отношении тех или иных международных событий. По ее собственному признанию, она видела свою задачу в скорейшем подключении стран Центральной и Восточной Европы к евро-атлантическим структурам. Не сказывались ли здесь наряду с другими мотивами и чувства эмигрантки из Праги? Но одновременно – абсолютно уверен в этом – Олбрайт нельзя назвать антироссийски настроенным человеком.

За годы госсекретарства Мадлен Олбрайт виделся с ней очень много раз; много было и телефонных разговоров. Многочисленные беседы, личное общение позволили узнать ее гораздо лучше. Я сразу же почувствовал, что говорить с ней надо напрямую, без двусмысленностей, топтания на месте, стремления обойти острые углы. Уверен, что, так же как и я, Мадлен Олбрайт понимала: если кто-то из нас говорит «да», то это означает не только его мнение, но и намерение действовать для претворения в жизнь достигнутого согласия. В то же время мы оба, очевидно, поняли, что «нет» с такой же определенностью означает – партнер по переговорам честно обозначает черту, которую без движения с другой стороны он не перейдет.

Приезд Олбрайт 1 мая в Москву был не первым ее визитом. Я был рад, что она зачастила в столицу России. Уже в первой же беседе один на один 20 февраля 1997 года в Москве Олбрайт показала себя партнером, с которым можно и нужно иметь дело. Жестко заявив, что гра-

фик постоянного расширения НАТО будет соблюдаться, она вместе с тем сказала, что при подготовке документа Россия – НАТО следует предпринять ряд шагов навстречу нам. Высказанные мною замечания Олбрайт достаточно четко суммировала в четырех областях: неподвижение военного присутствия, консультации и их механизм, положение о неподвижении ядерного оружия, трансформация НАТО.

– Можно взять это, – сказала она, – за основу нашей дальнейшей работы. У нас есть идеи по каждому из этих четырех направлений.

Мне показалось, что особое значение она придавала следующим своим словам: «Известно, что в прошлом для улучшения отношений с Россией были возможности, но они оказались упущенными. Давайте не упускать их сейчас».

На этой же теме Олбрайт остановилась во время встречи с Ельциным 21 февраля. «Когда я занималась преподаванием, – рассказала Олбрайт, – то читала лекции об упущенных возможностях в американо-советских отношениях, объясняя, как можно было бы избежать их ухудшения. Полагаю, что мы согласны с тем, что у нас есть все основания не повторять ошибок прошлого и формировать отношения партнерства между нашими странами».

И еще один штрих. Накануне приезда Олбрайт в Москву у меня родилась внучка. Узнав об этом, Мадлен передала фотографию, где она была запечатлена вместе с президентом Клинтоном, с припиской: «Машенька, когда ты родилась, мы с твоим дедом пытались сделать что-нибудь, чтобы мир, в котором ты будешь жить, был лучше».

Другие черты Мадлен Олбрайт – отсутствие напыщенности, располагающая непосредственность. Как непохожа она в этом отношении на своего предшественника. На заключительном вечере форума АСЕАН по безопасно-

сти в Джакарте в 1996 году, где все делегации демонстрировали номера своей самодеятельности (это – ежегодный ритуал), Кристофер выскочил на сцену в спортивной форме с американским флагом в руках, демонстрируя победу американцев на проходившей в то время Олимпиаде. А как взорвался аплодисментами зал, когда на следующий год в Куала-Лумпуре Мадлен в сопровождении своей делегации прекрасно исполнила песню Мадонны на специально написанный остроумный текст о внешней политике США.

Но это все уже было позже, а 1 мая от нашей встречи с Олбрайт фактически зависело, чем закончится переговорный марафон с целью снизить негативные для нас последствия расширения НАТО.

Камнем преткновения стала проблема адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Мы соглашались с необходимостью модернизировать этот Договор, подписанный в 1990 году. ДОВСЕ установил лимиты для НАТО и Варшавского договора, и мы понимали, что в условиях ликвидации Варшавского договора нужно переходить от групповых к национальным ограничениям. Однако мы опасались, что в результате такого перехода расширяющаяся НАТО будет иметь возможность увеличивать обычные вооружения по сравнению с «потолком», зафиксированным в договоре.

Вскоре стало ясно, что наши конкретные замечания не принимаются. Особенную несговорчивость проявила при этом Дэвис.

Вечером 1 мая я пригласил группу переговорщиков и с американской, и с нашей стороны к себе домой на ужин. Были предложения моих коллег отужинать либо в мидовском особняке, либо в ресторане, но мне хотелось напоследок (М. Олбрайт и ее окружение намерены были улететь рано утром на следующий день) пообщаться с американскими партнерами в домашней обстановке. Моя супруга приготовила все с помощью подруги, а подавала на стол сама – никаких поваров и официантов.

До приезда гостей наша улица была полностью очищена от припаркованных автомобилей – таково было указание охраны. Проверили и быстро подремонтировали лифт (кстати, через несколько дней комендант нашего дома спросил мою жену, не могли бы мы за счет города заменить лифт на новый – издержки можно было бы списать за счет приема столь почетных гостей, – но коменданта ждало разочарование). Олбрайт и другие приехали с многочисленной группой телохранителей. Я попросил моего бессменного в течение многих лет начальника охраны полковника Г.А. Хабарова заняться его коллегами, и они, по-моему, неплохо пообщались в моем кабинете.

Ужин удался на славу. Строуб Тэлботт восхищался пельменями, под которые неплохо шла водка. Много шутили. Мадлен Олбрайт, которая понимает по-русски, прислушивалась к телепередаче. Как раз шел репортаж, посвященный российско-американской встрече. Репортер стоял у ворот мидовского особняка на Спиридоновке и резко критиковал мидовцев за то, что его, «как обычно», не впустили на переговоры, – «вот вам и гласность!». Но он все-таки сумел «из надежных источников» узнать суть происшедшего: приехала «железная леди» и продиктовала российской стороне условия, сказав, что «резервов для уступок больше нет». Что оставалось российскому министру? Он не мог противостоять такой жестко-напористой Мадлен Олбрайт, разглагольствовал репортер, которая не только хорошо представляет, но и прекрасно умеет отстаивать свои позиции.

Я спросил Мадлен:

– Скажите честно, в США вам поют такие же дифирамбы?

– Никогда, – ответила Мадлен, улыбаясь.

Между блюдами сделали небольшой перерыв. Олбрайт, Тэлботт, Воронцов и я отошли в сторону. Произошел абсолютно откровенный разговор.

– Вы понимаете, – сказал я, – не могу, просто не могу пойти в Думу, – а мы обязаны будем это сделать, – и заявить там, что приняли предложение, согласно которому отступаем от Договора по ограничению обычных вооруженных сил в Европе и соглашаемся на то, что уровень вооружений НАТО может возрасти по мере расширения альянса. Это тот случай, когда вы подрываете все возможности взаимодействия или вообще нормальных отношений России с НАТО. Тот случай, когда неизбежно Европа, да и не только Европа, прочеркнется разделительной линией.

– Что нужно сделать, чтобы избежать этого? – спросила госсекретарь.

– Нужна формула, ограничивающая рост военного потенциала НАТО при неизбежном переходе на «национальные потолки». Ничего большего я не придумаю.

Олбрайт подозвала Дэвис:

– Давайте еще раз подумаем о такой формуле. – А затем, обратившись к нам с Воронцовым, сказала: – Я откладываю свой отъезд из Москвы. Мы могли бы еще раз встретиться завтра утром?

2 мая при продолжении переговоров теперь уже в здании МИДа на Смоленской площади госсекретарь дала согласие на фиксацию в документе необходимости учитывать все уровни, установленные первоначальным Договором об ОВСЕ.

VI. Выход из лабиринта

Я встретился с Соланой 13 мая в Москве и по его настроению, и по первым словам, что он прибыл не просто искать, но найти развязки, понял: политическое решение идти в Париж с готовым документом в НАТО принято. Проблем для расчистки оставалось, однако, немало.

Работа шла до глубокой ночи. С обеих сторон в выверку формулировок самым активным образом включались военные. Причем параллельно формулировки согласовывались с заседавшим в то же время в Брюсселе Советом НАТО на уровне послов, которые, в свою очередь, постоянно находились на связи со своими столицами. Натовцы звонили из Москвы в Брюссель, используя мобильные телефоны прямо из особняка МИДа на Спиридоновке. В другом углу особняка наши военные также по телефонам согласовывали формулировки по чувствительнейшим вопросам непосредственно с нашим Генеральным штабом. Какая уж тут секретность!

Итак, переговорный марафон, который позволил нам свести до минимума отрицательные последствия расширения НАТО для интересов безопасности России, а западным государствам избежать опасного обострения отношений с Москвой, закончился. Как только счастливые переговорщики вышли на ступеньки перед зданием, на лужайку буквально хлынули журналисты с телекамерами, фотоаппаратами, диктофонами. Началась импровизированная пресс-конференция. Потом все участники переговоров сфотографировались на этих ступеньках у входа в мидовский особняк.

Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора был подписан 27 мая в Парадном зале Елисейского дворца. Перед рядами, заполненными министрами, другими официальными представителями многих стран, членами дипкорпуса, журналистами, полукругом с «разрезом» посередине был установлен президиум. Места в нем заняли главы 16 государств – членов НАТО. Посредине, «в разрезе» между двумя частями полукруга, сидели Ельцин, Ширак и Солана.

Открыл торжественную церемонию президент Франции, как и было положено «хозяину» страны, где проис-

ходило событие. Затем он предоставил слово для десятиминутного (в два раза больше, чем всем остальным) выступления Ельцину. Приподнятое настроение у всех присутствовавших на церемонии подписания, а затем на официальном приеме от имени Жака Ширака подчеркивало чрезвычайную важность – не хочу говорить «исторический характер», уж слишком часто мы употребляем эти слова и по делу, и не по делу – происшедшего события.

В Париже проходили и двусторонние встречи Ельцина с главами других государств. Помимо поздравлений, многие уговаривали президента России приехать в Мадрид, где на саммите НАТО предстояло объявить о начале переговоров по расширению альянса.

– Если ты будешь там, – говорил ему Ширак, – на задний план отойдет проблема расширения, а на первый выйдет открытие заседания Совместного постоянного совета Россия – НАТО (СПС). Российский президент будет главной фигурой, как и в Париже.

В связи с настойчивым призывом Ельцину ехать в Мадрид уже со стороны Клинтона – в двусторонней встрече участвовали и министры иностранных дел – я не выдержал и включился в разговор:

– Мне представляется, что президенту нет необходимости это делать. Несомненно, привлекательная идея открыть заседание СПС не перетягивает на чаше весов другую, негативную, особенно для общественного мнения России – присутствовать в Мадриде в то время, когда НАТО объявит о своем расширении.

– Видишь, Билл, – сказал Ельцин, – не все так просто.

Во время приема сидевший за столом рядом с Ельциным Гельмут Коль склонился в его сторону и сказал тихо:

– Борис, я понимаю твое решение не ехать в Мадрид, ты абсолютно прав.

Начало лета 1997 года было ознаменовано переходом к практическому сотрудничеству в рамках СПС. Решили в конце концов, что председательствовать на Совете будут

совместно представители России, генеральный секретарь НАТО и, в порядке ротации, представитель одного из государств – членов НАТО. Впервые я взял в свои руки молоток и утвердил повестку дня встречи СПС на министерском уровне 26 сентября 1997 года в Нью-Йорке. Конечно, кое для кого все происходящее было предельно. Представитель России предоставлял слово министрам иностранных дел стран НАТО, включая и госсекретаря США, а затем после каждого выступления комментировал его, выделяя главные идеи и предлагая остальным на них сосредоточиться. Оказывается, такая форма ведения заседаний в НАТО ранее была не принята, но нужно было считаться с полным равноправием всех участников Основополагающего акта.

Прошел год со дня начала работы СПС, мы встретились с Х. Соланой в Люксембурге на приеме в честь министров иностранных дел, принимавших участие в Совете евро-атлантического партнерства.

– Мне кажется, что, если бы не было расширения НАТО, на которое все время мы оглядываемся – и Россия, и вы, ожидая друг для друга неприятных сюрпризов, – то СПС мог бы стать центром европейской безопасности, – сказал я Хавьеру.

– Я тоже думаю об этом, – отвечал Солана.

Помню наше совместное с американской делегацией выступление в Маниле в июле 1998 года после окончания АРФ – Асеановского регионального форума по безопасности, ежегодное участие в котором принимают страны АСЕАН и так называемые полноправные партнеры по диалогу, в число которых входят США, Россия, Китай, Индия, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Европейский союз и другие. Я уже писал о том, что по традиции во время последнего обеда каждая делегация во главе с министром иностранных дел представляет свой художественный номер. На этот раз решили выступить вместе с делегацией США, о чем в принципе

договорились чуть ли не за год до этого, переписывались, но репетировали только раз незадолго до выхода на публику в Маниле.

– НАТО включила в себя Венгрию, – пропела Мадлен Олбрайт на музыку Бернштейна «Вест-Сайдская история».

– Это самая большая ошибка, – пропел я в ответ на ту же музыку. Зал, в котором присутствовали все делегаты, «одобрительно неистовствовал».

Подписание Основопологающего акта и образование Совета постоянного сотрудничества (СПС) создали основу для дальнейших шагов по взаимодействию России с Североатлантическим союзом. Такое взаимодействие, как уже говорилось, может и должно стать стабилизирующим фактором. Но нельзя закрывать глаза на то, что обозначаются и противоположные тенденции. Во время «дипломатического марафона», закончившегося подписанием соглашения в Париже, стороны понимали (хотя США никогда прямо не признавали этого), что существует «красная линия», переход за которую чреват осложнениями. Речь шла о приеме в НАТО бывших республик Советского Союза. Сначала «в воздухе витало», что хотели принять в Североатлантический союз страны Балтии, что и свершилось. А теперь все громче раздаются призывы включить в НАТО Украину и Грузию. Конечно, вступление в ту или иную организацию – право суверенных государств. Однако было бы наивно думать, что происходящий в результате этого геополитический сдвиг пройдет бесследно, не нарушив ничьих интересов и не сказавшись на межгосударственных отношениях.

Глава VII

СИЛА ИЛИ ДРУГИЕ МЕТОДЫ

Сила всегда привлекает людей с низкими моральными качествами.

Альберт Эйнштейн

Мой «мидовский период» был насыщен не только переговорами с целью выработки кодекса отношений России с НАТО. В центре внимания находилась проблема согласования международных мер по нейтрализации негативной политики некоторых государств, скатывающихся к курсу, идущему вразрез с общепризнанными нормами международного права. Как реагировать на это: уповать на военную силу или вообще проходить мимо таких негативных явлений в международной жизни? И не то, и не другое.

Новые условия, появившиеся после окончания эры глобальной конфронтации, делают возможными скоординированные меры на политическом поле – решительные, подчас жесткие, которые позволяют достаточно эффективно добиваться, чтобы любое государство придерживалось общепризнанных цивилизованных норм поведения. Естественно, что в крайних случаях не исключается и применение силы, но, как представляется, при двух условиях: сила может применяться, если есть уве-

ренность, что исчерпаны все политико-дипломатические меры, и применение силы возможно только после соответствующего решения Совета Безопасности ООН.

I. Ирак: поучительные уроки

11 сентября 2001 года заставили по-новому взглянуть на мир. Более рельефно обозначились те новые угрозы, которые нависли над человечеством после того, как закончилась холодная война. Речь идет в первую очередь о международном терроризме и о катастрофической опасности, которую таит в себе его возможное сращивание с оружием массового уничтожения. Вслед за событиями 11 сентября контрастнее, чем когда бы то ни было ранее, обнаружилось противостояние двух тенденций: с одной стороны, сохранение миропорядка, основывающегося на таком механизме коллективных действий, как Организация Объединенных Наций; с другой – «унилатерализм», или ставка на то, что жизненно важные для всего человечества решения могут осуществляться отдельной страной – Соединенными Штатами – на основе ее субъективного восприятия международной действительности.

Противостоянием этих двух тенденций, может быть, не в такой откровенной форме, как это произошло после 11 сентября, характеризовалась ситуация вокруг Ирака второй половины 1990-х годов. Она показала необходимость совместных, скоординированных, многосторонних действий против реальных угроз миру и безопасности.

И не только необходимость, но в конечном итоге эффективность таких мер.

В то время камнем преткновения стала Спецкомиссия ООН, созданная после эвакуации иракских войск с тер-

ритории Кувейта для инспекции различных объектов Ирака с целью выявления и ликвидации оружия массового уничтожения. Настроения постоянных членов, да и вообще членов Совета Безопасности ООН отличались друг от друга. Хотя все были заинтересованы в том, чтобы Спецкомиссия успешно справлялась со своими обязанностями, однако некоторые считали, что она работает недостаточно эффективно не только потому, что в отдельных случаях мешают иракцы, но и потому, что ее руководство нередко запрограммировано на негативный результат.

Председатель Спецкомиссии Экеус, у которого с Ираком неплохо шли дела, был заменен на бывшего представителя Австралии в ООН Р. Батлера, имевшего в ту пору неплохую репутацию и поэтому поддержанного при назначении всеми, в том числе и Ираком. Но первоначальные положительные оценки его деятельности вскоре начали размываться.

Я встретился с Батлером в Москве, куда он приехал для обмена мнениями перед обсуждением очередного доклада Спецкомиссии на Совете Безопасности. Разговор на Смоленской площади начался с ядерного досье. По мнению многих, оно уже «созрело» для того, чтобы перевести инспекции в постоянный мониторинг (именно об этом шла речь, а не о «закрытии» того или иного досье, как это часто представлялось в средствах массовой информации). Кстати, дальнейшие события, как известно, подтвердили правоту этих «многих» – у Ирака не оказалось ядерного оружия. Однако на мое замечание Р. Батлер предпочел отмалчиваться. Когда мы перешли к ракетному досье, я спросил:

– Есть ли у вас какие-либо данные, свидетельствующие о том, что Ирак сохранил пусковые установки для ракет или их двигатели?

– Нет, – ответил Р. Батлер.

– В таком случае, почему вы настаиваете на сохранении инспекционной фазы и противитесь переходу на постоянный мониторинг? Вместо этого вы наращиваете вопросы, обращенные к иракской стороне. Ведь дело можно довести до абсурда, скажем, если Спецкомиссия при отсутствии пусковых установок и двигателей потребует найти и представить... чехлы от ракет, потом, может быть, крючки, которыми закрепляют эти чехлы, и т. д. и т. п.

Ответ Р. Батлера меня обескуражил.

– Все зависит от того, договоритесь ли вы с Соединенными Штатами, – сказал он.

– Позвольте, но эта договоренность возможна только после того, как вы дадите нам объективную информацию, а не наоборот.

Эти слова повисли в воздухе.

23 октября 1997 года Совет Безопасности ООН десятью голосами при пяти воздержавшихся (Россия, Франция, Китай, Египет, Кения) принял по докладу Спецкомиссии резолюцию 1174, в которой были осуждены неоднократные случаи отказа иракских властей разрешить допуск на объекты, указанные Спецкомиссией. Обратило на себя внимание то, что, хотя не все были полностью согласны с содержанием резолюции, ни один постоянный член Совета Безопасности не наложил на нее вето, а также ни один непостоянный член не проголосовал против. Это явно свидетельствовало о том, что существовала общая платформа для мер с целью заставить Ирак считаться с решениями ООН.

Дальше события развивались достаточно бурно. 29 октября иракское руководство приняло решение не допускать участия американских граждан в деятельности Спецкомиссии в Ираке и потребовать прекращения полетов американского самолета У-2 и замены его на самолеты других государств.

В ответ Совет Безопасности единогласно поддержал заявление своего председателя, который потребовал от Ирака в полной мере, без условий или ограничений, сотрудничать со Спецкомиссией в рамках ее мандата и предупредил о «серьезных последствиях, если Ирак не будет немедленно и полностью выполнять свои обязательства...».

Из-за отказа иракцев в допуске на объекты американцев инспекционные работы Спецкомиссии были фактически заморожены. В результате была единогласно принята резолюция Совета Безопасности с осуждением Ирака и введением запрета на поездки за рубеж иракских официальных лиц и военнослужащих, которые несут ответственность за невыполнение Ираком обязательств по резолюциям СБ. То есть начиналась эскалация политических мер.

В ответ иракским руководством было принято решение выслать из Ирака граждан США, работающих в Спецкомиссии.

Мировое сообщество опять оказалось у развилки: либо применение военной силы против Ирака, либо усиление давления на него с целью заставить сойти с деструктивно вызывающей позиции.

Соединенные Штаты при поддержке Великобритании начали интенсивную подготовку военного удара по Ираку. Россия, Китай, Франция и некоторые другие страны считали, что еще сохраняется поле для политического давления на Ирак. Тем более что поездка М. Олбрайт в Катар, Бахрейн, Кувейт и Саудовскую Аравию показала: безоговорочное «да» готовящейся силовой акции не сказал никто.

9 ноября, в воскресенье, Ельцин вылетал в Пекин. Сопровождал президента в этой поездке и я. Как только самолет набрал высоту и погасло табло, требующее находиться на местах, ко мне наклонился адъютант Ельцина и сказал: «Борис Николаевич просит вас к себе».

Я по просьбе Ельцина изложил свое видение обстановки на Ближнем Востоке и сказал, что нужно предпринять экстраординарные меры, для того чтобы сбить напряженность и одновременно заставить Ирак выполнять предписания мирового сообщества, зафиксированные в резолюциях Совета Безопасности ООН. Именно здесь родилась идея направить жесткое послание Ельцина Саддаму Хусейну.

В послании говорилось: «Просил бы Вас не только публично подтвердить то, что Ирак не отказывается от сотрудничества со Спецкомиссией, но и предложить инспекторам Спецкомиссии вернуться в Ирак для нормального продолжения работы. Естественно, при этом имелось бы в виду возвращение их в прежнем составе». В послании подчеркивалось, что в случае позитивного ответа Хусейна Россия предпримет шаги для того, чтобы добиться улучшения работы Спецкомиссии, а при конструктивной работе Ирака вести дело к закрытию ядерного досяе.

Б. Ельцин проинформировал Б. Клинтона о своем обращении к иракскому лидеру и еще раз призвал воздержаться от применения силы. Клинтон ответил по телефону, что применение силы не является приоритетным и что он желает успеха дипломатической миссии России.

17 ноября состоялся мой телефонный разговор с министром иностранных дел Ирака Сахафом. Он сказал, что после обсуждения на Совете революционного командования С. Хусейн утвердил ответ на послание Ельцина и этот ответ мог бы быть через несколько дней привезен в Москву.

– Опять через несколько дней?! Вы, очевидно, не понимаете, насколько остра ситуация? Пусть Тарик Азиз привезет этот ответ сразу.

– Тарик Азиз в Марокко, – сказал Сахаф. – Ему придется сначала лететь в Амман, а потом добираться до Ба-

гдада, так как багдадский аэродром закрыт, а уже потом лететь в Москву.

Все это выглядело по меньшей мере странным – неужели нельзя передать и иракский ответ, и инструкции Т. Азизу шифротелеграммой в Марокко?

– Завтра Азиз должен быть здесь, – твердо сказал я.

18 ноября Т. Азиз прилетел в Москву. Переговоры с ним длились два дня. Были они непростыми, хотя казалось, что нам не нужно было никакого «разгона». Сразу же сказал ему:

– Тарик, мы с тобой хорошо знаем обстановку, поэтому давай прямо, по существу.

Перечислив претензии к работе Спецкомиссии, Т. Азиз сначала прозрачно намекнул, а после того как запросил Багдад, прямо заявил о согласии на возвращение в Ирак Спецкомиссии в полном составе, включая американцев, которые могли бы сразу возобновить свою деятельность.

Совершенно естественно, что и Россия должна была взять на себя ряд обязательств. Было обещано поднять в Совете Безопасности ООН вопрос о наиболее сбалансированном характере состава Спецкомиссии, особых формах инспекции на так называемых «чувствительных» объектах в Ираке, о ротации самолетов для полетов над Ираком. Говорилось также и о том, что после чрезвычайной сессии Спецкомиссии Россия поставит в Совете Безопасности ООН вопрос о переходе от инспекций к мониторингу в ядерной и ракетной сферах, а также об ускорении завершения работ Спецкомиссии в химической и биологической сферах. Эта деятельность Спецкомиссии должна была быть подкреплена проведением научных семинаров с участием иракских представителей.

Из этого перечня видно, что Россия пыталась просто сблизить позиции сторон, не отходя ни на йоту от принципиальной линии, принятой мировым сообществом в отношении Ирака.

19 ноября Ельцин прилетел на вертолете из своей резиденции «Русь» в «Горки», где принял Азиза. Мы рассказали в деталях о проделанной работе, ознакомили его с подготовленным совместным российско-иракским заявлением. Он весьма позитивно отреагировал на сообщение Азиза о том, что на следующий день, 20 ноября, в 10 часов утра со ссылкой на это заявление в Багдаде будет объявлено о решении Совета революционного командования возвратить в Ирак сотрудников Спецкомиссии в полном составе.

Тут же я связался по телефону с Олбрайт, Робинотом Куком и Ведрином, проинформировав их о радикальных изменениях в позиции Ирака. Все они настаивали на встрече министров иностранных дел стран – постоянных членов Совета Безопасности. Помимо всего прочего, видно, в чем-то нас подозревали...

А у меня складывалась тяжелая ситуация. 19-го поздно вечером я должен был лететь в Латинскую Америку. Первой страной посещения была Бразилия, где сразу же после прибытия была запланирована встреча с президентом. Олбрайт, находившаяся в Дели, звонила мне в этот день несколько раз. Сказала, что она готова сократить свое пребывание в Индии, для того чтобы организовать в Женеве в ночь на 20 ноября встречу министров США, России, Англии, Франции и посла Китая. В конце концов договорились о встрече в два часа ночи в Женеве на аэродроме. Но так как расстояние от аэропорта до отделения ООН в Женеве было незначительным, решили провести эту встречу «пяти» все-таки во Дворце наций ооновского комплекса.

Такого числа корреспондентов, приехавших в это ночное время из всех близлежащих стран, видел нечасто. Разговор, конечно, шел не в их присутствии. Но они терпеливо ждали пресс-конференции.

Мадлен Олбрайт отвела меня в сторону и спросила:

– Евгений, не стоит ли за вашей договоренностью с Багдадом нечто иное?

– Мадлен, – ответил я, – можешь твердо считать: нет. Я тебя ни в чем никогда не обманывал и сейчас не обманываю. Даже не пытаюсь приукрасить положение дел.

Мы представили коллегам проект заявления «пяти». Согласовали каждое предложение. Безусловно, положительную роль в достижении компромисса сыграл министр иностранных дел Великобритании Р. Кук, председательствовавший на нашей встрече. После ее окончания сказал ему, что, учитывая его несомненный талант, каждый раз будем предлагать ему председательское место на трудных дискуссиях. Он, тоже шутя, отпарировал: «За нелегкое дело должен быть вознагражден».

– Не знаю, как в Великобритании, а у нас в России на ряде трудоемких вредных производств выдают рабочим молоко.

Думаю, что это разъяснение не очень вдохновило Робина.

К огромному сожалению, Робин Кук рано покинул этот мир. Его смерть тяжело отозвалась в сердцах тех, кто его знал и по-настоящему уважал.

Китайский посол должен был получить согласие Пекина на формулировки совместного заявления и без этого не мог поставить под ним свою подпись. А Олбрайт все время была на связи с помощником президента по национальной безопасности С. Бергером. В конце концов текст был подписан. В нем подчеркивалась важность солидарных усилий пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН в целях безусловного и полного выполнения Ираком всех соответствующих резолюций СБ ООН.

Подписавшие заявление приветствовали дипломатическую инициативу, предпринятую Россией в контакте со всеми остальными постоянными членами Совета Безопасности. Важно отметить, что в заявлении была поддержана идея обсуждения и выработки рекоменда-

ций о путях повышения эффективности работы Спецкомиссии.

Таким образом, одна из опаснейших страниц в кризисе вокруг Ирака была закрыта. Это произошло потому, что постоянные члены СБ были едины.

21 ноября, как и было договорено, состоялась чрезвычайная сессия Спецкомиссии, которая приняла рекомендации по повышению эффективности своей работы (фиксация возможности перехода от инспекции к мониторингу, проблема прояснения остающихся вопросов о расширении числа стран, принимающих участие в работе Спецкомиссии, возможность использования дополнительных самолетов и др.). На следующий день возобновилась работа инспекционных групп в Ираке. Возобновились и полеты самолетов У-2.

Что касается президентских дворцов и других «чувствительных» объектов, то в них Ирак решил допустить представителей стран – членов Совета Безопасности с целью убедить их в отсутствии там запрещенных материалов и документации. Однако при этом оговаривалось, что в состав «гостей» не могут входить члены инспекционных групп Спецкомиссии.

Без всякого сомнения, нужно было, не нарушая солидарности постоянных членов Совета Безопасности, отреагировать на это сильным политическим демаршем. Однако события развивались по-другому. В середине декабря в Багдад вылетела делегация Спецкомиссии во главе с Батлером, который запрограммированно заявил, что проблему инспекции президентских объектов решить не удалось.

Мне представляется, что в это время Батлер опять подсыпал пороха в огонь. В интервью «Нью-Йорк таймс» он заявил, что Ирак обладает бактериологическим оружием и средствами его доставки, способным уничтожить Тель-Авив. Заявление Батлера разошлось по всему миру,

в то время как категорическое опровержение Багдада практически замолчали.

В такой обстановке в Багдад в качестве спецпредставителя президента России был направлен заместитель министра иностранных дел Посувалюк, чтобы подтолкнуть иракское руководство к компромиссным решениям проверки президентских объектов. Несмотря на высокое мастерство Посувалюка, эта задача выглядела трудно-выполнимой, поскольку во время предшествовавших переговоров дворцы президента не включались в сферу инспекции.

28 января 1998 года я вылетел в Париж, где состоялись переговоры с Ю. Ведрином. Затем был принят президентом Ж. Шираком, который заявил о готовности объединить усилия Франции с Россией, для того чтобы вновь добиться политического результата без применения силы.

Я сказал президенту, что предусматривается встреча Посувалюка с Хусейном, которому он привез послание от Ельцина.

– Вы думаете, что Посувалюку удастся встретиться с Хусейном? – спросил Ж. Ширак.

– Да, я так думаю. Скажу больше: само послание было задумано таким образом, чтобы Посувалюк мог встретиться с ним лично.

2 февраля В. Посувалюк был принят С. Хусейном. В ходе его ежедневных контактов с иракцами была достигнута договоренность о необходимости привлечения к поискам урегулирования кризиса Генерального секретаря ООН К. Аннана – опытного политика с мировым именем, в объективности которого мало кто мог усомниться. В течение февраля практически на каждодневной основе поддерживались наши контакты с Генеральным секретарем ООН, который все больше настраивался на активизацию своей роли в урегулировании конфликта вокруг Ирака.

А американцы и англичане стремились провести жесткую антииракскую резолюцию в Совете Безопасности, включающую в себя слова «material bridge», что не только констатировало «существенное нарушение» резолюции СБ Ираком, но и включало «зеленый свет» для удара по Ираку. И в Совете Безопасности, и в посланиях, и во время многочисленных контактов по телефону с Олбрайт и Куком была следующим образом изложена наша позиция: в Москве сомневаются в том, что настойчивое стремление англосаксов провести резолюцию в предлагаемом виде ограничивается лишь необходимостью оказать дополнительное давление на Багдад; тем более что одновременно с такой же настойчивостью осуществляется попытка сорвать миссию К. Аннана или на крайний случай превратить его в своеобразного «почтальона» с задачей не вести переговоры с иракским руководством, а лишь передать ультимативное требование подчиниться всем резолюциям ООН.

В пользу подключения дипломатических усилий Генерального секретаря ООН с целью политического регулирования выступили Ельцин и премьер-министр Италии Р. Проди. Их совместное заявление было опубликовано во время официального визита президента России в Италию 10 февраля. Бывший министр иностранных дел Италии С. Аньели, ознакомившись с заявлением, подошла ко мне и сказала:

– Будь я ныне министром иностранных дел, никогда не пропустила бы его.

– Почему, Сьюзен? – спросил я.

– Потому что оно противоречит линии удара по Ираку.

Однако министром иностранных дел в то время был уже Л. Дини, а премьер-министром Р. Проди. Несмотря на возражения некоторых чиновников итальянского МИДа, премьер-министр распорядился считать с трудом согласованный текст окончательным.

Но американцы все-таки продолжали сопротивляться. Во время телефонного разговора 12 февраля Олбрайт сказала мне:

– Я считаю, что Аннани еще рано ехать в Багдад.

– У меня есть полная уверенность, – ответил я, – что если генеральный секретарь поедет в Багдад со своим планом, иракцы с ним согласятся. Сегодня Посувалюк опять встречался в Багдаде с Азизом и сказал ему от имени руководства нашей страны, что поездка К. Аннана должна увенчаться успехом – другого мирного выхода из нынешней ситуации мы не видим.

Не буду говорить о всех дальнейших перипетиях. Однако об основных элементах проделанной работы скажу. Сначала В. Посувалюк согласовал в общих чертах с Т. Азизом формат проведения осмотра восьми президентских объектов. Затем 22 февраля в Багдаде состоялась встреча К. Аннана с С. Хусейном. По ходу переговоров генеральный секретарь неоднократно общался с В. Посувалюком, который, в свою очередь, связывался с Т. Азизом и другими представителями иракского руководства. 23 февраля К. Аннан и Т. Азиз подписали Меморандум о взаимопонимании. Ирак подтвердил свои обязательства о сотрудничестве со Спецкомиссией и дал согласие на проведение полномочной инспекционной деятельности по всей стране. Допуск на восемь президентских объектов обеспечивался для «специальной группы», формируемой генеральным секретарем ООН, который консультировался с председателем Спецкомиссии и генеральным директором МАГАТЭ. Одновременно была отмечена необходимость повышения эффективности работы инспекторов и подтверждались их обязательства уважать законные права Ирака, касающиеся его суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности.

В адрес Б. Ельцина была направлена благодарность К. Аннана, который позвонил мне ночью из Багдада

на квартиру и сказал по-русски два слова: «Спасибо, Россия».

Почему при всей своей несговорчивой агрессивности саддамовский Ирак все-таки отступил? В Багдаде явно понимали: когда Ирак перегибает палку, то объединяет против себя всех постоянных членов Совета Безопасности, да еще в данном случае и Генерального секретаря ООН. А если, несмотря на это понимание, Багдад все-таки периодически шел на обострение, то это происходило, когда там чувствовали бесперспективно-тупиковую ситуацию. Часто сами доводили себя до экстаза, но иногда бывали в своих выводах недалеко от истины.

Все это подтвердил очередной кризис вокруг Ирака – не менее опасный, чем два предыдущих.

30 октября 1998 года Совет Безопасности одобрил предложение генерального секретаря ООН о проведении всеобъемлющего обзора выполнения Ираком резолюций СБ.

К этому времени я уже был Председателем Правительства, а министром иностранных дел был И.С. Иванов. Мы оба считали, что проведение такого обзора, при условии отмены Багдадом своего решения от 5 августа о существенном ограничении деятельности Спецкомиссии ООН, полезно, так как можно будет наметить вехи на пути к снятию санкций. Однако вместо отмены упомянутого решения иракское руководство 31 октября неожиданно опять объявило о полном прекращении деятельности Спецкомиссии ООН. Иракцы сослались на то, что под давлением англосаксов Совет якобы уже отверг возможность снятия санкций.

5 ноября опять единогласно была принята резолюция Совета Безопасности, в которой было осуждено решение Ирака, квалифицированное как вопиющее нарушение резолюций СБ. США заявили, что все варианты, в том числе силовой, остаются открытыми. Удар по Ираку было намечено осуществить 14 ноября.

13 ноября С. Хусейну было передано послание Ельцина, сопровождаемое моим обращением с настойчивым призывом немедленно восстановить в полной мере сотрудничество со Спецкомиссией ООН и МАГАТЭ. 14 ноября появились признаки благоразумия со стороны Багдада. После заседания иракского руководства Т. Азиз направил послание на имя К. Аннана, в котором было заявлено о решении Ирака разрешить осуществлять нормальную деятельность Спецкомиссии ООН и МАГАТЭ. В письме отмечалось, что это решение было принято с учетом «посланий Б. Ельцина и Е. Примакова».

Иракское решение было позитивно расценено многими государствами, считавшими, что Ираку опять не удалось нащупать трещину в отношениях между постоянными членами Совета Безопасности ООН.

Я прокручивал в голове вопросы, ответы на которые не лежали, как некоторым казалось, на поверхности. Почему Ирак каждый раз предпринимает шаги, несомненно ведущие к обострению обстановки? Чем вызван повторяющийся сценарий: сначала Саддам до предела накаляет обстановку, а затем соглашается на ее разрядку? Конечно, нельзя было абстрагироваться от того, что Спецкомиссия под руководством Батлера давала немало поводов для негативной реакции Ирака – об этом уже говорилось и еще будет сказано. Но по логике вещей в Багдаде должны были понимать, что действия в отношении Спецкомиссии – высылка ее членов, требования запретить гражданам США участвовать в ее работе, лишение возможности осматривать объекты по ее выбору, и все это делалось с вызовом, демонстративно, в одностороннем порядке, без всякого намека на возможность переговоров решений – подпитывали аргументацию тех, кто выступал за применение силы против Ирака.

Что, Саддам не понимал этого? Или он надеялся, что разногласия между постоянными членами Совета Безопасности ООН по вопросу об Ираке будут расширяться в

результате таких с его стороны шагов? Или он рассчитывал, что обострение обстановки усилит солидарность арабских стран с Ираком, в том числе в материальной сфере? Очевидно, имело место и то, и другое, и третье. Но решающее воздействие на Саддама все-таки оказывала его твердая убежденность в том, что США, даже вступив на военный путь, никогда не поставят в виде своей задачи свержение его режима.

Так или иначе, но на этот раз в Вашингтоне заявили о ставке на военное решение. Ситуация явно напрягалась. Виктор Посуवालук позвонил мне в три часа ночи. После этого всю ночь шли переговоры по телефону с Багдадом, Нью-Йорком. Я дал указания Посувалюку обратиться к иракскому руководству и сказать, что есть предел наших мирных инициатив. Это была бессонная ночь.

15 ноября Багдад выступил с официальными разъяснениями о том, что «иракские пожелания» относительно параметров всеобъемлющего обзора не связаны с «ясным и безусловным решением» иракского правительства возобновить сотрудничество с СК и МАГАТЭ. 15 ноября президент Б. Клинтон, к нашему общему удовлетворению, заявил, что удалось добиться безусловного подчинения Ирака требованиям международного сообщества.

Однако через месяц – на этот раз без видимых и, уж во всяком случае, достаточных причин для такой реакции – США и Великобритания решили нанести серию ударов по Ираку. Опять бессонная ночь на 16 декабря – звонки по спецкоммутатору от президента Ельцина, телефонные переговоры с И.С. Ивановым, который находился в Мадриде, с начальником Генштаба Вооруженных сил России А.В. Квашниным. Вашингтон не проинформировал нас о часе «Х», но Генштаб России фиксировал все перемещения американских военно-морских сил и авиации, и Ельцин ночью позвонил Шираку в надежде совместно уговорить американцев не идти на это решение. Французский президент согласился с тем, что

удар по Ираку без видимых причин, да еще в тот момент, когда в Нью-Йорке проходит заседание Совета Безопасности ООН, созванное именно по вопросу об отношениях Ирака со Спецкомиссией, абсолютно контрпродуктивен. Вместе с тем Ширак сказал, что остановить американцев не сможет. По его словам, удар был намечен на четыре часа в переводе на московское время. Крылатые ракеты и самонаводящиеся бомбы начали взрываться в Багдаде почти на три часа раньше.

Оценивая обстановку в ООН, наш представитель С.В. Лавров обратил внимание на то, что американцы в Совете Безопасности не могли привести ни одного довода в пользу своего решения. Они ссылались на непонятно какой доклад Батлера, которому, как выяснилось позже, было дано указание, в конечном счете из Вашингтона, немедленно вывести из Ирака членов Спецкомиссии. За две недели до удара по Ираку Батлер посетил Москву и, как мне рассказывал И.С. Иванов, уверял, что может сразу после предстоящего расширенного обсуждения на заседании Совета Безопасности закрыть три из четырех разоруженческих досье по Ираку – ядерное, ракетное и химическое.

Можно ли было доверять Батлеру, который крутился, как флюгер, в зависимости от того, с кем из представителей постоянных членов Совета Безопасности встречался?

Я хотел бы привести выдержки из записи моего телефонного разговора с вице-президентом США Гором. Он мне позвонил поздно вечером 17 декабря 1998 года*.

Гор: Евгений, главное, чего мы хотим избежать, – это чтобы ситуация вокруг Ирака не испортила наши отно-

* До этого мы встретились в Куала-Лумпуре на заседании глав государств и правительств Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) – после долгих мытарств и дипломатических усилий Россию приняли в эту организацию. И Гор, и я замещали там наших президентов. Встреча с Гором тогда оставила хорошее впечатление.

шения с Россией. Я знаю, что у министра иностранных дел Иванова состоялся очень трудный разговор с госсекретарем Олбрайт. Как информировал наш посол в Москве Коллинз, сегодня заместитель министра иностранных дел Мамедов предупредил его, что очень многие вопросы, важные для наших отношений, находятся сейчас под угрозой.

Я хочу, чтобы вы понимали, что США сделали то, о чем давно предупреждали. В ноябре, когда Саддам Хусейн отказывался сотрудничать со Спецкомиссией ООН, мы позволили себя убедить, что надо дать ему последний шанс. Теперь, приняв решение о нанесении удара, мы должны были использовать преимущества неожиданности и поэтому не могли никого предупредить заранее, за исключением самого узкого круга стран, непосредственно задействованных в подготовке и осуществлении ударов.

Примаков: Вы ссылаетесь на ситуацию с Ираком в ноябре. Тогда у вас, может быть, было какое-то основание для острой реакции, такие основания были и в августе. В тот момент, однако, мы действовали вместе, и это позволило всем нам с успехом выйти на оптимальное решение – политическое урегулирование. Воспринимать доклад Батлера всерьез было бы по меньшей мере наивным. Несколько дней назад в Москве он говорил совсем о другом, делал противоположные выводы о ситуации в Ираке. Он – необъективный человек и действует по указке.

Гор: Хочу сразу сказать по поводу Батлера. Мы не знали, что будет в окончательном тексте его доклада. Никто в Вашингтоне не знал, пока мы не получили текст. Батлер заявил Совету Безопасности, что Ирак не выполняет свои обязательства, что Спецкомиссия не может выполнить свои обязанности. Как мы могли иначе реагировать на подобное заявление?

Я знаю о ваших серьезных усилиях, направленных на то, чтобы добиться от Ирака выполнения его обязательств. Но Саддам не стал их выполнять. В результате, если бы мы не начали действовать немедленно, все режимы контроля развалились бы на наших глазах.

Примаков: Ваши слова могли бы звучать убедительно, но не для нас. У нас есть информация, что вы заранее готовились к нанесению этих ударов. Этого бы не было, если бы выводы Батлера стали для вас неожиданными.

Могу констатировать, что ваши действия нанесли серьезный ущерб тем в России, кто за хорошие отношения с США. Надо подумать, как нам всем из этого положения выходить. Первое, что для этого необходимо, – прекратить удары по Ираку. Во-вторых, следует перевести ситуацию в плоскость политических обсуждений в Совете Безопасности ООН. При этом должно быть ясно, что Батлер теперь стал для всех персоной нон грата. Необходимо искать выход.

Гор: Вы заявили, что мы заранее готовились к операции. Да, мы были готовы уже с ноября. Мы ждали доклад Батлера. Наш президент не принимал никаких решений об активных действиях до того, как Батлер заявил в своем докладе, что С. Хусейн не выполняет своих обязательств и что Спецкомиссия не способна выполнить свой мандат.

Вновь повторю, что наши отношения с Россией остаются для нас важнейшим приоритетом.

Примаков: Согласен, что наши отношения принципиально важны и для наших народов, и для всего мира. Но мяч сейчас на вашей стороне поля. Вы не можете действовать по своему усмотрению против любой страны. Именно такой подход и ведет к всеобщей дестабилизации.

Вы заявляете, что хотите ликвидации ОМУ в Ираке. Неужели вы полагаете, что в результате ваших ударов улучшатся условия для работы Спецкомиссии? Мы с ог-

ромным трудом добились возможности проведения мониторинга в Ираке. Вы уверены, что мониторинг сохранится? У нас с вами единая цель – добиться ликвидации оружия массового уничтожения в Ираке. Поймите, ваши удары не способствуют достижению этой цели.

Гор: У нас разный подход к ситуации. Не соглашусь с вашим заявлением, что США считают, будто имеют право по собственному усмотрению прибегать к силе. В этом я вижу наше главное расхождение...

Конечно, Гор говорил от имени той администрации, членом которой являлся. Интересно, остался бы он при этом же мнении после того, как США не только оккупировали Ирак в 2003 году, но и громогласно объявили о своем праве прибегать к силе в обход Совета Безопасности ООН. Правда, это уже было при другой администрации...

Через два дня после этого телефонного обмена мнениями по британскому радио выступил американский эксперт в области разоружения Скотт Риттер, который до августа 1998 года входил в состав Спецкомиссии. Он обвинил лично Батлера в преднамеренном провоцировании вооруженного вторжения в Ирак. Характеризуя в целом работу Спецкомиссии, С. Риттер заявил, что «объекты для инспекции в Ираке выбирались не по соображениям их проверки на наличие оружия, а скорее в провокационных целях». По словам Риттера, от Ирака ждали соответствующей реакции, чтобы можно было создать повод для военной акции. Именно Батлер «позволил Соединенным Штатам манипулировать работой ЮНСКОМ (Спецкомиссии. – *Е.П.*) в интересах оправдания удара с воздуха».

Удары по Ираку, как нами и прогнозировалось, не привели к ослаблению режима Саддама Хусейна. Напротив, он начал постепенно выходить из изоляции в арабском мире. Усилились со стороны целого ряда государств требования о снятии санкций с Ирака.

Десятилетняя экономическая блокада Ирака дорого стоила населению. Нарастали экономические трудности. Требования Багдада снять блокаду при участившихся заявлениях, что он не обладает оружием массового уничтожения и не производит его, игнорировались США.

Думаю, что вместо этого нужно было договариваться о согласованной в процессе консультаций позиции всех пяти постоянных членов Совета Безопасности. Эта позиция должна была включать в себя график снятия санкций. По мере того как Спецкомиссия будет убеждаться в отсутствии у Ирака ОМУ по каждому из «досье», они должны были закрываться, а инспекция переводиться в постоянный мониторинг. При последовательном закрытии «досье» зажегся бы свет в конце тоннеля для Ирака. Именно в таких условиях следовало бы коллективно диктовать ему правила поведения, и уверен, что такая линия была бы успешной.

США, как известно, пошли по другому пути. 2 октября 2002 года конгресс принял резолюцию, разрешающую администрации применять силу против Ирака без предварительного одобрения СБ ООН. После заявлений о том, что Ирак обладает различными видами ОМУ, в том числе ядерным оружием, представляет собой угрозу безопасности Соединенных Штатов, американские войска оккупировали страну. Затем последовали многочисленные интенсивные поиски теперь уже самими американцами оружия массового уничтожения на территории Ирака. В конечном счете высокие должностные лица США вынужденно признали, что в Ираке не обнаружено ни ядерное оружие, ни другие виды ОМУ.

Можно ли в этом свете ретроспективно оправдать политику Багдада – неумную, нереалистичную, подчас исходящую из преступных амбиций С. Хусейна, ставящего собственное «я» выше интересов иракского общества? Конечно, нет. Но попытаться понять зигзаги этой политики все-таки легче, если иметь в виду, что Багдад пре-

кратил работы по ОМУ. А графика снятия экономических санкций так и не последовало...

Россия до самого начала операции против Ирака пыталась ее предотвратить. Я уже писал, что за три недели до американского вторжения я по поручению президента Путина передал его устное послание Саддаму Хусейну, в котором ему предлагалось уйти с поста президента и обратиться в парламент с просьбой провести демократические выборы. «Если вы живете интересами своей страны и своего народа, – просил передать Путин Хусейну, – то вам следует сделать это, чтобы попытаться остановить Вашингтон». Саддам не внял этому призыву.

Через семь месяцев после начала американской акции в Ираке Саддам Хусейн был арестован. Сделано это было с большой помпой. Однако фанфары не заглушили вопросов, которые возникали. Почему не были взорваны мосты, по которым без всякого сопротивления американские танки вошли в Багдад? Почему в Ираке прекратилось сопротивление, хотя боеспособность национальной гвардии не вызывала сомнения у тех же американцев перед началом операции? Где иракские самолеты и танки, которые так и не были задействованы?

А теперь другие вопросы. Газеты опубликовали фотоснимок той ямы, из которой извлекли диктатора. В декабре 2003 года, когда я был в Саудовской Аравии, мне говорили, что ни одна пальма не может цвести, как это видно на фотографии, в то время года, когда арестовали Хусейна. Может быть, это простое совпадение, но именно на этом месте через несколько дней после первого снимка был сделан второй, уже с каким-то корреспондентом, как бы удостоверяющим, что все-таки пальма цветет.

Я понимаю, что это только версия. Не сомневаюсь, что в руках у американцев Саддам Хусейн. Но тогда ли он попал к ним в руки, когда об этом объявили? Мадлен Олбрайт, которую трудно заподозрить в экстравагантных

заявлениях, сказала: «Теперь президенту Бушу под выборы надо показать арестованного Бен Ладена». Когда ее с пристрастием стали спрашивать, что она имела в виду, Олбрайт ответила: пошутила. Я думаю, что это можно назвать шуткой, только если наложить гипотетическую ситуацию с Бен Ладеном на реальную ситуацию с Саддамом Хусейном.

Если следовать логике этой версии, то у США была возможность вступить в тесный контакт с кем-либо из окружения Саддама Хусейна, с тем чтобы передать ему, что в случае несопротивления американским войскам ему будет подарена жизнь. Не подтверждает ли вероятность именно такого варианта развития событий объявление американцами Хусейна военнопленным, что произошло в начале 2004 года? Это сделало С. Хусейна неподсудным для американских военных властей. А уж иракцы сами пусть судят. Если и была какая-то договоренность у США с Саддамом, то американцы оставались ни при чем.

Чего добились США, оккупировав Ирак? Когда туда вступили американские войска, страна была светской. Саддама при всех его ошибках и преступлениях никто не мог обвинить в том, что он устанавливает религиозный порядок в Ираке. Ныне Ирак движется к тому, чтобы стать религиозным государством. Если в современных условиях происходит переход от светского к религиозному режиму и органы власти руководствуются религиозными соображениями, то вне зависимости от того, ислам, или христианство, или иудаизм, это, конечно, не шаг к демократии, а, напротив, шаг от нее.

Вместе с тем Ирак был достаточно целостным государством. Курды на севере вели войны с центральным правительством в Багдаде, добиваясь автономии. Они ее получили, но продолжали военные действия с целью, чтобы Садам выполнил договоренности. Однако я хорошо знал по своим многочисленным беседам на Севере

Ирака с руководителем курдского движения Муллою Мустафой Барзани, что курдские повстанцы не ставили своей целью выход из страны. После оккупации американцами Ирака сепаратистские настроения среди курдов резко усилились.

Разделяют Ирак на части также отношения между шиитами и суннитами – приверженцами двух направлений в исламе. Шиитские восстания вспыхивали и раньше, но не на религиозной основе, не против суннитов, а против режима, который, не считаясь с тем, что шииты составляли большинство населения страны, не отводил им адекватной роли во власти. Шиитско-суннитские отношения в послеоккупационном Ираке приблизились к грани войны.

И еще. Ирак после оккупации превратился в основной плацдарм международного терроризма. «Аль-Каида» перебросила туда тысячи своих боевиков.

Думаю, что до стабилизации положения в Ираке еще далеко.

II. В прицеле Косово

В 1996 году я говорил президенту Слободану Милошевичу: «Обратите внимание на Косово, там складывается взрывная ситуация, с которой будет трудно справиться». Президента Сербии многие предупреждали о потенциальной косовской угрозе. Он эту угрозу не замечал или просто от предупреждений отмахивался. Может быть, несколько вскружило голову заигрывание с ним в то время американских дипломатов, понимавших, что без него никто не смог бы произвести на белый свет Дейтоновские соглашения, положившие конец войне в Боснии

и Герцеговине. Милошевич вполне мог почувствовать себя всемогущим политиком и потому, что ему практически никто не мог противостоять тогда ни в Сербии, ни в Югославии в целом. Одним словом, Косово его не очень беспокоило. Однако обстановка там накалялась.

Еще в начале 1990-х годов уполовинилась послевоенная Югославия – после выделения из нее Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины. Мировое сообщество и, к сожалению, в том числе Россия как-то сразу, без особого напряжения и опасений за будущее, приветствовали все это. Между тем нож расчленил на части народы. Межэтническая чересполосица стала основой кровавых конфликтов.

На базе Дейтоновских соглашений и действий международных сил, в которые вошла и российская бригада, удалось замирить стороны в Боснии. Постепенно положение там стабилизировалось. А в Косове ситуация развивалась по-другому. Конфликт сначала тлел, а потом запылал.

Во времена Иосипа Броз Тито Косово с его преимущественно албанским населением было в составе Югославии, но обладало широкими автономными правами. После расчленения Югославии новая конституция Сербии значительно урезала права края. В результате в Косове и Метохии – территории, которую сербы считают историческим центром своей государственности и духовности (еще в XII веке там были основаны древнейшие сербские монастыри), – практически сложилось двоевластие. Белград признавал свои властные структуры. Приштина (главный город Косова) отказывалась им подчиняться и создавала свои органы власти. Но албанский экстремизм еще был в зародыше. Югославская или, точнее, сербская полиция, по сути, контролировала ситуацию, и Милошевич, как уже говорилось, игнорировал предостережения о возможности взрыва.

Однако рядом – Албания, и албанцев в Косове от албанцев в соседней стране разделяет лишь государственная граница, которая далеко не везде на замке. Нежелание Белграда серьезно заняться косовской проблемой, надежда на то, что все само собой образуется, объективно усиливали позиции албанских сепаратистов в Косове, которые начали применять против сербских властей и полиции террористические методы*.

В это время расшаталась и ситуация в самой Албании, и в результате потоком пошли добровольцы и вооружения на помощь «братьям» в Косово. Подливали масло в огонь и сербские полицейские, в ряде случаев «зачищавшие местность».

Еще во время развала СФРЮ** и в разгар боевых действий на ее территории была создана так называемая контактная группа, в которую вошли Россия, США, ряд ведущих европейских стран. 24 сентября 1997 года в рамках 52-й сессии Генеральной ассамблеи ООН состоялось заседание контактной группы на уровне министров иностранных дел, в котором участвовал и я. Здесь впервые Клаус Кинкель предложил принять отдельное заявление по Косову. Мы поработали над текстом. Он в конце концов обрел достаточно объективный характер. Было принято единогласно заявление, в котором главным образом выражались тревога в связи с возможным развитием событий, содержались призыв к примирению и обращение к Белграду, который нес ответственность за безопасность в крае.

Между тем в конце февраля 1998 года произошло резкое обострение ситуации в Косове. Поводом послужило нападение группы террористов из так называемой Осво-

* На первых порах представители госдепа США считали так называемую освободительную армию Косова (ОАК) террористической организацией.

** Социалистическая Федеративная Республика Югославия. (Прим. ред.)

бодительной армии Косова (ОАК)¹³ на сербский полицейский патруль. Вооруженные столкновения с участием спецподразделений югославской полиции привели к жертвам, в том числе среди мирного населения. С этого времени вооруженные стычки в Косове не прекращались.

В таких условиях 9 марта 1998 года в Лондоне состоялось заседание контактной группы. США, Великобритания, ряд других европейских стран высказали предложение о введении экономических и иных санкций против Югославии. На самом заседании и в кулуарах имел место откровенный обмен мнениями. Россия зарезервировала особую позицию по ряду неприемлемых моментов, подержав лишь положения, предусматривающие временные ограничения на поставки в СРЮ* оружия и техники военного назначения, исходя из того, что запрет касается поставок вооружений и косовским сепаратистам.

17 марта, в рамках рабочего визита по четырем бывшим югославским республикам, я встретился в Белграде с Милошевичем. Обсуждение один на один было горячим. Я убеждал Милошевича выступить с инициативами об автономном статусе Косова, отвести воинские части в места их постоянной дислокации, взять личную ответственность за начало переговоров с лидером более или менее умеренного крыла косовских албанцев Ругова и объявить об этом, согласиться на приезд в Косово группы наблюдателей ОБСЕ. Вечером во время ужина, который дал в нашу честь незадолго до этого избранный президентом Сербии Милутинович**, сказал, что Милошевич принял наши предложения. Однако утром объявление о намерении начать переговоры с албанской стороной было сделано от имени Милутиновича. Милошевич как бы

* Союзная Республика Югославия. (Прим. ред.)

** Милутинович пришел на место Милошевича, который был избран президентом Югославии.

оказался в стороне. Несмотря на то что ряд высказанных нами идей не нашел отражения в заявлении Милутиновича, мы были довольны результатом, так как шаг вперед был сделан со стороны Белграда.

Хотя в общем и целом напряженность в Косове несколько ослабла, наши западные партнеры по контактной группе требовали наращивать давление на Белград, демонстрируя несбалансированность подходов к сторонам конфликта. Албанских террористов начали представлять чуть ли не борцами за справедливость.

В это время мы уже обладали информацией о заигрывании американских политиков и с черногорским руководством, чему объективно способствовала политика Белграда в отношении этой маленькой республики (характерно, что, когда на встречу со мной в Белград прибыл президент Черногории, который давно не был в союзной столице, официальные белградские СМИ не заметили его приезда).

У нас не могло не возникнуть ощущения, что косовская проблема рассматривается некоторыми западными партнерами по контактной группе и через призму возможности окончательного развала Югославии при резком ослаблении Сербии.

25 марта в Бонне состоялось заседание контактной группы на уровне министров иностранных дел. Это было бурное заседание. М. Олбрайт жестко настаивала на эскалации требований и мер в отношении Белграда. Трудно было убедить ее в ошибочности такой линии. Возник даже такой момент, когда я сказал:

– Подписывайте что хотите, но Россия заявит во всеуслышание, что мы против и выходим из контактной группы.

«Хозяин» нашей встречи К. Кинкель прервал заседание и попросил меня пройти с ним в его кабинет. Разговаривали без переводчика, по-английски.

– Давай согласуем те формулировки, которые для тебя приемлемы, – сказал Кинкель.

Мы вместе с ним сделали это. Кинкель позвал своего политдиректора, очень толкового и доброжелательного человека, Вольфганга Ишингера и поручил ему «обкатать» эти формулировки с другими участниками.

Когда мы сидели в кабинете Клауса Кинкеля, за окнами бушевали страсти: албанская колония организовала демонстрацию, выкрикивали антисербские лозунги, требовали чуть ли не коллективного похода на Белград.

– Ты видишь, – сказал мне Клаус, – под каким прессом нам приходится жить.

– Я хочу тебе посоветовать, – ответил я, – объяви, что ты дал указание переписать фамилии всех демонстрантов, просто скажи об этом в громкоговоритель, и ты увидишь, как их ряды не только поредеют, но и вообще исчезнут. Ведь больше всего эти люди боятся, что им придется уехать назад – в Югославию, Албанию. Неужели ты думаешь, что даже при гипотетической независимости Косова туда возвратятся из Германии албанские беженцы?

Чувствовалось, что Кинкель достаточно реалистично оценивает обстановку, но надвигались парламентские выборы, в которых активно разыгрывались карта албанских беженцев и идея необходимости «навести порядок в Косове», чтобы они могли вернуться домой.

В конце концов в Бонне удалось принять документ, в котором констатировалось, что решение косовской проблемы должно базироваться на сохранении территориальной целостности СРЮ, соблюдении стандартов ОБСЕ, принципов Хельсинки и Устава ООН. Объявленные 9 марта санкции сохранялись, но не более того.

29 апреля на Римской встрече контактной группой был одобрен так называемый пакет стабилизационных мер. Одновременно начались параллельные миссии – американская, осуществляемая Р. Холбруком и Р. Гел-

бардом, и российская – Н. Афанасьевским. Параллельные «челночные» поездки в Белград и Приштину, но при достаточно тесном сотрудничестве, принесли свои плоды. 15 мая в Белграде С. Милошевич и И. Ругова договорились о начале переговоров по политическому урегулированию косовской проблемы между делегациями представителей сербского и югославского руководства, с одной стороны, и албанской общины в Косове – с другой.

22 мая в Приштине прошло первое рабочее заседание делегаций сторон. Напряженность явно снижалась. Но ровно через неделю ситуация в Косове снова взорвалась. Спровоцировали взрыв – в этом нет никаких сомнений – албанские боевики из ОАК, которые предприняли попытку установить контроль в приграничных с Албанией районах края. В ответ сербы провели широкомасштабную полицейскую операцию в западной части Косова. Были жертвы как среди албанцев, в том числе и гражданских лиц, так и среди сербов. Значительно возросло число перемещенных лиц и беженцев в Албанию. Лидеры косовских албанцев отказались от участия в дальнейших переговорах.

Становилась все более очевидной возможность применения силы НАТО против Югославии, хотя целый ряд европейских государств, в том числе членов НАТО, колебались в отношении осуществления такой акции, особенно в обход Совета Безопасности ООН. Я как-то сказал М. Олбрайт: «Россия присутствует на Балканах двести лет, если не больше. Непостижимо, почему американцы хотят навязать Балканам свои рекомендации, не советуясь с нами, или решить по-своему существующие здесь конфликты».

В момент самого накала страстей Милошевич был срочно приглашен в Москву. Встреча президентов состоялась в Кремле 16 июня 1998 года. По ее итогам договорились принять совместное заявление, текст которого

тут же в Кремле отработывали Милошевич с коллегами, министры иностранных дел и обороны России со своими коллегами.

Мы добились того, что югославская сторона заявила о готовности незамедлительно продолжить переговоры по всему комплексу проблем, включая формы автономии края; не осуществлять какие-либо репрессивные действия против мирного населения; для налаживания доверия обеспечить свободу передвижения на всей территории Косова; гарантировать доступ в край гуманитарных организаций, включая Международный комитет Красного Креста (МККК) и Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ); не ограничивать возможности ознакомления с ситуацией дипломатическим представителям иностранных государств, аккредитованных в СРЮ, и международным организациям. Было заявлено также о беспрепятственном возвращении всех беженцев и перемещенных лиц на основе программ, согласованных с УВКБ и МККК. Это был самый серьезный прорыв.

Большим стал вопрос о выводе из Косова югославского спецназа. На наши настойчивые просьбы согласиться на это Милошевич отвечал: «Поймите, что без прекращения активных действий ОАК даже объявление о возможности такого вывода приведет теперь уже к волне сербских беженцев из Косова». В конце концов остановились на такой формулировке: по мере прекращения террористической активности силы безопасности будут сокращать свое присутствие вне мест постоянной дислокации.

Было объявлено также о готовности СРЮ начать переговоры с ОБСЕ о приеме ее миссии в Косове одновременно с восстановлением членства СРЮ в этой организации.

Объективные наблюдатели пришли к выводу, что Россия дипломатическими средствами сняла необходимость применения силы против Белграда. В Косове после

совместного заявления, подписанного в Москве, положение начало улучшаться. В немалой степени этому способствовали поездки в различные районы края дипломатов и представителей гуманитарных организаций, аккредитованных в Белграде. Российский посол рассказывал, что многие западные коллеги после таких поездок не разделяли настроений в собственных столицах, где продолжали превалировать пессимистические и явно односторонние оценки.

Казалось, дело идет к политической развязке. При содействии «негласного посредника» – посла США в Македонии К. Хилла – 13 августа было объявлено о формировании новой переговорной команды косовских албанцев.

С Хиллом тесно контактировал Афанасьевский. Но в этот момент над Белградом вновь был занесен натовский меч. Центром борьбы стал Совет Безопасности ООН, где англосаксы упорно хотели провести резолюцию по Косову со ссылкой на главу VII Устава ООН, которая предусматривает в случае угрозы международному миру эскалацию санкций вплоть до применения силы. Глава VII была использована один раз – для санкционирования под флагом ООН войны в Корее. Тогда наш представитель отсутствовал, и резолюция прошла. Теперь мы постарались учесть уроки прошлого и открыто заявили о том, что будем такую резолюцию ветировать.

В сентябре я отдыхал в Сочи, на Черном море. Собственно, отдыхом это называть не совсем правильно. Ко мне приезжал для переговоров абхазский лидер Ардзинба и другие, все время связывался с Москвой или мне звонили оттуда и не только из Москвы. Во время телефонного разговора с Кинкелем он попросил конфиденциально принять его представителя Ишингера, который «должен привезти и прокомментировать архиважное личное послание по Косову».

Договорились с Клаусом: чтобы не привлекать внимания прессы, встречу с Ишингером в аэропорту. Он прилетел с переводчиком на рейсовом самолете из Москвы 21 августа и вручил мне послание министра иностранных дел Германии. Критикуя нашу позицию, блокирующую ссылку на главу VII в резолюции Совета Безопасности ООН, Кинкель угрожающе писал о «приближении» значительных рисков для:

- отношений между Западом и Россией, включая отношения между Россией и НАТО;
- позиции России в Совете Безопасности и способности России играть свою роль в урегулировании международных кризисов;
- роли России в контактной группе;
- нашей способности конструктивно и сообща сотрудничать в других областях, включая экономические и финансовые вопросы.

Обосновывая «исключительную заинтересованность» Германии в принятии ссылки на главу VII, Кинкель сослался на растущее число беженцев, устремляющихся в Германию («мы исходим из того, что 400 тысяч косовских албанцев проживают в Германии и ежемесячно добавляются две тысячи лиц, ходатайствующих о получении убежища»).

«Я пишу все это тебе, – заключил Клаус Кинкель свое “неординарное” послание, – как человек, которому, как ты знаешь, очень близки к сердцу отношения с Россией. Именно потому, что я очень озабочен, я думаю, что я как друг обязан так откровенно тебе все сказать».

Я прочел письмо при Ишингере и сказал ему:

– Передайте Кинкелю, что мы расходимся в понимании происходящего в эти дни в Косове. Напряженность там не возрастает. Следует продолжать поиск политического выхода – и нам, и американцам, и ЕС. Позиция России постоянна. Она, образно говоря, состоит из четырех «нет»: натовской вооруженной операции против Белгра-

да; выходу Косова из Югославии; эскалации санкций против СРЮ; сохранению нынешнего статуса Косова, который не предоставляет автономии этому краю. Необходимо добиваться немедленного прекращения огня с двух сторон и начать переговоры.

После моего назначения председателем правительства России была продолжена работа по политическому урегулированию в Косове под руководством нового министра иностранных дел И. Иванова. Но главные события оказались впереди. О них речь пойдет позже.

Глава VIII

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали.

В счастье живет спокойный, отказавшийся от победы и поражения.

Будда

I. Арабо-израильский конфликт: мифы и реальность

Оближневосточном конфликте мне писать и легко, и трудно. Я занимался им годами, наблюдал ситуацию и с близкого, и с дальнего расстояния, писал о нем и в репортажах, и в статьях, и в книгах. Вроде бы знал немало. Но порой бывает трудно разобраться в хитросплетении ближневосточных событий, даже будучи, как тебе представляется, знакомым с историей, с характером людей, с истинными причинами многих коллизий. И теперь, по прошествии времени, приходится лишь сожалеть об упущенных возможностях, неиспользованных ситуациях, непродуманных решениях. В немалой степени

всему этому способствовали мифы, укоренившиеся в сознании политиков и широко распространившиеся в мире.

Первый из них – предположение, будто на Ближнем Востоке могло или может утвердиться состояние «ни войны, ни мира», которое в итоге приведет к закреплению территориального статус-кво.

Черета войн безостановочно продолжалась.

Я был в Москве главным редактором радиовещания на арабские страны во время тройственного англо-франко-израильского нападения на Египет в 1956 году, последовавшего за национализацией Насером компании Суэцкого канала. Тогда все мы были на грани мирового столкновения. Такие сверхэффективные демарши, как совпавшие во времени серьезный окрик со стороны Вашингтона в адрес Англии, Франции и Израиля и предупреждение СССР, остановили войну, но не предотвратили развитие событий, которые вели к веренице новых вооруженных столкновений.

В 1967 году я был в Каире корреспондентом «Правды» во время так называемой Шестидневной войны, начатой Израилем после неудачной и неоправданной «игры мускулами» Каира. Полный разгром армий Египта, Сирии и Иордании, захват Израилем не только Синайского полуострова и сектора Газы, но и Западного берега реки Иордан, Восточного Иерусалима и Голанских высот, казалось, надолго отодвинули перспективу новой войны. Многие американцы, в том числе занимающиеся проблемами Ближнего Востока в администрации США (за исключением, может быть, Г. Киссинджера), по-видимому, исходили из того, что явившийся результатом Шестидневной войны территориальный раздел – практически окончательный. Жизнь решила по-другому. В октябре 1973 года Египет и Сирия инициативно начали войну против Израиля с целью вернуть захваченные земли. Во время «октябрьской войны» я прилетел в Бей-

рут, а затем автомашиной приехал в Дамаск, где на моих глазах залпом зенитной установки были сбиты три израильских самолета. На начальной стадии войны доминировали арабы. Но и эта война закончилась не в их пользу.

Многие израильские, а за ними и западные политики считали, что военные поражения арабов в конце концов приведут к мирному соглашению при сохранении оккупации Израилем арабских территорий. Такие прогнозы несостоятельны даже после того, как был заключен мир с Египтом и Иорданией. Все последние события свидетельствуют о том, что не удастся навязать палестинцам или Сирии израильские условия мира. При этом и Египет, и Иордания полностью остаются на позиции непризнания территориальных захватов.

Следующий миф заключается в том, что стороны сами способны договориться о мире. Так много крови было пролито, так много людских судеб сломлено, такое море ярости накопилось, что становится все яснее: без активного вмешательства извне ближневосточное урегулирование само по себе невозможно.

В условиях холодной войны при выработке ближневосточного курса и двусторонних отношений нам приходилось принимать во внимание существовавшую в тот период глобальную конфронтацию, а порой и исходить из нее. То же самое – смею это утверждать – делали и наши тогдашние оппоненты. Это, несомненно, привносило определенную нюансировку в подходы и США с их союзниками, и СССР к процессу ближневосточного урегулирования.

В этой связи начал, теперь уже с нашей, советской стороны, культивироваться еще один миф, который объективно мешал ближневосточному урегулированию: арабо-израильский конфликт подчас окрашивался в идеологические тона. Была выдвинута теория «социалистической ориентации», которая провозглашала предсоциалистическую фазу развития Египта, Сирии и ряда

других стран так называемого третьего мира. Протянутую им «идеологическую руку» ухватили некоторые арабские лидеры, многие из которых, пользуясь нашими тогдашними комплексами, стали играть – именно играть – роль неких «идеологических партнеров», убажывая наш слух столь приятными словами типа «весь социалистический (или прогрессивный) мир во главе с Советским Союзом», «СССР – лидер мирового национально-освободительного движения» и т. д. и т. п.

Идеологизировали свою позицию и США, утверждая, что Израиль является частью «свободного мира», более того, «антикоммунистическим буфером» на Ближнем Востоке.

Но тем не менее и СССР, и США были заинтересованы в установлении арабо-израильского мира, не забывая о своих многогранных интересах на Ближнем Востоке.

Как добиться урегулирования? Конечно, без компромиссов не обойтись. Но каков предел компромисса, который мог бы привести к урегулированию и, самое главное, удержать его на плаву? В наиболее общем виде такой компромисс был найден и отражен в формуле: территории, оккупированные Израилем во время Шестидневной войны, в обмен на мир арабских стран с Израилем, включая не только признание этого государства, но и установление полноправных дипломатических и иных отношений с ним. Должен сказать, что фиксация такого подхода в качестве основы арабо-израильского урегулирования на Мадридской мирной конференции 1991 года означала всеобщее признание той, с самого начала бесспорной для нас, истины, что освобождение Израилем арабских территорий, с одной стороны, и соблюдение безопасности Израиля – с другой являются единственным путем к урегулированию на Ближнем Востоке.

Процесс политического урегулирования растянулся на десятилетия. Конечно, сказывается менталитет вовле-

ченных в кровавый конфликт сторон. Вместе с тем, как мне представляется, удлинил путь к миру еще один миф – мысль о том, что Соединенные Штаты способны в одиночку, без координации действий с Россией, добиться прекращения войны в этом регионе.

Впервые мог реально возникнуть шанс всеобщего урегулирования ближневосточного конфликта в 1973 году. Находясь в Москве перед принятием совместно разработанной СССР и США резолюции Совета Безопасности № 338 о прекращении огня на Ближнем Востоке, Киссинджер на словах согласился с мнением советского руководства о необходимости увязать в ней окончание войны с началом процесса всеобъемлющего урегулирования. В действительности он отошел от этой идеи, что проявилось во время Женевской мирной конференции.

В 1978 году, уже когда Киссинджер ушел с поста государственного секретаря, был подписан сепаратный договор между Израилем и Египтом. Но и он не положил конец череде войн и вооруженных столкновений. В 1982 году была осуществлена израильская интервенция в Ливане, сопоставимая по масштабам вооруженных столкновений и по жертвам сторон с предшествовавшими войнами на Ближнем Востоке. С окончанием холодной войны обстановка для урегулирования ближневосточного конфликта стала более благоприятной. В середине 1990-х годов в Осло состоялось несколько серий конфиденциальных плодотворных встреч представителей Израиля и Организации освобождения Палестины – впервые начал таять лед на этом направлении урегулирования. Обозначились кое-какие подвижки и по сирийскому направлению, правда, не выходящие за рамки зондажа. Однако обстрелы, бомбардировки, террористические акты продолжались – и на Западном берегу, и в Газе, и в Израиле.

Положение резко ухудшилось после агрессивно негативной реакции Израиля на результаты демократиче-

ских выборов в палестинской администрации, в результате которых победил ХАМАС, ряда террористических выпадов с палестинской стороны и военного крыла ливанской «Хизбаллы», неадекватных кровавых репрессалий Израиля и его отказа вести переговоры. В июле 2006 года Израиль начал настоящую войну на три фронта – в Ливане, Газе, Западном берегу реки Иордан. Мало кто мог бы назвать антитеррористической операцией израильские бомбардировки, разрушившие жилые кварталы Бейрута, других городов, мосты, дороги, бейрутский аэродром, электростанции, приведшие к гибели более тысячи мирных жителей.

Война 2006 года в Ливане показала невозможность для Израиля решить выдвигаемые им задачи военным путем. Разве не характерно в этом плане согласие обменять захваченных израильских солдат на палестинских и ливанских заключенных в израильских тюрьмах? Нужно отдать дань стремлению Израиля защитить жизни своих граждан. Но ведь освобождение капрала, захваченного палестинцами, и двух солдат, захваченных «Хизбаллой», хотели решить путем широкомасштабного применения силы. Не вышло, и это очень важно подчеркнуть в связи со стремлением Израиля установить свои границы в одностороннем порядке без переговоров. Такова была цель премьер-министров и Шарона, и Ольмерта. В виде альтернативы такой односторонности в установлении границ невозможна и аннексия оккупированных территорий – в таком случае Израиль теряет характер еврейского государства, так как арабская часть населения со временем даже будет превосходить остальную.

События 2006 года в целом продемонстрировали невозможность обеспечения безопасности Израиля без всеобщего урегулирования конфликта. Это подразумевает необходимость создания палестинского государства и мирного решения с Сирией. После неудавшейся израильской попытки разбередить внутриливанское положе-

ние путем массированных бомбардировок стала еще яснее необходимость переговоров Израиля с Сирией, успех которых зависит от возвращения под ее суверенитет Голанских высот. Об этом заявил даже член правительства Израиля. Урегулирование с Сирией создает обязательное условие и для безопасности израильско-ливанской границы.

Самое страшное – в реальной перспективе продолжение и даже эскалация насилия. Тогда рано или поздно верх возьмет улица и политики будут вынуждены нередко действовать по ее подсказке.

Но как разорвать этот круг насилия?

Израильское руководство пытается сделать это, отвечая массовым террором на каждую террористическую акцию с палестинской стороны. По его мнению, это в конце концов заставит палестинцев смириться со своей участью и, следовательно, отказаться от применения силы. Это – расчеты на песке. Только компромиссное израильско-палестинское соглашение, в результате которого будет создано палестинское государство, создаст условия для прекращения насилия, террора, гибели ни в чем не повинных людей.

Чтобы разорвать круг насилия, нужно посадить участников за стол переговоров. С гораздо большей уверенностью на успех это может сделать расширенная по составу посредническая миссия: США, Россия, Европейский союз, Организация Объединенных Наций.

Можно полагать, что в ближневосточном урегулировании будут больше, чем ранее заинтересованы Соединенные Штаты, без которых оно практически невозможно. Такая заинтересованность основывается на том, что США застряли в Ираке и резко понижается их авторитет в арабском мире. Урегулирование ближневосточного конфликта могло бы компенсировать для США многие их потери на Ближнем Востоке. Вместе с тем без урегулирования ближневосточного конфликта возрастает его

опасность не только для Израиля, но и для основных игроков на международной арене, включая США, с учетом активизировавшегося иранского фактора.

В условиях складывающегося многополярного мира все большие возможности воздействия на мировую обстановку обретают Европа, Китай, Индия, которые настроены явно в пользу ближневосточного урегулирования.

Наконец, я не вижу непреодолимых препятствий в решении тех проблем, которые составляют основу урегулирования.

Границы. Их можно было бы определить, в том числе путем некоторой небольшой ректификации линий перемирия и даже некоторого небольшого обмена территориями.

Беженцы. Право на их возвращение отнюдь не означает, что все они захотят вернуться. Преобладающая их часть может предпочесть финансовую компенсацию, которая позволит, наконец, покончить с пребыванием в палестинских лагерях и осесть либо в Палестинском государстве, либо в другой арабской стране. Кстати, о такой компенсации в одном из своих конфиденциальных писем еще писал премьер-министру Израиля Шарету Гамаль Абдель Насер. Тема разделения принципиального права на возвращение от механизма, включающего компенсацию, обсуждалась и на неофициальных переговорах между бывшим израильским министром Бейлиным и членом руководства ООП Ясиром Абдраббо. Собеседники пришли к согласию.

Иерусалим. Вспомним хотя бы, что никто иной, как американский президент Клинтон в своем плане урегулирования предлагал деление Иерусалима на две части – израильскую и палестинскую.

Конечно, вопросы все эти трудные. В таких условиях очень важно, чтобы, во-первых, «квартет» посредников с привлечением других участников выработал компро-

миссный план урегулирования и, во-вторых, потребовал его принятия от сторон, вовлеченных в конфликт. Ведь уже было так, что и Израиль появился, и раздел Палестины произошел не в результате еврейско-арабских переговоров*.

* * *

Много седых волос появилось на моей голове в результате встреч, переговоров, поездок и в другие конфликтные зоны в качестве министра иностранных дел России. На своем самолете осуществлял «челночные» перелеты в Баку, Ереван, на вертолете в Нагорный Карабах для обмена пленными по спискам Красного Креста – более 200 человек, некоторые из них были уже приговорены к смертной казни. С соблюдением всех мер безопасности привез опять-таки на своем самолете в Тбилиси для переговоров с Э. Шеварднадзе абхазского лидера В. Ардзинбу, который был объявлен до этого вне закона. Да разве все перечтешь?

* События на Ближнем Востоке, в том числе развитие арабо-израильского конфликта, подробно освещены в книге Е. Примакова «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)». (Прим. ред.)

Глава IX

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Вся работа правительства сводится
к искусству быть честным.

Т. Джефферсон

I. Решение, принятое в коридоре

А теперь о самом сложном периоде в моей жизни –
восемью месяцах во главе российского правительства.

Ельцин трижды в течение двух дней настойчиво предлагал мне возглавить правительство. Я наотрез отказывался. Последний разговор на эту тему у нас произошел в его кабинете 12 сентября 1998 года в присутствии В. Черномырдина и Ю. Маслюкова*. За несколько дней до этого Черномырдин, неожиданно смещенный со своего поста в марте и еще не успевший пережить свою отставку, был реанимирован и вновь назван премьером вместо С. Кириенко, не успевшего проработать в Белом доме и шести месяцев.

К моменту нашей встречи в Кремле 12 сентября Дума уже дважды отклонила упорно предлагаемую Ельциным кандидатуру Черномырдина. Не было сомнений, что по-

* Член фракции Коммунистической партии Российской Федерации в Госдуме, при существовании СССР первый заместитель председателя Совета министров.

добный исход голосования будет и при третьей попытке. Между тем Виктор Степанович решил не отступать, особенно с учетом того, что Ельцин назвал в разговоре с ним мартовское решение о его отставке «своей ошибкой».

Не был склонен сдавать свои позиции и Ельцин, вновь призвавший Черномырдина возглавить правительство. Это – не в его характере. Но и возможности для маневра не было, так как третий отказ Госдумы автоматически вел к ее роспуску. Тут Черномырдин сказал: «Я готов не идти в Думу третий раз только в том случае, если будет предложена кандидатура Примакова». Я опять отказался.

Позиция, занятая Черномырдиным, во многом не была для меня неожиданной. Нас с Виктором Степановичем связывали долгие рабочие отношения. Я входил в возглавляемый им кабинет и был одним из тех, с мнением которых он считался. Знал он и о том, что я решительно против попыток внести разлад между президентом и председателем правительства. А такие попытки предпринимались во все времена со стороны лиц, «посменно» окружавших Ельцина.

Усилилось давление против Черномырдина, когда он начал набирать вес за рубежом, особенно активно действуя в Российско-американской комиссии, возглавляемой им и вице-президентом США Гором. Раздражение Ельцина искусственно нагнеталось и в связи с самостоятельной ролью премьера, которую он сыграл, вступив в переговоры с целью спасти жизнь сотням заложников в больнице в Буденновске, захваченной чеченскими террористами в 1995 году. Тогда вся страна многократно видела на телеэкранах Черномырдина, говорившего по телефону с чеченцами, а не Ельцина. По мнению «семьи», подобное уже вообще «выходило за все рамки».

Мне хотелось как-то по-человечески поддержать Черномырдина после его мартовской отставки. Случай представился через несколько дней. Черномырдину устроили

грандиозное празднование шестидесятилетнего юбилея – старались задобрить «низвергнутого».

Прием состоялся в государственном особняке с приглашением российской элиты, с чудесным концертом, ломящимися от кулинарного изобилия столами и, конечно, с букетом в шестьдесят алых роз, который преподнес юбиляру сам президент. Черномырдин был явно «не в своей тарелке». Недалеко от него за столом сидел новый премьер Кириенко, который через некоторое время вместе с Ельциным покинул застолье. Шестидесятилетнему Виктору Степановичу, как мне показалось, не очень импонировали речи о необходимости «дать дорогу молодежи». Тогда я подошел к его столу и произнес тост (не имея в виду Кириенко, которого уважаю как человека весьма способного и, что не менее важно, порядочного):

– Пожилой и молодой поспорили, кто умелее. Пожилой предложил влезть на дерево и вытащить из гнезда яйцо так, чтобы высиживающая яйца птичка не сдвинулась с места. Молодой попробовал – птичка улетела. Пожилой сказал: смотри, как это делается. Снял шубу, соболью шапку, залез и действительно вынул яйцо из-под нешелохнувшейся птички. Спустился вниз, а там уже нет ни шубы, ни собольей шапки. Так выпьем за молодое поколение!

Все, в том числе и молодые, громко смеялись.

А 12 сентября 1999 года мне было не до смеха. Выйдя из кабинета президента, в коридоре натолкнулся на поджидавших меня людей: главу администрации Юмашева, руководителя протокола президента Шевченко и дочь Бориса Николаевича Дьяченко. Я развел руками – сказал, что не мог согласиться. Тогда Володя Шевченко, с которым меня связывают годы приятельских отношений, буквально взорвался – я никогда не видел его в таком возбужденном состоянии.

– Да как вы можете думать только о себе, разве вам не понятно, перед чем мы стоим?! 17 августа обрушило эко-

номику¹⁴. Правительства нет. Дума будет распущена. Президент физически может не выдержать в любой момент. Есть ли у вас чувство ответственности?!

Я отреагировал вопросом:

– Но почему я?

– Да потому, что Думу и всех остальных сегодня устроит именно ваша кандидатура, и потому, что вы сможете.

После моего спонтанного согласия меня начали обнимать. Кто-то побежал сообщить президенту.

Нас, несомненно, связывали с Ельциным добрые отношения. К моменту сделанного мне предложения за всю многолетнюю практику работы с ним я ни разу не испытал на себе подозрительности, раздражения или даже начальственного тона с его стороны, а ведь он далеко не славился ровным отношением к своим подчиненным. Правда, я не входил в узкий круг окружавших его людей, кстати, постоянно менявшихся, и не стремился к этому. Определенную дистанцию выдерживал и он, никогда не приглашая к себе домой или на товарищеские застолья. Однако были все основания считать, что Ельцин ценил меня как работника, коллегу, выдвигал на самые ответственные посты. Очевидно, не многие получили в новой России, как я, два высших ордена – «За службу Отечеству» III степени, а затем II степени. И в тот момент мне даже не приходила в голову мысль, что я тоже могу рассматриваться лишь как временная фигура, призванная остановить выплескивавшуюся наружу стихию. Представляется, что и Ельцин в тот момент не уготовливал для меня такую участь. Даже после всего пережитого мною трудно поверить, что при упорном выдвижении моей кандидатуры на пост премьера движущей силой с его стороны было коварство.

Не буду подробно описывать, как отнеслись к моему согласию родные и друзья. Супруге пришлось сказать: «Что сделано, то сделано – прекрати лить слезы». Дру-

зья разделились на две части – одни считали, что я поступил правильно, другие – нет. Но негативная реакция тут же уступила место иному настроению, сориентированному на безусловную поддержку со стороны жены, детей и взрослых внуков, всех друзей без исключения.

Президент в тот же день, 12 сентября, направил представление в Государственную Думу.

При рассмотрении моей кандидатуры я не выступил с широковещательными обещаниями. Более того, сказал, что «не волшебник» и что возглавляемое мною правительство не сможет в короткие сроки принести благополучие и процветание стране, находящейся в тяжелейшем кризисе. А в заключение с языка сорвалось: не знаю, что для меня лично лучше – проголосуете вы за меня как за главу правительства или нет.

При голосовании получил 317 «за» – больше конституционного большинства. Это был своеобразный рекорд. «Против» консолидированно голосовала только фракция ЛДПР Жириновского, который через несколько дней пришел ко мне в Белый дом (так принято называть Дом правительства), чтобы сказать: «Не обращайтесь внимания, это политика, а сам я к вам отношусь превосходно и буду вас поддерживать».

Столь сильно выраженная поддержка Государственной Думы способствовала нормальному процессу создания правительства. Положение облегчалось и тем, что я решал эту задачу в условиях отказа президента и действующего через Ельцина его окружения от навязывания – такая практика имела место до меня и после меня – главе правительства тех или иных лиц на посты его заместителей, министров и других высших государственных чиновников. За непривычным дистанцированием Кремля от формирования кабинета стояли и растерянность, и опасения того, что я могу «взбрыкнуть» – тогда этого хотели избежать, – и нежелание брать на себя ответственность за трагически тяжелую экономическую ситуацию

в стране, да еще и неспособность выплачивать многомиллиардную задолженность, накопленную в предшествующий период и усугубленную отказом Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка реконструкции и развития (МБРР) выполнять ранее взятые на себя обязательства по кредитам. Пусть расхлебывают все это новый глава кабинета и им самим подобранные министры.

Мне было ясно, что правительство не может работать без тесной связи с Думой. Но как сделать эту связь органичной? В некоторых странах вопрос решается просто – создается правительство большинства. В других, как в США, кабинет формирует под своим руководством избранный президент.

В ряде стран парламентское большинство создает коалиционное правительство. В России не было ни конституционных, ни политических условий для одного из таких решений. При формировании правительства я стремился исходить прежде всего из профессионализма в качестве основного критерия. Вместе с тем нельзя было не учитывать и принадлежность того или иного профессионала к партиям или движениям, представленным в Государственной Думе.

Однако необходимо было сделать все, чтобы правительство не стало «заложником» партий, представленных в парламенте.

С Маслюковым вопрос был предreshен – предложил ему быть первым заместителем председателя, ведающим в целом экономическими вопросами. И не только потому, что он входил во фракцию КПРФ, самую большую в Госдуме. Я видел в нем хорошего специалиста, детально разбирающегося в вопросах промышленности, в особенности военно-промышленного комплекса, открытого для новых идей и наряду с этим взвешенного, практичного. Знал, что он руководствуется в своей деятельности здравым смыслом, интересами дела.

Сначала считал, что другой первый заместитель должен заниматься социальными проблемами. Кому возглавить этот важнейший участок работы?

Как будто услышав этот немой вопрос, в кабинет зашел секретарь и сказал, что на несколько минут просит его принять Г.А. Явлинский. Состоялся довольно подробный разговор. Из него явствовало, что руководимое им движение – «Яблоко» готово помогать правительству. Разговор был откровенный, так как мы давно знали друг друга и, как мне представляется, несмотря на некоторые коллизии, возникавшие время от времени из-за не всегда продуманных высказываний Явлинского, друг к другу неплохо относились.

Я предложил ему тоже стать первым заместителем председателя правительства и курировать все социальные проблемы. Явлинский отказался.

Подтвердилось, что он более уверенно чувствовал себя в оппозиции, не взваливая на свои плечи ответственность исполнительного органа.

В заместители к себе пригласил – ни в чем не разочаровался впоследствии – высоких профессионалов, тружеников, преданных делу и порядочных людей: Г.В. Кулика, В.И. Матвиенко («сорвал» ее с поста посла России в Греции, она решилась принять мое предложение только под давлением – сказала наша многолетняя дружба), В.Б. Булгака, В.А. Густова.

В сентябре правительство было сформировано.

Однозначного мнения придерживался по поводу кандидата на пост председателя правления Центробанка (Банка России) В.В. Геращенко, или «Геракла», как его называют окружающие. Этот ключевой пост представлял особый интерес для тех в окружении президента, кто вел свою, далекую от интересов общества, игру. С учетом тяжелейшего экономического положения в стране, в немалой степени сложившегося в результате деятельности прежнего руководства Центробанка, особенно важно

было предложить на пост председателя его правления кандидатуру не просто отличного банкира, но и надежного человека, не склонного к авантюрам, непродуманным шагам. Герашенко как никто другой отвечал этим требованиям.

В правительство вошли люди, принадлежавшие к различным политическим организациям: КППРФ (двое), Аграрной партии (двое), ЛДПР (один), «Яблоко» (один), «Регионы России» (один). Некоторые из новых министров симпатизировали различным партиям и движениям, но в них не входили. Можно ли было назвать такое правительство коалиционным? Думаю, нет. Прежде всего потому, что все вошедшие в него подчинялись единым правилам. Сразу договорились о неприемлемости для любого члена правительства выполнять какие-либо обязательства перед политическими структурами. Не скрываю – руководители многих фракций Государственной Думы предлагали свои кандидатуры, но мы ни разу не ставили эти просьбы выше профессионального критерия.

Были попытки и со стороны администрации косвенно воздействовать на меня при выборе некоторых кандидатур. Например, очень уж хотелось дочери Ельцина Дьяченко видеть на посту министра здравоохранения своего протеже – не медика, да и к тому же, по многим отзывам, зависимого от определенных банковских структур. Дьяченко даже «вступила в переговоры» с моей женой – просила повлиять на меня. Жена ответила, что никогда не обсуждает со мной служебные вопросы и не пользуется в этом никаким на меня влиянием.

Руководителем аппарата правительства стал Ю.А. Зубаков. Руководителем своего секретариата назначил Р.В. Маркаряна. Никого больше с собой ни в правительство, ни в его аппарат не привел. Не могло быть и речи о каком-то местничестве – выдвижении, скажем, людей из Питера, москвичей, тбилисцев или екатеринбуржцев.

Кстати, Зубаков родился и вырос в Забайкалье, а Маркарян – в Баку.

Сразу в виде очередной поставил перед ними задачу навести жесткий порядок прохождения документов в аппарате, подготовки всех заседаний, решений правительства, исключить утечку информации, что превратилось чуть ли не в повседневную практику.

Мы столкнулись с тем, что по коридорам дома правительства слонялись какие-то люди, попавшие туда по не известно кем, когда и с какой целью выписанным пропускам. Они беспрепятственно заходили во многие кабинеты, и в результате улетучивалась информация о готовящихся мерах правительства. Не меньший вред нанесло и то, что находившиеся лишь на первом этапе своей подготовки документы копировались «неизвестными лицами» и выдавались в некоторых газетах и журналах за уже принятые правительством постановления. На самом же деле часто в этих постановлениях не оставалось ничего из первоначальных проектов.

Ужесточение режима посещения посторонними лицами Белого дома ряд средств массовой информации тут же представил как нововведение «разведчика Примакова» и даже как противодействие столь желанной гласности. Это совершенно не соответствовало действительности. Более того, я решил каждую субботу собирать корреспондентов, аккредитованных при правительстве, и рассказывать им подробно о нашей текущей работе. Состоялось несколько таких многочасовых встреч. Они прекратились не по моей вине – отдельные представители СМИ, не «обремененные» журналистской этикой, начали публиковать те сведения, с которыми их знакомили «не для печати».

Вообще широко распространялись разговоры о моей, дескать, «неуживчивости» и даже конфронтационности в отношении журналистов. Якобы я не способен воспринимать никакой критики и «не держу удара». Даже поя-

вились побасенки, будто показывал Ельцину подборку расцветченных разными фломастерами выдержек из статей, написанных против меня. Так, кстати, описывалось в его мемуарах. Это все досужие домыслы.

Конечно, мне бывают неприятны публикации, в которых приводятся ложные сведения или фальсифицируется сказанное мною. Но и только. Что касается сотрудничества с журналистами, то еще до того, как я пришел в правительство, никогда не отгораживался от них. Более того, периодически участвовал в агентстве ИТАР-ТАСС во встречах за обедом с руководителями средств массовой информации и откровенно отвечал на все вопросы. Такие встречи проводились даже после того, как один из сопровождавших меня сотрудников обнаружил, что мои ответы, как было обговорено, не предназначенные для печати, тайно записываются в соседней комнате на пленку.

Я сам был в течение пятнадцати лет профессиональным журналистом. Уважаю и высоко ценю самоотверженный, нелегкий журналистский труд, без которого не в состоянии существовать нормальное общество. И верю в то, что «проплаченные журналисты» в России станут исключением из правил.

II. Наследство от псевдолибералов

Задачи, стоящие перед правительством, были поистине тяжелейшими.

К середине 1998 года в России в полную силу развились процессы, которые толкали страну в пропасть. Резко сократился объем ВВП, произошел небывалый спад промышленного производства, перестала функциониро-

вать банковская система, в стране практически прекратились платежи – в результате даже некоторые железные дороги остановили перевозку грузов, появилась реальная угроза полного паралича всей национальной экономики. Росла безработица, накапливались долги по заработной плате бюджетников, денежному довольствию военнослужащих, пенсиям. Забастовки не только захлестывали страну, но принимали все более опасный характер – уже в мае забастовщики начали перекрывать важные железнодорожные и автомобильные магистрали, подвергая угрозе закрытия еще работающих предприятий. Когда я пришел в Белый дом, на его пороге сидели шахтеры, разбившие поблизости палаточный лагерь и стучавшие периодически касками по асфальту, – они требовали выплаты заработной платы. Начал «расшатываться» установленный Центробанком валютный коридор, в пределах которого мог колебаться курс рубля.

По сути, стране грозила гиперинфляция. Неуправляемая трехкратная девальвация рубля буквально взорвала потребительские цены. В результате реальные доходы населения понизились в сентябре 1998 года на 25 процентов (то есть на четверть!) по сравнению с 1997 годом. Обесценились рублевые сбережения граждан. Многие вообще потеряли свои сбережения в обанкротившихся банках. резкое сокращение импорта продовольствия, медикаментов обернулось для страны острым дефицитом товаров первой необходимости.

Пожалуй, самым серьезным последствием решений августа стал кризис доверия. Недоверием оказались поражены все звенья экономической системы, будь то отношения между поставщиками и потребителями, должниками и кредиторами, менеджерами и собственниками, населением и правоохранительными органами, между различными ветвями и «этажами» власти. Односторонний мораторий на выплату долгов по государственным бумагам, провозглашенный 17 августа, окончательно по-

дорвал веру и за рубежом, и внутри страны в возможность стабильного сотрудничества с государственными финансовыми структурами и коммерческими банками России.

В результате всего этого у россиян сложилось скептическое отношение к самой идее перехода к рыночным отношениям.

Есть все основания считать, что все это было закономерным результатом курса экономического развития страны, заложенного в 1992 году. Лица, принявшие тогда на себя ответственность за экономическую политику России, как правило, величали себя «либералами», подчеркивали свою связь с «чикагской школой». И что имело немаловажное для них значение, они пользовались полной поддержкой на Западе.

Современный либерализм как направление экономической мысли, если говорить тезисно, проповедовал и проповедует свободную конкуренцию при минимальном вмешательстве государства в деятельность хозяйствующих субъектов. Это сводит функции государства к решению вполне определенных и ограниченных задач: снижение налогового бремени, поддержание равных для всех условий конкуренции, что в конечном итоге должно способствовать тому, чтобы предприятия и население сами распоряжались своими доходами.

У либерального подхода к экономике – так показывает международный опыт – не может быть универсальной матрицы, подходящей к «пульсирующей» реальности той или иной страны без учета ее специфики, истории, уже встроенных в экономику государственных структур. Все это было проигнорировано в России. Параллельно с разрушением существовавшего хозяйственного механизма доморощенные «либералы» провели шоковую либерализацию цен, приватизацию ради приватизации, так как во главу угла были поставлены ее масштабы, а не связь с ростом эффективности производства. Внутренний рынок был распахнут перед жесточайшей мировой

конкуренцией, причем вопрос о способности российских предприятий выжить даже не рассматривался.

Для создания рыночной инфраструктуры использовались, мягко говоря, своеобразные методы. Ярким примером могут служить манипуляции с государственными казначейскими обязательствами (ГКО). Была отработана такая «технология»: министерство финансов размещало бюджетные ресурсы в избранных коммерческих банках под низкий процент; банки, в свою очередь, за государственные деньги скупали ГКО; эти средства также использовались для дешевой скупки высоколиквидных государственных предприятий. Огромные суммы были вывезены на Запад и осели на счетах, в том числе и коррумпированных чиновников, пособничавших такой «технологии».

Развитие рынка ценных бумаг, безусловно, важное и необходимое условие становления рыночной экономики. Но только в том случае, если этот рынок служит инструментом привлечения внутренних и внешних инвестиций в развитие производства. В России же капитал ушел на высокодоходный рынок ГКО и практически отвернулся от финансирования российской промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства. Он выступал главным образом в краткосрочной спекулятивной форме. Произошел значительный спад производства и готовой продукции в России. В первую очередь под удар попали граждане с низкими доходами.

Сам по себе курс реформ несомненно способствовал появлению предпринимательской прослойки. Однако, будучи проводимым весьма специфическим способом, он еще в большей степени инициировал невиданно быстрое обогащение кучки людей – впоследствии некоторых из них стали называть в России олигархами. Им удалось буквально за считанные годы сколотить миллиардные состояния.

Лоббируя интересы кучки олигархов, псевдолибералы перераспределили в их пользу российские сырьевые бо-

гатства. Поддержка олигархам обеспечивалась при приватизации: победитель проводимого «конкурса» определялся заранее; под предлогом необходимости закрыть дыры бюджета государственное имущество переходило в его собственность по заниженной цене.

Стало очевидным: те, кто в 1990-е годы начал формулировать и проводить в жизнь экономический курс России, преследовали совершенно несвойственные либеральному подходу цели. Не обошлись они и без государственного вмешательства, но прямо противоположного решению задачи создания равных условий конкуренции для всех хозяйствующих субъектов. Власть выборочно поддерживала отдельные предприятия путем установления эксклюзивных экспортных квот, особенно на нефть, освобождения от уплаты таможенных пошлин, предоставления налоговых льгот, целевых кредитов и т. д. Все это не имело ничего общего с поощрением тех, кто находился на острие научно-технического прогресса, или на первых порах тех, кто вкладывал средства в производство необходимой обществу продукции.

По признаку близости к власти имущим предоставлялись привилегии коммерческим банкам, получившим право обслуживания государственных программ, в том числе таких масштабных и прибыльных, как торговля оружием.

Олигархи делали все, чтобы сохранить у власти тех, кто помогал им снимать сливки, а не зарабатывать на росте производства, развитии сферы услуг. Они в свое время протянули щупальца в окружение Ельцина, во многом способствовали его переизбранию в 1996 году и в результате сами или через своих представителей непосредственно участвовали в выработке выгодной им экономической и кадровой политики.

Е. Гайдар в своей книге «Государство и эволюция» обосновывал необходимость «обмена власти на собст-

венность». Итогом курса, проводимого в 1990-е годы, стал не отход от власти «в обмен» на собственность, а сращивание государственной власти с собственностью уже на новой посткоммунистической основе. Процесс этот в конце концов в наиболее ярком виде проявился в том, кто непосредственно составлял окружение президента, который, не исключая этого, возможно, и не был посвящен во все детали.

На основе субъективных решений представителей центральной власти осуществлялось финансирование из федерального бюджета и дотационных регионов России. Так, например, я был ошеломлен, узнав, что среди группы «депрессивных» территорий числится город-курорт Сочи, где отдыхает высшее руководство страны, и в этой же группе отсутствует Брянская область, население которой в наибольшей степени пострадало от чернобыльской трагедии.

В целом реформы так называемых «либералов» дорого обошлись России. Была создана модель экономики, которая характеризовалась дисбалансом между отечественным производством и потреблением, обеспечиваемым главным образом за счет экспорта сырья и импорта продовольствия и готовой продукции.

Потребности развития не покрывались инвестициями, уровень которых оставался крайне низким. В таких условиях достигла огромных масштабов утечка российских капиталов за границу, многократно превысившая внешние заимствования. Натурализация, низкий уровень денежного обращения стали отличительной чертой хозяйственных связей.

Нужно сказать вполне определенно, что именно курс, принятый псевдолибералами в области экономики, дал простор коррупции, экономическим преступлениям, произволу государственных чиновников. Все это неизменно усложняло переход к рыночным отношениям в России, делало его еще более болезненным для основной

массы населения. В других странах становление рыночной экономики, неизбежно сопровождаемое инфляцией, спадом производства, снижением жизненного уровня, произошло в относительно короткие сроки. Россия стала «чемпионом» не только по длительности, но и по болезненности перехода к рыночным отношениям.

К середине 1998 года стало ясно, что экономический курс «либералов» завел страну в тупик. Именно в таких условиях 17 августа был объявлен мораторий на выплату держателям ГКО и облигаций федерального займа (ОФЗ). Этот шаг катастрофически усугубил многочисленные негативные процессы и явления в экономической, социальной и политической сферах России.

Я думаю, что авторы решений 17 августа не предвидели их реальных последствий, а посоветоваться с представителями других экономических направлений посчитали для себя абсолютно необязательным, ну, если хотите, унизительным. Вообще это, к сожалению, характерная черта всех «реформаторов», выплеснутых событиями 1990-х годов на ведущие экономические позиции в России и не имевших до этого серьезного опыта работы. Им было свойственно явное пренебрежение к другому мнению, «экономическое самолюбование», которое открывало им путь не только к самоутверждению – это было бы еще полбеды, – но и к бездумному, в конечном счете безответственному экспериментированию в масштабах огромной страны.

Был ли осведомлен о планах правительства и Центрального банка президент? Позже я узнал, что к нему пришли несколько человек и в общих чертах сказали о готовившейся акции. Но при этом успокоили: казна получит дополнительно свыше 80 миллиардов рублей, чуть-чуть упадет рубль и чуть-чуть может увеличиться инфляция, но через короткий срок негативные результаты уйдут, все станет на свои места, в то время как бюджет получит столь необходимые средства.

Не знаю, сообщили ли об этом Ельцину или нет, но о подготовке совместных решений правительства и Центробанка был осведомлен и МВФ. Кстати, в последующем, при встрече с заместителем директора-распорядителя МВФ, приехавшим в Москву и попытавшимся говорить с нами как бы свысока, я прервал его, сказав, что с представителем МВФ (об этом я узнал от министра финансов Задорнова) был своеобразный проговор акции 17 августа, и нечего теперь представлять себя в качестве «высшего судьи», полностью отстраненного от случившегося.

Когда проявились ошеломляющие результаты сделанного, Ельцин в разговорах со мной, правда, не называя ни одной фамилии, не стеснялся в выражениях по поводу авторов «шоковой терапии».

Будучи руководителем правительства, я полагал, да по сути так оно и было, что необходимо показать непричастность Ельцина к событиям, положившим всю российскую экономику навзничь, и в ответ на заданный мне одним из журналистов вопрос, был ли президент в курсе готовившихся акций, я ответил отрицательно. Сразу же крайне болезненно отреагировали на мое высказывание в окружении Ельцина, очевидно, подозревая меня в том, что я пытаюсь показать президента «отчужденным» от реально происходящих в России событий, недостаточно вовлеченным в ключевые вопросы экономической политики.

III. А я-то старался...

В 1990-е годы официальные круги на Западе явно поддерживали проводившуюся в России экономическую линию. Судя по всему, превалировала точка зрения, со-

гласно которой любой масштабный отход от командно-административной системы советского периода к рыночной экономике является абсолютным благом вне зависимости от форм и методов, порождающих конкретные результаты такой политики. Не могу исключить того, что были и такие силы, которые уклонялись от критики курса псевдолибералов, так как делали ставку на сохранение России, переходящей к рынку, на долгие годы в качестве сырьевого придатка государств, уже вступивших в постиндустриальный период своего развития.

Отсутствие критики руководителями западных стран экономических реформ в России 1990-х годов было связано и с политическими мотивами. Трудно представить, что западные лидеры случайно вывели эту тему из разговоров с теми, кто стоял у руля власти в нашей стране. Просто не хотели раздражать «брата и друга Бориса»? Наверяд ли, хотя и это имело место. Причина, как представляется, была более глубокой. На Западе, очевидно, опасались, что такая критика может объективно усилить позиции так называемых государственников в России, даже таких, которые являются твердыми сторонниками рыночных реформ, приватизации, но осуществляемой продуманно, в интересах роста эффективности производства. Опасались, так как проецировали рост влияния государственников на внешнюю политику, которая в таком случае неизбежно усиливала бы функцию защиты российских интересов.

Знал ли я ранее, до назначения премьер-министром, каково истинное состояние дел в российской экономике 1990-х годов? Конечно, многое видел, ощущал, внутренне не соглашался, критиковал в своем кругу. Не мог быть равнодушным наблюдателем происходившего. Никогда не примыкал к «либералам», многих из них не любил, не уважал. Среди моих друзей их не было. Но публично не выступал против их экономического курса. Не мог де-

лать это, возглавляя СВР, а затем МИД. Между тем президенту не раз докладывал нелицеприятные мнения наших зарубежных источников, особенно по конкретным делам «либералов», которые порой способствовали криминализации страны. Такие доклады выслушивались, но оставались без ответа.

Естественно, что полная картина открылась для меня тогда, когда в столь нелегкий момент возглавил правительство.

IV. Стратегия и тактика

Что делать? Этот извечный для России вопрос встал во весь свой рост перед правительством и, естественно, передо мной. Имея в виду главную цель – успокоить общество, добиться стабилизации, решил в первую очередь для себя определить, чего не следует делать в сложившейся ситуации.

Поваленная навзничь экономика, нокаутирующий удар по жизненному уровню населения, охватившее общество недовольство предшествовавшей экономической политикой, растерянность президента, стремление уйти в тень тех лиц, которые пробились на вершину пирамиды власти, – все это в совокупности объективно развязывало руки правительству. Позже, когда меня стали искусственно причислять к «крайне левым», я подумал: а ведь не понимают – в тот момент мог бы начать и с национализации всего и вся, с широких репрессий по экономическим преступлениям, с резкого ограничения конвертируемости рубля, с объявления об отказе выплачивать долги за предоставленные ранее кредиты из-за рубежа. И голоса «против», если бы и осмелились прозвучать, утонули бы в возгласах массовой поддержки в России.

Но такие меры не имели ничего общего с уже устоявшимся моим мировоззрением. Вместе с тем я понимал – они раздерут общество на части, еще больше дестабилизируют обстановку. В таких условиях решил:

Первое – не начинать с публичного разбора той несомненно ошибочной линии и порочной практики, которая привела за все 1990-е годы страну к краю пропасти. Легче всего, конечно, было бы искать поддержку в обществе, обрушившись на авторов «шоковой терапии». Но это сразу же – особенно в России – обернулось бы обливанием друг друга грязью, выстраиванием баррикад, пусть даже не в буквальном смысле этого слова, информационной войной, ростом озлобленности громадной части населения, пострадавшей в результате такой политики и практики. Поэтому я отверг советы «четко показать нутро тех, кто довел страну до такого состояния». Поэтому ни в одном своем выступлении, а их с моим приходом в правительство было предостаточно, я не назвал ни одной фамилии повинных в происшедшем. Подробный разбор экономической политики 1990-х годов в России, естественно, не снимался с повестки дня. Но это нужно было отнести на более поздний период, когда улягутся страсти.

Второе – нельзя было принимать решения, которые могли бы интерпретироваться как возврат в «светлое прошлое», несмотря на то, что события 17 августа явно увеличили число людей, говоривших и, что самое главное, веривших в то, что «раньше все было лучше». Эксплуатация таких настроений была бы попросту опасной со стратегической точки зрения. Я и все мои коллеги по правительству были твердо убеждены в том, что движение назад от курса реформ – хочу подчеркнуть: курса, а не конкретно проводившейся практики, – это путь к неизбежному возвращению к командно-административной системе, приведшей к отставанию Советского Союза в экономике.

Третье – несмотря на очевидный негативный, подчас преступный характер того, как осуществлялась приватизация, приведшая к ограблению общества, государства*, людей, нельзя было призывать к огульной ее отмене, к новому массовому перераспределению собственности. Это могло бы окунуть страну в кровь, ударило бы по образуемому среднему классу, сбilo бы с ног честных предпринимателей. В России миллионы людей уже стали собственниками, в преобладающем большинстве мелкими, квартир, дач, ларьков, небольших предприятий бытового обслуживания, а некоторые и акций более крупных предприятий. Нельзя было абстрагироваться от этого.

Четвертое – нельзя было недооценивать макроэкономическую политику, проводимую предшествовавшими правительствами. Но следовало внести в нее коррективы и, главное, подчинить стабилизации и развитию на микроэкономическом уровне. В частности, нужно было продумать, как укрепить рубль за счет введения его плавающего курса, не допуская резких, непредсказуемых скачков.

Пятое – не следовало начинать с публикации какой-то завершенной концепции экономического развития. Правительство и меня лично упрекали, особенно средства массовой информации, в том, что мы очутились в Белом доме без такой развернутой концепции. Я вообще не большой сторонник всяких концепций, ставших столь модными в России за последнее время – именно в России, а не за рубежом. Система подходов, определяющих

* Я столкнулся, уже работая в правительстве, с тем, что приватизация продолжала по инерции рассматриваться в основном как средство пополнения доходной части бюджета. Между тем мне стал доступен такой показатель – с 1992 по 1998 год от массовой, «глобальной» приватизации бюджет получил лишь около 1 процента ВВП. Все остальное в основном присвоила небольшая группа лиц.

принципы политики, – безусловно. Конкретные программы – да. Но не набор положений, искусственно объединенный в наукообразный документ, который, по-моему, мало помогает в практических делах, но зато дает огромный простор для критики, особенно людям, не несущим ответственности за состояние дел в экономике.

Однако отказ от подготовки скороспелой концепции отнюдь не означал ухода «в кусты» от определения нашего отношения к ключевым вопросам. Правительство подтвердило – и это было очень важно, особенно в то время, – что столбовой дорогой для России являются создание гражданского общества, укрепление политического плюрализма, продолжение рыночных реформ, развитие нашей экономики как органичной части мирового хозяйства. Вместе с тем мы понимали, что для реального продвижения по этому пути необходима социальная ориентация реформ, с тем чтобы они обязательно служили улучшению положения, подъему жизненного уровня, интересам населения России.

Как этого добиться? Прежде всего за счет усиления экономической роли государства, что отнюдь не означало и не могло означать свертывания рыночных процессов. Напротив, мы считали, что государство должно способствовать переходу к цивилизованному рынку. Это предусматривало в первую очередь наведение разумного порядка, способствующего росту реального сектора экономики, обеспечению равных для всех условий конкуренции – независимо от формы собственности предприятий; жесткий контроль над формированием доходной части и расходами бюджета, использованием государственной собственности; выработку и осуществление мер против махинаций в области приватизации, связанных с лжебанкротством предприятий, противозаконных переводов денежных средств за рубеж; создание условий, в которых российские банки становятся заинтересован-

ными в развитии отечественной промышленности и сельского хозяйства; привлечение в российскую экономику, преимущественно в реальный ее сектор, иностранных инвестиций.

Государственное вмешательство подстегивалось и тем, что России предстоял выход из серьезнейшего кризиса. Сам по себе рынок и только рынок страну из этого состояния вывести не мог. Наглядным примером этого служила и зарубежная практика. В борьбе с последствиями великой депрессии 1929–1930 годов Ф.Д. Рузвельт использовал именно государственные рычаги. Отстаивая программу «нового курса», он подчеркивал: «Я имею в виду не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и между различными отраслями народного хозяйства». Под этой цитатой готово было подписаться и наше правительство.

На основе государственного вмешательства в экономическую жизнь была построена и политика Л. Эрхарда – министра финансов, а затем уже канцлера ФРГ. Конечно, Западной Германии после Второй мировой войны помог План Маршалла, но не будь целенаправленной политики Эрхарда, навряд ли удалось бы в исторически короткие сроки превратить находившуюся в развалинах страну в одно из передовых в экономическом отношении государств мира. Вольфганг фон Америкен – один из крупнейших западногерманских промышленников и мой старинный, еще со времени работы в ИМЭМО, друг – говорил мне, что Эрхард «выкручивал руки» ему и другим крупным предпринимателям, заставляя подчиняться государственному контролю.

Идеология правительства, несомненно, включала в себя поддержку российского производителя. Это следо-

вало бы делать, применяя многие рычаги, начиная от продуманной и достаточно гибкой таможенной политики и кончая столь же продуманной налоговой реформой. Государство должно поддерживать и отечественных экспортеров.

Но поддержка отечественных производителей не может иметь ничего общего с противодействием или просто игнорированием участия иностранного капитала в развитии реального сектора экономики. Мы в правительстве понимали это и делали все для привлечения иностранных инвестиций, особенно прямых вложений, создания совместных компаний, осуществления совместных проектов.

Естественно, нельзя было абстрагироваться от проблем конкурентоспособности выпускаемой продукции на предприятиях любой формы собственности. Государственное регулирование и в этом вопросе имеет далеко не второстепенное значение. Известно, что процесс модернизации производства, подразумевающий отказ от тиражирования устаревших технологий, невозможен без развития науки, в том числе фундаментальной. В 1990-х годах государственное финансирование науки в России было сведено к мизерным суммам. Советский Союз имел несомненное преимущество перед многими высокоразвитыми странами – авангардные фундаментальные исследования. Однако путь от фундаментальных открытий через прикладные исследования к их внедрению в практику в нашей стране был в два-три раза дольше, чем у других. Вместо того чтобы сконцентрировать государственные усилия на ускорении прохождения по этому пути, а это, несомненно, послужило бы технико-технологическому прогрессу в нашей экономике, «либералы» делали ставку на другое. Они решили погрузить не только экономику, но и науку в рынок – мол, выживут те ее направления, которые немедленно обеспечат прибыль.

Принципиальные позиции были с самого начала заложены в основу деятельности правительства. Но в первую очередь нам пришлось в создавшейся критической ситуации заниматься важнейшими задачами жизнеобеспечения страны.

Надвигались серьезные трудности с продовольствием и медикаментами. Одним из результатов политики «либералов» стала полная зависимость России от импорта важнейших для населения продуктов. К середине 1998 года за счет импорта обеспечивалось больше половины продовольственного потребления в стране. Российское сельское хозяйство разрушалось. Выпуск отечественных лекарств резко сократился. Когда в таких условиях дефолт 17 августа сильно ударил по импорту, нужно было принимать решительные меры.

Правительство снизило таможенные пошлины по семи главным позициям «критического импорта». Потребовали от губернаторов восстановить свободные перетоки продовольствия из региона в регион. Договорились с Украиной и Белоруссией о том, что их долги за поставки российского газа будут частично погашаться продовольственными товарами. Провели переговоры с США о предоставлении помощи сельхозпродуктами – пусть даже сопровождаемой обязательной закупкой американского зерна, как это потребовали от нас.

Серьезные меры предприняли в поддержку отечественных производителей. Вопреки сопротивлению Министерства путей сообщения понизили на 50 процентов тариф на железнодорожные перевозки ряда остро необходимых видов сельскохозяйственной продукции. Сократили налог на добавленную стоимость (НДС) на продовольствие. Приняли решение о погашении регионами долгов по полученным ранее ссудам из федерального бюджета поставками продовольствия, причем, хочу это подчеркнуть особо, по рыночным ценам.

Мы смогли осуществить неотложные меры и до закрытия навигации по сибирским рекам и прилегающим морям снабдить топливом и продовольствием российский север. А ведь наследство досталось тяжелое, так как вовремя ничего не было сделано, и люди могли замерзнуть.

Но, пожалуй, самым болезненным для всей страны в то время, когда мы пришли в Белый дом, было прекращение выплат, да еще при многомесячной задолженности, заработной платы бюджетникам, пенсий, денежного довольствия военнослужащим. Многие одинокие пенсионеры были обречены на голод. По телевидению показывали отчаявшихся жен офицеров, которым нечем было кормить детей. Попробуй в такой обстановке обеспечить стабильность в обществе...

Мои заместители и я сказали друг другу: не решим незамедлительно проблему с зарплатами и пенсиями, не начнем погашать долги по ним – нам в правительстве делать нечего. Не скрою, раздавались голоса: давайте пустим в ход печатный станок, решим все эти проблемы за счет денежной эмиссии. Был твердо убежден, что идти на это нельзя. Возможно, мы получили бы немедленный пропагандистский и даже политический выигрыш, но через несколько месяцев надбавки «съела» бы инфляция. Нужно было искать другие методы и способы решения этой жизненно важной задачи. На первых порах – через перераспределение расходов бюджета, изыскание имевшихся резервов. Стратегически – только путем наведения финансового порядка в стране и запуска реального сектора экономики.

Начиная с октября твердо осуществлялись ежемесячные выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы, денежного довольствия военнослужащим и пенсий, одновременно погашались накопленные долги.

В сентябре на финансирование армии, кстати, было выделено около 7 миллиардов рублей, что составило половину всех расходов федерального бюджета, в октябре –

еще более 5 миллиардов. Но это были не «милитаристские» затраты. Частично они пошли на погашение долгов оборонной промышленности, что способствовало общему оживлению экономики. Увеличение финансирования позволило перейти к реальному сокращению Вооруженных сил. Многократные заявления о сокращении армии далеко не полностью отражали реальную действительность, так как не было средств на выплату полагающихся по закону при увольнении офицера 21-месячного денежного довольствия. Мы изыскали средства, позволившие рассчитать 30 тысяч офицеров, увольняемых в запас.

Но, к сожалению, преодоление трудностей этим не ограничивалось. Необходимо было как можно быстрее привести дело к регулярной выплате зарплат из местных бюджетов – медикам, учителям, работникам культуры, а также работникам внебюджетного сектора.

Выступая на заседании правительства, я сказал, что в отличие от 1997 года у нас нет возможности оказывать массированную помощь регионам путем распродажи собственности или влезания в долги. Было предложено пойти на экстраординарные меры, обязывающие регионы (кроме Москвы, Санкт-Петербурга и Самары, которые самостоятельно решали проблему) затрачивать на выплату «своим» бюджетникам сумму, составляющую не менее 40 процентов доходов. Губернаторы были предупреждены, что в случае невыполнения этого, а также нецелевого использования трансфертов из центра на зарплату учителям, медицинским работникам и другим, регионы будут переводиться на прямое казначейское исполнение бюджета. Но в ряд депрессивных регионов, которые объективно не смогут выполнить это указание (список таких «зон бедствия» незамедлительно представил Минфин), будут направлены из федерального бюджета дополнительные средства.

Что касается работников внебюджетного сектора, на который приходилось до 80 процентов невыплат, объек-

тивной причиной был паралич экономики. Но не только. Во время одной из поездок по стране я был на заводе, директор которого ввел третью смену. Причем он не просто директор, а владелец 5 процентов акций предприятия. Если заработала третья смена, значит, есть рынок сбыта продукции. А на мой вопрос, какова задолженность по зарплате рабочим, директор ответил: два-три месяца.

Через несколько дней на заседании правительства присутствовали профсоюзные лидеры, и я обратился к ним: «Вы часто берете за горло федеральные власти. Но одновременно гораздо слабее работаете на предприятиях, где подписан коллективный договор, а заработная плата не выплачивается. Тем более что во многих учреждениях, на промышленных предприятиях работники получают заработную плату по двум “ведомостям” – одной официальной, а второй неофициальной. Это происходит без выплат работодателями отчислений в пенсионный и другие социальные фонды, а работниками – подоходного налога».

На это антиобщественное и абсолютно несвойственное цивилизованным рыночным отношениям явление «либералы» попросту закрывали глаза. По указанию руководства кабинета налоговая полиция проверила 70 тысяч предприятий, начала проверку банков и коммерческих структур. Определенно, это кое-кому не нравилось.

V. Главная задача – развитие реальной экономики

Коренной поворот в экономической политике был невозможен без создания условий для развития производственного сектора. В этой связи следовало прежде всего

приступить к реструктуризации банковской системы с целью не просто восстановить ее, но и переместить акценты в деятельности банков. Теоретически государство могло бы пойти в тот момент – эта линия очень импонировала бы отдельным олигархическим группам – на спасение конкретных банкиров или банков. Некоторые банкиры даже предлагали национализировать их банки, естественно, переложив на плечи государства накопленные долги. Вместо этого мы предложили вести интенсивные переговоры с кредиторами – и отечественными, и зарубежными – о реоформлении задолженности в капитал банков. Мы понимали, что не сможем обойтись без увеличения доли участия иностранного капитала в российских банках, без расширения возможностей для деятельности иностранных банков на территории Российской Федерации.

Правительство и Центральный банк сделали ставку на поддержку сохранивших свою работоспособность банковских учреждений, одновременно очищая банковский рынок от банков – инвалидов, полумертвецов и финансовых бомжей.

В числе наиболее важных вопросов была «расшивка» неплатежей. Ко времени прихода к власти нашего правительства задолженность федерального бюджета перед предприятиями и организациями составляла 50 миллиардов рублей. В свою очередь задолженность последних перед бюджетом – около 150 миллиардов рублей. Накапливались долги и между самими предприятиями. Положение усугубилось общим резким понижением монетаризации экономики в период всевластия псевдолибералов. В начале реформ денежная масса составляла 66,4 процента к ВВП за 1991 год, и это в общем соответствовало мировой практике. На 1 июня 1998 года (то есть еще до событий 17 августа) денежная масса составила всего 13,7 процента к ВВП за 1997 год.

Федеральные власти требовали осуществлять платежи исключительно в денежной форме – это было, естественно, необходимым элементом рыночной экономики. Но дело в том, что при отсутствии достаточной денежной массы в обращении эти требования в большинстве случаев оказывались неосуществимыми. Создавался замкнутый круг: накапливаемые долги препятствовали росту производства, а его стагнация и падение препятствовали росту денежного обращения.

Правительство вопреки мнению МВФ и прежней практике приступило к взаиморасчетам между бюджетом и предприятиями, что уже на первых порах высвободило 50 миллиардов рублей. То, что взаиморасчеты проводились по каналам казначейства, а не коммерческих банков, позволяло избежать утечки финансовых ресурсов. Операции проводились на клиринговой основе. Характерно, что руководитель РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс, который во время своей работы в органах государственного управления был одним из главных противников расчетов не в прямой денежной форме, на этот раз развернулся на 180 градусов. Во время обсуждения вопроса о результатах взаиморасчетов на заседании правительства он выступил с настоятельной просьбой не ограничиваться единичным осуществлением этой акции, а превратить ее в практику, пока не накопится достаточно денежных средств и у государства, и у предприятий.

А теперь о налоговой реформе. Убеждать друг друга в правительстве в ее необходимости не пришлось. Тем более что наши предшественники далеко не преуспели, сделав упор на одну сторону – пусть немаловажную, но все-таки одну – на повышение собираемости налогов. Отвечавший тогда за эту сферу деятельности заместитель премьера Борис Федоров часто мелькал на экранах телевизоров в камуфляжной форме вместе с налоговыми полицейскими, но сбор налогов в бюджет практически не возрастал.

Между тем не всегда курс на «выбивание налогов» может пополнить бюджет. Когда я пришел в правительство, столкнулся с парадоксальным явлением. Оказывается, в течение месяцев, а в ряде случаев и лет, на складах, под замком таможи находилось закупленное за рубежом и уже оплаченное предприятиями, доставленное на место, но с запретом на монтаж, современнейшее оборудование общей стоимостью около 2 миллиардов долларов. Причиной таможенного ареста была неспособность этих предприятий выплатить налоги на добавленную стоимость (НДС), а в ряде случаев и таможенную пошлину. Нет вопроса – все налоги и пошлины должны быть уплачены. Но ждать, пока подчас «лежащие» из-за отсутствия закупленного оборудования предприятия найдут средства для их уплаты? Я дал указание таможенному комитету снять арест с такого оборудования, заключив с каждым из его владельцев соглашение, по которому под залог этого оборудования или гарантии банка будут в обозначенный срок выплачены долги. Многие заводы вздохнули с облегчением. Практика показала, что решение было абсолютно верным. Возвращение долгов вскоре началось.

Административные меры, не подкрепленные экономическими, конечно, не в состоянии изменить обстановку. Мы взяли курс на уменьшение числа налогов и их снижение. При этом тяжесть обложения переносилась с производства на потребление. Правительством было подготовлено девятнадцать законов по налогам, из которых шесть принято в нашу бытность*.

Наряду с этим началась серьезная борьба с махинациями, которые проделывались для того, чтобы не пла-

* То, что Дума, в которой большинство принадлежало КПрФ, не приняла весь налоговый пакет, я считаю большой ошибкой компартии России. По многочисленным, в том числе и зарубежным, оценкам он был прогрессивнее, чем налоговый пакет, принятый следующей Думой при правительстве М.М. Касьянова.

тить налоги или не платить их в полном объеме. Министр по налогам и сборам Г.В. Боос, например, обратил мое внимание на то, что в массовом порядке использовались схемы с применением «страхования предпринимательских рисков», чтобы лишь имитировать покупки товаров и их движение. Не вкладывая ни рубля, предприятия получали так называемые возмещения из федерального бюджета за якобы затраченные денежные средства.

Таким путем осуществлялась масштабная афера с песком. АвтоВАЗ и другие предприятия якобы закупали песок, а на самом деле выяснилось, что он не только не переправлялся с места на место (для этого понадобилось бы 20 тысяч составов, что на много месяцев обеспечило бы работой весь грузовой железнодорожный транспорт), но и вообще не разрабатывался в карьерах. Вопрос был поставлен остро. АвтоВАЗу предложили осуществить эмиссию акций с целью передачи государству за невыплаченные налоги 50 процентов уставного капитала. Одновременно правительство начало переговоры с иностранными компаниями о перепродаже им этого пакета при условии обязательного крупного инвестирования в производство.

Договор АвтоВАЗа с налоговым органом был оформлен, но после нашего ухода не реализован.

Несмотря на явный недостаток времени, новая практика, гораздо более жесткая, чем прежде, дала свои результаты. Кое-кто говорил, что увеличение собранных налогов произошло за счет инфляции. Инфляционный эффект, конечно, имел место. Однако значительное увеличение собираемых налогов наблюдалось не только в абсолютном выражении, но и по их доле в валовом внутреннем продукте (ВВП). Этот рост уже не имел никакого отношения к инфляционному всплеску, который, кстати, пошел на убыль.

Немалое значение для пополнения бюджета всех уровней имело введение государственного контроля за производством и торговлей алкогольной продукцией. При утраченной государственной монополии в федеральный и другие бюджеты поступали налоги лишь на легально произведенную винно-водочную продукцию. Вместе с тем широчайшее развитие получил подпольный бизнес, с которым срослись многие местные власти. Себестоимость «подпольной водки» была фантастически мала и не шла ни в какое сравнение с ценой на нее, которая в результате устанавливалась ниже, чем на легально производимую. От недоброкачественной водки, а она производилась даже из технического спирта, гибли люди.

Мы решили разрубить этот «узел»: резко ограничили импорт этилового спирта, ударили по контрабанде, сократили в разы количество оптовых баз торговли водкой, установили, что заводы, производящие в России этиловый спирт, должны быть только государственными – либо унитарными, либо акционерными с контрольным пакетом в руках государства, квотировали производство спирта на этих заводах. Контроль был установлен на заводах, производящих водку. Милиция развернула серьезную борьбу с подпольным производством. Итогом было повышение сбора налогов от спиртоводочного производства в 1,5 раза в течение лишь двух месяцев.

Мы не пошли на национализацию и в этой сфере, но ввели государственный контроль, государственное регулирование. Не пошли и на увеличение акцизных сборов – вне всякого сомнения, это, сделав дороже спиртоводочные изделия, привело бы к росту подпольного производства. К сожалению, от практики нашего правительства отошли после его ухода. Возвратились к ней, и то в препарированном виде, лишь в 2006 году.

Решаясь на резкое вмешательство государства, мы бросали перчатку мощным силам, связанным с подполь-

ным производством, приносящим баснословные прибыли. Но на активную борьбу против правительства, тем более открытую, они пойти в тот момент не посмели.

Между тем в центр внимания правительства встали вопросы, связанные с продажей государственной собственности. Не отказываясь от продолжения приватизации, мы сделали упор на наведение должного порядка в этой области.

Существовал план продаж государственных пакетов акций, который далеко не во всем был выверен – и по проценту акций, подлежащих передаче в частную собственность, и по цене. Мы запретили, например, продажу очередных 25 процентов принадлежащих государству акций «Связьинвеста». За три месяца до этого аналогичный пакет был продан за 1,2 миллиарда долларов – теперь меня уверяли, что цена не может быть выше 600 миллионов долларов и следует с ней согласиться. Позже, когда я прочел перепечатанную «Московскими новостями» главу из новой книги Дж. Сороса, многое прояснилось. По словам Сороса, Березовский «искренне верил, что он и другие олигархи оплатили переизбрание Ельцина, а правительство теперь отказывается выполнять условия сделки, проводя честный аукцион по “Связьинвесту”»^{*}.

Вне поля зрения Мингосимущества практически оказалось рациональное использование средств на предприятиях, принадлежавших государству, или в акционерных обществах с участием государства. В России на тот момент было около 14 тысяч государственных унитарных предприятий, 23 тысячи учреждений и почти четыре тысячи акционерных обществ с государственным пакетом акций, в половине из них – контрольным. Парадокс заключался в том, что бюджет получал от всех

^{*} Московские новости. 2000. № 7. 22–28 февраля.

государственных предприятий в виде дивидендов меньше 1 миллиарда рублей в год!

Остро встал вопрос об отношении к естественным монополиям – «Газпрому», МПС, РАО «ЕЭС России». Какой подход избрать на нынешнем этапе: их приватизационное раздробление, как советовал МВФ, или сохранение при определяющем государственном участии? Сторонники раздела естественных монополий, главным образом руководство РАО «ЕЭС России» и Министерства путей сообщения, обычно ссылаются на то, что приватизация их отдельных частей дает возможность привлечь инвестиции для модернизации изношенного оборудования. Вместе с тем отвечают отрицательно на вопрос, остановит ли такая приватизация быстрый рост тарифов. Почему в таком случае нельзя государству использовать рост тарифов исключительно для модернизации оборудования? Противники раздела и приватизации естественных монополий, а наше правительство однозначно разделяло такую позицию, ссылались и на зарубежную практику, уже продемонстрировавшую пагубность, в том числе технологическую, движения по этому пути. Наконец, нужно учитывать, что естественные монополии в России скрепляют единство огромной страны.

Но стремление сохранить естественные монополии как единые организмы не означает согласия на их всевластие. Наше правительство резко выступило против необоснованного роста цен и тарифов на продукты и услуги естественных монополий. При таком необоснованном росте – мы хорошо это понимали – невозможно обеспечить снижение затрат на производство, повышение конкурентоспособности отечественной продукции, экономического роста в целом.

Остановлюсь подробнее на событиях, связанных с двумя наиболее крупными нефтяными компаниями, в которых государство владело контрольным пакетом акций, – это «Славнефть» и «Роснефть». Компании были доведены

до тяжелейшего финансового состояния. Мы приняли решение срочно заменить руководство, а не распродавать их, что лишило бы государство собственности, а следовательно, и позиций в такой важнейшей для России отрасли, как нефтедобывающая. Поиски соответствующих кандидатов на руководящие должности были нелегкими. Мы «продирались» через лоббирование, стремление протолкнуть своих людей. Следы вели к олигархическим группам, пытавшимся не только отхватить новый лакомый кусок, но и, сговорившись между собой, монополизировать отрасль. Иными словами, через своих представителей кое-кто хотел провести скрытую приватизацию. На том этапе не вышло.

Президентом «Славнефти» стал В.М. Дума. Он пришел в компанию, когда она находилась на грани банкротства. Задержки по зарплате достигали семи месяцев, недоимка перед федеральным бюджетом составляла около 500 миллионов рублей, а долги зарубежным кредиторам приближались к 200 миллионам долларов. Вскоре «Славнефть» рассчиталась по всем истекшим кредитам западных банков, полностью с бюджетом и погасила долги по зарплате. Прибыль компании по итогам шести месяцев 1999 года выросла по сравнению с тем же периодом 1998 года в четыре раза.

С.М. Богданчиков возглавил компанию «Роснефть» осенью 1998 года, когда над ней нависла угроза банкротства. Мне буквально проталкивали кандидатуры других руководителей. Я попросил дать мне список из десяти фамилий и выбрал из них Богданчикова, которого до этого не знал лично, но был осведомлен о его хорошей работе на Сахалине. Этот выбор себя полностью оправдал. Богданчиков поставил деятельность компании под жесткий контроль. «Роснефть» реструктурировала свои обязательства перед кредиторами и погасила их. За первую половину 1999 года ее прибыль выросла в 17 раз по сравнению с тем же периодом 1998 года.

Правительство взяло курс на создание одной мощной государственной нефтяной компании – не путем национализации, а через объединение «Славнефти», «Роснефти», нескольких других нефтяных компаний, в которых государство владело контрольным пакетом акций. По моему заданию был подготовлен соответствующий проект постановления правительства. Речь шла о создании сначала государственного холдинга, а затем объединении всех компаний в одно целое. Тогда в руках у государства была бы вторая по масштабам добычи нефти (после «ЛУКОЙЛа») компания, и если учесть, что в государственных руках была еще и «труба» – «Транснефть», через которую осуществляется весь нефтяной экспорт страны, то совершенно ясно, кто обладал бы реальными рычагами воздействия на обстановку. При сохранении частного предпринимательства наличие таких государственных рычагов – я в этом уверен – дало бы нам возможность не только более последовательно и в интересах всего общества регулировать экспортные пошлины, которые мы успели ввести, но и в определенных пределах влиять на внутренние цены на бензин, горюче-смазочные материалы, препятствовать их спекулятивному взлету.

Против идеи создания мощной государственной нефтяной компании выступили олигархи. Конечно, не в открытую, но с использованием всех своих лоббистских возможностей. Я думаю, что попытка ее создания тоже была одной из причин того, что нас отправили в отставку. В этом убеждают и последовавшие за отставкой события. Проект создания такой компании был похоронен. Начался передел собственности и в этой области.

Есть основания считать, что позитивная динамика велась к устойчивому промышленному росту. Многим было выгодно преподносить это исключительно как следствие девальвации рубля, которая действительно подтолкнула к росту продукции экспортных отраслей промышленности. Сказалась и необходимость импортозамещения в

условиях сокращения ввоза готовой продукции, последовавшей за кризисом августа 1998 года. Но решающими для подъема экономики оказались меры, которые мы предприняли с целью активного использования благоприятной конъюнктуры. Кстати, проведенный анализ показал, что результатом импортозамещения стала примерно одна четверть от общего прироста производства.

Несостоятельны также попытки представить улучшение положения, произошедшее за восемь месяцев нахождения правительства у власти, как результат главным образом роста мировых цен на нефть. Стабилизация и поворот к лучшему произошли до роста цен на нефть, начавшегося лишь в марте 1999 года и принесшего свои основные плоды уже после нашей отставки.

Позитивная динамика в экономике способствовала тому, что на 1999 год был предложен и принят Госдумой жесткий, но реальный бюджет. Он был выполнен полностью. Это, пожалуй, случилось впервые за 1990-е годы. Впервые доходы бюджета превысили расходы. Впервые с целью погасить накопленные нашими предшественниками задолженности был установлен первичный профицит, который достиг 2 процентов.

Конечно, правительство занималось не одной экономикой. Мы стремились развернуться лицом и к проблемам науки, образования, культуры – и не только через своевременную выплату заработной платы, погашение долгов работникам этих сфер, строгое финансирование их по федеральному бюджету. Нужно было многое исправлять.

Мне доложили о том, что буквально накануне дефолта наши предшественники приняли постановление правительства № 600, утверждавшее программу экономии государственных расходов. Программа сама по себе была, несомненно, нужной. Экономия государственных средств должна была в первую очередь охватить необоснованные, подчас «купеческие» расходы чиновничьего аппа-

рата, главным образом высших чиновников – в частности, строительство государственных дач, в то время, когда не хватает жилья, детских учреждений. Следовало идти глубже: перестраивать неэффективную систему социальных льгот, исключать нерациональное использование бюджетных учреждений, сокращать громоздкий управленческий аппарат, избавляться от дублирования в работе федеральных органов исполнительной власти, наводить строгий порядок в использовании средств федерального бюджета в Вооруженных силах.

Между тем наряду с обоснованными и необходимыми мерами рачители «экономии государственных расходов» додумались даже до отмены целого ряда надбавок и доплат преподавателям вузов, учителям средних школ, получающим и без того мизерное вознаграждение за свой тяжкий и столь важный для общества труд. Программа предусматривала «экономии» и за счет снижения на 30 процентов и без того мизерных стипендий студентов учебных заведений среднего и высшего профессионального образования. Постановлением нашего правительства от 11 декабря 1998 года мы отменили реализацию этих и подобных «мероприятий».

Совершенно естественно, что мы отменили также предложение предыдущего правительства о сокращении расходов на фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу. При нашем правительстве впервые были полностью выплачены все запланированные в бюджете деньги Академии наук Российской Федерации. Конечно, их было явно недостаточно, но выплата бюджетных средств, в которых ранее просто отказывали, все-таки стала шагом к долгожданному перелому.

В начале 1999 года в Белый дом ко мне пришли три выдающихся режиссера, руководители известнейших театральных коллективов – МХАТа, Ленкома, «Современника» – Олег Ефремов, Марк Захаров и Галина Волчек.

Было горько сознавать, что лучшим театрам России приходится изворачиваться, искать спонсоров, упрашивать их помочь, сдавать в аренду помещения, с тем чтобы приобретать театральный реквизит, финансировать новые постановки, не вздымая до потолка цены на билеты. И что же? Минфин потребовал, чтобы все эти средства были изъяты со счетов коммерческих банков и размещены на беспроцентных счетах казначейства.

– Если не верят, что мы расходуем их не на себя лично, – возмущался Олег Ефремов, – то пусть контролируют до копейки. Но мы опасаемся того, что чиновники будут решать, на какие конкретные производственные расходы пойдут нами же самими добытые средства.

Я вызвал министра финансов и, несмотря на его протесты, дал указание отменить эти предписания. Добавил, что жуликов следует искать не среди интеллигенции, тем более лучших ее представителей, а среди зарвавшихся чиновников и предпринимателей, от которых порой министерства стыдливо отводят свой взор.

Коли затронул эту тему, хочу уточнить. Не только никогда не выступал против, но оказывал всевозможную поддержку честным предпринимателям и бизнесменам. Их зарождение и «возмужание» – благо для России. Но наряду с такими существуют предприимчивые жулики, экономические преступники, против которых считал необходимым бороться и боролся в меру сил.

Вот так и создавались нашим правительством условия для политической и социальной стабилизации в России, в то время как во всем мире гадали: выдержит ли, не рухнет ли страна в пропасть.

Когда я стал премьер-министром, сверхзадача на тот момент, да, может быть, и на более поздний, заключалась в том, чтобы пройти между диктатурой и хаосом. Думаю, что был найден правильный путь для этого – усиление роли и повышение эффективности государства. Опасно для рыночной экономики да и для общества в

целом не сильное государство, опирающееся на право и надежно действующие демократические процедуры, а слабое государство, которое даже из лучших побуждений пытается вмешаться в хозяйственную практику и другие сферы жизни страны, общества, людей, но на деле является орудием противоборствующих влиятельных групп. Как говорил Ф.Д. Рузвельт, «сильное, деятельное государство никогда не вырождается в диктатуру. Диктатура всегда приходит на смену слабой и беспомощной власти».

Я так подробно остановился на всех экономических и других вопросах не только потому, что по подходам к ним можно судить о деятельности нашего правительства. Во многом эти вопросы не потеряли своей актуальности и сегодня, и многие из них все еще ждут своего решения.

VI. Кровоточащая рана – Чечня

Кризис в Чечне по времени совпал с моей работой в СВР и МИДе, и во главе правительства. СВР и МИД непосредственно не занимались Чечней, но я в это время был еще и членом Совета безопасности, который занимался чеченским кризисом непосредственно. Вот как все начиналось.

В 1991 году отыскивали генерала Советской армии Джохара Дудаева – чеченца по национальности – и привезли его в Грозный на смену «неприемлемой» старой советской верхушке. Сделали это люди из окружения Ельцина. Те, кто правил бал в то время, не заботились о нормальной обстановке, которую хоть и не в полной мере, но

все-таки с трудом удавалось удерживать руководство Чечено-Ингушской республики*. Главное для приближенных к Ельцину людей было показать силу новой власти. Так начался «чеченский эксперимент», столь дорого обошедшийся России.

Между тем в республике и за ее пределами получили развитие процессы, которые все туже затягивали чеченский узел. Министерство обороны вывело из Чечни все федеральные силы. Однако большое число вооружений было оставлено Дудаеву, и не только стрелковое – 108 единиц бронетанковой техники, 51 единица боевых и учебных самолетов, зенитные установки, включая зенитно-ракетные комплексы, 153 единицы артиллерии и минометов, включая реактивные системы залпового огня, около 750 противотанковых управляемых ракет и т. д. Дудаев укрепил и начал проводить линию на «самостоятельность».

Практически с первых же дней режим Дудаева приобрел криминальный характер. В Чечне устанавливался произвол и царило насилие. Были выпущены из тюрем уголовники. Экономика оказалась разрушенной. Нефтехимический комплекс разграблен. Сельское хозяйство развалено. Безработица достигла небывалых размеров, охватив более двух третей работоспособного населения. Около четвертой части населения Чечни покинуло пределы республики. Многие превратились в беженцев.

В это время возникли мафиозные, криминальные связи отдельных групп российских бизнесменов с чеченским руководством, использовавшиеся для взаимного обогащения. Для этого существовала масса возможностей, в том числе беспошлинный ввоз на территорию Чечни (ведь она считалась частью Российской Федерации) и свободный, не облагаемый никакими налогами и

* Эта автономная республика, существовавшая в СССР, была разделена на две части – Чечню и Ингушетию.

сборами вывоз сырья, полуфабрикатов, товаров за пределы России. Процветала торговля оружием, наркотиками. В таких формах и произошел переход от «старого» к «демократическому новому» в Чечне.

Естественно, что появились внутренние силы в Чечне, которые, особенно летом 1994 года, окрепли и начали оказывать серьезное сопротивление, организовав антидудаевское движение. Был образован Временный совет и правительство. Начались внутречеченские вооруженные столкновения. В стороне не оставался и федеральный центр, но действовал он беспомощно, грубо. «Добровольцы»-танкисты без сопровождения пехоты ввели танки в Грозный. Операция кончилась тем, что танки были сожжены на улицах чеченской столицы.

Встал вопрос о вводе федеральных сил. До сих пор гуляет много слухов о том, как решался этот вопрос в декабре 1994 года. Да, действительно, тогдашнему министру обороны П.С. Грачеву принадлежит залихватское заявление о возможности решить все проблемы в считанные часы силами одного десантного полка. Но я присутствовал в качестве члена Совета безопасности на заседании в тот момент, когда принималось решение, и могу засвидетельствовать, что Грачев во время обсуждения и особенно министр внутренних дел Ерин не проявляли никакого энтузиазма по поводу начала военных действий.

Кто был безоговорочно «за»? Не хочу называть их имен, тем более что одних уже нет, а другие далече. Выступили с сомнениями, не поддерживая решения о вводе войск, министр юстиции Ю.Х. Калмыков и, как он заявил в интервью «Комсомольской правде», Примаков.

Обсуждение было безалаберным. В основном дискутировались две темы: сколько дней нужно на подготовку – семь, десять или две недели – и кому руководить операцией – Грачеву или Ерину. По настоянию Грачева командующим-координатором был назначен он.

Во время заседания я попросил Ельцина на минуту выйти переговорить. Вышли в соседнюю комнату – приемную. Сказал:

– Нельзя вводить войска. Неизвестно, как потом их будем выводить. Во всяком случае, до начала военных действий, как мне представляется, следует направить к Дудаеву его бывшего командира маршала авиации Е.И. Шапошникова. Это будет полезно.

– Не волнуйтесь, – ответил Ельцин. – По-видимому, так и сделаем. Во всяком случае, я надеюсь на то, что все-таки не придется применять силу.

После этого состоялось голосование, и все без исключения подняли руки за военную операцию.

Но должен сказать, что роль президента во всем этом была далеко не одноплановой. Я верю в его искренность, когда через некоторое время он заявил, что был обуреваем сомнениями.

Мало кто знает, что в связи с чеченскими событиями на одном из заседаний Совета безопасности в 1995 году Ельцин сказал, что подает в отставку, так как чувствует свою вину.

С этого прямо и началось заседание. Выступили все члены СБ и категорически потребовали от президента не делать этого. Не думаю, что со стороны Ельцина это было просто игрой. Он тяжело переживал все, что было связано с Чечней.

А дальше? Открываю свои записи тех лет. Они передают не только настрой отдельных участников совещаний у руководства страны – фрагментарность оценок, переплетение реального видения обстановки с желаниями продемонстрировать оптимизм, но главное – отсутствие продуманной линии, обозначенной для неукоснительного выполнения, неспособность собрать все воедино, действовать вместе для выработки и принятия решений, комплексных, разносторонних, рассчитанных на перспективу и столь важных для всей России и россиян.

16 декабря 1994 года совещание у премьера Черномырдина.

Егоров (назначенный представителем президента в Чечне): Военную операцию следует завершить без переговоров с Дудаевым. С ним вообще нельзя договориться. Антиправительственный тон центральных средств массовой информации отражает их страх за то, что сами же создали в свое время положительный образ Дудаева.

Грачев: Если переложить на цифры, то на 70 процентов ситуация сложилась в пользу Дудаева. Если брать Грозный, то с нами будет лишь 500 человек от чеченской оппозиции. К тому же с юга к Грозному мы не прошли. Если идти с других направлений, придется бить по населенным пунктам. Без бомбардировок и артобстрела Грозного на штурм я не пойду. Будут большие потери.

Ерин: Следует не только держать в поле зрения обстановку в Ингушетии и Дагестане, но серьезно на нее воздействовать. Операцию в Чечне нужно доводить до конца, но исходить из того, что будем «работать» там не один год.

Степашин (председатель ФСК): Уходить нельзя из Чечни, нельзя отходить и от Грозного. Вместе с тем в городе определены те объекты, в случае ликвидации которых можно обойтись без штурма.

Иван Рыбкин (в то время председатель Госдумы): Если решать, то нужно это делать не затягивая.

Ни подведения итогов, резюмирующих обсуждение, ни каких-либо вариантов решений, предназначенных для предоставления президенту, не было.

26 декабря проходило заседание Совета безопасности.

В своих записях я выделил слова Грачева: «Дудаев сохраняет возможность жесткого сопротивления. Он получает вооружение и боеприпасы по скрытым тропам из Абхазии и Азербайджана. Перелома в военной обстановке в нашу пользу в Грозном нет».

Выступил на этом заседании и я:

– Если не делаем ставку на взятие Грозного в ближайшие дни – возможность этого следует определить военным, – то нужно обязательно заявить, что главной задачей было блокирование города, и на этом остановиться. После этого целесообразно прекратить бомбардировки Грозного, громогласно объявив, что открываются коридоры для выхода из города мирного населения. Одновременно организовать силами МВО и ФСК «фильтрацию» покидающих город и перейти к подготовке и осуществлению спецопераций в Грозном с целью захвата дудаевской верхушки. Этому отнюдь не помешают переговоры с теми чеченцами, кто может взять на себя обязательства по разоружению.

На совещании у Ельцина 6 января 1995 года Грачев нарисовал нерадужную картину: ожесточенное сопротивление Дудаева; по имеющимся данным, отрабатываются планы перехода к партизанской войне; в одном Грозном у Дудаева до 11 тысяч боевиков, его сторонники проникают в местные органы власти на территории, контролируемые федеральными силами; продолжается инфильтрация извне. «Необходимо, по-видимому, два-три года, чтобы взять ситуацию под контроль».

Как это не было похоже на обещание разгромить боевиков за одну неделю.

По мнению Ерина, недостаточно для успешного проведения операции в Чечне находящихся там 15 тысяч военнослужащих МВД дополнительно к 37 тысячам от Министерства обороны: «Давайте будем реалистами».

Егоров заговорил о переговорном процессе:

– Хаджиев (председатель правительства, образованного Временным советом Чечни. – *Е.П.*) начал контакты с некоторыми полевыми командирами. Таким образом, можно считать, что начался переговорный процесс. Следовало бы втянуть в него начальника генерального шта-

ба чеченцев Масхадова, который все-таки держится несколько особняком.

– Хороший фон для переговоров создает тот факт, что из 11 районов восемь поддерживают нас, – добавил Степашин.

И все. На том эта тема и повисла.

10 января 1995 года я пришел на еженедельный доклад к президенту. Первым вопросом была Чечня. СВР не входила в число тех «силовых структур», которые были непосредственно задействованы в решении чеченской проблемы, по территории России вообще не работала, но у нас были достаточно осведомленные о положении в Чечне источники за рубежом, несколько сотрудников СВР – чеченцы по национальности – хорошо знали обстановку на месте, наконец, сильная аналитическая группа синтезировала имеющуюся информацию.

Ельцин согласился с тем, что одной военной операцией проблемы не решить, а военные, политические (внутренние и международные) издержки значительно масштабнее, чем ожидалось. Для стабильности обстановки в России, недопущения международной изоляции нашей страны очень важно подкрепить военную операцию переговорным процессом.

Я предложил свои возможности – существовала предварительная договоренность о том, что меня примет король Марокко Хасан II, который являлся председателем Организации Исламской конференция (ОИК), президент Алжира, ливийский лидер Муаммар Каддафи и президент Египта Мубарак.

Сказал также Ельцину, что считаю целесообразным, чтобы он предал гласности те недостатки, промахи, ошибки, которые проявились во время последних событий в Чечне. По его просьбе уточнил:

1. Три года не предпринимались решительные меры. Сказался явный недостаток реальной информации у российского руководства.

2. Часть тяжелого вооружения была передана при выводе войск режиму Дудаева.

3. Выявились недостатки в работе Генштаба в планировании военной операции в Чечне, в координации различных составляющих Вооруженных сил, а шире – в военном строительстве, в создании и производстве вооружений, отвечающих нынешним задачам.

Ельцин сидел в задумчивости. Чувствовалось, что он не раз думал обо всем этом.

В результате поездок на Ближний Восток и в Северную Африку я убедился еще раз, что главы многих арабских стран не только не поддерживают терроризм, но считают необходимой борьбу с сепаратизмом. Король Марокко практически отменил проведение чрезвычайной сессии ОИК, посвященной Чечне, а Каддафи даже позвонил Дудаеву, пытаясь его «остудить».

Но «остудить» чеченских боевиков не удалось ни до, ни после гибели Дудаева.

На этот раз Совет безопасности собрался 29 июня 1995 года, после террористической операции в Буденновске, начавшейся с захвата боевиками Басаева больницы и закончившейся – после того как погибли десятки заложников и сотрудников МВД – договоренностью об освобождении все еще находившихся под дулами бандитов мирных жителей «под залог» разрешения террористам уйти.

Первым выступил губернатор Ставропольского края Кузнецов.

– Для жителей Буденновска, – подчеркнул он, – главный вопрос: почему не уничтожены бандиты?

Далее он сказал, что непосредственно границу с Чечней охраняют всего 236 сотрудников местной милиции, а граница Дагестана с Чечней – вовсе прозрачная. Отсюда полная прозрачность на всем протяжении Чечня – Дагестан – Ставропольский край. По словам Кузнецова, во

время операции в Буденновске проявилось полное отсутствие взаимодействия всех силовых структур.

– Не было данных от военной разведки, и я сомневаюсь, – добавил он, – что положение быстро выправится.

Затем выступил Ерин, который честно признал серьезные недостатки в деятельности МВД и сказал, что готов уйти в отставку. Степашин, обрисовав положение, заявил, что уже принял решение подать в отставку. По словам Грачева, его главной виной является то, что уже на первом этапе не смог скоординировать деятельность силовых структур. Другая ошибка в том, что не добил оставшиеся банды, которые ушли в горы. Самая большая вина в том, что не нашел и не «накрыл» отряд Басаева.

– А в Буденновске, – откровенно сказал Грачев, – отсиделся за спинами своих коллег. Хочу извиниться за резкие слова в адрес Ерина и Степашина и заявить о готовности уйти в отставку.

И Егоров, и секретарь Совета безопасности Лобов тоже заявили о готовности уйти со своих постов.

– Цена вашей вины очень велика, – заключил президент.

Последовали некоторые отставки, однако по «буденновскому сценарию» повторился захват террористами родильного дома в Кизляре, а затем, как-то экспромтом, без должной подготовки и продуманных идей, сели за стол переговоров. В августе 1996 года были подписаны далеко не однозначные хасавюртские соглашения*¹⁵. Федеральные войска покинули Чечню, и все вернулось на круги своя: криминал сохранил свои позиции.

Я не знаю, был ли проведен серьезный комплексный анализ «первой войны» в Чечне и сделаны военные и

* По ним определение статуса Чечни было отложено на пять лет, но из проекта текста соглашения был убран пункт о государственной целостности России при сохранении пункта о праве народов на самоопределение.

политические выводы, не знаю, положили ли глубокий разбор этих событий в основу прогноза развития ситуации в самой Чечне, в соседних странах и субъектах Российской Федерации, рассмотрели ли варианты наших действий и контрдействий. Во всяком случае, я, будучи министром иностранных дел, а затем Председателем Правительства, к подобным комплексным целенаправленным обсуждениям не привлекался.

30 августа на Совете безопасности Ельцин констатировал «перевод стрелок на мирное решение». Одновременно он упрекнул – мне кажется, совершенно правильно – министерство обороны за то, что оно рано отвело все свои силы, а пограничников за то, что не договорились о закрытии границы Чечни с Грузией и не поставили эту границу под свой контроль.

– Нужно было брать Басаева после Буденновска на границе, – сказал Ельцин, – там кончились наши обязательства. Спецслужбы, в первую очередь МВД, должны укреплять все административные границы с Чечней.

Выступил новый министр внутренних дел А.С. Куликов, который в виде одного из вариантов предложил закрепить на берегу Терека и вернуть Ставропольскому краю два района, переданные Чечне при советской власти.

Но это были лишь импульсы к глубокому и детальному рассмотрению сложившегося положения и определению последующих действий с нашей стороны.

К моменту формирования под моим председательством правительства в России терроризм захлестнул Чечню. После зверского убийства в начале октября 1998 года четырех представителей английской фирмы – трех англичан и новозеландца – избранный президентом Чечни Масхадов почувствовал себя особенно ущемленным, так как Лондон был единственной западной столицей, где его официально приняли за несколько месяцев до этого. Он объявил, что приказал начать поиски четырех похи-

ценных, а после того, как нашли четыре отрубленные головы, поиски их убийц.

С этого момента усиливаются противоречия в стане чеченских полевых командиров. Масхадов потребовал в течение семи дней распустить все не подчиняющиеся «главному штабу» вооруженные формирования, немедленно ликвидировать базы Басаева, Хаттаба и Исрапилова в Сержень-Юрте, Ведено и Урус-Мартане.

Однако, несмотря на истечение сроков ультиматумов, выдвигаемых Масхадовым, широкомасштабные операции не начинались. В это время до нас было доведено предложение Масхадова провести встречу со мной. Ельцин дал добро. Консультировался с Александром Дзасоховым – президентом Республики Северная Осетия – Алания и Русланом Аушевым – президентом Ингушетии. Решили провести встречу во Владикавказе, куда прибыли Масхадов и Аушев.

Встреча проходила 29 октября – это был день рождения одновременно и Руслана Аушева, и мой. Принимал нас всех старинный мой друг Дзасохов. Это создало хороший фон для переговоров. Но разговаривал я с Масхадовым один на один.

Для себя почерпнул из этого разговора следующее:

1. Масхадова и Басаева разделяли на тот момент не только борьба за лидерство в Чечне, но и «стратегические интересы». На прямо поставленный мною вопрос Масхадов ответил: «Я считаю, что независимая Чечня должна существовать в нынешних границах, а Басаев думает по-другому. Он хочет чеченский эксперимент перенести на соседние территории, в первую очередь на Дагестан, и добиваться выхода к двум морям – Каспийскому и Черному».

2. С противниками Масхадова тесно контактируют определенные силы в России, а именно, по его словам, Б. Березовский, который «поддерживает их материально, в частности, платя за освобождение заложников, а

также предоставил им радиоаппаратуру. Основным партнером Березовского является М. Удугов» (министр иностранных дел Чечни. – *Е.П.*).

Мы договорились (со мной были министр внутренних дел С.В. Степашин и министр по делам национальностей Р.Г. Абдулатипов) о сотрудничестве правоохранительных органов в борьбе с похищениями людей и преступностью, о восстановлении ряда предприятий Чечни, о выплате Центром компенсации гражданам, подвергшимся депортации в 1994 году и проживающим на территории Чечни, о переводе пенсий чеченским пенсионерам из федерального пенсионного фонда.

Главным итогом встречи было обещание Масхадова в течение месяца «начать открытую борьбу и покончить с террористами».

Возвратившись в Грозный, Масхадов не смог или не захотел действовать против набравших силу «независимых» от его режима полевых командиров. Если в первые дни после встречи во Владикавказе давал понять, что готов что-то делать, например, 30 октября без разъяснений снял с поста министра иностранных дел М. Удугова, то в дальнейшем решительность Масхадова стала таять на глазах. Это развязывало руки экстремистским элементам, нацелившимся на экспорт «чеченского опыта» в Дагестан и осуществление крупных террористических актов в России. Даже если Масхадов не встал на путь поддержки этих действий, он не мог не знать о них и не предпринял решительных шагов для их предотвращения. Навряд ли он предполагал, каких масштабов достигнет российская реакция. Москва при поддержке практически всего российского общественного мнения ввела войска на территорию Чечни. Началась антитеррористическая операция, которая по сути переросла в войну против чеченских террористов и сепаратистов. Целью операции была ликвидация потенциала террористов и – скрывать тут, как мне кажется, нечего – возвра-

щение Чечни в лоно российского государства, срыв более широких планов отторжения от России Северного Кавказа, территориальной дезинтеграции страны.

Необходимость таких жестких действий была бесспорной. Просто выбить чеченских боевиков из Дагестана и не преследовать их, ограничиться открытием уголовных дел и бесплодными требованиями от чеченских властей выдать бандитов, взорвавших жилые дома, убивших и искалечивших тысячи мирных граждан, – все это было бы показателем нежелания или неумения федерального центра защищать интересы России и россиян. И неслучайно рейтинг премьер-министра Путина, который взял на себя ответственность за действия против боевиков на территории Чечни, необычайно быстро вырос, а в дальнейшем в первом туре он выиграл борьбу за президентское кресло.

Итак, в октябре 1999 года федеральные силы вошли на территорию Чечни. Существовали различные варианты продолжения этой операции. Мне и мэру Москвы Юрию Лужкову, с которым к тому времени обозначилась близость взглядов по многим проблемам, казалось, что лучший вариант – остановиться на берегу Терека, надежно закрыть границы Чечни с Дагестаном и Ставропольским краем, а также с Ингушетией и Грузией, создав своеобразную «зону безопасности». На юг Чечни не входить. Одновременно наносить точечные бомбовые и ракетные удары по боевым целям, инфраструктуре, используемой боевиками.

Что касается освобожденного севера Чечни, то сделать максимум для того, чтобы показать преимущества мирной жизни – больницы, школы, зарплата, пенсии, порядок, безопасность. Между тем южной части Чечни предстояла холодная и голодная зима. В случае успеха предлагаемого варианта существовала реальная возможность расслоения среди чеченских полевых командиров и, что самое главное, – дистанцирование населе-

ния от боевиков. Это, как нам представлялось, было сверхзадачей операции в Чечне, решение которой должно было открыть путь к политическому урегулированию.

Обо всем этом мы с Лужковым перед выборами в Государственную Думу говорили с Путиным. И он не возражал. Но не следует забывать и о том, что действует логика, порожденная самими военными действиями.

Излагавшийся нами вариант не прошел. К причинам можно отнести и опасения, что повторится прошлая ситуация (как говорил цитированный мною П. Грачев, одна из его ошибок заключалась в том, что он не добил бандитов, дал им уйти в горы), и менталитет некоторых военачальников, которые придали излишне большое значение тому, что федеральные силы дошли до Терека с минимальными потерями, – это тоже подстегивало к продолжению наступления на юг Чечни. Сказалось и то, что чеченские боевики начали просачиваться на освобожденные территории, разведка доносила, что они превращают буквально в опорные крепости населенные пункты. Грузия отказалась пропустить через свою территорию российских пограничников для закрытия с российской стороны чечено-грузинской границы*.

* Уже после ухода из правительства я принимал в Государственной Думе специального помощника госсекретаря США по новым независимым государствам С. Сестановича, которого сопровождал посол Коллинз. Сестанович признался, что между вечерним согласием на проход наших войск и утренним отказом от этого Шеварднадзе советовался с ним. Однако, по словам Сестановича, Шеварднадзе говорил о том, что Россия якобы предлагает закрыть границу своими силами, расположив их на территории Грузии. А, как я знаю, речь шла о другом: о разрешении для закрытия границы с Чечней провести наши части с российских баз в Грузии на территорию Чечни, то есть Российской Федерации. Возможно, Шеварднадзе опасался сопротивления со стороны чеченцев-кистинов, составляющих большую часть населения Ахметского района Грузии. Но разве лучше для Грузии стало, когда в Ахметский район проникли боевики из Чечни, превратив Ахмету в свою базу, что сильно напрягло отношения России с Грузией?

Переход через Терек, борьба за освобождение Грозного, других населенных пунктов, которые на некоторое время вновь переходили под контроль боевиков, привели к серьезным потерям и среди мирного населения, и среди федеральных сил, несмотря на предпринимаемые меры, чтобы избежать этого. В конце концов можно считать, что масштабная военная операция была завершена разгромом отдельных частей боевиков.

В таких условиях усилились призывы начать переговоры с чеченскими боевиками. Казалось бы, переход к переговорам был логичным, тем более что разгром больших частей боевиков еще не создавал гарантии прекращения военных акций. Продолжались и террористические вылазки. Однако переговоры можно было начинать только с теми, кто, во-первых, публично откажется от террористических методов, осудит терроризм как средство достижения своих целей и, во-вторых, окажется способным контролировать ситуацию в горных районах Чечни. Не один из чеченских полевых командиров и руководителей повстанцев, включая Масхадова, не соответствовал этим двум критериям.

Что представляли собой чеченские полевые командиры, я увидел через четыре года сам во время захвата бандитами заложников в Театральном центре, где давали спектакль «Норд-Ост». После того как один из заложников сумел позвонить по мобильному телефону в телевизионную компанию REN-TV и назвал мою фамилию в качестве переговорщика с террористами, захватившими театр, я в сопровождении Асламбека Аслаханова* и бывшего президента Ингушетии Руслана Аушева вошел в здание. Оно было оцеплено ОМОНОм. Нас проводили

* Чеченец, бывший генерал-майор, который пользовался большой популярностью как в Чечне, так и в остальной части России, – патриот, хорошо понимающий, что благополучие его народа тесно связано со стабильными добрыми отношениями с другими народами в рамках Российского государства.

вооруженные люди в масках в одно из помещений, где находился глава банды Бараев с тремя своими подчиненными. Все они были с открытыми лицами, а у дверей стоял охранник в маске. Когда я сказал Бараеву, что он все время клянется Аллахом, а Коран не повелевает бороться с женщинами и детьми, он схватился за автомат. На мою просьбу освободить детей Бараев ответил:

– Я подчиняюсь только своему военному эмиру Шамилю Басаеву и президенту Масхадову. А завтра в 12 часов дня, если меня не заверят, что будут выведены федеральные войска из Чечни, я буду расстреливать по одному всех заложников.

Напомню, что их было под тысячу человек.

– Разговор окончен! – закричал Бараев, опять схватившись за автомат на мои слова, что чеченцы обычно говорят почтительно с людьми, которые старше их.

Появились немалые силы на Западе, которые заняли в связи с событиями в Чечне антироссийскую позицию.

В этом не было ничего необычного. Недруги России всегда использовали и используют любую трудную для нашей страны ситуацию в своих интересах. Но были и другие. Я бы разделил этих других на две группы. Первая – это те, кто не знал об истинном состоянии дел или не придавал значения варварским методам ведения борьбы со стороны чеченских боевиков. Не исключаю, что многие из таких западных деятелей были искренне потрясены большими разрушениями и жертвами среди мирного населения в Чечне в результате военных действий. Вторая – те, кто не понимал стратегического расклада, его неизбежного изменения в случае успеха или неуспеха операции федеральных сил России в Чечне.

На этом стоит остановиться подробнее. Мятеж чеченских сепаратистов – не изолированное явление. Об этом свидетельствует участие иностранных наемников в отрядах боевиков, их обучение за границей, их снабжение

оружием и финансами из-за рубежа, их связь с «Талибаном», с Бен Ладеном.

Чечня не изолированное явление и потому, что параллельно наблюдались попытки создания исламского экстремистского государства в центре Европы, на Балканах. Речь могла идти о стратегическом исламско-экстремистском треугольнике: Афганистан – Северный Кавказ – Косово. Неужели этого не видели те, кто столь рьяно обрушивался на Россию за ее действия, направленные в том числе на предотвращение создания угла этого треугольника на Северном Кавказе?

Мысль о том, что международный терроризм как бы действует по принципу «переливающихся сосудов», подтвердилась также на примере Ирака. После его оккупации США эта страна превратилась в один из основных плацдармов террористов «Аль-Каиды».

Война в Чечне никак не подпадает под определение античеченской или религиозной. Перелом в обстановке в Чечне произошел, когда на сторону правопорядка перешел Ахмад Кадыров и без колебаний приступил к сотрудничеству с федеральными властями в борьбе с бандитами. Он был знаковой фигурой – в 1994–1996 годах принимал участие в рядах боевиков в боях против федеральных сил, а в 1995 году на сходе полевых командиров Джохар Дудаев назначил его верховным муфтием Чеченской республики. Кадыров слыл непримиримым противником ваххабитов – представителей исламской секты, отмежевавшейся от основного направления в исламе – суннизма.

В 1998 году произошли вооруженные столкновения между проваххабитскими шариатской гвардией, исламским полком особого назначения, с одной стороны, и полком национальной гвардии под командованием сторонника и родственника Кадырова Сулима Ямадаева – с другой. Кадыров потребовал от Масхадова распустить вооруженные группировки ваххабитов и выслать пропо-

ведников ваххабизма из Чечни. Масхадов под давлением Шамиля Басаева отказался выполнить это требование. 25 мая 1999 года на Кадырова было совершено покушение – погибли пять его телохранителей, среди них трое его племянников. В 1999 году Ахмад Кадыров сделал свой окончательный выбор и в 2000 году принял предложение В.В. Путина стать главой временной администрации Чеченской республики. После этого назначения он сложил с себя полномочия верховного муфтия.

12 августа 2000 года Кадыров выступил по местному телевидению и призвал воюющих чеченцев сложить оружие. Обращаясь к полевым командирам, Кадыров заявил, что получил от президента России «полномочия амнистировать членов незаконных вооруженных формирований, не причастных к совершению особо тяжких преступлений». Аслану Масхадову новый глава чеченской администрации предложил либо уехать на жительство в Малайзию к сыну, либо остаться в Чечне, выполнив «предъявленные ему народом требования». Несколько полевых командиров перешли на сторону Кадырова. Началось формирование частей из чеченцев, которые повели борьбу с бандитами.

5 октября 2003 года Ахмад Кадыров был избран президентом Чеченской республики – за него проголосовала преобладающая часть избирателей. 9 мая 2004 года этот незаурядный человек погиб в результате террористического акта в Грозном. Мощное взрывное устройство, подложенное под центральную трибуну стадиона молодчиками Басаева, взорвалось во время концерта, посвященного Дню победы в Великой Отечественной войне.

С приходом к власти в Чечне Ахмада Кадырова, а затем (после его смерти) его сына Рамзана, который стал премьер-министром, положение дел в республике резко изменилось. Федеральные органы власти и федеральные вооруженные силы, действуя совместно с чеченскими

подразделениями, подчиненными Рамзану Кадырову, приступили к планомерному уничтожению командиров боевиков – тех, кто не пожелал переходить на сторону Кадыровых. Среди уничтоженных были и Масхадов, и Басаев.

Можно ли считать, что чеченская рана перестала кровоточить? К моменту написания этой книги продолжались отдельные террористические вылазки и в Чечне, и в Ингушетии, и в Дагестане, куда переместились некоторые полевые командиры. Объектом террористических действий стала и Северная Осетия – трагедия в Беслане, где террористы захватили школу, потрясла весь мир. Но война, как таковая, в Чечне уже закончилась. Трудности, конечно, сохраняются. Но что самое главное – удалось отдалить большую часть чеченского населения от боевиков, что, несомненно, является предвестием их полного и окончательного поражения.

VII. Переговоры с МВФ: топтание на месте

Чеченская проблема начала оказывать все более негативное влияние на наши отношения с рядом западных государств уже после того, как правительство, которое я возглавлял, ушло в отставку. Однако бомбардировки Югославии состоялись во время пребывания правительства у власти. И это создало не лучший международный климат для деятельности кабинета. Мало оптимизма вызывали и затянувшиеся переговоры с МВФ.

Наше правительство образовалось, когда уже был накоплен достаточный опыт взаимоотношений России с Международным валютным фондом. Россия получала

кредиты. Они сопровождались рекомендациями МВФ, с которыми российские экономические руководители, как правило, соглашались, даже когда была очевидна их неосуществимость. При этом высоко ценилось, что никто жестко не спрашивал, на что используются кредиты. Я бы назвал это поллюбовным сотрудничеством, при котором оба партнера, зажмурившись, оставались довольны друг другом.

Положение начало меняться после августа 1998 года. Передо мной интервью директора-распорядителя МВФ М. Камдессю газете «Монд» от 27 октября 1998 года. Он заявил, что при управлении кризисом не следует ограничиваться лишь макроэкономическим подходом. Следующее его «откровение» заключалось в некоторых ретроспективных оценках экономической ситуации в России, прозвучавших впервые: либерализация капиталов проводилась дезорганизованно, подчас вопреки здравому смыслу; МВФ никогда не приветствовал чрезмерную либерализацию спекулятивного капитала.

За этими словами, очевидно, стояло стремление ответить на нараставшую критику МВФ за нежелание снизить в своих оценках до специфики тех стран, которым предоставляются финансовые кредиты, учесть их реалии, трудности, не рассматривать их всех – начиная от Индонезии и кончая Россией – в качестве одной «модели», которой предписываются универсальные правила поведения, далеко не всегда обеспечивающие социально-политическую стабильность в обществе.

Высказывания Камдессю вдохновляли, но главное представление о позиции МВФ мог дать прямой диалог с директором-распорядителем. Моя первая встреча с ним состоялась в самом начале декабря 1998 года. Это было неплохим началом. Камдессю, в частности, сказал: «Со своей стороны мы сделаем больше, чем раньше, для успеха ваших переговоров с Парижским клубом, так как понимаем, что необходимо добиться реструктуризации

советского долга, но при выполнении всех обязательств по российскому долгу. Вопреки утверждению российской печати ваше правительство сделало чрезвычайно много за короткий промежуток времени».

Абсолютно непринужденным и даже доверительным был разговор и за ужином в нашем Белом доме. После этого пошли пострелять в тир. Я знал, что Черномырдин приглашал в свою бытность премьером Камдессю на охоту в одно из подмосковных хозяйств, и некоторые говорили, что далеко не все кабаны падали в результате выстрелов директора-распорядителя – егеря, сидевшие в кустах, были куда более меткими стрелками. Нужно сказать, однако, что в тире Камдессю поражал мишени хорошо. В общем и целом настроение у нас было приподнятое, и мы считали, что обещанные ранее транши в размере 8 миллиардов долларов поступят к нам в скором времени.

Однако нас ждало разочарование. Правда, не было дефицита во встречах. Визиты в Москву разных официальных лиц из МВФ чередовались с поездками в США наших представителей, в том числе министра финансов Задорнова, который по просьбе Камдессю был назначен ответственным за связь правительства России с МВФ. Об ускорении подписания соглашения с МВФ, которое даст возможность получить России очередные транши, Ельцин разговаривал со Шредером и получил благоприятный ответ. Мне звонил по телефону президент Ширак и тоже обещал договориться с Камдессю.

Нужны ли были России кредиты МВФ? Сама действительность показала, что мы не погибли без этих кредитов. Но их отсутствие затрудняло нам жизнь, особенно с учетом того, что мы расплачивались за накопленную задолженность: за восемь месяцев выплатили более 6 миллиардов долларов, в которых весьма остро нуждались сами. Вместе с тем дело было не только в кредитах фонда. Без подписания соглашения с МВФ – вот, что было

главное, – мы не могли не только реструктурировать свои долги, не только получить обговоренные ранее займы от Международного банка реконструкции и развития, но даже кредиты и займы на двусторонней основе.

Помню, как перед своим приездом в Москву мне позвонил по телефону премьер-министр Японии Обути, с которым я был в добрых отношениях еще в бытность обоим министрами иностранных дел. Полушутя-полусерьезно он сказал: «За проявленную смелость, когда вы согласились в столь критической обстановке возглавить правительство, я обещаю японский кредит России в сумме 800 миллионов долларов». Естественно, я поблагодарил своего коллегу. Однако через пару дней с Задорновым связался японский министр финансов, который, подтвердив обещание, сказал, что оно будет осуществлено после подписания соглашения правительства России с МВФ.

А соглашение откладывалось. Мы в правительстве из кожи лезли вон, чтобы залатать социальные дыры, дать импульс промышленности и сельскому хозяйству, поднять рухнувшую банковскую систему, сохранить боеспособность вооруженных сил, обеспечить текущую выплату долгов. А нас учили, учили, увеличивали число запросов, часто требуя невозможного. Не скажу, что все, что исходило от МВФ, было неправильным, неправомерным, но создавалось впечатление, что такое выстраивание аргументов нужно для того, чтобы, с одной стороны, оправдать откладывание решения подписать соглашение МВФ с правительством России, а с другой – показать нашу несостоятельность.

Миссия МВФ во главе с заместителем директора второго европейского департамента МВФ Ж. Беланже прибыла в Москву в середине марта. В конце концов в Москву вновь приехал директор-распорядитель МВФ Камдессю. И с одним, и со вторым состоялись обстоятельные переговоры. Что можно было извлечь из позиции МВФ на тот

период? Прежде всего фонд требовал резкого увеличения доходной части нашего бюджета. Для этого предлагались различные варианты, как сказал Беланже, «в помощь» нам. Например, брать больше с «Газпрома».

Я попытался объяснить, что «Газпром» – акционерное общество, которое платит в бюджет то, что оно обязано платить в виде налогов и экспортных пошлин. Если требовать больше средств, что противозаконно, то, помимо всего прочего, «Газпром» тоже может сказать (и с этим придется считаться): в таком случае прекращаются поставки газа в Беларусь, Украину, Грузию, пока они не выплатят долги; устанавливаются на внутреннем рынке цены, равные мировым; прекращаются поставки газа тем электростанциям, которые не платят, а таких большинство. При этом я подчеркнул, что сложность с доходной частью бюджета у нас во многом из-за невыплаты долгов странами СНГ за поставленные им нефть, газ, электроэнергию. Задолженность эта достигла в то время 7 миллиардов долларов. Из них 2 миллиарда приходилось на Украину. Когда я еще был министром иностранных дел, по просьбе, в том числе и американцев, мы давали в кредит газ и в Сараево.

– У нас есть кое-какие резервы, – продолжал я, – но мы не хотели бы при этом уменьшать – и так маленькие, недостаточные, – те средства, которые стремимся вложить в реальный сектор экономики. Потому что тогда мы не обеспечиваем завтрашний день.

«Наиболее легкие способы пополнения доходной части бюджета» (слова Камдессю) решил показать нам директор-распорядитель МВФ. Он предложил, чтобы «покупатели бензина на бензоколонке и покупатели алкоголя платили то же самое, что в июле 1998 года» (то есть до августовского дефолта. – *Е.П.*). Я ответил, что в то время цена бутылки водки составляла 4 доллара. Известно, что с тех пор произошло обесценение рубля и ныне 4 доллара равны 100 рублям.

– Вы призываете, следовательно, поднять цену одной бутылки до 100 рублей, что составляет десятую часть средней заработной платы?

– Не понимаю, – упорствовал Камдессю, – почему любители алкоголя должны платить меньше, чем в 1998 году.

– Да они не платят меньше. Они получают меньше. Если мы установим цену в 100 рублей за бутылку водки, то ее будут подпольно делать и продавать. Из любой гадости будут делать, а люди травятся.

– Восстановив акциз до того уровня, который был в 1998 году, – продолжал гнуть свою линию Камдессю, – вы получите дополнительно 3,5 миллиарда рублей. В августе прошлого года люди же не травились.

– Еще как травились. Знаете ли вы, – не выдержал я, – что только за 1997–1998 годы у нас от недоброкачественной водки погибло больше людей, чем мы потеряли за всю войну в Афганистане?!

Другой совет Камдессю «наиболее легким способом пополнить бюджет» заключался в следующем:

– Просто потрясает, что в России налогообложение высокооктанового бензина составляет всего 1 цент за литр, в то время как в целом в Европе – 25 центов за литр, а в США, которые тоже производят бензин, – 10 центов за литр. Если бы вы в течение нынешнего года достигли уровня этого акциза США, то получили бы в бюджет дополнительно 20 миллиардов рублей.

– За счет чего? Покажите! – недоумевал я. – Вы берете весь бензин. А вы возьмите только высокооктановый и покажите, каким образом я получу 20 миллиардов. На весь бензин мы не можем поднять акцизы. Это ударит по сельским труженикам, армии. У нас к тому же миллионы людей, у которых старые автомашины, прослужившие 10–15 лет. Их постоянно латают, и эти автомашины заправляются низкооктановым бензином.

– Извините, – согласился Камдессю. – Сейчас уточню цифры. Нам дали неправильную информацию.

– Вы же понимаете, – продолжал я, – что и в целом сопоставлять одни лишь цены в США и у нас просто нельзя. Вы сопоставьте долю этих цен в средней заработной плате в США, у нас и во Франции. И если вы мне покажете, что эта доля у нас меньше, чем во Франции или Соединенных Штатах, тогда я подниму руки.

Следующие предложения Камдессю сводились к введению экспортной пошлины в размере 5 экю за тонну нефти вне зависимости от ее цены.

– Мы уже сделали больше, чем вы предлагаете, – установили пошлину в 5 экю при цене за баррель в 12 долларов. Но, как мы считаем, цена будет повышаться, и в постановлении правительства у нас записано прямо, что пошлины будут индексироваться в зависимости от динамики цен, – сказал я.

Выяснилось, что директор-распорядитель не видел этого постановления. Не ведал он и о многом другом из того, что уже сделало правительство. Вместе с тем я как-то прочувствовал во время нашей беседы возможность того, что отдельные политики, или скорее политиканы, главным образом из России, целенаправленно снабжали его такой информацией, которая отнюдь не располагала Камдессю к договоренностям с нашим правительством.

Не хочу осуждать Камдессю, хотя и можно было предъявить ему ряд претензий. Он все-таки в целом был настроен позитивно. Когда Камдессю, может быть, не совсем умело или не совсем со знанием наших дел подсказывал, как увеличить доход, то за этим, уверен, стояло в конечном счете стремление не дать рухнуть российскому бюджету. На его памяти была практика, когда на утверждение Госдумы представляли нереальные по исполнению бюджеты, зная заранее, что потом будет неизбежная корректировка, а источником необходимых средств был

в основном Международный валютный фонд. Он не верил, что мы не пойдем тем же путем. Недоверчиво отнесся он и к моим словам о том, что мы надеемся на дополнительные доходы за счет заработавшей экономики. В качестве примера я специально привел не сырьевые отрасли, а машиностроение, где заказы в январе 1999 года по сравнению с январем 1998-го (!) выросли в 3,5 раза. На его лице был написан скептицизм.

Неверие в наш профессионализм сквозило в замечаниях руководителей МВФ в связи с политикой правительства компенсировать в максимально возможной форме населению катастрофические последствия 17 августа, а это составляло 30 процентов доходов.

При поддержке Маслюкова, Задорнова и министра по сбору налогов Бооса я попробовал доказать, что мы не сможем решить эту задачу за один 1999 год, но уже во второй половине 1998 года мы добились регулярной выплаты зарплаты, пенсий, стали решительно сокращать, а по ряду выплат ликвидировали долги. А с 1999 года начинается компенсация, причем немалая. И средства на нее заложены в бюджет. Но этим компенсация не закончится.

– Вы, очевидно, не учитываете, что в доходную часть бюджета следует добавить суммы, которые понадобятся для корректировки зарплат и пенсий с учетом уровня инфляции, – ехидно улыбаясь, заметил Камdessus.

Ни он, ни кто-либо другой из руководства МВФ не верил, что нам удастся избежать гиперинфляции, остановить резкое обесценивание рубля, – а мы этого добились.

Я был, естественно, максимально сдержан, но уже во время переговоров с Беланже, понимая, что он донесет это до других, сказал:

– Есть три сценария. Один, который мы хотели бы осуществить, – это прийти к согласию с МВФ. Второй – сделаем окончательный вывод, что МВФ не хочет нам дать кредиты. Это будет плохо для страны в целом и для

правительства в частности. Думаю, что это и не в интересах МВФ. Однако есть и третий сценарий, который для нас тоже неприемлем, – это выжидательная позиция МВФ и бесконечные переговоры.

А в переговорах с Камдессю энергично подытожил:

– Господин Камдессю, я договорился с вами о том, что мы жестко обеспечиваем двухпроцентный профицит. Я за это отвечаю. На какую цифру для этого понадобится увеличить доходы – я фиксировать сейчас не хочу. Могу вам зафиксировать мое отношение к профициту. Все. Понимаете? Давайте так и договоримся, потому что мы идем по кругу.

Далее. Правительство будет стремиться к тому, чтобы покупательная способность населения в 1999 году в целом была не ниже, чем 85 процентов от периода с 1 января до 17 августа 1998 года, а в 2000 году уже полностью индексирует все потери населения от августовского кризиса 1998 года. Правительство будет делать все от него зависящее для постоянного – хочу это слово подчеркнуть особо – подъема реальных доходов населения. Если хотите, запишем в коммюнике, что МВФ рекомендует нам, чтобы все дополнительные источники были задействованы для достижения этой цели. Вы удовлетворены? – спросил я.

– Хорошо, – согласился директор-распорядитель, но добавил, что следует продолжить встречи и в Москве, и в Вашингтоне, чтобы разработать – «мы уже близки к этому» – согласованное заявление в соответствии с установленными формами в МВФ. Оно явится основанием для предоставления кредита Российской Федерации. – Я не желаю усложнять положение, – подчеркнул Камдессю, – но в будущем, очевидно, не следует перечислять наши средства, предназначенные России, на счет в каком-то третьем банке в Лондоне, Цюрихе или Нью-Йорке. Не хочу этого, потому что считаю, что это ставит вас в какие-то «треугольные» отношения с нами.

Мне оставалось сказать, что если причина задержки в предоставлении кредитов России в «треугольных» отношениях, то чего же проще – не нужен будет никакой контроль за использованием получаемых нами средств, если МВФ просто переведет их с одного своего счета на другой свой счет и зачтет эту сумму за выплату долгов России по кредитам.

Несмотря на трудные переговоры, расстались мы с Камдессю на хорошей ноте. Но к этому времени уже стало ясно, что возможность реального продвижения к соглашению с МВФ хотя и зависит от той личности, которая находится во главе фонда, определяется в наибольшей степени позицией Соединенных Штатов.

Я докладывал Ельцину о переговорах с МВФ. Он по большей части выслушивал молча, но чувствовалось, что хочет договоренности – на эту тему он разговаривал по телефону с Камдессю, когда тот был в Москве.

Практически одновременно с Камдессю у нас проходили встречи с президентом Всемирного банка реконструкции и развития Дж. Вулфенсоном. Переговоры с ним и его командой шли конструктивно, с успехом. Были согласованы крупные займы от МБРР на развитие угольной промышленности, социальные нужды. Но их получение опять-таки зависело – это по уставу Банка – от соглашения с МВФ.

Самые лучшие воспоминания остались у меня и моих коллег от бесед с Вулфенсоном – незаурядным, доброжелательным человеком, стремящимся вникнуть в суть проблем, познать особенности нашей российской действительности и максимально, в меру своих возможностей, помочь нам. С глубокой признательностью отнесся к письму Вулфенсона, направленному им после моего снятия с поста председателя правительства. В этом письме высоко оценивалась деятельность нашего кабинета и выражалось недоумение по поводу его отстранения.

VIII. Сумбурная позиция Вашингтона?

Накануне моей поездки в Давос, где раз в год собираются на форум известные представители деловых, политических кругов, главы правительств и даже государств, 14 ноября 1998 года я получил послание вице-президента США А. Гора. Он писал, что направляет мне «откровенный, даже резкий документ», содержащий рекомендации для России. Позже удалось выяснить, что автор прилагаемого к письму А. Гора «Меморандума по вопросу о российском экономическом кризисе» Ларри Саммерс – один из видных американских экспертов, первый заместитель министра финансов США.

Глазам своим не поверил, знакомясь с этим документом, когда увидел, насколько были созвучны его оценки с нашими по поводу причин экономического кризиса в России. Хочу процитировать дословно:

«Кризис обострил то, что было ясно уже некоторое время назад. В России нет главных основ здоровой рыночной экономики: доверия к национальной валюте как источнику ценности (или даже средства платежа в крупных сделках); банковской системы, которая выдает кредиты не связанным с ней частным фирмам; правовой системы, которая защищает права собственников и инвесторов; справедливой системы регулирования и сбора налогов, которая обеспечивает предсказуемый, конкурентный, прозрачный деловой климат, эффективно обеспечивает правительство финансовыми ресурсами и не служит механизмом государственной коррупции.

В России существует по крайней мере две системы взглядов на то, почему эти основы до сих пор не были развиты. Первая из них утверждает, что для развития этих основ требовалось длительное время везде, даже на

Западе. Кроме того, у российских реформаторов были нереалистичные ожидания относительно сроков разработки рыночных инструментов, законов и накопления рыночного опыта, которых никогда не существовало в России. Согласно другой системе взглядов, США и Западная, а также Центральная и Восточная Европа не могут служить моделями для России. Более важное значение для нее могут иметь азиатские пути развития, которые в большей степени зависят от сотрудничества и взаимосвязи государственного и частного секторов.

Вероятно, правы и те и другие. Но для России главным является роль государства...

России предстоит длительная борьба не только за построение эффективных государственных институтов, но и по преодолению укоренившегося сопротивления самой идее укрепления правового государства. И как это было в истории нашей страны, частью окончательного решения проблемы законности власти вполне может быть передача властных полномочий от Центра регионам и органам власти на местах.

Модель рыночной демократии остается правильной для России, однако ей должна быть обеспечена поддержка со стороны государства, которое создает конкурентную, упорядоченную, предсказуемую и прозрачную среду. Нет никаких культурных или исключительно российских особенностей в том, что страна не смогла в течение последних шести лет идти к инвестированию и росту».

Ключевой фразой была следующая: «Премьер-министр Примаков и его правительство стоят перед чрезвычайно сложной, но неизбежной задачей выработки нового экономического курса».

Все это звучало как явная критика авторов и проводников экономической политики в России в предшествовавшие 1990-е годы. Но почему об этом американские руководители не говорили ни Гайдару, ни Чубайсу, ни

Федорову, ни Черномырдину, наконец – Ельцину? Почему тогда, до нашего прихода, они не говорили о регулирующей и контролирующей роли государства в экономике, о цивилизованном и с полным учетом перехода страны к рыночным отношениям, но все равно резком усилении роли государства?

И Клинтона, и Гора, особенно в предвыборный период 1999–2000 годов, их оппоненты-республиканцы упрекали в том, что они слишком много «дали России». По сути, эти упреки безосновательны. В экономическом плане даже не только материально, но и в реальных рекомендациях практически ничего не дали, а в научно-техническом многое получили, да за бесценок, в том числе и через «утечку мозгов» из России. С горечью, болью сказал в одном из своих интервью президент Российской академии наук Ю.С. Осипов: «Мы должны понимать, что многие представители самых перспективных направлений науки XXI века, получив прекрасное образование и воспитание в научных школах Академии наук и лучших университетах России, пополняют сегодня научные сообщества и фирмы США, Германии, Франции, Канады и других стран»*.

Политика «приручения» России, на которую делали ставку руководители США в 1990-е годы, стоила им совсем недорого. Готов по этому вопросу «взять под защиту» и президента Клинтона, и вице-президента Гора.

Но вернемся к американскому меморандуму, направленному мне вице-президентом США. Кроме оценок текущего положения и причин кризиса в России в нем содержался целый ряд предлагаемых мер. Многие из них уже осуществлялись нами. Например, жесткое ограничение эмиссии, отказ от мер по сокращению конвертируемости рубля, переход к политике «плавающего» валютного курса, ликвидация долгов в сфере выплат

* Трибуна. 2000. № 83. 11 мая.

зарплат и пенсий, проведение аудиторских проверок банков для того, чтобы определить те, которые нужно сохранить в соответствии с предложениями Центрального банка, обеспечение более состязательных и прозрачных процедур приватизации, увеличение сбора налогов в денежной форме и т. д.

В то же время другие предложения в большинстве случаев совпадали с нашими намерениями: налоговая реформа при снижении уровня налогов, но их сбор на более широкой, предсказуемой и честной основе, «чтобы перевести субъекты из неофициального в официальный сектор», изменение «системы российского налогового федерализма в сторону лучшего сочетания между доходами и ответственностью», «отделение банков от крупных финансово-промышленных групп», разрешение «более широкого участия иностранных банков в деле строительства здоровой, хорошо управляемой банковской системы, которая кредитует “реальный сектор экономики”», гарантия защиты прав интеллектуальной собственности. И далее: «поставить вне закона конкретные недобросовестные действия главных акционеров», бороться с преступностью и коррупцией в органах милиции.

Ну как будто американцы слышали наши обсуждения на заседаниях правительства и возвращали нам наши собственные планы в виде своих советов!

Но были и такие рекомендации, которые мы принять не могли. К примеру – повышение пенсионного возраста, специальный налоговый режим для иностранных инвестиций в энергетическом секторе.

После получения послания А. Гора, сопровождаемого меморандумом, с положениями которого я во многом был согласен, в хорошем настроении поехал в Давос, где должна была состояться моя встреча с вице-президентом США. После выступления на форуме, в котором я обозначил основные направления деятельности правительства, поехал в резиденцию Гора. Он меня встретил очень

любезно. В основном разговор касался событий в Косове. Но вот в холл деревянного двухэтажного коттеджа, где происходила беседа, зашел Ларри Саммерс. Обратившись к нему, я сказал, что полученный нами меморандум – очень интересный документ. Каково же было мое удивление, когда он, улыбаясь, ответил: «Но вы же далеки от выполнения рекомендуемых ключевых мер». Вот, оказывается, откуда дует ветер. Гор явно стремился разрядить обстановку, подчеркивая важный характер беседы. Но на душе от этого не легчало. Неужели до такой степени можно заранее программировать линию, вне зависимости от того, как действует или как намерен действовать твой собеседник? Оказывается, можно.

Я в этом убедился и при встрече со Струбом Тэлботтом 23 февраля 1999 года в Белом доме в Москве. Перед встречей мне был вручен меморандум Тэлботта под названием «Вопросы экономики». Чего только в нем не было! И утверждение, что США инициировали «пакет многосторонней помощи» России со стороны «Большой семерки». И прямые угрозы: «В течение последнего года наш диалог по вопросам экономики стал походить на диалог глухих... если вы сделаете ошибочный вывод, что мы желаем вам зла, что мы желаем вашего провала, возрастет вероятность того, что нам не удастся договориться по другим вопросам».

Далее в меморандуме констатировалось: «Несмотря на усилия МВФ, ваше правительство пока не проявило реальной готовности к проведению сугубо технических дискуссий, необходимых для достижения соглашения о новой программе займов. А по итогам ваших встреч с Мадлен (Олбрайт. – *Е.П.*), вице-президентом Гором и другими в Давосе у нас сложилось впечатление, что вы считаете это политическим вопросом – Билл Клинтон, дескать, может просто заявить, что Россия должна получить поддержку МВФ, и остальные члены “семерки” согласятся с этой рекомендацией».

Затем следующая сентенция:

«Результаты проведенного в МВФ анализа совершенно ясны. Существующий бюджет не позволяет выплачивать зарплаты и пенсионные пособия. МВФ не стремится к уменьшению этих бюджетных расходов, однако для того, чтобы защитить зарплаты и пенсии, вам нужен новый план расходов и более высокий уровень поступлений в бюджет».

Так же как и в переговорах о контроле над вооружениями, снисходительно советовал Тэлботт, переговоры с МВФ требуют большого объема трудной технической работы. Обеим сторонам необходимо укрепить доверие и проработать огромное количество сложных вопросов. Среди них Тэлботт назвал «необоснованность расчетов курса рубля, инфляции и бюджетных расходов». «Однако в настоящий момент, несмотря на большую заинтересованность сторон, все еще не создан фундамент для взаимного доверия и урегулирования основных технических проблем. Именно это должно стать отправной точкой вашего взаимодействия с МВФ».

Должно стать, следует сделать, вам нужно решить – не слишком ли много императивных интонаций?

«Хочу, чтобы вы понимали, – говорилось в меморандуме, – сколько политических и экономических усилий мы вложили. Речь идет о многих миллиардах долларов – и не только о фондах, предоставляемых по линии МВФ, – но и о том, какого рода содействие предполагается оказать в погашении долга. Это означает, что такая же решимость должна быть проявлена и с вашей стороны – решимость предпринимать активные шаги».

Не скрою, я бы л возмущен, прочитав это «эссе» по вопросам экономики. За кого они нас принимают? Неужели Тэлботт думает, что настало время с нами разговаривать таким тоном? Я не сомневался, что ему «помогли» в составлении меморандума. Но это не меняло дела. Тэлботт – это не секрет – очень близок к президенту

Клинтону. Поэтому я решил во время встречи со Строубом, с которым – хочу подчеркнуть – нахожусь в дружеских отношениях, поставить все точки над «і». Этой беседе я придавал особое значение, так как из меморандума Тэлботта следовало, что решения МВФ диктуются Вашингтоном.

– Я внимательно ознакомился с вашим меморандумом и прямо хочу сказать, что по меньшей мере удивлен, – с этого я начал разговор с С. Тэлботтом 23 февраля 1999 года в Белом доме, в Москве. – Вы пишете, что имеет место диалог глухих. Не согласен. Это монолог глухого и слепого. Думать о том, что мы ничего не делаем, и не видеть того, что делается в стране? Я не знаю, посол, очевидно, сообщает вам что-то. Есть у вас и аналитики, которые следят за тем, что происходит в России. Правительство полгода уже находится у власти. Полагать, что за это время произошла только политическая стабилизация, абсолютно неправильно. Такого без достижений в экономическом плане и быть не могло. Мы не кричим об этом, потому что не считаем экономические результаты уже «прорывными». Но дело в том, что не подтверждаются те прогнозы, которые были сделаны в Соединенных Штатах. Согласно вашим прогнозам, в январе-феврале вообще все должно было рухнуть в России. Инфляция прогнозировалась огромных размеров. В феврале же она понизилась до 4 процентов по сравнению с 8 процентами в январе и 11 процентами в декабре. Прогнозировалось, что доллар будет стоить у нас 100–120 рублей. А он у нас сейчас стоит 22,5–22,8 рубля. Я не говорю, что это соотношение не изменится, но не скоро и не намного – мы его сдерживаем. Вы нас упрекаете, что мы не занимаемся экономикой.

А почему тогда за пять месяцев существования правительства «неординарное» эмиссионное финансирование составило только 1 миллиард долларов? Это ничтожно мало. Вместе с тем полностью рассчитались с бюджетни-

ками, выплатили задолженность по денежному довольствию армии, платим текущие пенсии, правда, пока еще не выплатили всю задолженность. Если это не эмиссионное финансирование, то откуда все это берется? Нам ни цента не дали ни МВФ, ни вы, никто не дал. Откуда тогда это все? Значит, увеличились доходы по налогам. Значит, увеличились доходы по таможенным сборам, несмотря на то, что в результате финансового кризиса уменьшился импорт. Значит, мы ведем борьбу с коррупцией и преступностью. Значит, медленно-медленно, но идет оживление! Нельзя быть в плену представлений, абсолютно не имеющих ничего общего с действительностью. И нельзя с нами разговаривать тоном вашего меморандума, – продолжал я. – Мы идем навстречу требованиям МВФ. Мы сделали профицит, как вы правильно пишете, в 2 процента. Но нам говорят, надо еще больше. Все время требуют. А за счет чего? Кто понимает в экономике, ответьте: за счет чего? За счет того, чтобы не платить зарплату бюджетникам или не платить армии? Или когда летчику полагается минимальных 160 налетных часов, я должен давать горючего только для того, чтобы он летал по 10 часов? Не будет этого. Это правительство уйдет, но не будет этого делать. Не буду я расшатывать социальную ситуацию в стране, чтобы хаос начинался. Не думайте, что мы удовлетворены экономической ситуацией в России. Но в значительной степени сложилось тяжелое положение потому, что вы занимаете выжидательную позицию, и потому, что МВФ занимает такую позицию с вашей подачи. Хотите нас изолировать? Скажите прямо об этом, и тогда мы будем думать, что нам делать и как нам поступать. Откуда такое отношение к нам? Опасаетесь, что бюджет принят «липовый»? Но мы не можем внести в бюджет, как вы предлагаете, ряд «реальных соотношений». Кириенко обозначил верхний уровень коридора до конца года, а у него рубль достиг этого уровня сразу же через неделю. Мы поступили

по-другому: настояли, чтобы бюджет мог корректироваться каждый квартал. В общем, чувствуется с вашей стороны такая снисходительность: вроде пришли люди из университета и учат второгодников в школе. Теперь хочу о других вещах сказать. Мы получаем от вас сигналы такого содержания: либо будем пересматривать договор по ПРО с вами, либо США в одностороннем порядке примут решение по созданию национальной системы ПРО. Что это, ультиматум? Или по вопросу о Косове. Мадлен Олбрайт сама убеждается, что не одни сербы виноваты. Что дадут военные удары по сербам? Вы нас опять загоняете в угол. И причем этот готовящийся удар не обоснован ни с какой точки зрения. Не знаю, может быть, я отстал от жизни, но я многого не понимаю. Простите меня за эмоциональность, – заключил я, – но нас действительно все это очень задевает.

– Я, конечно, знал, когда сюда ехал, что есть трудности в наших отношениях, но за последние 35 минут моя оценка изменилась существенно в направлении большего пессимизма, но все-таки не безнадежности, – сказал Тэлботт. – Я думаю, что мы можем использовать эту встречу, чтобы действительно достичь прогресса в понимании друг друга, подчеркиваю именно это понятие – «понимание». Стагнация в наших отношениях неприемлема, особенно потому, что этого можно избежать. Я сообщу президенту, вице-президенту и госсекретарю, что хотя наша беседа была очень откровенной, может быть, даже очень резкой, все-таки у нас был хороший разговор и он положил основу для дальнейшего продвижения вперед. Я считаю необходимым сказать, что намерения президента Клинтона и вице-президента Гора совершенно противоположны тому, в чем вы нас подозреваете. Если Россия почувствует себя изолированной, то это действительно будет иметь очень отрицательные последствия для президента и вице-президента (Тэлботт, очевидно, намекал на предвыборную борьбу, во время кото-

рой республиканцы умело раскручивали «российскую тему», утверждая о провале политики Клинтона – Гора. – *Е.П.*) и в течение последующих десятилетий для всего мира. И наоборот, если Россия будет интегрированной со всем миром, то мы тогда сможем работать вместе, чтобы решать мировые вопросы. И нет предела потенциалу, который может таким образом создаваться для работы. Мне ясно, – продолжал Тэлботт, – что не удалась идея с документом, на который вы так отреагировали. Когда вернусь в Вашингтон, буду проводить тщательное расследование, но боюсь, что первоначальный вариант этого документа найдется в моем компьютере. И еще более неприятно будет обнаружить, что и президент Америки приложил руку к окончательному «продукту». Он по двум причинам хотел заочно участвовать в сегодняшней встрече. Во-первых, чтобы отметить, что политическое решение помочь России, принятое им еще шесть лет назад, полностью распространяется на правительство, в котором вы являетесь премьер-министром. И, во-вторых, снять спорную между нами проблему, о которой вы не упомянули, – это Иран, чтобы разрядить ту «бомбу», которая может взорваться.

Какой «сухой осадок» остался после этого разговора? Тэлботт подчеркивал, что он говорит от имени самого высокого руководства США. Из приведенных аргументов, полностью совпадающих с доводами МВФ, следовало, что существует направляющая линия США в вопросе предоставления или непредоставления нам финансовой помощи со стороны МВФ. Собственно, я бы даже сказал точнее, в проведении выжидательной позиции, которая, как, очевидно, кое-кто полагал в Вашингтоне, может стать «многофункциональной». Одна из ее целей – заставить нас после ослабления России в результате дефолта 17 августа и под угрозой банкротства при невыплате долгов МВФ следовать или, во всяком случае, не противодействовать американской линии во внешней

политике (назревали события в Косове, не закончилась антисаддамовская операция в Ираке, началось движение в направлении создания национальной противоракетной обороны, что было идентичным одностороннему выходу США из Договора по ПРО 1972 года). Другая цель – внутриамериканская, связанная с попытками усилить демократов в их предвыборной борьбе с республиканцами, показать им, что нынешнее руководство США не такое уж «беззубое» в отношении России.

К этому времени в американском «истеблишменте», по-видимому, уже сложились две группы. Первая, к которой, как мне представляется, принадлежали и Клинтон, и Олбрайт, и тот же Тэлботт, продолжала считать, что необходимо иметь хорошие отношения с Россией, так как это является неременным условием стабильности на глобальном уровне. Но эпоха «брата Бориса» заканчивается, и следует держать пока Россию на дистанции – кто его знает, как повернутся события в этой стране, где (это по-настоящему настораживало американцев) идет процесс коррумпирования и подбираются к власти отдельные олигархи, к которым из-за их нечистоплотности в Соединенных Штатах складывалось явно негативное отношение. Вторая группа вообще считала, что следует игнорировать нынешнюю Россию. Пусть, дескать, поварится в собственном соку.

Полагаю, что далеко не случайно Тэлботт так резко поставил в разговоре, который, казалось бы, не имел к этому никакого непосредственного отношения, тему Ирана. На иранской теме он сосредоточился еще больше, когда после общей встречи мы остались с ним один на один.

На «иранской проблеме», возникшей в российско-американских отношениях, хотел бы остановиться подробнее и я.

Иран – суверенное государство, в котором развиваются сложные процессы. Вместе с тем Иран – соседняя

страна, которую связывают с нами многие десятилетия взаимовыгодных отношений. Эти отношения не прерывались и включали в себя не только сильный экономический элемент, но с середины 1990-х годов и политическое сотрудничество, особенно по тем вопросам, где у нас сблизились интересы. Это в первую очередь, о чем я писал выше, стабилизация положения в Таджикистане и антиэкстремистская позиция в отношении Афганистана.

Не раз говорил я о ситуации в Иране с Мадлен Олбрайт, пытаясь показать, что санкции, жесткие формы обращения с этим государством, превращение его чуть ли не в изгоя в мировом сообществе лишь усугубляют в нем обстановку и в этом плане контрпродуктивны.

Россия развивала и развивает экономические отношения с Ираном, в частности, строит в Бушере атомную электростанцию. Эта АЭС уже давно стала притчей во языцех в российско-американских отношениях. В Вашингтоне оставались глухими к нашим разъяснениям о том, что мы не делаем ничего в Бушере для создания ядерного оружия, что в Иран поставляются легководные реакторы, точно такие же по своим характеристикам и потенциальным возможностям, как те, которые США взяли на себя обязательство поставить КНДР. Были намерения у отдельной российской организации – только намерения – участвовать в создании исследовательского (невоенного) ускорителя и урановой шахты в Иране, но и эти проекты были запрещены президентом России.

Интерес к российско-иранским отношениям со стороны США обозначился в довольно резкой форме в 1997–1998 годах, особенно по вопросам ракетостроения в Иране. Эту тему США сделали «сквозной», а подчас чуть ли не самой главной во время встреч с представителями России на всех уровнях. Думаю, что масла в огонь подлили израильские и американские спецслужбы, которые, однако, не смогли представить ни одного факта нару-

шения со стороны государственных органов России международных регламентаций или своих международных обязательств в сотрудничестве с Ираном. А тот список, который буквально тиражировался и передавался нам полностью в идентичном виде американцами, израильянами и даже по их просьбе другими иностранными представителями, содержал в своей преобладающей части либо непроверенные сведения по поводу действий частных российских фирм, организаций (например, указывался адрес одной из них, а оказалось, что там расположено общежитие), либо надуманные обвинения (например, обучение иранских студентов на физическом факультете одного из московских высших учебных заведений).

Некоторые ученые, специалисты, и не только из Российской Федерации, но и других стран СНГ, могли выезжать в Иран, зачастую через Европу, и проводить консультации по ряду вопросов. Когда я был главой правительства, то ФСБ доложила, что ни один человек, непосредственно принимавший на сколько-нибудь значительном уровне участие в производстве оружия массового уничтожения и средств его доставки, не покидал за все последние годы территории России. Но, естественно, нельзя было поручиться, что, скажем, ученый, занимающийся турбулентностью, не в состоянии выехать за границу. Запрет на такой выезд не мог иметь место. Если бы такой запрет был, то первыми на нас обрушились бы западные демократы. К тому же неконтролируемый выезд за рубеж мог осуществляться через открытые российские границы со странами СНГ, например с Украиной, Казахстаном.

Имели место и отдельные попытки в самой России передать иранцам интересующие их закрытые сведения в области вооружений. Однако такие попытки не только не поощрялись, но решительно пресекались Федераль-

ной службой безопасности России, причем без всякой «наводки» со стороны. Об этих акциях ФСБ сообщала публично. Так что не было никаких оснований приписывать России то, что она не делала и не намеревалась делать.

В ответ на американские представления, которые, как правило, делались в общей форме, мы тоже, как правило, просили представить уточняющие конкретные факты, данные. Я обращался с этим не только к американцам, но и к израильтянам, когда в качестве министра иностранных дел России был с визитом в Израиле и по настоянию принимающей стороны встретился с руководителями военной разведки. Мне ответили, что не могут представить конкретные данные, так как не хотят подвергать опасности свои источники информации.

К сожалению, «иранская тема» получила свое продолжение. В середине 2006 года появились подозрения, что Иран постепенно решил те исследовательские задачи, включая обогащение урана, которые действительно могли привести к созданию ядерной бомбы. Однако Иран не выходил за рамки подписанного им Договора о нераспространении ядерного оружия и полностью отрицал намерение осуществлять военную ядерную программу. При этом он отстаивал, как говорили его руководители, право на все работы по мирному использованию атома.

Напряженная подозрительность возрастала еще и потому, что одновременно иранский президент, по сути, призывал стереть с карты мира Израиль. Американцы, как это было всегда в последние годы, хватались за оружие, настаивая на применении силы против Ирана. Не буду разбирать угрожающие последствия применения военной силы против этой страны. Скажу лишь, что Россия и Китай, последовательно препятствуя этому, вели дело к компромиссному решению: с одной стороны, не лишая Иран возможности продвижения по пути мирно-

го использования атома, более того, помогать ему в этом, и с другой стороны, усилить контроль по линии МАГАТЭ, иными словами, деполитизировать обстановку и представить возможность экспертам наблюдать за всеми исследовательскими работами Ирана в ядерной области. Полностью согласен с тем, что это – единственный выход из сложной ситуации.

Но вернемся к моему разговору с Тэлботтом. Я сказал ему, что иранская тема не может по своей природе быть «раздражителем» в российско-американских отношениях. Мы будем строго соблюдать все международные регламентации, но они не должны подменяться навязыванием нам «правил игры» со стороны США.

Через месяц после моего разговора с Тэлботтом в США вылетела делегация нашего правительства, возглавляемая Маслюковым, для окончательных переговоров с МВФ. В послании, адресованном мне, от 30 апреля 1999 года директор-распорядитель МВФ М. Камдессю писал: «Я рад, что нам удалось достичь согласия с господином Маслюковым и его командой по вашей экономической программе. Я не сомневаюсь, что осуществление этой программы совместно с мерами, которые вы планируете предпринять в связи с кредитом, предоставляемым Всемирным банком в целях проведения структурной перестройки, усилит макроэкономическую стабильность в России и улучшит перспективы для самой этой перестройки с целью перехода к рыночной экономике, основанной на денежных потоках. Это приведет к продолжительному экономическому росту.

Я могу заверить вас, что МВФ будет продолжать поддерживать ваши усилия по реализации экономической программы в эти тяжелые времена. Я прекрасно осознаю те трудности, которые вам предстоит еще преодолеть, но я также знаю и то, что не существует легкого пути для восстановления экономической стабильности и создания условий для роста».

Казалось, марафонский бег близок к окончанию. Однако с решением вопроса о кредитах МВФ американцы тянули при правительствах и Степашина, и Путина, и Касьянова.

IX. «Петля» над Атлантикой

Между тем, несмотря на предпринимаемые нами меры, направленные на привлечение и восстановление доверия иностранных инвесторов, несмотря на то, что наиболее крупные иностранные компании не покинули российский рынок после событий 17 августа, экономические двусторонние отношения России с зарубежными странами оставляли желать лучшего.

И опять многое упиралось в позицию США. На 20-е числа марта было назначено заседание российско-американской комиссии, которую возглавлял со стороны США вице-президент А. Гор, а с нашей постоянно сменявшие друг друга председатели правительства – Черномырдин, Кириенко, а теперь и я.

Мы провели серьезную подготовку к поездке. Заранее в США для проведения переговоров с американцами прибыли несколько членов кабинета. Я подготовился к участию не только в пленарных заседаниях комиссии, но и в ее профильных комитетах. На заседании Комитета по развитию делового сотрудничества решил сделать упор на вопрос об экспорте в США российской стали – «стальное лобби» США оказывало серьезнейшее давление на американскую администрацию, пытаясь закрыть для России доступ на их рынок, и с этой целью было активизировано антидемпинговое расследование. Между тем от экспорта стали зависело благополучие нескольких наших крупных металлургических заводов – производство

на них, в свою очередь, «по цепочке» влияло на оживление значительной части промышленности. Меня перед поездкой посетили многие директора таких предприятий с просьбой защитить их интересы.

В наследство нашему правительству досталась и нерешенная проблема финансирования Эксимбанком США совместного проекта создания самолета Ил-96МТ. Что касается нас, то мы выполняли все свои обязательства, начиная от регистрации самолета вне России и кончая выделением кредита Внешэкономбанка.

Я намеревался поднять вопрос и об американской сертификации самолета Ан-124-100, который уже был сертифицирован в качестве гражданского грузового судна Международным авиационным комитетом (МАК). От американской сертификации зависела эксплуатация этого самолета на рынке авиаперевозок в США, в чем мы были очень заинтересованы.

И, конечно, собирался остановиться на такой застарелой проблеме в наших экономических отношениях, как предоставление России на постоянной основе режима наибольшего благоприятствования в торговле с Соединенными Штатами. Наряду с этим особое внимание решил уделить поощрению экономического сотрудничества между двумя странами на региональном уровне – нашим Дальним Востоком и западным побережьем США.

Хотел заострить вопрос о поддержке американской стороной в виде дешевых кредитных ресурсов российского малого предпринимательства, расширения сотрудничества в агробизнесе, включая выход на российский рынок крупнейших американских машиностроительных корпораций «Кейс» и «Джон Дир». Помимо импорта сельскохозяйственной техники мы хотели создать с ними совместные компании в России.

Намечена была встреча и с представителями крупного американского бизнеса, которых я намерен был пригласить к самому активному сотрудничеству с нами.

В целом экономическая программа визита в США была сверстана хорошо. Правительство считало своей главной задачей защиту за рубежом интересов отечественного бизнеса вне зависимости от форм собственности. В большинстве из упомянутых мною проектов были заинтересованы акционерные общества, частные предприниматели.

И, конечно, поездка в США давала возможность провести беседы с президентом, вице-президентом, государственным секретарем по всем аспектам российско-американских отношений. А такой разговор, как показала беседа с Тэлботтом, был крайне необходим.

18 марта, то есть буквально накануне поездки, поздно вечером мне позвонил А. Гор. После обмена приветствиями и взаимной констатации важности предстоящей встречи в Вашингтоне Гор перешел к событиям в Косове. Высказал опасения насчет того, что «Белград может в любой момент начать широкомасштабное наступление». Россия не обладала подобной информацией. Потом, заметив, что «косовскую проблему можно решить мирным путем», Гор добавил: «Поверь, бомбардировки – это не наш выбор».

Как я понял, он хотел, чтобы мы «приняли политическое заявление, из которого было бы ясно, что именно Белград несет ответственность за срыв переговоров»*.

– Хочу сказать откровенно, – ответил я. – Если мы подпишем такое заявление, то это может быть расценено как наше предложение ударить по Югославии. Мы не пойдем на это.

Стало ясно, что «косовская нота» начинает звучать все отчетливее в связи с предстоящей встречей в Вашингтоне.

* В это время в Париже заканчивалось заседание контактной группы. Мы доводили до Белграда нашу позицию, которая заключалась в целесообразности подписать политическое соглашение, выработанное в Рамбуйе, – предварительно было сделано многое для того, чтобы оно стало приемлемым для Белграда.

Помощник вице-президента США Л. Ферт 22 марта, подчеркнув, что читает заранее подготовленный текст, сообщил следующее по телефону помощнику Председателя Правительства К.И. Косачеву:

«1. В Вашингтоне считают предстоящий визит Е. Примакова очень важным для обеих сторон.

2. Этот визит будет проходить на фоне быстро развивающейся ситуации вокруг Косова.

3. Американская сторона дает еще один шанс С. Милошевичу, направив в Белград Р. Холбрука.

4. Если эта встреча не принесет желаемых результатов, С. Милошевич будет нести всю полноту ответственности за последствия, включая проведение военной операции.

5. Главное, чтобы Е. Примаков понимал серьезность ситуации и чтобы возможные действия американской стороны не явились для него сюрпризом. Американская сторона хочет быть в этом вопросе абсолютно понятой».

От себя Л. Ферт добавил, что эта информация «ни в коем случае не означает совета Е. Примакову отменить свою поездку».

К.И. Косачев зашел ко мне в кабинет, когда там находились министр иностранных дел И.С. Иванов, директор СВР В.И. Трубников. Я задиктовал следующий ответ, получивший их одобрение, который был передан Ферту для вручения Гору: «Примаков также считает свой визит в США очень важным. Он тщательно готовится к предстоящим переговорам. Но, получив ваш сигнал, просил передать следующее. В Вашингтоне хорошо известна позиция России – мы против применения силы в отношении Югославии. Тем более что при всей сложности ситуации мы не считаем исчерпанными политические меры. Если США все же пойдут на военную акцию против Югославии, то Примакову, естественно, не останется ничего иного, как прервать свой визит».

Мы пришли к выводу, что позиции полностью определены. Пишу обо всем этом да и о дальнейших перипетиях, связанных с решением развернуться над Атлантикой, столь подробно не в последнюю очередь из-за тех спекуляций, которые позже появились в наших СМИ. Одни разглагольствовали на тему об «экспромте» решения развернуть самолет за три часа до планировавшегося приземления на военной базе вблизи Вашингтона, где обычно принимали правительственные воздушные корабли. Другие – в том числе и некоторые политические деятели – упрекали меня за то, что не прибыл на место, не отправился сразу же в Совет Безопасности ООН и не выступил с его трибуны, разоблачая готовящийся военный удар по Югославии. Авторы этих упреков, по видимому, забыли, что я летел в Вашингтон, а ООН и Совет Безопасности находятся в Нью-Йорке, что его созыв и тем более приглашение выступить на его заседании не делаются с кондачка, если вообще в сложившейся ситуации это было возможным.

После обмена мнениями через Ферта продолжались контакты между сторонами чисто технического порядка, связанные с деталями визита. Ни в какой форме больше тема событий в Косове и вокруг Косова по телефону и факсу не поднималась.

23 марта утром самолет, взлетевший с правительственного аэродрома Внуково-2, взял курс на США с промежуточной посадкой в Шенноне. Со мной летели губернаторы Э.Э. Россель, К.А. Титов, В.А. Яковлев, несколько министров, В.В. Геращенко, видные бизнесмены В.Ю. Алекперов, Р.И. Вяхирев, М.Б. Ходорковский, помощники и другие. Работа над документами, проектами моих выступлений продолжалась и в воздухе.

После промежуточной посадки самолета в Шенноне мне доложили, что позвонил наш посол в Вашингтоне Ю.В. Ушаков и, сославшись на свой только что состоявшийся разговор с С. Тэлботтом, передал: «Соединенные

Штаты будут применять военную силу против Югославии».

Я тут же попросил соединить меня по телефону с А. Гором. Разговор состоялся в 15 часов по московскому времени. Гор подтвердил, что «вероятность удара постоянно нарастает, так как переговоры Холбрука в Белграде ни к чему не ведут».

– А когда в США будет точно известно о результатах переговоров с Холбруком? – спросил я.

– В ближайшие часы, – ответил Гор.

– С учетом того значения, которое имеют для нас отношения с США, я принимаю решение вылететь в Вашингтон. Но если во время моего полета все-таки будет принято решение об ударе по Югославии, прошу немедленно предупредить меня об этом. В таком случае я не приземлюсь в США.

– Мы проинформируем немедленно о результатах переговоров Холбрука – останется он в Белграде или нет, – сказал Гор.

– В данном случае меня интересует не передвижение Холбрука, а решение США об ударе. Именно об этом прошу мне незамедлительно сообщить.

– Хорошо. В любом случае, – сказал Гор, – я хочу подтвердить, что мы не заинтересованы в ухудшении отношений между США и Россией.

– Мы тоже не заинтересованы в этом, – подчеркнул я. – Но нам придется публично объяснять, почему председатель правительства, совершавший визит в США, не приземлился там, а полетел обратно. Буду признателен за звонок на борт моего самолета.

– Благодарю за этот разговор. Надеюсь, что в Шенноне ты успел выпить ирландское виски, – попробовал пошутить Гор.

– Ирландскому виски я предпочитаю русскую водку, – ответил я.

Раздалась команда: «По коням!» Самолет взлетел и взял курс на Вашингтон. На душе у всех было беспокойно – ждали звонка от Гора. Разговор состоялся в 21.00 по московскому времени.

Гор: Евгений, звоню тебе в связи с нашей договоренностью. Холбрук только что вылетел из Белграда. Дипломатические усилия не дали результата. И наша подготовка к удару идет полным ходом.

Мы упорно работали над тем, чтобы подготовить твой нынешний визит. Мы, разумеется, будем рады тебя приветствовать, если ты решишь прилететь. Но если ты примешь решение отложить свой визит, то предлагаю отметить в сообщении для прессы следующие моменты: американо-российские отношения имеют самое важное значение; визит откладывается, но не отменяется, то есть мы как можно скорее назначим новые сроки его проведения, выразим сожаление относительно того, что мирное решение по Косову пока не найдено.

Если эти положения для тебя приемлемы, то конкретный текст мы могли бы согласовать с вашим посольством в Вашингтоне. Когда ты предлагаешь такое сообщение сделать? Где ты предполагаешь приземлиться – в Гандере или на территории США?

Примаков: Прежде всего хотел бы поблагодарить тебя за откровенность. Мы дорожим своими отношениями с США. Однако мы категорически против ударов по Югославии. Считаю, что вы делаете огромную ошибку. Причем это касается не только наших отношений. Это не даст никаких позитивных результатов вообще. Нам все равно придется искать политическое решение проблем.

Поскольку ты прямо говоришь мне, что удары по Югославии неминуемы, я, разумеется, прилететь в Вашингтон не могу. Придется нам переговорить позже. Убежден, что еще не все политические средства достижения урегулирования исчерпаны. Надеюсь, что вы еще

раз взвесите все последствия своих предполагаемых действий.

Сожалею, что своими действиями вы ставите под удар все, что наработано и в отношениях между Россией и НАТО. Достичь этого было очень нелегко. Под удар ставится и ратификация Договора СНВ-2. Надеюсь, что, решаясь на этот шаг, вы хотя бы просчитываете ситуацию на два-три хода вперед.

Гор: Прошу понять, что речь идет о том, чтобы остановить убийство ни в чем не повинных людей. Крайне сожалею, что применение силы против Милошевича может сказаться на наших отношениях. Давай поговорим попозже, может быть, когда спадет эмоциональный накал. Так что же насчет моего предложения сообщить о том, что твой визит откладывается на более поздние сроки?

Примаков: Попрошу санкцию президента на заявление примерно такого содержания: в условиях, когда вице-президент А. Гор сообщил мне о неизбежности военных ударов по СРЮ, я не могу начинать визит и не могу делать посадку на территории США. Давай на этом закончим. До свидания.

Гор: Сожалею, что все так получилось. Надеюсь скоро вновь переговорить с тобой.

После этого разговора я пригласил к себе всю команду, летевшую со мной в самолете, – губернаторов, министров, помощников, бизнесменов, – и спросил их, одобряют ли они в создавшихся условиях мое решение развернуться над Атлантикой и лететь домой. Все без исключения высказались «за». Вызвал командира корабля и предложил ему менять курс. До Москвы не хватило бы горючего, поэтому запланировали посадку в Шенноне. Самолет развернулся.

Попросил соединить меня по телефону с Ельциным. Рассказал ему обо всем. Президент отреагировал односложно: «Принятое решение одобряю». Получив мой ут-

вердительный ответ на вопрос, хватит ли топлива для самолета на обратный путь, добавил: «До встречи».

По возвращении в Москву сразу встретился с Ельциным. Он согласился со мной, что, очевидно, следует вылететь в Белград с несколькими «силовиками», чтобы попытаться склонить Милошевича к более конструктивному подходу к переговорам на заседании контактной группы в Париже.

Я позвонил по телефону Милошевичу и сказал об идее визита в Белград при понимании того, что он согласится выступить после нашей встречи с заявлением о готовности подписать политическое соглашение в Рамбуйе.

– Это серьезно затруднило бы реализацию антиюгославских планов, – подчеркнул я. – Должен знать ваше мнение заранее, поскольку если такая поездка закончится безрезультатно, то это будет иметь серьезные негативные последствия. Натовцы заявили бы тогда: «Вот видите, и у русских ничего не получилось. Политические средства исчерпаны».

– Я вам очень благодарен за предложение о помощи, за поддержку, – ответил Милошевич. – Но вчера состоялось заседание парламента Сербии, который отверг соглашение.

В таких условиях и при таком настроении Милошевича предпринимать поездку было нецелесообразно.

В ночь на 25 марта Югославия подверглась бомбардировкам и ракетному обстрелу НАТО.

25-го утром я связался по телефону с премьер-министром Великобритании Э. Блэром, который сказал, что у НАТО, дескать, не было другого выхода после провала переговоров с Милошевичем.

– В этом я с вами расхожусь, – ответил я. – Но считаю, что даже сегодня еще не поздно исправить сделанную ошибку. Под ударами натовской авиации не удастся заставить Милошевича сесть за стол переговоров. Это нереальная задача. Надо найти выход из ситуации. При

эскалации конфликта решение косовской проблемы затруднится.

По содержанию разговора и по тону чувствовалось, что Блэр тоже проявляет заинтересованность найти выход из создавшегося положения. Он сказал:

– Надеюсь, что мы сможем сформулировать какую-то инициативу в ближайшие дни. Не могли бы вы выйти на Милошевича и оказать на него давление?

– Если вы прямо сейчас прекратите налеты на Югославию, то можно было бы созвать контактную группу и обсудить, что делать дальше. Если вы будете затягивать решение о прекращении ударов, то перейти к поиску совместной развязки будет все сложнее и сложнее.

– Нам сложно остановить военную акцию в отсутствие каких-либо шагов со стороны Милошевича, – ответил премьер-министр Великобритании.

В создавшихся условиях ключевой проблемой оставалось прекращение бомбардировок. Я был рад звонку по телефону президента Ширака вечером 27 марта, который сказал, что за час до этого «долго обсуждал ситуацию в Косове, в частности продолжение ударов по Югославии, с президентом Клинтоном».

– Думаю, – сказал Ж. Ширак, – что сегодня есть только одно решение, и оно должно исходить из Москвы. Американцы будут продолжать удары, оправдывая их бойней в Косове. Если мы хотим изменить положение, нужен хотя бы небольшой жест со стороны Милошевича. В противном случае, учитывая позицию американцев, удары прекращены не будут. Только Россия может повлиять на Милошевича, с тем чтобы он сделал какой-то шаг, изменив, таким образом, ситуацию. Может быть, стоит вам лично съездить в Белград, чтобы добиться чего-нибудь от Милошевича?

На мой вопрос, чего я мог бы добиться от него и будет ли таким «небольшим сигналом» согласие Милошевича

на созыв контактной группы, Ширак ответил утвердительно.

Незамедлительно доложил Ельцину о телефонном звонке президента Франции. Договорились, что вылетчу в Белград 30 марта и в поездке меня будут сопровождать министр иностранных дел Иванов, министр обороны Сергеев, директор Службы внешней разведки Трубников и начальник Главного разведывательного управления Генштаба Корабельников. По завершении переговоров с югославским руководством предполагался полет в Бонн для встречи с председателем Европейского союза Шредером.

29 марта мне позвонил председатель Совета министров Италии М. Д'Алема. Создавалось впечатление, что накануне моей поездки в Белград западные акции были скоординированы. Наверняка, зная о телефонном разговоре с Шираком, американцы хотели найти дополнительные каналы, чтобы довести до нас свою ужесточенную, по сравнению с Ж. Шираком, позицию – не сводить «сигнал» Милошевича лишь к его согласию на обсуждение ситуации на заседании контактной группы. За этим стояло стремление «дожать» Милошевича, но, с другой стороны, не дать России сыграть роль государства, которое своими политико-дипломатическими усилиями выведет мир из опаснейшей ситуации, порожденной натовскими бомбардировками суверенной Югославии, осуществляемыми к тому же без всякой на то санкции ООН. Российский успех еще более контрастно мог бы выглядеть на фоне расширяющегося противодействия, главным образом в Европе, ударам по Югославии, которые приводили к разрушению гражданских объектов, многочисленным жертвам среди мирного населения*.

* «Франкфуртер рундшау» привела (в номере от 31 марта 1999 года) данные проведенных опросов, согласно которым 49 процентов немцев отвергали вооруженные действия как средство достижения

30 марта мы вылетели в Белград. С аэродрома поехали в резиденцию Милошевича, находившуюся в черте города, – обычный дом, даже, как показалось, не взятый под особую охрану.

– Сначала пообедаем, а потом побеседуем? – спросил Милошевич.

Я предпочел сразу начать беседу. Она длилась более шести часов и проходила отнюдь не легко. Не буду подробно описывать все ее перипетии. Главное, что в итоге удалось получить следующий «сигнал»:

- готовность к политическому урегулированию, которое может быть достигнуто путем переговоров представителей национальных общин Косова;
- готовность конструктивного подхода к переговорам, результатом которых должно стать обеспечение равных прав всего населения Косова вне зависимости от национальности и вероисповедания;
- готовность сразу же после прекращения бомбардировок начать отвод югославских вооруженных сил, находящихся в Косове;
- готовность обеспечить возвращение беженцев в Косово.

Все эти пункты нашли отражение в заявлении С. Милошевича, которое в условиях продолжающихся бомбардировок, естественно, было «сдобрено» и политико-пропагандистскими пассажами.

31 марта, вылетая из Белграда в Бонн, мы понимали, что в случае серьезного настроя в пользу прекращения ударов по Югославии американцы и другие члены НАТО должны были бы воспользоваться этим «сигналом» хотя

гуманитарных целей при 41 проценте оправдывающих применение силы «против авторитарного режима с целью предотвращения геноцида». Характерно, что среди «восточных немцев» 55 процентов высказались против натовских ударов по СРЮ. В целом 58 процентов жителей Германии выразили опасения, что налеты на Югославию могут привести к новой холодной войне.

бы для объявления паузы в бомбардировках и начальных шагов политического урегулирования. Однако едва успел наш самолет оторваться от взлетной полосы, как по белградскому аэродрому был нанесен бомбовый удар.

– Ведь они даже не знают, с чем мы летим в Бонн, – справедливо возмущались мои коллеги, – и уже дают «ответ» на неизвестный им «сигнал» из Белграда.

Предопределенность ответа на любой (кроме капитуляции) «сигнал» со стороны Югославии проявилась и при встрече со Шредером, которая последовала сразу же после нашего прилета. Практически даже не пытаясь вникнуть в суть югославской позиции, прощупать возможности ее развития, федеральный канцлер парировал – «недостаточно». После нескольких попыток я почувствовал бесполезность усилий каким-либо путем сдвинуть его с зафиксированной позиции. Я узнал, что у Шредера предварительно был телефонный разговор с Клинтоном. Хочу подчеркнуть, что этот разговор, который предопределил позицию федерального канцлера, тоже состоялся до того, как на Западе узнали о подвижках в позиции Милошевича – он сделал свое публичное заявление позже.

Шредер пытался «самортизировать» демонстрируемую им «безоговорочную жесткость» заявлением о заинтересованности в продолжении российских контактов с Милошевичем, а также о том, что следует развивать отношения ЕС с Россией.

– Это слишком важно для всего мира. В отличие от других, – сказал Шредер, – мы считаем, что Россия должна играть особую роль в безопасности на Балканах.

Через два года, сопровождая уже в качестве руководителя думской фракции президента В.В. Путина, я присутствовал в Бонне на его встрече с бывшим канцлером ФРГ Г. Колем, который назвал натовские бомбардировки Югославии «величайшей исторической ошибкой».

– Если бы я был в то время федеральным канцлером Германии, никогда бы этого не допустил, – добавил Коль.

После окончания переговоров со Шредером мы вылетели в Москву.

Сразу же после нашего возвращения из Бонна 31 марта по телефону состоялся обмен мнениями с Ж. Шираком.

– Дорогой друг, – сказал президент Франции, – у меня следующее мнение. Даже если результат оказался не таким, как мы все ожидали, ваша миссия все-таки была очень полезной. Она показала, что нельзя действовать в обход России. Надо признать, что США хотели единолично решить проблему Косова. Мы считаем, что российское участие в урегулировании очень важно. Оно необходимо и для единства Европы. Что касается подхода европейцев, то мы желали бы видеть Косово автономным образованием внутри югославских границ. Меня беспокоит, что лидеры косовских албанцев вновь начинают требовать предоставления независимости. Растет число сторонников этой идеи среди албанского населения края. Это – нехороший симптом. Думаете ли вы о новой миссии в Белград?

– Если мы соберемся вновь в Белград, – ответил я, – хотели бы заранее знать о реальной натовской позиции. Но ехать в Югославию с призывом выбросить белый флаг не намерены.

Беседа с Ж. Шираком, как всегда, закончилась сердечно.

Основной темой разговора с К. Аннаном 2 апреля был зондаж с моей стороны возможности его поездки в Югославию в качестве посредника в поиске путей политического урегулирования. Однако К. Аннан тогда ответил уклончиво.

Посол Югославии в Москве, с которым я встретился 3 апреля, – родной брат Слободана Милошевича, и я был уверен, что он передаст ему все нюансы нашего разговора. Я подчеркнул важность происшедшей встречи С. Мило-

шевича с лидером косовских албанцев И. Руговой. Продолжение таких контактов усиливает позиции Белграда, особенно если будет заявлено публично, что обсуждался вопрос предоставления автономии Косова.

Зная о том, что министр иностранных дел Югославии направил К. Аннанду письмо с резкой критикой в адрес ООН, я сказал послу:

– Я бы посоветовал вашему министру быть более сдержанным – он слишком прямолинеен, знаю это и по моим встречам с ним. А в нынешней ситуации Югославии нужно искать союзников или хотя бы «нейтралов».

Ознакомившись с посланием Милошевича в мой адрес, я попросил посла передать ему благодарность за добрые слова о роли России и, в частности, о нашей миссии в Белград. Вместе с тем, отвечая на отдельные положения послания, сказал:

– Пусть югославы твердо знают, что мы не откажемся от нашей позиции, в том числе в рамках предстоящей встречи министров иностранных дел «большой восьмерки». Попросите Слободана не перегибать палку. Было бы контрпродуктивно заранее отказываться вообще от переговоров на будущее. В свое время и де Голль договаривался с алжирцами, и израильтяне с палестинцами сели за стол переговоров.

На телефонной беседе с А. Гором, состоявшейся 6 апреля по его инициативе, хотел бы остановиться подробнее. Обычно мы называли друг друга по имени, а теперь он обратился ко мне «господин премьер-министр», стремясь, очевидно, придать официальный характер разговору, подчеркнуть его значимость.

Вице-президент назвал «два обстоятельства, которые вызывают у США особую озабоченность».

– Я хотел бы услышать, – сказал Гор, – заверения в связи с направлением российского разведывательного судна в Адриатику, что вы не будете делиться разведывательной информацией с сербами. Вторая озабоченность

касается того, что, несмотря на эмбарго ООН на поставки военной техники в Югославию, в министерстве обороны России и в других правительственных ведомствах идет подготовка поставок военного имущества СРЮ. Подобные поставки, а также передача разведывательной информации нанесли бы огромный урон отношениям России с Западом.

– Господин вице-президент, – сказал я, – мы тоже заинтересованы в сохранении наших отношений, в том, чтобы они не ухудшались. Но это не может быть «улицей с односторонним движением». Вы говорите, что мы не должны усиливать нашу поддержку Югославии, но не заявляете, что США и НАТО не должны наращивать военные операции. Вы политик, господин вице-президент, и понимаете, что эти два аспекта взаимосвязаны. Вскоре состоится встреча министров иностранных дел «восьмерки». Думаю, что они обсудят вопрос о том, какие практические шаги можно предпринять для перехода от военного решения конфликта в Косове к дипломатическому. Олбрайт почти ежедневно беседует с Ивановым. Если не будет эскалации военных действий с обеих сторон, ситуацию можно разрядить. В таких условиях Россия будет делать все, чтобы сохранить свои отношения с Западом.

– Спасибо за ваши комментарии, – сказал Гор. – Но сначала позвольте ответить на ваши высказывания. Мы ничего не делаем против России. Наши действия направлены на прекращение насилия со стороны Милошевича по отношению к косовским албанцам, чтобы дать косоварам возможность вернуться в Косово и жить там в безопасности в условиях автономии. Сейчас в Косове сложилось ужасающее положение: проводятся этнические чистки, людей выгоняют из домов, вынуждают бросать все свое имущество и через горы добираться до внешних границ Косова. Уже более миллиона человек вынужденно покинули свои жилища. Мужчин отделяют

от женщин и детей и во многих случаях просто расстреливают. Все это, Евгений, просто ужасно!

– Ал (я тоже решил обратиться к нему по имени), ты говоришь, что вы ничего не предпринимаете против России. Недавно ракета взорвалась в 500 метрах от российского посольства. Что было бы, если бы она попала в посольство? Другая ракета взорвалась в 300 метрах от российской школы в Белграде. Что было бы, если бы она туда попала? Теперь о цифрах. Я не защищаю инициаторов и исполнителей этнических чисток. Считаю, что эти действия ужасны, бесчеловечны. Но массовое вытеснение албанцев началось после того, как НАТО приступила к бомбардировкам. Ты сказал, что из Косова бежало более миллиона человек, но там все население составляет около миллиона. Что касается наземной операции, то не дай бог, чтобы она началась, поскольку она повлечет за собой тысячи гробов с обеих сторон. Сейчас надо искать развязки. Давайте вместе думать, как их найти.

– Хочу заверить, что направление наших вертолетов в Албанию не является подготовкой к наземной операции, – отреагировал Гор. – Мы не изменили свои позиции на этот счет. Ввод наземных сил возможен только для выполнения политического соглашения. Теперь об этнических чистках. У нас есть однозначное свидетельство, что чистки начались задолго до бомбардировок. Все беженцы, а их сотни тысяч, говорят, что этнические чистки и бомбардировки не взаимосвязаны. Они все говорят одно и то же. Особенно сильное впечатление производит, когда это говорят маленькие дети.

– Мы направили российскую гуманитарную помощь обеим сторонам не только в Сербию и Черногорию, но и в Македонию, где находятся лагеря албанских беженцев.

– Мы это ценим. Теперь о наших ракетах, которые, как ты сказал, едва не попали в российское посольство и в школу в Белграде. Мы предпринимаем все необходимые меры предосторожности. Мы ничего не делаем, что

было бы направлено против России. Но, с другой стороны, мы видим признаки, что кое-кто в России хотел бы причинить нам ущерб. Если бы ты дал мне личные заверения, что Россия не планирует передавать сербам разведывательную информацию и направлять туда военную помощь, я был бы весьма признателен.

– Вы направляете оружие ОАК. В отрядах ОАК есть ваши офицеры связи. Это – факты. Никто не просит ведь у тебя личных заверений, что США прекратят поддержку албанских сепаратистов. Давайте сделаем все, чтобы перевести конфликт в русло политического урегулирования. Тогда отпадет необходимость ставить друг перед другом такие острые вопросы. При этом могу заверить, что ни президент, ни я, ни кто-нибудь другой не хотят втягивания России в военный конфликт. Мы сделаем все, чтобы этого не допустить.

– Мы тоже предпочли бы политическое урегулирование силовому. Олбрайт и Иванов достигли согласия по многим ключевым моментам. Осталось расхождение только по вводу международных сил безопасности и в отношении того, что первый шаг должен сделать Белград. Евгений Максимович (по-видимому, Гор решил в конце беседы найти нечто среднее в обращении ко мне – и не официальное, и не по имени), у нас нет офицеров связи в отрядах ОАК, и мы не изменили своей позиции относительно ввода в Косово наземных сил: они могут быть развернуты там только в рамках соглашения о мирном урегулировании.

– Заверение, что не планируете наземную операцию, вселяет оптимизм.

Дальнейшее развитие событий подтвердило верность многих высказанных мною аргументов. Руководители НАТО твердили, что бомбардировками, уничтожающими гражданскую инфраструктуру Югославии, убивающими и калечащими людей, они «достигли своих це-

лей». Так ли это? Стабилизации в Косове в результате этого не произошло. Главной дестабилизирующей силой – теперь вынужденно признают на Западе – является так называемая армия освобождения Косова, которая расправляется с сербским населением, добиваясь отделения края от Югославии, что ведет к созданию «Великой Албании». Сербское население этой исторически сербской территории, принадлежность которой к Югославии не брали на себя смелость оспаривать даже те страны, которые участвовали в вооруженных действиях против Белграда, превратились в беженцев.

Так закончилась моя «югославская эпопея». Хотел бы при этом особо отметить, что действовал не в одиночку. Осуществлялась координация, согласование вырабатываемых подходов с руководителями, как у нас принято называть, силовых структур. Каждый день, включая воскресенья, в 9.30 в моем кабинете в Доме правительства собирались министр иностранных дел, министр обороны, директор СВР, начальник Генерального штаба и начальник ГРУ. Мы обсуждали ситуацию, инициативные предложения, возможные действия с нашей стороны. И ежедневно наши предложения с конкретными разработками направлялись президенту.

Как я узнал позже, мое повседневное общение с «силовиками» не нравилось кое-кому в окружении Ельцина, и это в немалой степени способствовало назначению Черномырдина специальным представителем президента по югославскому кризису*. Что касается Виктора Степановича, то он активно включился в миротворческую миссию и, безусловно, сыграл очень важную роль в прекращении ударов по Югославии. Назначение спецпред-

* После своего назначения он предложил участвовать в созываемых мной ежедневных совещаниях. Но я ответил, что теперь он сам должен у себя собирать «силовиков». К сожалению, такие совещания прекратились, а ведь они, несомненно, приносили большую пользу.

ставителем Черномырдина переложило тяжесть работы на его плечи. Это произошло приблизительно за считанные недели до моей отставки.

В этой книге я рассказываю о восьми месяцах нахождения на посту председателя правительства и вполне понятно делаю упор на свои беседы, акции. В этой связи надеюсь, меня не заподозрят в том, что я преуменьшаю значение заявлений, действий представителя президента по югославскому кризису Черномырдина и других.

Вместе с тем, надеюсь, что, находясь на посту руководителя правительства России, кое-какое «наследство» удалось оставить тем, кто с успехом продолжал действовать с целью прекращения бомбардировок, а затем и стабилизации в Косове – к сожалению, к моменту написания книги еще далеко не устоявшейся.

На Западе все более контрастно вырисовывается идея отрыва Косова и Метохии от Сербии, придания этим землям какого-то особого статуса независимого государства. Повторю, что ни разу во время обсуждения косовской проблемы с моими западными коллегами без всякого исключения идея независимости Косова не возникала. Ретроспективно, правда, я обращаю внимание на то, что Мадлен Олбрайт обозначала Косово именно как часть Югославии, а не Сербии. С позиции сегодняшнего дня это может приобрести определенный смысл: не появилась ли у моих западных коллег тогда мысль о приравнивании статуса Косова к статусу Черногории? Но в том или ином случае, и речи тогда не могло идти о независимости Косова.

Когда от Югославии отделилась Черногория, то это было воспринято мировым сообществом нормально – Черногория была союзной республикой. С согласия Белграда в ней был проведен референдум, во время которого большинство (правда, с минимальным перевесом – меньше 1 процента) высказалось за отделение. Но Косово – автономная единица, и ее выделение вопреки воле Бел-

града создает опаснейший прецедент для всех государств, в которых национальные меньшинства стремятся выделиться. Особенно остро эта проблема встанет для ряда бывших республик Советского Союза, в которых с таким трудом удалось погасить кровавые межэтнические столкновения.

Со Слободаном Милошевичем я встретился еще раз уже тогда, когда он был узником Гаагского трибунала. По его просьбе Н.И. Рыжков, Л.Г. Ивашов и я выступили на заседаниях трибунала в качестве свидетелей защиты. До выступления состоялась моя шестичасовая беседа с Милошевичем – он отказался от услуг адвокатов, защищал себя сам, и его предварительные встречи со свидетелями защиты были обусловлены регламентом трибунала. От комнаты, где произошла наша с ним встреча, нас отделяли пятнадцать открывающихся и закрывающихся за мной и неотступно сопровождавшим охранником массивных дверей, не говоря уже о предшествовавшей этому сверке моих документов с компьютером и обыском вплоть до снятия ремня и обуви. Мы имели возможность сверить с Милошевичем аргументы, вспомнить события, которые помогут объективно разобраться в его действиях и помыслах.

Обвинитель Найс не смог привести ни одного довода, опровергавшего свидетеля защиты. Характерно, что, когда, встретившись с прокурором Карлой дель Понте, которую знал раньше, сказал ей о беспомощности Найса, она ответила: он был сегодня не в форме. Но дело, конечно, не в этом. Найс оказывался каждый раз «не в форме», когда пытался «уличить» Милошевича в руководстве антиалбанским геноцидом в Косове или других смертных грехах. Мне было ясно, что суд над Милошевичем главным образом имел своей целью отвести исторически оправданные обвинения от НАТО, обрушившего бомбардировки на Югославию. Милошевич твердо, смело и, я бы сказал, умело разворачивал процесс над ним в

процесс над теми, кто поддерживал и оправдывал творившую зверства Армию освобождения Косова, кто бомбил Югославию. Конечно, и Слободан Милошевич делал ошибки в то время, когда был президентом Сербии, а затем Югославии. Но тем не менее суд над ним был несправедливым, с явно обвинительным уклоном.

Слободан Милошевич умер еще до окончания судебного процесса. Российские врачи настаивали на его временном лечении в Москве. Правительство Российской Федерации дало по требованию трибунала гарантию, что он будет возвращен после курса лечения в Гаагу. Но в последний момент ему было отказано в выезде в Москву – Гаагский трибунал сослался на то, что, дескать, он не так уж нуждается в специальном кардиологическом лечении. Все это было за считанные недели до смерти Слободана Милошевича – не выдержало его сердце.

Глава X «СЕМЬЯ», ПРЕЗИДЕНТ И Я

Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает.

Н. Макиавелли

I. «Ловушки», расставленные на пути

Скакого момента меня стало «обкладывать» близкое окружение президента?

Не могу сказать, что сразу после вступления в руководство правительством я ловил «косые взгляды» из Кремля. Однако уже тогда насторожили разговоры управляемых извне СМИ о том, что нынешней экономической команде не удастся переломить тяжелейшую ситуацию, сложившуюся после 17 августа. Меня при этом – пока (!) – никто не трогал. Судя по всему, расчет был вполне определенный: через некоторое время, скажем так, через пару-тройку месяцев, заменить «левую» часть команды, а меня, «полезного для общества» (ведь я получил широкую поддержку – никуда от этого не денешься), превратить в «карманного премьера», соглашающегося, не неся ответственности за экономику, работать с совсем другими по своим взглядам людьми, которых мне «дадут» в правительство.

Приблизительно через месяц после моего назначения Б.Н. Ельцин неожиданно завел со мной, как он сказал, «стратегический» разговор.

– Я хотел бы обсудить ваши перспективы как моего преемника. Что нам следует делать в этом отношении.

Позже я подумал, не была ли эта «стратегическая» беседа проведена с целью прозондировать мою готовность «играть в команде» даже ценой согласия на то, что из правительства уберут «левых», заменив их вновь на привычных «либералов»?

Так или иначе, но в момент разговора воспринял сказанное Ельциным серьезно.

– У меня нет никаких президентских амбиций и вообще считаю, что не смог бы по-настоящему работать во главе правительства, если бы нацелился на президентскую гонку, – таков был мой ответ. – Ведь успех моей нынешней деятельности во многом зависит от несогласия, а в определенном плане и давления на целый ряд руководителей субъектов Федерации. Я не думаю, что все они одобрительно относятся к идеям укрепления центральной власти, жесткого контроля за использованием трансфертов из федерального бюджета, к требованию отмены всех местных постановлений и решений, противоречащих Конституции Российской Федерации и ее законам, усилению борьбы с антиобщественными явлениями, особенно в экономике*. А в случае участия в президентских выборах необходимо было бы мое «соглашательство» по этим вопросам или хотя бы отказ от жесткости в их постановке. Я на это пойти не могу. Это не соответствует задачам правительства.

* Не хочу, чтобы у читателей создалось впечатление о моей «тотальной» конфронтации с губернаторами. Я ввел в состав правительства с правом решающего голоса губернаторов – представителей всех ассоциаций регионов России. Это было сделано впервые и принесло несомненную пользу.

Тогда Ельцин разговор на эту тему прервал. Позже он возвратился к ней – об этом дальше, – но совершенно в другом ракурсе...

Это, пожалуй, была первая «ловушка» на моем пути как руководителя кабинета. Я ее обошел, не только отказавшись играть не по своим правилам, но заявив во всеуслышание, что уйду в отставку, если снимут Маслюкова или Кулика, против которых была развернута оголтелая кампания в подконтрольных олигархам СМИ.

Не знаю, стало ли это основной причиной того, что ни Маслюкова, ни Кулика не тронули вплоть до моего увольнения в мае 1999 года. Возможно, на первых порах окружение Ельцина не хотело осложнять отношения с левым крылом Думы, которое в то время представляло собой большинство. А в последующем кремлевские стратеги пришли к выводу, что моя «инициативная» отставка в связи с увольнением представителей левых сил, которые к тому же хорошо зарекомендовали себя в качестве профессионалов, – не лучший вариант.

Таким образом, мои «левые» заместители продержались в правительстве все восемь месяцев – вплоть до моей отставки. Но их жизнь была далеко не комфортной, и не только из-за трудной работы. Они находились под постоянным обстрелом тех, кто стремился их скомпрометировать, начиная от распространения слухов о том, что на государственные посты расставляются люди за взятки, и кончая огульными обвинениями в коррупции в связи с их деятельностью до вхождения в мое правительство. Я не прошел мимо всего этого и обратился с запросами в МВД, ФСБ, Генеральную прокуратуру. Получил официальные ответы, что они не располагают данными, подтверждающими такие обвинения.

Что касается меня самого, то я не был выбран – ни тогда, ни после – в качестве мишени для подобных наветов. Возможно, потому, что никогда не был связан с какими бы то ни было финансовыми или коммерческими

структурами, имел «прозрачные» доходы и исправно платил налоги. Все это было широко известно.

Однако в некоторых СМИ излюбленной темой стала моя «экономическая несостоятельность», потому что, дескать, никогда не занимал никаких хозяйственных должностей. Во время одной подобной дискуссии по радио мой внук (уже окончивший университет) – тоже Евгений Примаков* – не выдержал и, воспользовавшись обращением к слушателям звонить по телефону в студию, напомнил, что я окончил аспирантуру экономического факультета МГУ, стал кандидатом, а затем доктором экономических наук, в течение ряда лет руководил Институтом мировой экономики и международных отношений, в деятельности которого одно из главных мест занимало изучение экономического зарубежного опыта и возможность его практического применения в народном хозяйстве СССР, был избран академиком АН СССР по отделению экономики.

Выступил он в мою защиту с «открытым забралом», представившись. Я был очень тронут не только поступком внука, но и тем, что узнал об этом не от него, а из заметки, опубликованной в газете.

Между тем мои оппоненты, которые постепенно перерастали в категорию противников, пошли еще дальше. Соглашаясь с тем – невозможно было отрицать очевидную истину, – что правительство стабилизировало политическую ситуацию, которая могла перерасти в «выяснение отношений» на улицах, они начали обвинять и меня, и кабинет в целом в бездействии в области экономики.

Им было невдомек, что если бы мы не принимали решительных и продуманных, взвешенных мер в экономической области, способных одновременно дать результат и в социальной сфере, то наше правительство попросту не смогло бы удержать политическую ситуацию в России.

* В настоящее время корреспондент НТВ, выступающий под псевдонимом Евгений Сандро.

Мои отношения с левыми не переставали занимать умы «семьи» и после того, как было решено пока не трогать тех, кто окрашен в их цвета в правительстве. Ельцину его окружение все время твердило, что коммунисты мною чуть ли не манипулируют и, возможно, я даже не осознаю этого.

Через пару месяцев после моего вступления в должность Ельцин сказал мне:

– Вас обволакивают левые, которые, находясь в правительстве, выполняют указание ЦК КПРФ.

– Вы меня неплохо знаете, – ответил я. – При всех своих недостатках я никогда не ложился ни под Горбачева, ни под вас. Что касается левых в правительстве, то они находятся в нем в личном качестве. Нужны примеры? Пожалуйста. Маслюков выступает против импичмента президента, в то время как КПРФ занимает противоположную позицию. Левые в правительстве открыто предлагают незамедлительно ратифицировать в Государственной Думе договор по СНВ-2.

По-видимому, наибольшее впечатление на Бориса Николаевича произвели мои слова:

– Позвольте, но Маслюков в моем и Черномырдина присутствии отказался от вашего предложения занять пост руководителя правительства. Если бы Маслюков выполнял, как вы говорите, волю своего ЦК, разве он не согласился бы возглавить кабинет и стать второй фигурой в государственной иерархии?

– Неужели меня так неправильно информируют? – президент поднял на меня тяжелый взгляд, в котором одновременно читались и недоумение, и гнев.

Меня подозревали – и, это уж точно, очень боялись этого – в «сращивании» с КПРФ, когда стремления к такому стратегическому союзу не наблюдалось ни с одной стороны. Были контакты с Г.А. Зюгановым и другими руководителями КПРФ, во время которых происходил обмен мнениями о деятельности правительства. Со своей

стороны, коммунисты никогда не информировали меня – может быть, это и к лучшему, я абсолютно не упрекаю их в этом, – о своих акциях, намерениях, планах, перспективах. Когда мною или моими коллегами высказывались пожелания пропустить или ускорить прохождение через Думу необходимых нам законопроектов, мы наперед знали: нам пойдут навстречу только в том случае, если это не столкнется с узкопартийными интересами. Так, например, было, когда мы просили отказаться от идеи импичмента президента, так как затеянная кампания мешала правительству стабилизировать политическую ситуацию, что было крайне важно, ужесточала линию Кремля, что было крайне нежелательно.

Правда, и с моей стороны не проявлялась готовность положительно откликнуться на некоторые пожелания, высказываемые руководителями компартии, например, о смещении с занимаемых постов А.Б. Чубайса – председателя правления РАО «ЕЭС России» и С.В. Генералова – министра энергетики. У меня были другие соображения на сей счет. Поэтому, когда я пригласил Чубайса и попросил его отказаться от проведения политических совещаний его правых единомышленников в служебных помещениях РАО «ЕЭС России», я действовал не по чьей-то указке, а стремился отдалить правительство и его структуры от политической борьбы. В то же время хотел, чтобы не «подставлялся» сам Чубайс – сильный менеджер. Это не значит, что я разделяю идеи и политические подходы Чубайса или одобряю практику приватизации, проведенную под его руководством.

Был рад, что Чубайс согласился со мной и сдержал данное им слово.

Что касается Генералова, то, работая с ним в правительстве, я убедился, что это способный человек, чувствующий сложную обстановку, понимающий суть стоящих перед министерством проблем и готовый решать их на профессиональном уровне.

Возглавляемый мною кабинет придерживался центристских, или, точнее, левоцентристских, взглядов, и это создавало почву для определенного сближения с левыми силами. Но оно могло произойти лишь в том случае, если бы компартия сделала упор на необходимость единства всех «государственников», патриотов, осознав и отразив в своих документах, что нет возврата к командно-административной модели общественного и экономического устройства, которая существовала, когда КПСС была у власти.

II. Страхи ложные

Вскоре после своего назначения я почувствовал, что окружение президента, с одной стороны, хотело, чтобы я находился на дистанции от Кремля, не участвовал в подготовке и принятии президентских решений, а с другой – опасалось моей самостоятельности. Это противоречило моим взглядам: я привык к «командной игре», но при этом никогда не соглашался на роль «марионеточного деятеля».

С первых же дней в правительстве я публично подчеркивал (собственно, так же делал, будучи и директором СВР, и министром иностранных дел), что те или иные мероприятия кабинета либо обговорены с Ельциным, либо осуществляются после получения его санкции. Не всегда это соответствовало истине, часто потому, что президент оказывался малодоступен из-за своего физического состояния.

Такая линия вначале поддерживалась Ельциным. Он несколько раз звонил мне ночью по телефону (часто подобные звонки приходились на ночное и раннее утрен-

нее время) и говорил: «Больше берите ответственности на себя».

Я это делал, не переставая отмечать роль президента. Однако вскоре у Ельцина появились сомнения – его целенаправленно информировали о том, что я «веду свою партию».

Ничего у меня не получилось и с участием в обсуждениях, призванных найти оптимальные решения для президента, все больше отходившего по состоянию здоровья от самостоятельного руководства страной. В октябре 1998 года я пригласил к себе в Белый дом Татьяну Дьяченко – дочь Бориса Николаевича, которая играла в «семье» роль скорее не идеолога-стратега, а исполнителя, так как больше, чем другие из окружения, имела к нему доступ и знала, когда можно у него подписать ту или иную бумагу или получить нужную резолюцию.

Мы встретились в моем кабинете в Доме правительства. У меня не было никакой предвзятости в отношении нее.

Я начал разговор со слов:

– У нас с вами общая цель – сделать все, чтобы Борис Николаевич закончил свой конституционный срок в кресле президента. Досрочный его уход в нынешних условиях не соответствует интересам стабилизации обстановки в России. Давайте думать вместе, как этого достичь лучшим образом. Нужно думать и о тактике. Необходимо показать стране, миру, что президент работает бесперебойно и эффективно. Если вы разделяете сказанное мною и не сомневаетесь в моей искренности, то почему замкнулись в узком кругу? К тому же я не новичок в анализе ситуаций, прогнозных оценках, выработке вариантов.

– Да что вы, Евгений Максимович. Мы так вас уважаем.

К этому был сведен ответ на высказанные мною недоумение и предложение работать вместе. Так была хлопнута дверь, которую я пытался распахнуть. Мотив мог быть только один: окружение президента понимало,

что я не соглашусь играть в оркестре, дирижируемом олигархами.

Однако это было бы полбеды, если бы одновременно не стремились отдалить от меня Ельцина. Представляется, что «семья» делала все это не только потому, что у нас с ней различные «группы крови», но еще и опасалась моих встреч с ним, во время которых президент мог получать реальную информацию, во многом не совпадавшую с оценками его окружения.

Помню, когда Бориса Николаевича в конце ноября положили в Центральную клиническую больницу (ЦКБ) с диагнозом «пневмония», я несколько раз ставил вопрос о том, чтобы навестить его и доложить об обстановке. Каждый раз мой визит откладывался. Наконец, когда я попал к Ельцину, он меня раздраженно (уже сказывалось нашептывание со стороны «семьи») спросил:

– Почему вы в последнее время избегаете встреч со мной?

– Побойтесь Бога, Борис Николаевич, я все время ставлю вопрос о встрече, но ее откладывают, ссылаясь на мнение врачей. Не рекомендуют даже звонить вам по телефону.

– Вызовите немедленно Анатолия Кузнецова*, – отреагировал на мой ответ президент и уже, обращаясь к этому совершенно непричастному к составлению графика посещений Ельцина человеку, с металлом в голосе сказал: – Соединять меня с Примаковым по телефону и каждый раз, как только он попросит об этом, приглашать на встречу.

Мое замечание о том, что Кузнецов тут ни при чем, а все в этом плане определяется Татьяной Дьяченко, осталось без внимания.

– Ну как? – спросила меня она в коридоре, когда я вышел из палаты.

* Генерал-майор А.Л. Кузнецов – адъютант Б.Н. Ельцина, постоянно находившийся при нем.

– Борис Николаевич недоволен тем, что редко с ним вижу, – ответил я.

– Но часто после встреч с вами он чувствует себя хуже. Вы уж постарайтесь не огорчать его, – сказала Дьяченко.

На первые месяцы моего премьерства пришлось череда болезней президента, и мне по его поручениям пришлось заниматься многими высокими гостями – проводить с ними переговоры, устраивать в их честь приемы. Все это не оставалось незамеченным в обществе. Особенно много говорилось о том, что председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Ельцина в больнице и пробыл у него чуть больше получаса, а остальное время пребывания в Москве пришлось на встречи, в которых российскую сторону представлял я.

16 октября президент отменил свою поездку в Малайзию, где был запланирован саммит государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия должна была быть представлена на этой встрече – первой после того, как нас наконец-то приняли в состав Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Вместо президента в Малайзию полетел я. Через десять дней был отменен визит Ельцина в Австрию. Вместо него с однодневным визитом для встречи с руководством ЕС полетел председатель правительства. Несколько позже был отменен запланированный на 6–7 декабря визит президента в Индию. Туда также прибыл я. На мои плечи переложили основную тяжесть визитов в Москву Шредера, Нетаньяху и других.

Тема передачи некоторых функций президента председателю правительства стала распространяться. В средствах массовой информации промелькнуло сообщение о том, что во время беседы с редакторами органов печати и телевидения руководитель администрации президента В.Б. Юмашев*, сославшись на здоровье Ельцина, говорил

* Разговоры на таких встречах бывают не для печати, но, как правило, многое «просачивается».

о возможности перехода части полномочий президента к главе правительства. Думаю, неслучайно Ельцин, несмотря на объявленные более поздние сроки возвращения из больницы, 20 октября неожиданно приехал в Кремль.

Неслучайно и то, что в декабре состоялся такой разговор.

– Готовы ли вы подтвердить, что не будете участвовать в выборах президента? – потупясь, спросил Ельцин.

– Я многократно говорил об этом.

– Ну тогда скажите еще раз перед телевизионными камерами.

– Пожалуйста, еще раз заявлю.

Вошли телевизионщики. Мы с Борисом Николаевичем стояли бок о бок. Услышав, что я не намерен участвовать в президентской гонке, Ельцин одобрительно кивнул головой, а потом сказал, что полностью одобряет деятельность правительства.

Неслучайно и то, что последняя фраза президента не прозвучала в эфире. Николай Бордюжа рассказал мне позже почти криминальную историю. Сначала сказали ему – тогда он уже был главой администрации, – что президент, произнося фразу о полном одобрении деятельности кабинета, выглядел не очень «телевизионно». Бордюжа потребовал пленку. Потом она исчезла с его стола.

Это произошло уже в то время, когда началось видимое обострение отношений президента со мной. Расскажу все по порядку. В ноябре, во время одного из моих докладов Ельцину, я сказал ему, что стабилизации обстановки в стране помогло бы принятие закона, в котором гарантируется безопасность и определяются условия жизнедеятельности российского президента «имярек», уходящего в отставку.

– Понимаете, мне неудобно вносить проект такого закона, – сказал Ельцин.

– Согласен с вами. Могу законопроект внести я.

После этого разговора развивались события, которые свидетельствовали о необходимости посмотреть на проблему политической стабильности в обществе шире, не ограничиваясь гарантиями президенту после конституционного срока его нахождения во власти. Широко распространялись слухи о том, что Ельцин настроился на запрет КПРФ, введение чрезвычайного положения, срыв предстоящих президентских выборов. В мемуарах Ельцина прямо сказано, что все это он намеревался предпринять.

22 января 1999 года я направил письма председателям двух палат российского парламента, в которых, в частности, говорилось:

«Сегодня чрезвычайно остро встал вопрос об обеспечении политической стабильности в стране в предвыборный период. Без этого невозможно преодолеть последствия социально-экономического кризиса, решать вопросы восстановления и развития экономики страны, вернуть доверие людей.

В такой сложный для страны период считаю очень важным принять все необходимые меры для укрепления институтов государства и обеспечения согласованных действий федеральных органов государственной власти. С этой целью предлагаю выработать согласованные правила поведения президента, Федерального собрания и правительства Российской Федерации и совместно принять пакетное решение».

В совместном заявлении предлагалось изложить систему добровольно взятых на себя обязательств, действующих до новых президентских выборов: президент не распускает Думу и не использует право отставки правительства. Правительство не ставит в Государственной Думе вопрос о доверии, что также может повлечь за собой роспуск Госдумы. Дума, в свою очередь, отказывается от импичмента (кампания набирала силу). Внесение поправок в конституцию может осуществляться лишь на

основе согласованной позиции. К письмам я приложил и проект закона о гарантиях неприкосновенности лицам, занимавшим пост президента Российской Федерации.

Председатель Госдумы Г. Селезнев сразу же разослал письмо всем депутатам. Естественно, это моментально стало достоянием окружения Ельцина, и «семья» должным образом отреагировала.

Но сначала о том, почему с этой очень важной, как считал и продолжаю считать, инициативой выступил я сам. Абсолютно искренне считал, что Ельцину неловко быть автором проекта, который обеспечивает прекращение кампании по импичменту и гарантию его неприкосновенности после окончания конституционного срока. Думал, что ноябрьский разговор с Ельциным дает мне право на инициативу. Но при этом за президентом оставалась возможность корректировки текста заявления – в моих письмах подчеркивалось, что после одобрения предлагаемого подхода проект будет согласован с Ельциным.

Не скрою, я не очень стремился к предварительному одобрению текста письма, зная, что любой разговор на эту тему упрется в позицию «семьи», а просчитать эту позицию было совсем не трудно. Очевидно, при этом я не придавал значения, а зря, тому, что, когда я направлял в парламент свои письма, президент находился в Центральной клинической больнице. Это было активно использовано против меня.

Сразу же на мою инициативу отреагировал Березовский. Отвечая на вопрос главного редактора газеты «Коммерсант», он сказал:

– Предложение Примакова – не желание стабилизировать политическую ситуацию, а желание проявить себя. А это опасно... Я увидел в Примакове человека, желающего сначала стать президентом, а потом думать о России.

Я воспринял это заявление не столько как сигнал, подаваемый Ельцину, но как отражение уже сформировавшейся точки зрения Кремля. И оказался прав.

До начала очередного доклада, когда телевизионщики снимают «картинку», Ельцин, насупившись, сказал мне:

– Что вы такое выделываете за моей спиной? – Встретив мой недоуменный взгляд, разъяснил: – Речь идет о вашем обращении в Госдуму.

– Борис Николаевич, я хотел бы разговор с вами вести не под прицелом телекамер.

– Хорошо, оставьте нас вдвоем, – сказал президент тележурналистам.

– Разве вы не помните предысторию? Мы с вами обсуждали вопрос о гарантиях президенту после его отставки. Речь шла не именно о вас, а вообще о президенте России. Я, естественно, считал и считаю, что нужно этот вопрос решить, но его следует рассматривать не самостоятельно, а в контексте других проблем, которые в совокупности будут служить стабилизации в обществе.

– Все равно, – сказал Ельцин, – вы должны были согласовать эту инициативу.

Из «источников Кремля» в СМИ немедленно поступила информация, что разговор президента и главы правительства был «тяжелым». Но шар был запущен, и предложение получило широкий резонанс. В результате администрации пришлось, в свою очередь, проявить инициативу. Заместитель главы администрации О.Н. Сысуев весьма добросовестно, со знанием дела возглавил подготовку альтернативного документа. Не думаю, что такой подход Сысуева был по душе всем в окружении Ельцина. Не всем им понравился – уверен в этом – и тот факт, что провести совещание членов Совета безопасности, посвященное подготовке этого документа, президент поручил мне. Это свидетельствовало о том, что чаша весов еще не склонилась в пользу тех, кто разрабатывал планы моей отставки. А может быть, такая комбинация преду-

сматривалась с целью показать общественному мнению, что я «переориентировался»?

Совещание состоялось 5 февраля на Старой площади, в помещении, где когда-то заседало Политбюро ЦК КПСС. Альтернативное заявление имело определенные недостатки – взаимные обязательства относились теперь к предстоящим выборам в Госдуму; президентские выборы вообще не упоминались; ни слова не говорилось о необходимости снять вопрос об импичменте, что наводило на мысль о стремлении использовать кампанию по импичменту для «контратаки», в том числе против правительства, обвиняемого в «косвенном пособничестве» отстранению президента. В то же время заявление и в новом варианте содержало ряд полезных положений. Среди них – отказ без предварительных консультаций ставить вопросы об изменении конституции и отставке правительства, меры по улучшению условий выборов в Госдуму, «недопущение криминализации органов законодательной и исполнительной власти». Исходя из этого, мы поддержали проект совместного заявления. Однако идея совместного заявления – в моей редакции или «альтернативного» – так и не была реализована, ушла в песок...

Между тем рейтинг правительства и его руководителя продолжал расти. Но параллельно росло и количество публикаций и телепередач, в которых все более резкой и беспредметной критике подвергался кабинет, давались прогнозы по поводу его предстоящей замены.

Кульминацией, конечно, было заседание, на котором президент, оглядев всех сидевших за огромным круглым столом в Кремле, бросил свою «историческую» фразу: «Не так сидим». К этому моменту С.В. Степашин уже был назначен первым заместителем председателя правительства, и он-то «не так сидел». Вместо того, чтобы рядом с президентом, – через несколько стульев от него.

И все-таки мне казалось, что в вопросе о снятии меня с поста премьера позиции Ельцина и «семьи» не во всем совпадали. Впрочем, я думаю так и сегодня. Неужели я ошибался и тогда, и сейчас?

15 марта я посетил Бориса Николаевича в ЦКБ и после наставлений, как нужно вести себя с журналистами, советов встретиться с главными редакторами, побывать на телеканалах (что я, кстати, исправно делал), Ельцин сказал присутствовавшим при этом разговоре корреспондентам телекомпаний:

– В некоторых СМИ говорят, что кто-то хочет вбить клин между мной и премьер-министром. Природа еще не создала клина между Ельциным и Примаковым.

Через два года я прочел только что изданную в Москве великолепную книгу «Воспоминания» великого князя Александра Михайловича, который со слов С. Витте пересказал, как произошло снятие того с поста председателя кабинета министров России. «Государь – восточный человек, типичный византиец, – сказал про Николая II Витте после своей отставки в 1906 году. – Мы говорили с ним добрых два часа; он пожал мне руку; он меня обнял. Желал мне много счастья. Я вернулся домой, не помня под собой ног, и в тот же день получил указ о моей отставке»*.

Конечно, по масштабам того, что смог и успел сделать, я никак не сравниваю себя с блестящим премьером Витте. Да и президента Ельцина трудно заподозрить в византийской утонченности. Но все-таки жаль, что книгу эту я прочел не в тот момент, когда часть прессы изгалялась по поводу моего скорого ухода из правительства, а я ориентировался или, точнее, был дезориентирован публичными президентскими заверениями об обратном.

9 апреля на встрече в Кремле с руководителями глав республик Ельцин снова заявил:

* Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. – М.: АСТ, 1999. С. 174.

– Не верьте слухам о том, что я хочу Примакова снять, правительство распустить и так далее. Все это домыслы и слухи. Такого нет и не предполагается...

Казалось, на этом можно было бы поставить точку. Но президент добавил:

– Я считаю, на сегодняшней стадии, на таком этапе Примаков полезен, а дальше будет видно. Другое дело, что надо укреплять правительство. Этот вопрос стоит.

Это уже можно было рассматривать как «звонок». Я решил ответить публично. И не для того, чтобы предотвратить развитие событий. Напротив, я понимал, что мой публичный ответ будет максимально использован «семьей» против меня – «видите, как осмелел (или обнаглел) премьер, бросая открытый вызов Кремлю; не мы ли говорили, что он все больше проявляет президентские амбиции?».

Я отлично знал, что такие «оценки» наверняка западут в сознание президента, но все-таки не мог смолчать – ни по своему характеру, ни по обуревавшим меня чувствам, хотя и слыл человеком сдержанным. Пренебрег советами многих окружавших меня людей.

Мое выступление записали в Белом доме и транслировали по всем телевизионным каналам. В частности, я сказал:

– Хочу повторить свою позицию, которую занимал с самого начала, и никому не надо ее извращать – попытки провести через Думу решение об импичменте президента несостоятельны и контрпродуктивны. Такая политическая игра безответственна и опасна. Она может раскачать общество и спровоцировать серьезнейший политический кризис... Считаю также, что серьезную опасность представляют призывы распустить партии, саму Госдуму, ввести чрезвычайное положение. Это – путь авантюрный, угрожающий взорвать внутреннюю ситуацию в стране, иными словами, путь в никуда. Полагаю недостойной и противоречащей интересам страны, –

продолжал я, – ту возню, которая ведется вокруг правительства, а в последнее время и кампанию против его председателя. Пользуясь случаем, хочу еще раз заявить, особенно тем, кто занимается этой антиправительственной возней: успокойтесь, у меня нет никаких амбиций или желания участвовать в президентских выборах, и я не вцепился и не держусь за кресло премьер-министра, тем более когда устанавливаются временные рамки моей работы: сегодня я полезен, а завтра посмотрим.

Не знаю, стало ли это реакцией на мое телевыступление, но 19 апреля перед вручением премий и стипендий журналистам президент призвал их «не стравливать» его с Примаковым.

– Когда сталкиваете, – сказал он, – то в обществе появляется неуверенность, в обществе начинают сомневаться: кто прав – президент или премьер. Мы уважительно относимся друг к другу. Советуемся друг с другом, регулярно встречаемся. – Вместе с тем Ельцин добавил: – Премьер-министр еще не привык к критике. А правительство разве работает идеально? Нет. Зачем же обижаться.

В словах и интонациях Ельцина я чувствовал колебания. Обычно в таких случаях он рубил сплеча. Или еще время не наступило для этого?

А «семья» продолжала свое давление на президента. Все больше в этом плане начали нажимать на самую болезненную для него точку – пожалуй, впервые явно пробуксовывало осуществление не просто его намерения, а приказа. Оказалось, очень нелегко снять с поста генерального прокурора Юрия Скуратова. С такой пробуксовкой «семья» решила связать мое имя.

Мои отношения со Скуратовым были хорошие. У нас дважды совпадал по времени отдых в Сочи, где мы общались семьями. Встречался с ним и по делам, будучи главой правительства. Переживал, когда началась исто-

рия с видеокассетой*. Накануне беседы со Скуратовым в ЦКБ Ельцин позвонил мне и предложил поучаствовать в разговоре, который состоялся рано утром 18 марта. Кроме нас присутствовал В.В. Путин. Я был сторонником компромисса, который в конце концов состоялся. Скуратов написал повторное заявление в Совет Федерации об отставке. Было решено, что до заседания Совета Федерации он продолжит работу в Генпрокуратуре. Этому предшествовало эмоциональное объяснение Скуратовым своей позиции. Президент выслушал его молча, однако было совершенно очевидно, что он настаивает на его уходе.

На улице произошел мой разговор со Скуратовым наедине. Я старался объяснить ему, что в данной ситуации – особенно с учетом отношения к нему Ельцина – принятое решение выглядит оптимальным. Мне показалось, что Юрий Ильич поверил мне, так как понимал, что я отнюдь не принадлежу к лагерю его недругов. Знаю, что аналогичную моей позицию занимали и многие его друзья и коллеги по «цеху», с мнениями которых Скуратов считался.

В это время на авансцену вышел А.С. Волошин, назначенный Ельциным главой администрации президента. У меня поначалу установились с ним рабочие отношения. В кабинете председателя правительства стоит селектор прямой связи. Я пользовался достаточно часто этим прямым каналом и решал с Волошиным многие вопросы. Поэтому то, что произошло дальше, и, главное, в какой форме это произошло, было для меня неожиданным.

Волошину «семьей» было поручено подготовить второе заседание Совета Федерации и провести решение об отставке Скуратова. Он поднялся на трибуну, что-то про-

* По государственному каналу телевидения передали видеозапись порнографического содержания, на которой был запечатлен Скуратов или «лицо, похожее на генерального прокурора».

мямлил, что-то невнятное наплел. Думаю, что его выступление во многом способствовало результату голосования: Совет Федерации во второй раз отклонил отставку генерального прокурора. Это было крупным поражением противников Скуратова, которые уверяли президента, что на этот раз Совет Федерации обязательно примет отставку.

Сразу же после голосования Волошин собрал представителей ведущих СМИ и сказал им:

– Не ссылайтесь на меня лично, а процитируйте «высокопоставленного сотрудника администрации», который вам заявил, что это Примаков привел к решению Совета Федерации по Скуратову. Примаков ведет свою собственную игру и не может быть союзником президента.

Убежден, что Волошин не осмелился бы самостоятельно, без согласования, возможно, с Березовским (его не без оснований считали человеком Березовского), открыто выйти на «тропу войны». Не исключаю и того, что он пытался защитить себя от обвинений в провале «операции» в Совете Федерации.

Содержание брифинга, который провел Волошин, стало известно мне не только по ленте ИТАР—ТАСС, но и по записи на диктофон – пленку принес один из журналистов, участвовавших во встрече с главой администрации. Я был возмущен до глубины души. Прежде всего потому, что в отношении Скуратова с самого начала занимал однозначную позицию: относился к нему хорошо, тем более считал, что против генерального прокурора не могут быть использованы противозаконные и неконституционные меры, и в то же время говорил ему о необходимости уйти с этого поста, в том числе выступая на том же заседании Совета Федерации.

Но дело было не только в этом. Глава администрации президента в открытую, перед журналистами, «врезал», как говорится, наотмашь премьер-министру. Это был настоящий вызов.

Вскоре состоялось заседание членов Совета безопасности, на котором я председательствовал. После того как была пройдена вся повестка дня, я попросил задержать членов СБ – там были и руководители двух палат Законодательного собрания, и министры иностранных дел, обороны, внутренних дел, другие. Волошин, сказав, что ему нужно уйти на «назначенную встречу», двинулся к двери. Я попросил его остаться. В присутствии всех спросил Волошина:

– Какое вы, глава администрации президента, имеете право делать провокационные заявления, направленные против меня? Не забывайте, что я все еще председатель правительства. Кто вам поручал раскачивать общество?

Многие, правда, в более мягких тонах, поддержали сказанное мною.

Решил этим не ограничиваться и пошел к Ельцину. Ознакомившись со стенограммой высказываний Волошина перед журналистами, он спросил, достоверна ли информация. Я ответил:

– Вы можете узнать это у самого Волошина.

Президент решительно нажал на кнопку:

– Вызовите Волошина.

Зашел руководитель администрации, которому президент даже не предложил сесть.

– Это сказано вами? – спросил Ельцин, показывая переданную мною стенограмму*.

Волошин ответил утвердительно.

– Кто вы такой? Вы просто чиновник. Вы находитесь в моей тени. Вы сами еще ничего не сделали. Как вы смее-те сталкивать меня с председателем правительства?

* Это был единственный письменный «компромат», переданный председателем правительства президенту. Его мемуаристы явно перестарались, расписывая, как я доставал во время докладов из «старо-советской» черной папки, положенной на колени, один за другим анонимные документы, полученные из спецслужб. Забыли, очевидно, и то, что руководители спецслужб не через меня, а сами докладывали президенту.

Обращаясь ко мне, Борис Николаевич спросил:

– Могу я оставить этот документ у себя?

А Волошину сказал:

– Я положу это в сейф. Это все время будет висеть над вами. Идите.

Когда мы остались одни, Ельцин произнес:

– Теперь убедились, что это идет не от меня?

На следующий день я узнал, что Волошин приглашен на обед к президенту. А меньше чем через месяц я был снят с поста главы правительства.

III. Страхи истинные

А по-настоящему атака на меня началась и участь как премьера была predetermined, когда стало ясно о моем серьезном намерении бороться с экономическими преступлениями и коррупцией.

Окружение президента не могло не знать, что вскоре после вступления в должность премьера я обратился к руководителям различных министерств и ведомств, в том числе правоохранительных, с просьбой лично изложить их видение обстановки, связанной с экономической преступностью и коррупцией. Полученные ответы были весьма показательны. Из первых рук поступили свидетельства о многочисленных аферах и глубине проникновения экономической преступности. Одновременно содержание полученных докладов и записок не оставляло ни малейшего сомнения: у Ельцина отсутствовала политическая воля вести решительную борьбу с опаснейшим антиобщественным явлением, которое захлестнуло страну.

Из доклада председателя Государственного таможенного комитета (ГТК):

«ГТК России неоднократно докладывал в правительство о ситуации с “ложным экспортом” и “ложным транзитом”. В противоправной деятельности принимают участие по сговору российские и иностранные фирмы – продавцы, покупатели, перевозчики, посредники. Они прикрываются фиктивными документами.

Типичной является проведенная в период с октября 1997 г. по сентябрь 1998 г. совместным российско-британским предприятием “Кворум” незаконная сделка с использованием льготы, предоставленной таможенным режимом, на “вывоз товара на переработку”.

СП “Кворум” заключило договор с двумя офшорными компаниями “Тотал Интернешнл Лим.” (Бермудские острова) и “Кворум Энтерпрайзес” (Великобритания) на переработку 3 млн тонн мазута стоимостью 300 млн американских долларов на двух заводах Франции и на одном заводе в Нидерландах. Продукты переработки должны были быть возвращены в Российскую Федерацию. Под этот договор и была выдана лицензия ГТК России. Однако проведенная дополнительно через “Ллойд Шиппинг” проверка маршрутов судов показала, что танкеры выгрузили мазут в Великобритании, Швеции и Гибралтаре. Под видом таможенного режима “вывоз товара на переработку” были проведены обычные коммерческие операции, которые включили в себя и импорт закупаемого за рубежом бензина, опять-таки в обход таможенных пошлин».

Из справки, представленной руководителем Федеральной службы по валютно-экспортному контролю (ВЭК):

«Деятельность компаний и банков, зарегистрированных в офшорных зонах, фактически сведена к вывозу валюты за рубеж, легализации доходов, полученных пре-

ступным путем. Таким способом из России вывозятся сотни миллионов долларов.

Только в Республике Кипр зарегистрировано более двух тысяч компаний, четырнадцать филиалов и представительств российских банков, оперирующих с целью получения неконтролируемой прибыли и “отмывания” грязных денег. По данным, полученным ВЭК, в период финансового кризиса основная часть иностранной валюты, приобретаемой на внутреннем валютном рынке, предназначалась для банков, зарегистрированных в балтийских республиках и Республике Науру. Выборочный анализ пяти уполномоченных банков показал, что в августе ими было закуплено для банков, зарегистрированных в Республике Науру, свыше 227 миллионов долларов США».

Из доклада директора Федеральной службы безопасности (ФСБ):

«Несовершенство уголовно-правового законодательства, криминализация кредитно-финансовой системы и внешнеэкономической деятельности, нецелевое использование и прямое хищение бюджетных средств, рост масштабов коррупции и активизация деятельности преступных сообществ способствуют углублению негативных процессов, происходящих в стране. Преступления, совершаемые на экономической почве, все чаще носят дерзкий, изобретательный характер. Открываются большие возможности для злоупотреблений как со стороны должностных лиц органов исполнительной власти, так и со стороны представителей коммерческих структур. Участились случаи применения схем незаконного отчуждения пакетов акций, находящихся в федеральной собственности. Все чаще отмечаются попытки мошеннических действий организованных групп из числа российских и иностранных граждан. Заключая фиктивные договоры о привлечении долгосрочных инвестиций под залог госу-

дарственных пакетов акций предприятий, объектов недвижимости, земли и минеральных ресурсов, мошенники получают долговые обязательства или векселя, авалированные* правительствами республик, главами администраций. В дальнейшем эти долговые обязательства или векселя размещаются в зарубежных банках. Под них получают кредитные средства и присваивают их.

Рядом руководителей банков создаются компании и фирмы, учредителями которых являются они сами, их родственники или доверенные лица. Указанные структуры используются для получения неучтенной прибыли путем выделения им невозвратных кредитов под льготные проценты, которые потом переводятся за рубеж, что также позволяет банку уходить от налогообложения. Осуществляется выдача валютных кредитов банкам-нерезидентам, которые не погашаются и постоянно пролонгируются».

Из записки генерального прокурора Российской Федерации:

«Результатом нецелевого использования и хищения бюджетных средств становятся незаконное обогащение частных лиц за счет государства, прогрессирующая тенденция становления теневых финансово-экономических отношений, утрата возможности государственного контроля и управления предприятиями, перспективными с точки зрения ожидаемой прибыли.

Наделенные контрольными функциями органы федерального казначейства сами допускают многочисленные нарушения. В 1997 году из 620 миллиардов рублей (в ценах 1997 года), подлежащих возмещению в доход федерального бюджета, органами федерального казначейства

* Аваль – выданная третьей стороной (авалистом) гарантия платежа по векселю – вексельное поручительство. Аваль может быть принят на всю сумму векселя или на ее часть. Aval – ит. Avalle – внизу. (Прим. ред.)

взыскано лишь 27,3 миллиарда рублей, или 9,5 процента. Весьма редко в Центральный банк Российской Федерации вносятся представления о лишении лицензий банков-нарушителей.

Анализ прокурорской практики свидетельствует о том, что теневой бизнес активно финансирует коррупционные связи организованной преступности с чиновниками государственного аппарата, которые принимают решения в пользу организаций, находящихся под контролем преступной среды. По разным оценкам, на подкуп представителей государственного аппарата криминальные и коммерческие структуры тратят от 20 до 50 процентов своей прибыли.

Органами прокуратуры практически повсеместно выявляются факты игнорирования требования законодательства о запрете совмещения государственных и муниципальных должностей с предпринимательством, депутатской деятельностью. Одновременно прослеживается устойчивая тенденция принятия на региональном уровне актов, незаконно предоставляющих иммунитет депутатам законодательных органов субъектов Федерации, а также представительных органов местного самоуправления».

И наконец, из записки министра внутренних дел, в которой во многом обобщаются проблемы криминализации экономики:

«Масштабы разворовывания государственных ресурсов и собственности достигли беспрецедентных размеров, поставив страну на грань катастрофы.

По оценке Банка России, поток иностранной валюты, переправляемой из России за рубеж, составляет в настоящее время от 1,5 до 2,0 миллиардов долларов США ежемесячно. Основные каналы нелегальной утечки валюты:

- отчисления в счет будущих поставок, которые нередко вообще не осуществляются;
- перечисления на счета иностранных фирм валютных средств в счет оплаты фиктивных услуг;
- завышение контрактной цены при импорте, занижение при экспорте;
- вывоз капитала частными лицами – до начала кризиса валюта нередко вывозилась курьерами коммерческих фирм и “челноками” в мешках, что зафиксировано в таможенных документах, причем мер по установлению их происхождения не осуществлялось.

Внутри России наиболее доходные отрасли экономики оказались поделенными между различными финансово-промышленными группами, тесно связанными с организованными преступными формированиями. Все это происходило и происходит на фоне возрастания коррумпированности государственного аппарата и органов местного самоуправления. В орбиту коррупции втянулась значительная часть правоохранительной системы.

Так, должностные лица, на которых возложено решение вопросов приватизации, получают взятки за проведение аукционов и конкурсов с целью достижения выигрыша заинтересованного лица. Умышленно занижается стоимость основных и оборотных средств приватизируемого предприятия. Используется также умышленное приведение предприятий к банкротству и их приватизация по заниженной стоимости. Характерно, что в процессе кризиса многие коммерческие банки умышленно спровоцировали свое банкротство, перевели капиталы за рубеж, заработали значительные средства на колебаниях валютного курса.

На сегодня стали очевидными коррумпированность и разложение аппарата таможенных органов. Например, на “черное” растаможивание каждого контейнера с бытовой техникой установились “расценки” от 7 до 12 тысяч долларов США, которыми пользуется значительное

большинство импортеров. С учетом общего объема такого импорта ежемесячная сумма, оседающая в карманах взяточников, достигает нескольких десятков миллионов долларов США.

Руководители многих государственных и акционерных структур размещают получаемые незаконным путем средства на счетах в зарубежных банках, приобретают недвижимость, автомобили, яхты и тому подобное.

Анализ уголовных дел, оперативных и иных материалов позволяет выделить ряд наиболее типичных направлений криминального внимания, связанных с извлечением значительных объемов преступной прибыли.

Прежде всего это сфера деятельности естественных монополий (добыча, переработка, транспортировка, продажа на внутреннем и внешнем рынках сырьевых ресурсов, энергоносителей, транспорт, связь).

Кражи и хищения крупных партий металлов стали нормой деятельности предприятий металлургического и машиностроительного комплексов. Достаточно сказать, что отдельные страны Балтии, не имея месторождений цветных металлов, вышли на одно из ведущих мест в мире по их экспорту.

Одной из наиболее притягательных для преступных сообществ стала сфера добычи и переработки драгоценных металлов и драгоценных камней. Участились случаи незаконной разработки недр, переброски добытого золота в места традиционной нелегальной торговли (Северо-Кавказский регион) и за пределы России. Предприятия переработки используются злоумышленниками как канал легализации похищенного золота.

Массовый характер приняла практика нецелевого использования государственных инвестиционных средств и кредитов, направляемых на развитие и реструктуризацию конкретных отраслей и предприятий. Это наглядно проявилось в процессе проверок угледобывающих предприятий Кемеровской, Челябинской и других областей в

связи с акциями горняков по блокированию железнодорожных магистралей. Установлено, что государственные средства, выделенные данным предприятиям, по назначению не использовались, объемы их хищений нередко превышали задолженности по заработной плате шахтерам.

Массовый характер приобрели правонарушения на потребительском рынке: занятие предпринимательской деятельностью без регистрации и уплаты налогов, торговля суррогатами, импорт потребительских товаров без уплаты таможенных пошлин, катастрофический рост мошеннических операций. Особую опасность представляет незаконное производство и оборот алкогольной продукции. Данные свидетельствуют о том, что фактически объемы производства водки и ликероводочных изделий почти в два раза превышают объемы, приводимые в статистических и налоговых отчетах.

МВД России предложило создать под руководством председателя правительства орган для разработки и реализации комплекса межведомственных мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих криминализации экономики страны».

Таковым оказался результат деятельности «демократов» в 1990-е годы.

Соответствующие выдержки из представленных мне докладов (кроме процитированных, я получил также доклады Высшего арбитражного суда РФ, министерства юстиции и др.) были направлены в министерства и ведомства, отвечающие за состояние дел в той или иной области. Им было предложено в кратчайшие сроки доложить в письменной форме руководителю правительства о предпринимаемых конкретных мерах. Приступили к подготовке расширенной коллегии министерства внутренних дел, посвященной борьбе с экономической преступностью.

Мы в правительстве считали, что на данном этапе – до принятия осязаемых, конкретных мер – не следует придавать эти доклады гласности. Были при этом уверены, что те, кто запустил руку глубоко в государственный карман, уже знают о моей «переписке». Но все-таки нужно было дать соответствующий «сигнал» обществу. Я это сделал на заседании правительства по вопросу об амнистии лиц, совершивших нетяжкие преступления, больных, пожилых – более 90 тысяч человек. Сказал: может быть, хорошо, что освобождаются места, на которые сядут осуждаемые на основе закона за экономические преступления. Повторил это и в Давосе.

Что тут началось! Идеологом развернувшейся атаки был Волошин, который в одном из своих интервью заявил, что при переходе к рынку вообще нет преступлений в области экономики. Дело, дескать, в том, что идет первоначальное накопление, а дальше все «уляжется»*.

Б. Березовский был более прагматичным. Передергивая мое заявление, подменив слова «экономические преступники» на «коммерсанты и предприниматели», он заявил:

– Это был знак системе. И система начала действовать старыми кагэбэшными методами. Уверен, отмашка была дана Примаковым и расплачиваться за это придется именно ему.

А дальше последовали фальсификации, подтасовки, подлоги, ложь, дезинформация, распространение любых невероятных слухов через тех журналистов, кто перешел на содержание Березовского.

Нет настроения да и нужды рассказывать обо всех этих пакостях. Но об одном сюжете все-таки хочу упомянуть. Он весьма характерен.

17 декабря 1998 года в Белый дом пришел министр внутренних дел С. Степашин и положил мне на стол

* Этот тезис продолжал проповедоваться и позже, правда, в несколько препарированном виде.

записку, в которой говорилось о том, что возвратить в Россию те громадные суммы, которые продолжают утекать незаконно за рубеж и размещаться на счетах в иностранных банках, можно только через открытие уголовных дел. На записку Степашина (там перечислялись несколько фамилий, но, кстати, не было Березовского) я отреагировал следующей резолюцией: «Прошу проговорить вопрос с генеральным прокурором. Следует не откладывая открывать уголовные дела. Ущерб, нанесенный государству, огромен. Что можно было бы вернуть?»

Считал и считаю, что это был адекватный ответ на проблему, справедливо поставленную министром внутренних дел.

Я возвратил Степашину эту записку с моей резолюцией из рук в руки (она не проходила через канцелярию правительства). За моей резолюцией последовала резолюция Степашина:

«Рушайло В.Б., Кожевникову И.Н.

Прошу совместно с генпрокуратурой продолжить активное проведение комплекса оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. Усилить наши позиции в кредитно-финансовых учреждениях, обеспечив своевременное выявление фактов злоупотреблений и нарушений. Проработать по линии Интерпола возможность возвращения похищенных средств. О ходе работы периодически докладывайте. Очередная информация Е.М. Примакову к 05.01.99»*.

Документ очутился... у Березовского, и он начал его «раскручивать». Вот где, мол, попался Примаков! Он приказал завести на меня уголовное дело, да и не только на меня, – это ли не превышение полномочий председателя правительства? Где закон? Где справедливость?

* Приводится по ксерокопии документа, переданного мне «возмущенным» Березовским, а также по публикации в «Новых Известиях» за 15 октября 1999 года.

Можно было бы продолжить список этих риторических вопросов, столь любимых Борисом Абрамовичем.

Чтобы настроить не только президента, но и широкие слои общественности против меня, выдумали так называемый «список Примакова». Якобы я дал задание правоохранительным органам собрать компромат на полторы сотни человек и мне были представлены «соответствующие материалы». Услужливые – далеко небескорыстно – «Новые Известия» опубликовали этот «список», заявив, что у них есть документальные доказательства. Список был составлен мастерски. Наряду с людьми, которых было нетрудно заподозрить в коррумпированности, в него попали лица, известные в обществе своей порядочностью, честностью. Смотрите, мол, на кого замахнулся Примаков.

Я решил, что без суда здесь не обойтись. Совершенно естественно, судебный процесс против клеветников я выиграл и в первой, и во второй инстанциях. Более того, суд, запросив правительство, генпрокуратуру, МВД, ФСБ и убедившись в грубой фальсификации, осуществленной авторами материала, опубликованного в газете, которая, конечно, со своей стороны не могла представить суду никаких документов, определил штраф, наложенный на «Новые Известия», в 200 тысяч рублей. С трудом эта сумма была получена и переведена Московскому детскому дому № 5. Не скрою, был рад. Пусть деньги олигарха послужат детям.

Все делалось для того, чтобы создать в обществе мнение, что глава правительства ведет страну чуть ли не к 37-му году. Впрочем, об этом в некоторых проплаченных материалах СМИ говорилось прямо. Делался акцент и на том, что я, дескать, сам был руководителем в прошлом одной из спецслужб – значит, тоже «кагэбэшник». Таким путем хотели, с одной стороны, подготовить почву для моего устранения, а с другой – запугать. Вторая цель оказалась невыполнимой. Мы в правительстве неуклон-

но продолжали принимать меры против экономических преступлений.

И строго по закону. Именно этого по-настоящему опасались те, кто возглавлял кампанию против меня. Именно это вызывало их истинный страх.

Подлило масла в огонь расширенное заседание коллегии МВД России 15 января 1999 года. Тем более что на этом заседании выступили руководители всех правоохранительных органов в пользу решительных действий против коррупционеров и преступников.

IV. Кто есть кто

Я не был знаком с Волошиным ни лично, ни заочно до того, как Ельцин во время моего очередного доклада в январе 1999 года стал зачитывать замечания по экономической политике правительства. Чего там только не было! Упреки в том, что мы исходим в проекте бюджета на 1999 года из темпа инфляции в 30 процентов, а не 100–120 процентов. Ответил, что учет инфляции на уровне 100–120 процентов означает полное бездействие правительства и Банка России в денежно-кредитной политике, а также одновременное стимулирование инфляционных ожиданий, что ускоряет рост инфляции.

Упреки в том, что намеченная величина сбора налогов абсолютно нереальна. Ответил, что такая величина реальна, так как мы исходим в проекте бюджета из фактических поступлений в конце 1998 года и некоторого повышения собираемости за счет увеличения платежей в хозяйственном обороте.

Упреки в том, что в проект бюджета не закладывается в полном объеме погашение и обслуживание внешнего

долга. Ответил, что этого нельзя делать, так как мы не можем исходить из возможности погашения всех 17,5 миллиарда долларов, поскольку эта сумма равна 80 процентам доходов бюджета.

Не привожу всех замечаний – их было очень много, и что характерно, они были нанизаны на идею: правительство, дескать, пришло в противоречие с положениями бюджетного послания президента Федеральному собранию РФ на 1999 год.

Мои возражения Ельцин выслушивал молча, тут же, не комментируя их, выдвигал следующие замечания по зачитываемому тексту.

– Борис Николаевич, автор этой критики либо не знает реальной обстановки, либо злопыхательски настроен в отношении правительства. Я даже не хочу знать его имени. Пожалуйста, дайте мне этот текст, и я в письменной форме отвечу на каждое из этих замечаний.

– Да, сделайте это в письменной форме, – сказал Ельцин. – В отношении автора секрета нет. Это – заместитель главы администрации по экономической политике Волошин.

Такой поклеп, положенный на стол президента, еще раз доказывал, что его пытаются любыми путями привести к мысли об экономической несостоятельности кабинета. Министру финансов Задорнову было поручено подготовить детальный ответ, который был направлен Ельцину. Он больше этого вопроса не касался.

Вся ли администрация президента втянулась в подковерную борьбу с правительством? Руководил администрацией до 7 декабря 1998 года В.Б. Юмашев. Я не думаю, что его следует зачислять в стан противников правительства и меня лично. Возможно, он плыл по течению какое-то время, пожалуй, уже после того, как перестал занимать пост руководителя администрации и стал советником президента. Но я получил сразу после своей отставки письмо Юмашева, в котором, в частности, гово-

рилось: «Огромное Вам спасибо. За мужество, за долготерпение, за понимание. Вам удалось то, что не удавалось ни партиям, ни движениям, ни президенту, ни Думе, никому – успокоить людей, вселить в них надежду. Хотел бы подтвердить то, что Вы, видимо, и сами чувствовали. На посту главы администрации пытался сделать все, чтобы Вам помочь, выстраивал всех своих, всю администрацию, чтобы мы работали как одна команда».

Пытался. Вышло ли – вот в чем вопрос.

Переживал гонения на правительство заместитель главы администрации О.Н. Сысуев. Не желая участвовать в грязной «антипримаковской кампании», он ушел в отставку.

На смену Юмашеву пришел на пост главы администрации президента Николай Николаевич Бордюжа – человек честный, принципиальный и сильный. Нет никаких сомнений в том, что он в отношении меня вел себя безукоризненно. 24 декабря, открывая свое первое в качестве руководителя кремлевской администрации совещание с полномочными представителями президента в регионах, Бордюжа сказал, что «активизация позитивных ожиданий у населения после формирования нового правительства во многом связана с именем Примакова – прагматика и человека дела». Несомненно, это заявление насторожило определенных лиц в окружении Ельцина. Ведь в СМИ при назначении Бордюжи публиковались материалы, согласно которым он был «подобран» на этот пост в качестве «сильной личности», чуть ли не для противопоставления мне.

Возможно, в «семье» не придавали значения тому, что еще до перехода Н.Н. Бордюжи в Кремль у меня с ним сложились добрые, товарищеские отношения. Возможно, недооценивался твердый характер самого Бордюжи. А может быть, его назначение было личной инициативой хорошо в то время относившегося к нему Ельцина, который в часы своей активной работы мог подчас с

прежним упорством проталкивать отдельные решения даже через сопротивление «семьи». Но, к сожалению, лишь в эти часы и, к сожалению, отдельные. Соотношение все больше склонялось в пользу группы лиц из его окружения. Это привело в конечном счете к тому, что Бордюжа занимал свой пост считанные месяцы после ухода в отставку Юмашева.

Узнав, что я пишу книгу о своем восьмимесячном пребывании в правительстве, Бордюжа передал мне и разрешил опубликовать сделанную им запись последнего телефонного разговора с президентом после того, как Ельцин решил заменить его на посту главы администрации Волошиным, сохранив за Бордюжей должность секретаря Совета безопасности России. Этот телефонный разговор, состоявшийся 19 марта 1999 года в 15.00 между Ельциным, пребывавшим в резиденции «Русь», и Бордюжей, находившемся в Центральной клинической больнице, говорит о многом.

Б.Е.: Здравствуйте, Николай Николаевич. Как самочувствие? Я принял решение разъединить должности секретаря СБ и главы администрации президента, так как считаю, что совершил ошибку, объединив эти должности. На пост главы администрации думаю назначить Волошина, а вас оставить на посту секретаря Совета безопасности. Как вы на это смотрите?

Н.Б.: Спасибо, Борис Николаевич, за предложение, но я вынужден отказаться. Если вы не возражаете, я изложу свои аргументы.

Первое, это решение не ваше, а навязанное вам вашей дочерью – Дьяченко по рекомендации группы лиц. Причина этого кроется не в ошибочности объединения двух должностей, а в том, что я инициировал снятие Березовского с поста исполнительного секретаря СНГ и отказался участвовать в кампании по дискредитации Примакова и его правительства.

Организовали эту кампанию Дьяченко, Абрамович, Юмашев, Волошин, Мамут с благословения Березовского.

Второе, остаться работать в Кремле – это значит принимать участие в реализации тех решений, которые вам навязывают Дьяченко, Юмашев, Абрамович, Березовский, Волошин, а многие из них зачастую носят антигосударственный характер или противоречат интересам государства. Участвовать в этом я не хочу.

Третье, я боевой генерал, бывал во многих «горячих точках», рисковал жизнью, подолгу не видел семью. Всегда был уверен, что служу интересам России и в интересах президента России. Поработав в Кремле, понял, что страной правит не президент, страной правит от имени президента кучка недобросовестных лиц и правит в своих интересах, а не в интересах государства. Состоять в этой компании я не могу и не хочу.

Б.Е.: А если я вам прикажу, вы исполните?

Н.Б.: Исполню, но прошу мне это не приказывать.

Б.Е.: Я бы хотел, чтобы вы работали рядом со мной, у вас неплохо получалось. Я не ожидал, что они набрали такую силу. Я их всех разгоню! Хорошо! Я отменяю свое решение! Вы остаетесь главой администрации, и мы работаем вместе. Как вы на это смотрите?

Н.Б.: Борис Николаевич, я готов, но у меня есть одно условие: из Кремля должны быть уже сегодня удалены ваша дочь Дьяченко, Юмашев, Волошин, запрещен свободный вход Абрамовичу, Мамуту, Березовскому. В этом случае я буду работать.

Б.Е.: Хорошо, я подумаю. Мы еще встретимся и все обсудим.

В 20.00 этого же дня президент подписал указ об освобождении Н.Н. Бордюжи от должностей главы администрации президента и секретаря Совета безопасности.

Ельцин бывал разным. Одним – до выборов 1996 года, особенно до обескуражившей необходимости идти на второй тур вопреки твердому убеждению в том, что пол-

ностью и единолично контролирует ситуацию. Другим он начал становиться, когда появилась группа, которая, будучи в ту пору достаточно разнородной, сумела объединиться для того, чтобы организовать прохождение Ельцина в президенты.

Но этим дело не ограничивалось. Целью этой группы стало отлучение от президента тех, кто был близок с ним – Коржакова, Барсукова, Сосковца. «Прежние» делали все, чтобы укрепить единоначалие Ельцина: скрывали его периодические «срывы», старались уберечь от явных проколов. «Царь Борис» – так они его называли в глаза в неофициальной обстановке, но сами не претендовали на «царствование».

Новое окружение президента отличалось от прежнего качественно. Стремясь не допустить победы любого неконтролируемого ими лидера на выборах, «новые» одновременно сделали ставку на Ельцина, через которого стремились управлять страной сами, чтобы стабильно обогащаться и, самое главное, не подвергаться при этом никакой опасности.

Выполнению этой задачи помогла болезнь Ельцина. Он окончательно стал другим после вынужденной операции на сердце. Будучи зависимым от медикаментов и работая считанные часы, да и то не каждый день, он физически не мог сопротивляться давлению со стороны нового окружения. «Семья» этим широко пользовалась.

Правда, в те моменты, когда Ельцин работал, он подчас становился прежним, как это проявилось, например, в телефонном разговоре с Бордюжей да и в описанном выше разговоре со мной, касавшемся «обволакивания меня левыми». Но заканчивался этап активный и начиналось время царствования «семьи». И «семья» стремилась законсервировать такое положение – если не выйдет в обход конституции, то во всяком случае на конституционный срок.

Борис Николаевич Ельцин, несомненно, интересная личность. Был в первой половине 1990-х годов, безусловно, волевым, с развитым чувством интуиции, уверенным в себе руководителем. Чего-то не знал, но постигал через опыт, практику. Достаточно в этой связи проследить его деятельность на международном поприще – от слабо подготовленного и плохо разбирающегося в международных делах человека до лидера, дружбы, да и просто общения с которым искали или добивались многие опытные политики с большими именами. Это была не только дань России – одному из главных «игроков» на международной арене. Не только действовал ореол лидера такой могучей страны. Дело было и в самом Ельцине, который часто ухватывал проблему и самое важное – демонстрировал, несмотря на внешнюю жесткость, конструктивность с целью решения многих вопросов.

Конечно, у него были и ошибки, и промахи, нередко связанные со злоупотреблением спиртным, но мне представляется, что это большая и в то же самое время трагическая фигура, которая, несомненно, вошла в Историю.

Самую активную роль в борьбе против меня играл – собственно, он и не скрывает этого – Борис Абрамович Березовский. Характер и формы его деятельности, которые привели к баснословно быстрому и сказочному обогащению, – не предмет изложения в этой книге. Я не считаю возможным для себя пересказывать то, что было опубликовано во многих газетах и журналах, и вообще пользоваться недокументальными источниками. Но факт остается фактом: Березовский стал, пожалуй, самой видной фигурой в группе быстро и очень сильно разбогатевших людей при переходе России к рыночным отношениям. При этом он выделялся своими амбициозными претензиями не более и не менее как на управление страной. Преследуя именно такие цели – этим он отличается, скажем, от В.А. Гусинского, – Березовский прибирал к рукам многие средства массовой информации.

Как-то в одном из своих интервью Б. Березовский сказал, что у него со мной могли бы сложиться идеальные отношения. Но он распознал во мне после того, как я пришел в правительство, человека с кагэбэшным мышлением. Я не думаю, что отношения могли бы быть идеальными даже вне зависимости от того, как я мыслил. Определяющим для этих отношений стало поведение Березовского.

Когда я был министром иностранных дел, он несколько раз посещал Смоленскую площадь и бывал у меня. Сначала это были беседы на «теоретическом уровне», во время которых Березовский (очевидно, это была черта его характера) уверенно говорил о вещах, в которых не разбирался или разбирался недостаточно глубоко.

Но это были лишь «теоретические» размовки, а дальше произошла коллизия. Перед поездкой в Грузию Березовский попросил проконсультировать его по грузино-абхазским отношениям. Я ответил, что дело это весьма деликатное и не нужно затрагивать эту тему в поездке (Березовский тогда еще не был секретарем Исполкома СНГ и эта проблема не входила в систему его служебных интересов).

Узнав, что есть проект документа, который мы хотим предложить двум сторонам конфликта, Березовский попросил меня дать ему его на прочтение, тут же клятвенно обещав не цитировать этот документ. Бегло просмотрев одну страницу, он обратился ко мне уже с другой просьбой – дать ему копию документа, опять обещав, что ни в коем случае никому не покажет и нигде о нем не скажет, а просит лишь для того, чтобы правильно ориентироваться во время разговоров в Тбилиси.

Каково же было мое удивление и как я ругал себя за доверчивость, когда с этим проектом Березовский начал «челночные поездки» между Тбилиси и Сухуми, естественно, решая свои собственные дела. Возвратившись в Москву, он позвонил мне и попросил назначить время

встречи. Я отреагировал в достаточно жесткой форме. Ни капельки не смущаясь, он ответил: «Вы же сами дали мне этот документ и сами разрешили работать с ним. Я не помню ни о каких ограничениях».

Чем дальше, тем больше. Я уже писал о фальсификациях, передергивании фактов, клевете. Отвечать ли на все эти гнусности? Многие из моего окружения подталкивали меня на это. Я отверг такие советы, в частности, обратиться в суд, когда в интервью французской газете «Фигаро» Березовский заявил, что у него есть документы (!), подписанные Примаковым, в которых содержатся инструкции и прямые указания следователям о том, как против него действовать. Стопроцентно выиграл бы дело, так как, естественно, таких документов у Березовского не было и быть не могло – их не существовало в природе.

Когда Березовского назначили исполнительным секретарем СНГ, я даже помогал ему в выработке оптимальной схемы реорганизации исполнительного секретариата. 27 ноября 1998 года мы все вместе – министр по делам СНГ Пастухов, Березовский, его заместитель Коротченя и я – рассматривали в моем кабинете и правили те документы, которые выносились на заседание Совета глав правительств стран – участниц СНГ. Кстати, хотя я и не был сторонником назначения Березовского на этот пост, но – он это отлично знает – не приложил руку к снятию его, что стало результатом главным образом размолвки в то время Ельцина с частью «семьи». Полагаю, что Ельцин никогда к нему хорошо не относился.

Березовский способный, по-своему талантливый человек. Но в чем проявились его способности? В основном в неразборчивых методах, применяемых с целью демонстративно представлять себя в качестве «серого кардинала», личности, которая решает все в России. В ряде случаев такое показное «всесилие» обеспечивалось тем, что Березовский умело эксплуатировал слабости нашего

общества, составляющих его людей, особенно на чиновничьем уровне. Коснулось это и некоторых журналистов. Скольким из них он «подарил свою ценную дружбу» – ценную в прямом и переносном смысле?

17 января 2000 года в журнале «Эксперт» было опубликовано интервью одного из видных «пиарщиков» (так называют людей, которые различными путями пытаются создать общественное мнение в пользу или против их клиентов), руководителя Фонда эффективной политики Глеба Павловского. Меня заинтересовали те места в интервью, где оценивается моя деятельность на посту премьер-министра и мои возможности, в том числе, по его мнению, неиспользованные.

«Примаков, конечно, не рассматривался как преемник, а только как пожарный. Но им пришлось заниматься, потому что он совершенно правильно оценил процесс, а значит, представлял исключительную опасность.

– Что он сделал?

– Он дал идею. Он стал альтернативой власти в самой власти. А это именно то, что ищут массы. И история Ельцина, и поздняя история Лебеда подтверждают, что массы не примут альтернативу власти вне власти. Они ищут альтернативы в самой власти. И Примаков сделал именно это. Он как бы построил систему перетока полномочий – из Ельцина харизма власти вытекала, а в него втекала. Он набирал в массах общую поддержку, рейтинговый потенциал. А элитам предъявлял эту поддержку и одновременно показывал, что он не так страшен. Но при этом он сделал несколько ошибок именно на уровне элитной политики.

– Он мог быть более успешен как политик?

– Да. Если бы не совершил ошибку в отношении ряда ельцинских элит, которые были участниками проекта ухода Ельцина и искали решение проблемы преемника. Не исключено, что Примаков мог бы им предложить решение, а он ими пожертвовал, по-видимому, считая, что

они изолированы (идеология “семьи” к этому времени уже сложилась). Однако, отказавшись от них, Примаков позволил выстроиться в ельцинских элитах оппозиции себе. Но существенно то, что он оставил некую модель».

Павловский, несомненно, человек умный, но неужели он серьезно предполагал, что, будучи председателем правительства, я мог пойти на какую-то сделку с «семьей» или частью «ельцинской элиты», для того чтобы обеспечить свое политическое настоящее и будущее? Это было начисто исключено. Отсюда такая острота направленных против меня атак.

V. Отставка

12 мая 1999 года я приехал к назначенному времени к президенту на очередной доклад, зашел в его кремлевский кабинет. Как всегда, приветливо поздоровались. Он предложил мне сесть на обычное в таком случае место – за большим столом, предназначенным для заседаний. Сам сел так же, как обычно, за торец стола рядом со мной.

Несколько насторожило, но не более того, его раздраженное обращение к пресс-секретарю:

– Почему нет журналистов?

Когда в комнату зашли аккредитованные в Кремле представители телевизионных каналов и агентств, Ельцин спросил их:

– Почему не задаете вопросы о правительстве?

На последовавшие сразу же вопросы он ответил:

– Да, перемены будут. – Посмотрев на меня, добавил: –

И значительные.

Молнией в голове пронеслась мысль: есть решение уволить моих заместителей и таким образом вынудить

меня уйти в отставку. Но действия разворачивались по другому сценарию. Как только вышли журналисты, президент сказал:

– Вы выполнили свою роль, теперь, очевидно, нужно будет вам уйти в отставку. Облегчите эту задачу, напишите заявление об уходе с указанием любой причины.

– Нет, я этого не сделаю. Облегчать никому ничего не хочу. У вас есть все конституционные полномочия подписать соответствующий указ. Но я хотел бы сказать, Борис Николаевич, что вы совершаете большую ошибку. Дело не во мне, а в кабинете, который работает хорошо: страна вышла из кризиса, порожденного решениями 17 августа, преодолена кульминационная точка спада в экономике, начался подъем, мы близки к договоренности с Международным валютным фондом, люди верят в правительство и его политику. Вот так на ровном месте сменить кабинет – это ошибка.

Была еще повторная просьба написать заявление. А после моего повторного отказа президент вызвал Волошина, у которого, конечно, уже был заготовлен указ.

– Как у вас с транспортом? – вдруг спросил меня Борис Николаевич.

Ответил на столь неожиданный вопрос, что для меня это не проблема. Могу ездить и на такси.

Чувствовалось, что Ельцин переживал происходившее. Ему было явно не по себе. Сморщившись от боли, положил руку на левую часть груди. Сразу же в кабинет вошли врачи. Я хотел встать и уйти, но он жестом меня удержал. После медицинской помощи Ельцин почувствовал себя явно легче, встал, сказал:

– Давайте останемся друзьями, – и обнял меня.

Я вышел в приемную, там были В.Н. Шевченко, секретари, которые уже знали о происшедшем и, судя по всему, переживали случившееся. А меня обуревали смешанные чувства: с одной стороны, безусловно, обида, а с другой – потрясающее чувство свободы, я бы даже ска-

зал точнее – освобождения. Позвонил домой, рассказал обо всем жене, которая отреагировала более чем радостно.

В тот же день президент выступил по телевидению с подготовленным ему текстом, в котором говорилось о том, что я выполнил свой долг, в тяжелой обстановке сплотив общество, добившись стабильности. Но это все было отнесено лишь к тактическим задачам, а стратегически, дескать, в области экономики нужно сделать большой рывок, и поэтому, мол, нужен сейчас другой человек. «Уверен, – закончил свое выступление Ельцин, – что новый премьер способен придать работе кабинета необходимую динамику и энергию». Новым председателем правительства стал Сергей Вадимович Степашин. Через два месяца его постигла та же участь, что и меня, и тоже неожиданно для него самого.

Из Кремля я приехал в Белый дом, где в зале заседаний правительства попрощался с коллегами. Был очень тронут тем, что встретили меня стоя и провожали аплодисментами. Я сказал очень кратко:

– Мы делали все, что могли, и нам не приходится краснеть, – и поблагодарил всех министров, руководителей ведомств, со многими из которых, конечно, сохранил и сохраняю дружеские отношения.

А вечером был на стадионе, где шел футбольный матч. Некоторые решили, что это была продуманная акция, чтобы показаться народу в хорошем настроении. На самом деле просто захотелось посмотреть футбольную игру любимой команды, и все.

Протесты против разгона нашего правительства, разгона, так как после моей отставки были уволены почти все заместители председателя и заменен целый ряд министров, прозвучали в двух палатах парламента. Руководители и Госдумы, и Совета Федерации сразу же предложили мне выступить с их трибуны – я отказался, понимая, что эти выступления могут взбудоражить многих людей.

Глубоко, сердечно благодарен авторам тысяч писем, телеграмм из всех уголков России, от коллег из-за рубежа, в которых выражалась поддержка, содержались добрые слова в мой адрес, в адрес всего нашего кабинета.

Так закончились восемь месяцев моего руководства правительством.

Жалею ли я о том, что все-таки дал себя уговорить в сентябре 1998 года занять пост премьер-министра? Ведь за эти месяцы пришлось не только пережить много далеко не легких дней по работе, но и перенести немало ударов в спину. Оценивая теперь, уже ретроспективно, свое согласие возглавить кабинет, должен сказать: не жалею. Прежде всего потому, что уверен – эти восемь месяцев прошли с пользой для страны, для нашего народа.

Думаю, что они положили предел псевдолиберальной практике, затягивавшей страну в пучину перманентного кризиса. Уверен, что, несмотря на возможность зигзагообразного движения, уже никому не удастся загнать нашу экономику в это пагубное для России русло. Верю и в другое: то, что было заложено правительством в его экономический курс, те идеи, которые были провозглашены в области государственного строительства, те действия, которые начали осуществляться против засилья экономической преступности и коррупции, несомненно, будут иметь свое продолжение.

Не сбылись надежды моих недругов, что, как только уйду с поста премьера, обо мне просто все вокруг забудут. Вопреки этим прогнозам, которые тоже в немалой степени легли в основу решения о моей отставке, мой рейтинг продолжал расти. Это было полной неожиданностью для «семьи».

Жалею ли я о том, что период моей работы во главе кабинета оказался искусственно ограниченным лишь семью месяцами? Конечно, многого мы не успели сделать. Вместе с тем я не ушел из политической жизни и надеюсь, что в меру своих сил служу России.

Накопилась ли злость в отношении Ельцина, «семьи»? Накануне празднования Дня независимости 12 июня 1999 года – это было ровно через месяц после моего смещения – один из близких к окружению Ельцина людей прозондировал мое настроение в случае, если меня наградят высшим орденом. Ответил, что не приму награды. Обида – да, но не злость.

Очевидно, продумывались и другие способы «нейтрализации» меня перед выборами в Государственную Думу. В ноябре был приглашен к президенту Ельцину, которого не видел с момента моей отставки и который не позвонил мне ни разу даже после того, как мне успешно сделали операцию на бедренном суставе и боли остались в прошлом. Я не принял приглашения. Дело было не в Борисе Николаевиче, к которому не испытываю неприятия. Но сам способ приглашения через третьестепенное лицо из секретариата протокола президента наводил на размышления: а не готовится ли какая-нибудь пиаровская акция против меня? Отказавшись от приглашения, заявил представителям СМИ, что не намерен иметь дело с окружением президента, с «семьей», зная ее истинные в отношении меня настроения.

После отставки нигде, ни в какой связи не отзывался отрицательно о президенте. В день рождения Ельцина 1 февраля 2000 года послал ему теплую телеграмму. Так случилось, что в тот день в Москве находилась Мадлен Олбрайт. Во время встречи с ней мне передали записку от В.Н. Шевченко, в которой говорилось, что «Борис Николаевич хотел бы, в случае вашего согласия, видеть вас сегодня. Пожалуйста, позвоните до семи вечера». Оставалось еще какое-то время до семи. Мой помощник разыскивал Шевченко по оставленному мне телефону, но тщетно. Через несколько дней увиделся с Шевченко, которому, как я понял, было неприятно на эту тему разговаривать. Очевидно, в очередной раз поработала «семья».

Когда я ушел с поста премьер-министра, не сразу решил в другом качестве участвовать в активной политической жизни. Отбросил сомнения только после операции, когда убедился, что здоровье не будет помехой. К сожалению, у нас в стране было слишком много примеров того, как лидеры, крупные политические деятели, не обладая способностью самооценки, самоконтроля да еще под аккомпанемент прославляющих их песнопений, напрочь забывали о своих физических, а нередко и связанных с ними интеллектуальных пределах. Расплачивалось за это население, государство.

Существуют, однако, не только физические ограничения. По-видимому, не чужда натуре человека, подвергаемого несправедливым ударам, отрешенность от того, что по большому счету происходит вокруг, но уже без его участия. Пусть, мол, сатана там правит бал и в результате люди гибнут за металл. Плетью обуха, дескать, не перешибешь. Я, к счастью, не принадлежу к тем, кто в подобных условиях опускает руки или замыкается в своем маленьком мирке.

С благодарностью выслушал, но не более, приглашение вернуться на академическую стезю. Не привлекли меня и многочисленные предложения пойти консультантом в различные коммерческие структуры. Отверг предложение выехать за рубеж на дипломатическую работу. Равным образом отнесся и к призывам войти и даже возглавить ряд партий. Но согласился с предложением Ю.М. Лужкова участвовать в выборах в Государственную Думу во главе центристского, скорее левоцентристского движения, объединяющего ряд организаций.

Вскоре такое движение выстроилось. В него вошли «Отечество», лидером которого был Лужков, «Вся Россия», возглавлявшаяся президентом Татарстана Шаймиевым, тогдашним губернатором Санкт-Петербурга Яковлевым, Аушевым, который тогда был президентом Ингушетии, Аграрная партия во главе с Лапшиным и Куликом, профсоюзные, женские организации.

Не буду описывать всю ту беспрецедентную – можно сравнить только с геббельсовской пропагандой – клевету и грязь, обрушенную на нас с Лужковым теми же лицами, с которыми жизнь развела по разные стороны баррикад, когда я находился в правительстве. Администрация президента дирижировала этой кампанией, считая нас главными противниками. Бесстыдству не было предела. «Апогеем» был показ по телевидению операции в одной из московских клиник, «аналогичной» той, которую мне «еще не раз предстоит сделать». Экраны телевизоров заливало море крови в сопровождении вкрадчивого баритона на все способного ведущего Доренко, который, уставившись в текст «суфлера», мазохистски «импровизировал» на тему о том, что я стремлюсь в президенты, так как это поможет мне непрерывно лечиться.

Не в последнюю очередь страх наших недругов подогревался тем, что росла популярность ОВР и его лидеров. Это более чем отчетливо проявлялось не только в рейтингах, но и во время многочисленных встреч с избирателями в различных регионах России. В таких условиях и появилась «стратегическая задумка» – за несколько месяцев до выборов создать контролируемое политическое движение «Единство» и с помощью «административного ресурса» обеспечить ему хотя бы второе после КПРФ место в Госдуме. На этой идее сомкнулась администрация президента с кучкой бизнесменов. Из администрации шли прямые указания губернаторам сделать все, чтобы победило «Единство».

Конечно, не все подчинились, но некоторые губернаторы, которые еще накануне превозносили ОВР и прогнозировали его несомненный успех, отводили глаза при встречах с представителями нашего движения или разводили руками: мол, поймите, мы зависим от финансовых трансфертов из центра. А другие ничего не говорили, но мы-то хорошо понимали, что им не хотелось бы ссориться с правоохранительными органами. Очевидно, не обошлось и без фальсификации.

«Операция» закончилась успехом. ОВР был оттеснен на третье место. Березовский не уставал повторять, что именно он – автор всех этих «гениальных идей», а затем в пылу полемики, теперь уже с президентом Путиным, признал, что он финансировал продвижение «Единства» в парламент. Это «авторское признание» замолчали, оно осталось без ответа.

Работа во главе фракции в Госдуме в это турбулентное время дала мне ощущение того, что ОВР своей деятельностью служит интересам России. Через два года после выборов я уступил пост руководителя фракции В.В. Володину. К этому моменту начала создаваться партия «Единая Россия», опирающаяся в Госдуме на фракции «Единство» и ОВР. В таких условиях руководители этих двух фракций должны были занять высокие места в партийной иерархии, а я для себя твердо решил не принимать участия в партийном строительстве и не становиться членом какой бы то ни было партии. Во фракции ОВР оставался до выборов декабря 2003 года. Одновременно был избран президентом Торгово-промышленной палаты России. Работа в ТПП оказалась очень интересной, но это уже другой жизненный этап.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Великой нацией нас делает не наше богатство, а то, как мы его используем.

Теодор Рузвельт

I. Разрыв генетической цепочки

31 декабря 1999 года последовало заявление президента Бориса Ельцина о том, что он подает в отставку. В этом же заявлении называлось имя преемника – Владимир Владимирович Путин, который до этого уже был назначен на пост председателя правительства.

Для меня, как и для многих других, все это, преподнесенное публике под Новый год, было неожиданным.

Не было никаких сомнений в том, что и фигура преемника, по замыслу инициаторов досрочного ухода Ельцина, должна была соответствовать основной задаче – продлить курс, проводимый при Ельцине. Иными словами, продолжать движение в направлении, которое уже привело к сказочному обогащению группы людей – и не просто обогащению, а к все большему влиянию этой теневой группы на политику государства, в том числе в вопросах расстановки кадров. И, конечно, создать условия для надежной безопасности Ельцина, «семьи». Я хотел бы подчеркнуть, что преемника выдвигала определенная группа с абсолютно конкретными целями.

Мотивы, по которым был выбран В.В. Путин в качестве преемника Б.Н. Ельцина, были прозрачными: в его лице на посту президента хотели надежно вовлечь в свою орбиту директора ФСБ – одного из наиболее информированных и сильных по своему положению людей в государстве.

Я, как, очевидно, многие, искал ответ и на другой вопрос, может быть, еще более важный для России и остального мира: станет ли новый президент в случае его избрания руководствоваться теми мотивами, по которым его кандидатура была выдвинута? Ведь всенародно избранный президент в конце концов, несомненно, получает свободу рук, которая позволяет ему следовать или не следовать тем «наказам», что давались ему при выдвижении.

В.В. Путин прошел через ряд ступеней государственной и муниципальной службы, проработав в том числе во внешней разведке, но на сравнительно небольших должностях. Я, например, будучи директором СВР, ни его, ни о нем ничего не знал. Перед назначением председателем правительства (тоже неожиданно для многих) за пару месяцев до объявления «наследником» Ельцина Владимир Владимирович Путин в течение нескольких лет работал в мэрии Санкт-Петербурга, кремлевской администрации, а затем в должности директора Федеральной службы безопасности. Этот послужной список был явно недостаточным для того, чтобы охарактеризовать его как политика.

Так думал и я. Но, будучи с ним в одном правительстве – сначала я министр иностранных дел, затем премьер, а Путин – директор ФСБ, я постоянно находил в нем человека умного, определенного, умеющего держать слово. Из ряда бесед с ним можно было сделать вывод об идеологическом и политическом лице Путина: его патриотизм не перемежался с шовинистскими идеями, он не ориентировался на сближение ни с левыми, ни с правыми,

а его политические симпатии и антипатии диктовались интересами России – естественно, так, как он их понимал. Это, несомненно, вдохновляло.

Мне нравится Путин и как человек. Было очень приятно, – кстати, это был единственный член кабинета, поступивший таким образом, – что после моего отстранения с поста премьер-министра он позвонил и предложил встретиться с коллегией ФСБ. Когда я ответил, что готов приехать, он возразил, что вся коллегия хотела бы навесить меня. И действительно, у меня на даче состоялась неформальная встреча, сопровождаемая теплыми словами в мой адрес. Это был серьезный поступок, и думаю, что Путин приезд коллегии на мою дачу ни с кем не согласовывал.

Премьер-министр Путин пришел на мое семидесятилетие, которое я уже после отставки отмечал с друзьями в одном из далеко не самых шикарных московских ресторанов. Пришел, зная, что я, конечно, не пригласил, кроме Шевченко с супругой, ни одного человека из ближайшего окружения тогда еще не объявившего о своем уходе президента Ельцина. И не просто пришел, а произнес добрые слова обо мне. Пробыл он почти три часа и на праздновании моего семидесятипятилетия и тоже сказал добрые слова в мой адрес. Все это, безусловно, вызывало и вызывает у меня симпатии к Путину.

Думаю, что он хорошо воспринял мое решение не становиться его конкурентом в президентской гонке. Я сказал ему об этом сам. Дело не в том, что у меня были реальные шансы победить – их не было, так как бал правили те, у кого в руках были средства массовой информации. Да и сам Путин становился очень популярным в обществе, особенно после того, как он взял на свои плечи всю тяжесть ответственности за решительные действия против чеченских террористов и сепаратистов. Но мое участие в выборах могло бы реально привести к не-

обходимости второго тура, а Путин, как известно, сумел добиться победы сразу, в первом.

Одним словом, ровные, хорошие отношения у нас сложились, и это позволило мне после избрания Путина президентом встречаться с ним и говорить по телефону. Можно было твердо прийти к выводу, что Путин хочет перемен, он, несомненно, ощущал их необходимость.

Решительно не верил в «проброски» в отдельных СМИ о зависимости Путина от олигархов*. Не сомневаюсь в том, что он – честный, порядочный человек. Но, может быть, именно порядочность заставит его придерживаться каких-то обещаний, если он давал их тем, кто выдвинул его кандидатуру?

Когда Владимир Путин был избран президентом, он не мог сразу изменить создавшуюся до него обстановку. Но постепенно накапливались факты, которые позволяют судить о том, что Путин – самостоятельный политик и отнюдь не стал выполнять ту роль, которую ему уготовили те, кто назвал его преемником Ельцина. Сохранив в целом курс на построение в России демократического общества и рыночной экономики, Путин пошел на ряд мер, которые выправляли перекосы и реально прокладывали путь к цивилизованному рынку. Придя к власти, он действовал эволюционно. Одним из примеров этого является своеобразное соглашение с группой олигархов. Оно не было положено на бумагу, но его смысл заключался в том, что олигархи должны были не вмешиваться в политику, не расставлять своих людей на командных должностях, не подкупать чиновников, не пытаться ко-

* Олигарх – в российском понимании не просто разбогатевший человек, а тот, который «пошел в политику», срачивается с властью, создавая условия для противозаконного или с использованием несовершенства российского законодательства баснословного обогащения за счет общества. Одним из основных признаков принадлежности к клану олигархов является владение средствами массовой информации с целью манипулирования общественным мнением.

мандовать государственными структурами и, конечно, не прибегать ни к каким махинациям для того, чтобы уйти от честного налогообложения. Контролировать выполнение обязательств со стороны олигархических структур, судя по всему, должен был руководитель администрации президента Волошин, который, очевидно, был сохранен в результате договоренности с «семьей». Он эту задачу не выполнил и был заменен на этом посту. Без работы Волошин, естественно, не остался – был сразу приглашен в одну из коммерческих структур.

Уже к 2003 году стало ясно, что условия не выполняются большинством тех, кто относился к группе олигархов. Может быть, самым вызывающим образом в этой группе вел себя Ходорковский. Путин встал перед дилеммой: либо смириться с существующим положением, либо положить ему конец. Но каким образом? На действия, которые могли бы привести к массовым репрессиям, Путин не пошел. Однако нужен был один какой-то шаг, который остановил бы олигархическую вакханалию. Так появилось вполне обоснованное с юридической точки зрения дело «ЮКОСа». Конечно, может быть, это дело следовало бы проводить несколько по-другому, например, я в открытую выступал против ареста Ходорковского до суда, но, так или иначе, суд состоялся и Ходорковский был осужден при соблюдении всех юридических правил, которые, кстати, действуют и на Западе в отношении тех, кто мошеннически избегает выплаты налогов.

Но означало ли все это тотальную кампанию? Отнюдь, нет. Президентом Путиным был подписан указ, согласно которому срок возможного рассмотрения дел, связанных с недобросовестной приватизацией, сокращен до трех лет. За пределами этих трех лет дела рассматриваться не будут, если, конечно, они не содержат уголовные преступления. Это во многом стабилизировало обстановку в бизнесе.

Непосредственно затрагивало интересы «семьи» и другое направление деятельности Путина. Понимая важность такого механизма, как средства массовой информации, особенно электронные, Путин начал противодействовать влиянию на них олигархов, которые теми или иными путями при Ельцине установили контроль над многими телевизионными каналами, газетами и журналами.

Его не остановила кампания, поднятая вытесняемыми из средств массовой информации олигархами в защиту «свободы печати». Эта кампания, поддержанная на Западе, явно смещала акценты: свобода слова в России отнюдь не ставилась под удар. Можно спорить о юридической чистоте тех ходов, с помощью которых телекомпания очищались от контроля олигархов, но цель была отнюдь не в ликвидации свободы прессы. Просто Путин сделал ставку на то, чтобы хотя бы постепенно лишить многие, и особенно электронные, СМИ в России разухабистой вседозволенности, попирающей и традиции, и мораль общества, и, как это ни звучит для некоторых парадоксально, приблизить их к лучшим образцам западного телевидения. Сказалась в той или иной форме имеющаяся у Путина информация, как без всяких ограничений в России использовался мощный телевизионный механизм одурманивания масс в политической борьбе.

Вопреки прежнему курсу Путин пошел на укрепление вертикали исполнительной власти. Совершенно ясно, что эта идея овладела умом нового президента именно потому, что он на своих предыдущих постах смог убедиться в реальной угрозе территориальной целостности России, самоуправстве многих губернаторов, руководителей национальных республик, входящих в Российскую Федерацию. Безусловно, масла в огонь подлили события в Чечне.

Можно спорить с некоторыми методами, с помощью которых предлагалось выстроить вертикаль исполни-

тельной власти, стягивающей в единое целое все российские территории. Но главное в том, что Путин взял курс на сужение поля антиконституционной и незаконной деятельности губернаторов. Некоторые главы субъектов Российской Федерации превращались в «князьков», правящих в своих «вотчинах». Это направление активности Путина тоже не совпадало с курсом Ельцина.

Пребывание Путина у власти показало, что он в значительной мере опирается на Санкт-Петербургских коллег тех времен, когда он работал в этом городе. В обществе популярным стал анекдот про переполненный троллейбус, в котором один из пассажиров спрашивает своего соседа: «Скажите, вы не из Питера?» Получив отрицательный ответ, задает второй вопрос: «Скажите, а вы не из спецслужб?» После второго отрицательного ответа в ярости кричит ему: «Тогда, гад, сойди с моей ноги!»

Я объяснил для себя путинские кадровые назначения тем, что у него не было своей сформированной команды, а он был настроен с самого начала, пусть не резко, потеснить людей «семьи» и в таких условиях решил пока положиться на тех, кого знал. Несомненно, нельзя использовать приуроченные к праздникам его встречи с Ельциным для обвинения Путина в том, что он продолжает опираться на «семью».

Отношение Путина к проблемам развития России проявилось во время многочасовых бесед с президентом в Сочи, куда летом 2000 года была приглашена группа ведущих ученых из Российской академии наук (РАН). Высказанные Путиным положения во многом предопределили его политику и уж во всяком случае свидетельствуют о его взглядах.

Обращаясь к Путину с предложением о такой встрече, я подчеркнул важность того, чтобы идея принадлежала ему. Но, передавая приглашение президенту РАН Ю.С. Осипову, Владимир Владимирович сослался на мою инициа-

тиву, добавив, что за ним был лишь выбор места встречи, так как, находясь на отдыхе, он сможет больше времени посвятить откровенным разговорам с учеными. Путин отличается от многих политических деятелей – и это тоже очень важно – тем, что не горит желанием выдать чужие мысли за свои и не делает этого. Такая черта Путина, которую я наблюдал и в других случаях, тоже говорит о том, что во главу угла он ставит порядочность в отношениях с окружающими.

Попытаюсь изложить те идеи, которые либо были высказаны президентом, либо нашли его полную поддержку.

Для России нет пути назад – к возвращению командно-административной системы. Страна развивается и будет развиваться на рыночных рельсах. Но это не означает, что можно отказаться от социальной ориентации экономики. Во внутривнутриполитическом плане должна четко обозначиться перспектива создания гражданского общества.

Россия навсегда покончила с изоляционизмом. Она не только уже является, но все больше ощущает себя частью мирового хозяйства. Но нужно прямо сказать, что перенос целого ряда тенденций, обозначившихся в российской экономике в 1990-е годы, в наш XXI век чреват большими опасностями для страны и ее населения. Поддержка предпринимательства не должна ограничиваться крупным бизнесом. Следует особое внимание уделить малому и среднему предпринимательству, поддержать его изменениями в налоговой системе. Без новых акцентов в экономической политике окажется полностью неконкурентоспособной российская промышленность с ее морально и физически устаревшим оборудованием. Приемлем для России лишь инновационный путь развития. Особое значение при этом приобретает рост инвестиций – и внутренних, и иностранных.

Путин внимательно выслушал мнение выдающихся ученых-естественников, принимавших участие во встрече,

и полностью поддержал их вывод о том, что устойчивое развитие России неразрывно связано с прорывами в научно-технической области, в ее способности активно участвовать в мировом процессе интеллектуализации производства. Сказался и реализм Путина, отсутствие залихватских мотивов – он решительно подчеркнул вслед за учеными, что России в настоящее время не под силу прорваться по всему широкому фронту. Речь идет о семи-восьми направлениях так называемых критических технологий, в которых Россия могла бы преуспеть, – здесь еще сохранились задел, кадры (катастрофические масштабы в то время приобрела утечка мозгов из страны), инновационный потенциал. Президент согласился и с тем, что эта задача может решиться лишь при государственном регулировании и финансировании соответствующих программ.

Во время этой встречи Путин еще раз остановился на необходимости ужесточения мер в отношении тех, кто нарушает законы, кто пользуется своим положением в целях, не имеющих ничего общего с интересами широких слоев населения, на необходимости обуздать коррупционеров.

Замечания и высказывания Путина обозначили контуры его политики, но нужно сказать, что целый ряд предложенных им мер осуществляется неоптимальным образом и непоследовательно. По-видимому, одна из причин этого – отсутствие профессионализма у многих людей, окружающих Путина, даже тех, кто искренне хочет претворения в жизнь принятого курса.

Однако есть и другая причина – отсутствие жесткой административной дисциплины. Несомненно, существует также группа лиц, которая пытается противодействовать Путину, дискредитировать его линию. С их помощью нередко выхолащиваются благие намерения или меры осуществляются в таких формах, которые делают их контрпродуктивными.

Когда, например, вводились посты представителей президента в регионах и вся страна была разделена на семь округов, это справедливо воспринималось как усиление влияния центра. Но функции «супергубернаторов» так и не были достаточно четко определены, что в ряде случаев привело к столкновению с ними губернаторов, причем не только нечестных, но и тех, которые зарекомендовали себя с хорошей стороны. Нет и четкого разграничения функций, включая распределение финансовых средств, между регионами и муниципалитетами.

Или проявившееся в бюджетах, представляемых правительством, стремление сконцентрировать финансовые ресурсы в центре, а потом раздавать все это регионам в виде трансфертов и субвенций, идущих в основном на потребление. Такая политика противоречит экономическому укреплению России в целом. Об этом упоминал Путин на одной из встреч с руководителями парламентских фракций. Правительственные проекты бюджетов удалось по этому и другим вопросам несколько откорректировать в Думе. Но сохранившиеся подобные акценты в бюджетной политике свидетельствуют о том, что президент не в состоянии полностью влиять на тех людей в правительстве, кто мыслит категориями сиюминутной выгоды.

Будучи руководителем фракции ОВР и позже, я неоднократно принимал участие в обсуждении экономических проблем на совещаниях у президента. Он, как правило, поддерживал те предлагаемые меры, которые призваны служить интересам различных слоев населения. Многие из этих мер осуществлялись, но не все. Понятно, что политика есть искусство возможного и правительство часто вынуждено соизмерять те или иные предлагаемые ему меры с реальными возможностями. Но бывает так, что эти возможности искусственно ограничиваются.

И здесь проявляются, как мне кажется, не только объективные причины, но и недостаточная решительность президента избавиться от тех, кто его, мягко говоря, подставляет. Приведу несколько примеров. Прорывом к созданию социально ориентированной экономики могут и должны стать первые национальные проекты в области здравоохранения, образования, жилищного строительства и сельского хозяйства. Перспективы этих национальных программ обеспечиваются тем, что их выдвинул сам президент В.В. Путин и судя по всему, не выпускает из своих рук контроль за их исполнением. Не сомневаюсь, что за этим стоит стремление развернуть реформирование страны лицом к человеку.

Общий успех национальных проектов имеет огромное значение для России – и социальное, и экономическое, и политическое. Однако создалось впечатление, что особое внимание уделяется тому, чтобы были выделены в полном объеме дополнительные средства. Очевидно, это недостаточно. Не должен оставаться в стороне важнейший вопрос: в какую структуру будет осуществляться инъекция этих средств? Возьмем, например, одну из этих программ – здравоохранение. На заседании правления Торгово-промышленной палаты России был заслушан доклад социального комитета, аккумулировавший мнение тех, кто будет непосредственно осуществлять и получать преимущества от этого национального проекта. Особенно острой критике были подвергнуты направления вложений дополнительных средств. Известно, что больницы и амбулатории в целом ряде регионов находятся в плачевном состоянии – нет необходимого медицинского оборудования, лекарств, даже постельного белья. Во многих из них уже было начато строительство новых корпусов, в большинстве случаев хирургических. Достроить их не смогли – нет средств. Так и стоят по сей день эти памятники нашей бесхозяйственности, глядя на мир пустыми оконными проемами.

Между тем, по предложению Минздравсоцразвития, львиная доля из дополнительных средств пойдет на строительство 15 специализированных медицинских центров.

А на оснащение всех амбулаторно-клинических учреждений России выделяется сумма в 500 миллионов из 5,7 миллиарда долларов, то есть меньше десятой части. Министр Зурабов говорил о сверхбыстром строительстве новых центров, их оснащении современной техникой и подготовке персонала. Обещал даже треть из них открыть уже в конце 2006 года. Это обещание оказалось фикцией. И все это происходит в условиях, когда уже имеющейся больничной и клинической базы вполне достаточно при соответствующем оснащении для оказания необходимого объема медицинской помощи.

Не больше логики и в акценте на закупку огромного числа санитарных машин, что само по себе тоже очень важно. Но не следует забывать, что эти машины везут больного в больницы, клиники, оснащение которых будет осуществляться далеко не в полную меру. Ясно, что такие соотношения в распределении выделяемых средств, по мнению многих специалистов, абсурдны. Но они не подвергаются пересмотру, несмотря на уроки неудач, связанных с пенсионной реформой и монетизацией льгот.

Президент говорит о необходимости тесно увязывать решение в области прорывов в социальной сфере с развитием национального производства. В случае здравоохранения это – развитие отечественного производства медицинского оборудования, лекарственных средств, которые ныне в основном поставляются набивающими себе карманы монополистами из-за границы. Нужны госзаказы отечественным производителям наукоемкой продукции, особенно в военно-промышленном комплексе на разработку новых образцов. Указания президента не выполняются.

Выдвижение национальных проектов еще раз привлекает внимание к проблеме использования тех огромных средств, которые Россия получила за счет высоких мировых цен на экспортируемое сырье, особенно нефть и газ. Представляю, как трудно было пробить эти программы через сопротивление тех, кто считает «злом» тот факт, что экспорт принес стране огромные доходы. Я цитирую министра финансов. Минфином была сделана ставка на стерилизацию этих денежных средств через стабилизационный фонд, который был вначале объявлен неприкасаемым. При этом выдвинута совершенно нелепая идея, что любые внутренние затраты из этого фонда равноценны разгулу инфляции. Действительно, вынужденные, как это было в связи с непродуманной и непросчитанной монетизацией льгот, или неумные затраты подкачивают инфляцию. Это так. Но кто может доказать, что инфляционный всплеск будет вызван затратами, например, на создание и развитие инфраструктуры, в первую очередь дорожно-транспортной, или на закупку мощных паромов, связывающих Калининград с остальной Россией? Огромное отставание России в транспортной инфраструктуре от большинства развитых да и развивающихся стран бьет по нашей конкурентоспособности.

Много вопросов связано с тем, что в совет директоров принадлежащих государству естественных монополий и других компаний входят представители государства. Известно, что совет директоров распределяет доходы компании. Тогда непонятно, почему нас всех в 2005 году поразил шок, когда Москва, часть Центральной России остались на много часов без электроэнергии по причине износа оборудования на подстанции. Но разве не представители государства отвечают за то, чтобы доходы компании распределялись в первую очередь на необходимую модернизацию, а не на строительство грандиозных зданий или на непомерное увеличение окладов менеджмента?

Между тем чрезвычайно опасным является не только уже прерванный процесс, когда на командные позиции в экономике и политике выходили представители олигархического капитала, но и продолжающаяся, к сожалению, тенденция, когда чиновники, призванные на службу обществом для защиты его интересов, срачиваются всеми правдами и неправдами с бизнесом, сохраняя при этом видимость служения обществу. Нужно признать, что слабость демократических институтов в стране ведет к утрате контроля над бюрократией, а ее численность растет, уже превышая численность военнослужащих. Во всем СССР чиновников было в 2 раза меньше. Административная реформа, начатая в России, затронула лишь верхушку айсберга, да и то подчас непродуманно, и практически застряла на этапе инвентаризации тех функций, которые следует передать с государственного уровня на общественный. Сохраняется и такое важное поле государственной деятельности, как борьба с коррупцией, казнокрадством. Здесь нужны решительные меры и в административной, но в основном в экономической области.

Все эти негативные явления имеют место вопреки ясным указаниям президента В.В. Путина. Не поддерживая в целом практику советских времен, невольно задумываешься: а ну кто-нибудь попробовал бы игнорировать указания генерального секретаря ЦК или не выполнить решение Политбюро, секретариата ЦК, Совета министров?!

Только целенаправленная активность власти, конечно, не выходящая за рамки законности, может обеспечить условия для развития демократии в России, включая противодействие всем ксенофобским, националистическим организациям, пусть и крайне немногочисленным сегодня, но уже наносящим серьезный вред многонациональной и многоконфессиональной России. Укрепление межнациональных отношений в России становится

одним из очень важных приоритетов. Перемещение людей из бывших восточных советских республик, а также движение вглубь России многих с Северного Кавказа, не в последнюю очередь вызванное событиями в Чечне, подчас обостряют отношения «пришельцев» с коренным населением. Наибольшую остроту это приобрело в небольшом городке Кондопога в Карелии. Это – сигнал, который ни в коем случае нельзя игнорировать

Общенациональная задача, которая может на данном этапе развития России объединить наше общество, мобилизовать все его возможности, – это выход из кризисного состояния в области народонаселения. В.В. Путин сделал справедливый акцент на этом. От преодоления демографического кризиса зависит судьба России. Если сохранится нынешнее положение, то самая большая страна в мире останется уже к середине этого столетия со стоимиллионным населением.

Конечно, решение демографической проблемы зависит от повышения рождаемости и сокращения смертности населения. Это важнейшее, но не единственное направление. Для такой страны, как Россия, демографическая проблема не может быть решена также без регулирования плотности населения. Ведь это факт, что в регионах страны, где сосредоточены ее огромные природные ресурсы – в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, – образуется «вакуум населения». Немаловажное значение имеет и проблема безопасности России в связи с малой населенностью ее азиатской части. Выход – в создании на востоке России экономической и социальной инфраструктуры, сопоставимой с той, что существует в европейской части нашей страны. Но для этого необходима продуманная политика дозированной и контролируемой иммиграции.

Если говорить о внутривнутриполитическом положении в России, то оно выглядит стабильным. Признаком такой стабильности – устойчивость высокого рейтинга прези-

дента Путина. В политической ситуации, однако, существуют проблемы. Одна из них – партстроительство в России. Укрепила свои позиции «Единая Россия», что проявилось в целом во время выборов в регионах. Но у «Единой России» до сих пор нет идеологической платформы, которая не может ограничиваться поддержкой власти. Правда, такая поддержка приводит в партию многих из тех, кто рассчитывает на нее как на трамплин к занятию тех или иных должностей в законодательной и исполнительной ветвях власти всех уровней. Но не будем забывать, как в одночасье рухнула КПСС, в члены которой тоже многие вступали по аналогичным соображениям. «Единая Россия» часто называет себя правоцентристской партией. Наверняка следует отдать должное умеренному консерватизму для России. Но будущее страны гораздо теснее связано и традиционно исторически, и по решаемым задачам с левым, а не правым центризмом.

Каково мировоззрение Путина, которое определяет суть его внешнеполитического курса и в конечном счете повлияет на место и роль России в современном мире? Я сужу об этом и по действиям президента, и по его высказываниям, в том числе в беседах с автором этих строк.

В связи с варварскими действиями террористов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне Путин первым из руководителей государств не просто выразил соболезнования, а заявил о готовности России оказать всяческое содействие США в борьбе с терроризмом. Это сопровождалось реальными шагами по поддержке американской операции в Афганистане, вплоть до солидарности с бывшими среднеазиатскими республиками СССР, предоставившими свою территорию для военного присутствия США, хотя эта мера вызвала критику в России. Оказалось, что Путин не боится идти против течения, когда знает, что прав.

Россия начинает значительно больше заботиться о своих интересах на пространстве СНГ. Односторонние уступки ряду стран Содружества в принципе возможны только в том случае, если эти страны нацеливают свою политику на создание единого экономического пространства, а не проводят, по существу, антироссийскую линию. Коллизии в отношениях с «оранжевым» украинским руководством еще раз продемонстрировали, насколько важно сосредоточиться на союзе с Белоруссией, на развитии всесторонних связей по линии ЕврАзЭС, «шанхайской шестерки». При этом, естественно, нельзя возводить баррикады в отношении с Украиной, Грузией, Молдавией. Это было бы и контрпродуктивно, так как отталкивало бы эти страны от России, и недальновидно, так как не предусматривало бы исторического укрепления органичных связей этих стран с Россией.

В.В. Путин придерживается всех этих взглядов и упорно проводит такую линию.

Россия словами Путина охарактеризовала американское вторжение в Ирак как «историческую ошибку». Однако сбалансированность, прагматизм Путина проявились и в этом вопросе. Он понимает, насколько контрпродуктивно и опасно превращать принципиальное несогласие с действиями США против Ирака в антиамериканизм в политике – без Соединенных Штатов невозможно успешное противодействие международному терроризму, распространению ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, разрешение региональных конфликтов, реальная помощь странам, находящимся за пределами «золотого миллиарда».

Понимание важности российско-американских отношений в деле стабильности в мире не идентично отступлению от объективной реальности: складывается многополярный мир, и это наилучший вариант для России, предусматривающий диверсификацию ее политики, что Путин и осуществляет на практике.

Он стремится сделать многое, чтобы Россия имела широкие связи с ЕС, Китаем, Индией, арабским миром, странами Латинской Америки.

Многополярное устройство предопределяет повышение роли Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности – единственного органа, наделенного полномочиями санкционировать применение силы на международной арене.

Некоторые иностранные собеседники Путина, с которыми мне удалось встретиться, отмечали, что для них неожиданно раскрывался образ президента Путина как политика, профессионально оценивающего сложные международные проблемы, откровенного и предсказуемого. Но ряд оппонентов и недоброжелателей обвиняют президента в авторитаризме. При этом диву даешься, когда видишь, на кого из российских «экспертов» ссылаются, например, в американской печати, делая выводы о тех или иных процессах и событиях в России. Как правило, это либо абсолютно субъективные люди, уже определившиеся в антипутинском направлении, либо вообще неизвестные в своей стране и уж во всяком случае некомпетентные выскочки.

Во многом импонирует то, что делает президент Путин. Он, безусловно, человек способный, быстро вошедший в суть дела, умеющий выступать перед различными аудиториями, спокойный, но при этом волевой. Проявятся ли эти качества, когда придется теснить с насиженных мест не только нескольких олигархов, но и их приспешников-коррупционеров, – надеюсь, что так и будет.

Тем более что Россия вступила в нелегкий и небесконфликтный период своей истории. Россия опять стоит перед выбором. Но каким?

- Между цивилизованными рыночными отношениями и засильем монополистических групп, использующих эти отношения во вред не только государству, но и среднему и малому бизнесу.

- между социально ориентированной многоукладной экономикой и развитием, при котором значительная часть населения живет за чертой бедности.

- между законами, обязательными для всех, и беззаконием, коррупцией, проникающей во все поры жизни общества.

- между порядком, создающим безопасность граждан, и организованной преступностью, срачивающейся с частью правоохранительных органов.

- между укреплением федеральных связей и сепаратизмом, проявившимся в ряде регионов.

- между демократией и хаосом.

- между повышением роли государства под реальным контролем общества и диктатурой.

Конечно, нелегко пройти этот путь в России с ее драматичной историей, особенно после грубых ошибок, сделанных в 1990-е годы. Не застрахован от ошибок и Путин.

В ряде случаев ему придется идти на решительные действия. Но тот путь, который уже пройден Россией под его руководством, внушает оптимизм.

МИР БЕЗ РОССИИ?

К чему приводит
политическая
близорукость

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

После окончания холодной войны на Западе, особенно в Соединенных Штатах, начал падать интерес к России как к одному из главных игроков на международной арене. Россия, конечно, не Советский Союз, который, несомненно, играл ведущую роль в мировой политике. Сказывается и динамичное выдвижение Китая, которому, понятно, уделяется возрастающее внимание, но нередко за счет принижения значения «российского фактора». Имеет место и невыгодное для России сравнение ее нынешнего вклада в мировую экономику с целым рядом других постиндустриальных стран.

Недооценке места и искажению роли России в современном мире, несомненно, благоприятствует тот факт, что живы и еще активно действуют поколения людей, которые были либо вовлечены в конфронтацию западного мира с Советским Союзом либо впечатлены ею. Такой психологический фактор приводит к тому, что нынешние подозрения, а подчас и враждебные чувства в отношении России, накладываются на оценки, сформировавшиеся во время холодной войны. Это, кстати, происходит и в российском общественном мнении в отношении США и их европейских союзников.

Юго-Осетинский кризис августа 2008 года прибавил еще больше негативизма в США, на Западе в целом, в отношении России. Вместе с тем значительно поубавилось число тех, кто считал, что можно игнорировать Россию, не считаться с ее интересами. Один из американ-

ских экспертов по России Майкл Спектер, обычно выступающий на страницах журнала «Нью-Йоркер», после событий в Южной Осетии писал, что закончился тот период, когда США относились к России как к Ямайке. «Теперь придется воспринимать их как взрослых, у которых больше ядерных боеголовок, чем у кого-либо кроме нас самих».

Неужели такое прозрение могло наступить только в связи с тем, что Россия оказалась вынужденной и, что не менее важно, готовой применить силу для защиты своих интересов?

Я убежден, что Россия далека от того, чтобы утверждать свое значение в мировых делах через конфронтацию с кем бы то ни было. Ошибаются те политики на Западе, которые исходят из такого видения. Вместе с тем лишь политической близорукостью можно объяснить готовность списать Россию из числа великих держав, недооценивать ее потенциал, динамику, перспективы развития. Даже после распада СССР Россия остается самой большой в мире по территории страной. В ее недрах – до 50 процентов всех извлекаемых природных ресурсов планеты. Россия обладает, несомненно, высоким интеллектуальным потенциалом. Наконец, по ядерному оружию и возможности его доставки Россия соизмерима с Соединенными Штатами. Уже все перечисленное говорит само за себя. К этому следует добавить тот внутренний курс, которым пошла Россия в XXI веке – он при всех своих сложностях и отдельных просчетах способствует высокому месту нашей страны в мировой экономике и международных отношениях.

В этой книге осуществлена попытка проанализировать острые проблемы, разделяющие Россию и США, показать, в чем видится из Москвы агрессивность американской внешнеполитической стратегии, кому в действительности принадлежит ее авторство. Читатель найдет в книге и ряд критических замечаний в адрес

нашей практики. Но основная идея книги – это существование обширных полей объективно совпадающих интересов в образующемся многополярном мире.

Неоценимую техническую помощь в подготовке рукописи к изданию оказали мои помощники Попова Елена Вячеславовна и Шиманский Дмитрий Вячеславович. Большое спасибо им, а также тем специалистам, особенно Барановскому Владимиру Георгиевичу и Петрову Георгию Георгиевичу, которые взяли на себя труд прочесть рукопись. За их замечания и комментарии премного благодарен.

Глава I

МИРОУСТРОЙСТВО ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Как относятся к проблеме нынешнего мироустройства обе стороны – США и Россия? Это, как представляется, имеет основополагающее значение в понимании принципиальных различий их идеологических подходов к современному этапу развития человечества.

I. Конец биполярности

Сначала немного истории. Государства впервые возникли в Древнем мире, образовывались и существовали в Средневековье. Однако в единую глобальную систему они объединились только в результате развития капитализма – через интернационализацию производства, создания всемирного рынка, складывания мирового хозяйства. Начиная с этого времени можно вообще говорить о мироустройстве. Исторически оно уже проявилось в двух типах: многополярном и двухполярном*. Теоретически к этому можно добавить и однополярную структуру. Однополярного мира никогда не было. Однако были на

* Термины «многополярность», «двухполярность» и «однополярность», вошедшие в обиход, идентичны терминам «многополюсность», «двухполюсность» и «однополюсность».

этот счет иллюзии. Более того, цель создания однополярного мироустройства лежала в основе ряда идеологических построений, ей были подчинены стратегические расчеты, политические и военные акции. Обобщая, можно сказать: стремление, а не объективные предпосылки к образованию однополярного мира существовали и существуют. Но они никогда не воплощались в историческую реальность.

Видный теоретик-международник О.Н. Быков пишет: «Многополюсность является исходным рубежом и основополагающей нормой состояния международных отношений, потому что она соответствует главным формационным и цивилизационным процессам современности, отвечает интересам всего мирового сообщества»*. Действительно, многоцентризм стал первой формой мироустройства, охватывающей все более взаимозависимый мир. Вместе с тем, наряду с развивающимися уже тогда процессами глобализации, превалирующими были собственные монополистическому этапу развития капитализма межгосударственные империалистические противоречия, разжигаемые борьбой за раздел, а затем передел сфер влияния в мире.

Появление на мировой арене Советского Союза привнесло в международные отношения идеологическую составляющую. Но вплоть до Второй мировой войны мироустройство оставалось многополярным. После победы над фашизмом, в которой особая роль принадлежала СССР, и при неизмеримо возросшем его могуществе и влиянии международные отношения начали развиваться под воздействием раздела мира на две части по идеологическому принципу. Образовались два конгломерата государств – социалистических и капиталистических**.

* Международные отношения: трансформация глобальной структуры. – М., 2003. С. 23.

** Здесь я не затрагиваю правомерность таких определений.

Двухполярное мироустройство возникло на основе политико-идеологического размежевания мира. Лидерами противоположных, находящихся в конфронтации государственных объединений стали две сверхдержавы – Соединенные Штаты и Советский Союз.

Таким мир был во время холодной войны. Сразу после ее окончания заговорили об однополярном мире на основе того, что после распада СССР самой могучей мировой державой остались одни США. Исходя из этого, сторонники такого вывода пошли еще дальше, утверждая, что в создавшихся после холодной войны условиях на однополярном устройстве мог быть установлен мировой порядок, обеспечивающий стабильность и безопасность всех государств. При этом однополярность противопоставлялась не только опасной двухполярности, подведшей человечество к черте самоуничтожения, но и «взрывной» многополярности. Кондолиза Райс, в ту пору помощник президента США по национальной безопасности, в июне 2003 года, то есть тогда, когда Вашингтон решил затвердить на практике однополярное мироустройство через доктрину унилатерализма¹⁶, заявила: «...многополярность – это теория соперничества, конкуренции, а в своем худшем проявлении – конкуренция ценностей»*. По ее словам, многополярность поведет к новому противоборству между великими державами, подобно холодной войне.

Вывод о том, что сложился или, во всяком случае, складывается однополярный мир однозначно опирался на представления о победе Запада в холодной войне, сокрушительном поражении Востока. В результате этого, дескать, перестал существовать Советский Союз и США остались единственной супердержавой. Однако эти представления были далеко не точными в изображении

* Из выступления К. Райс в Международном институте стратегических исследований, Лондон, 24.06.2003.

действительности. Ликвидация Советского Союза была вызвана главным образом внутренними причинами – развитием противоречий и субъективными решениями глав РСФСР, Украины и Белоруссии. Противоречия развились в экономической области – советская командно-административная система оказалась абсолютно неадекватной происходящей в мире научно-технической революции.

Экономика стала главным плацдармом развития противоречий, но не единственным. Серьезный импульс в перестроечный период при М.С. Горбачеве получила давно назревающая демократизация советского общества. Утвердилась столь долгожданная гласность, произошло раскрепощение людей. Вместе с тем демократизация сопровождалась расшатыванием Советского Союза. Во многом такое расшатывание осуществлялось и использовалось националистическими силами. Сказалось практическое отсутствие федерализма, хотя СССР и назывался *союзом республик*.

Понимание необходимости серьезных изменений в государственном устройстве СССР присутствовало. Горбачев осознавал это. Но идти на заключение вначале экономического договора с союзными республиками, отложив политический договор до того времени, пока не будет обеспечено единое экономическое пространство, отказывался. А это был реальный путь к сохранению общего государства, в пользу чего высказалось на референдуме преобладающее большинство населения страны. Характерно, что на том этапе было реальным присоединение к договору о едином экономическом пространстве и Прибалтийских республик – Литвы, Латвии и Эстонии. Мне об этом говорили в то время люди, состоявшие в их руководстве. Но ставка Горбачевым была сделана на уже подготовленный к подписанию политический договор. Объясняя свою позицию, Горбачев в близком окружении сказал: подпишут экономический договор, и на этом

дело застопорится – подписывать договор политический многие не согласятся. Горбачев, как мне кажется, надеялся, что с помощью нового, учитывающего особенности перестроечного периода политического договора удастся сохранить СССР. Однако Ельцин, Кравчук и Шушкевич с необычной легкостью и, как выяснилось, подбадривая себя невероятным количеством выпитого, подписали в Беловежской Пуще документ о ликвидации Советского Союза. Это было неожиданно для всей страны, даже для руководителей других советских республик. Нурсултан Абишевич Назарбаев рассказал мне, что Ельцин перед поездкой в Белоруссию обрисовал ему цель своей миссии в словах: привести в Москву Кравчука и Шушкевича для «подписания договора о сохранении общего государства».

Сказалась и нерешительность Горбачева. Уверен, что команда Белорусскому военному округу окружить Беловежскую Пущу была бы выполнена. Людей, совершавших государственный переворот, можно было даже не арестовывать, а принудить отказаться от впопыхах составленного документа. Как выяснилось из воспоминаний тех, кто присутствовал в Беловежской Пуще, фигуранты этого дела опасались именно такого развития событий. Возможно, в сознании Горбачева – а от его воли в тот момент зависело развитие событий – еще свежи были воспоминания о ГКЧП и надежда на воплощение в жизнь идеи Содружества Независимых Государств. Но дело в том, что народ поддержал Ельцина в его борьбе с ГКЧП отнюдь не потому, что он вел дело к распаду Советского Союза, а потому, что большинство населения уже не хотело возвращаться к тоталитарному прошлому.

Участвовали ли в этом процессе иностранные силы? Напрямую – не думаю, хотя в США и странах Западной Европы было немало людей, мечтающих о крахе СССР. Одновременно многие там, возможно, даже большинство политических деятелей, несомненно стремясь к ос-

лаблению СССР, опасались, что его распад приведет к хаосу страну, в различных частях которой, более того, в различных отделившихся частях в огромных количествах находилось ядерное оружие.

О том, что распад СССР нельзя отнести к категории его поражения в холодной войне, несомненно, свидетельствует и тот факт, что постсоветское пространство не погрузилось в хаос, а ракетно-ядерный потенциал Советского Союза полностью сохранился и был перебазирован на территорию России, признанной правопреемницы ликвидированного государства. Между тем, именно опираясь на представление об асимметричности, сложившейся после окончания холодной войны, иными словами, на ложный вывод о победе в ней США и поражении СССР, Вашингтон исходил из «неправомерности» равноправия Соединенных Штатов с Россией в мировых делах.

II. Деградация России в 90-е годы, но и США не остаются супердержавой

То, что случилось уже после распада Советского Союза, действительно отодвинуло Россию с позиции державы мирового класса.

Кульминацией стал дефолт – объявленный 17 августа 1998 года односторонний мораторий на выплату долгов по государственным бумагам. В сентябре я возглавил Правительство России. К этому времени в полную силу развились процессы, которые толкали страну в пропасть. Резко сократился объем ВВП, произошел небывалый спад промышленного производства, перестала функционировать банковская система, практически прекратились

платежи. Стране грозила гиперинфляция. Неуправляемая девальвация рубля взорвала потребительские цены. В результате реальные доходы населения понизились в сентябре 1998 года на 25 процентов (то есть на четверть!) по сравнению с 1997 годом. Обесценились рублевые сбережения граждан. Многие вообще потеряли свои сбережения в обанкротившихся банках. Резкое сокращение импорта продовольствия, медикаментов обернулось для страны острым дефицитом товаров первой необходимости.

Есть все основания считать, что все это было закономерным результатом курса экономического развития страны, заложенного в 1992 году. Лица, принявшие тогда на себя ответственность за экономическую политику России, как правило, величали себя «либералами», подчеркивали свою связь с «чикагской школой». И что имело немаловажное для них значение – они пользовались полной поддержкой на Западе. Современный либерализм проповедовал и проповедует свободную конкуренцию при минимальном вмешательстве государства в деятельность хозяйствующих субъектов. Но у либерального подхода к экономике – так показывает международный опыт – не может быть универсальной матрицы, подходящей ко всем странам и на всех этапах их развития. Все это было проигнорировано в России. Параллельно с разрушением существовавшего хозяйственного механизма доморощенные «либералы» провели шоковую либерализацию цен, приватизацию ради приватизации, так как во главу угла были поставлены ее масштабы, а не связь с ростом эффективности производства. Внутренний рынок был распахнут перед жесточайшей мировой конкуренцией.

Стало очевидным: те, кто в 1990-е годы начал формулировать и проводить в жизнь экономический курс России, преследовали совершенно несвойственные либеральному подходу цели. Не обошлись они и без государственного

вмешательства, но прямо противоположного решению задачи создания равных условий конкуренции для всех хозяйствующих субъектов. Власть выборочно поддерживала отдельные предприятия путем установления эксклюзивных экспортных квот, особенно на нефть, освобождения от уплаты таможенных пошлин, предоставления налоговых льгот, целевых кредитов и т. д.

Знал ли президент Б.Н. Ельцин о плане правительства и Центрального банка объявить дефолт? Позже я узнал, что к нему пришли несколько человек и в общих чертах сказали о готовившейся акции. Но при этом успокоили: казна получит дополнительно свыше 80 миллиардов рублей, чуть-чуть упадет рубль и чуть-чуть может увеличиться инфляция, но через короткий срок негативные результаты уйдут, все станет на свои места, в то время как бюджет получит столь необходимые средства. О подготовке совместных решений правительства и Центробанка был осведомлен и МВФ.

В 1990-е годы официальные круги в США явно поддерживали проводившуюся в России экономическую линию. Отсутствие критики руководителями западных стран экономических реформ в России 90-х годов было связано и с политическими мотивами. Трудно представить, что западные лидеры случайно вывели эту тему из разговоров с теми, кто стоял у руля власти в нашей стране. На Западе, очевидно, опасались, что такая критика может объективно усилить позиции так называемых государственников в России, даже тех, кто являются твердыми сторонниками рыночных реформ, приватизации, но осуществляемой продуманно, в интересах роста эффективности производства. Опасались, так как проецировали рост влияния государственников на внешнюю политику, которая в таком случае неизбежно усиливала бы функцию защиты российских интересов.

Все это так, но думать, что трагедия 90-х годов была просто-напросто осуществлена по американскому сценарию, было бы неточно. Главную роль сыграли наши до-

морощенные экономисты средней руки, никогда ранее на практике не занимавшиеся проблемами народного хозяйства, да и в науке не поднимавшиеся выше заведывания лабораториями в ряде исследовательских институтов. За экономические реформы взялись в основном те, кто знал жизнь лишь по книжкам, написанным большей частью либеральными западными экономистами, далекими и от специфики российских проблем, и от решения труднейшей задачи перевода такой огромной страны, как Россия, на рыночные рельсы.

Запад явно устраивало бедственное положение России. Тем более, что социально-экономическая деградация нашей страны была подкреплена ее абсолютно беззубой в первой половине 90-х годов внешней политикой, провозглашенной целью которой было вхождение в «цивилизованный мир» при полном пренебрежении национальными российскими интересами. Россия становилась «ведомой», следуя в фарватере, проложенном Соединенными Штатами. И к этому в Вашингтоне, очевидно, начинали привыкать.

Однако уже в конце 90-х годов положение начало меняться. О трудном процессе экономического и социально-политического восстановления России говорится в последующем изложении. Это возрождение, при сохраняющихся все еще нерешенных проблемах, должно послужить серьезным предупреждением нашим оппонентам: не следует делать политику на основе сиюминутного соотношения сил, без учета вероятной динамики.

Что касается США, то после крушения Советского Союза они действительно остались на мировой арене в качестве самой сильной в экономическом, военном отношении и по своему политическому влиянию страной в мире. Но дело в том, что титул сверхдержавы был неправомерен уже и для Соединенных Штатов. Сторонники однополярного мироустройства, вдохновленные российской трагедией 90-х годов, не учитывали той истины, что

категория сверхдержав, появившаяся во время холодной войны, определялась не только количественными, но и качественными показателями. Такими были две державы – США и СССР, которые объединяли своих союзников, обеспечивая им безопасность в происходящей конфронтации, и, именно исходя из этой своей функции, диктовали союзникам правила поведения. После окончания холодной войны и прекращения американо-советской конфронтации исчезли такие качественные характеристики сверхдержав. Восточная Европа вообще ушла из-под опеки СССР. А Западной Европе больше не был нужен американский ядерный зонтик. В итоге ослабла военно-политическая зависимость западноевропейских союзников США от своего лидера, что неизбежно понизило «блоковую дисциплину».

Инерция мышления, подкрепленная трагическим развитием событий в 90-х годах в России, привязала многих западных политиков и политологов к идее однополярного мироустройства. Ряд российских исследователей тоже склонялись к этой идее, игнорируя при этом объективную динамику мирового развития. Между тем вывод об однополярном мироустройстве стал размываться также все более ощутимым процессом неравномерности развития мировой экономики.

III. Объективная реальность – становление ряда мировых центров

Не только сам процесс неравномерности, но и скорость, которую он набирает, демонстрируют следующие показатели: по годовым темпам прироста национальных ВВП

Европейский союз в полтора раза обгоняет США, Китай – в 6 раз, Индия – в 4 с лишним раза. Это привело к увеличению их доли в приросте мирового ВВП по сравнению с долей США. Особенно быстро к мировому экономическому лидерству движется Китайская Народная Республика. За три десятилетия Китай 3 раза удваивал ВВП, опередив по его объему все государства, кроме Японии и США. За этот же период внешнеторговый оборот Китая увеличился в 100 раз, что позволило КНР по доле в мировой торговле обойти Японию. Можно считать, что после послевоенного «экономического чуда» в Японии, позволившего этой стране занять передовые позиции в мировой экономике, и экономического рывка «четырех азиатских драконов» – Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Тайваня, вперед вырвался Китай, умело используя унаследованную от этих стран модель «просвещенного авторитаризма». По прогнозу американской исследовательской организации Global Insight, Китай уже в 2009 году, а не в 2013-м, как предполагалось ранее, выйдет на первое место в мире, обойдя США, в производстве промышленных товаров.

Характерны и обобщающие показатели. Если в 1990 году доля развитых стран в мировом ВВП составляла более 60 процентов, то в 2007 году уже около половины мирового ВВП принадлежало развивающимся и странам с переходной экономикой. Такая динамика весьма важна для вывода о том, что не только США, но и развитые страны в целом теряют позиции в мировой экономике.

Изменилось место развивающихся стран в системе общемировых финансовых потоков. Раньше они полностью зависели от финансовых вложений из западных стран. Теперь сами превратились в инвесторов, вкладывающих средства по всему миру. Компании из этих стран создают и приобретают зарубежные филиалы и дочерние предприятия. Характерен пример Индии. В 2008 году индийская транснациональная компания «Тата Мо-

торс» купила у американской корпорации «Форд» две известные английские компании «Лэнд Ровер» и «Ягуар». Британская пресса расценила это как смену лидеров в мировой экономике в пользу новых центров.

Представляется неправомерным достаточно распространенный вывод, что глобализация в обязательном порядке увеличивает разрыв между развитыми и развивающимися странами. Глобализация – не одноразовое явление, а процесс. Будучи связанным с прорывами в научно-технической области, на отдельных этапах своего развития процесс глобализации может оказать позитивное воздействие на весь развивающийся мир. Он вместе с тем усиливает дифференциацию в развивающемся мире и даже выталкивает из него ряд стран в группу развитых государств. Естественно, что среди развивающихся стран также существует группа, которая далека от наращивания своего «присутствия» в мировом ВВП, она постепенно опускается на «дно» мировой экономики. Но хочу подчеркнуть, что, несмотря на это, развитые государства постепенно оттесняются более быстро развивающимися странами.

Сторонники однополярного мироустройства используют в виде аргумента тот факт, что Соединенные Штаты дают импульс развитию глобализации, являясь лидером разработок и освоения новых технологий. Это – бесспорная истина. Но наряду с ней следует сделать и другой вывод – США уже далеко не единоличный лидер.

В опубликованном в США в феврале 2008 года исследовании американского Технологического института Джорджии (GIT) говорится, что Китай начинает обгонять США в научных разработках, превращаемых в конкретные продукты, которые выводятся на мировой рынок. В исследовании утверждается, что США придется принять доминирующую позицию китайского конкурента сначала в технологическом новаторстве, а затем в глобальной экономике. GIT уже 20 лет занимается оценкой

технологических показателей различных стран мира. Возможно, несколько преувеличен уровень китайских достижений, но тенденция отмечается правильно.

К тому же выводы GIT подкрепляются оценками и других солидных американских источников. Компания «Джонсон Сайентифик» (Jhonson Scientific), анализирующая тенденции в сфере академической науки, пришла к выводу, что вес США в мировой науке постепенно снижается, а вес стран Европейского союза и Азиатско-Тихоокеанского региона, наоборот, возрастает. Известно, что Китай вышел на передовые позиции по скорости освоения одного из наиболее значимых в настоящее время научно-технических направлений – нанотехнологий. В 2006 году китайскими специалистами было опубликовано больше материалов по нанотехнологиям, чем американцами, и в 2 раза больше, чем японцами.

В ускорении инновационных процессов в мировой экономике сегодня значительная роль, наряду с США, принадлежит странам ЕС, особенно Германии и Франции, а также Китаю, Японии, Южной Корее. И эта тенденция, очевидно, необратима. Показательно, что по имеющимся прогнозным оценкам доля США в мировых затратах на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) постепенно падает, а Китай – резко увеличивается. Россия и по финансированию НИОКР, и по вкладу в мировое инновационное развитие отстала от стран, занимающих лидирующие позиции в этих областях. Однако предпринимаются серьезные меры с целью развития научно-технического прогресса. Эти усилия, безусловно, дадут свои плоды, особенно с учетом высокого интеллектуального потенциала, которым продолжает обладать Россия.

Естественно, нельзя недооценивать позиции США в мировом научно-техническом прогрессе, но динамика в этой области явно не свидетельствует об однополярном мироустройстве.

IV. Характер нынешней многополярности

Один из наиболее талантливых политиков второй половины XX века Генри Киссинджер беспредельно предан идее главенства Соединенных Штатов в мире. Однако это не идентично тому, что он игнорирует существование других центров силы. Я мог в этом убедиться во время многочисленных встреч и бесед с ним на различные международные темы. В книге «Нужна ли Америке внешняя политика?» Киссинджер пишет, что Корал Белл, социолог из Австралии, «...прекрасно выразила стоящую перед Америкой проблему: ей надо осознавать свое превосходство, но при этом вести политику так, будто в мире существует много иных центров силы»*. Слово «будто» – дань американоцентризму. Но, будучи политиком-реалистом, Киссинджер не мог *по существу* не замечать многополярного мироустройства, которое, как он уверен, Вашингтону следует учитывать в своей внешней политике.

Конечно, чертой нынешней многополярности в мире следует считать специфическую ранжировку полюсов, при которой США, во всяком случае, в первых двух десятилетиях XXI века, очевидно, сохранятся в качестве самой сильной в экономическом и военном плане страны. Это характеризует нынешнюю многополярную систему, а не идентично признанию однополярного мироустройства. Однако создается впечатление, что различие между особой ролью Соединенных Штатов в многополярной системе и однополярным мироустройством, единственным центром в котором якобы являются США, не учитывается теми, кто вырабатывает американскую внешнюю

* Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – М., 2002. С. 326.

политику. Тем более что сама многополярность изменяется в своей конфигурации. Несомненно, что число полюсов не законсервируется на нынешнем уровне, будут формироваться новые. Например, все чаще говорят о быстром экономическом росте Бразилии, Южной Африки. Будут развиваться интеграционные процессы в Латинской Америке, Азии, Африке и Ближнем Востоке, образуя новые «групповые» центры мировой экономики и политики.

Причем при происходящем неравномерном развитии мировых центров сама система многополярности надежно устойчивая. Характерная для нынешнего мира многополярность возводится на фундаменте определенной фазы глобализации, не просто усиливающей взаимозависимость различных центров, но и делающей невозможность их существования в условиях экономической и научно-технической изоляции.

Сильная сторона марксизма в том, что он органично выводит развитие человеческого общества из развития производительных сил. Можно рассматривать этот вывод в применении и к такому явлению, как процессы глобализации. Они тоже непосредственно связаны с поступательным, а во второй половине XX века прорывным развитием в области информации, связи, транспорта. Именно в этот период глобализация привлекла к себе особое внимание научной общественности, политиков. Я принадлежу к тем, кто считает, что глобализация началась значительно раньше, но, главное, проходит через ряд этапов, разных по своему качественному влиянию на международные отношения и в конечном итоге на мироустройство.

Устойчивость нынешнему многополярному мироустройству придает и формационное единство нынешнего мира. Это отнюдь не исключает разных форм и разной степени развития капитализма в различных странах, но во всех движение происходит по рыночным рельсам.

Известно положение В.И. Ленина, безоговорочно принятое и сохраненное в течение всех лет советской идеологией, об империализме как высшей и последней стадии капитализма. В том, что монополистический капитализм следует выделить в качестве одной из стадий его развития, нет сомнений. Но жизнь отвергла тезис, что на этом заканчивается век капитализма. Сказалась недооценка дальнейшего развития производительных сил, к чему капитализм успешно приспособился, решительно изменив свой первоначальный облик. Это нашло отражение, в частности, в радикальном изменении социально-классового состава капиталистического общества. Капитализм обрел ряд совершенно чуждых ему в прошлом черт – элементы экономического планирования, улучшение условий труда, подъем уровня жизни населения. Это произошло в годы соперничества с мировым социализмом, когда наметилось движение двух сторон к конвергенции.

Сказалась несостоятельность и провозглашенной марксизмом ставки на мировую революцию, так как не происходило и не произошло абсолютное обнищание трудящихся при капитализме, на чем настаивал Ленин, считая это одним из марксистских постулатов, который предначертал неизбежность революции во всемирном масштабе.

Капитализм уже на монополистической стадии стремился к ломке национальных перегородок, интернационализации производства. Но в целостную систему, состоящую из взаимосвязанных, взаимозависимых элементов и охватывающую весь земной шар, мировая экономика превратилась лишь на нынешней, условно говоря, транснациональной стадии развития капитализма. Отличительной чертой мировой экономики стал упор на такую форму развития производительных сил, как транснациональные компании (ТНК), и такую форму межгосударственных отношений, как региональные интеграционные процессы. ТНК образовали систему хозяй-

ственных связей, в определенном плане регулирующую инвестиционные, финансовые и торговые потоки в мире. В границах именно этой системы находятся все уже существующие и складывающиеся мировые центры.

И если интеграционные процессы на межгосударственном уровне способствуют увеличению числа центров в современном мире, его многополярности, то транснационализация предпринимательской деятельности привязывает эти центры друг к другу.

Таким образом, полюса современного мира оказываются взаимозависимыми не только в результате качественно-прорывного развития наукоемкого производства, но и новых форм производственных отношений. В таких условиях ныне складывающаяся многополярность как таковая не несет в себе ядро раздора, противостояния, конфронтации. Это не снимает возможность несовпадения национальных интересов различных государств, образующих мировые полюса, но нынешняя многополярность *сама по себе* не предопределяет столкновения между ними.

Итак, реальную картину сегодняшнего мира создает диалектика между складывающейся многополярностью и взаимозависимостью образующихся центров мировой системы. Взаимозависимость этих центров усиливается в результате потребности вовлечения всех мировых полюсов в противодействие новым опасностям и вызовам, в первую очередь, распространению ядерного оружия, международному терроризму, региональным конфликтам. Это тоже немаловажная черта современной многополярности, которую нельзя игнорировать.

Глава II

КОРНИ И «РАЗВЕТВЛЕНИЯ» ДОКТРИНЫ УНИЛАТЕРАЛИЗМА

К чему приводит политика, не считающаяся с многополярным устройством современного мира, показали события начала XXI века. Но как пришли Соединенные Штаты к политике унилатерализма?

I. Свидетельствует бывший вице-президент США

На меня глубокое впечатление произвело участие в мае 2007 года в Вене в 25-м заседании Совета взаимодействия – организации, в состав которой входят бывшие главы государств и правительств 30 стран¹⁷. На этот раз заседание было посвящено роли США в современном мире. Основным выступавшим на эту тему был У. Мондейл – вице-президент США в администрации Дж. Картера. Не удержусь от того, чтобы привести пространные выдержки из стенограммы его доклада. Тем более что читатель навряд ли знаком с выступлением У. Мондейла.

«После Второй мировой войны Америка стала ведущей нацией в мире не только благодаря своей мощи, но и потому, что граждане и лидеры других стран верили в

добрую волю Америки и ее благоразумие, – так начал Мондейл изложение своего доклада. – Наши лидеры видели, что обеспечение долгого и надежного мира потребует создания новых институтов, в которых могли бы участвовать другие великие нации, и весь мир решал эту общую задачу. ООН, МВФ, ГАТТ, Всемирный банк, Договор о безопасности между Японией и США¹⁸ появились для того, чтобы помочь нам продвинуться по пути к процветающей мировой экономике. Эти начинания были успешны и привели к долгосрочному миру, окончанию холодной войны, самому впечатляющему росту процветания в мире за всю нашу историю.

Это – история огромного успеха, но в настоящее время ситуация изменилась. Катастрофические последствия радикальной неоконсервативной революции нанесли ущерб американскому подходу на основе партнерства во внешней политике. Это было странным явлением, если учесть, что при нас начиналось самое прекрасное время в мировой политике, связанное с окончанием холодной войны и завершением противостояния сверхдержав. Впервые у мира появился шанс заняться действительно настоящими проблемами и продвигаться по пути прогресса. Но вместо этого неоконсерваторы восприняли военную мощь нашей страны как возможность для усиления влияния... Мы также много слышали фраз вроде: либо вы с нами, либо вы против нас – добро против зла. Они хотели уничтожить зло, и часто подобные доводы несли в себе религиозные нотки. Если вы их критиковали и не соглашались с их выводами, вас зачастую упрекали в том, что вам недостает четких моральных принципов».

Остановившись на военной операции США в Ираке, У. Мондейл подчеркнул: «Мы проигнорировали Старую Европу и ее мнение, а Совет Безопасности ООН был нами дезинформирован с целью заручиться поддержкой его членов. При этом, каково бы ни было его решение,

мы не собирались отказываться от намеченных планов. Мнение инспекторов ООН, экспертов Госдепартамента, равно как предостережения ЦРУ и других служб безопасности, были проигнорированы. В докладе одного из британских агентов своему правительству говорилось, что Америка подтасовывает факты, чтобы подстроить их под свою политику».

«Американское общественное мнение настроено против политики, проводимой администрацией Буша в Ираке, – продолжал У. Мондейл. – Доверие к ней ослабло, и теперь многие представители американских вооруженных сил, некоторые из них уже в отставке, а некоторые еще служат, выражают несогласие с этой политикой. Растет число увольняющихся, существуют проблемы с набором в армию, моральный дух падает... Приходится констатировать, что иракская кампания высасывает все ресурсы, необходимые для решения других проблем. Сейчас Америка не может заниматься другими серьезными вопросами из-за этой продолжающейся войны, влияние которой постоянно сказывается».

Один из экспертов Совета, бывший министр иностранных дел Канады Л. Эксуорси, задал вопрос У. Мондейлу: «Роль неоконсерваторов можно воспринимать как роль заговорщиков. Скажите, пожалуйста, как такой заговор мог произойти в Соединенных Штатах при наличии конституции и разделения властей?»

Отвечая на этот вопрос, У. Мондейл сказал: «В течение многих лет неоконсерваторы занимали ключевые позиции в американской администрации и вели себя очень агрессивно. Их политика привела к отставке Коллина Пауэлла. Конгресс принадлежал республиканцам. Практически все меры администрации поддерживались конгрессом без обсуждения. Слушания не проводились. Одна из причин того, что ситуация изменилась после выборов (имеются в виду выборы в конгресс в 2006 году, когда Демократическая партия получила большинство в

двух палатах конгресса. – *Е.П.*), заключается в следующем: общество увидело, что отсутствует баланс власти и, стало быть, нет контроля над властью. Все это и привело к катастрофическим последствиям».

«Сегодня я критиковал свою страну, – добавил Мондейл, – она сделала большую ошибку, но я люблю свою страну, я думаю, что это хорошая страна. Я думаю, мы сильная нация, и мы хотим поступать правильно. Мы сделали ошибку – мы ее исправим».

Об «исправлении» «иракской ошибки» – в последующем изложении. А теперь посмотрим, что представляют собой неоконсерваторы, кто есть кто в этом сообществе.

II. Неоконсерваторы США: идея глобальной гегемонии

После прихода к власти Дж. Буша-младшего голову подняли американские «ястребы». Ряд из них занял видные места в администрации Белого дома и правительстве. После трагических событий 11 сентября 2001 года крайне правые республиканцы стали оказывать преимущественное влияние на выработку внутренней и главным образом внешней политики США. Особенно активной силой в тот период стали неоконсерваторы. Можно считать, они заложили теоретический фундамент под идею «глобальной гегемонии» Соединенных Штатов после окончания холодной войны.

Неоконсерваторы в США имеют длинную историю. Некоторые из них в середине XX века принадлежали к левым кругам, были даже заражены идеями троцкизма. Но уже в 80-е годы ушли от левых демократов и сблизии-

лись с правыми республиканцами. Есть смысл подробнее остановиться на деятельности тех, кто готовил, а при Буше-младшем осуществил поворот американской внешней политики в сторону одностороннего использования силы.

К наиболее видным неоконсерваторам обычно относят:

Пол Вулфовиц. Впервые попал в Пентагон в 1977 году, став помощником министра обороны. В военном ведомстве занимался Ираном, после исламской революции – ситуацией на Ближнем Востоке. В 80-е годы Вулфовиц перешел на работу в Государственный департамент. При президентстве Никсона работал в созданной Дж. Бушем-старшим, тогдашним директором ЦРУ, группе «Б», которая готовила независимые от официальных докладов американской разведки аналитические материалы о «советской угрозе» и снискала репутацию резких критиков ЦРУ за «недооценку опасности», исходящей от СССР. В 1999 году снова оказался в Пентагоне, став заместителем министра обороны, в то время, когда министром был Д. Чейни. Готовил вместе с Чейни операцию «Буря в пустыне». Ушел в отставку с приходом к власти президента Клинтона, а при Буше-младшем с 2001 по 2005 год опять был заместителем министра обороны.

Дуглас Фейс. В начале 80-х годов работал в качестве эксперта ближневосточника в Совете национальной безопасности США. Вышел из Совета в результате расследования ФБР по фактам передачи рядом сотрудников секретной информации Израилю, но с 1984 по 1986 год был штатным юристом другого видного неоконсерватора, помощника министра обороны Ричарда Перла. С приходом Буша-младшего был приглашен в военное ведомство США, теперь уже на должность заместителя министра обороны, отвечающего за выработку политического курса. ЦРУ неоднократно обращало внимание на

то, что в своих докладах о связях Ирака с «Аль-Каидой» Фейс пользуется ненадежными источниками. В 2004 году разразился новый скандал. ФБР представило данные об утечке секретных материалов Израилю из окружения Фейса.

Льюис Либби. Пол Вулфовиц, преподававший Л. Либби в Йельском университете, в 1981 году пригласил его на работу в Госдепартамент в качестве специалиста по Ближнему Востоку и Юго-Западной Азии. Вулфовиц и в дальнейшем не оставлял Либби без своего внимания. Он позвал Либби в администрацию Буш-старшего, сделав его своим заместителем. С 2001 по 2005 год Либби занимал важную должность начальника аппарата вице-президента Чейни и одновременно был советником президента. Его карьера была прервана скандалом. Началось все с того, что бывший посол США в Багдаде Джозеф Вилсон раскритиковал администрацию Буша за сознательное искажение разведданных по Ираку. В ответ на это Либби предал гласности, что жена Вилсона – сотрудница ЦРУ. Тогдашний директор Центрального разведывательного управления США Тенет замял это дело. Но ненадолго. Покровителей Либби все же ждала неудача. Суд приговорил его к 2,5 года тюремного заключения. Буш своим специальным указом заменил ему наказание на штраф и 2 года тюремного заключения условно.

Элиот Абрамс. Будучи заместителем госсекретаря США, лжесвидетельствовал перед конгрессом, когда в 1986 году поднялся скандал в связи с «ирангейтом» – тайными поставками оружия Ирану с последующим финансированием «контрас» в Никарагуа, добивающихся смены существовавшего там режима. За ложные показания чуть не попал в тюрьму. (Неоконсерваторы нередко считали морально оправданной ложь во благо борьбы за свои идеалы. Так было, например, когда, вопреки данным Спецкомиссии ООН, была сфабрикована информа-

ция, что Ирак, дескать, владеет ядерным оружием. Но об этом далее.) В 2002–2004 годах Э. Абрамс служил помощником Кондолизы Райс в Совете национальной безопасности США. В его ведении были вопросы Ближнего Востока и Африки. Он непосредственно занимался арабо-израильскими отношениями.

Абрамс проявил себя в то время и как ярый противник палестино-израильских переговоров в Осло и даже создал в США ряд комитетов против ближневосточного урегулирования. Делал все, чтобы отодвинуть в сторону несогласных с ним ведущих экспертов-ближневосточников из Совета национальной безопасности, Госдепа и ЦРУ. После перехода К. Райс в Госдепартамент Э. Абрамс стал заместителем главы Совета национальной безопасности Стивена Хэдли по Ближнему Востоку.

Ричард Перл. Начал свою политическую карьеру в 1969 году, когда вместе с Вулфовицем стал помощником сенатора-демократа Генри Джексона. Он и его босс в 1974 году провели через конгресс закон, известный как поправка Джексона – Вэника, по которой Советский Союз лишался режима наибольшего благоприятствования на постоянной основе на американском рынке, так как препятствовал эмиграции своего населения. Эта поправка не имела ничего общего с защитой прав человека – она сохраняется по сей день для России, то есть уже в то время, когда сняты все ограничения для выезда наших граждан за рубеж.

С избранием Рейгана президентом США Перл переметнулся к республиканцам и был назначен помощником министра обороны по международной безопасности. В Пентагоне проработал с 1981 по 1987 год, где стал знаменит своей оппозицией заключению любых договоренностей с СССР по сокращению вооружений. Одним из самых драматических эпизодов, который мог коренным образом изменить обстановку в области сокращения вооружений, была встреча в 1986 году М.С. Горбачева и

Р. Рейгана в Рейкьявике. Мне довелось принимать участие в переговорах в комиссии по международным конфликтам. И в нашей, и в других комиссиях мы были близки к позитивным результатам, но все зависело от того, договорятся ли главы двух государств по вопросам контроля над вооружениями. Не договорились, хотя все располагало к согласию.

Помню, как Горбачев, уже провожая Рейгана, при открытой двери его лимузина предложил вернуться и все-таки подписать подготовленный экспертами документ. Рейган отказался. Очевидцы были поражены драматизмом этой сцены.

Подноготную того, что произошло, раскрыл в статье, опубликованной в журнале «Нэшнл ревью», неоконсерватор Дэвид Фрам. «Горбачев изумил американскую делегацию своим предложением в обмен на отказ Рейгана от СОИ (противоракетной обороны с выводом оружия в космос. – *Е.П.*) дать практически то, чего Штаты добивались в 80-е годы в области вооружений. Рейган проводит срочное совещание и опрашивает своих ведущих советников по вопросам обороны. Почти все предлагают сказать Горбачеву “да”, Перл выступает в пользу “нет”. И Рейган отвечает “нет”»*.

После окончания холодной войны в эпицентре интересов Перла стал Ближний Восток, где он занимал серьезные позиции в бизнесе. В 90-х годах вел мощную кампанию в поддержку Израиля. Перл вернулся в Пентагон с приходом в Белый дом Буша-младшего в качестве советника министра Рамсфелда и главы Совета по оборонной политике. Ричарда Перла считают одним из главных идеологов неоконсерваторов США.

Бросаются в глаза такие характерные черты лидеров американских неоконсерваторов, как их «переплетение» на рабочем уровне, плотное сосредоточение в Министер-

* The National Review. 2003.21.05.

стве обороны и Государственном департаменте. Несомненно их объединяет и связь с ближневосточной тематикой с явно произраильским уклоном. Ричард Перл, например, на «пересменке» между двумя периодами работы в Пентагоне даже возглавлял газету «Джерусалем пост». Он же был членом консультативного совета еврейского центра по вопросам национальной безопасности – одной из главных в Вашингтоне лоббирующих структур в пользу правой израильской партии «Ликуд». Еще в 1996 году Перл, Фейс и Вурмсер опубликовали совместное обращение к новому, только что избранному израильскому правительству, сформированному партией «Ликуд», призывая его отказаться от переговоров с палестинцами. Вместо этого они рекомендовали «сдерживание и даже отбрасывание назад Сирии», а также «сфокусироваться на отстранении от власти в Ираке Саддама Хусейна». Бывший посол Ливана в Соединенных Штатах Рияд Табара утверждал, что в августе 2002 года Перл, излагая коллегам в Пентагоне свои взгляды на американскую стратегию на Ближнем Востоке, использовал географическую карту, на которой вся Палестина была названа Израилем, Иордания – Палестиной и Ирак – Хашимитским королевством.

Неоконсерваторы сыграли особенно видную роль в выработке внешнеполитического и военного курса страны при президентстве Рейгана. Их влияние уменьшилось при Дж. Буше-старшем. После того как президентские выборы выиграл демократ Б. Клинтон, большинство неоконсерваторов ушло из структуры власти, разойдясь по исследовательским институтам и центрам. Однако нельзя считать, что произошел спад их активности. Пол Вулфовиц вместе со своим аппаратом, в котором выделялся Льюис Либби, в 1992 году выработал «Руководство по оборонной политике». В этом документе было представлено кредо неоконсерваторов: США не должны допустить появления глобального противника, такого, как СССР;

для защиты своих интересов следует применять силу, не обращая внимания ни на ООН, ни даже на постоянных союзников, которые обязаны следовать за Соединенными Штатами («не коалиция определяет миссию, а миссия определяет коалицию»). Акцент в документе делался на превентивном характере единоличного применения силы Соединенными Штатами, в том числе с целью изменения не устраивающих США режимов в других государствах.

«Руководство по оборонной политике» утратило секретность после утечки в прессу и вызвало буквально шок в американском политическом классе. Ближайшее окружение президента Буша-старшего, секретарь Госдепартамента Дж. Бейкер, помощник по национальной безопасности Б. Скоукрофт и глава Пентагона Д. Чейни (да, тот самый Чейни, который, став вице-президентом у Буша-младшего, превратился в одного из отъявленных «ястребов», возродивших идеи «Руководства»), выхолостили этот документ, убрав из него самые одиозные места.

Это не остановило неоконсерваторов. В 1997 году они основали проект «Новый американский век». В 2000 году ими была издана новая работа – «Перестройка американской системы обороны», в которой были воспроизведены все основные идеи «Руководства по оборонной политике». Приход к власти республиканца Буша-младшего снова выдвинул неоконсерваторов на американскую политическую авансцену. Но главным импульсом, придавшим им беспрецедентную активность, стали события 11 сентября 2001 года.

В результате террористического акта, повергнувшего в ужас все американское общество, да что говорить, далеко не только американцев, президент США объявил войну международному терроризму. Этот шаг был широко поддержан, в том числе и Россией. Вместе с тем обстановка была использована неоконсерваторами для возрождения планов глобальной гегемонии США и превра-

щения доселе теоретических установок в практические дела. Большую роль при этом сыграл тот факт, что неоконсервативные идеи взяли на вооружение правые республиканцы, не примыкавшие в прошлом к неоконсерваторам. Важную роль в консолидации правых сил в республиканской партии сыграл Р. Перл, который вплоть до отставки в марте 2003 года* возглавлял Совет по оборонной политике при Министерстве обороны США (СНОП). СНОП при министре обороны Рамсфельде (правый республиканец) приобрел серьезное влияние на выработку политических аспектов военной политики США. Конечно, в этот Совет входят и умеренные республиканцы, например Г. Киссинджер. Но СНОП прочно завоевал репутацию правоконсервативного центра.

Опираясь на идеи неоконсерваторов, правой группировке в американском руководстве (Чейни – Рамсфельд) удалось вытеснить из администрации госсекретаря Пауэлла – сторонника продолжения политики президентов Буша-старшего и Клинтона. Его заменила Кондолиза Райс. Она не примыкала к группировке Чейни – Рамсфельда и ее назначение, очевидно, было связано с тем, что Буш-младший не мог позволить себе однозначно правое окружение – это не воспринял бы американский избиратель.

III. «Экспорт демократии»

Перевес сил в пользу группировки Чейни – Рамсфельда после 11 сентября 2001 года нашел отражение в подготовке, а затем и осуществлении доктрины унилатера-

* Ричард Перл ушел в отставку из-за скандала, разразившегося в связи с его участием в лоббировании интересов крупного американского бизнеса, связанного с нефтью.

лизма. Она базировалась на ряде принципов: построение нового миропорядка, основывающегося на однополярном мироустройстве; масштабная борьба за изменение расстановки сил в различных регионах; применение при необходимости превентивных мер; возможность действий США в одностороннем порядке. Президент Буш-младший назвал при этом три режима, представляющих, по его словам, «ось зла» (по некоторым сведениям, автором этого термина был в то время спичрайтер президента неоконсерватор Дэвид Фрам), – Ирак, Иран и КНДР.

Правому окружению президента Буша все больше импонировала идея неоконсерваторов, считавших исторической миссией Соединенных Штатов силовое навязывание устоявшейся на Западе модели демократии всем странам, которые, как они полагали, в этом испытывают нужду.

В сегодняшнем понимании демократия – это определенное состояние общества, при котором власть (государство) осуществляет и гарантирует равенство всех граждан, верховенство Закона, наделение всех членов общества политическими и социальными правами и свободами, подчинение меньшинства большинству. Это отражается не только в выборности основных органов государства и должностных лиц, но и их подконтрольности и подотчетности избирателям – не на бумаге, а на деле.

Этими общими положениями должны характеризоваться различные типы демократии. Должны, но не всегда и не в равной степени общие демократические принципы господствуют в жизни общества, в том числе и в ряде западных стран. Вместе с тем торжество или степень торжества этих общечеловеческих принципов, форма, в которых они осуществляются, непосредственно зависят от особенностей внутреннего развития того или иного государства – от истории, традиций, степени рели-

гиозности общества, политической культуры, национального самосознания, соотношения сил и т. д. Игнорировать все это нельзя. При этом национальные культуры, менталитет, традиции нельзя рассматривать в статике – они видоизменяются.

Оказывается, историческое развитие способно порой воспроизводить в новых условиях и применительно к новым обстоятельствам старые идеологические и политические модели. При этом часто не ограничивается внешним сходством. Как известно, троцкисты провозглашали идею экспорта пролетарской революции независимо от того, сложилась в этих странах революционная ситуация или не сложилась. А теперь неоконсерваторы решили тоже силой экспортировать демократию и тоже, не считаясь с историческими особенностями тех стран, которым, по их мнению, следовало навязать ее западную модель.

Исходя из своей специфики, неоконсерваторы сочли в первую очередь объектом такого силового навязывания арабские государства и Иран. П. Вулфовиц, призвав к свержению существовавшего в Ираке режима, подчеркивал, что следует превратить Ирак в «первую арабскую демократию». Его единомышленники не скрывали, что процесс силовой «демократизации» на Ираке не закончится и, как было официально признано президентом Бушем уже после свержения иракского режима, распространится на другие страны. Именно в связи с этим и появилось новое географическое определение – «Большой Ближний Восток». Только путем силового распространения демократии на Большой Ближний Восток, утверждали неоконсерваторы, можно обезопасить Соединенные Штаты и другие страны от террористических вылазок.

IV. Проблема вмешательства во внутренние дела

Не без влияния неоконгов администрация США заразилась необходимостью по-новому посмотреть на проблему «вмешательства во внутренние дела». При этом обычно ссылаются на то, что внутристрановые ситуации часто оборачиваются серьезной угрозой миру и безопасности людей. Это действительно так. Но оправдывает ли это силовую «демократизацию» извне?

Этот вопрос, безусловно, был среди других, побудивших Генерального секретаря ООН Кофи Аннана создать Группу высокого уровня, более известную как «группа мудрецов», призванную выработать рекомендации по противодействию опасностям, в том числе исходящим от внутристрановых ситуаций, и представить предложения, как сделать Организацию Объединенных Наций более эффективной в борьбе с новыми вызовами и угрозами.

Автор этих строк был включен в эту Группу, состоявшую из 16 человек, подобранных Генеральным секретарем из различных стран. После целого ряда встреч и обсуждений был согласован и в конце 2004 года опубликован доклад «Более безопасный мир: наша общая ответственность». Члены Группы пришли к общему выводу о необходимости всеми силами и возможностями противодействовать таким негативным процессам, как массовые убийства гражданского населения, неспособность центральных властей взять под контроль негосударственные субъекты, создающие угрозу международной безопасности, форсированное приближение к обладанию ядерным оружием с возможной перспективой его передачи террористическим организациям, предоставление правящим режимом своей территории для

базирования международной террористической организации.

Но как противодействовать всему этому? В длительных дискуссиях члены группы согласовали ряд положений. Главные среди них следующие: существование внутристрановой угрозы должно выявляться не одним каким-либо государством, а коллективно через Совет Безопасности ООН. Именно Совет Безопасности ООН должен определять систему мер по нейтрализации этой угрозы. Следует отделить «зерна от плевел». Рассмотрение внутристрановой ситуации с точки зрения ее угрозам миру и безопасности – это одно. А попытки навязать другим странам те или иные модели государственного или общественного устройства – это совсем другое.

Вмешательство в исключительных случаях и по обязательному решению Совета Безопасности ООН во внутренние дела – не перечеркивает ли это суверенитет государств? Вопрос непростой. Объективно уменьшают значение национальных правительств процессы глобализации. Часть суверенитета передается на наднациональный уровень интеграционными процессами, развитием транснационального предпринимательства. Но при этом не следует преуменьшать устойчивость национальных суверенитетов. Вывод об их размыве весьма опрометчив. Об этом свидетельствует хотя бы пример Европейского союза, создавшего наднациональные структуры. Но разве при этом не сохраняется суверенитет Франции, Германии, Великобритании и других стран, входящих в ЕС?

После возникновения иракского тупика, в который завела США политика унилатерализма, и в результате промежуточных выборов в конгресс, когда демократы получили большинство в его нижней и верхней палатах, Буш вынужден был убрать многих неоконсерваторов с государственных постов. Некоторые тихо покинули госу-

дарственную службу чуть раньше своего покровителя министра обороны Рамсфельда. К таким «тихоушедшим» принадлежал Пол Вулфовиц. А отставке Дугласа Фейса предшествовал скандал, в результате которого ему пришлось отбиваться от обвинений в подтасовке разведанных с целью втянуть США в войну с Ираком.

Но вытеснение видных неоконсерваторов из аппарата не означало окончания их влияния на Белый дом и его политику. Они оставались важной составляющей тех сил, которые определяли политические и идеологические подходы американского руководства к тем или иным международным событиям, в полной мере сохранили свои позиции в СМИ.

V. Против исламского мира

Ставка на экспорт демократии столкнула республиканскую администрацию США с исламом. Как бы президент Буш ни пытался, следуя, очевидно, советам тех в его окружении, кто не испытывал или в меньшей степени испытывал влияние неоконсерваторов, показать, что американская политика не имеет своей целью и не ведет к противоборству с исламом, на самом деле конфронтация становилась неизбежной. Спичрайтер президента Буша Дэвид Фрам, о котором уже упоминалось, заявил: «До 11 сентября мы действовали по теории домино. Ее суть: мы должны работать с умеренными арабскими режимами, побуждать их к постепенным реформам, а их внутренняя политика не так уж важна для нас. Проблемы представляют лишь небольшие группы экстремистов. Эта теория в той или иной мере присутствовала в американской политике с 1973 года. И только атаки на Нью-Йорк вывели

ее из строя. 11 сентября показало нам, что, прежде всего, важно внутреннее поведение государств. Проповеди в мечетях Саудовской Аравии имеют прямое отношение к внешней политике этого государства». «Мы хотели использовать эти идеи в президентской речи, – сказал Фрам. – Президент согласился с ними»*.

Именно с внутренней ситуацией в странах, население которых исповедует ислам, была связана идея демократизации Большого Ближнего Востока. Администрация США решила через «Большую восьмерку» (G8) легализовать этот план по навязыванию западного типа демократии всем, кто вошел в этот новый географический регион, то есть мусульманскому миру от Афганистана до Марокко. Но попытка осуществления этого замысла закончилась ничем. Точку зрения тех, кто не поддержал американский план, высказал президент Франции Жак Ширак, заявив, что ближневосточные страны сами должны решать, нуждаются ли они в «миссионерах демократии». Египет и Саудовская Аравия не приняли приглашения участвовать в заседании G8. Никто из лидеров других арабских стран, за исключением лишь одного – президента Ирака, не выступил в пользу «демократического миссионерства».

В конечном счете, обречены на поражение также попытки настраивать против ислама, эксплуатируя антитеррористические настроения и чувства среди преобладающего большинства государств и значительного большинства населения земного шара. Хотя нужно признать, что стремление ряда деятелей представить ислам как источник опасности для мирового сообщества пользуется, к сожалению, поддержкой среди многих на Западе.

Международный терроризм действительно имеет окраску экстремистского ислама. Сегодняшняя реальность такова, что ряд экстремистских террористических орга-

* Эксперт. 2005. № 17. 9–15 мая. С. 74.

низаций и групп, в первую очередь «Аль-Каида», одеваются в исламские одежды. Но это не дает оснований «выводить» терроризм из ислама. А именно к такой логике подталкивают представления об исламе как об агрессивной религии, проповедующей необходимость войны с «неверными», то есть представителями другого вероисповедания. Между тем ислам, как и другие мировые религии, не порождает и не оправдывает убийства мирных жителей, расправ с мирным населением. Коран, как известно, признает единобожие, то есть единого Бога для всех. Изречение «нет Бога, кроме Бога» направлено не против других религий, а против тех, кто проповедует многобожие. Утверждение в Коране, что Мухаммад является посланником Бога, призвано показать, что он последним из всех получил предначертания от Бога. Но Коран отнюдь не перечеркивает наличие других посланников, «более ранних», чем Мухаммад. В Коране они называются: Ибрагим – Авраам, Исхак – Исаак, Муса – Моисей, Иса – Иисус и другие. Никто не оправдывает и не может оправдывать, например, «Хизбаллу»¹⁹, когда ее военное крыло совершало обстрелы израильского мирного населения. Но никто не может обвинить эту шиитскую организацию, названную «Партией Аллаха», в том, что она ведет борьбу, скажем, против иудаизма, или христианства, или с израильской армией на религиозной основе.

Советник правительства США по борьбе с терроризмом Марк Сейджман*, несомненно, представляет собой специалиста, чьи оценки заслуживают внимания. Изучая биографии террористов, он пришел к выводу, что «практически никто из них не имел религиозного образова-

* Бывший сотрудник ЦРУ, работавший в Пакистане с исламскими боевиками, вовлеченными в войну против Советского Союза в Афганистане, затем профессор Университета Пенсильвании, автор книги «Постижение террористических сетей» (Understanding Terror Network).

ния», «радикальных мечетей очень немного», и те, кто посвятил себя террору, «шли в мечети не из религиозных побуждений, а потому, что искали там общения»*.

Терроризм не имеет никакого права на существование. Однако он не идентичен понятию исламской религиозности. Более того, самый худший метод борьбы с террористами – ассоциировать их с мировой религией, которую исповедуют более миллиарда жителей земли.

Характерно и то, что международные террористические группы активизируют свою преступную деятельность не только против Соединенных Штатов, но в меньшей степени против умеренных и светских режимов стран с мусульманским населением. Это и понятно, так как идеологией «Аль-Каиды» является создание халифата на всех территориях, которые населены мусульманами. Но для этого нужно ликвидировать умеренные и светские режимы, расположенные на этих территориях.

Первоначально в прицеле современного международного терроризма США оказались как государство, способствующее сохранению режимов в Саудовской Аравии и Египте. Затем «претензии» к США приумножились, и среди них одно из главных – это американская поддержка израильской политики территориального расширения за счет арабов.

Вместе с тем объектом деятельности террористов становятся и те государства, где мусульманское население находится в меньшинстве. При этом совершаются попытки разжечь сепаратизм у этой части населения. Так, например, действовали и действуют экстремисты в отношении Чечни и некоторых других российских республик Северного Кавказа. Так они действуют в Индии и Китае. Например, за четыре дня до открытия Олимпиады 2008 года в Пекине группа боевиков атаковала китайскую пограничную заставу в Синьцзян-Уйгурском ав-

* Эксперт. 2004. № 38 (438). С. 103.

тономном округе. В результате неожиданного нападения погибло 16 пограничников и еще 16 получили ранения. Нападение связывалось с сепаратистами, добивающимися отделения этого автономного округа от КНР и создания там исламского государства. По данным правительства КНР, в Китае проживает 21 млн мусульман. В 2004 году были подавлены серьезные беспорядки, вспыхнувшие в мусульманских районах страны. Китайские власти объявили эти беспорядки происками международных террористов.

Требуем уточнения понятие исламского фундаментализма. Было бы неправильно идентифицировать его как исламский экстремизм. Фундаментализм свойствен не только исламу, но и другим религиям. Он сам по себе не практикует навязывания религиозных моделей государственного управления или общественной жизни силовыми приемами. Одновременно многие исламские последователи фундаментализма (во многих исламоведческих работах считается более адекватным термин «салафизм»)* считают своим долгом «очищение» ислама, возвращение его к тем принципам, которые господствовали при пророке Мухаммаде и четырех «праведных халифах» (Абу Бакре, Умаре (Омаре), Усмани (Османи) и Али). Но опасность возникает, когда фундаментализм (салафизм) или объединяющиеся в нем исламские школы принимают экстремистскую, агрессивную форму. История знала время, когда и христианский фундаментализм перерастал в христианско-католический экстремизм. Об этом свидетельствует и кровавая практика иезуитов и расправы над мусульманами во время крестовых походов.

Борьба против международного терроризма неэффективна без участия в ней, причем в первых рядах, мусуль-

* Как представляется, все-таки понятие фундаментализма шире, хотя он тоже включает в себя стремление вернуться к исламским корням, избавившись от наносного.

манских стран и организаций. Среди них особое место может принадлежать Саудовской Аравии, на территории которой, в Мекке, расположена святыня мусульман – Кааба. Попытки показать, будто при поддержке руководства Саудовской Аравии и других стран с умеренными исламскими режимами действуют террористические группы в различных частях мира, это не что иное, как фальсификация, извращение фактов. Умеренные исламские режимы, равно как и светские режимы в государствах с мусульманским населением, не находятся по одну сторону баррикады с террористами.

VI. Исламский экстремизм – в чем причины?

Но все-таки почему именно исламский экстремизм порождает ныне террористическую угрозу? Некоторые видят причину волны исламского экстремизма в том факте, что растет пропасть между богатеющим «золотым миллиардом» (постиндустриальные государства) и наиболее бедными странами, многие из которых с мусульманским населением. Это лишь частичный ответ. Лидеры, да и многие участники террористических организаций и групп, как правило, люди из зажиточных семей. Бен Ладен, например, из семьи, владеющей строительной компанией, одной из крупнейших на Арабском Востоке.

Представляется, что взлет исламского экстремизма связан с рядом обстоятельств. К ним относятся и комплекс неравноправного положения в мировой экономике и политике, которым заражены многие представители мусульманского мира, обладающего огромными природными богатствами. Это и многолетняя конфронтация

с поддерживаемым Соединенными Штатами Израилем, оборачивающаяся целым рядом унижительных поражений. Это и силовая «демократизация» извне без учета исторических, религиозных, традиционных особенностей мусульманских стран. «На Западе вообще – по крайней мере, в Европе и США – политические лидеры не хотят говорить правды, – сказал руководитель, а затем консультант специального подразделения ЦРУ, созданного для поиска Усамы бен Ладена, Майкл Шоэр*. – Это вовсе не война за наши свободы, либеральные ценности или гендерное равенство. Это война, главной причиной которой является негативное влияние западной, и в особенности американской, внешней политики на мусульманский мир. Это религиозная война. Наши действия в мусульманском мире воспринимаются как нападение на ислам. Именно поэтому оппозиция Америке и Западу, но особенно Америке, так сильна».

Все это нужно знать, конечно, не для оправдания исламского экстремизма, а для успешной борьбы с ним. Не думаю, что американское руководство всерьез рассматривает необходимость лишить исламский экстремизм его корней. А без этого навряд ли удастся ликвидировать такую реальную угрозу, нависшую над человечеством, как международный терроризм. Не удастся это сделать также без уважительного отношения к исламу как религии, без дифференцированного подхода к мусульманскому миру. Все это является обязательными условиями активизации антиэкстремистской деятельности светских и умеренных государств с мусульманским населением.

Аналогичные мысли высказал в письме, адресованном мне, выдающийся политический деятель, бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт. Он писал: «Если мы

* Автор двух книг, название которых говорит само за себя: «Империальное высокомерие: Почему Запад проигрывает войну с террором» (под псевдонимом «Аноним») и «Маршируем прямо в ад: Америка и ислам после Ирака».

ограничимся отпором исламистскому терроризму, если мы не найдем в себе уважения и терпимости к этой чужой для нас религии, то может возникнуть большая беда. Русские, европейцы и американцы должны срочно научиться отличать терпимость к исламу от энергичного отпора исламистскому террору, который, к слову, не находит оправдания в Коране».

Для нас политика в отношении ислама имеет значение не только в глобальном, но и во внутривосточном контексте. В России проживает около 20 млн людей, придерживающихся мусульманских обычаев и традиций. Однако у нас нет объективных причин для кризиса в отношении между мусульманами и другой частью населения. Специфика нашей страны заключается в том, что двадцатимиллионная часть населения, придерживающаяся мусульманских традиций, не иммигранты, они проживают на территории нынешней Российской Федерации испокон веков, и в последние столетия кровавых столкновений с мусульманами в России не было.

В советское время мусульмане наряду с исповедующими другие религии, именно наряду с ними, подвергались дискриминации. Дело доходило до того, что, когда скончался один из крупных партийных деятелей в советской Средней Азии, приехавшая из ЦК КПСС делегация сосредоточенно интересовалась, будет ли покойник переложен из гроба и захоронен, по мусульманскому обычаю, в саване головой к Мекке. Этим чуть ли не определялась ценность всей его предшествовавшей деятельности для советского государства. Ныне с антирелигиозной практикой, имевшей место в СССР, направленной против обычаев, религиозных чувств всего населения, в том числе мусульман, полностью покончено.

До октября 1917 года на территории Российской империи было около 30 тысяч мечетей. В 1980 году, по свидетельству Г. Михайлова, начальника отдела Совета министров РСФСР по связям с религиозными организациями,

на территории России имели официальное разрешение на деятельность 335 мулл, а 1245 совершали обряды без регистрации. Положение резко изменилось в постсоветское время: построено три тысячи (по некоторым оценкам больше) новых мечетей, открыты медресе, исламские университеты, выходят десятки мусульманских печатных изданий, создан Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования.

Не на бумаге – это было и в СССР, – а в реальности внедряется федерализм. Автономные республики, как, например, Татарстан, Башкортостан, пользуются реальными правами, подтвержденными Конституцией и законами России. На деле практикуется равенство всех граждан России при занятии ими государственных постов на федеральном уровне. Руководство России стремится к тому, чтобы люди, придерживающиеся исламских традиций, чувствовали себя равноправными гражданами единой страны.

Вместе с тем совершенно естественно, что быстрое восстановление и развитие исламских ценностей в России порождает ряд проблем. Тем более что, как справедливо заметил в интервью газете «Таймс» эксперт по вопросам ислама в России профессор А. Малашенко, «...церковь не имеет такого влияния на русских или значения для них, как ислам для мусульман»*. Однако нет никаких свидетельств угрожающего развития противоречий на религиозной почве в стране. Показательно, что длившаяся в течение целого ряда лет война в Чечне, которая стоила многих жертв, не приобрела религиозного характера и нисколько не расшатала российское общество по религиозному принципу.

* The Times. 2005.05.08.

VII. Может ли терроризм быть оправдан?

И все-таки, что такое современный терроризм? Это не праздный вопрос, так как от понимания этого явления зависит правильный выбор методов антитеррористической борьбы. Неслучайно определение терроризма стало трудной проблемой для Группы высокого уровня, созданной Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном. Участники Группы пришли к выводу, что для определения терроризма следует взять элементы из принятых антитеррористических конвенций и других документов. Главным из этих элементов является, безусловно, применение силы против мирного населения, какими бы причинами это ни обуславливалось. Многие настаивали на том, что нельзя рассматривать терроризм как действие против войск оккупантов, когда идет борьба за независимое существование того или иного государства. Но если при этом целенаправленно осуществляются акции против гражданского населения, то это тоже терроризм.

Не у всех находит понимание термин «международный терроризм». Между тем это адекватное отражение того, что сейчас происходит. Раньше терроризм был, условно говоря, локальный. Например, баскские террористы, ирландские террористы и другие действовали или действуют в конкретной стране, не имея ответвлений за рубежом. Но после появления «Аль-Каиды», которая протянула щупальца в различные страны и действует на основе «сообщающихся сосудов», сложилась международная сеть терроризма. Наблюдалось, например, как из зоны племен между Афганистаном и Пакистаном шел переток террористических сил в Ирак. Террористы проникали из Афганистана в Косово и Чечню.

Если говорить о чертах современного терроризма, то черта номер один – его международный характер. Одна-

ко из сказанного не следует, что международный терроризм можно рассматривать как сложившуюся иерархическую систему, руководимую из единого центра. Часто между террористическими организациями отсутствует или слаба координация. Отдельные организации действуют абсолютно самостоятельно вне всяких связей с «Аль-Каидой». Вместе с тем особое значение приобретает Интернет, через который распространяются идеи, документы, заявления лидеров «Аль-Каиды» или близких к ним лиц, в том числе некоторых мусульманских проповедников.

Вторая черта – самодостаточность, самофинансирование террористических организаций, как правило, не связанных с каким-либо правительством.

Третья черта – это осуществление массовых акций против гражданского населения именно для того, чтобы дестабилизировать те или иные государства.

Даже не выдвигая каких-то конкретных требований, террористы стремятся обескуражить государство, заставить его демонстрировать свое бессилие, погрузить в смятение население, чтобы все общество было в беспомощности и искало виновных среди своих руководителей. Так было 11 сентября. Так было и при захвате школы в Беслане.

Нужно сказать, что исламские и иные современные террористы, использующие террор с целью устрашения, не изобрели ничего нового. Робеспьер был известен своей приверженностью к массовому террору как важному средству революционной борьбы. Ленин и Троцкий провозгласили и широко осуществили «красный террор» в ответ на «белый». Сталин был приверженцем широкомасштабных террористических действий для достижения своих целей – об этом свидетельствует кровавая практика 37-го года. А атомная бомбардировка Хиросимы, унесшая жизни сотен тысяч мирных жителей, – раз-

ве это не пример кровавого массового устрашения, каким бы целям оно ни служило?

Для активной борьбы против терроризма необходимо исключить абсолютно неправомерные подходы к этому преступному явлению. Один из них когда оправдываются или, во всяком случае, подвергаются слишком мягкой критике репрессалии за террористические акты, осуществляемые государством тоже против мирного населения другой стороны. Пример – действия Израиля, которые уносят жизни палестинских мирных жителей, в том числе женщин и детей, в качестве «возмездия» даже не только за террористические акты против израильского гражданского населения, но и за вооруженные столкновения с солдатами Израиля на оккупированной территории. Терроризм, то есть вооруженные действия, целенаправленно осуществляемые против мирных жителей, должен осуждаться вне зависимости от того, «первичен» он или «ответно вторичен». Кстати, и палестинская сторона часто оправдывает террористические акты как ответ на вооруженные действия Израиля против мирного населения. Получается замкнутый круг террористического насилия, который не может быть разорван, если считать один вид терроризма преступлением, а другой – оправданным.

Это имеет прямое отношение и к двойной логике, присущей некоторым западным политикам, которые превозносили чеченских террористов чуть ли не как борцов за свободу и независимость, закрывая глаза на то, что «свободолюбивые бандиты» устраивают взрывы жилых домов, в подземных переходах в Москве, на стоянках автобусов, захватывают больницы и школы, совершают действия, сопровождаемые гибелью десятков, сотен людей.

Неразборчивость в выборе методов осуществления политики оборачивается подчас всеобщей трагедией. Как известно, в период холодной войны Вашингтон под-

держивал борьбу исламистских сил против советского военного контингента в Афганистане. На волне этой борьбы и появился Усама бен Ладен. Убедившись в бессмысленности и ущербности своей военной акции, Советский Союз ушел из Афганистана, а феномен «Аль-Каиды» дорого обошелся всему миру, включая США. Советская политика тоже делалась не в белых перчатках. Но, понимая, какую огромную опасность таит в себе исламский экстремизм, собственно, как любой другой религиозный экстремизм, Москва никогда, даже в годы холодной войны, не использовала его как силовой фактор против Соединенных Штатов.

О том, насколько необходимы всеобщие усилия, объединение всех центров многополярного мира, чтобы противостоять международному терроризму, свидетельствуют даже не только страшные террористические акты в различных странах. Международный терроризм делает еще более опасными и другие вызовы и угрозы, с которыми сталкивается мировое сообщество:

- опасность распространения ядерного и других видов ОМУ усугубилась реальной возможностью сращивания с ним международного терроризма;

- неурегулированность региональных конфликтов, особенно ближневосточного, создает благоприятную почву для роста и усиления международного терроризма;

- еще более опасной стороной оборачивается существование некоторых недееспособных государств, то есть тех, где власти оказываются не в состоянии предотвратить гуманитарные катастрофы, геноцид, порождающий массовые убийства и сотни тысяч беженцев;

- опасность наркобизнеса усиливается в результате того, что он стал серьезным финансовым подспорьем для деятельности международного терроризма;

- религиозный экстремизм в ряде стран сращивается с международным терроризмом, а искры такого сращи-

вания способны поджечь костер сепаратизма; это уже дестабилизирует обстановку в некоторых государствах и может привести к еще более негативным последствиям.

VIII. США против ООН

Упор на одностороннее применение силы объективно сталкивает Соединенные Штаты с таким многосторонним механизмом поддержания мира и безопасности, как Организация Объединенных Наций. Взаимообусловлено развивались два процесса: переход США на платформу самостоятельных превентивных действий в случае возникновения определяемой ими же самими угрозы международной безопасности и дистанцирование Соединенных Штатов от ООН.

Негативное отношение Соединенных Штатов к Организации Объединенных Наций накапливалось годами. При президентстве Рейгана США перестали перечислять свои взносы в бюджет ООН, прекратили участие в ЮНЕСКО, высказав недовольство тем, что эта организация критически относится к ряду проявлений американской политики. При Буше-старшем и особенно при Клинтоне наметилось некоторое потепление: США начали погашать свои долги перед бюджетом ООН и отменили ранее введенный запрет на участие американских вооруженных сил в ооновских миротворческих операциях.

Приход к власти администрации Буша-младшего вновь обострил отношения США с ООН и рядом других международных структур. Д. Рамсфельд призвал прекратить американское участие в миротворческих операциях ООН, мотивируя это необходимостью «...вернуть военных, которых используют в мирных целях, на фронт»

(это заявление было сделано незадолго до американского вторжения в Ирак). Колин Пауэлл и его сторонники не смогли воспрепятствовать в 2002 году инициированному правыми республиканцами официальному отзыву подписи Билла Клинтона под Римским статутом – уставным документом Международного уголовного суда. Это было сделано вопреки настроениям, господствовавшим среди европейских союзников США. В марте 2003 года Ричард Перл опубликовал в британской газете «Гардиан» статью под красноречивым заголовком «Слава богу, ООН скончалась».

Все четче среди правой части республиканцев в США стал звучать тезис: современным условиям адекватна именно НАТО, которая может с большей эффективностью выполнять функции Организации Объединенных Наций. Импульс получили обсуждения в различных комиссиях конгресса США на тему, нужна ли вообще ООН. Несомненно, толчком к такой постановке вопроса стало несогласие ООН и ее генерального секретаря Кофи Аннана с американской политикой, и особенно интервенцией в Ираке. Острая критика в адрес США прозвучала в ряде ооновских документов, в частности, в докладе о положении с правами человека в тюремном лагере, организованном США на своей военной базе в Гуантанамо (Куба).

Можно считать, что, отражая реальные настроения в мировом сообществе, ООН при Кофи Аннана все больше становилась самостоятельным игроком на международной арене. И все отчетливее проявлялась неоспоримая истина – ООН по своему уставу несовместима с политической односторонних действий Соединенных Штатов. Именно с этим не соглашались США. Особенно неприемлемой для них стала практика, при которой постоянные члены ООН Россия и Китай имели право «вето» и использовали его в случаях несогласия с резолюциями, которые пробивали Соединенные Штаты. В таких усло-

виях, очевидно, в Вашингтоне посчитали: уж если и необходима международная организация для осуществления многосторонних мер, то она должна быть не нейтральной, а подчиняться Соединенным Штатам.

Не помогло и стремление Кофи Аннана найти приемлемый вариант реформирования ООН. В письме, адресованном мне как одному из участников Группы высокого уровня, К. Аннан писал 4 ноября 2003 года: «События прошедшего года (операция США в Ираке. – *Е.П.*) потрясли основы коллективной безопасности и подорвали веру в возможность многонациональных решений. Группа должна провести обсуждение, имея в виду необходимость продемонстрировать, что коллективным ответным действиям следует отдавать предпочтение не потому, что это дело принципа, а потому, что данное средство в практическом плане является более действенным и эффективным, чем любые ему альтернативные. Для этого я прошу Вас тщательно рассмотреть существующие отличные друг от друга угрозы и предлагаемые пути их решения, проблемы, вынуждающие некоторые государства чувствовать себя крайне уязвимыми, обсудить существующую обеспокоенность по поводу превентивной войны, незаконность использования этого средства в одностороннем порядке, а также другие темы, представляющие интересы для всех членов нашей организации. Только на такой основе мы сможем установить, какие необходимо предпринять шаги для повышения эффективности наших коллективных институтов».

Так Генеральный секретарь видел задачи, которые призвана решить созданная им группа. Доклад Группы он намеревался утвердить на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи, приуроченной к 60-летию ООН.

Когда доклад был готов, Генеральный секретарь ООН в письме от 20 декабря 2004 года на мое имя писал: «Вы и Ваши уважаемые коллеги не только оправдали, но и далеко превзошли все ожидания. Вы нашли единые подходы к решению вопросов, которые в течение многих лет

разъединяли и парализовывали международное сообщество... Оценка Группой коллективной безопасности в XXI веке укрепила мою надежду на то, что народы мира смогут предпринять подобные усилия для преодоления разногласий и достижения нового консенсуса в целях обеспечения “более безопасного мира”. Я уверен, что смелые и прагматичные предложения, выдвинутые Группой, внесут свой вклад в обновление нашей организации, и я планирую посвятить значительную часть наступающего года популяризации взглядов и рекомендаций, изложенных в Вашем докладе».

Действительно, ряд встреч Группы высокого уровня проходили в полемике, в сопоставлении разных взглядов, позиций, и, в конечном счете, удалось прийти к хорошему результату. Однако США, по сути, отвергли доклад Группы. Во всяком случае, он разделил участь материалов, публикуемых от имени ООН, а его рекомендации по приспособлению ООН для противодействия вызовам и угрозам миру и безопасности на современном этапе развития международных отношений были проигнорированы Вашингтоном, а Кофи Аннан, срок которого на посту Генерального секретаря ООН истекал, был переизбран.

IX. Размышления о модернизации ООН*

Появление новых вызовов человечеству создает принципиально иную международную обстановку, требующую усовершенствования механизмов Организации Объеди-

* Ряд излагаемых идей нашел отражение в докладе Группы высокого уровня.

ненных Наций. Но решению этой задачи не способствует искусственное деление угроз на «жесткие» и мягкие». «Жесткие» – это угрозы безопасности, которые возникают либо как результат агрессивных действий со стороны другого государства, либо как следствие развития некой нестабильной ситуации. «Мягкие» – все остальные: нищета, болезни, безработица и т. п. Деление угроз на две части оборачивается в конечном итоге идеей о том, что роль Организации Объединенных Наций должна ограничиваться противодействием «мягким» угрозам, так как ее механизм, дескать, не приспособлен к тому, чтобы быстро и эффективно реагировать на угрозы безопасности. Группа пришла к выводу о несостоятельности таких представлений.

Было отвергнуто провозглашение односторонних мер по применению силы на мировой арене в качестве замены коллективных действий, осуществляемых по решению Совета Безопасности ООН. В защиту унилатерализма не выступил и Б. Скоукрофт, который не разделял позицию руководства Буша-младшего по этому вопросу*.

Принципиальный вопрос: нужно ли искать в создавшихся условиях альтернативу Совету Безопасности внутри ООН в вопросах применения силы в том случае, «...если Совет не может или не хочет принять решение»? Сторонники такой линии используют в качестве прецедента корейскую войну, когда решение приняла Генеральная Ассамблея ООН. После длительного обсуждения на заключительном заседании Группы мне пришлось заявить, что если Генассамблея будет выдвинута в качестве органа, который даже при чрезвычайных обстоятельствах принимает решение о применении силы, то

* Известно, что Дж. Буш-старший рекомендовал сыну прислушаться к мнению генерала Скоукрофта – своего советника по вопросам национальной безопасности.

отказываюсь поддержать доклад в целом. Соответствующий параграф из доклада был исключен.

В Уставе ООН заложены все возможности коллективного противодействия угрозам безопасности и стабильности – это, пожалуй, стало одним из главных выводов доклада. Правда, Совет Безопасности ООН не всегда оказывается в состоянии оптимальным образом использовать имеющиеся у него полномочия. Однако надо отметить, что СБ ООН уже доказал на деле свою способность по-новому, именно по-новому подойти к применению положений Устава ООН. Например, после событий 11 сентября 2001 года Совет Безопасности дал, по сути, новую интерпретацию статьи 51 Устава ООН, подведя базу под применение силы в порядке самообороны в случае нападения негосударственного формирования на государство. Можно напомнить и о таких мерах, как введение решением Совета Безопасности санкций против движения «Талибан» и создание Контртеррористического комитета Совета Безопасности (КТК). Совбез принимал также решения и о силовых мерах в поддержку демократии и прав человека, например, резолюцией 940 от 31 июля 1994 года уполномочил государства – члены ООН «...сформировать многонациональные силы... и использовать все необходимые средства» в целях восстановления демократии на Гаити.

Совет Безопасности ООН, таким образом, продемонстрировал способность адаптироваться к ситуации, сложившейся после появления новых вызовов и угроз. Вместе с тем надо признать, что в Уставе ООН отсутствуют критерии, которые могли бы лежать в основе принятия решения о применении принудительных мер. Следует ли из этого, что нужно изменить устав? «Критерии вмешательства», как представляется, могут быть утверждены резолюцией СБ ООН, и при этом нет необходимости вносить поправки в сам устав.

Ситуации, угрожающие миру и безопасности, связаны не с недостатками Устава ООН, а с вопиющим нарушением его положений. Однако это не снимает остроту необходимости повысить эффективность Совета Безопасности ООН. Конечно, его состав и структура, определенные исходя из расклада сил после Второй мировой войны, не могут сохраняться вечно. Давно прошли те времена, когда Германию и Японию отличало от других стран – членов ООН прежде всего поражение в войне. За многие десятилетия существования Организации Объединенных Наций произошли и другие серьезные изменения на мировой арене. Целый ряд бывших колоний и полуколоний стали суверенными государствами и теперь играют активную самостоятельную роль в международной политике, наращивают свой удельный вес в мировой экономике (например, Индия). Следовало бы привести состав Совета Безопасности ООН в соответствие с современными реалиями. Речь может идти об увеличении числа его и постоянных, и непостоянных членов. Целесообразно также четче соблюдать принцип географического представительства в Совете Безопасности, особенно в отношении Африки и Латинской Америки. Однако значительное расширение числа членов Совбеза противоречит идее сохранения и усиления дееспособности ООН.

Что касается проблемы права вето, то нужно прямо сказать, что Организация Объединенных Наций как многосторонний механизм, эффективно действующий во благо мира и безопасности, не может существовать без этого права. История Лиги Наций в этом плане весьма поучительна. Но не менее губительно для ООН предоставлять право вето большому числу стран. Представляется, что такое право должно принадлежать лишь нынешней «пятерке» постоянных членов СБ ООН.

Излюбленный аргумент критиков ООН заключается в том, что постоянные члены Совета Безопасности зачас-

тую не способны находить консенсус по вопросам, касающимся силового реагирования на наиболее острые угрозы безопасности. Но эти утверждения несправедливы для тех случаев, когда дело касается бесспорных ситуаций, чреватых угрозами международной безопасности. Чтобы расширить возможности согласования в рамках Совета Безопасности решений по кардинальным проблемам, постоянные члены Совета Безопасности могли бы, к примеру, выступить с политически обязывающим заявлением, что будут прилагать усилия для достижения согласия по ключевым вопросам безопасности и стабильности.

Необходимо направить усилия на эффективное использование не только Совета Безопасности, но и других ооновских структур кризисного регулирования, а также, если нужно, на их адаптацию к новым угрозам. Прежде всего, это касается Контртеррористического комитета и Комитета СБ ООН по санкциям в отношении «Аль-Каиды», талибов и связанных с ними лиц и организаций (Комитет 1267).

Следовало бы обсудить идею разработки хартии антитеррористических действий, которая содержала бы набор конкретных обязательств по ликвидации террористических организаций и их отделений, перекрытию финансовых потоков, предотвращению транзита оружия, взрывчатки, боевиков, выдаче лиц, обвиняемых в терроризме (по списку «антиталибского» комитета). Неучастие в режиме, установленном хартией, рассматривалось бы как неприемлемое. Кстати, именно такое неучастие могло бы стать основанием для осуждения того или иного режима с последующими санкциями в различных формах.

Чтобы Организация Объединенных Наций стала работающим механизмом, альтернативой единолично принимаемым решениям о применении силы она, как представляется, должна приобрести военное измерение.

Необходимо не только продолжать практику осуществления по решению Совета Безопасности операций в формате коалиции заинтересованных государств (имеется опыт таких действий в Албании, Восточном Тиморе, Афганистане), но и продумать также систему мер по укреплению собственного ооновского потенциала проведения многофункциональных операций по поддержанию и, если потребуется, восстановлению мира (с силовым компонентом). В связи с этим, по моему мнению, целесообразно создание постоянных ооновских сил быстрого развертывания. Они могли бы быть дислоцированы с учетом «горячих точек». Кроме того, ООН может подписать с рядом региональных организаций и отдельными государствами специальные соглашения о том, что в случае принятия Совбезом соответствующего решения они направляют свои подразделения быстрого развертывания либо для операций под флагом ООН, либо для совместных с ООН действий.

Еще одно перспективное направление – формирование в Организации Объединенных Наций своего рода экспертно-аналитического пула, состоящего из представителей заинтересованных и располагающих солидными разведывательными возможностями государств. Уже сейчас происходит обмен информацией между спецслужбами различных стран в целях борьбы с терроризмом, раннего выявления кризисов и выбора оптимальных средств их нейтрализации. Однако американский опыт, когда даже наличие определенной информации не помогло заранее раскрыть планы террористов, готовивших нападение 11 сентября, свидетельствует о необходимости совместного анализа получаемых сигналов и постоянного мониторинга за кризисными ситуациями.

Следует создать в ООН структуру, способную выполнять практические функции по управлению и в посткон-

фликтных условиях, а также координировать восстановительные и другие реабилитационные проекты ООН.

Я, естественно, не претендую на исчерпывающие предложения по модернизации ООН. Многие из изложенных идей нашли свое отражение в докладе Группы высокого уровня. Главное же в том, что ООН имеет хорошую основу и при определенной модернизации ее механизмов не нуждается в какой-то альтернативе.

Глава III ТУПИКИ ОДНОПОЛЯРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ

Критерием истинности той или иной теории является практика. Мы в Советском Союзе убедились, что построение социализма в отдельно взятой стране – утопия. Утопическими оказались представления и о том, что наличие СССР революционизирует весь мир, а отсюда совсем недалеко до мировой революции. Жизнь решила по-другому. Столкновения с реальностью не выдерживает и теория, согласно которой США могут в настоящее время по своему образцу и подобию демократизировать остальной мир, в том числе путем одностороннего применения силы. Мир оказался гораздо сложнее представлений о возможности его коренных изменений при помощи доктрины унилатерализма.

I. Провал с обоснованием интервенции

Неоконсерваторам, которые задолго до операции в Ираке намечали его в качестве первого объекта одностороннего применения американской военной силы, нужен

был мотив, способный убедить в необходимости этого американское общество и заручиться хотя бы молчаливым согласием союзников. Тогда и появились обвинения Ирака в том, что он уже овладел ядерным оружием или, осуществляя интенсивную военную ядерную программу, по крайней мере, близок к этому.

Известно, что в течение целого ряда лет реальное положение дел в Ираке с ядерным оружием пыталась выяснить Спецкомиссия ООН, но безуспешно. Россия делала все, чтобы создать условия для бесперебойной работы этой комиссии. Усилия в этом направлении оказались необходимы, так как зарывавшийся Саддам Хусейн порой требовал исключить из объектов осмотра президентские дворцы или убрать из комиссии американцев. Положение выравнивалось каждый раз путем настойчивого давления России на Саддама Хусейна в пользу сотрудничества со Спецкомиссией. Я это знаю, так как принимал непосредственное участие в качестве министра иностранных дел, да и роль России могут подтвердить мои тогдашние коллеги, в том числе госсекретарь США Мадлен Олбрайт. И все это делалось нашей страной, несмотря на то что, по признанию заместителя руководителя комиссии Риттера, ряд американских специалистов действительно проявлял, вопреки мандату Спецкомиссии, интерес к внутреннему расположению помещений в саддамовских дворцах, подходам к ним.

Помню также, какое гнетущее впечатление на меня произвел разговор с руководителем Спецкомиссии Батлером во время его пребывания в Москве. На мой вопрос, может ли Спецкомиссия закрыть ядерное и ракетное досье, так как, судя по всему, ничего не обнаружено, Батлер ответил: договоритесь с США, и я это сделаю. Батлер был давно связан с ЦРУ, об этом знали многие, но такого цинизма я от него все-таки не ожидал. Дело, видите ли, не в объективном характере проверки, а в согласии США на оговоренные результаты.

При всех обстоятельствах все-таки верх брала наша уверенность в том, что следует оказать всяческое содействие Спецкомиссии ООН, чтобы выявить реальное состояние дел с ядерным оружием в Ираке. Мы не могли пренебречь и таким достижением Спецкомиссии, как расположение мониторинговых устройств, способных давать информацию с объектов и после проводимых инспекций. Саддам Хусейн, кстати, ни разу не поднял руку на эти устройства.

Поиски Спецкомиссии ООН закончились, как известно, безрезультатно. Собственно, они даже не закончились, так как им на смену пришла американская военная операция в Ираке. Ее первоначальным обоснованием стали заявления должностных лиц США, что американские военные специалисты не в пример Спецкомиссии ООН обязательно обнаружат следы ядерного оружия в Ираке. Но и они ничего не нашли, и созданную с этой целью группу из экспертов американских вооруженных сил пришлось ликвидировать. А глава группы генерал Дэвид Кэй подал в отставку, заявив, что в Ираке не удалось обнаружить ничего, свидетельствующего о наличии в этой стране ядерного, химического или бактериологического оружия.

Можно считать, что все силы американской разведки были задействованы для того, чтобы подтвердить другое обвинение против Ирака, которое послужило бы оправданием военной операции США – «связи Багдада с международным терроризмом». Официальные лица США заявляли во всеуслышание о тесных отношениях, которые, мол, установил Багдад с «Аль-Каидой». Эти обвинения тоже не выдержали соприкосновения с действительностью. Не кто иной, как директор ЦРУ США, выступая на слушаниях в американском конгрессе, заявил, что у Ирака не было никаких связей с бен Ладеном и его организацией. Таким образом, оказался мыльным пузырем и

другой мотив американского вторжения в Ирак. Администрации США в конце концов пришлось, по сути, признать, что Ирак не мог угрожать безопасности США или их союзников.

Потерпев неудачу с версиями тайного выхода Ирака на обладание ОМУ и его связей с «Аль-Каидой», США стали мотивировать свои действия уже не угрозами безопасности, исходящими из Ирака, а стремлением распространить демократию на эту страну. При этом подразумевается американская модель демократии, не имеющая, как уже говорилось, ничего общего ни с историческими, ни с религиозными традициями, ни с социально-экономическим положением, ни со сложившимся менталитетом иракского и других арабских народов. Кстати, со стороны видны промахи и самой американской демократии. Во всяком случае, ее абсолютная непригодность для универсального внедрения.

Конечно, Ирак не отделен стеной от остального мира и стал объектом технико-технологического прогресса, подвергается влиянию общедемократических мировых веяний. Но это не повод для того, чтобы причесать Ирак, да и другие страны, под американскую «демократическую гребенку».

Полный провал с определением критериев опасности, которая якобы исходила из Ирака для США, других государств и требовала незамедлительного применения силы, является показателем того, что унилатерализм не способен быть средством выявления реальных угроз для мирового сообщества. В одиночку США оказались бессильными решить эту задачу. Вместе с тем, как показали события в Ираке, сам механизм определения реальных вызовов и опасностей, содержащийся в доктрине унилатерализма, служит исключительно политике одного государства – Соединенных Штатов. Об одном из мотивов этой политики на иракском направлении авторитетно и

откровенно заявил бывший глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен, назвав в качестве истинной причины вторжения в Ирак «поход за нефтью».

II. Оккупация Ирака: явные просчеты

Оккупируя Ирак, США исходили, очевидно, из того, что иракцы будут приветствовать оккупационные силы как освободителей. На самом деле эти «приветствия» вылились в вооруженное сопротивление. В администрации США считали, что с арестом Саддама Хусейна сократится сопротивление. Этого не произошло, так как против оккупационных сил выступают главным образом не сторонники свергнутого режима, а широкие слои населения, для которых абсолютно неприемлема иностранная оккупация.

В Белом доме, судя по всему, исходили из того, что послевоенное обустройство Ирака не будет представлять особых трудностей. Сначала ставка была сделана на политических эмигрантов, покинувших страну при режиме Саддама Хусейна. Рассчитывали, что они возглавят государственную машину, которая стабилизирует обстановку. Политические эмигранты возвратились, однако стало ясно, что они скорее сосредоточились на борьбе друг с другом, а их роль в руководстве страной оказалась мизерной, так как у них попросту не было никакой опоры в массах.

Тогда стало ясно, что возвратившиеся эмигранты «не делают погоды», а борьба против оккупационных сил в тот период опиралась на «суннитский треугольник»*.

* Территория в центре Ирака, населенная преимущественно арабами-суннитами. Ставка была сделана на то, чтобы «нейтрализовать» суннитов с помощью иракских шиитов. При Саддаме Хусейне шииты, составляющие

Одним из прямых результатов операции США стало превращение Ирака в плацдарм «Аль-Каиды». Произошла массовая переброска боевиков-террористов в Ирак из Афганистана и Пакистана. Стремясь укрепиться в этой стране, боевики «Аль-Каиды» стали не только использовать в своих интересах, но разжигать вспыхнувшие после американской оккупации кровавые столкновения между иракскими шиитами и суннитами, принявшие характер религиозной войны. Объектами взрывов стали мечети, в которых погибали сотни молящихся. Многие акции против шиитских мечетей, в частности в Самарре, организовывались и осуществлялись боевиками «Аль-Каиды», базировавшимися в «суннитском треугольнике» в центре Ирака.

Отряды «Аль-Каиды» установили тесные отношения и с ушедшими в подполье группами баасистов. Здесь начала сказываться еще одна грубая ошибка США: после захвата Багдада американцы решили перенести на Ирак оккупационную модель, использованную ими в Западной Германии. Там, совершенно очевидно, были уместны и объявление вне закона правящей при Гитлере партии, и ликвидация гитлеровских армейских и полицейских структур. В Ираке положение было другим. Массовая партия «Баас», членами которой состояли 2 млн иракцев, вобрала в себя главным образом людей не по политико-идеологическим, а по карьерным соображениям. Это был трамплин для занятия государственных постов или продвижения по службе. В результате все мало-мальски способные менеджеры, администраторы, офицеры оказались в рядах «Баас». Кроме того, эта партия была единственной в Ираке, в которой – конечно, мягко

большинство населения Ирака, действительно были задавлены. Поэтому расчеты строились на шиитскую поддержку сил, которые свергли режим Саддама Хусейна. Однако оказалось, что не так все просто. Среди шиитского населения тоже росла непримиримость к иностранной оккупации, что проявилось в ряде восстаний шиитов против оккупационных войск.

говоря, в различных пропорциях – находились арабы и курды, сунниты и шииты, лица других национальностей и конфессий. А после оккупации был введен запрет на привлечение бывших членов «Баас» для занятия любых важных должностей. Аналогичная ситуация сложилась и с армией, и полицией.

Действуя по принципу разрушить все, что было при Саддаме Хусейне, оккупационные власти прошли мимо возможности частично использовать уже отлаженные механизмы, развернув их на стабилизацию обстановки в Ираке. Сделать это, естественно, при необходимой фильтрации было возможно, так как без средств к существованию, враз лишившись денежного довольствия, оставались и военные, и полицейские. В результате возник вакуум власти, который начали заполнять главным образом представители шиитской общины, значительно менее компетентные, чем те, кто оказался с клеймом «баасист».

В Вашингтоне явно не учли, что разгром Ирака в стратегическом плане ликвидирует баланс сил на Ближнем и Среднем Востоке, где в качестве региональной державы сразу же начал себя проявлять Иран. Это стало серьезнейшим фактором воздействия на шиитскую общину Ирака, в которой резко усилились проиранские элементы. Иран получил дополнительные возможности в своих отношениях с Сирией по влиянию на внутреннюю ситуацию в Ливане. Ряд обозревателей даже заговорили о создании «шиитского пояса» на Ближнем Востоке. Безусловно, это усилило позиции Тегерана в противостоянии со значительной частью мирового сообщества по ядерной проблеме.

Администрация Буша-младшего, будучи под влиянием неоконгов, отказывалась от советов и рекомендаций американских опытных политиков-реалистов. Так, не были приняты во внимание выводы двухпартийной комиссии, созданной конгрессом и возглавляемой бывшим

(при Буше-старшем) госсекретарем Дж. Бейкером и сенатором-демократом Гамильтоном*. Большую роль в ее работе сыграл лучший, пожалуй, американский специалист-ближневосточник Э. Джареджян – бывший посол США в Сирии. Комиссия рекомендовала, в частности, незамедлительно приступить к переговорам с Ираном и Сирией. Контакты, которые установил американский посол в Багдаде с иранскими представителями невысокого ранга, естественно, не были адекватными крупномасштабным переговорам, предлагаемым комиссией Бейкера – Гамильтона²⁰. К тому же эти контакты происходили на фоне непрекращающихся угроз совершить удары по Ирану и Сирии.

Всем этим в полной мере пользовались боевики из «Аль-Каиды». Можно считать, что «однополярная» военная операция США в Ираке открыла «Аль-Каиде» второе дыхание. Положение стало меняться, но лишь в начале пятого года оккупации Ирака. Причем это произошло не после того, как президент Буш увеличил американский вооруженный контингент в Ираке, а когда американцы начали конфиденциальные контакты с суннитскими повстанцами, а также финансировать и поставлять оружие суннитским племенам, подталкивая их к разрыву с «Аль-Каидой». Во второй половине 2007 года, по утверждениям американцев, контакты с шейхами племен позволили вытеснить боевиков «Аль-Каиды» из суннитской провинции Анбар. Представители армии США ус-

* Одним из авторов комиссии был Р. Гейтс, ставший впоследствии министром обороны.

Бывший федеральный канцлер Германии Г. Шредер в интервью журналу «Шпигель» (2008. № 34. С. 90–94) сказал: «Конец однополярного американского мира связан не только с продвижением демократического кандидата Обамы, но и с политикой рационально мыслящих республиканцев. Если вы ознакомитесь с внепартийным докладом Бейкера – Гамильтона о будущем Ирака, то легко поймете, что у следующего президента США не будет иных шансов, кроме как действовать в многополярном мире».

тановили отношения также с традиционными лидерами в других провинциях Ирака с преобладающим суннитским населением.

Однако эти подвижки не приобрели необратимого характера. Вместе с тем выросли антиамериканские и антиправительственные настроения в шиитской части населения – в Басре, на юге страны и в шиитском районе Багдада – Мадинат-Садре.

Характерным проявлением этого были вспыхнувшие в марте 2008 года бои между иракской армией, поддержанной оккупационными силами ударами с воздуха, и боевиками, сгруппировавшимися вокруг «Армии Мах-ди», руководимой популярным в Ираке имамом Муктадой ас-Садром. В мае 2008 года иракская армия заняла позиции в Мадинат-Садре. По некоторым оценкам, столкновения в этом районе Багдада унесли жизни около тысячи человек, ранения получили более трех тысяч. Трудно предположить, что это все пройдет бесследно. Тем более что руку на пульсе иракской шиитской общины держит Иран, заинтересованный в сохранении на нее своего влияния, далеко не всегда совпадающего с американским.

Положение усугубляется тем, что отказались участвовать в центральном правительстве и вышли из него сторонники радикального шиитского лидера Муктады ас-Садра, бывшего премьер-министра И. Аляви и министры-сунниты.

Из всего этого видно, что, несмотря на все предпринимаемые оккупационными властями меры, еще далеко до национального примирения. Явно мешает этому тенденция к созданию в Ираке исламского государства, развившаяся после оккупации страны. Шиитское сообщество представлено в парламенте и в правительстве исключительно религиозными партиями.

Навряд ли осуществимы планы федерального устройства Ирака, в чем Вашингтон видит ключ к разрешению

проблемы. В условиях уже состоявшейся автономии курдов федерализация страны сводится к созданию автономий по религиозному принципу – суннитской и шиитской. Это весьма трудное, если вообще осуществимое мероприятие, в том числе в связи с чересполосицей проживания суннитов и шиитов в Ираке.

Насколько умнее и опытнее оказались Буш-старший и его команда, включающая Скоукрофта, Бейкера, Пауэлла, которые в 1990 году сначала создали коалицию, состоящую в том числе из арабских стран, заручились поддержкой мирового сообщества, а затем по решению Совета Безопасности ООН силой заставили Саддама Хусейна уйти из оккупированного иракской армией Кувейта. И самое главное – ограничились военными действиями в Кувейте и не поставили своей целью оккупировать Ирак, захватить его столицу Багдад. В совместной книге президент Буш-старший и его советник по национальной безопасности Brent Скоукрофт, объясняя принятие решения, пишут, что в случае оккупации Ирака, «...коалиция сразу бы перестала существовать», никто «...не хотел развала Иракского государства», «...не было реальной стратегии вывода сил». «Если бы мы пошли по пути вторжения, – пишут авторы, – Соединенные Штаты до сих пор наверняка были бы оккупационной державой в стране с ярко выраженным враждебным отношением населения», и «нас беспокоило сохранение баланса сил в Заливе в долгосрочной перспективе»*.

Это было написано в 1998 году. Не думаю, что Буш-младший, Чейни, Рамсфельд и плотно окружившие их неоконны серьезно отнеслись к этому анализу. А стоило бы.

* *Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. – New York, 2005. P. 489.*

III. А как в Иракском Курдистане?

Положение здесь резко отличается от остальной части страны стабильностью и безопасностью обстановки. Но это не означает отсутствие проблемы, в том числе для державы, оккупирующей Ирак.

В мае 2008 года я побывал в Иракском Курдистане. Характерно, что получил приглашение посетить Курдистанский район Ирака (КР), а не Багдад от президента Ирака курда Джалаля Талабани, с которым меня связывают отношения, завязавшиеся сорок с лишним лет назад. Талабани прилетел на встречу со мной из Багдада в Сулейманию. После длительных бесед с Талабани перелетел из Сулеймании в Эрбиль – нынешнюю столицу Иракского Курдистана. Поразил невиданный размах строительства в этом городе, в котором сейчас проживает миллион двести тысяч жителей. У руководства Курдистанского района стоит семья Барзани, известная своей многолетней борьбой за права иракских курдов. Двери официальных резиденций и простых жилых домов были широко открыты – сказались мои дружеские отношения с главой семьи, покойным Муллою Мустафой Барзани. В конце 60-х годов, будучи корреспондентом «Правды», неоднократно встречался с ним, и по указанию из Москвы принимал участие в выработке соглашения о мире между курдами и Багдадом, подписанного в марте 1970 года. Через пять лет после его подписания на севере Ирака возобновились вооруженные действия, но тем не менее соглашение 1970 года было весьма важным, так как провозглашало автономию иракских курдов.

После свержения режима Саддама Хусейна курды, составляющие около 20 процентов населения Ирака (4–5 млн человек), добились очень много. Собственные вооруженные отряды – пешмерга, полиция, таможня, 18

процентов всех доходов от экспорта нефти, полное отсутствие в Иракском Курдистане чиновников из центра, играющих сколько-нибудь влиятельную роль, и наряду с этим сильные позиции в центральной власти: пост президента Ирака, вице-премьера, министров иностранных дел, планирования, промышленности, жилищного строительства и реконструкции, водных ресурсов, по делам окружающей среды, вице-спикера парламента – такова общая картина.

Некоторые характеризуют ее как государство в государстве. Действительно, в КР свой президент, правительство, парламент. Но я бы сделал другой вывод: осуществились идеи Муллы Мустафы Барзани, сражавшегося, как он мне говорил, за настоящую автономию курдов и их влияние – тоже в реальности – на политику Багдада. Однако возникает вопрос – он все время прокручивается в головах политиков, журналистов политологов, следящих за обстановкой на севере Ирака – не продвигается ли таким путем дело к созданию самостоятельного курдского государства? Я этот вопрос задал Масуду Барзани – президенту КР, и другим курдским руководителям. Ответ ныне, по сути, был таким же, как тот, который в конце 60-х годов дал глава семьи Барзани: наша задача добиться самоопределения курдов, не выходя из Ирака. Мотивация такого решения была тогда образно представлена в словах Барзани-старшего: «Меня палкой не выгонишь из Ирака. Разве я не понимаю, что самостоятельное курдское государство будет сразу же иметь против себя объединившиеся Ирак, Турцию, Иран и Сирию. Они не без причины будут опасаться, что созданное курдское государство подтолкнет к присоединению к нему проживающих в этих странах курдов».

Такие же аргументы высказывали мне и нынешние курдские руководители. При этом они ссылались также и на «свободу рук», полученную ныне в составе Ирака,

особенно в экономическом плане. Как сказал мне председатель правительства КР Нечирван Барзани, и эту мысль подтвердил спикер парламента КР А. Муфти, с Багдадом нужно в экономическом плане согласовывать лишь контракты с компаниями в области добычи нефти и газа в районе, а все остальное решается на месте. Подтверждением этих слов служит наплыв иностранных компаний в КР – их привлекает стабильность, безопасность в районе и, естественно, финансовые возможности местных властей в сочетании с прогнозами пока еще не подтвержденных, но вполне вероятных больших природных богатств Иракского Курдистана.

У иракских курдов установились хорошие отношения с США. Это, пожалуй, единственный район в Ираке, население которого не требует вывода оккупационных войск. Но насколько безоблачными будут эти отношения в будущем? Тем более что далеко не застраховано развитие отношений Эрбиля с Багдадом. Не хочу предрекать худшее, но многое может измениться особенно при окончательном определении границ Курдистанского района Ирака. Так, в середине 2008 года обстановка накалилась, когда премьер аль-Малики потребовал, чтобы отряды курдов покинули север провинции Диала, город Ханакин. Население этой части провинции в основном курдское. Дело чуть ли не дошло до столкновений иракской армии с пешмерга.

Но основные противоречия могут развернуться в связи с районом и городом Киркук. Курды фактически контролируют сейчас этот город и прилегающие к нему богатейшие нефтяные территории. Подтвержденные запасы нефти Киркукского района составляют 10 млрд баррелей. По идее, согласно конституции Ирака, должен состояться референдум, призванный решить статус Киркука и его района, на который не без исторических причин претендуют курды. В Эрбиле мне передали ксеро-

копию карты времен Османской империи, на которой Киркук и его район однозначно отнесены к «вилайету, населенному курдами». Вместе с тем арабское большинство населения Ирака против присоединения Киркука к курдской автономии. При Саддаме Хусейне из района Киркука были насильственно переселены на юг Ирака десятки тысяч курдских семей – в настоящее время многие из них вернулись.

На Киркук претендуют и проживающие на севере Ирака туркмены. В 1995 году был основан Иракский туркменский фронт. После падения режима Саддама Хусейна фронт начал требовать создания автономии в тех районах, где проживают туркмены. Претензии были предъявлены и на Киркук. Выступая на конференции в Нью-Йорке 29 июля 2007 года, председатель фронта Салахатдин Эргеч прямо заявил, что борьба фронта имеет своей целью сохранить Киркук как столицу иракских туркмен или добиться особого статуса для этой провинции.

Категорически против присоединения района Киркука к КР Турция, получающая из этого района более 400 тысяч баррелей нефти ежедневно. Турецко-курдские отношения желают много лучшего не только из-за территориальных споров, особенно вокруг Киркука. В горах Северного Ирака базируются боевики созданной турецкими курдами Рабочей партии Курдистана (РПК), требующей создания в Турции курдской автономии. Вооруженные столкновения турецкой армии с боевиками РПК в 2008 году были перенесены с территории Турции на приграничную часть Северного Ирака, куда перебазировались курдские боевики. Периодические бомбардировки, сухопутные вылазки турецкой армии создают напряженность между Эрбилем и Анкарой. Представляется, что не лучшая политика США в этой ситуации – фактическое согласие на такие действия своего союзника по

НАТО Турции, и даже более того – передача турецкой армии разведывательных данных о местах скопления боевиков РПК. Из бесед с курдскими руководителями в Эрбиле я вынес убеждение в их желании мирного разрешения возникшей напряженности с Турцией, в хороших отношениях с которой явно заинтересованы иракские курды, в том числе по экономическим соображениям. Однако добиться договоренности с Турцией пока не удается.

Представитель Генерального секретаря ООН Стефан де Мистура справедливо назвал вопрос административной принадлежности курдских земель способным породить длительный очаг вооруженных конфронтаций в Ираке. США, которые оказывают самое непосредственное влияние на развитие обстановки в Ираке и вокруг него, как мне представляется, слабо учитывают это немаловажное обстоятельство.

Что касается внутривосточной ситуации в Курдистанском районе Ирака, то в настоящее время она вполне стабильная. Нужно надеяться, что окончательно в прошлое ушли соперничество между семьей Барзани и Талабани и борьба между двумя ведущими курдскими партиями – Демократической партией Курдистана (Барзани) и Патриотическим союзом Курдистана (Талабани), неоднократно порождавшая вооруженные столкновения и приведшая к существованию двух курдских правительств – в Эрбиле и Сулеймании. Масуд Барзани договорился с Джалялем Талабани о разделе функций: второй стал президентом Ирака, а первый возглавил Курдскую автономию в Ираке, которая ныне предстает в виде объединения двух провинций – Эрбиля и Сулеймании.

В Иракском Курдистане образовывается сплав традиционных и молодых лидеров. Некоторые западные политики предрекают усиление разногласий между ними.

Навряд ли это выльется в откровенное соперничество. Лидером молодых считают, не без оснований, премьер-министра Регионального правительства Курдистана Нечривана Барзани – внука Муллы Мустафы Барзани и сына умершего в 1987 году Идриса. Я хорошо был знаком с его отцом, который всегда выступал в паре со своим младшим братом (но от разных матерей) Масудом. Во время моей встречи с президентом Масудом Барзани 10 мая 2008 года он сказал мне, что смерть Идриса для него была даже большим горем, чем смерть отца. Нечриван женат на дочери своего дяди – Масуда. В этом отношении намек со стороны западных экспертов на разные «кланы» Барзани, как представляется, далек от действительности. Конечно, это люди разных поколений даже по внешнему виду. Не расстающийся с традиционным одеянием племени Барзан президент Масуд и с иголки одетый в европейский костюм с отлично подобранным галстуком премьер-министр Нечриван. Знакомство и беседы с этим незашоренным политиком, признающим ошибки, которые привели к ряду поражений курдского освободительного движения, верящим в возможность построения безусловно светского (курды вообще не очень религиозны), демократического общества в КР, оставили большое впечатление.

Встреча с другим представителем власти новой формации, руководителем Национального агентства безопасности и разведки сыном Масуда Барзани Масруром, подтвердила позитивный настрой молодых лидеров. Очень важно, что они прошли не только через участие в вооруженных отрядах пешмерга, но и учебу в университетах. Очевидно, эти люди – будущее Иракского Курдистана. Причем, мне кажется, переход к этому будущему обойдется без серьезных конфликтов.

Еще раз почувствовал, находясь на севере Ирака, насколько, несмотря на приверженность курса стратегического партнерства с США, сохраняется в неизменности

добрая, дружеская предрасположенность курдов к России. Власти КР говорят о своей готовности широко открыть двери для российского предпринимательства, к сожалению практически не представленного в курдской автономии. На севере Ирака проживают еще десятки советских женщин – многие из них вдовы, в свое время выехавшие из Советского Союза со своими мужьями-курдами*. Они перенесли страшные тяготы жизни, вместе с мужьями и детьми сражались за права курдов. Участники встречи с ними не смогли сдержать слезы. Сотрудничая с генеральным консульством России, открытым в Эрбиле, они и оставшиеся в живых члены их семей (все говорят по-русски), несомненно, служат укреплению российско-курдских отношений.

IV. Уйти, чтобы остаться

Нормализации положения в Ираке мешает неопределенность с перспективой вывода американских войск. Вскоре после первых признаков неудачи в стабилизации иракской ситуации и усилившихся антиамериканских настроений во всем мире США резко приглушили первоначальную браваду: дескать, мы сами решим все проблемы, связанные с операцией в Ираке. Последовали обращения к союзникам с просьбами о хотя бы символическом присутствии в оккупационных силах. Откликнулись немногие, да и то через какое-то время, некоторые

* Двенадцать лет в эмиграции в СССР находились М.М. Барзани и несколько сотен его соплеменников, вернувшихся на родину после победы иракской революции в 1958 г. Подробнее об этом в моей книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами» (М., 2006).

отказались от участия своими вооруженными контингентами в операции в Ираке. Испания, Австралия вывели свой военный персонал из Ирака. Ряд стран сократил свое участие, даже такой верный союзник США, как Великобритания.

Вопреки первоначальным заявлениям, что, осуществляя свою операцию, США не нуждаются в присутствии ООН в Ираке, последовала просьба к Совету Безопасности ООН о мандате на нахождение в этой стране «многонациональных сил» (МНС), преобладающая часть которых – надо отдать должное, этого никто не скрывает – войска Соединенных Штатов. 18 декабря 2007 года Совет Безопасности ООН по обращению иракского правительства в очередной раз продлил мандат МНС. Однако под воздействием внутрииракской ситуации премьер-министр Нури аль-Малики указал в этом обращении, что продление – последнее.

На смену резолюциям Совета Безопасности ООН о продлении должно прийти американо-иракское соглашение о партнерстве. По сути, это соглашение призвано узаконить создание американских военных баз в Ираке. Характерна та обстановка, в которой готовилось это соглашение. Заместитель председателя комитета по вопросам безопасности и обороны иракского парламента Ас-Самараи в интервью эмиратской газете «Галф ньюс» признал, что переговоры очень сложны для иракцев – представители США отвергли те условия и ограничения, которые иракские переговорщики пытались установить для американских вооруженных сил, остающихся в стране на этих базах. Выявились большие разногласия и по числу баз. Наверяд ли прорывной в этом плане можно считать договоренность между президентом Бушем и премьер-министром аль-Малики, что в соглашении должны быть указаны «общие временные горизонты» для передачи контроля иракским силам над городами и

провинциями страны и связанное с этим уменьшение численности американских войск в Ираке.

Не могу не согласиться с мнением профессора Багдадского университета Х. Хасана, который заявил корреспонденту «Галф ньюс», что размещение американских военных баз на долговременной основе в Ираке станет «дополнительным осложняющим фактором», препятствующим достижению внутрииракского согласия. Переход на базовый принцип чреват для США и возрастающими сложностями в оправдании своего военного присутствия в Ираке. В ответ на широкие требования к администрации США определить время вывода войск, как правило, американские представители ссылались на то, что даже определение графика может вызвать усиление нестабильности в Ираке. Но какое отношение к внедрению стабилизации и сохранению ее на длительный период имеет создание американских баз на иракской территории?

Еще один просчет связан с надеждами США на сближение шиитских организаций с курдами. Согласие между ними может иметь лишь тактический характер с целью создания правительства. Но слишком разные интересы у этих двух групп населения Ирака. К тому же никакая стабилизация не произойдет при изоляции суннитской части иракского населения – не нужно забывать, что она составляет 40 процентов.

Будущее Ирака может быть построено только на трех основах. Первая – окончание иностранной оккупации и передача всей полноты власти в руки самих иракцев. Вторая – такая модель управления страной, которая учла бы интересы арабов и курдов, шиитов и суннитов. Третья – категорический отказ всех сопротивляющихся оккупации иракских сил от поддержки в любой форме террористических организаций и групп, в результате преступных действий которых гибнут сотни тысяч мирных людей.

Освободительная борьба и терроризм – понятия разные, несовпадающие. Их объединению не может быть никаких оправданий.

V. Забыли про Афганистан

Крайне негативным последствием одностороннего решения по Ираку является тот факт, что американская операция в этой стране отвлекла внимание от необходимости объединения усилий мирового сообщества для борьбы с международным терроризмом. Произошло несомненное снижение интереса к антитеррористической операции в Афганистане. А там события стали развиваться совсем не по тому сценарию, который США начали осуществлять в 2001 году при широкой поддержке со стороны преобладающего большинства государств.

Прежде всего, не удалось нейтрализовать руководителя «Аль-Каиды» бен Ладена. Судя по многочисленным публикациям, он скрывается в зоне пуштунских племен на границе с Пакистаном, главным союзником США в антитеррористической операции (так назвал его президент Дж. Буш). Судя по сообщениям средств массовой информации, там же базируется и глава свергнутого режима «Талибан» мулла Мухаммад Омар. Периодически подаются голоса, призывающие всех не на жизнь, а на смерть бороться против иностранных войск в Афганистане. Однако ни пакистанская армия, ни вооруженные силы коалиции, возглавляемой США, не совершают рейды на эту территорию с целью захватить или ликвидировать бен Ладена, Омара и им подобных. Не думаю, что такая уж неразрешимая задача в первую очередь для пакистанской военной разведки, обнаружить более точное

месторасположение главарей террористов. Так почему этого не происходит? Создается впечатление, что захват бен Ладена перестал быть сверхзадачей для США, как провозглашалось в начале операции в Афганистане. Эта тема ушла и из выступлений американских руководителей – ее вытеснили «более актуальные» темы обустройства послевоенного Ирака или поиски следующих за Ираком целей для удара.

Немаловажное значение приобрело и отвлечение финансовых средств, необходимых для антитеррористической деятельности. В американской прессе фигурирует цифра затрат на операцию в Ираке – 50 млрд долларов за каждые три месяца.

Между тем проявляются признаки того, что движение «Талибан» не сломлено и ставит своей целью возвращение свергнутого режима. Мулла Омар даже назначил «Совет руководителей Афганистана», куда вошли десять наиболее преданных движению «Талибан» полевых командиров – ветеранов войны против СССР в 1979–1989 годах. Постоянно происходят вооруженные столкновения талибов или близких им групп с частями «антитеррористической коалиции». Лидер Исламской партии, бывший премьер-министр Гульбеддин Хекматияр выступил против правительства Халмида Карзая и примкнул к вооруженной борьбе талибов. Судя по всему, произошла перегруппировка сил талибов, и партизанские действия приобрели активный характер. Совершаются атаки на небольшие уездные города, захваты заложников, рейды вблизи Кабула. Правительство Х. Карзая практически не контролирует ситуацию в провинциях. В стране хозяйствует разруха, обостряются социальные проблемы, происходит ухудшение криминогенной обстановки.

Не изменила ситуацию к лучшему и линия Х. Карзая, не иначе как согласованная с Вашингтоном, на вовлечение «умеренных талибов» в различные органы власти:

несколько известных талибов, числящихся в санкционном списке Совета Безопасности ООН, были назначены указом президента Карзая в верхнюю палату парламента, вошли в число депутатов нижней палаты, один из них получил должность губернатора провинции Урузган. Заигрывание с талибами еще больше накалило внутривнутриполитическую ситуацию в Афганистане, усилились противоречия в высших эшелонах власти, включая парламент и правительство.

Стало известно, что афганское правительство начало конфиденциальные переговоры с руководством «Талибана» о прекращении огня. Если даже будет достигнут положительный результат на этих переговорах, он будет носить скорее всего временный характер. Слишком глубоки противоречия, с одной стороны, между талибами и кабульским режимом и, с другой стороны, между талибами-пуштунами и населением северной части страны – таджиками, узбеками, хазарейцами, так или иначе ныне поддерживающими режим.

Общая нестабильность усугубляется резким увеличением производства наркотиков. Из Афганистана поступает 93 процента потребляемого в мире опиума. Особую опасность вызывает тот факт, что в производство опийного мака все больше втягиваются широкие слои крестьянства, и они вовсе не намерены отказываться от своих заработков. Между тем 75 процентов афганского опия производится на территориях, контролируемых талибами, которые собирают «дань» с крестьян, сами производят героин, а часть доходов от наркобизнеса направляется боевикам «Аль-Каиды».

27 июля 2008 года газета «Нью-Йорк таймс» поместила статью Томаса Швейча, до июня служившего координатором Государственного департамента США по антинаркотической деятельности и судебной реформе в Афганистане. По его наблюдениям, наркобизнес проник на самый верх афганской власти. Швейч обвинил пре-

мьер-министра Карзая в том, что тот остерегается вести борьбу с наркобаронами в политических целях. И не только в политических. Как пишет Швейч, «...друзья Карзая становятся богаче и богаче от наркоторговли». Он обвинил также НАТО и ряд американских генералов в том, что они не проявляют готовности включиться в антинаркотическую борьбу, мотивируя это тем, что уничтожение урожая мака «усилит поддержку “Талибана” со стороны племен». По словам Швейча, производство наркотиков взлетело до небес после возглавляемой США интервенции в Афганистане. Только с 2003 по 2007 год поля под маком выросли в 2 раза*.

Очень медленно идет процесс создания новой афганской армии. Полевые командиры не спешат отказываться от своих вооруженных формирований. Большинство из них вообще не подчиняется правительству Карзая.

Далеки от решения проблемы полиэтнического характера. Организованные, в том числе и в военном отношении, таджики, узбеки и хозарейцы, которые сыграли решающую роль в свержении режима «Талибан», требуют правового закрепления роли своих представителей во всех властных структурах. В свою очередь, пуштуны стремятся восстановить свое привилегированное положение. Первые призывают к возрождению Афганистана на федеральной базе, вторые выступают за унитарное государство.

Можно прийти к общему выводу: правящий режим в Афганистане неустойчив. А это может привести к знакомой ситуации 1996 года, когда талибы триумфальным маршем прошли по Афганистану. Этому мешают 11,5 тысячи иностранных солдат. Но ведь они когда-нибудь уйдут. В результате возникает законный вопрос: может ли Афганистан снова превратиться в базу международного

* The New York Times. 2008.27.07. P. 45.

терроризма, в то время как Вашингтон под лозунгом антитеррористической борьбы занят событиями в Ираке, спровоцированными самой же операцией США?

* * *

Таковы плачевные итоги практического применения доктрины унилатерализма, изобретенной американскими неоконсерваторами. «Неадекватность неоконсерватизма в качестве основного принципа политики не нуждается в доказательствах: проведен эксперимент, и его результаты налицо. Если бы врач ставил неправильные диагнозы так же регулярно, как неоконсерваторы неверно толковали события мировой политики, то его услугами пользовались бы только пациенты, желающие умереть»*. Эти слова принадлежат видному американскому ученому, профессору Стивену Уолту. Я полностью с ним согласен.

* The National Interest. 2008. No 97. Sept./Oct. P. 32.

Глава IV

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ИЛИ КРИЗИС ДИАЛОГА МЕЖДУ НИМИ

Модной темой, обсуждаемой на Западе, стало столкновение в сегодняшнем мире различных цивилизаций. Человечество не успело еще окончательно оправиться от разъединявших его идеологических противоречий между социализмом и капитализмом, как на смену им предрекают раздел мира тоже на идеологической основе, но теперь – по религиозно-цивилизационному принципу. Эта тема приковала к себе интерес особенно в связи с тем, что исламскую окраску приобрел целый ряд экстремистских, террористических организаций и групп. Достаточно ли этой констатации для вывода о столкновении в мировом масштабе различных цивилизаций?

Напряженность между западной и исламской цивилизациями существует, и закрывать на это глаза бессмысленно. Но откуда берется эта напряженность – из сущности сталкивающихся между собой «непримиримых антагонистов» или переживаемого по тем или иным причинам кризиса диалога между ними? Это еще один вопрос, ответ на который определяет сегодня степень близорукости того или иного игрока на международной арене.

I. Кому служит теория Хантингтона

Параллельно с неоконсерватизмом, не пересекаясь, но не будучи разделенной глухой стеной, возникла теория американского ученого Самюэла Ф. Хантингтона. В 90-е годы он стал, пожалуй, самым известным политологом в научных и политических кругах многих стран. Во всяком случае, его имя чаще других мелькало, а его работы цитировались и продолжают цитироваться в самых различных статьях и книгах, посвященных геополитике. Хантингтона прежде всего знают как автора концепции «столкновение цивилизаций». В 1993 году в статье под таким же заголовком (правда, с вопросительным знаком), опубликованной в американском журнале «Форин полиси», он в качестве главных противоборствующих сил назвал мировые цивилизации, объединяющие группы стран. В 1996 году Хантингтон развил эти идеи в книге «Столкновение цивилизаций и переосмысление мирового порядка».

Теория Хантингтона была воспринята как альтернатива идеям другого известного американского политолога, Фрэнсиса Фукуямы, прославившегося своей концепцией «конца истории», так как противоборство либерализма с авторитаризмом, что, по его словам, является двигателем истории, закончилось полной победой либерализма, у которого не осталось никаких жизнеспособных альтернатив на идеологическом поле битвы*.

Некоторые авторы зачисляют Фукуяму в лагерь американских неоконсерваторов, ссылаясь на его связи и деятельность в прошлом. Он действительно вместе с Вул-

* В 1989 г. была опубликована статья Ф. Фукуямы «Конец истории?», а в 1992 г. книга «Конец истории и последний человек?».

фовицем, Либби, Абрамсом, а также Чейни, Рамсфельдом и братом президента, губернатором штата Флорида Джэбом Бушем подписал в середине 1997 года «Заявление о принципах». Это заявление, приобрело широкий резонанс в США после избрания в 2000 году президента Дж. Буша. В нем содержался призыв вернуться от «брошенной на произвол судьбы» (при Клинтоне) внешней и оборонной политики к «главным слагаемым успеха администрации Рейгана». В заявлении уточнялось, что эти слагаемые – «...мощная военная машина, готовая ответить на всевозможные реальные проблемы внешней политики, смело и целеустремленно претворяющая в жизнь американские принципы за границей, а также национальное лидерство, которое США принимает на себя во всем мире и во всем объеме ответственности». Однако Фукуяма, выступая с позиции превосходства либеральной над всеми другими моделями построения общества, отличается от неоконсерваторов не только по этому признаку, но и тем, что далек от огульного восхваления всех черт современной либеральной демократии.

По Хантингтону, история не заканчивается, как у Фукуямы, а после окончания холодной войны продолжается в столкновениях между семью-восемью цивилизациями: китайской, японской, индуистской, исламской, православной, западной, латиноамериканской и, возможно, африканской. Конкретизируя это положение, Хантингтон утверждает, что главной современной тенденцией стало разделение на «Запад и всех остальных», а наиболее агрессивна в борьбе против Запада исламская цивилизация. В 2004 году в своей новой книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» Хантингтон проиллюстрировал этот вывод также на основе миграционных потоков из стран Востока.

Таким образом, по Хантингтону, столкновения неизбежно происходят не только между государствами – но-

сителями различных цивилизаций, но и внутри государств с исламскими «анклавами». Нужно сказать, что вывод о таких столкновениях не беспочвенен. Но главное в том, что Хантингтон утверждает, с одной стороны, неизбежность таких столкновений, и с другой – рассматривает их в виде основного противоречия, определяющего мироустройство. Именно с этим нельзя согласиться. И именно это льет воду на мельницу тех, кто ратует за объединение сил Запада для борьбы с «агрессивным мусульманским миром».

Показателем распространенности таких идей является то, что они охватили даже такого выдающегося востоковеда, как почетный профессор кафедры исследований Ближнего Востока Принстонского университета (США) Бернард Льюис. Он обвинил «современных мусульман» в «возвращении к идее борьбы за мировое господство между христианством и исламом»*.

Конечно, те, кто разрабатывает и осуществляет внешнюю политику США, не мыслят столь прямолинейно. Но нужно сказать, что антиисламскими настроениями заражается общественное мнение на Западе, и это не может не сказываться на политике.

Однако одно – общее объективное воздействие той или иной теории, а другое – субъективные устремления ее автора. Хантингтон не согласен с претензиями на безгрешность западных ценностей и попытками продвинуть их силой в другие страны. И Хантингтон, и Фукуяма оказались среди тех, кто не поддержал американскую военную операцию в Ираке.

* Россия в глобальной политике. 2007. № 5. Сент – окт. С. 163.

II. Новый идеологический раздел мира?

Для доказательства несостоятельности теории цивилизационного раздела мира нужно начать с выяснения того, что такое цивилизация. Как правило, это понятие рассматривается в двух планах. Во-первых, как уровень, степень развития всего человечества, как «сквозная эволюционная линия исторического движения»*. Иными словами, таким понятием обозначают движение человечества от каменного века к «совокупности достижений человеческой культуры и стремлений, выходящих за пределы собственно животного уровня»**. Во-вторых, при рассмотрении понятия «цивилизация» упор делается не на поступательное историческое развитие, а на особенности различных ее типов, каждый из которых определяется «совокупностью идей и политических институтов, условиями материальной и культурной жизни, производительными силами и общественными отношениями, всеми проявлениями религиозной, интеллектуальной и художественной деятельности»***.

Обе эти интерпретации понятия «цивилизация» исходят из того, что она представляет собой развивающийся процесс, состоящий из двух взаимосвязанных частей – духовной и материальной. На духовную составляющую цивилизации оказывает непосредственное влияние материальная часть – техника, предметы потребления, одежда, все то, что в совокупности во многом определяет образ жизни. При этом достижения материальной составляющей связаны в значительно большей степени не

* Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. – М., 1999. С. 33.

** Определение из словаря английского языка Вебстера.

*** Определение М. Крузе – одного из видных французских исследователей истории цивилизации.

с отдельными цивилизационными особенностями, а с глобальными достижениями техники, технологии, организации производства, с разными этапами развития процессов глобализации. Следовательно, различные цивилизации, менталитет, национальные традиции нельзя рассматривать в статике, они меняются в связи с развитием общества.

Вместе с тем само восхождение человечества от нижней фазы развития происходило и происходит при взаимодействии и взаимовлиянии различных цивилизаций. В этом плане характерно диалектическое единство между взаимопроникновением европейской и арабской, шире – цивилизациями Запада и Востока и периодическими столкновениями между ними. Само название «химия» взято из арабского слова «аль-кимийя». Самой известной медицинской работой в средневековой Европе был труд «Аль-Канун» («Закон») Ибн Сины (Авиценны). Труды Аристотеля сохранились благодаря их переводу на арабский язык.

Даже в периоды кровавых столкновений между Западом и мусульманским миром две цивилизации влияли друг на друга. Не удержусь от пространного цитирования статьи видного российского историка-арабиста В.В. Наумкина: «В течение двух веков господства епископов и рыцарей-крестоносцев над частью Арабского Востока его цивилизация оказывала огромное влияние на многие стороны материальной и духовной культуры европейцев. Благодаря контактам с мусульманами, европейские рыцари стали не только чаще мыться, но даже использовать при этом горячую воду, устраивая неизвестные им прежде горячие бани, относительно часто менять белье и верхнее платье, чего раньше не делали вовсе, носить бороду, похожую на восточный фасон, и тюрбан. Познакомившись в Сирии с ветряными мельницами, они заимствовали это техническое новшество, равно как и водяное колесо. Они узнали о существовании почтовых голубей,

научились выращивать немалое число новых сельскохозяйственных культур, впервые получили представление о сахарном тростнике.

Европейские рыцари полюбили мягкие и красивые восточные одеяния, сменившие их грубые одежды, ковры, которыми украсили свои жилища, переняли производство многих изящных тканей, которые до сих пор называются по-арабски. На Запад попали восточные геральдические знаки, арабские музыкальные инструменты и другие атрибуты ближневосточной культуры»*.

Примеры можно продолжить. Несомненно и то огромное и многостороннее влияние, которое оказала на восточный мир западная цивилизация, в том числе и в период колонизации. Я далек от того, чтобы восхвалять этот период – колониальные войны, захваты, закабаления стран и народов, их нещадную эксплуатацию, выкачку в метрополии природных богатств этих стран. Все это происходило в действительности. Вместе с тем во многие колониальные и зависимые страны пусть ограниченно, но проникала западная культура, и они приобщались к технико-технологическим новшествам, распространяемым на Западе. Произошло и внедрение европейских общественных отношений, которые частично разрушали традиционные структуры, но и сами во многом к ним приспособлялись.

Развитие стран Востока тормозилось характерными для них устойчивыми общественными отношениями, возникшими еще до периода колонизации. Во время колониальной зависимости в целом тоже задержалось развитие стран Востока, но в этом несомненно правильном магистральном выводе нельзя утопить то позитивное воздействие, которое оказывала западная цивилизация на цивилизацию восточных стран.

И это не только ретроспективный вывод. Категорически не правы те, кто вне времени наделяет определенные

* Россия в глобальной политике. С. 175, 176.

цивилизации неизменными, постоянными чертами – Запад, мол, рационален, организован, ставит во главу угла благополучие человека, Восток – эмоционален, иррационален. Тот факт, что локомотивами мирового экономического развития стали во второй половине XX – начале XXI века страны Востока, показывает, насколько не соответствуют реальности такие «незыблемые» представления.

Уже говорилось о том, что Хантингтон насчитывает в нынешнее время семь-восемь цивилизаций. Естественно, они отличаются друг от друга, но важно отметить, что имеет место и сближающее их общее – глобализация, которая непосредственно отражается на материальной части этих цивилизаций: народы, принадлежащие ко всем современным цивилизациям, пользуются резко продвинутыми в XX веке технологиями, техникой, способами связи, информацией. Это, несомненно, оказывает влияние на их жизнь, быт, менталитет, отношения в обществе.

И дело не ограничивается сближением материальных частей различных цивилизаций. Составляющие их различные культуры тоже тяготеют друг к другу. Под воздействием общечеловеческих ценностей и интенсивного развития коммуникаций культура в широком понимании этого слова объединяет людей, страны, следовательно, и разные цивилизации. Во всяком случае, выполняет в большей мере объединительную функцию, чем разобщающую. Я считаю неправильной релятивистскую теорию, в целом отрицающую культурный универсализм и утверждающую, что процесс становления общечеловеческой цивилизации разводит различные культуры в разные стороны.

Движение общечеловеческой цивилизации происходит не в равномерном ритме. На данном этапе исторического развития процесс убыстряется, так как все более мощное воздействие на все человечество оказывает ры-

вок в росте производительных сил, развитие мирового хозяйства как единого целого, взаимопроникновения культур. Но это не идентично представлению об окончательном, уже сегодня, уходе от самобытных, самостоятельных форм цивилизационного развития тех или иных народов. Очевидно, это не произойдет и в будущем. Но происходит другое: локальные цивилизации, во многом видоизменяясь, развивают общечеловеческую. Естественно, это не одноразовый процесс, который к тому же развивается не по прямой линии, а зигзагообразно, что предполагает возможность на определенных отрезках времени противопоставления локальных цивилизаций общечеловеческой. Однако общая направленность развития однозначна.

Известно, что понятие «цивилизация» значительно шире, чем «религия». Выдающийся российский ученый Н.Н. Моисеев писал, что «цивилизация старше любой религии... Цивилизации выбирают религию и адаптируют ее к своим традициям, оправданным историческим опытом»*. Однако религия, несомненно, является важной, зачастую определяющей частью цивилизации. И это тоже придает относительную устойчивость локальным цивилизациям. Вместе с тем отсутствие перспективы создания общей для всех религии отнюдь не означает враждебную настроенность различных мировых религий друг против друга и не перечеркивает процесс создания общечеловеческой цивилизации. Этому препятствует в том числе и суть самих мировых религий.

В связи со всем изложенным согласен с выводом о перспективах отношений между западной и исламской цивилизациями, к которому пришел исследователь Вашингтонского института ближневосточной политики Рэй Тэйки: «В конечном счете интеграция исламской демо-

* Моисеев Н.Н. Судьба цивилизаций: Путь разума. – М., 1998. С. 42.

кратии в глобальное демократическое общество зависит от желания Запада принять исламский вариант либеральной демократии. Исламистские умеренные, хотя и признают, что фактически существуют некоторые определенные “универсальные демократические ценности”, считают, что различные цивилизации должны иметь возможность выражать эти ценности в контексте, который является приемлемым и уместным в их конкретном районе. Поэтому исламистские умеренные будут продолжать вести борьбу против любых форм гегемонии Соединенных Штатов и в политическом, и культурном смыслах и считают гораздо более устраивающей их многополярную, «многоцивилизационную» международную систему»*.

III. Диалог должен влиять на политику

Организация Объединенных Наций объявила 2001 год Годом диалога между различными цивилизациями. В этот год и в последующем состоялся целый ряд встреч, конференций, «круглых столов», на которых политологи, технологи, историки, представители различных религий, общественности и политических кругов разных стран обменивались мнениями по проблемам отношений и взаимовлияния цивилизаций. В связи с особенностями современной международной обстановки акцент был сделан на необходимость диалога, условно говоря, западной и исламской цивилизаций, между иудо-христианством и исламом.

* Foreign Policy. 2001. Nov. – Dec. P. 70.

Диспуты, обсуждения, нашедшие отражение в средствах массовой информации, происходят и в наши дни, и они, несомненно, нужны. Между тем нельзя считать, что они вывели из состояния кризиса диалог между западной и мусульманской культурами. Дело даже не в политической некорректности некоторых видных государственных деятелей Запада, которые продолжают оперировать такими непозволительными словосочетаниями, как «исламский фашизм», – так сказал в одном из своих выступлений в 2007 году президент США. И не в напутствиях террористам-самоубийцам, произносимых теми муллами, которые от случая к случаю призывают к джихаду, чтобы покончить с инакомыслящими. Диалог не может быть продуктивным, если он не отражается на политических процессах. А этого пока не происходит. Запад в целом и мусульманский мир разделены противостоянием в связи с положением в Ираке после американской оккупации этой страны, поддержкой Израиля в столкновениях с палестинцами, угрозами в отношении Ирана, тревожной обстановкой в Афганистане, взрывоопасным положением в Пакистане, тем фактом, что справедливая борьба против терроризма подчас принимает антиисламскую окраску. Все это разжигает неприязнь, враждебность, апогеем чего стали, с одной стороны, неуважительное отношение к культуре мусульманских народов, обвинения ислама в агрессивных помыслах и, с другой стороны, призывы создать исламский халифат на всех территориях, населенных мусульманами, и покончить с «тлетворным западным влиянием».

Изменение политики, практических действий в отношении стран с мусульманским населением – вот что необходимо. Именно проводимая США политика, их практические действия нагнетают антиамериканизм и в целом антизападные настроения на Востоке. Все это ведет к тупиковой ситуации.

Глава V

ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В ЧИСЛО МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ

Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации опубликовало в марте 2008 года «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ», которая предрекает к 2020 году превращение России в «глобального лидера мировой экономики», «инновационное лидерство России в мире», «выход России на стандарты благосостояния развитых стран». Не будучи сторонником слишком амбициозных (так называют поставленные цели сами авторы «Концепции») прогнозов, можно, однако, с уверенностью сказать: при правильном использовании огромных природных и интеллектуальных ресурсов, последовательном проведении стратегического курса, решительного искоренения зол, мешающих продвижению страны вперед, Россия, несомненно, будет одним из ведущих центров многополярного мира. И в первую очередь с экономическими достижениями России придется считаться тем, кто ныне недооценивает ее возможности.

I. Политическая стабильность: ее будущее при «тандеме»

Когда в ряде стран СНГ произошли так называемые цветные революции, немало было предсказаний, что такие же «цветные» перемены ждут Россию. Со временем по-

добные предположения явно пошли на убыль. Немалое значение имело разочаровывающее развитие событий во всех странах, где к власти пришли поднимаемые Западом на щит «демократы». Но главное – это политическая стабильность в России, на расшатывание которой строили расчет некоторые западные круги, да и отдельные группки в нашей стране.

После того как состоялись выборы Президента Д.А. Медведева и В.В. Путин стал Председателем правительства, вопросы о будущем России переместились в плоскость взаимоотношений между двумя лидерами – кто в «тандеме» будет старшим, уживутся ли, сохранит ли Президент свои конституционные полномочия, или они перейдут к главе кабинета министров. Представляется, что жизнь сводит ответы на эти вопросы к тому, продолжится ли стратегический курс России, которым она пошла в XXI веке. И если да, то будет ли при этом сделан упор на решение тех задач, которые остались нерешенными, и проявится стремление исправить те ошибки, которые имели место.

Что свидетельствует в пользу преимущества взятого стратегического курса, естественно, при необходимости его совершенствования? Прежде всего, поддержка этого курса преобладающей частью российского населения. Кандидатура Медведева не навязана со стороны – это был выбор самого Путина, который мог сохранить за собой президентский пост, действуя через конституционное большинство в Государственной Думе, готовое внести конституционные изменения, позволявшие ему идти на третий срок. Наконец, став главой правительства, Путин одновременно возглавил партию, которая составляет парламентское большинство. Следовательно, он контролирует и исполнительную, и законодательную власти. Но Президент – это ясно обозначилось сразу же после его избрания – ни в коей мере не занял должность, аналогичную английской королеве. Он на деле сохраняет

атрибуты высшей власти в России. Такова властная конструкция, способная обеспечить преемственность курса.

Устойчивость этой конструкции определяет время. Дело в том, что недостатком не одного, а практически всех сменявших друг друга российских руководств было образование политических элит, лично преданных главному руководителю. Элиты не были однородны, но всех объединяла эта преданность одной личности. Тяга российского чиновничества к служению не столько государству, сколько лично его главе, живуча. В таких условиях не исключены поползновения тех, кто ныне окружает Медведева и Путина – здесь аргументом не является прежняя ориентация – вбить клин между двумя руководителями, несмотря на их стремление быть вместе. Настораживают и появившиеся в прессе публикации, ретроспективно критикующие В.В. Путина. Авторы и организаторы этих публикаций, которые предпочитали хранить молчание во время его президентства, теперь как бы пытаются обратить на себя взор нового главы государства.

Но навряд ли все это может перечеркнуть сам курс, объективная необходимость которого для России стала очевидной. Этот курс в экономике прежде всего предполагает продолжение движения к цивилизованному рынку. Возможно, мечтает о возвращении России к командно-административной системе ничтожно малая группка людей, которую не следует путать с большим слоем населения, испытывающим ностальгию по великому государству – Советскому Союзу. К тому же у этой группки нет покровителей вне России. Таким образом, проблема реставрации дореформенного, дорыночного курса практически отсутствует.

Отсутствует – этого не примет народ, можно сказать об этом твердо – также перспектива возврата от нынешнего курса к периоду олигархического капитализма, характерному для начального этапа перехода России к рыночному хозяйству.

II. Преодоление олигархического капитализма

Олигархи – это не просто крупные предприниматели, которые в считанные годы заработали огромные состояния далеко не коммерческими путями, а используя установившиеся личные отношения с властью или с семьей того, кто был на ее вершине. Олигархами стали называть в России тех, кто, не довольствуясь своим положением в экономике, практически заправляли делами в государстве, назначали своих людей на командные позиции, оказывали серьезное влияние на законотворческие и нормотворческие процессы.

К моменту избрания В.В. Путина Президентом в 2000 году группы олигархов, используя известные особенности приватизации в России, реально создали условия для сказочного обогащения. Очевидно, сразу было невозможно радикально изменить роль олигархов без экономической дезорганизации и политической дестабилизации в стране. С учетом особенности положения российское руководство пошло по пути сохранения существовавших экономических условий, но при этом приватизированные сырьевые монополии должны были взять на себя обязательства, которые могли бы эволюционным путем изменить олигархический характер развития России: честно выплачивать налоги, поднимать заработную плату своим работникам, социально обустроить территории, на которых оперируют их предприятия, вкладывать достаточные средства в приращивание запасов природных ресурсов страны и, самое главное, отказаться от грубого вмешательства в политику, не развращать общество, не сажая во всех властных структурах лоббистов своих интересов.

Расчет властей на понимание со стороны олигархических групп оказался несостоятельным. Они продолжали своевольничать, все больше уверовав во вседозволенность своих действий. Не только продолжалось, но и усиливалось проникновение олигархических групп во все властные структуры. Нарастали махинации с налогами. Как заявил в интервью агентству Рейтер в ту пору министр экономического развития Герман Греф, «...сначала они покупают дырки в законодательстве, потом покупают чиновников, а потом “оптимизируют” налоги. Наши нефтяники, – сказал он, – не гнушаются никакими методами, чтобы эти дырки просверлить».

В наибольшей степени активничал по всем этим направлениям «ЮКОС». В результате возникло в 2003 году «дело “ЮКОСа”», которое не может рассматриваться, как это представляют некоторые, в качестве «схватки под ковром» «питерских чекистов» с «питерскими юристами» или тех и других с «московскими либералами». Такие умозаключения – типичное скольжение по поверхности. «Дело “ЮКОСа”» показало стремление власти, пока не поздно, дать отпор вседозволенности групп олигархов. Оно свидетельствовало о намерении отказаться от олигархического характера экономического, да и не только экономического, развития России. Причем отказаться не через глобальный пересмотр результатов приватизации – речь шла лишь о лицах, совершивших преступления или нарушающих налоговые обязательства.

Результаты выборов в Государственную Думу в 2003 году продемонстрировали, что такая линия пользуется широкой поддержкой россиян. Дело в том, что каждый, кто голосовал за «Единую Россию», голосовал за принятый российским руководством путь. Вместе с тем абсолютно неправильно относить всех тех, кто голосовал за другие партии, к противоположному лагерю. Их выбор был обусловлен скорее не отказом от поддержки президентского курса, а неприятием партии «Единая Россия»,

объявившей себя партией власти в стране, которая лишь недавно рассталась со статьей Конституции, провозгласившей партией государственной власти КПСС. А сокрушительное поражение «Союза правых сил» (СПС), который не прошел в Госдуму, было связано с тем, что его ассоциировали с прямой поддержкой в 90-х годах и позже олигархического капитализма в России.

Хотя итоги выборов в Госдуму в 2003 году свидетельствовали о победе курса, которым пошла Россия, нельзя было закрывать глаза на то, что в обществе, особенно в предпринимательских кругах, существовало беспокойство, как бы меры против всеислия олигархических групп не привели к установлению режима, неблагоприятного для предпринимательства в целом. Опасались усиления элементов, которые хотели использовать ситуацию для введения авторитарных методов управления. Подпитывало такие настроения явно непопулярное взятие до суда под стражу М. Ходорковского.

В таких условиях была принята линия на то, чтобы не допустить перерастания борьбы с олигархическим всеислием в наступление против предпринимательства в целом, особенно против крупных собственников. Был нанесен, хотя не без серьезных негативных издержек и в правовом поле, и в общественном мнении, точечный удар по олигархической структуре, что переломило обстановку. Есть основания считать, что те крупные предприниматели, которые владеют огромными капиталами за счет далекой от совершенства и справедливости приватизации 90-х годов, развернулись спиной к своему коллеге Ходорковскому, оказавшемуся за решеткой, и приняли условия руководства страны – не пытаться оседлать политику, заниматься бизнесом на основе действующих законов. Весьма важно, что наряду с этим вырос слой новых крупных предпринимателей, которые обрели большие состояния не в результате скандальной приватизации, махинаций на рынках, преступного сгово-

ра с представителями власти, а нормального ведения бизнеса, процессов концентрации и централизации их капиталов.

Это не означает, что уже нет пережитков олигархической стадии развития России, проявляющихся в попытках, не всегда неудачных, создавать лоббирующие группы в Госдуме, Совете Федерации, правительстве, в органах исполнительной и законодательной власти на местах, финансировать ряд партий. Этому следует серьезно противостоять. Но фактический приход к власти в России олигархов не состоялся.

III. Участие государства в реальной экономике

На Западе не только люди во властных структурах, но даже расположенные к нам представители интеллигенции, предпринимательских кругов, очень часто пользуются сведениями об экономической ситуации в России из уст тех, кто жизнью отстранен на российскую политическую обочину, или из односторонне извлекаемой из контекста и широко тиражируемой критики со страниц российской прессы. Так в чем же проявляется стратегический курс, которым пошла Россия в экономике, проложенный через видимую и невидимую борьбу, приведший к несомненным успехам и отягощенный нерешенными проблемами? Характерной чертой политики, обозначившейся особенно в последние годы президентства Путина, стало увеличение государственного участия в развитии реальной экономики. После долгого перетягивания каната была преодолена идея, согласно которой на заре рыночного хозяйства, даже до того момента, когда создан развитый цивилизованный рынок, можно обой-

тись без решительного государственного вмешательства в экономическую жизнь страны. Позиция либералов-догматиков заключается в том, что роль государства должна ограничиваться лишь макрорегулированием и нет никакой необходимости в государственных вложениях в реальный сектор экономики. Примером может служить позиция Министерства финансов, первоначально возражавшего против создания инвестиционного фонда, иными словами, против целенаправленного финансирования, осуществляемого из госбюджета тех проектов, в которых испытывает нужду страна. Лишь настойчивость, проявленная Минэкономразвития, поддержанная Президентом, привела к тому, что этот фонд все-таки появился на свет. Победила линия на государственное участие в развитии реальной экономики, конечно, при сохранении регулирования на макроэкономическом уровне, которое во многом сдерживает инфляцию, укрепляет рубль, увеличивает золотовалютные запасы страны.

Механизмом развития российской экономики стало частно-государственное партнерство. Нередко оно подменяется понятием государственного капитализма. Однако в России курс был взят даже не просто на смешанную экономику, а на тесное взаимодействие двух ее секторов – государственного и частного с перспективой, следует это подчеркнуть, изменения баланса в пользу частного сектора. Важно отметить, что государственные предприятия или предприятия с государственным участием функционируют как субъекты рыночных отношений и открыта возможность их частичной или полной приватизации.

Существовали и продолжают существовать противники укрепления роли государства в российской экономике. Часть из них связана с Западом, черпает оттуда идеи – это псевдолибералы. Они, как правило, уже не выступают с открытым забралом против экономической роли

государства, но утверждают, что государство приобрело излишне большое место в российском рыночном хозяйстве. Действительно, государство вернуло контроль над «Газпромом», выкупило активы «ЮКОСа» и «Сибнефти», является главным акционером двух самых крупных банков в России – Сбербанк и Внешторгбанк, монополистом в экспорте вооружений. А в 2007 году созданы мощные государственные корпорации в различных областях экономики – «Роснано», «Ростехнологии», «Росатом», Агентство по страхованию вкладов, Банк развития, «Олимпстрой», Объединенная авиастроительная корпорация, объединенная судостроительная корпорация и другие.

Государственное участие в производстве во многом объясняется спецификой перехода к рыночному хозяйству в России – выросшая не из производства и не из научно-технических прорывов, преобладающая часть крупных бизнесменов погрузилась в сказочно прибыльную добычу энергоносителей. Перелив их доходов в другие отрасли оказался ничтожным. В создавшихся условиях лишь государственное участие в экономике было способно обеспечивать отход от односторонней сырьевой ориентации, которая уготавливала России незавидное будущее второстепенного члена мирового сообщества.

Начавшаяся перестройка структуры экономики отразилась в том, что уже к 2007 году почти две трети ВВП были созданы за счет внутреннего фактора – строительства, торговли, обрабатывающей промышленности. Инвестиции в эти сферы экономики осуществлялись частнопредпринимательскими структурами, как правило, не zaangażированными в сырьевом секторе экономики. Однако опять чисто рыночный регулятор привел к тому, что в областях экономики, которые создают ВВП, обрабатывающая промышленность оказалась на последнем месте, и инвестиции обошли стороной целый ряд важных для России отраслей и производств. Лишь государ-

ство своим непосредственным участием могло выправить положение.

Вместе с тем нельзя не видеть негативных черт наращивания государственного участия в российской экономике. Создание государственных корпораций, что было необходимо для подъема таких деградирующих отраслей, как, например, самолетостроение и судостроение, сопровождалось в целом ряде случаев действиями властей, ограждающих их от рыночной конкуренции. Государственные органы передавали имущество в собственность госкомпаниям без торгов, часть госкомпаний использовали административный ресурс. Механизм надзора за финансами госкорпораций отличается от контроля за бюджетными средствами, а правила раскрытия информации установлены менее жесткие, чем у акционерных обществ. Все это создает угрозу конкуренции. Между тем опасность монополизации и без этого приняла в России большие масштабы: свыше 80 процентов нефти добывается и больше 75 процентов перерабатывается пятью компаниями; 70 процентов авиационного грузооборота осуществляется четырьмя перевозчиками; 90 процентов калийных удобрений производится двумя компаниями. Этот список можно продолжить. Федеральная антимонопольная служба ведет борьбу против тенденции монополизации рынков, но не всегда успешно.

Отсутствие прозрачности управления ресурсами госпредприятий, получаемыми из бюджета, в ряде случаев приводит к их нецелевому использованию, в конечном итоге способствует инфляции. «Роснанотеху», например, было выделено в декабре 2007 года из федерального бюджета в качестве первоначального взноса 130 млрд рублей, что больше 5 млрд долларов. Эти средства пошли не в высокотехнологичные проекты, поиск которых явно затянулся, а были размещены в июне 2008 года, по видимому, надолго в качестве «временно свободных средств» на депозитах восьми банков.

Все громче звучат голоса тех, кто предлагает, если не требует, вывести чиновников, работающих в исполнительных органах, из руководства компаний, принадлежащих государству, заменить их в советах директоров таких компаний независимыми лицами. Об этом сказал и Президент Медведев. Он считает, что государство должно быть представлено только председателем совета директоров, так как все остальные «занимаются лоббизмом или кормлением». Но существует и другое мнение: без всяких исключений поручить представлять государство в госкомпаниях профессиональными поверенными не из числа госслужащих. Кстати, практика показала, что далеко не всегда чиновники всех рангов, призванные в государственных компаниях защищать интересы общества, выполняют свои функции. Это проявилось в том, что в ряде естественных монополий огромные средства, получаемые в виде доходов, распределялись на строительство престижных зданий среди высшего персонала менеджеров, а не на столь необходимую замену устаревшего оборудования.

При создании госкорпораций В.В. Путин объявил, что государство не будет их вечным собственником. Не исключается со временем их частичная и даже полная приватизация. Тем более необходимо решать вопрос о замене чиновников всех уровней в их руководстве, чтобы исключить любые рецидивы приватизационной практики 90-х годов.

Перетоку избыточных государственных функций к частнопредпринимательским и некоммерческим структурам могла бы способствовать административная реформа. Для ее осуществления указом президента в 2003 году была создана правительственная комиссия, возглавляемая в ту пору заместителем премьера Б.С. Алешиним, которая – знаю, так как был членом этой комиссии, – проделала большую работу. Комиссия предложила перевести с государственного уровня почти полторы тысячи

полностью и около одной тысячи частично избыточных госфункций. К сожалению, административная реформа скончалась, ограничившись реорганизацией правительства, да и то такой, от которой впоследствии пришлось во многом отказаться. А передачу функций от государства частнопредпринимательским структурам заблокировала бюрократия, на том этапе победившая тех, кто рассчитывал отобрать у нее многие рычаги коррупционного обогащения.

Не меньший ущерб нанесли России действовавшие с противоположной стороны псевдолибералы. Под влиянием их идей произошла задержка с признанием необходимости промышленной политики, которая означает государственное стимулирование развития национально значимых отраслей и производств. Торгово-промышленная палата России еще в 2003 году разработала основные подходы к промышленной политике, включая проекты соответствующих законов. Палату услышал и поддержал целый ряд регионов, но в то время не федеральное правительство.

Проблема выработки промышленной политики остается актуальной, так как сделано недостаточно для создания льготных условий, поощряющих предпринимателей инвестировать в инфраструктуру и обрабатывающую промышленность, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, внедрять новации в производство. Сконцентрировавшись хоть и на важных, но фискальных функциях, правительственные финансисты, как правило, не стали инициаторами использования экономических рычагов для решения этих важнейших стратегических задач для России.

При этом слишком часто отсутствовала элементарная административная дисциплина с исполнением решений и указаний высшей власти или неоправданная медлительность в их исполнении. И практически никто за это не нес ответственности. Примером могут служить «ин-

ституты развития» – Инвестиционный фонд, Банк развития, Российская венчурная компания и другие. Само их создание является несомненным достижением. Но явные недочеты в работе исполнительной власти на всех ее уровнях привели к серьезному торможению выделения и использования государственных средств. Это самым негативным образом сказалось на осуществлении федеральных целевых программ (ФЦП). Не торопился вкладывать свои средства в ФЦП и частнопредпринимательский сектор. Новое руководство – Медведев и Путин – с самого начала стали уделять повышенное внимание эффективности государственных вложений и подъему дисциплины исполнения со стороны чиновников всех рангов. Приобретет ли это столь необходимые постоянные черты, покажет время.

В России впервые со дня рыночных реформ официально была признана необходимость разработки и принятия долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны. Это уже не простой прогноз, а индикативное планирование, которое, к сожалению, ранее начисто отрицалось. Отличительными особенностями индикативного планирования, как известно, является выстраивание показателей-индикаторов, призванных помочь предприятиям сориентироваться в экономической конъюнктуре и разрабатывать собственные планы развития. Индикативный план, рассчитанный, скажем, на пять лет, имеет рекомендательный характер, но при этом оформляется, например во Франции, как законодательный акт.

IV. Требование времени: инновационный путь

Сопrotивление псевдолибералов пришлось преодолеть также в связи с необходимостью государственного вмешательства для перевода российской экономики на инновационные рельсы.

В Советском Союзе, несмотря на передовые достижения фундаментальных наук, их претворение в жизнь, как правило, ограничивалось военной сферой. Гипертрофированный рост ВПК, обусловленный в том числе и международной обстановкой, тормозил развитие гражданского производства. Оно отставало от зарубежных аналогов и потому, что в СССР в 2–3 раза больше по времени занимал путь от научного открытия через развитие прикладной науки до реализации в производстве.

Переход экономики на инновационные рельсы не произошел и в 90-е годы, уже на рыночной стадии развития России. Ставшие у руля экономики псевдолибералы считали, что технико-технологический прогресс возникнет главным образом из рыночной конкуренции. Так действительно происходит в странах с развитой рыночной экономикой, но не в России, где крайне недостаточны затраты предприятий на обновление основных фондов и на НИОКР.

Отойдя от представлений псевдолибералов, упор был сделан на целенаправленное государственное регулирование. Однако оно еще не стало эффективным в деле стимулирования модернизации производства. Средний возраст оборудования российских предприятий достиг 25 лет, что вдвое больше нормального уровня, обеспечивающего конкурентоспособность. Это диктует необходимость увеличения объема и темпов роста капитальных вложений, то есть увеличения нормы накопления, кото-

рая в России в 2,5 раза ниже, чем в Китае, и в 2 раза ниже, чем в Индии. В прогнозе Минэкономразвития на 2020–2030 годы предусматривается наращивание инвестиционной активности, но далеко не «прорывное» – лишь в конце прогнозируемого периода определяется доведение уровня накопления до 30 процентов от ВВП, что значительно ниже этого показателя у Индии в 2006 году. Рывок в модернизации производства может обеспечить целенаправленное стимулирование замены морально и физически устаревшего оборудования высокотехнологичным. Ныне, например, уже существует освобождение от таможенных пошлин импорта первоклассного оборудования, не производимого у нас в стране. ТПП России ставит вопрос о снятии НДС с импорта такого оборудования. Оно могло бы закупаться за рубежом и через «институты развития» по заявкам российских компаний и предоставляться им в лизинг.

Наши «монетаристы» задают вопрос: а не слишком ли быстро растет в России заработная плата? Мол, под угрозой оказывается классическая формула: прежде чем повысить заработную плату, надо в опережающем размере повысить производительность труда. В качестве ответа приведу название одной из глав книги знаменитого организатора производства «автомобиля для всех» Генри Форда-первого: «Основное условие повышения производительности труда – высокая зарплата».

Развитие нашей экономики приводит к достаточно высокой динамике потребления. Это очень хорошо. Но рост потребления происходит при сохранении низкой конкурентоспособности продукции российской промышленности. Такой дисбаланс стимулирует дальнейший рост импорта, который значительно превышает темпы роста отечественной промышленности. Естественно, нельзя ставить преграду для импорта. Но еще острее становится вопрос конкурентоспособности отечественного

производства. А достичь этого можно только через перевод промышленности на инновационные рельсы.

Без преодоления технической отсталости российских предприятий, обладающих устаревшим оборудованием, без решения все более обостряющейся проблемы низкой квалификации кадров невозможно ликвидировать отсталость России в производительности труда. И речь идет не только о недостающем числе работников высшей квалификации. Назрела реформа среднего профессионального образования, возрождение системы профессионально-технических училищ (ПТУ), так бездумно ликвидированной в 90-е годы.

Многие меры, призванные стимулировать создание инновационной экономики, намечались, но их осуществление откладывалось. Эта медлительность непозволительна для России. Медленно развиваются у нас венчурные компании, а также особые экономические зоны, призванные стать механизмом поддержки высокотехнологичного производства и экспорта. Не понятно их отсутствие на Дальнем Востоке. Да и в целом в России создается всего 4 технико-внедренческие зоны, а в Китае, для сравнения, их 57. Насколько важны организационные меры для инновационного развития экономики, показывает пример КНР. В России в 5 раз больше ученых на тысячу населения, чем в Китае, в 2,5 раза больше выпускников инженерных специальностей. В то же время на мировом рынке наукоемкой продукции доля Китая достигла 6 процентов, а России – где-то около половины процента.

Девиз «все подчинить рынку» чуть ли не сказался на судьбе Российской академии наук, которой уготавливали реорганизацию не для повышения ее отдачи в фундаментальных исследованиях, а с целью коммерциализации ее деятельности. Такая инициатива была вовремя остановлена. Ведь нельзя игнорировать тот факт, что около двух третей всех мировых новаций XX века имели

своим происхождением или были реализованы с использованием фундаментальных открытий Академии наук СССР. Нужно надеяться, что реформаторскому зуду в отношении РАН положен конец.

Критику со стороны псевдолибералов, поддерживаемую на Западе, вызвали меры, направленные против ослабления военно-промышленного комплекса (ВПК). Однако такие меры были продиктованы жизнью. Дело не только в том, что от производства новых поколений оружия зависит безопасность России, а продажа вооружений за рубеж (при четком следовании международным ограничениям) в немалой степени обеспечивает доходы бюджета. Дело также в том, что, во-первых, накопленный в ВПК в советский период и еще нерастраченный интеллектуальный потенциал может и должен быть использован для инновационного развития сугубо гражданских отраслей, и, во-вторых, в стране существует реальная возможность выйти на концепции «двойных инноваций» для их одновременного использования в военном и гражданском секторах экономики. Будучи директором Службы внешней разведки России, я говорил на заседании Президиума РАН об опыте США, который наглядно показал, что военно-техническая политика является одной из форм инновационной политики. В 90-е годы Минобороны США обозначило и профинансировало реализацию 22 «критических технологий». Из них 75 процентов имело двойное назначение. В результате был создан мощный импульс для инновационного развития американской экономики.

V. Высокие цены на сырье: куда пойдут полученные средства?

Острое противостояние, не получившее отражения в публичных заявлениях В.В. Путина, произошло и в определенной мере продолжается по вопросам использования для многостороннего развития России средств, полученных за счет высоких мировых цен на экспортируемое сырье. Центром такого противостояния стало само правительство. Впервые в истории СССР и России к концу 2008 года золотовалютные запасы страны приблизились к отметке – 600 млрд долларов. Стабилизационный фонд, в который поступали доходы от высоких цен на экспорт нефти, составил в начале 2008 года почти 4 трлн рублей. К этому следует добавить еще и высокий профицит федерального бюджета. Все это создало беспрецедентные возможности для развития экономики и подъема жизненного уровня населения России. Однако не так легко оказалось преодолеть сопротивление тех, кто стремился изъять эти огромные доходы в «кубышку», исходя из казалось бы благородных целей – создать «амортизаторы» на случай резкого сокращения мировых цен на нефть и газ, а также выплатить внешние долги. А «любые затраты внутри России, дескать, вызовут волну инфляции».

Между тем, не отрицая возможности сокращения цен на нефть и газ, практически все мировые эксперты исключают обвал цен. Вопреки этим прогнозам федеральные бюджеты в России в течение целого ряда лет верстались исходя из резко заниженных цен на нефть. Но даже если мировые цены действительно опустятся ниже прогнозируемого правительством уровня, что крайне маловероятно, то все равно создаваемых «амортизаторов»

хватит лишь на небольшое время. Разве не ясно это из позитивного (!) примера, приведенного министром финансов А.Л. Кудриным, который заявил, что, если даже цена нефти упадет до 50–40 долларов, то «бюджетники, программы дорог, лекарств не почувствуют этого» аж «в течение трех лет». Ну а что дальше? Разве этот пример не свидетельствует о чрезвычайной важности уже сегодня вкладывать значительные средства в диверсификацию экономики?

Причем, этот справедливый вывод многих, я бы даже сказал, большинства российских экономистов приобретает особое значение в связи с мировым финансовым кризисом. Разразившийся в 2008 году мировой кризис означает конец неолиберализма, поражение тех, кто, отрицая необходимость государственной регулирующей роли в экономике, уповал на то, что все задачи экономического развития решит сам рынок. Этот в корне неверный постулат лежит в основе тех причин, которые породили раковую опухоль финансового кризиса в США, распространившую метастазы по всему взаимосвязанному миру. Знаменательно, что в борьбе с кризисом применяются главным образом государственные, а не неолиберальные меры. И начали этот процесс те же Соединенные Штаты.

При всех положительных чертах экономического положения России она не может сохраниться в виде спокойного островка в мировом бушующем океане. Еще недавно достаточно многие думали, что кризис пройдет стороной, уповали в этом плане на накопленные средства за счет высоких мировых цен на нефть и газ. Конечно, нельзя отрицать демонстрационный эффект этих средств, сконцентрированных в Резервном фонде, Фонде благосостояния, золотовалютных запасах, в профицитной части бюджета. Но главное не в этом, а в том, как будут использованы накопленные государством средства в антикризисных целях.

Антикризисные меры российского правительства абсолютно необходимы. Вместе с тем нужно переосмысление ряда идей, заложенных в наши отношения с США, другими странами. Еще острее сегодня звучит вопрос: правильна ли линия Минфина и Центрального банка на вложение средств бывшего Стабфонда в американские ценные бумаги вместо их использования внутри страны? И правильным ли было фактическое поощрение наших предпринимателей на получение необходимых им кредитов из зарубежных источников?

На момент написания этих строк на 90 млрд долларов были снижены внешние долги Советского Союза и России. Но сокращение государственного долга сопровождалось быстрым увеличением внешнего корпоративного долга, который перевалил в 2008 году через астрономическую цифру в 450 млрд долларов. Эти внешние займы, в том числе государственных компаний («Газпром», «Роснефть», Внешторгбанк, Сбербанк), получены под проценты, превышающие проценты от размещения за рубежом средств Стабфонда, а позже Резервного фонда.

Все это создавало зависимость экономики от притока заемных средств из-за рубежа, что может привести к финансовой дестабилизации, особенно в условиях мирового финансового кризиса. Постановкой этого вопроса на одном из заседаний Совета по конкуренции, созданного при правительстве (вел заседание Председатель правительства В.А. Зубков), я вызвал многословную реакцию министра финансов, который развернул дискуссию таким образом, будто речь шла о закрытии возможности для российских предпринимателей получать иностранные кредиты. Конечно, нет. Но нужно было при этом уделить большее внимание развитию внутренних источников кредитования, увеличению ликвидности всех звеньев финансовой системы, в том числе при использовании части накопленных государством финансовых средств. Таким путем пошло правительство Путина. Представля-

ется, что такие меры могли быть осуществлены еще до того, как Россия почувствовала дыхание мирового финансового кризиса.

Естественно, мировой финансовый кризис может оказать понижающее влияние на темпы роста российской экономики, значительно превысившие в последние годы темпы развития мировой экономики. По темпам прироста ВВП Россия намного превзошла США, Японию, Германию, Францию, Великобританию, Европейский союз в целом. Причем устойчивое увеличение ВВП сопровождалось все большим вписыванием России в мировую экономику. Об этом свидетельствует тот факт, что прямые иностранные инвестиции увеличивались быстрее, чем инвестиции в основные фонды в целом. Значительно росли и зарубежные активы целого ряда российских компаний. Россия вошла в пятерку стран-экспортеров капитала. И это уже не бегство капиталов, начавшееся в 90-е годы. Объем накопленных за рубежом прямых инвестиций к началу 2008 года достиг 250 млрд долларов.

Цифры из этого перечня могут измениться в результате негативного влияния внешней среды. Но это, как представляется, не должно подталкивать нас самих к снижению внимания к факторам роста российской экономики, ослаблять интерес к ее инновационному развитию.

Еще в «докризисный период» среди правительственных финансистов имели хождение идеи о том, что перевод экономики на инновационные рельсы должен замедлить экономический рост в России. Другой аргумент в пользу снижения темпов экономического роста часто выражается в вопросе: что приоритетнее – экономический рост или борьба с инфляцией? По мнению некоторых финансистов, инфляция в России порождена ростом денежной массы и потребительского спроса. Однако причины инфляции в нашей стране не монетарные. Инфляцию, которая действительно превратилась в серъ-

езную проблему для России, подстегивает главным образом неуправляемое скачкообразное повышение цен, в том числе на продовольственные товары и услуги, что имеет место при отсутствии конкуренции. А поиски и применение реальных механизмов против этого явления часто уступали место призывам к санации денежной массы в обращении. Антиинфляционные меры должны осуществляться, но не ценой отказа от экономического развития и подъема уровня жизни в России.

Понятна – это характерно для министерств финансов многих стран – озабоченность российских правительственных финансистов тем, чтобы большие государственные расходы не раскачали экономику. Но разве такое стремление идентично звучавшим утверждениям о невозможности затратить средства, полученные от экспорта нефти и газа, даже на совершенствование транспортной инфраструктуры, что имеет жизненное для страны значение? Десятки тысяч населенных пунктов России не связаны с магистральными дорогами. Отставание России в дорожном строительстве бьет по нашей конкурентоспособности. Низкий технический уровень дорог оборачивается увеличением себестоимости перевозок в полтора раза, а расхода горючего – на 30 процентов по отношению к показателям зарубежных стран. Одновременно такое отставание – это снижение подвижности населения, увеличение безработицы, рост смертности.

Резко возросли бюджетные ассигнования на дорожное строительство. Но разве это равносильно «прорывному» решению вопроса с использованием всех возможностей? В том числе за счет средств Фонда благосостояния?

Или почему не затратить полученные большие средства на покрытие той части бюджетных доходов, которая сокращается при значительном снижении налогов на наукоемкое производство, обрабатывающую промышленность и малый бизнес. Снижение налоговой нагрузки по этим направлениям будет несомненно способствовать

необходимому изменению структуры российской экономики, приведет к дополнительному ее росту и в конечном счете увеличит поступления в бюджет.

Парадоксальная ситуация складывается и с внутренним потреблением добываемого газа. Имея треть общемировых запасов газа, занимая первое место в мире по его добыче, Россия сама газифицирована не более чем на 30 процентов. Если Финляндия, Польша, страны Балтии газифицированы российским газом на 95 процентов, то приграничные с ними российские территории – на одну треть. Под давлением Президента В.В. Путина «Газпром» заявил о долгосрочной программе ускоренной газификации России.

Никто не стремится и не может стремиться к ослаблению фискальной функции налогов – без этого нет бюджета. И во всяком случае, примитивно представлять предпринимателей, ученых, общественных деятелей, ратующих за сокращение налогового бремени или за замену НДС налогом с продаж, чуть ли не как людей, не понимающих значение налогов, и в частности НДС, для обеспечения разносторонних расходов бюджета. Просто в своем большинстве эти лица, очевидно, реально понимают кумулятивный эффект от снижения налогового бремени, видят, что в таком случае бюджет, общество получают больше, чем потеряют от сокращения налогов. Нельзя не отметить также, что от снижения НДС выигрывают в первую очередь промышленные предприятия, производящие продукцию с высоким уровнем добавленной стоимости. Таким образом, такое снижение создает условие для изменения структуры экономики.

Естественно, предприниматели обязаны – и это показатель их органичной принадлежности к российскому обществу – честно, не прибегая ни к каким противозаконным схемам, выплачивать налоги.

Нам часто ставят в пример Норвегию, которая откладывает денежные средства, полученные за счет высоких

цен на нефть, на будущие поколения. Представляется, что лучшим, наиболее подходящим примером для нас является не современная Норвегия, несопоставимая с нами по уровню жизни населения, а успешно вышедшие из глубокого кризиса после Второй мировой войны европейские страны и Япония. В Западной Европе, кстати, и не думали замораживать финансовые средства, поступившие по «плану Маршалла»²¹. И в Японии, и в Западной Европе опирались на то, что развитие экономики невозможно без роста платежеспособного спроса, иными словами, без роста доходов населения. События показали, что регулируемое государством экономическое развитие стран Западной Европы и Японии увенчалось превращением их в страны с высоким уровнем жизни населения. В Японии рост производства происходил на основе трех индикативных планов.

По той же стезе идут сегодня Китай и Индия. Главным образом не за счет макрорегулирования, что, несомненно, тоже важно, а увеличения потребительских расходов населения, целенаправленных государственных расходов, высокой инновационной активности. Китай опережает США по экспорту электроники, компьютеров, цифровых камер, мобильных телефонов, то есть высокотехнологичных товаров.

VI. Влияние мирового финансового кризиса

Финансовый кризис в США создал раковую опухоль с метастазами, проникшими в экономику других стран, охваченных глобальными связями. Мировая финансовая ситуация оказывает негативное влияние на российскую

экономику. Бесспорна необходимость антикризисных мер, осуществляемых государством. Однако нужно сделать все возможное, чтобы эти меры не вошли в непреодолимое противоречие с процессами, способными сохранить и укрепить позитивную динамику: рост ВВП, переход на инновационные рельсы, подъем жизненного уровня населения России. Реальный сектор уже чувствует нехватку средств для инвестиций в свое развитие, нуждается в рефинансировании своих долгов. Не приходится рассчитывать, что в создавшихся условиях эти проблемы будут решены исключительно за счет укрепления банков. Наряду с этим необходимы жесткие правила, обязывающие банки, которым выделяются государственные средства, сохранять имеющиеся кредитные линии для предприятий и в установленные государством сроки предоставлять кредиты средним и малым предприятиям.

Должна решаться проблема выкупа властями долговых бумаг российских компаний, а также акций, в первую очередь госкомпаний.

Что касается мер, стимулирующих бизнес, то не последнее место занимают налоги. Не следует, очевидно, опасаться быть неправильно понятыми, если изменяются те решения, которые принимались раньше, до того, как Россия почувствовала дыхание финансового кризиса. Я имею в виду решение об откладывании на будущее сокращение НДС.

Важная сторона дела и в том, что государственные предкризисные меры должны быть нацелены на поддержку всего бизнеса – малого, среднего и крупного. Более того, малый и средний бизнес, как известно, отличается от крупного меньшей способностью сопротивляться кризисным явлениям. Между тем, просматривается линия на поддержку в первую очередь крупных предпринимателей – это крупнейшие банки и на очереди крупнейшие нефтегазовые компании. «Газпром», «Лукойл»,

«Роснефть» и «ТНК-ВР» обратились к государству с просьбой выделить им кредиты для покрытия зарубежных договорных обязательств и поддержания инвестиционной деятельности. Все это важно осуществить. Но нельзя объективно способствовать тому, чтобы кризисная ситуация помогла укрепиться монопольному сектору во вред средним и малым компаниям, которые являются стержнем экономики.

Следует, очевидно, исходить и из того, что ни внешние рынки, ни приток иностранного капитала больше не могут быть главным источником финансирования российской экономики. В новых условиях особое значение приобретают внутренние источники – долгосрочные депозиты юридических лиц и населения, свободные средства Пенсионного фонда, часть средств Фонда благосостояния и профицит бюджета.

Бесспорно и то, что степень нашего благополучия зависит от накопленных финансовых возможностей. Но до каких масштабов следует осуществлять такое накопление – от ответа на этот вопрос напрямую зависит размер тех средств, использование которых тем или иным путем приводит к диверсификации экономики, росту ее конкурентоспособности, подъему жизненного уровня россиян.

Сконцентрироваться на поиски оптимальных решений, способных вывести страну из надвигающейся тяжелой экономической ситуации, должно помочь осмысление того, что не было сделано или сделано неправильно в прошлом:

- отказ от вливания значительной части накапливаемых средств в реальную экономику;
- вложение накапливаемых средств в американские казначейские бумаги вместо их использования внутри России для диверсификации ее экономики;
- отсутствие докризисных мер по увеличению капитализации российских банков, ликвидности всех звеньев

финансовой системы, в том числе при использовании части накапливаемых средств;

– фактическое поощрение получения кредитов, необходимых нашим предпринимательским структурам, из зарубежных источников (корпоративный долг достиг 450 млрд долларов);

– слабое использование налоговой системы для развития экономики на инновационной основе;

– потерянное время, связанное с явно запоздалым признанием промышленной политики, стратегического планирования, создания инвестиционного фонда;

– медленное использование бюджетных средств и осуществление уже принятых программ, в том числе, создание особых экономических зон, сети венчурных компаний, призванных стать механизмом поддержки высокотехнологичного производства и экспорта.

VII. Социально ориентированная экономика

С самого начала рыночного реформирования российской экономики либералы-догматики твердили: государство должно заботиться лишь о немощных людях, а остальные самостоятельно решат все свои социальные проблемы. Государственные вложения в человека ими, по сути, отрицались. В последние годы президентства Путина произошел поворот к социально ориентированной экономике. Были выдвинуты четыре национальных проекта – по здравоохранению, образованию, жилищному строительству и развитию сельского хозяйства.

Ориентация государства на подъем уровня жизни населения – это важная характеристика курса, которым пошла Россия. Старт был дан с очень низкой отметки. Общие потери российской экономики за время проведения либеральных реформ 1992–1998 годов превысили более чем в 2 раза потери советской экономики в годы Второй мировой войны.

На восстановительном этапе борьба с бедностью в России ограничивалась небольшими прибавками к пенсиям и зарплатам бюджетников. Однако уже к 2007 году рост реальных доходов населения почти в полтора раза превысил рост ВВП. Произошло снижение уровня безработицы, который все-таки остается высоким в деревне и в малых населенных пунктах. Пока не преодолено тяжелое материальное положение пенсионеров, получающих в виде пенсий лишь 25 процентов от зарплаты.

Следует обратить внимание и на другую, отягощающую сторону проблемы низкого уровня жизни российского населения. Известно, что в развитых странах бедность локализуется среди безработных, мигрантов, многодетных семей, а у нас в России 35 процентов лиц, находящихся ниже или рядом с чертой прожиточного минимума, составляют семьи работающих с одним или двумя детьми. Основная масса бедных в России – это работающие по найму или пенсионеры. Достаточно сказать, что в сельском хозяйстве зарплату ниже прожиточного минимума получают более двух третей работников. Дешевизна рабочей силы, помимо всего прочего, создает незаинтересованность в технико-технологическом прогрессе.

Социальная ориентация развития России может быть обеспечена, когда национальные программы приобретут постоянный характер, будут год от года набирать вес. Надо признать, что даже при небывало больших для России затратах на социальную область, прежде всего в рамках приоритетных национальных проектов, уровень

финансирования социальных расходов у нас вдвое ниже среднемирового и втрое ниже уровня развитых стран.

Постоянный рост социальных расходов из консолидированного бюджета должен положительно сказаться на выходе России из демографического кризиса. Достижения в этом плане имеют место: растёт рождаемость и сокращается смертность – это очень важный показатель полезности предпринимаемых мер. Но другим аспектом демографической проблемы является отток населения из азиатской части России. За Уралом на площади в 15 млн кв. км, что в 5 раз больше территории европейской части нашей страны, проживает всего около 20 млн человек. А там сосредоточено 80 процентов природных богатств России. К концу 2025 года, по прогнозу Росстата, в Сибири останется чуть больше, чем 17,5 млн, то есть по сравнению с 1991 годом население сократится почти на 20 процентов. Причем население там проживает крайне неравномерно. Как говорил, выступая на заседании «Меркурий-клуба»²², представитель Президента в этом округе Анатолий Квашнин, если ножкой циркуля провести круг радиусом в 300 км вокруг Новосибирска, то окажется, что 12 млн из ныне проживающих в Сибири сосредоточено в этом круге.

Еще более тяжелая демографическая ситуация складывается на Дальнем Востоке, где между двумя последними переписями населения – в 1989 и 2002 годах – число жителей сократилось на 13 процентов, и тенденция к сокращению населения не преодолена.

Прекращение оттока и рост населения за Уралом может обеспечить лишь обгоняющее среднероссийский уровень социально-экономическое развитие Дальнего Востока, Восточной Сибири и Забайкалья. По данным социологов, если в России в целом за порогом бедности находится 20–25 процентов населения, то в Сибири – 35–37 процентов.

Не последнее место в создании условий для социально-экономического подъема этих территорий принадлежит политике дозированной и контролируемой иммиграции. Дело в том, что в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах сохраняется устойчивый спрос на иностранную рабочую силу, что требует четкой иммиграционной политики, которая отсутствует. Обо всем этом мы говорили и говорим, а делами похвалиться не можем. Это серьезный недочет, который может обернуться стратегическими для России потерями.

Одним из самых болезненных и, я бы даже сказал, опасных явлений, становится уровень неравенства доходов в российском обществе. Если в начале рыночных реформ доходы 10 процентов наиболее обеспеченных граждан России превышали доходы 10 процентов самых малоимущих наших сограждан в 4,5 раза, то к 2008 году они превысили в 17 раз. Несмотря на рост средних доходов населения, 10 процентов наиболее благоприятных россиян получают почти половину прироста денежных доходов, а на долю 10 % самых бедных приходится только 3 процента доходов. Процесс имущественного расслоения продолжается. Такая тенденция вступает в явное противоречие с положением в индустриально развитых странах, где разрыв в доходах самых богатых и самых бедных граждан сокращается.

Следует признать, что не в полной мере оправдала себя так называемая «плоская» шкала подоходного налога. За годы ее применения, как считают многие эксперты, масштабная легализация доходов граждан так и не наступила, – доля зарплат «в конвертах» сократилась, но незначительно, и далеко не очевидно, что это произошло именно вследствие снижения налоговой ставки. А темпы прироста личных состояний наиболее богатых россиян многократно превысили темпы прироста уплачиваемых ими налогов. Известно, что в списках журнала «Форбс»

стремительно увеличивается число российских миллиардеров.

В нашей стране наряду с введением прогрессивной шкалы налогообложения, скажем, до 20 процентов, следовало бы вообще освободить от подоходного налога тех, кто живет ниже официально определяемой черты бедности.

Торгово-промышленная палата давно и неоднократно обращала внимание руководителей финансового блока правительства на то, что социальная функция налоговой системы должна проявляться также и в активном стимулировании государством благотворительной деятельности. Однако из-под налогообложения не выводятся даже те средства, которые направляются благотворителями на целевое финансирование учреждений для детей-сирот, детей-инвалидов и детей, оставшихся без попечения родителей. Эти вопросы нужно решать.

VIII. Внимание малому предпринимательству

Государство далеко не исчерпало своих возможностей в деле роста среднего класса. Главным источником его пополнения служит развитие малого бизнеса. И даже решением столь важной задачи не ограничивается его роль. Это и придание устойчивости экономики (доля малого бизнеса в ВВП постиндустриальных стран, как правило, превышает половину ВВП, а у нас не достигает 20 процентов), и решение во многом проблемы занятости населения. Неслучайно один из первых указов Президента Медведева был посвящен снятию административного давления на малые предприятия. Этому же по-

святил ряд заседаний руководимого им правительства Путин.

Принят закон, по которому вводится уведомительная практика создания малых предприятий вместо существующей лицензионной практики, вводится положение, согласно которому устанавливается срок одного раза в три года плановой проверки, а внеплановую проверку малых предприятий можно теперь осуществлять лишь с согласия прокурора.

Вообще, выращивание – не боюсь этого слова – малого и среднего предпринимательства для сегодняшней России имеет огромное значение. Без создания условий для развития малых форм хозяйствования у нашей страны чрезвычайно затруднены перспективы перехода на инновационные рельсы, практически отсутствует возможность создания цивилизованного рынка, свободного от удушающих объятий монополистов, наконец, радикального подъема уровня жизни населения, в чем мы так нуждаемся.

На начальном этапе перехода к рыночным отношениям преобладающее большинство малых предприятий в России создавалось в торговле и в сфере услуг. Это было закономерно, так как эти сферы в советский период были запущены, должного внимания им не уделялось. Со временем структура малого предпринимательства в России меняется к лучшему. Увеличивается доля малых предприятий, работающих в производстве и в области научно-технического прогресса. Но происходит этот процесс медленно. Его ускорение во многом зависит не только от поощряющих мер государства, но и от политики крупных компаний. В России, по сути, отсутствует практика, когда крупные компании обрастают малыми компаниями, которым передается ряд функций в сфере не только услуг, но и непосредственно производства. У нас примеров такого рода раз-два и обчелся. Между

тем это модель организации производства, хорошо зарекомендовавшая себя в индустриальных зарубежных странах.

Более того, в России крупные компании, особенно оперирующие в нефтедобыче, перекрывают кислород малому и среднему предпринимательству. Известно, что при необходимости диверсификации производства в России отнюдь не теряет своего значения развитие и совершенствование нефтегазового сектора, который в течение длительного времени сохранится в виде важнейшего источника бюджетных доходов. Для создания условий, способствующих приращиванию запасов нефти и газа, снижается налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Представляется, что не менее важно дополнительно снизить НДПИ для малых и средних предприятий, занимающихся нефтедобычей. Известно, что крупные нефтяные компании сосредотачиваются на высокорентабельных месторождениях и скважинах с высоким дебетом. При этом остается неиспользованным большой резерв малорентабельных месторождений и скважин, а этот резерв приближается к уровню годовой добычи нефти в стране в целом. Мы с беспокойством говорим о снижающейся динамике роста добычи нефти. Некоторые даже предрекают близкую перспективу резкого уменьшения добычи. Почему в таких условиях по-хозяйски, как это делают, например, в США, не поддержать малый бизнес в добыче нефти. Следует обратить серьезное внимание и на тот факт, что крупные нефтяные компании закрывают малым предпринимателям доступ к трубе.

Малый и средний бизнес должен стать мощной силой для инновационного прорыва нашей экономики. В США и других развитых странах малый бизнес обеспечивает 55 и более процентов инноваций. А что у нас? С одной стороны, в России – колоссальный интеллектуальный потенциал. На состоявшемся в 2008 году студенческом чемпионате мира по программированию наши «компью-

терные умники» из Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики завоевали звание чемпионов. Они вырвали победу у представителей знаменитого американского Массачусетского технологического института – второго в рейтинге лучших вузов планеты. Из 30 студенческих команд, показавших лучшие результаты, – 11 из России.

Однако по доле предприятий, осуществляющих инновации на практике, Россия прозябает на последнем месте в Европе. А ведь здесь открывается поистине необозримое поле для малого инновационного предпринимательства. В этих целях необходимо радикальным образом скорректировать налоговую политику государства, предоставив значительные, а не символические преференции малому бизнесу.

Резкий скачок цен на продовольствие на мировых рынках и замаячившая угроза глобального продовольственного кризиса должны заострить наше внимание к развитию малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе. Многие из них избавились от хронической нерентабельности. Но ни темпы роста производства в аграрном секторе, ни качество имеющегося здесь бизнеса не соответствуют общественным ожиданиям. В результате предприниматели, занимающиеся переработкой пищевого сырья, все в большей степени зависят от импортных поставок.

Заслуживает особого внимания потребительская кооперация. Через ее развитие можно рыночными способами повлиять на абсурдный в принципе порядок вещей, когда на пути от производителя к потребителю сельскохозяйственная продукция дорожает в 3–4 раза. Производитель из возрастающей цены производимой им продукции не получает ни копейки. Хорошо известно, к примеру, что в городах-миллионниках с согласия местных администраций развернулось тотальное наступле-

ние сетевых структур. В российскую Торгово-промышленную палату не иссякает поток жалоб, суть которых можно сформулировать кратко: если где-нибудь появляется сетевой гигант, то в радиусе нескольких километров погибает любая торговая точка, принадлежащая малому бизнесу, реализующему продукцию по более низкой цене.

Своеобразный «флюс», который появился у нас в виде крупных компаний, должен быть ограничен нормальной конкуренцией, в том числе в ценообразовании и в свободном входе на рынки. Нужно преодолеть лоббирование крупных собственников против ужесточения антимонопольного законодательства и ввести механизмы по изъятию значительной части сверхприбыли, возникающей в результате искусственно созданных монопольных ситуаций на рынках. Разве не поучителен в этом отношении пример США, где в 2007 году конгрессом был принят закон, по которому предусматриваются штрафные санкции до 150 млн долларов для фирм и три года тюремного заключения для их руководства за неоправданное повышение цены на бензозаправках.

IX. Демократия или диктатура

Такая дилемма перед Россией не стоит. Да и эти два понятия в отношении России интерпретируются специфически. На Западе многие думают, что усиление борьбы за порядок, стабильность в России, сохранение ее территориальной целостности противоречит движению в сторону демократии. Как будто демократическое состояние общества может быть достигнуто через хаос, межэтнические столкновения, сепаратизм. Много упреков было высказано в адрес России в связи с действиями с целью

сохранения территориальной целостности, против поднимавшего голову сепаратизма на Северном Кавказе. Время, однако, показало правильность предпринятых мер. Еще полностью не подавлены разрозненные группы бандитов, но перелом произошел, когда действия федеральных сил против боевиков были усилены самими чеченцами. Некоторые поступки чеченских властей вызывают негативную реакцию в общественном мнении, но главное в том, что обстановка в Чечне стабилизирована.

Ряд западных руководителей считают, что наша страна может считаться демократической, если в ней устанавливается американская или, при всех ее различиях с американской, западноевропейская модель демократии. У нас в стране в понятном и справедливом противодействии такому представлению распространилась идея «суверенной демократии». Однако такая идея, на мой взгляд, имеет ряд изъянов.

Почему? Выводить ответ на этот вопрос из объективной данности – национальной специфики того или иного типа демократии, той или иной национальной культуры, национального менталитета было бы ошибочно, да и опасно. Так можно договориться до того, что тоталитаризм, автократия, авторитарная форма правления тоже рождаются из чисто национальных особенностей.

Россия идет к общечеловеческим ценностям, таким, как демократия, своими путями с учетом традиций, истории, многонационального характера государства, географического положения. Она, впрочем, как и многие другие страны, не приемлет безосновательных и абстрактных зарубежных поучений и тем более навязывания тех или иных моделей построения общества, форм управления. Однако необходимо, чтобы все это укладывающееся в понятие суверенитета государства, а не суверенной демократии не использовалось теми, кто пытается и внутри страны, и вне ее отделить Россию от происходящих объективных процессов – глобализации, трансна-

ционализации экономической деятельности, сближения различных цивилизаций.

Мы не можем проходить мимо такого болезненного явления, как активизация националистов, движимых ксенофобией. Одной из главных черт гражданина России должен быть патриотизм. Это любовь и к своей Родине, и к своему народу. Националистов же характеризует стремление смотреть на других свысока, подчеркивая превосходство своего народа над другими. Некоторые рассматривают противостоящий этому интернационализм как коммунистическую дефиницию, которой на смену в условиях рыночного развития России якобы должен прийти национализм. Такая трактовка абсолютно неправильна и вредна.

Далека от российской действительности и ее характеристика как диктатуры. Нельзя подменять этим понятием укрепление государства и его функций, особенно в период перехода к цивилизованным рыночным отношениям. Как говорил Ф.Д. Рузвельт, «...сильное, деятельное государство никогда не вырождается в диктатуру. Диктатура всегда приходит на смену слабой и беспомощной власти».

Сильное государство нужно России не только для того, чтобы создать необходимые условия для продвижения стратегического курса, которым пошла страна, но и для того, чтобы обезопасить его от попыток повернуть вспять. Сегодня, как уже говорилось, тенденция перехода власти в руки олигархов подавлена. Но это не означает, что псевдолибералы отказались от стремления вернуть страну ко времени их правления в 90-е годы.

Это не снимает вопроса о необходимости видеть и другую опасность – стремление части госаппарата обеспечить свою деятельность не демократическими средствами, а созданием командно-рыночной системы. Такие госслужащие, как правило, срачиваются с бизнесом, лоббируют интересы его различных групп. Эта часть госапп-

парата является рассадником коррупции, которая в России превращается в эпидемию. По словам начальника Управления контроля за размещением госзаказа ФАС, размер «отката», то есть взятки при государственных закупках, подчас достигает 50 процентов от стоимости заказа. И это далеко не единственное проявление коррупции, которая разъедает общество.

Потенциальная опасность для курса, направленного на развитие демократии в России, – призрак однопартийности. Если восторжествует линия на то, что Госдума не является местом для дискуссий, о чем говорилось вслух, то это будет означать начало деградации всей российской общественно-политической системы.

Такая опасность осознается. Поэтому звучат предложения создать в России двухпартийный стержень. На роль второй ведущей партии может претендовать левоцентристская «Справедливая Россия». Но осуществление этого проекта, авторство которого приписывается Кремлю, сопряжено с большими трудностями. Когда создавалась «Единая Россия», то в максимальной степени был задействован административный потенциал. Многие руководители регионов, муниципалитетов посчитали себя обязанными стать членами этой партии. Могут ли они теперь занять хотя бы нейтральную позицию, а не то чтобы оказывать поддержку «Справедливой России» во время выборов в Государственную Думу? Да еще в условиях, когда лидером «Единой России» стал В.В. Путин.

Левый центризм для России, как представляется, является преимущественным – и по традициям, от которых нельзя абстрагироваться, и в связи с социально ориентированным экономическим развитием. Укрепление партийного левоцентризма могло бы произойти в случае, если Коммунистическая партия России, за которую выступают почти 20 процентов избирателей, могла бы, как это происходит с мировым коммунистическим движением, при редких исключениях, взять крен в сторону социал-демократии. Однако пока это не происходит.

Демократизация в нашей стране неотделима от совершенствования вертикали власти и государственного федерального устройства. Необходимость политической централизации в такой огромной стране, как Россия, очевидна. На сегодняшний день, можно считать, укреплено звено, связывающее Центр с регионами, – думаю, что рано отходить от назначаемости глав субъектов Федерации. Много нерешенных вопросов на отрезке вертикали власти между регионами и муниципалитетами: сделано далеко не все для определения прав и обязанностей тех и других, распределения полномочий.

Но политическая централизация – это одна сторона медали. Другая заключается в необходимости передавать больше экономических прав от Центра регионам и соответственно от регионов муниципалитетам. На практике это начинается. В результате перераспределения функций в правительстве Министерство регионального развития должно определять распределение средств Инвестфонда, становиться заказчиком федеральных целевых программ.

Одной финансовой составляющей дело не ограничивается. Да и она не исчерпывается простым увеличением поступающих из центра в регионы финансовых средств. Очевидна необходимость разработки всей системы бюджетного федерализма, с тем чтобы решить целый ряд задач: оптимизировать налоговое распределение средств между Центром и регионами, регионами и муниципалитетами, стимулировать субъекты Федерации и муниципалитеты на использование своих возможностей для экономического развития. Особое значение может иметь активизация хозяйственной деятельности экономически мощных регионов в других регионах. Проблемы депрессивных субъектов Российской Федерации могут быть решены и за счет внутристрановой миграции капиталов, создания смешанных межрегиональных компаний. Примером является перемещение ряда московских предприятий в Смоленскую область.

В федеральном строительстве многое будет зависеть от четкого продолжения уже начавшейся практики укрупнения регионов. Современное российское федеральное государство базируется на том административно-территориальном делении, которое было в советский период. Но тогда высшими целями было решение политических задач. Пересмотр административного устройства России призван служить также решению задач экономических и социальных.

Однако укрупнение субъектов Федерации часто упирается в сложную, но чрезвычайно важную для государства с федеративным устройством проблему межнациональных отношений. Российский феномен заключается в том, что ряд административных образований потерял свой национальный характер по составу населения – так называемая титульная нация составляет сравнительно небольшой процент. Наряду с этим ряд автономных республик Северного Кавказа создан на двухнациональной основе, и не последнее место в них занимают межэтнические трения, противоречия, усугубляемые «клановыми» назначениями. При социально-экономической целесообразности объединения таких субъектов Федерации с соседними более крупными, естественно, следует сохранять культурную автономию для утрачивающей административный статус титульной нации или наций. Конечно, этот процесс не должен затронуть те крупные национальные автономии, где коренное население преобладает. Объективная необходимость укрупнения российских регионов, очевидно, приведет в будущем также к объединению малых областей с преимущественно русским населением – это тоже диктуется социально-экономическими требованиями.

Для такого многонационального и многоконфессионального государства, как Россия, особенно важна выверенная национальная политика. Ее значение возрастает также в связи с иммиграцией – временной и постоянной –

в нашу страну миллионов жителей других бывших республик Советского Союза. Причем состав иммигрантов все больше меняется в пользу нерусских. Шовинизм и национализм обычно подпитывают друг друга. Общество раскачивается, а не сплачивается на основе любой идеи, не носящей интернационального, общероссийского характера.

Серьезную проблему создает ныне существующий состав верхней палаты Законодательного Собрания – Совета Федерации. Отход от первоначальной избираемости его членов населением тех субъектов федерации, интересы которых они призваны защищать, по существу, привел к тому, что этот важнейший орган подчас пополнялся людьми, далекими от этой своей функции. Среди них оказались даже люди с криминальным прошлым или настоящим. Положение должно быть изменено, ибо без этого невозможно совершенствование федерального устройства России.

Вдохновляет тот факт, что Медведев сразу же сделал акцент в своей работе на борьбе с коррупцией. Учитывая ее масштабы в России, такая борьба должна выходить за рамки временной кампании. И конечно, ее успех будет зависеть от того, захотят ли выводить из-под удара коррупционеров, занимающих высокие посты. В обществе именно это служит критерием серьезности долгожданного претворения в жизнь антикоррупционных намерений руководства. Много в этом плане зависит от подлинной независимости Генеральной прокуратуры и судебного аппарата, незаангажированности других правоохранительных органов.

Глава VI

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ

В начале ноября 2007 года в интервью газете «Даллас Морнинг ньюс» в Техасе государственный секретарь США Кондолиза Райс заявила, что главный вызов России внешнему миру – это ее энергетическая политика*. В такой констатации она не была оригинальна. Нечто подобное говорил и Збигнев Бжезинский и Джордж Сорос – я их выбрал из числа аналогично настроенных политиков, журналистов и бизнесменов, так как именно эти два часто цитируемых деятеля – известный политик и легендарный финансист – претендуют в своих оценках на истину в последней инстанции. В виде жертвы обычно называют Европу, которую Россия хочет взять в «энергетические клещи», или страны СНГ, которые Россия стремится приручить, манипулируя «энергетическим краном».

Европейский союз, конечно, нуждается в поставках российских нефти и газа, которые уже в настоящее время покрывают весьма значительную часть его потребностей. Необходимость импорта газа и нефти из России будет несомненно возрастать. По прогнозам Международного энергетического агентства (МЭА), к 2030 году потребление энергоресурсов в странах ЕС будет ежегодно увеличиваться на 7 процентов при росте совокупного ВВП на

* The Dallas Morning News. 2007.09.11.

1,9 процента в год. Особенно большим прогнозируется рост потребление газа в ЕС – с 2000 по 2030 год почти в 2 раза, что потребует возрастания его импорта за этот период почти в 4 раза. Испытывает необходимость в получении российских нефти и газа также ряд стран СНГ – Украина, Белоруссия, Молдавия, Армения и вышедшая из СНГ Грузия. Действительно ли Россия делает ставку на то, чтобы использовать свое энергетическое превосходство как имперское оружие?

I. Принципы энергетической политики России

Россия сказочно богатая страна первичными энергоресурсами, а по добыче нефти и газа в 2006 году стала первой в мире. Вместе с тем имеет место ряд специфических обстоятельств, которые непосредственно влияют на ее энергетическую политику. Они не всегда и не в полной мере учитываются нашими западными оппонентами.

Первое. Несмотря на возрастающий внутренний спрос на энергоресурсы, связанный с тем, что Россия вышла на устойчивое экономическое развитие, обгоняющее по темпам почти в 2 раза среднемировой уровень, страна жизненно заинтересована в расширении экспорта нефти и газа. Он обеспечивает более 50 процентов доходной части федерального бюджета, более 70 процентов стоимости всего экспорта и валютной выручки, 100 процентов Резервного фонда и Фонда благосостояния. Такое или близкое к нему положение сохранится на длительную перспективу даже при серьезном продвижении процесса диверсификации российской экономики.

Таким образом, если Европа испытывает и будет испытывать в будущем потребность забрать как можно больше газа и нефти, экспортируемых Россией, то и сама Россия испытывает и будет испытывать не меньшую потребность в беспрепятственной реализации возрастающего экспорта своих энергоресурсов.

Второе. В настоящее время основная добыча нефти и газа осуществляется с месторождений, открытых еще в советскую эпоху в Западной Сибири. Их запасы истощаются. Столь необходимый стране рост добычи станет возможным лишь при освоении новых месторождений в труднодоступных местах Восточной Сибири, на шельфе северных морей, на Каспии. Для этого необходимы огромные средства, призванные обеспечить разведку, обустройство, защиту окружающей среды, дорожную инфраструктуру, дорогостоящую новую технику, особенно для добычи на шельфе. Получение таких средств, в свою очередь, возможно при бесперебойных поставках российских энергоресурсов на нынешние рынки.

На государственном уровне предпринимается целая система мер, стимулирующих нефтяной и газовый бизнес развернуться к новым источникам. С целью активизировать геологическую разведку сокращается налог на добычу полезных ископаемых. Вводятся нулевая ставка НДС для месторождений с труднодоступными запасами и налоговые каникулы на добычу на шельфе. Освоение новых месторождений нефти и газа наряду с продолжением курса на то, чтобы снять Россию с сырьевой иглы, становится жизненно необходимым.

Конечно, рост добычи нефти и газа усиливает внешнеполитические позиции России. Никто с этим не спорит. Но главные побудительные мотивы наращивания потенциала энергоносителей для их внутреннего потребления и экспорта лежат в плоскости интересов экономического развития нашей страны.

Третье. Географическое расположение основных месторождений, с которых ныне добывается нефть и газ в Западной Сибири, делает наиболее выгодным рынком для их российского экспорта Европу. Выбор европейского рынка порожден чисто экономическими причинами. После вступления в строй месторождений Восточной Сибири, на шельфе Арктики и новых трубопроводов, строительство которых уже происходит, появится и будет использована реальная возможность диверсификации рынков сбыта российских нефти и газа – Китай, Япония, Корея, Соединенные Штаты.

Между тем значение Европы как потребителя основной части нефтегазового экспорта России сохранится на десятилетия. Вот почему в интересах и России и ее европейских партнеров заключение долгосрочных контрактов на поставки российских нефти и газа. Надежность российских поставок подтверждается историей – они не прерывались даже во время холодной войны. Сегодня эта надежность опирается на уже существующие и дополнительно создаваемые трубопроводы, которые связывают российских производителей с европейскими потребителями.

Следует принимать во внимание и благоприятные перспективы увеличения добычи энергоносителей с месторождений в Западной Сибири. В настоящее время коэффициент извлекаемости нефти там равен 30, следовательно, 70 процентов остается в недрах. Это значительно больше чем у основных зарубежных производителей, а также в сравнении с практикой советского периода, когда средний процент извлекаемости был равен 40, а в отдельных случаях доходил до 50. Серьезные резервы увеличения добычи существуют и по газу – наряду с ростом использования попутного газа при нефтедобыче, на что сейчас обращается особое внимание, предстоит ввод в строй Штокмановского месторождения, обладающего огромными запасами.

Четвертое. В реализации нефти и газа за рубежом Россия жестко переходит на рыночные рельсы. Она полностью отказывается от занижения цен на нефть и газ, поставляемые в ряд стран СНГ только по причине их формального нахождения в Содружестве. Переход на рыночные цены будет завершен для всех стран СНГ в 2011 году. Ценовая дифференциация имеет место только на переходный период – она связана главным образом с выполнением страной – членом СНГ обязательств по транспортировке нефти и газа по своей территории и наличием согласованного плана перехода на рыночные цены.

Когда Россия искусственно занижала цены на поставки нефти и газа в нуждающиеся в них страны СНГ, ее никто не обвинял в семи смертных грехах. Но когда, убедившись, что субсидирование экономик этих стран за счет своего благополучия оказывается неудачным как средство развития и укрепления Содружества Независимых Государств, Россия перешла на общемировую практику рыночных цен, ее стали обвинять в давлении на страны – потребители нефти и газа. Где здесь логика? И как, интересно, поступят «обвинители», если так произойдет, что будут снижены рыночные цены на нефть и газ, поставляемые тем странам СНГ, которые решительно пойдут по пути создания единого с Россией экономического пространства? Станет ли это опять поводом для обвинений в адрес нашей страны?

Как тут не вспомнить, что на переговорах о вступлении России во Всемирную торговую организацию (ВТО) требовали, чтобы она подняла внутренние цены на нефть и газ до уровня мировых. А теперь Россию подвергают острой критике за то, что она поднимает цены до уровня мировых и переходит на общепринятую коммерческую практику в отношении всех потребителей своих первичных энергоресурсов. При этом Россия еще дает время импортерам подготовиться к переходу на мировые

цены и к тому же взяла курс на постепенное выравнивание внутренних и экспортных цен. Неужели не понятно, что подоплека нелогичной, несуразной критики России лежит в политической области?

Пятое. Разведку, добычу и транспортировку нефти и газа Россия осуществляет не изолированно. Она привлекает к этому иностранных участников. Разве не свидетельствует об этом, например, приглашение французскому концерну Total и норвежскому Statoil-Hydro совместно с «Газпромом» участвовать в консорциуме по освоению богатейшего в мире Штокмановского газового месторождения? Или участие немецких компаний в строительстве газопровода по дну Балтийского моря и одновременно в добыче газа в Западной Сибири? Или тот факт, что американская Exxon Mobil (30 %) совместно с индийской ONGC (20 %), «Роснефтью» (20 %) и японской SODECO (30 %) вывели на проектную мощность добычу нефти на «Сахалине-1», а американская ConocoPhillips расширяет сотрудничество с компанией «ЛУКОЙЛ»?

Готовность сотрудничать с иностранными корпорациями – и государственными, и частными – стратегическая линия России, которая заинтересована в получении передовых технологий, опыта, инвестиций. Без всего этого было бы гораздо труднее разрабатывать новые месторождения. Но такое сотрудничество должно быть равноправным и взаимовыгодным, что проявляется, в частности, в желании России получить соответствующую долю в сфере распределения и транспортировки своих нефти и газа.

Шестое. Государство усилило свое участие в нефтегазовом комплексе. Оно не только создает условия, благоприятствующие деятельности частных компаний в этой области, но и имеет основные позиции в добыче и транспортировке нефти и газа. Во многом это диктуется необходимостью обеспечить обоснованные потребности внутреннего рынка и энергетическую безопасность России.

Что вкладывается в понятие энергетической безопасности? Прежде всего, не односторонняя гарантия поставок, как трактуют энергетическую безопасность многие западные представители, что проявилось, например, при подготовке документов Санкт-Петербургского саммита «восьмерки» в 2006 году. Безопасность должна обеспечиваться «тройственной» гарантией: поставок со стороны стран-производителей; транспортировки со стороны стран, по территории которой она осуществляется; и спроса со стороны стран-потребителей. Все они должны делить ответственность и риски за бесперебойное функционирование глобальной энергетики.

II. Переломный 2006 год

В этот год произошли два события, оказавшие серьезное влияние на отношения России с зарубежными партнерами в энергетической области и вызвавшие наибольшую волну наскоков на ее политику. Первое из них – кульминация, которой впервые достиг конфликт с Украиной, по территории которой проложен трубопровод для экспорта российского газа в Центральную Европу. Второе – кризис в отношениях с иностранным оператором проекта «Сахалин-2»²³.

В результате «оранжевой революции» в Киеве действительно пришли к власти люди, далеко не во всем импонировавшие Москве – и по своим заявлениям, и по начавшейся антирусской политике. Новая обстановка наложила отпечаток на российско-украинские отношения в энергетической сфере. Украина ответила отказом на предложения «Газпрома» в отсутствие соглашения по

цене сесть за стол переговоров. В свою очередь «Газпром» сначала предупредил, а затем прекратил поставки газа, предназначенные для Украины, что не должно было, по мнению Москвы, повлиять на поставки по соглашениям с европейскими странами. Однако украинский «Нафтогаз» решил наступить на «большую мозоль» Москвы и начал отбирать себе из газа, предназначенного европейским потребителям. Возобновление через три дня поставок газа на Украину в полном объеме произошло сразу после того, как украинская сторона согласилась на переговоры и прекратила отбор газа по проложенному по ее территории трубопроводу.

Сокращение поставок российского газа на Украину имело место еще раз в марте 2008 года, когда украинская сторона отказалась документально оформить свою задолженность по импорту газа, достигшую 1,5 млрд долларов. Положение выправилось, как только Киев дал согласие на такое оформление.

Но практика несанкционированного отбора газа была продолжена. Как писала газета «Коммерсант-Украина», правительство Украины официально подтвердило, что отобрало 1,3 млрд кубометров газа, который должен был быть поставлен из России в Европу в 2008 году, и обещало вернуть его трейдеру RosUkrEnergo.

Подобные эпизоды, к сожалению, происходили, так как некоторые страны СНГ, получавшие прежде нефть и газ по заниженным ценам, протестовали против перехода на рыночные расчеты. В конце концов, ситуация, можно считать, улаживается еще и потому, что Россия, как уже говорилось, растянула на несколько лет переходный период к рыночным ценам. Однако эти события были широко использованы для того, чтобы обвинить Россию в злонамеренной возможности «перекрывать кран», что, дескать, делает ее крайне опасным партнером в энергетической области и требует поиска альтернативного источника снабжения нефтью и газом Европы.

Что касается кризиса в отношениях с компанией Sakhalin Energy, созданного англо-голландской Royal Dutch Shell и японскими Mitsui и Mitsubishi, то смысл его заключался в нежелании окрепшей, вставшей на ноги России мириться с грабительской практикой иностранного партнера. В середине 1994 года Россия подписала с этими компаниями Соглашение о разделе продукции (СРП) для разработки богатейшего нефтью месторождения на Сахалине. Для инвесторов был создан сверхльготный налоговый режим. По соглашению иностранный оператор обязан был в установленный срок и в пределах установленной сметы обустроить месторождение и довести добычу до уровня, покрывающего его расходы. С этого момента добытая нефть по СРП делится 50 на 50 процентов между российским правительством, администрацией Сахалинской области, с одной стороны, и компанией Sakhalin Energy с другой. Такое соглашение было подписано Россией, когда она не имела собственных финансовых возможностей. Но иностранный партнер, очевидно, решил, что Россия будет терпеливо переносить те манипуляции, которые он осуществлял в контексте соглашения. Оператор отодвинул срок раздела нефти, нанес большой экологический урон своей деятельностью, не посчитался с условием соглашения о том, что 70 процентов поставок товаров и услуг должны осуществляться российскими компаниями. Чаша терпения переполнилась, когда иностранный оператор заявил, что почти в 2 раза увеличивает ранее обусловленную смету расходов.

Назревал нешуточный скандал. В события оказался втянут и Совет Федерации Федерального Собрания РФ, который создал рабочую группу по оценке ситуации. На Западе, как это обычно бывает, появились статьи с предположениями, что Россия прибегнет к силе: отберет лицензию у иностранной фирмы, дело дойдет до экспроприации иностранной собственности, до громких уголовных дел. Одновременно Россию обвиняли в одно-

стороннем – опять ненадежность! – выходе из соглашения. Тех, кто поднял шумиху, ждало разочарование. Оператору проекта «Сахалин-2» трудно было опровергнуть факты, и он, согласившись на изменение условий, уступил за справедливую цену (к такому выводу пришли аналитики Deutsche UFG и другие солидные иностранные оценщики) в 7,45 млрд долларов 51 процент акций «Газпрому». Royal Dutch Shell сохраняет 27,5 процента акций, а остальные 22,5 процента принадлежат японским компаниям. Проект продолжает работать.

Если стороной конфликта в отношении проекта «Сахалин-2» было Российское государство, то от этого принципиально отличается спор, возникший между акционерами ТНК-ВР, созданной в начале 2003 года британо-американской British Petroleum и Тюменской нефтяной компанией. Они разделили акции совместной компании 50 на 50. Суть спора между частными акционерами в том, что В. Вексельберг, М. Фридман, Г. Хан и Л. Блаватник – российские совладельцы компании – настаивали на развитии бизнеса ТНК-ВР за рубежом, а британцы, напротив, хотели сконцентрироваться только на добыче российских энергоресурсов. Российских совладельцев не устраивало также, что операционный контроль за деятельностью совместной компании – у британцев. По сути, это корпоративный конфликт. Российскому государству он не выгоден, хотя это не делает его безразличным к происходящим событиям.

Тем не менее на Западе готовы представить этот конфликт как часть общей политики России по ограничению иностранных инвестиций в разведку и добычу полезных ископаемых. При этом, как правило, не называют суть этих ограничений, в чем конкретно они проявляются. Действительно, Россия ввела обязательное согласование с правительственной комиссией сделок, в результате которых иностранные компании приобретают более 50 процентов голосующих акций предприятий,

осуществляющих геологическое изучение недр, разведку и добычу полезных ископаемых на участках федерального значения. Любому непредубежденному человеку ясно, что вводится ограничение на приобретение более половины голосующих акций и лишь на месторождениях федерального значения. Разве это выходит за рамки международной практики? Почему не вызывает в таком случае критику, например, заявление главы представительства Еврокомиссии в Москве Марка Франко: «Евросоюз не возражает против инвестиций крупных компаний в газораспределительные сети ЕС и в энергетический сектор в целом. Однако будет настаивать на том, чтобы контрольный пакет акций находился в руках европейских государств»? От такого требования, по словам Франко, «...напрямую зависит европейская энергетическая безопасность». А разве нам не пристало заботиться о своей энергетической безопасности?

III. Истинная цена обвинений

Особенно часто звучит обвинение России в том, что она в политических целях использует поставки своих энерго-ресурсов в Центральную Европу. Об отсутствии намерений России играть этой картой свидетельствует, может быть, больше, чем что-либо другое, курс на диверсификацию маршрутов доставки первичных энерго-ресурсов в европейском направлении. Хорошим примером является проект «Северный поток» (прежнее название Северо-европейский газопровод). Он предусматривает транспортировку российского газа по дну Балтийского моря непосредственно в Германию. Строительство этого газопровода протяженностью в 1200 км начато. Партнерами

«Газпрома» (51 %) в проекте выступают немецкие концерны BASF и E.ON и присоединившаяся к ним голландская корпорация Gasunie. В результате ее участия «Газпром» получает девятипроцентную долю в интерконнекторе, соединяющем континент с Великобританией²⁴.

«Северный поток», пожалуй, самый дорогой проект «Газпрома». Вместе с тем это совместный проект. Его смысл в нескольких выигрышных моментах и для российских производителей, и для европейских потребителей. Надежность поставок будет зависеть от одного «Газпрома», который их гарантирует. Не следует забывать, что до ввода в строй «Северного потока» 80 процентов транзитных объемов газа из России в Европу проходит через Украину. Создается реальная основа для увеличения поставок российского газа, в чем особенно заинтересованы концерны Германии, Франции, Бельгии. Новая труба позволит подключить к российскому газу несколько новых стран – Великобританию, Нидерланды и Данию. В 2006 году к «Северному потоку» решила присоединиться Финляндия. Наконец, те страны, по территориям которых проходят ныне действующие трубопроводы, лишаются возможности шантажировать Россию, несанкционированно отбирать в свою пользу газ, спекулируя на заинтересованности «Газпрома» быть надежным поставщиком газа в Европу.

Против этого проекта, по понятным соображениям, выступили Украина, Польша, страны Балтии, которые, помимо всего прочего, опасаются потерять возможность зарабатывать на увеличении транзита российского газа. Но что при этом стоит за крайне негативной позицией Соединенных Штатов? Об этом несколько позже.

Бессмысленно высказывать недоверие России в том, что с помощью увеличения поставок нефти и газа в Европу она стремится монополизировать рынок, чтобы повысить на нем цены. «Газпром», впрочем, как и наиболее дальновидные его европейские партнеры, предпочитают

долговременные соглашения, содержащие формулу корреляции цен на российский газ с динамикой мировых цен на нефть. Россия в таких условиях не диктует, да и не может диктовать цены.

Высшие чиновниками ЕС не без поддержки из Вашингтона считают одним из самых болезненных вопросов взаимоотношений с Россией ее отказ ратифицировать Договор об энергетической хартии – документ, который, по мнению руководства ЕС, устанавливает правила сотрудничества в области энергетики. В хартии провозглашается ряд важных принципов: поощрение иностранных инвестиций в энергетику, свободная торговля энергоматериалами, свобода транзита по трубопроводам и сетям, сокращение негативного экологического воздействия. Это, естественно, не вызывает никаких возражений. Вместе с тем в хартии, подписанной Россией в 1994 году, содержатся положения, которые могут быть интерпретированы как приходящие в противоречие с национальным суверенитетом страны. Самое главное, что эти положения не только подтверждены, но ужесточены в Транзитном протоколе, который был присоединен к Энергетической хартии в 2003 году.

В существующей редакции Россия не могла передать Энергетическую хартию на ратификацию в Государственную Думу. Немецкий политолог, эксперт по России Александр Рар писал: «В то время как потребители на Западе беспокоятся по поводу надежных энергетических поставок, Россия считает немаловажным вопрос надежного заработка на энергетическом экспорте. Зеленая книга комиссии ЕС, которая требует дополнительных гарантий от государств-экспортеров в ходе либерализации энергетического рынка ЕС, но не дает такому экспортеру, как Россия, никаких гарантий его сбыта в ЕС, не слишком способствует устранению разногласий»*.

* Рар А. Россия жмет на газ. – М., 2008. С. 24.

Кстати, Норвегия тоже подписала, но не ратифицировала Энергетическую хартию и отказывается применять ее на практике.

И все-таки не все безупречно в делах и «Газпрома». Хотя он и является собственностью Российского государства, но функционирует как один из крупнейших в мире концернов и неминуемо воспринимает некоторые черты, присущие его зарубежным партнерам. Подчас проявляется монопольное положение компании. Например, непонятно звучит в устах отдельных газпромовских руководителей противопоставление двух вариантов для европейских потребителей газа: диверсификация источников либо увеличение поставок «Газпромом». Стремление увеличить поставки в Европу ни в коей мере не должно противопоставляться законному желанию Европейского союза использовать и другие источники снабжения газом. Такое противопоставление может дать повод для неправильной интерпретации действий «Газпрома» по закупке газа у ряда его производителей за пределами России по мировым ценам. На самом деле «Газпром», очевидно, озабочен главным образом тем, чтобы создать дополнительную гарантию заполнения трубы, по которой экспортируется газ, в условиях ожидаемого роста потребления внутри России. Немалое значение при этом имеет стремление контрдействовать, когда предпринимаются очевидные меры, направленные на подрыв европейских позиций «Газпрома».

Неправильной интерпретации действий «Газпрома» способствуют и такие залихватские и к тому же неосуществимые предложения, разрекламированные прессой, как скупить по мировым ценам «на корню» всю нефть, газ и сжиженный природный газ, экспортируемые Ливией, у которой существуют многолетние связи со странами-потребителями. С этим контрастируют выверенные и взвешенные предложения В.В. Путина ряду стран СНГ продавать России по мировым ценам энергоресурсы

для их транспортировки по уже работающим и запланированным трубопроводам. Известно, что Туркмения, Казахстан и Узбекистан согласились с 1 января 2009 года продавать газ «Газпрому» по мировым ценам.

Когда особенно выпирает корпоративный интерес «Газпрома», вмешивается руководство страны. Так, например, Президент Медведев потребовал у «Газпрома» и «Роснефти» неуклонного выполнения своего еще в бытность первым заместителем Председателя правительства указания о снабжении газом регионов российского Дальнего Востока. Для исполнения этого указания необходима модернизация газотранспортной системы, строительство нового газопровода и договоренность с участниками проекта «Сахалин-1». Как писала газета «РБК daily» «...ранее “Газпром” хотел забрать весь газ с проекта. Причем он хотел его не для обеспечения российских потребителей, а чтобы ликвидировать альтернативу для получения российского газа Китаем»*. Пришлось и Председателю правительства Путину потребовать от «Газпрома» обеспечить допуск к своей трубопроводной сети в России желающим ее использовать производителям газа. Речь идет о российских производителях, не связанных с «Газпромом», которые в настоящее время добывают 14–16 процентов от общего объема добычи, а могли бы добывать в 2 раза больше, если бы не было ограничений доступа к трубе.

Концентрация в руках государства энергетических гигантов – «Газпрома» и «Роснефти» в настоящее время представляется оптимальным вариантом. Вместе с тем это должно служить единой энергетической политике России, для чего необходимо их тесное взаимодействие. На практике оно не всегда получается, и, как мне представляется, причиной является, как правило, защита компаниями своих корпоративных интересов.

* РБК daily. 2008.21.07.

Так или иначе, но энергетическую политику России выработывают, конечно, не компании, какими бы они ни были большими и сильными, а правительство – это бесспорно.

IV. Трубопроводное противоборство

Хотя основные причины российского энергетического интереса к Европе лежат в экономической плоскости, было бы неправильно отрицать политические мотивы в энергетическом курсе России. Но каковы они – вот в чем вопрос.

Опять небольшой экскурс в прошлое. Россия при всем своем своеобразии, характерных, присущих ей одной чертах, исторически формировалась как европейская страна. И дело было не только в ее географической расположенности. Призыв варягов в Древнерусское государство, окно в Европу, открытое при Петре I, тесные связи российских династий с европейскими, русской интеллигенции с Европой, общехристианская цивилизация – все это реальная история. Противоречия между славянофилами и представителями проевропейского направления заключались не в том, что первые отрицали связи России с Европой, а в том, что вторые отрицали своеобразие России, открывавшее для нее самостоятельный путь в будущее.

После Второй мировой войны Восточная Европа контролировалась Советским Союзом, а западная часть Европейского континента приняла проамериканскую ориентацию, практически контролировалась Соединенными Штатами. Наиболее прозорливые политики, несмотря на это, ратовали за единую Европу от Урала до Атлантики.

Таким был де Голль, и не он один. После окончания холодной войны, казалось бы, лозунг единой Европы обрел более прочную основу. Однако превалирующая часть Западной Европы оставалась в НАТО и была интегрирована в Европейский союз. Во время холодной войны Советский Союз, по сути, был настроен одновременно против этих двух организаций. Но СССР постепенно отошел от первоначальной примитивной оценки интеграционного процесса в Западной Европе, когда предрекалась его недолговечность в результате «отсутствия объективных условий». Постепенно вырисовывалось стремление СССР в последние годы его существования, и особенно России, построить мосты к Европейскому союзу. Не в решающей степени, но все-таки этому способствовали проблемы Калининграда, который превратился в эксклав в результате распада СССР, а после приема в ЕС Польши и стран Балтии оказался «русским островком» в Европейском союзе.

Изменение позиции в отношении ЕС сказалось и на отсутствии российского негативизма при расширении союза, несмотря на то что Россия не была к этому подготовлена, и при вхождении в Европейский союз Финляндии сначала значительно потеряла в экономическом плане. Но был учтен «финский опыт», и временные экономические потери не превратились в постоянные в связях с той же Финляндией и другими странами, за счет которых расширился Европейский союз. Более того, в результате расширения ЕС для России появились новые перспективные возможности. Отсюда – прямая заинтересованность России в сотрудничестве не только с европейскими странами на двусторонней основе, но и с такой реальностью сегодняшнего мира, как их интеграционное объединение.

Я даже не исключаю, что Россия не прочь сама войти в ЕС, но это неосуществимо. Организаторы этого союза опасаются, что она своими масштабами если не раздавит

ЕС, то в нем может создаться «двоецентрие». Что касается НАТО, то создаваемая ею ситуация в прямом смысле слова препятствует сближению России с остальной частью Европы. Все это не способствует претворению лозунга единой Европы в жизнь.

В таких условиях механизмом для сближения с Европейским союзом – Москва не намерена отказываться от одного из своих главных внешнеполитических приоритетов – может стать выработка новой модели европейской безопасности и развитие энергетической взаимозависимости. В этом и заключается политическая составляющая энергетической линии России на европейском направлении. Хочу подчеркнуть: речь идет не о том, чтобы сделать ЕС зависимым от поставок российских нефти и газа, привязать его к России, а совместными усилиями создать всем участникам единое энергетическое поле, что в создавшихся условиях будет способствовать продвижению к единой Европе.

А как ко всему этому относятся Соединенные Штаты?

На поверхности лежит их стремление поддержать строительство целой системы трубопроводов для снабжения Центральной Европы нефтью и газом из Каспийского бассейна и Центральной Азии в обход России. Правда, прогнозы, обещающие грандиозные ресурсы нефти и газа в каспийском регионе, явно съезжились, но тем не менее регион считается одним из самых перспективных по добыче энергоресурсов. Нефтегазовая связь этого региона с Европой, по идее, могла бы осуществляться через уже существующую систему трубопроводов, но они в основном проложены по российской территории, и это не устраивает США. На момент написания книги к таким нефтепроводам можно было отнести в первую очередь Баку – Новороссийск, Тенгиз (Казахстан) – Новороссийск, построенный Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК), а также маршрут танкерами через Каспийское море на Махачкалу, а оттуда

трубопроводом на Новороссийск. В направлении Европы действовали также транспортные маршруты по нефти, минуя Россию: Баку – Супса, азербайджано-грузинский железнодорожный коридор ТРАСЕКА до Батуми. Всего этого вполне хватит, по мнению экспертов, для снабжения нефтью Европы из Каспийского бассейна и Центральной Азии.

Однако США упорно добивались в дополнение к существовавшим маршрутам построить нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД). Летом 2006 года нефтепровод был торжественно открыт, однако оказалось, что нет возможности полностью заполнить трубу. В течение целого ряда лет этот дорогостоящий нефтепровод будет в экономическом смысле нерентабельным. Но не об экономической рентабельности пеклись те, кто выдвигал идею его сооружения.

Давно уже обсуждался и наконец начал осуществляться проект нефтепровода Бургас (Болгария) – Александруполис (Греция). Он будет перекачивать, минуя Босфор, российскую нефть в Европу. Россия делит с болгарскими и греческими партнерами затраты на сооружение и в соответствии с этим будет иметь 51-процентный пакет акций компании, владеющей нефтепроводом. Как только начались переговоры о сооружении этого нефтепровода, Евросоюз, не без одобрения США, безоговорочно поддержал строительство альтернативного нефтепровода Констанца – Триест. Еврокомиссар по энергетике А. Пиебалгс прямо сказал, что этот проект будет осуществляться в рамках общей стратегии ЕС, направленной на сокращение энергетической зависимости от России.

По газу основное внимание Вашингтоном и Брюсселем уделялось вначале созданию транскаспийского газопровода по дну Каспийского моря. Когда выяснилось, что осуществление этого проекта на грани срыва, так как не оправдались расчеты на заполнение трубы казахстанским газом, да и прокладка трубы по дну Каспия зависит

от согласия всех прикаспийских стран, включая Россию и Иран, в Вашингтоне сделали ставку на сотрудничество с Баку в деле строительства газопровода «Набукко» («Навуходоносор»). Протяженностью в 3,3 тысячи км газопровод должен пройти в обход России по территории Азербайджана, Турции, Болгарии, Румынии, Венгрии, Австрии. Проект предусматривает присоединение к трубе также поставщиков из Центральной Азии. В ответ Москва предложила компромиссный вариант: продлить расположенный по дну Черного моря трубопровод «Голубой поток», по которому поступает российский газ в Турцию, трубопроводом, построенным на территории стран, zaangażированных ныне в проекте «Набукко».

V. Отнюдь не слабая позиция

Конфронтация по вопросу выбора пути трубопроводов из Каспийского бассейна и Центральной Азии в Европу стала явью. Россия не заинтересована в этой конфронтации не потому, что у нее слабые позиции. В ее недрах – около 30 процентов мировых резервов газа. Иран, обладающий почти 15 процентами мировых запасов газа, предложил создать жестко действующий газовый ОПЕК, привлекая сюда еще и страны СНГ из Центральной Азии. Такое объединение владело бы газовым потенциалом, превышающим в 6 с лишним раз доказанные запасы газа США и Европы. Представьте себе гипотетическую ситуацию, при которой предложение о создании газового ОПЕК было бы претворено в жизнь в условиях энергетической конфронтации. Да еще когда согласно данным Министерства энергетики США, потребление природного газа увеличится в стране к 2025 году на 40 процентов.

Не следует выводить из поля зрения и перспективное азиатское направление энергетической политики России. Прошло то время, когда дискуссии сосредоточивались на вопросе, пойдут ли трубопроводы с новых нефтяных и газовых месторождений Восточной Сибири в Китай или Находку для потребителей из Японии, Кореи, других стран региона. Была внесена корректировка: и в Китай, и на побережье Тихого океана.

Положение изменилось также после создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Его члены – Россия, Китай и четыре центральноазиатские республики – Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан – представляют собой больше четверти населения земли. В то же время Иран, Индия и Пакистан, будучи принятыми в качестве наблюдателей, стремятся стать полноправными членами этой организации. В случае расширения ШОС, а это не исключается, возрастает значение ее энергетической составляющей. Одним из магнитов, притягивающих к ШОС государства региона, является заинтересованность в создании энергетического союза, включая совместные проекты в области атомной энергетики, унификации электроснабжения. Большое значение имеет соглашение о сооружении прикаспийского газопровода и развитие газотранспортной системы в Центральной Азии (помимо стран – членов ШОС к соглашению присоединилась Туркмения). В структурах ШОС обсуждаются также проекты новых газопроводов, не только начинающихся с российских месторождений, например, труба из Ирана через Пакистан и Индию в Китай. Казахстан проявляет интерес к прокладке газопровода из Центральной Азии к Индийскому океану. Обсуждаются проекты трубопроводов в Китай из России, Туркмении и Казахстана. «Газпром», по всей вероятности, мог бы принять участие в их сооружении. Россия, имеющая серьезные позиции в ШОС, и в данном случае не осталась бы в стороне.

Словом, реальная обстановка не представляется неблагоприятной для России. Однако Россия настроена не на конфронтацию с Соединенными Штатами, с Западом, а на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в области энергетики.

Речь может идти о создании энергетического союза с Европейским сообществом. Идея включает в себя не только надежное снабжение энергоресурсами и взаимное участие в их добыче, транспортировке, европейских распределительных системах, но и переработке энергетического сырья на основе современных технологий.

Поистине широкую перспективу может открыть и российско-американский энергетический диалог, предлагаемый в сочинской Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений, принятой в апреле 2008 года. В декларации говорится о значительном потенциале энергетического сотрудничества обоих государств. Оно включает в себя диверсификацию поставок энергии «с помощью экономически обоснованных маршрутов и транспортных средств», развитие новых источников энергии, экологически чистых технологий. В российско-американской декларации подчеркивается: «Мы будем работать совместно с другими странами-производителями, странами-потребителями и странами транзита для укрепления партнерства между всеми заинтересованными сторонами в целях повышения глобальной энергетической безопасности на основе открытости, транспарентности и коммерческой обоснованности».

Два исследовательских центра – американский Центр стратегических и международных исследований и Французский институт международных отношений, ведут совместный проект «Европа, Россия и США: нахождение нового баланса», содержащий рекомендации для политических лидеров. В июле 2008 года в рамках этого проекта была опубликована работа бывшего спецпомощни-

ка президента Буша-младшего Томаса Грэма «Американо-российские отношения». Энергетическая часть работы содержит следующий вывод: «Прогресс в развитии двусторонних отношений мог бы исходить из: 1) принятия Соединенными Штатами существующей структуры российского энергетического сектора, готовности рассматривать серьезные российские инвестиции в энергетические активы США, совместных американо-российских предприятий в “третьих странах”; 2) признания Россией необходимости в управленческом опыте и технологическом ноу-хау крупных американских энергетических компаний для разработки труднодоступных месторождений (в частности, на северном шельфе), что является сейчас необходимым условием поддержания уровня добычи в России»*.

Такой «обмен» важен для двух сторон, для всего мира. Следует лишь добавить, что претворение в жизнь этих рекомендаций подрывается стремлением определенных кругов в Вашингтоне не только ослабить Россию, но и создать труднопреодолимые препятствия на пути ее сближения с Европейским союзом. Последнее, опасаясь, становится одним из основных направлений внешнеполитической стратегии США. Причем эта стратегия направлена на наращивание мускулов не только в отношениях с Россией, но и с Европой.

* U.S. – Russia Relations. CSIS. July 2008. P. 10.

Глава VII

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Можно ли считать, что она подвергается корректировке после провала иракской операции? Думаю, что можно. Но это не развитие тенденции изоляционизма, хотя после разразившегося кризиса американской ипотечной системы внутренняя ситуация в США потребовала к себе куда большее внимание администрации Буша. Это и не отказ от силовых приемов во внешней политике, хотя иракский синдром, конечно, не мог не сработать. Скорее всего, это стремление создать более благоприятную обстановку для роли гегемона, которую США по-прежнему намерены играть в современном мире. Причем в осуществлении такой политики американская администрация, по всей вероятности, не видит, не чувствует разницы между особым местом в многополярной системе, которое сегодня по праву принадлежит США, и несуществующим однополярным мироустройством.

I. Европейские реалии

Вашингтон пошел на операцию в Ираке в одиночестве. Вернуть ситуацию управляемой Соединенными Штатами координации действий с трансатлантическими союзни-

ками, как это было во время холодной войны, стало лейтмотивом мер, предпринимаемых Вашингтоном после очевидной неудачи в Ираке.

Европа, наверное, в большей степени, чем какой-либо другой регион мира, была разочарована администрацией Буша. Германия и Франция, которые, без всякого сомнения, делают погоду в Западной Европе, в открытую выступили против американской оккупации Ирака. Это было бы еще полбеды для США. Но к заявлению Герхарда Шредера и Жака Ширака, возглавлявших в то время эти две европейские страны, присоединился Владимир Путин. Как это ни звучит парадоксально, но Путин уговорил Шредера и Ширака смягчить антиамериканские формулировки в заявлении – он понимал бесплодность в конечном счете игры на противопоставлении Западной Европы Соединенным Штатам. Куда важнее было совместными усилиями попытаться повлиять на политику США, ослабить влияние неоконсерваторов на президента Буша.

США и Западная Европа, разделенные Атлантическим океаном, тесно связаны между собой: исторически – европейцы открыли Америку, эмигранты из Европы создали костяк населения США; цивилизационно – их объединяет если не одна культура, то, во всяком случае, культурная близость; религиозной идентичностью – самые распространенные в США и Западной Европе религии католицизм и протестантство; во многом аналогичным отношением к демократическим ценностям. Глобализация, транснационализация предпринимательской деятельности углубили экономические связи между этими двумя регионами, сделали их экономически взаимозависимыми в большей степени, чем любые другие части нашей планеты. Их близость была скреплена участием США во Второй мировой войне. В эпоху холодной войны США держали ядерный зонтик над Западной Европой. Она вошла в НАТО – военный союз, руководимый Соединенными Штатами.

Однако переход на многополярное мироустройство привел к сбою блоковой дисциплины. Сказывались ли личные дружеские отношения между Путиным и Шредером или тяготение Ширака к русской культуре, которое, по мнению некоторых, сделало его прорусски настроенным? Все это имело место, но не было решающим. Практически все политические наблюдатели считали, что в американских интересах приход на смену Шредеру Меркель, а на место Ширака – Саркози. Многие действительно предвещало изменения в политике Германии и Франции. Едва став канцлером, Меркель назвала высшим приоритетом немецкой внешней политики укрепление отношений с США. Саркози, едва став президентом, отправился «на отдых» в США. Конечно, стало очевидным стремление новых лидеров Германии и Франции выровнять отношения с Соединенными Штатами. Но означает ли это возвращение этих двух европейских стран к жесткому соблюдению блоковой дисциплины времен холодной войны?

О том, пойдет ли Меркель в фарватере политики США, следовало судить не по степени ее сдержанности к Москве и даже не потому, что она критиковала в Самаре, где проходила встреча в верхах России и ЕС, запрет на демонстрацию, организованную Каспаровым. В этом она явно не походила на своего предшественника. Но настоящим критерием был ответ на вопрос: отступит ли новый канцлер от договоренности Путина со Шредером о строительстве газопровода по дну Балтийского моря? Она не отступила, несмотря на то что этот шаг мог расположить к ней администрацию Буша в максимальной степени.

Основным критерием политической ориентации президента Николя Саркози могло стать его отношение к полновесному возвращению Франции в военные структуры НАТО. Он вначале пообещал представить «полноценно атлантическую» Францию уже на саммите НАТО в

2009 году. Однако позже, перед тем как в порядке ротации он возглавил Европейский союз, Саркози выступил с идеей создания чисто европейской военной структуры, которая хоть и будет иметь связи с НАТО, но останется автономной организацией ЕС. Саркози также является сторонником создания Еврокорпуса, который призван заниматься и производством вооружений, и миротворческими операциями в пределах ЕС. Будут ли одобрены предложения Саркози, покажет время. Но ведь идея общей валюты евро была не менее трудной для одобрения ЕС, но ее пробила Германия во время своего председательствования в союзе.

Отдельные голлистские черты все больше выпирают в поведении Саркози. Он добился успеха самостийно, без США, организовав конференцию средиземноморских государств. Конференция образовала Средиземноморский союз, возглавляемый президентом Франции Саркози и президентом Египта Мубараком, а не США. Саркози стал играть заметную роль в политическом урегулировании на Ближнем Востоке, во многом разделил успех нормализации сирийско-ливанских отношений, начала сирийско-израильских переговоров. Саркози взял на себя роль посредника и сыграл эту положительную роль во время кризиса в отношениях между Россией и Грузией (об этом позже) в августе 2008 года. При этом министр иностранных дел Франции, участвовавший в посреднической миссии вместе с Саркози, прямо отвел возможность вовлечения в эту миссию США, так как «они являются стороной в конфликте».

И Саркози, и Меркель пошли против воли США добиться реального сближения Украины и Грузии с НАТО на саммите этой организации в Бухаресте весной 2008 года. Вне зависимости, как разовьются события в этом направлении, особая позиция Франции и Германии была продемонстрирована именно в тот момент, когда и Ющенко, и Саакашвили особенно нуждались в демонстрации

общенатовской поддержки их стремления начать процесс присоединения к Североатлантическому союзу.

Навряд ли Вашингтон заинтересован в укреплении Европейского союза. Во всяком случае, итоги референдума в Ирландии против облегченного варианта конституции ЕС не вызвали такого горького разочарования в Вашингтоне, как в Брюсселе. Не думаю, что США импонирует и тот вариант, который вынашивает Саркози: если не состоится переголосование в Ирландии в пользу конституции, то возможно создание ассоциации в ЕС из нескольких больших стран – Франции, Германии, а затем и других государств – основателей ЕС Голландии, Бельгии, Италии. Возможно также и Австрии, Испании, Португалии. Президент Франции побывал в Лондоне, где ему была оказана торжественная встреча, но результаты переговоров не вызвали звуки фанфар. Можно смело утверждать, что оформление центра в ЕС из старых членов союза, да еще без активного участия в этом центре Великобритании, тем более не устраивает Соединенные Штаты.

Однако тенденция к такому разделению ЕС существует. Вспоминаю разговор с Гельмутом Шмидтом сразу после неудачной первой попытки провести конституцию ЕС. Он увидел в этом результат быстрого расширения ЕС, что, по его словам, вызвало справедливое возражение «старых» членов Европейского союза. Шмидт не сомневался, что это приведет в конце концов к выделению в ЕС сравнительно небольшой группы государств, способных осуществить тесную интеграцию в военно-политической области.

После смены руководства в Париже и Берлине несколько ослабла франко-германская ось, но это не отразилось на отношениях каждой из ее составляющих частей с Россией. И Германия, и Франция, судя по всему, намерены и дальше развивать разветвленные экономические связи с нашей страной. И дело не только в экономике. Они не являются рьяными сторонниками создания

системы американской ПРО в Восточной Европе. Их позиции по Ирану, ближневосточному урегулированию отнюдь не идентичны американской.

Примечательна и позиция Италии. Напряженность в трансатлантических отношениях просматривалась во время посещения Италии вице-президентом США Д. Чейни в начале сентября 2008 года. Американская делегация, по свидетельству газеты «Файнэншл Таймс», пыталась добиться поддержки своей позиции по России в связи с кризисом в Южной Осетии, но премьер-министр С. Берлускони «...не произнес ни слова критики в адрес России»*. Италия, которая с 1 января 2009 года председательствует в «большой восьмерке», дала понять, что намерена пригласить российского руководителя на саммит в Сардинии. Берлускони особо подчеркнул важность укрепления Совета НАТО – Россия, и эти слова были произнесены в то время, когда работа Совета, как известно, была заблокирована США.

Многое зависит от перспективы заключения нового договора между Европейским союзом и Россией. Срок действия предыдущего договора – Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС – истек осенью 2007 года. Положение начало выравниваться, когда при несомненном давлении ведущих в Евросоюзе государств удалось преодолеть вето Польши на переговоры о новом соглашении (в ЕС действует консенсус при принятии такого рода решений). Но новый период осложнений наступил после кризиса в российско-грузинских отношениях, вызванного массивной атакой грузинских сил против Южной Осетии. ЕС принял решение отложить переговоры, но не идти на экономические санкции против России, к чему подталкивали американские «ястребы».

Все эти события, сдвиги, тенденции происходят на фоне явного спада проамериканских настроений в Евро-

* Financial Times. 2008.10.09.

пе. Конечно, США могут быть уверенными, что Европейский союз никогда не перейдет на антиамериканские позиции. Но устраивает ли Вашингтон тот неоспоримый факт, что будет набирать силу тенденция самостоятельности Европейского союза?

II. Две задачи американской ПРО в Европе

Истинное предназначение американской системы противоракетной обороны (ПРО) определяется местом ее размещения. США настаивают на том, что Восточная Европа наиболее подходящая площадка для перехвата иранских ракет. Если даже поверить в то, что Иран уже владеет или будет обладать в ближайшие годы ракетами, достигающими Европу, а главное, захочет их против Европы применить, возникает вопрос: а при чем тут, собственно говоря, Польша и Чехия?

Собственно, можно оперировать фактами, имеющими место уже на сегодняшний день. Во время пребывания израильского министра обороны Барака в Вашингтоне в конце июля 2008 года состоялась договоренность о том, что США разместят в Израиле свой радар системы ПРО для использования обеими странами. Этот радар того же типа, что будет установлен американцами в Чехии. Несомненно, радар США на территории Израиля предназначен для перехвата иранских ракет. По компетентному мнению бывшего начальника Главного штаба российских РВСН генерала В. Есина, Израиль сможет применять свои противоракеты «Эрроу», базируясь на информации с американского радара. Генерал добавил, что с помощью радара, устанавливаемого США в Израиле, создается возможность сбивать иранские ракеты на раз-

гонном участке траектории, когда они более уязвимы. Следовательно, важна территориальная близость ПРО к месту запуска ракет. Так для чего тогда создавать в антииранских целях аналогичную систему в далекой от Ирана Восточной Европе?

Хотя это и отрицают в Вашингтоне, но напрашивается вывод об антироссийской направленности размещения стратегической ПРО буквально у наших западных границ. У России немало оснований опасаться этого. Тем более что повисло в воздухе наше предложение о создании коллективной системы ПРО с участием США, Европейского союза и России. Ступенькой выше было бы создание коллективной системы отпора любым возможным ракетным угрозам. В таком случае следовало бы действовать совместно и в анализе угроз, и в принятии решений. Это тоже предлагалось В.В. Путиным Дж. Бушу. Россия предложила совместное использование российской радиолокационной станции (РЛС) на территории Азербайджана – естественно, предварительно было получено согласие Баку – и строящейся мощной РЛС на Северном Кавказе. Все эти предложения делались в расчете на то, что Соединенные Штаты свернут свои проекты ПРО в Чехии и Польше. Но Вашингтон продолжал упорствовать в создании своей (подчеркиваю: не натовской, а именно своей) системы ПРО в Восточной Европе.

Соглашение о размещении американской радиолокационной системы на территории Чехии было подписано в Праге 8 июля 2008 года. Польша до поры до времени торговалась. Но 18 августа 2008 года, то есть через 10 дней после начала российско-грузинских столкновений в Южной Осетии, США и Польша пошли навстречу друг другу. По подписанному соглашению кроме 10 противоракет системы ПРО США развернут в Польше 96 ракет противовоздушной обороны «Пэтриот». «Быстрое подписание договора о размещении оружия, к тому же во время конфликта на Кавказе, означает признание Польшей, что противоракетный щит все-таки нацелен на Рос-

сию», – заявил бывший президент Польши Александр Квасьневский*. Собственно, не сделал секрета из этого и нынешний президент Польши Лех Качиньский, который объяснил ускоренное завершение переговоров по ПРО «событиями в Грузии».

Утверждая, что развертывание этих ПРО не направлено против России, американские представители часто используют такой аргумент: в Польше планируется разместить до 10 противоракет, а у России боезарядов несопоставимо больше – несколько сотен. Но где гарантии того, что, начав размещение, США не превратят этот процесс в долговременный? В Пентагоне не скрывают, что ставится задача создания в Восточной Европе третьего позиционного района ПРО. Наши военные специалисты вправе допустить, что размещенные радар и ракеты в Европе будут связаны с радарными на западе США, нацеленными на российский Дальний Восток. А если это так, то можно расценить размещение компонентов ПРО в Восточной Европе как создание ударной группировки на переднем крае. Именно с учетом всего этого, по словам Президента Д.А. Медведева, Россия готова реагировать «военно-техническими методами».

В.В. Путин говорил, что наши ответные действия будут асимметричными, но адекватными. Очевидно, имеются в виду значительно менее затратные, но эффективные меры. Российские военные эксперты называют среди них ускоренные поставки на дежурство новейших мобильных и расположенных в шахтах комплексов «Тополь-М», более быстрое перевооружение атомных подводных лодок новыми, более мощными межконтинентальными ракетами «Синева», ускорение строительства 6 подлодок нового поколения с ракетами «Булава», на каждой из которых будет от 6 до 10 ядерных боеголовок. Ряд военных экспертов предлагают также разместить в близости от западных границ, в том числе в Калинин-

* Время новостей. 2008.18.08.

градской области, новейшие оперативно-тактические комплексы «Искандер». Дальность поражения такого комплекса до 500 км. Перехватить его баллистические неядерные ракеты так же трудно, как и ядерные «Тополь-М».

Все это вынуждено делается для сохранения гарантированной возможности нанесения ответного удара, что и для России, и для США является основным элементом сдерживания. Однако в любом случае для нашей страны крайне невыгодно повторять практику холодной войны, когда втягивание Советского Союза в непосильную для него гонку вооружений рассматривалось Соединенными Штатами как один из способов измотать СССР, ослабить его в социально-экономическом плане.

Как представляется, к альтернативным мерам следует отнести и предложение Президента Медведева о создании оборонного альянса «от Ванкувера до Владивостока». Названием этих географических рамок подчеркивается, что выдвинутая идея нового договора по европейской безопасности не замыкается Европой. Договор, имеющий юридическую силу, призван охватывать всю российскую и американскую территории и будет обязательным для всех его участников, включая Россию и США. Необходимость такого договора демонстрирует не только стремление США развернуть у российских границ свою систему ПРО, но и уже существующие региональные конфликты.

Незамедлительная негативная реакция со стороны многих западных средств массовой информации опиралась на представление, будто предложение нового договора по европейской безопасности служит тому, чтобы подменить им НАТО либо ликвидировать ОБСЕ. Это не соответствует действительности. Важно подчеркнуть, что договор мыслится не взамен ОБСЕ, НАТО, ЕС или СНГ, а в соединении их усилий в обеспечении безопасности. Потребность в новых, непредвзятых подходах к вопросам европейской безопасности вызывается, с одной стороны,

тем, что нынешние условия отличаются от сложившихся во время холодной войны и, с другой стороны, отсутствует механизм, способный в этих новых условиях надежно обеспечить европейскую безопасность.

Безопасность должна быть для всех и обеспечиваться всеми – в этом смысл предложений Президента Медведева. Полностью согласен с председателем Комитета Госдумы по международным делам Константином Косачевым, который привел поистине курьезный случай и дал ему подобающую оценку. «В СМИ, – пишет Косачев, – цитировали пресс-секретаря Госдепартамента США Шона Маккормака, который в ходе брифинга второго июля (2008 года. – *Е.П.*) в Вашингтоне сказал по поводу планов размещения ПРО в Европе: “Мы постоянно повторяем для России и для всех, кто слышит, – это не касается России... Это вопрос интересов НАТО, его поставила именно НАТО, а Россия права голоса не имеет, когда речь идет о делах НАТО”. Предлагаю вдуматься в это: Россия, занимающая пол-Евразии, не должна иметь права голоса в вопросах, напрямую касающуюся безопасности и стабильности континента. Особо пикантно то, что это звучит из уст представителя неевропейской державы. При этом нас всегда уверяют в том, что европейская безопасность неделима. Но это прямые шаги именно к ее дроблению, которые просто не могут не привести к разделительным линиям»*.

Можно утверждать, что размещение ПРО США в Восточной Европе происходит вопреки весьма значительной части мирового общественного мнения, которое расценивает это мероприятие как способствующее возрождению конфронтации США с Россией. Известный французский историк и эксперт по вопросам геополитики Александр Адлер отметил: «Со стороны Вашингтона, что бы там ни говорили, речь идет об операции, носящей антироссийский характер. Саму идею перехвата балли-

* Российская газета. 2008.18.07.

стических ракет еще можно понять, но размещение элементов ПРО в Польше и Чехии – это выходит за рамки разумения, тем более если учесть встречное российское предложение относительно совместного использования станции слежения в Азербайджане»*. Подобные оценки звучали и в Вашингтоне, да еще не где-нибудь, а в сенате, да из уст не кого-нибудь, а главы комитета по обороне сената Карла Левина, который сказал в эфире телеканала CBS дословно следующее: «Мы продолжаем отталкивать Россию различными способами. Прежде всего это ПРО в Европе, которая не является обороной от иранских ракет»**.

Именно в такой обстановке Пентагон и Госдеп стремятся убедить всех, что создаваемая американская система ПРО в Европе не направлена против России. Накануне поездки в Вашингтон, где в середине января 2008 года предстояло заседание российско-американской группы, возглавляемой со стороны США Г. Киссинджером, а с нашей – мной, я был принят Президентом В.В. Путиным. Он рассказал, что во время встречи с ним государственного секретаря К. Райс и министра обороны США Р. Гейтса тот предложил постоянное присутствие наших офицеров на американских объектах ПРО в Восточной Европе. «Это, конечно, не предлагаемое нами создание совместной системы ПРО, но все-таки шаг навстречу нам, и я согласился, попросив изложить предложение Гейтса в письменном виде, – сказал Путин. – Никакой письменной реакции не последовало».

Встретившись с Гейтсом в Вашингтоне, я спросил его, почему нет подтверждения высказанной им инициативы. Он ответил, что предварительно России придется договариваться с Польшей и Чехией. Не Соединенным Штатам, которые размещают элементы своей системы ПРО в этих странах, договариваться с ними, а нам. Гейтс

* Российская газета. 2008.18.07.

** Известия. 2008.14.07.

безусловно понимал, что такая постанoвка с нашей стороны наверняка будет отклонена. Кстати, Польша уже заявила, что не согласится с пребыванием наших офицеров на своей территории. Другой ответ на мой вопрос я получил от советника президента США по национальной безопасности Стивена Хэдли, который, ничтоже сумняшеся, сказал: «Гейтса искажил переводчик. Он говорил не о постоянном нахождении на объектах ваших офицеров, а о посещениях время от времени».

Есть основания полагать, что идея размещения американской ПРО в Польше и Чехии даже выходит за рамки подготовки к возможной конфронтации с Россией, а связана также с целью, которая непосредственно относится к американской политике в отношении Европы. В Вашингтоне понимают, что самая тесная привязка Европы к США существовала во время холодной войны, так как Европа испытывала необходимость в американской защите. Тогда была конфронтация с СССР, и США защищали своих союзников в Западной Европе от советской угрозы. Сегодня мало кто в Западной Европе опасается ракетно-ядерной угрозы со стороны России. Не пытаются ли те, кто делает политику в Вашингтоне, снова вызвать потребность Европы в американской защите – на этот раз от опасности, исходящей, по их словам, от Ирана, подбирающегося к ядерному оружию?

III. Цели расширения НАТО

Задача восстановления блоковой дисциплины решается также через расширение НАТО. Во всяком случае, это, очевидно, одна из причин, лежащая в основе линии США на расширение Североатлантического союза. Новые члены этой организации гораздо послушнее, чем

старые. Не думаю, что Вашингтону удалось бы, например, уговорить «старых» членов НАТО разместить на их территории американские военные базы для постоянно-го пребывания военнослужащих США. Пока американские военнослужащие находились в этом своем качестве только на территории Германии, но она ратует за перевод их на территорию Польши.

Вновь принятые в НАТО страны не критикуют политику Соединенных Штатов в отношении Ближнего Востока. Критические голоса по поводу операции в Ираке, угроз в адрес Ирана раздаются, как правило, из Западной Европы. А громы и молнии по поводу «российского вмешательства», угрожающего некоторым бывшим советским республикам или странам бывшего Варшавского договора, мечут Польша, Эстония, Литва, Латвия.

Можно считать, что США разбавили НАТО новыми членами для сохранения этой организации под своим руководством, ослабив тенденцию ее «европеизации» и облегчив ее использование за пределами Европы, на что делается ставка. Трудности выработки европейского единства во внешней и оборонной политике бывший федеральный канцлер Германии Герхард Шредер прямо связал «с интеграцией государств, недавно влившихся в ЕС». Эту же мысль в отношении непосредственно НАТО подчеркнула госсекретарь К. Райс на заседании фонда «Наследие» в Вашингтоне в июне 2008 года. Отвечая на вопросы политологов, она сказала, что страны Восточной Европы и Балтии влили новую жизнь в НАТО, и благодаря энергии, обретенной с помощью новых членов, Североатлантический альянс стал участвовать в военных операциях, простирающихся далеко за его первоначальную сферу ответственности, например, в Афганистане. НАТО, по ее словам, должна увеличивать число своих членов и продолжать играть эту глобальную роль.

Именно глобальную роль. Созданная как региональная организация с задачей обеспечения безопасности

американских союзников в Европе после окончания холодной войны НАТО действует на основе совершенно иной философии и доктрины, выйдя за пределы Европейского континента и осуществляя вооруженные действия далеко за его пределами.

Часть операции осуществляется «законно», на основании статьи 53 Устава ООН, которая гласит: «Совет Безопасности использует, где это уместно, также региональные соглашения или органы для принудительных действий под его руководством». Вместе с тем в статье 53 подчеркивается, что «никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности». Однако у НАТО уже есть опыт применения военной силы и в обход ООН – бомбардировки Югославии.

Убыстрение процесса расширения НАТО, включение в эту организацию новых членов оборачивается расширением поля для базирования американских вооруженных сил. Свеж в памяти дипломатический марафон, который мне и моим коллегам пришлось пройти на пути к основополагающему акту, подписанному в Париже в 1997 году. Понимая, что предотвратить расширение НАТО не удастся, был выбран вариант, который позволил при сохранении нашего негативного отношения к этому процессу повести дело к сокращению для России его негативных военных последствий. И действительно, после упорных переговоров удалось внести в Основополагающий акт положение о том, что на территории новых членов НАТО запрещается размещать ядерное оружие, складировать или строить сооружения для его складирования. Также была зафиксирована договоренность, согласно которой на территорию новых членов НАТО нельзя перебрасывать для постоянного базирования значительные вооруженные силы. Под Основополагающим актом поставили свои подписи главы всех стран – членов НАТО и

России. Однако не прошло и несколько лет, как Вашингтон объявил о размещении на территории Румынии и Болгарии по 5 тысяч своих военнослужащих. Некоторые наши оппоненты заявляют, что 5 тысяч солдат и офицеров нельзя отнести к «значительным силам». Тогда непонятно, почему требуют вывода из Приднестровья 2 тысяч российских военнослужащих, направленных туда для охраны огромного оружейного арсенала?

В качестве потенциальных членов НАТО теперь рассматриваются не только европейские страны или те, которые расположены на грани Европы и Азии. Например, в Израиле создана правительственная комиссия, которая готовит рекомендации по присоединению к Североатлантическому союзу. Известно, что израильское руководство давно прощупывало возможность членства в НАТО, но никогда раньше не признавалось в этом. В 1971 году по указанию советского руководства я конфиденциально встречался с премьер-министром Израиля Голдой Меир и министром обороны Моше Даяном. Они полностью отрицали свое намерение вступить в НАТО, но мы знали, что представители израильского руководства зондировали такую возможность на встречах в Вашингтоне. Тогда США отказались от участия Израиля в НАТО, мотивируя свою позицию израильской вовлеченностью в конфликт с арабами. Но как пойдет дело сейчас, учитывая появление «иранской карты» и желание многих использовать ее в своей игре? Тем более, что участие в конфликтах и отсутствие соглашений о границах с соседними государствами, теперь не расценивается как непреодолимое препятствие для членства в НАТО.

Что касается американской политики на российском направлении, то процесс расширения НАТО призван не «сдержать» Россию, в чем нет никакой необходимости, но ослабить ее, сделать Россию более сговорчивой, когда дело касается ее национальных интересов. Пойдя на безудержное расширение НАТО, США не посчитались с

крайне негативным отношением России к приему в Североатлантический союз бывших республик Советского Союза. У нас не было письменной договоренности с Соединенными Штатами по этому поводу. Но, будучи министром иностранных дел России, я неоднократно говорил и Мадлен Олбрайт, и Строубу Тэлботту, и другим своим американским коллегам, что прием в НАТО бывших советских республик для нас означает переход «красной черты». В ответ я слышал: нет оснований предполагать, что это произойдет в близлежащий период. Но это произошло.

Госсекретарь США К. Райс не скрывает, что в нынешних условиях главными кандидатами на прием в НАТО считаются Украина и Грузия. Их втягивание в НАТО – недалековидная политика. Это не только антагонизирует отношения России с США и НАТО, но усилит антизападные, националистические настроения и соответствующие таким настроениям силы внутри страны. Уже в преддверии сближения Украины с НАТО в России все громче звучат голоса, требующие не продлевать Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной, срок которого истекает в апреле 2009 года. Согласно этому договору, Россия фактически признала присоединение к Украине Крыма – подарок, который, ни с кем не посоветовавшись, преподнес Киеву Никита Хрущев. Правда, тогда административные границы между советскими республиками не играли такой уж большой роли в глазах общественности, но теперь, когда они стали государственными границами, положение изменилось. В России немало тех, кто не согласен с передачей Украине Крыма. Еще больше тех, кто против отторжения от России города русской боевой славы, как его не без причины называют, Севастополя. Число таких несогласных неизбежно прибавит присоединение Украины к НАТО. Я исключаю перспективу применения силы в российско-украинских отношениях. Но в случае присоеди-

нения Украины к НАТО неизбежно обострится вопрос с базированием в Севастополе российского Черноморского флота. Это тоже связано с договором.

Помню, будучи Председателем правительства, я пришел на заседание Совета Федерации, где рассматривался вопрос о ратификации общего договора с Украиной. Наши сенаторы, и они были правы, не хотели ратифицировать его без ратификации украинским парламентом соглашения о Черноморском флоте. А украинцы не хотели ратифицировать это соглашение без нашей ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве. Тогда я предложил для выхода из ситуации принять закон о ратификации из двух пунктов. Первый – ратифицировать. По второму произвести обмен ратификационными грамотами, после того как парламентом Украины будет выпущен закон о ратификации соглашения о Черноморском флоте. Выход был найден. Стоит ли забывать об этой связке?

И главное – в случае неизбежного при приеме Украины в Североатлантический союз дальнейшего обострения ее отношений с Россией готовы ли США и НАТО решительно взять сторону Киева против Москвы с риском отбросить Россию к периоду конфронтации с Западом? Неужели прием Украины в НАТО важнее того, чтобы избежать такой перспективы?

Включение Украины в НАТО вынудит Россию – это уже было сказано заместителем Председателя правительства С.Б. Ивановым – отказаться от производства на ее территории комплектующих изделий для своей военной промышленности. Это неизбежно коснется и производства продукции двойного назначения. С выпуском такой продукции связана значительная часть украинской промышленности. Это еще больше напряжет внутривнутриполитическую обстановку, которая уже ныне характеризуется тем, что, как показывают опросы общественного

мнения, большинство населения Украины не согласно с ее вступлением в НАТО. Повсюду слышны требования, обращенные к президенту Ющенко, провести по этому вопросу общенародный референдум, который, если не будет сфальсифицирован, однозначно засвидетельствует победу противников вхождения Украины в Североатлантический союз. Неужели все это проходит мимо внимания тех, кто так настойчиво потакает Ющенко в вопросе приема в НАТО даже в условиях угрозы раздела Украины на два лагеря, что далеко не укрепит и саму эту организацию.

Многоопытный Г. Киссинджер предложил формулу, которая поможет найти выход из создавшегося положения без потери лица тех, кто уверял Киев в поддержке желаний украинского президента быть принятым в НАТО. «Поскольку НАТО в принципе согласно принять Украину в свой состав, нет необходимости срочно ускорять практические действия в этом направлении» – это цитата из его статьи в газете «Вашингтон пост»*. Посмотрим, последуют ли совету Киссинджера те, кто делает политику в Вашингтоне.

С Грузией ситуация во многом аналогичная, хотя там состоялся референдум, во время которого большинство принявших в нем участие высказалось за вступление в НАТО. Но референдум был проведен в момент обострения российско-грузинских отношений, которые, уверен, не всегда будут враждебными. А вступление в НАТО, без сомнения, отодвинет это «не всегда» на очень долгий период, во время которого отношения между двумя государствами неизбежно еще больше обострятся. Нынешнее грузинское руководство, возможно, надеется, что членство в НАТО обеспечит ему вооруженную поддержку в случае дальнейшего применения военной силы против Абхазии или Южной Осетии. Я абсолютно не верю в

* The Washington Post. 2008.08.07.

такое вооруженное вмешательство НАТО, которое может обернуться катастрофическими последствиями. В Брюсселе и, что еще важнее, в Вашингтоне это понимают.

IV. Причины «операции Косово»

Казалось, с чего бы это Вашингтон настолько втянулся в превращение Косово – небольшой территории (11 тыс. кв. км) с населением около 2 млн человек – в самостоятельное государство, даже не заботясь о возможных отнюдь не выгодных ему последствиях этого.

Подчеркну ряд моментов, характеризующих косовский конфликт, которые, как представляется, следует принимать во внимание.

Сербы небезосновательно считают край Косово и Метохия землей, где зародилась их цивилизация, культура, самобытность. Там в IX–X веках и в середине XIV века возникла и окрепла государственность сербов. В начале XIII века зародилось сербское православие. В 1389 году на этой земле произошла битва сербского войска с войском Османской империи. Для сербов эта битва – символ национального героизма.

Албанцы в течение веков тоже находятся на территории Косовского края. Но максимумом признаваемой государственности, которым обладало Косово, была автономия края в Югославии при И. Тито. В 1987 году С. Милошевич отменил расширенные права, предоставленные автономному краю. Параллельно была создана косовскими албанцами скупщина (парламент), которая приняла в 1990 году закон о независимости края. Однако это не привело к выходу из Сербии. Можно считать, в Косово установилось двоевластие. Выбранный «президентом» Косово И. Ругова придерживался умеренных

взглядов, что проявлялось и во время его переговоров с Белградом.

Мало сторонников превращения края в самостоятельное государство было и вне Косово. В качестве министра иностранных дел России в 1996 году в Нью-Йорке я встречался на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с министром иностранных дел Албании. Отвечая на мой вопрос, он твердо заявил, что его страна (даже его страна. – *Е.П.*) рассматривает решение косовской проблемы лишь в границах Югославии. Такая же позиция фиксировалась в целом ряде документов контактной группы, в которую вошли Россия, США, Германия, Великобритания, Франция. Заявление контактной группы по Косово впервые было принято 24 сентября 1997 года при моем участии. Резолюция была направлена на прекращение вооруженных столкновений, происходивших в Косово, прекращение поставок вооружений, но исходила из того, что косовская проблема – внутреннее дело Югославии. Мы в силу обстоятельств рассматривали впоследствии неоднократно вопрос о Косово, но при этом существовало общее мнение: Косово – не независимое государственное образование. Несогласие между мной и госсекретарем США Мадлен Олбрайт проявилось по формулировке: «Косово – часть Югославии» (она) или «Косово – часть Сербии» (я). Так или иначе, и США, и Россия считали Косово частью другого государства. Более того, Госдепартамент США занес в список террористических организаций Армию освобождения Косово (АОК), вооруженным путем добивавшуюся изгнания сербов из Косово. Правда, впоследствии боевики из АОК были переквалифицированы в героев.

С 1998 года положение начало меняться. Не буду пересказывать все последующие события – они характеризуются кровавыми межэтническими столкновениями. Основным игроком на югославском поле стала не дипломатия, не политика, чего добивалась Россия, а НАТО.

Ситуацию не изменило, что формально инициатива была перехвачена Миссией ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК), которая создала «временное самоуправление», провела выборы в Ассамблею при бойкоте их сербским населением. Косово наводнили международными полицейскими (3 тысячи человек) специальными силами для Косово (СДК) – 16,5 тысячи из стран НАТО. Это не помешало превращению сербов во второразрядных граждан, которые находились под постоянным давлением косовских албанцев, намеренных вытеснить из края даже относительно небольшое число остающихся там сербских жителей.

Ну а что дальше? Россия предлагала поддержать высказанное Белградом предложение рассмотреть перспективу статуса Косово в серьезных переговорах сторон, даже если для этого потребуется немалое время. Не забудем, что кипрская проблема, да и ирландская, обсуждаются десятилетиями. Никто, конечно, не призывал растягивать решение по Косово на такой срок, но США и ряд западноевропейских стран пошли по пути ультимативного решения против интересов сербов. Ставка была сделана на немедленное провозглашение независимости Косово. Когда не удалось провести соответствующую резолюцию через Совет Безопасности ООН, решили вообще обойти Организацию Объединенных Наций и подтолкнули Косово к одностороннему решению о выделении из состава Сербии и провозглашении независимости. Сразу же Косово в качестве суверенного государства признали США, две трети стран Европейского союза, всего к середине 2008 года – более 40 государств. Причем авторов такого решения абсолютно не беспокоили его неизбежные последствия не только для Сербии, но и для других стран.

Каковы были и остаются мотивы против провозглашения Косово самостоятельным государством? Главные, что это подталкивает во всем мире сепаратизм.

Предоставление независимости Косово может привести к нежелательным изменениям политической карты на Балканах. Нет никаких оснований абстрагироваться от многолетних планов создания «Великой Албании», а может быть теперь и «Великого Косово», к которому будут тяготеть Санджак, мусульманские части Македонии, Черногории.

Настораживают также прорывающиеся наружу планы ликвидировать Республику Сербскую в Боснии и Герцеговине (БиГ). К этому подбирались уже давно те, кто хотел слить воедино Республику Сербскую с мусульманско-хорватской федерацией и превратить двучленную систему БиГ, созданную в Дейтоне, в одночленную. Иными словами, ликвидировать проявление любой самостоятельности Республики Сербской и практически растворить ее в общем государстве. Стремление к этому возросло после того, как самопровозглашение независимости Косово усилило тенденцию к воссоединению Республики Сербской с Сербией.

В этой связи можно рассматривать и арест Караджича, передачу этого легендарного в Республике Сербской лидера в Международный трибунал в Гааге. Судя по всему, о месте нахождения «разыскиваемого» Караджича не могли не знать американские спецслужбы – он, по профессии врач, лишь приняв другую фамилию, практиковал в одной из клиник в Белграде. Многие свидетельствуют в пользу того, что США через своего представителя в свое время гарантировали ему безопасность и обещали не предъявлять никаких обвинений в будущем, если он согласится уйти из политической жизни. Караджич действительно в 1996 году ушел не только с поста президента Республики Сербской, но вообще из политики. Не связан ли его арест с планами лишения Республики Сербской многих прав?

Газета «Бостон глоб» писала: «Президент Буш без всякой нужды вызвал рецидив русской паранойи, поспе-

шив признать независимость Косово без принятия соответствующей резолюции ООН или устраивающего обе стороны сербско-косовского договора»*. Оставим на совести газеты употребляемые медицинские термины, но негативное отношение России к объявлению Косово независимым государством было вполне оправданным. По словам Кондолизы Райс, она многократно говорила российским собеседникам, что Косово «не может быть прецедентом». История опровергла прогностические способности Райс. Дело в том, что выход Косова из состава Сербии подстегивает стремление многих народов образовать самостоятельные государства. Особенно обострилась проблема тех «непризнанных республик», которые уже многие годы на практике существуют как самостоятельные. Их признание – нелегкое дело. Выделение части унитарного государства в виде самостоятельного субъекта приходит в противоречие с принципом территориальной целостности государств. Россия неоднократно заявляла о поддержке этого принципа**.

На крайне негативную позицию России по выделению Косово из состава Сербии оказывает влияние и российское общественное мнение. Прошли те времена, когда его можно было игнорировать. А сегодня оно – не будучи останавливаться на исторических, традиционных, наконец, эмоциональных причинах – в своей преобладающей части на стороне сербов, которые к тому же больше всех других на Балканах пострадали за последние годы. Кажется, ушло в прошлое сравнение Балкан с пороховой бочкой, способной взорвать стабильность не только в

* The Boston Globe. 2008.20.07.

** Когда, например, незадолго до своей военной авантюры Саакашвили сказал, что готов предоставить в полном объеме автономию Южной Осетии, дать ей максимальные права и даже назначить ее представителя вице-президентом Грузии, В.В. Путин назвал этот план хорошим. Но оказалось, что это просто маскировка уже принятого решения о насильственном воссоединении. В ночь с 7 на 8 августа Саакашвили дал команду о начале обстрела жилых кварталов Цхинвали системами залпового огня.

этом регионе, но и за его пределами. Отгремели войны, состоялась система признанных государств, ранее образовывавших части югославской федерации, и худшее для Сербии уже позади – три проигранные войны, 10 лет санкций, бомбардировки НАТО. Однако теперь произошло отторжение от Сербии Косово и Метохии. А это составляет 15 процентов ее территории, оставшейся после выхода Черногории.

Независимость Косово – одна из внешнеполитических проблем, которая отрицательным образом сказалась на отношениях между Россией и США. Так что же заставило Вашингтон проигнорировать и это, и другие тенденции, возникшие в результате отделения Косово от Сербии, далеко не все из которых развиваются в пользу Вашингтона, особенно в долгосрочном плане?

Через предоставление независимости Косово американские политики, по-видимому, стремились решить ряд задач. Во-первых, продемонстрировать общественному мнению, особенно в Европе, что не напрасно был начат «цикл» с несанкционированных ООН бомбардировок Югославии: в Белграде, мол, к власти вместо Милошевича пришли демократы, получила самостоятельность Черногория, а теперь и Косово. Кстати, во время бомбардировок Югославии АОК открыто выступила на стороне НАТО, помогая определять цели для бомбардировок. Так АОК стала союзницей США и получила американскую поддержку в своих операциях против югославской армии. Во-вторых, в этом США особенно поддерживает Германия, перенасыщенная эмигрантами-албанцами, создать условия для их возвращения в Косово, возможно, и в Албанию, граница которой с Косово открыта. В-третьих, найти решение хоть одного конфликта перед уходом президента Буша в историю. Да еще при этом получив – не так, как было при оккупации в Ираке – поддержку европейских союзников по НАТО.

Существует ли какое-нибудь решение по Косово после провозглашения его независимости, которое сможет снять

остроту этой проблемы? Когда решение проблемы такого рода оказывается в тупике, одним из вариантов могло бы стать территориальное разделение. В интервью белградской газете «Вечерние новости» я сказал, что выходом из косовского кризиса могло бы стать переселение сербов на север Косово и присоединение этой его части к Сербии. Думаю, что США тоже должны стремиться к выходу из ситуации, характерной противостоянием между сербским и албанским населением Косово, так как НАТО не может вечно оставаться там с целью обеспечения порядка.

V. Азиатские реалии

Идея однополярного мироустройства опровергается также, а может быть в наибольшей степени, реальными процессами в Азии. В докладе американского Национального совета по разведке «Рисуя карту будущего», в котором дается прогноз изменений на мировой политической сцене до 2020 года, говорится: «...подъем Китая и Индии в качестве новых главных глобальных игроков, как это произошло с объединенной Германией в XIX веке и мощными Соединенными Штатами в начале XX века, изменяет геополитическую картину самым драматическим образом... XXI век видится как век, в котором Азия, ведомая Китаем и Индией, реализуется в полной мере»*.

Но Азия – не только эти два мировых гиганта с населением, составляющим 36 процентов населения земного шара. Это и Япония – один из крупнейших экономических центров мира. Это и Юго-Восточная Азия, объеди-

* Report of National Intelligence Council's 2020 Project «Mapping the Global Future». 2004. Dec. P. 9.

ненная в АСЕАН. Это и два корейских государства. Это и Пакистан с Афганистаном. Это и Центральная Азия, которую составляют бывшие республики Советского Союза. Это Ближний и Средний Восток – арабские страны, Израиль, Турция, Иран. Наконец, это Россия, значительная часть территории которой находится в Азии.

При калейдоскопическом разнообразии есть и общие черты у стран Азиатского континента. Большинство из них в прошлом были колониальными или зависимыми, а сегодня все они – суверенные государства. Страны Азии довольно быстро, но разными темпами развивают свои экономики, расширяют экономические связи как между собой, так и на глобальном уровне. Глобализация перестанет иметь характер «американизации», прогнозируется в докладе Национального совета по разведке, и будет ассоциироваться с будущим ростом транснациональных корпораций преимущественно с азиатским и бразильским капиталом.

Еще одна характеристика сегодняшней Азии, особенно ее юго-восточной части – быстро развивающиеся интеграционные процессы. Участники АСЕАН, к которым тяготеет и ряд других стран Азии, стремятся совместить свои региональные интересы с глобальными. Самостоятельность вырабатываемых ими решений несомненна.

Вместе с тем Азиатский континент в большей степени, чем все другие, изобилует региональными и межгосударственными конфликтами. Из Азии проступает угроза распространения ядерного оружия, опасности, связанные с международным терроризмом.

Все эти особенности Азии не поддаются «однополярному» подходу. Напротив, требуют не просто признания складывающейся многоцентристской мировой структуры, но и международных усилий с целью содействия как экономическому, научно-техническому прогрессу азиатских стран, так и урегулирования опасных для всего мира конфликтов. И самое главное – формирующиеся в Азии

полюса многополярного мира должны стать равноправными партнерами США, ЕС, России. Лежат ли все эти принципы в основе азиатской политики «старых» центров силы?

Можно уточнить эти принципы, свести их к способности воспринимать на деле равноправие, самостоятельность новых азиатских полюсов современного мироустройства, а также отказаться от применения вооруженной силы в стремлении, которое разделяется всеми, противодействовать распространению ядерного оружия в Азии. Существуют различия в подходах к этим проблемам со стороны трех неазиатских (все-таки Россия больше Европа, чем Азия) полюсов. Причем в большей степени между Россией и США, хотя серьезные несогласованности в подходах к Азии наблюдаются также между США и Европейским союзом.

В конце июня 2007 года на острове Чеджу проходил четвертый Форум мира – ежегодная международная конференция, организуемая южнокорейскими властями. Я принимал в нем участие вместе со многими другими бывшими главами и ответственными лицами в правительствах, учеными, дипломатами, бизнесменами. Обратил на себя внимание доклад бывшего советника по национальной безопасности президента Клинтона Сэмюэля Бергера. Тем более что он озаглавил его «Вызовы для будущего президента США в Северо-Восточной Азии». Признавая огромные достижения Китая («Никогда ранее в истории такой большой процент человечества в такой короткий срок не проходил путь от повальной бедности к статусу среднего класса»), Бергер заявил, что «американская политика должна отдалиться от старых парадигм, дабы США были уверены в долговременном успехе». Мысль правильная, но весьма характерна интерпретация С. Бергером – человеком, несомненно, умным и влиятельным – я его хорошо знал во время своей работы министром иностранных дел России – того, как измерить этот успех. По Бергеру, это – предел, до ко-

торого Китай будет способен продвигаться «в качестве партнера США в проблемах, имеющих критический характер в наших (американо-китайских. – *Е.П.*) взаимоотношениях».

Конечно, в докладе Бергера было много важных оценок, с которыми нельзя не согласиться. Но великодержавный дух – думаю, что Бергер даже не замечал этого – проникал сквозь здравые предложения. Выдвигая идею создания новой многосторонней организации безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии, Бергер подчеркивал, что эта организация «должна служить не только решению проблем, связанных с Северной Кореей (имеются в виду ядерные проблемы. – *Е.П.*), но и помочь реализации целей стратегии США в регионе в целом».

Этот пример весьма характерен для отношения США к Китаю, Индии, набирающему силу интеграционному полюсу АСЕАН. Вашингтон не может не признавать их успехи, достижения, не считаться с ними. Проявлениями этого является отказ США от подталкивания к независимости Тайваня, как это было в прошлом, молчаливое присоединение ко всем, кто понимает необратимость процесса овладения ядерным оружием Индией. Интенсивно развиваются экономические связи США с этими странами, в чем, безусловно, проявляется обоюдная заинтересованность. Но одновременно Вашингтон проводит политику окружения Китая, как и России, военными базами. Продолжение курса на «сдерживание» Китая, когда по мере роста экономического могущества его внешняя политика становится все более конструктивной, лежит в основе и политического маневрирования США. Один из авторитетных американских экспертов по Корее, Брюс Камингс, своеобразно комментирует участие США в работе с целью отказа КНДР от военной ядерной программы. По словам Камингса, «...превращение Северной Кореи из врага в нейтрального игрока или даже союзника Соединенных Штатов в противостоянии Китаю и России в Северо-Восточной Азии может прекрасно

вписаться в стратегию США в регионе»*. Таких же взглядов придерживаются многие и в Южной Корее, и в Японии, и в самих Соединенных Штатах.

Вашингтон противится присоединению Китая и Индии к «большой восьмерке». США делают все от них зависящее, чтобы не допустить сближения Индии с Китаем. Не секрет, что этому служили предложения поставок американских вооружений Индии и даже официального признания ее ядерной державой. Прямо противоположные устремления заложены в политику России. Вспоминая свой визит в Индию в качестве министра иностранных дел России в 1998 году. Тогда прозвучала российская идея создания своеобразного стратегического «треугольника»: Россия, Китай и Индия. Речь шла не о военном союзе. Разъясняя эту идею, я подчеркивал необходимость такой «геометрической фигуры» для укрепления стабильности в Азии за счет развития многосторонних отношений между ее «углами», консультаций по острым международным вопросам. В ту пору отношения между Китаем и Индией могли желать лучшего. И упор делался именно на эту сторону. Подчеркивалось также, что создание такой треугольной системы не должно быть направлено против кого бы то ни было.

Идея «треугольника» не пропала бесследно – она способствовала нормализации и развитию отношений между Индией и Китаем, проводимые на трехсторонней основе консультации служат выработке совместных позиций по укреплению мира и безопасности в Азии и в глобальном масштабе.

Давая оценку курсу, рекомендуемого новому президенту США, Бергер подчеркнул, что он не должен обходить те «огромные проблемы прав человека, которые по-прежнему стоят перед гражданами Китая». Это еще одна черта политики США в Азии – защита «прав человека», что становится идентичным вмешательству во внутрен-

* The Korea Herald. 2007.01.10.

ние дела. Причем такая защита далеко не универсальна. Глава Пакистана Мушарраф был в свое время объявлен «самым важным союзником США вне НАТО», невзирая на его антидемократическую политику, которая, в конце концов, завершилась отставкой и изгнанием Мушаррафа из страны. Вплоть до последнего момента, пока не стало ясно, что дни Мушаррафа сочтены, американскому руководству не мешала диктатура, установленная в Пакистане. Требование соблюдения прав человека выдвигается администрацией США выборочно, тогда, когда это требование укладывается в русло американской политики.

Опасность вооруженных межгосударственных конфликтов в самой Азии за последние годы пошла на убыль. Спала напряженность в индийско-пакистанских отношениях. Нет оснований предполагать, что Китай ныне захочет силой воссоединить с материковой частью Тайвань или начнется война между двумя Кореями. Мало оснований считать, что с помощью силы будут решаться территориальные споры, в которые втянуты Япония, Китай, КНДР, Корейская Республика, Вьетнам и другие. Однако существует реальная опасность одностороннего применения силы извне в отношении отдельных стран Азии. Так случилось с Ираком. Будет ли в Азии повторение подобных действий?

VI. СНГ – зона американских интересов?

До поры до времени Соединенные Штаты считались с тем, что постсоветское пространство входит в сферу интересов России. Но только до поры до времени.

Не исключено, что в Вашингтоне, впрочем, как и во многих других столицах западных стран, рассматривали

создание Содружества Независимых Государств лишь как стремление найти цивилизованную «формулу развода» для бывших республик СССР. Однако с СНГ связывалась и другая задача: интеграция этих республик в новую структуру, призванную сохранить в первую очередь общее экономическое пространство. Ценность этой идеи была несомненной, так как новые независимые государства были в советском прошлом переплетены друг с другом тысячами экономических связей, разрыв которых угрожал их благополучию. Но жизнь распорядилась по-другому. Неоднократно откладывались планы образования зоны свободной торговли. Идея таможенного союза поддерживается, и, главное, проявляется готовность к созданию для этого наднациональных структур пока только Россией, Казахстаном и Белоруссией. СНГ, как было задумано, не стало объединением государств с единой волей его участников сохранить и развить многостороннее взаимное сотрудничество. Этому помешало многое: и различия в социально-экономических уровнях стран, вошедших в Содружество, и разное отношение их лидеров к необходимости политических и экономических реформ и в силу этого разной степени заинтересованности руководства этих стран в развитии и углублении интеграционных процессов в СНГ.

Не могло не повлиять на развитие событий на пространстве Содружества, что вскоре после его образования резко обострились конфликты – армяно-азербайджанский по поводу Карабаха, грузино-абхазский и грузино-южноосетинский, Молдавии с Приднестровьем. Все эти конфликты переросли в стадию вооруженных столкновений. Начались настоящие войны. Отчужденность с Узбекистаном Таджикистана, а также Киргизии, привела к отдельным вооруженным столкновениям, хотя не дошло до войн. В тот момент Россия считала своей основной задачей положить конец вооруженным действиям на пространстве Содружества. Это удалось сделать не без труда,

напряжения всех сил, и в этом на тот момент была главная заслуга Российской Федерации.

Россия старалась не только остановить кровопролития, но и привести к мирному разрешению возникших конфликтов, спровоцированных силами, которые после краха СССР получили вместе с независимостью свободу рук в осуществлении своих националистических или шовинистских замыслов. Тбилиси и Сухуми еще в бытность мою министром иностранных дел предлагалось подписать договор, главная идея которого заключалась в принятии двумя сторонами формулировки «согласие жить в общем государстве в границах Грузинской ССР на 1 января 1991 года». Принятие этого положения означало фактическое признание территориальной целостности Грузии. Термин «общее государство» отличался от «единого государства», что открывало путь к его федеративному или конфедеративному устройству. Естественно, что эта формула сопровождалась целым рядом положений, которые могли гарантировать широчайшие права Абхазии как части общего государства – право отклонить любые законы грузинского парламента, неприемлемые для Абхазии, сохранение вооруженных сил в виде войск МВД, свобода в заключении экономических, культурных и политических (кроме дипломатических) отношений с другими странами и так далее и тому подобное.

Мне удалось уговорить Сухуми на начало абхазо-грузинских переговоров по этой схеме, но грузинское руководство тех времен не согласилось, требуя предварительной договоренности о единой конституции. Не помогли мои разъяснения, что главным конституционным актом будет совместно подписанный мирный договор между двумя сторонами, находившимися в войне друг с другом. И обеим сторонам нужно будет привести в соответствие с этим актом свои конституции. Тбилиси тогда, к огромному сожалению, отверг возможность продвигнуться в урегулировании с Абхазией.

Не помогло даже то, что я привез президента Абхазии Ардзинбу в Тбилиси. Дело было нелегкое. Сначала пришлось уговаривать Ардзинбу, который дважды посещал меня в Сочи во время моего отпуска. Может быть, помогло и то, что он был научным сотрудником Института востоковедения и встречался со мной в то время, когда я возглавлял этот институт. Ардзинба был объявлен в розыск грузинской стороной и не был уже семь лет в Тбилиси. Когда он дал согласие на полет туда в моем самолете и под гарантию его безопасности (предварительно я говорил по телефону с Э.А. Шеварднадзе), не лишенный юмора, он сказал мне: «Мама спрашивает, брать ли теплые вещи?» Так или иначе, но в Тбилиси состоялась встреча Ардзинбы с Шеварднадзе, которая не дала результатов.

Аналогичная посредническая миссия России была предпринята в Кишиневе и Тирасполе. Там, правда, мне удалось уговорить стороны подписать соглашение, но вскоре выяснилось, что оно не выполняется. Позже много сделал для сближения позиций молдавской и приднестровской сторон заместитель секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Ю.А. Зубаков. Наконец, действовавший по указанию президента России Д.Н. Козак подготовил соглашение, которое было сначала одобрено сторонами, а потом президент Молдавии отказался его подписать.

Так что попыток было немало с российской стороны привести дело к урегулированию конфликтов в Содружестве Независимых Государств. Но их ждала неудача. Не в последнюю очередь это произошло потому, что постсоветское пространство стало объектом не только экономической, но и политической экспансии из-за рубежа. На первом этапе, вскоре после крушения Советского Союза, активно проявили себя европейские страны и Турция. К странам Балтии, не вошедшими в СНГ, обозначился повышенный интерес Европейского союза. Объек-

том проникновения Румынии стала Молдавия. Бухарест вынашивал планы, и, по-видимому, кое-кто продолжает стремиться к присоединению Молдавии к Румынии. Росло влияние европейских стран на Украину, особенно на ее западную часть. На первых порах, при президенте Шушкевиче, от западного, особенно польского влияния в стороне не осталась и Белоруссия. Широкую экспансию в соседние с ней страны СНГ и в среднеазиатские республики осуществила Турция. Грузия, Азербайджан и другие восточные страны СНГ завалили турецкими товарами, местные гостиницы переполнили турецкие бизнесмены. Был такой период, когда Анкара надеялась, что ей удастся создать под своим руководством союз тюркоязычных государств.

Положение вскоре начало меняться, в том числе в результате разочарования от сверхтесного сотрудничества с Турцией, Румынией, некоторыми другими восточноевропейскими странами. К этому времени на постсоветском пространстве резко возросла активность Соединенных Штатов. В первую очередь это проявилось в экономической области, особенно в странах СНГ, богатых полезными ископаемыми. За экономикой последовала политика. Может быть, это случайные совпадения, но президентом Литвы стал гражданин США, Латвии – тоже гражданка с американским паспортом, президентом Грузии – человек, который несколько лет обучался в Соединенных Штатах и работал адвокатом в одной из американских компаний, президентом Украины – политический деятель, женившийся на американке.

Украину и Грузию возглавили лица, пришедшие к власти в результате «цветных революций». И на Украине, и в Грузии активнейшую роль – это даже не скрывалось – в смене существовавших правительственных структур играли посольства США соответственно в Киеве и Тбилиси.

Поддержку со стороны США вызвало создание объединения ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Мол-

давия; был там и Узбекистан, но он вышел из этого объединения), рассматриваемого как альтернатива СНГ. В «стратегическом плане» Государственного департамента на 2007–2012 годы говорится, что одна из задач американской политики усилить сближение «новых демократий СНГ» (новыми демократиями в документе называются Грузия, Украина и Молдавия. – *Е.П.*) с европейскими и североатлантическими структурами путем оказания им «поддержки, поощрения и технических советов». Госдеп не скрывает и своего стремления распространить опыт этих «демократических стран» на остальных членов СНГ. «В других точках Евразии народы жаждут получить надежду, которую зажгли “цветные революции” 2003–2005 годов», – говорится в документе*.

История СНГ стала историей создания странами – его членами различных организаций. Одни были порождены трудностями, а подчас и невозможностью в рамках Содружества решить интеграционные задачи в области экономики – появилось по инициативе и активном участии президента Казахстана Н.А. Назарбаева Евразийское экономическое содружество (ЕврАзЭС), которое выросло из Таможенного союза стран СНГ. Другие вызваны потребностью решить военно-политические вопросы. Так появилась Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), получавшая статус международной региональной структуры. В нее входят Россия, Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Армения и Белоруссия. О целях создания этой организации сказал ее генеральный секретарь Н.Н. Бордюжа: «ОДКБ не предназначена для вмешательства во внутригосударственные процессы, не может становиться каким-либо “жандармом” для своих государств-членов. При возник-

* Strategic Plan: Fiscal Years 2007–2012: Transformational Diplomacy. U.S. Department of State, U.S. Agency for International Development. P. 48.

новении любых внутренних конфликтов мы последовательно выступаем за их разрешение исключительно мерами политического характера. Военный компонент Организации договора о коллективной безопасности предназначен исключительно для защиты государств-союзников от внешней агрессии третьих сил»*.

ОДКБ предназначена также бороться с незаконным оборотом наркотиков, противодействовать терроризму, принимать участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Ясно, что оказались завышенными многие российские надежды, да и не только российские, но и ряда других стран – членов СНГ. Однако и после происшедшей эволюции СНГ, невыполнения целого ряда общеодобренных решений сохранение этой организации полезно для обмена мнениями между главами входящих в нее стран, что и происходит на периодических саммитах. Содружество проводит полезную работу в областях образования, контроля над миграцией, борьбе с международной преступностью. Вместе с тем центр тяжести уже давно перенесен на двусторонние отношения между странами – членами СНГ или на комбинации из тех стран, которые в наибольшей степени готовы к развитию и углублению интеграционных процессов. В создавшихся условиях это в первую очередь Россия, Казахстан и Белоруссия.

С самого начала создания Содружества Независимых Государств центральную роль в нем играла Россия – самая большая по территории, населению, экономическому, научно-техническому и оборонному потенциалу, да и в силу инерции советских времен. Поэтому нельзя выводить Россию из-под критики за недостатки, столь очевидные в функционировании Содружества и в двусторонних отношениях России с бывшими республиками СССР. Упущенные возможности, например, в процессе

* Новое поколение. 2008.11.07.

создания Союзного государства с Белоруссией нельзя при всех его сложностях относить только за счет Минска. Серьезную долю ответственности за это несет и Москва. Ведь Союз с Белоруссией создал бы принципиально иную для России геополитическую обстановку, мог бы способствовать развитию экономики двух стран.

В целом, очевидно, нам в ряде случаев не хватает признания на деле, а не только на словах необходимости равноправных отношений с партнерами по СНГ – даже когда мы считаем, что они не во всем правы. Проявляется и другое: при выведении отношений со странами СНГ на уровень рентабельности – с таким намерением трудно не согласиться, – подчас, однако, на второй план отодвигаются интеграционные задачи.

Бывает и так, что российское руководство упускает из-под контроля действие подчиненных ему структур. Когда в момент напряженности, пусть не по нашей вине, отношений с Грузией в 2006 году началась постыдная перепись в Москве лиц грузинской национальности, как писали газеты, даже в детских садах, В.В. Путин, остановивший эту вакханалию, сказал: «Заставь неумного человека Богу молиться, он и лоб себе расшибет».

Все эти замечания отнюдь не могут противопоставляться необходимой реакции России на действия грузинского руководства, развязавшего войну против Южной Осетии 7 августа 2008 года. Россия не могла пройти мимо массовых убийств мирного населения, «ковровых обстрелов» Цхинвали, стрельбы в упор по российским миротворцам. Все это получило вооруженный отпор со стороны России. Характерно, что на этот раз уже никто не «расшибал себе лоб», как это было в 2006 году. Это естественно. Нужно всегда помнить: руководства приходят и уходят, а Грузия и другие бывшие республики СССР будут существовать.

Нет сомнения в том, что мы ни в коем случае не должны терять партнерские связи со странами СНГ. Да-

леки от правильного выбора те, кто считает, что России нужно «уходить в себя». Свято место пусто не бывает, тем более, когда наши слабости используют в своем проникновении на пространство СНГ Соединенные Штаты, игнорируя тот факт, что это один из главных раздражителей в российско-американских отношениях.

VII. В августе 2008-го

Я не собираюсь подробно описывать всем известные события, но вот их канва. В ночь на 8 августа 2008 года сконцентрированные у границ Южной Осетии войска Грузии открыли массированный огонь по столице непризнанной республики Цхинвали и, совершив бросок, оккупировали этот город и значительную часть Южной Осетии. Началась операция с кодовым названием «чистое поле». Во время артобстрела с применением систем залпового огня погибло много мирных жителей. Огонь был открыт и по российским миротворцам, находившимся на территории Южной Осетии по соглашению 1992 года. Президент Д.А. Медведев принял решение перебросить в помощь миротворцам российские вооруженные силы. В результате боевых действий подразделения Грузии были выбиты из Южной Осетии. Проводя операцию, как ее назвал Медведев, «принуждение Грузии к миру», российские войска нанесли удар по военным объектам Грузии за пределами Южной Осетии. Одновременно абхазские вооруженные силы заняли верхнюю часть Кодорского ущелья, в которую, вопреки подписанным соглашениям, за два года до этого были введены грузинские войска. С помощью президента Франции Н. Саркози российской и грузинской сторонами были

приняты 6 пунктов, которые привели к прекращению военных действий. По призыву Государственной Думы и Совета Федерации, поддержавших волеизъявление населения Южной Осетии и Абхазии, Президент Медведев официально признал их в качестве независимых государств. Представляется, что срочность решения о признании была вызвана не только настойчивыми призывами к этому, но также и тем, что Грузия в одностороннем порядке вышла из соглашения 1992 года, согласно которому в районе Южной Осетии находились российские миротворческие силы. Грузия вышла и из СНГ, что лишало юридической базы нахождение российских миротворческих сил и на территории Абхазии. В условиях проявленной агрессивности правительства Саакашвили, которого поддержали США, при этом заявив, что восстановят военный потенциал Грузии, сохранить воинские подразделения России на территории Южной Осетии и Абхазии – этого настойчиво требовала обстановка – было возможно только признав независимость этих двух непризнанных республик. Вслед за признанием последовало подписание договоров о сотрудничестве России с Абхазией и Южной Осетией, которые содержали соответствующие военные статьи.

Западная печать, полностью игнорируя действительность, – это относится и к ряду западных лидеров – вывела из-под жесткой критики заслуживавшее этого грузинское руководство и обрушилась на Россию, обвиняя ее в «агрессии против Грузии». Постепенно, однако, ряд авторитетных западных изданий начали публиковать материалы, приближающиеся к оценке реальных событий. Уже 14 августа газета «Вашингтон пост», например, писала: «Несмотря на публичные заявления правительств Запада в поддержку Саакашвили, ряд западных дипломатов сейчас в частном порядке говорят, что грузинское руководство или военные совершили серьезную и, возможно, преступную ошибку, начав на прошлой не-

деле массированный обстрел столицы Южной Осетии Цхинвали, что неизбежно привело к большому числу погибших и раненых среди гражданского населения». Позже таких публикаций стало намного больше.

Важным является признание американской разведкой правоты России. Открытых заявлений со стороны американских спецслужб на сей счет, понятно, не было. Но на слушаниях в конгрессе США 9 сентября конгрессмен-республиканец (!) Д. Рорабакер сказал, что представители различных разведывательных служб США, с которым он беседовал во время парламентских каникул, «...подтверждают: недавние боевые действия в Грузии и в ее сепаратистских провинциях были начаты Грузией... Русские – правы, мы – не правы. Грузины это начали, а русские этому положили конец».

Каковы были те пружины, которые подтолкнули Саакашвили к авантюре? Я позволю себе представить в этой связи ряд версий.

Первая: Саакашвили действовал самостоятельно без санкций США, которые, если и предполагали возможность готовившейся акции, но не одобряли ее. Газета «Нью-Йорк таймс», ссылаясь на сопровождавшего Кондолизу Райс в Тбилиси 9 июля высокопоставленного представителя администрации Буша, писала, что государственный секретарь США во время ужина с Саакашвили предупредила его, чтобы он не вступал в военный конфликт с Россией, в котором он не может победить*. Посол США в России Дж. Байерли в беседе со мной признал, что США отслеживали ситуацию, но, по его словам, еще в апреле, когда Саакашвили хотел совершить акцию против Абхазии, его остановили. И в этот раз его тоже предупредила госсекретарь К. Райс.

То, что Саакашвили мог недооценить последствия своей авантюры можно подчеркнуть из интервью быв-

* The New York Times. 2008.12.08.

шего председателя парламента Грузии Н. Бурджанадзе, которое она дала газете «Тагесцайтунг». Отвечая на вопрос, были ли среди грузинского руководства люди, которые не рассчитывали на российскую реакцию, Бурджанадзе сказала: «Да, такие мнения были». Отвечая на другой вопрос о причинах ее отхода от Саакашвили, она сказала: «По некоторым вопросам у меня возникли разногласия с президентом. Я выступала за рациональную политику. И если оглянуться назад, то сейчас я понимаю, что во многом я была права»*. Это интервью было дано через неделю после вторжения грузинских войск в Южную Осетию.

Однако если массированное вторжение в Южную Осетию произошло без ведома США и даже против их воли, то тогда следует получить ответы на ряд вопросов. Известно, что в грузинской армии почти 200 американских военных советников. Американские гражданские советники внедрены практически во все правительственные структуры. Можно ли предположить, что они не были осведомлены о перебазировании к границе Южной Осетии бронетехники, артиллерии, подготовке авиации, создании огромного арсенала вооружений на подступах к этому региону для второго эшелона, запланированного под общую мобилизацию?

В то же время сомнительно, что администрация США не была осведомлена о неизбежной реакции России, которая, стремясь сорвать готовившееся вторжение в Южную Осетию и подчеркнуть, что не останется в стороне, устроила за несколько недель до приказа Саакашвили о нападении пролет звена своих самолетов над территорией Южной Осетии. Или в Вашингтоне не приняли этого сигнала? Неужели американская разведка, в том числе и техническая, работающая из космоса, не могла заметить, что на случай нападения на Цхинвал происходила пере-

* Die Tageszeitung. 2008.15.08.

группировка российских вооруженных сил в Северо-Кавказском военном округе? Наконец, до американской стороны напрямую доводилось, что Россия будет активно реагировать на случай, если Грузия прибегнет к военной силе для решения абхазской или южноосетинской проблемы. Об опасности вооруженных действий со стороны Саакашвили ставились в известность Соединенные Штаты по многим каналам.

Следовательно, думать, что США не были осведомлены о планах грузинского руководства и о намерении России контрдействовать, не приходится. Я не принадлежу к тем, кто недооценивает способности и возможности американских разведывательных служб.

Версия вторая: США знали о готовившейся акции Саакашвили, но не исключали, что его войска быстро выйдут к Рокскому туннелю, запрут его, и реакция России будет в военном плане ограниченной, а в политическом – перевесит стремление не наносить ущерба отношениям с Вашингтоном, НАТО. Если эта версия соответствует действительности, то это очередной просчет аналитического аппарата, работающего на Белый дом.

Прежде всего, это выражается в переоценке боеспособности грузинских вооруженных сил. Очевидно, грех прежде всего на душе американских инструкторов, которые докладывали о высоких показателях своей работы. Несомненно, сказались на этой переоценке и надежды на то, что грузинская армия прекрасно оснастилась в течение нескольких лет поступающим из США, Украины, Румынии, Израиля первоклассным современным вооружением. Собственно, военспецы, работающие в зарубежных странах, как правило, преувеличивают плоды своей деятельности. Помню, как советские военные советники в Египте и Сирии в 60-х и 70-х годах докладывали о высокой боеспособности воинских частей этих стран. Но помню и другое: Москва, имевшая много источников

помимо военных специалистов, получала информацию значительно более объективную.

Вместе с тем аналитическим аппаратом Вашингтона навряд ли могли быть недооценены неизбежность и масштабы российской реакции на вооруженные действия, развязанные Саакашвили. Обозреватель лондонской «Таймс» Майкл Биньон* писал: «В России на протяжении нескольких лет нарастало недовольство, и это можно понять: крушение империи, жгучее чувство обиды, страх, что после экономического развала и хаоса, царившего в стране в 90-е годы, с Россией больше не будут считаться». Говоря о дополнительных причинах накапливаемого недовольства в России, Биньон перечисляет: «...безразличие администрации Клинтона к интересам России, особенно на Балканах, теплый прием, оказанный в НАТО бывшим странам Варшавского договора. К этому добавился неоконсервативный курс президента Буша, не нашедшего для России места на мировой арене, неблагодарность Вашингтона в ответ на поддержку и помощь, оказанную Кремлем Америке после событий 11 сентября в борьбе с терроризмом, войне в Афганистане и сборе данных об экстремистах». «Подталкивание бывших советских республик к “свободе”, – пишет Биньон, – также явилось дополнительным раздражителем, так как фактически развязало руки враждебным России силам... Дело в том, что Грузия попыталась стать для США партнером на Кавказе и превратиться в форпост американского влияния на регион»**.

Думать, что Москва будет постоянно уходить от ответа на все против нее выпады, особенно на Кавказе – историческом регионе особых интересов России, в непосредственном ее «подбрюшье», – было бы попросту наивно.

* Один из тех, кто хорошо знает Россию, так как в 1978 г. возглавил бюро газеты в Москве, имеет две премии британской прессы за репортажи из Москвы, автор книги «Жизнь в России».

** The Times. 2008.14.02.

Так или иначе, но США несут ответственность за этот кризис, хотя бы потому, что, по словам Клиффорда Купчана, специалиста по России из консалтинговой компании Eurasia Group, перед началом военных действий они посылали Саакашвили «двойственные сигналы». «В частных беседах, – сказал Купчан, – американцы призывали к сдержанности, зато в публичных выступлениях представители обеих палат занимались подстрекательством. Америка как государство слишком сблизилась с ним, и после семи лет раздувания гнева России он попался ей под руку»*.

Версия третья: Влиятельная часть американского руководства, с которой был особенно тесно связан Саакашвили, благословила его на применение силы, не только понимая, но и рассчитывая на неизбежную военную реакцию России. «Мне кажется, что Госдепартамент старательно призывал к сдержанности, а вот приятели Саакашвили в Белом доме и секретариате вице-президента его постоянно подзуживали». Это свидетельство принадлежит Дэвиду Филипсу – старшему научному сотруднику Атлантического совета (Atlantic Council). Трудно с ним не согласиться. Да и момент для нападения на Южную Осетию был выбран особый: Буш находился в Пекине на Олимпийских играх, а в стране по конституции его замещал известный своими антироссийскими настроениями вице-президент Чейни. «Твердолобые представители администрации используют этот кризис как подтверждение правильности предложения изолировать Москву», – писала газета «Лос-Анджелес таймс». Сразу же активизировался Чейни, заявивший, что «агрессию России нельзя оставлять без ответа». Советник администрации США неоконсерватор Ф. Каган «высоко оценил заявление Чейни» и, по словам этой газеты, «...вместе с другими неоконсерваторами приступил к разработке аргументов

* Цит. по: The Washington Times. 2008.04.09.

для уже начавшегося формирования политики в условиях после грузинского кризиса»*. Одним из конкретных предложений такой политики он поделился, выступая на конференции, организованной влиятельным неправительственным институтом США «Америкэн энтерпрайз институт» (American Enterprise Institute). По словам Кагана, «...военная доктрина НАТО не может более базироваться на принципе отсутствия угрозы членам НАТО со стороны России. В связи с этим цели и задачи альянса должны быть радикально пересмотрены». Каган призвал, в частности, следующую администрацию США рассмотреть вопрос о поставке в страны Балтии систем перехвата российских самолетов.

Характерно, что призывы неоконсервативной политики США. На совещании министров обороны стран НАТО в Будапеште в октябре 2008 года глава военного командования этого альянса американский генерал Бэнц Джон Креддок предложил разработать стратегический план по обороне стран Восточной Европы. По словам генерала, в качестве первого шага такой план должен быть разработан для Эстонии.

Не пытаются ли Чейни и окружавшие его неоконсервативы, с которыми президенту Бушу пришлось расстаться, взять реванш? Они могли быть особенно разочарованы тем, что в последние месяцы наблюдалось некоторое потепление в американо-российских отношениях, начались обсуждения, затрагивающие проблемы американской системы ПРО, сокращения стратегических вооружений, активизации экономических связей.

В интервью телекомпании CNN В.В. Путин вполне логично предположил, что подтолкнули Саакашвили к атаке в Южной Осетии те, кто стремился усилить предвыборные позиции «одного из кандидатов в президенты США». Путин дипломатично не назвал его имени, но о ком

* Los Angeles Times. 13.08.2008.

шла речь, ясно и без этого. Газета «Уолл-стрит джорнэл» накануне поездки вице-президента Чейни в Грузию поместила статью под заголовком «После визита Чейни на Кавказ политика в отношении России может ужесточиться». Автор статьи уточнил мотивы этого визита: «...привлечь мир на сторону Грузии или же сплотить американских избирателей вокруг сенатора Маккейна, воинственно относящегося к России»*.

К этому можно добавить, что Маккейн постоянно разговаривал по телефону со «своим другом» Саакашвили и до, и во время, и после событий.

«Несмотря на свои многочисленные неудачи, видные неоконсерваторы дают сейчас рекомендации кандидату от республиканской партии Джону Маккейну, постоянно появляются на страницах печати, в ток-шоу на телевидении и в аналитических журналах (вместе с духовными братьями либеральными интервенционалистами). И напротив, реалисты стали вымирающим видом в пределах вашингтонской кольцевой автодороги, голос которых почти не слышен на обсуждениях вопросов современной политики»**. Так резюмирует состояние дел в США профессор Стивен Уолт.

Интересный факт привел президент Фонда Никсона Дмитрий Саймс. Во время ужина, который в его центре давали несколько лет назад в честь Саакашвили, Саймс спросил выступавшего с докладом гостя, что тот думает о словах, сказанных президентом Никсоном первому президенту Грузии Гамсахурдия: «Что бы вам не говорили ваши друзья и почитатели в США, Америка не станет из-за Грузии ввязываться в войну с Россией». Саакашвили ответил, что он не Гамсахурдия и осознает всю важность нормальных отношений с Россией. Председательствовавший на ужине Маккейн (да, тот самый Маккейн) побла-

* The Wall Street Journal. 2008.02.09.

** The National Interest. 2008. № 97. Sept./Oct. P. 26.

годарил Саакашвили за его доклад и, очевидно, имея в виду вопрос Саймса, сказал, что для Грузии важно соблюдать осторожность, но не менее важно для нее знать: она может рассчитывать на поддержку Америки в деле защиты своей независимости*.

Есть объяснения и жестким антироссийским заявлениям Буша и Райса. Как представляется, они носили скорее обязательный характер в ситуации, которая требовала, по их мнению, соответствующей реакции, хотя бы показательной (ввод американских кораблей в Черное море), когда возвращенный ими лидер «демократической Грузии» так проиграл в затеянной им аванюре. А может быть, их безоговорочно жесткие заявления были призваны затушевать «неоднородность» в подходах к России со стороны различных частей американского руководства, да и повлиять на Европу, которая все больше делится на старых – умеренных и новых – «задорноголосистых» членов ЕС и НАТО. Может быть, их подстегнуло стремление не нанести вред ставленнику республиканцев Маккейну?

В упомянутой мной беседе с послом Байерли он рассказал, что «кое-кто» не хотел его возвращения из Вашингтона в Москву, но Буш, по его словам, сказал: «...не нужно наносить дополнительный ущерб двусторонним отношениям». Посол поделился своим «четким представлением», что Буш нацелен на то, чтобы сохранить позитивный потенциал, наработанный в американо-российских отношениях. Это замечание посла, как мне кажется, укладывается в систему взглядов на неоднородность американского руководства по поводу возможного конфликта с Россией. Однако как далеко дойдут США в принятом жестком курсе, покажет время.

Росийские действия в ответ на попытку Саакашвили силой решить южно-осетинскую проблему одобряются

* The Washington Times. 2008.18.09.

практически всем населением России – не в счет небольшие группки, которые представляют только самих себя. Особенное негодование вызвала необъективная реакция на российские действия во многих странах Запада. Но не секрет, что при этом российское общество было болезненно затронуто тем, что вначале отмолчались наши союзники из стран СНГ и тем более по Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Очевидно, в чем-то мы переоценили отношения внутри Содружества и ОДКБ. Показателен и тот факт, что после агрессии Грузии на очередной встрече в верхах ОДКБ проявилась реальная оценка событий и солидарность с Россией, но вопрос о признании Абхазии и Южной Осетии самостоятельными государствами не был решен коллективно и отнесен к рассмотрению каждой из стран – участниц Договора. Думаю, что все это должно стать предметом серьезного изучения.

Обратила на себя внимание также определенная недооценка нами необходимости публичной критики тех в Южной Осетии, кто, чем бы они ни оправдывались, могли своими заявлениями и действиями разрушить двунациональный характер рождаемого государства. Российская позиция была ясна. Есть примеры и того, как наши армейцы защищали грузинские села от мародеров. Знаю, что отпор с нашей стороны был дан, мягко говоря, непродуманному заявлению, что грузинским беженцам не будет разрешено возвращаться в свои села. Но все это не приобрело широкого публичного характера.

Глава VIII

ЦЕННОСТИ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ

Существует ли вероятность того, что Вашингтон может пренебречь жизненно важными интересами мирового сообщества и позволит чаше исторических весов, заполненной пусть даже значительными, но конъюнктурными неурядицами, перетянуть другую чашу со стратегическими ценностями, необходимыми для поддержания стабильности и безопасности в мире?

I. Ядерная опасность: Иран и Северная Корея

На стыке XX и XXI веков особенно острый характер приобрела проблема распространения ядерного оружия. Заявила о своем намерении осуществлять военную ядерную программу КНДР. Не заявляя об этом, резко активизировал работу по обогащению урана, пройдя весь цикл и быстрыми темпами наращивая необходимое техническое оборудование, Иран.

Официально ядерными державами считаются пять стран – США, Россия, Китай, Великобритания и Франция. Их ядерный статус закреплен постоянным членством в Совете Безопасности ООН. С ядерным оружием в

руках этой «пятерки» мир смирился, но с учетом необходимости его сокращения. Примиренческой реакции в немалой степени способствовал успех политики ядерного сдерживания во время «холодной войны».

Однако такое отношение не распространяется на всех тех, кто стучится в двери ядерного клуба в настоящее время, и этому есть свои причины.

Помимо официальной «пятерки» уже существуют три неофициальных (непризнаваемых) ядерных государства – Индия, Пакистан и Израиль. В отношении этой «тройки» высказываются различные точки зрения при весьма распространенном выводе, что появление у нее ядерного оружия не отдаляет, а, напротив, может приблизить перспективу его применения. Помню, как в 1996 году президент Клинтон, принимая меня, в ту пору министра иностранных дел России, сказал: «Самой большой угрозой в XXI веке может стать ядерное столкновение между Индией и Пакистаном». К счастью, отношения между этими государствами ныне вступили в стадию разрядки, а некоторые даже заговорили о том, что обладание ядерным оружием двумя сторонами конфликта открывает путь ядерного сдерживания и на региональном уровне.

Но нельзя закрывать глаза на то, что у ядерной проблемы в Индостане есть и другая сторона. Опасно игнорировать тот факт, что внутренняя обстановка в Пакистане далека от стабильности. И это в условиях, когда в стране много сторонников афганских талибов, организация которых в свое время была создана не без участия пакистанской военной разведки. Исторический опыт уже свидетельствовал, что из Пакистана утекали ядерные технологии. Сегодня речь идет о том, что из дестабилизированного Пакистана может «утечь» ядерное оружие в руки террористических организаций или близких к ним талибов.

Ядерным государством стал и Израиль. Существует немало людей, которые оправдывают это тем, что «ма-

ленький израильский островок» окружен огромным враждебным ему арабским миром. Такое объяснение имело бы смысл, если бы ядерное оружие Израиля было «средством сдерживания» и Израиль не стоял у истоков преобладающего числа войн и военных операций на Ближнем Востоке, не говоря уже о людской скученности, арабо-израильской чересполосице.

Если говорить об иранском факторе, который, дескать, оправдывает наличие у Израиля ядерного потенциала, то следует напомнить, что Израиль вышел на обладание ядерным оружием тогда, когда у власти в Тегеране еще находился шах, который имел наилучшие отношения с израильским руководством. Нынешние иранские власти враждебно настроены в отношении Израиля – это факт. Но и в данном случае трудно говорить о «сдерживающем» характере израильского ядерного оружия. Нет оснований считать, что Иран инициативно готовится к нападению на Израиль. В то же время наличие ядерного вооружения у Израиля может подталкивать Иран к форсированному осуществлению военной ядерной программы.

Иран настойчиво заявляет о мирном характере всех своих ядерных работ. И действительно, Иран не вышел из Договора о нераспространении ядерного оружия и не нарушает буквы этого Договора. Однако на таком благоприятном для Ирана фоне особенно нелепо выглядит целый ряд заявлений и действий иранской стороны, которые, казалось бы, должны уверять в мирном характере его ядерной программы.

Первое. Позитивные заявления о готовности поставить под контроль МАГАТЭ всю свою ядерную программу несовместимы с фактическим отказом Тегерана дать ответ на часть вопросов агентства относительно прошлой деятельности Ирана в этой сфере. МАГАТЭ провело несколько раундов переговоров с Ираном. Вначале пере-

говоры шли успешно, но по докладу генерального директора агентства аль-Барадеи, представленному в конце мая 2008 года, Иран не прояснил вопроса о «предполагаемых исследованиях». Этот вопрос является, как доложил Аль-Барадеи, «...важным для оценки прошлой и нынешней ядерной программы Ирана».

Второе. Иран, по сути, уходит от определения позиции по предложению обогащать уран для мирных целей на российской территории. Точно так же Иран не склонен даже упоминать о более широком предложении Президента Путина, которое могло бы создать выход из щекотливого положения: всем странам (подчеркиваю: не только Ирану, но всем), осуществляющим мирные ядерные программы, обогащать уран в центрах, образованных рядом государств, обладающих соответствующими возможностями.

Третье. Противоречивые сигналы из Тегерана поступают в то время, когда происходит ускорение работ в Иране по созданию каскадов центрифуг для обогащения урана, что при достижении их критического числа может быть использовано как в мирных, так и немирных целях. Многие расценивают такую позицию как стремление выиграть время.

Я принадлежу к тем, кто, несмотря на все эти двусмысленности, не верит, что в Иране уже принято политическое решение о создании ядерного оружия. Но не ясно ли, что в случае раскручивания нынешней иранской тактики таких «неверов» будет все меньше?

В этих условиях обозначились и сохраняются два подхода к иранской ядерной проблеме. Отрицая на словах, что готовится военная операция против Ирана, США стягивают военно-морские силы в зону Персидского залива. При этом ставка делается на навязывание Ирану решения с помощью силового варианта. Россия и Китай не считают, что исчерпаны все дипломатические и перегово-

ворные возможности. Европа колеблется, но не в сторону применения военной силы.

Выбор военного пути для решения иранской ядерной проблемы чреват последствиями даже похлеще тех, что мы наблюдали в Ираке. Можно прогнозировать не только более сильный отпор интервентам со стороны иранских вооруженных сил, но и открытие «второго фронта» против американской армии в соседнем с Ираном Ираке. Это еще больше осложнит попытки привести дело в Ираке к умиротворению.

При ставке на военную силу игнорируется также и внутрииранский фактор. В Иране существуют группы лиц, выражающих несогласие с «излишне радикальной» линией, которая ведет страну к изоляции и серьезным экономическим трудностям. Еще сравнительно недавно немало иранцев группировалось вокруг тогдашнего президента Хашеми, поддерживая курс на демократизацию. Однако в случае применения силы против Ирана, уверен, произойдет сплочение всего иранского политического класса.

В отсутствие в Тегеране безоговорочного единства по вопросу об отказе принять компромиссную линию, способную вывести ядерную проблему из тупика, я убедился и сам, находясь в Тегеране в апреле 2007 года по приглашению Али Велаяти – бывшего министра иностранных дел Ирана, а ныне советника духовного лидера страны Хаменеи.

О моей предстоящей поездке в Иран В.В. Путин сообщил Дж. Бушу во время встречи с ним в Сиднее на переговорах стран – участниц АТЭС. Некоторые детали этой поездки обсудили в Сиднее С.В. Лавров и К. Райс. Так что, можно считать – Россия и США работали согласованно. Президент Путин при этом рассчитывал на успех моей миссии в стремлении побудить Иран предпринять позитивные шаги, чтобы избежать принятия новых ре-

золюций Совета Безопасности ООН, ужесточающей меры против Ирана. «Надо нам всем подумать, какой дополнительный сигнал нужно послать иранцам, – сказал Бушу Путин. – Надо предложить им под любым предлогом заморозить обогащение урана. Пусть даже скажут, что они достигли всего, чего хотели, уже освоили технологии». И Буш, и Райс согласились с такой постановкой.

Перед отъездом я получил инструкции от Президента России и на их основе провел встречи с иранскими руководителями. К идее «пакета», составленного из моратория на обогащение урана и переговоров с США в рамках «шестерки» (включающей помимо России и США Великобританию, КНР, Францию и Германию), очень внимательно отнесся Велаяти. Обнадеживающе прозвучали слова президента Ахмединежада о том, что он должен обсудить эту тему с советниками. А министр иностранных дел Ирана М. Моттаки без обиняков отклонил эту идею.

В октябре в Тегеране состоялся саммит прикаспийских государств. Вопрос о моратории Ирана на обогащение урана упорно ставился В.В. Путиным перед иранскими коллегами. В то время иранское руководство так и не пришло к восприятию этого предложения. Однако по имеющейся информации визит президента России увеличил число тех, кто в Иране расположен к поискам взаимоприемлемого решения.

Все-таки думаю, что здравый смысл восторжествует и Иран согласится на предлагаемые компромиссы, которые позволят ему при сохранении лица снять напряженность и активизировать международное сотрудничество в развитии невоенной ядерной программы. Это, конечно, будет зависеть от того набора средств, которые хотят использовать США против Ирана. Предотвращение выхода Ирана на ядерное вооружение может быть обеспечено лишь при коллективных, согласованных усилиях мирового сообщества, в первую очередь США и России.

В случае с противодействием ядерному вооружению КНДР критическое значение приобрело совместное участие в этом процессе не только США и России, но особенно Китая.

Отличие КНДР от Ирана в том, что Северная Корея открыто заявила о своем намерении работать над созданием ядерного оружия. Официально КНДР мотивировала стремление выйти на обладание ядерным оружием еще в первой половине 90-х годов XX века необходимостью обеспечить свою безопасность. Гипотетически тогда могла рассматриваться угроза со стороны Республики Кореи, вплотную поддерживаемой Соединенными Штатами. В нынешних условиях такая «традиционная» угроза практически исключается. Отношения между двумя Кореями стали гораздо лучше после провозглашения президентом РК Ким Дэ Чжуном так называемого курса «солнечного тепла». В 2000 году была подписана совместная декларация Севера и Юга в Пхеньяне, в которой сделан акцент на экономическое сотрудничество двух государств. Сняв угрозу форсированного объединения двух Корей, чего опасаются и в Сеуле, и в Токио, и в Пекине, так как это неизбежно приведет к потоку беженцев из Северной Кореи, соглашение создало условия для действительного сближения двух корейских государств.

При администрации Клинтона спало напряжение между США и КНДР. Этому способствовали поездка в Вашингтон первого заместителя Ким Чен Ира по комитету обороны, а также шестичасовая беседа в Пхеньяне с Ким Чен Иром госсекретаря США Мадлен Олбрайт. После прихода к власти в США администрации Буша, который еще в предвыборной борьбе сделал упор на критику внешней политики Клинтона, вновь произошло обострение отношений США с КНДР. Вначале конфронтация сводилась к словесной полемике. Однако после событий 11 сентября враждебность со стороны Соединенных Штатов к Северной Корее резко возросла. КНДР была названа

«осью зла», и приведены в боевую готовность вооруженные силы Соединенных Штатов в Южной Корее. Произошло наращивание американских вооруженных сил и на подступах к Корейскому полуострову. Расчет американской администрации, по-видимому, исходил из прогнозов скорой смены режима в КНДР.

В это время началось обострение обстановки и со стороны КНДР, которая, судя по всему, решила пойти ва-банк, бросив на стол свою, может быть, даже последнюю «козырную карту» – угрозу ядерного конфликта. В октябре 2002 года КНДР демонстративно подтвердила наличие ядерной программы на основе высокообогащенного урана. 14 ноября США прекратили поставки мазута, которые должны были компенсировать потери КНДР от отказа на строительство собственных газографитовых реакторов. В ответ Пхеньян объявил о немедленном возобновлении строительства ядерных объектов, а 24 декабря прекратил деятельность инспекторов МАГАТЭ. В начале 2003 года КНДР вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия.

В таких условиях было предложено вести переговоры в рамках «шестерки» – США, Китая, России, Японии и двух корейских государств. Начавшиеся переговоры сработали далеко не сразу. Пиком напряженности стал 2006 год. В июле, прервав мораторий на ракетные испытания, КНДР запустила шесть ракет, включая баллистическую дальнего радиуса действия. После принятия Советом Безопасности ООН резолюции, осуждавшей Пхеньян за ракетные испытания, Северная Корея впервые провела подземные испытания ядерного оружия. Совет Безопасности принял резолюцию, предусматривающую санкции против КНДР. Китай сократил на две трети продовольственные поставки в страну. Через три недели после ядерных испытаний КНДР согласилась вернуться за стол переговоров «шестерки», подчеркнув, что это решение было принято в условиях возможности двусторонних

консультаций между КНДР и США по вопросу об отмене финансовых санкций.

Военные обстоятельства, по-видимому, не единственные, которые мотивировали стремление КНДР продвигать ядерную программу. Решение о ее развитии или свертывании рассматривается Пхеньяном в качестве важного рычага в проводимой им внешнеполитической многофункциональной «игре».

Одна из ее функций – попытка создать условия для экономического роста. Экономическая ситуация в Северной Корее остается трудной, особенно в обеспечении населения продовольствием. Положение усугублялось в результате стихийных бедствий. Около трети населения выжило благодаря гуманитарным поставкам из-за рубежа, главным образом из Китая.

Однако, как представляется, неправильно считать, что в КНДР ничего не меняется. Не исключено, что через определенный период страна может принять, скажем, вьетнамскую модель реформирования, одобренную местной спецификой. Но для перехода к реформам нужен период стабилизации, включающий, безусловно, стабильную социально-экономическую обстановку. В таких условиях особое значение приобретает сохранение и развитие гуманитарной поддержки со стороны других стран и привлечение иностранных инвестиций.

Немаловажное значение для экономической стабилизации в КНДР имеет решение стоящих перед ней острых энергетических проблем.

На возобновившихся переговорах «шестерки» в Пекине США фактически приняли пакетную форму решения, то есть согласились с тем, что отказ КНДР от ядерной программы может быть компенсирован целым рядом мер, включая экономические. Представляется, что эволюция американской позиции в отношении КНДР была продиктована пониманием серьезных рисков, связанных с ядерным вооружением Северной Кореи, кото-

рые распространяются далеко за пределы этой страны – ядерная зона может расшириться за счет Японии, Республики Кореи и, возможно, Тайваня. Это грозит дестабилизацией положения в этом регионе и создаст прецедент для «пороговых» и «предпороговых» стран в других регионах мира. Военная ядерная программа КНДР может резко ослабить, если не похоронить Договор о нераспространении ядерного оружия.

По всем этим вопросам совпадают интересы США, КНР, Японии, России, РК. Обширное поле совпадения интересов создало объективную основу для выхода из кризиса дипломатическими методами. Сначала Северная Корея остановила ядерный реактор в Йонбене после того, как в порт Сонбон прибыл танкер с мазутом – часть компенсации, обещанной США, Китаем, Россией, Южной Кореей и Японией. Через год, в июле 2008 года, КНДР передала Китаю сведения о своих ядерных программах и взорвала охладительную башню главного ядерного реактора в Йонбене.

Однако 14 августа 2008 года КНДР «приостановила» процесс дenuклеаризации, о котором состоялась договоренность «шестерки» 3 октября 2007 года. В заявлении северокорейского агентства ЦТАК говорилось, что руководство КНДР собирается «...рассмотреть вопрос о восстановлении объектов в Йонбене до их прежнего состояния». По мнению экспертов, ядерные объекты в Йонбене северокорейцам уже не нужны, так как с их помощью наработан оружейный плутоний, достаточный для производства примерно 10 ядерных боеголовок. КНДР заявила, что прекращает ядерное разоружение, так как США не выполняют свои обязательства по исключению Северной Кореи из списка стран, поддерживающих терроризм.

Думаю, что инициатива Пхеньяна не случайно совпала по времени с конфликтом вокруг Южной Осетии. Это еще раз подчеркивает необходимость сохранения нор-

мальных партнерских отношений между США и Россией. Без этого практически невозможно решить проблему и Северной Кореи, и Ирана, да и вообще преградить пути распространения ядерного оружия в мире, что создает огромную опасность для всего человечества.

II. Стоит ли пренебрегать контролем над вооружениями?

Распространение ядерного оружия происходит не без влияния того, что уже состоявшиеся и общепризнанные ядерные государства не могут договориться о постепенном ядерном разоружении. Уповать на то, что этот процесс начнется в близлежащий период, не приходится. В таких условиях для всего мирового сообщества приобретают еще большее значение договоренности ядерных держав об ограничении и сокращении имеющихся у них военных ядерных средств.

Эта позиция разделяется практически всеми специалистами, в том числе и американскими. Г. Киссинджер, Дж. Шульц, У. Перри, С. Нанн в статье, опубликованной 15 января 2008 года в газете «Уолл-стрит джорнал»*, писали, что должны быть продлены ключевые положения Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ), проведены переговоры по созданию совместной многосторонней системы противоракетной обороны и раннего предупреждения. Авторы статьи делают упор на особое значение в этом процессе США и России, обладающих почти 95 процен-

* The Wall Street Journal. 2008.15.01. P. A13.

тами ядерных боеголовок в мире, а также уникальным опытом ядерного разоружения.

О своей принципиальной поддержке авторов проекта по переходу к миру без ядерного оружия, начатого в 2007 году, заявили также многие другие бывшие высокопоставленные лица США. Среди них – М. Олбрайт, Р. Аллен, Дж. Бейкер, С. Бергер, З. Бжезинский, Ф. Карлуччи, У. Кристофер, У. Коэн, Л. Иглбергер, Р. Макнамара, К. Пауэлл, Т. Грэм и другие.

При напряжении воли, понимании жизненной необходимости найти решения, согласия идти на обоюдные уступки две державы, обладающие самыми крупными ядерными потенциалами, – Соединенные Штаты и Советский Союз (правопреемница СССР – Россия), прошли часть нелегкого пути ограничения ядерных вооружений. Другие ядерные государства пока несопоставимы с двумя гигантами в военно-ядерной сфере. Но от американо-российских договоренностей в решающей степени зависит и их включение в процесс сокращения ядерного оружия. А необходимость такого включения нарастает по мере увеличения военного ядерного потенциала Китая, Великобритании, Франции.

В свое время согласованные США и СССР документы целенаправленно охватили две основные сферы – наступательные ядерные вооружения и противоракетные системы. Главными вехами можно считать юридически обязывающие документы – Договор о СНВ, который был подписан 31 июля 1991 года и вступил в силу 5 декабря 1994 года, и Договор о противоракетной обороне (ПРО), подписанный в разгар холодной войны в 1972 году. Последний налагал серьезные количественные и качественные ограничения на создание боевых систем противоракетного оружия.

Эти два договора являются эталонными. Конечно, развивается техника, появляются новые технологии, которые не могут не влиять на процесс ограничения воо-

ружений. Но подписанты этих договоров должны были исходить из того, что изменения могут вноситься в букву, а не в дух согласованных документов. В бытность мою министром иностранных дел мы договорились с американцами, что по мере развития техники любые отступления от Договора по ПРО могут осуществляться по согласованию между двумя сторонами. Удалось, например, прийти к соглашению о нестратегической ПРО с целью не допустить ее «перерастания» в глобальную систему с выходом в космос. Но кончилось все тем, что США односторонне вышли в 2002 году из Договора по ПРО. Так был ликвидирован один из столпов контроля над вооружениями.

Что касается Договора о СНВ, то срок его действия истекает 5 декабря 2009 года. В случае, если не удастся его продление или, что, несомненно, лучше, подписание нового Договора о СНВ, учитывающего сегодняшние реалии, будет вообще снята преграда с гонки ядерных вооружений.

Нужно отметить, что речь идет о действующем Договоре о СНВ. В конце 2001 года завершился семилетний период, в течение которого должны были быть завершены предусмотренные договором ограничения. Ни США, ни Россия не вышли за обговоренные пределы. До декабря 2009 года будут действовать и качественные ограничители на стратегические наступательные вооружения, в том числе запрет на их размещение вне пределов национальных территорий. Но только до конца 2009 года.

С 2006 года по инициативе Президента Путина ведутся переговоры России и США с целью достижения новой договоренности по СНВ. Обнадеживающее совместное заявление было принято 3 июля 2007 года министром иностранных дел России С.В. Лавровым и госсекретарем США К. Райс, в котором подчеркивалось намерение двух стран осуществить сокращение стратегических наступа-

тельных ядерных вооружений до «минимально возможного уровня, отвечающего требованиям обеспечения их национальной безопасности и союзническим обязательствам». Следовательно, оба государства готовы взять на себя обязательства по установлению как можно более низкого потолка для наступательных ядерных средств. Однако в процессе конкретного обмена мнениями на экспертном уровне выявилась особенность американского подхода: США предлагали свести все к мерам транспарентности, которые, конечно, необходимы. Но одновременно США не пошли на полноценные меры по ограничению вооружений, в частности, на установление пределов на количество носителей СНВ и отказ от базирования СНВ за пределами национальных территорий.

Суть американских предложений в том, чтобы подвесить под сокращение лишь «оперативно развернутые боезаряды». В таком случае за пределы договоренностей выводятся боезаряды и носители на складах. И, что тоже очень важно, за пределы договоренностей предлагается вывести число ракет-носителей. Иными словами, США не хотят переносить в новый документ «сердцевину» договора, заканчивающего свой жизненный путь.

Эти же цели, очевидно, преследовали американские эксперты, выдвинув предложение, по сути, заменить Договор о СНВ модернизированным Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП), подписанным в 2002 году (московский договор). Московский договор сам по себе не может быть признан надежным инструментом по контролю за сокращением стратегических наступательных вооружений. ДСНП заключался с опорой на ДСНВ. Он охватывает лишь «оперативно развернутые» стратегические ядерные боезаряды и может рассматриваться лишь как дополнение к ДСНВ, а не наоборот.

Не стоит ли за всем этим стремление обеспечить выполнение программы под кодовым названием «Немед-

ленный глобальный удар». Эта программа получила бюджетное финансирование отдельной строкой – уже в этом проявляется особое к ней внимание. Разъяснения сводятся к тому, что создается неядерный потенциал, который может быть использован против любой страны, заподозренной в связях с международным терроризмом. С этой целью Пентагон дал указания устанавливать обычные боезаряды взамен ядерных боеголовок на определенном числе межконтинентальных баллистических ракет шахтного и морского базирования и ускорить создание новой сверхскоростной крылатой ракеты.

Эксперты рассматривают программу «Немедленный глобальный удар» как предвестник американского отказа от продления Договора о СНВ, который создает ограничения для применения стратегических ракет не только в ядерном, но и в неядерном исполнении. Между тем неядерные стратегические ракеты вполне сопоставимы по своей разрушительной мощи с ядерными. Создание нового типа стратегического оружия прямо бьет и по существующей системе предупреждения о ракетных пусках. По мнению специалистов, отличить стартовую неядерную ракету от ядерной технически невозможно.

Все эти озабоченности должны были обсуждаться. Но пресс-секретарь Пентагона Уитман сообщил, что США приостанавливают переговоры с Россией по стратегическим ядерным вооружениям и противоракетной обороне, в частности, о развертывании в Польше и Чехии системы ПРО. Американскими средствами массовой информации это было отнесено к категории санкций против России за ее действия в Южной Осетии. В действительности США «наказывают» не Россию, а весь мир, заинтересованный в контроле над ядерными вооружениями и в конечном счете также и себя.

Особое значение в нынешнее время приобретают и российско-американское сотрудничество по Договору о ликвидации ракет средней (1000–5500 км) и меньшей

(500–1000) дальности (ДРСМД), подписанный двумя государствами 8 декабря 1987 года. Этот договор – бессрочный, его выполнение строго контролируется.

Значение этого договора проистекает также из того, что это первый шаг на пути ракетно-ядерного разоружения. Но он ограничивает деятельность в сфере военных ядерных средств лишь два государства – Россию и США. Между тем такие государства, как Китай, Индия, Израиль, Пакистан, обладающие ядерным вооружением, а также КНДР, Республика Корея и другие – всего более 20 стран мира – имеют ракеты средней и меньшей дальности или осуществляют планы их создания. Закономерно, что в такой ситуации В.В. Путин на встрече с госсекретарем США К. Райс и министром обороны США Р. Гейтсом 12 октября 2007 года предложил преобразовать двусторонний Договор о РСМД в международный механизм. Это предложение нашло отклик с американской стороны, и на сессии Генеральной Ассамблеи ООН было распространено российско-американское заявление, призывающее мировое сообщество начать обсуждение возможности придать всеобщий характер режиму отказа от баллистических и крылатых ракет наземного базирования дальностью от 500 до 5500 км. Призыв поддержало значительное число государств, но, конечно, американо-российское сотрудничество в этой области нужно было бы продолжить, так как далеко не все согласны отказаться от целого класса ракетно-ядерных вооружений.

И наконец, о ситуации вокруг Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Этот бессрочный договор был подписан в ноябре 1992 года странами – участницами двух военных союзов – НАТО и Варшавского договора. Он основывался на балансе сил двух групп государств и в нынешних условиях – это очевидно – безнадежно устарел. Понимая это, государства – участники ДОВСЕ подписали в 1999 году в Стамбуле Соглашение об адаптации договора. Но это соглашение не вступило в

силу из-за того, что, прежде всего, страны НАТО его не ратифицировали. В то же время развился процесс расширения Североатлантического союза.

Продолжение такой ситуации наносило ущерб безопасности России, и она приостановила действие старого ДОВСЕ с 12 декабря 2007 года. При этом российская сторона особо подчеркивает, что, объявив мораторий, не закрывает дверь для продолжения диалога с целью выхода из кризиса с ДОВСЕ, продолжающегося уже многие годы. В беседе со мной бывший начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР М.А. Моисеев, сохранивший тесные связи со своими российскими коллегами, подробно рассказал о том, чего хотела бы достичь Москва в диалоге с США и другими странами – членами НАТО.

Первое. Скорейшая ратификация адаптированного ДОВСЕ. Принципиально важно, чтобы процесс ратификации Соглашения об адаптации вновь не затянулся до греческих календ.

Второе. Отмена дискриминационных фланговых ограничений, которые не позволяют России свободно перемещать войска по своей собственной территории.

Третье. Понижение разрешенных уровней вооружений. Хотя реальные наличия обычных вооружений ныне меньше того, чем, например, располагала НАТО в 1990 году. Но реальные наличия – вещь изменчивая. Сегодня они понижаются, завтра растут. Нужно, чтобы государства – участники ДОВСЕ, по крайней мере, взяли обязательства не наращивать своих арсеналов по сравнению с нынешним уровнем.

Четвертое. ДОВСЕ должен включать все страны Европы. Это касается не только новых стран, вошедших в НАТО, но и других европейских стран, не участвующих в альянсе.

Пятое. Определение термина «существенные боевые силы». В 1997 году был принят основополагающий акт

Россия – НАТО. В нем члены альянса отказались от дополнительных постоянных развертываний существенных боевых сил. Но что это значит в конкретных цифрах, до сих пор неясно. Российская сторона исходит из того, что бригадный уровень с лихвой отвечает критерию «существенности».

«Это главные принципы нашего подхода. Наши требования, – резюмировал генерал Моисеев, – отнюдь не чрезмерны. Они справедливы и сбалансированы».

Все обозначенные позиции по контролю над вооружениями, имеющие без преувеличения жизненную важность для стабильного и безопасного развития человечества, настоятельно требуют активизации сотрудничества на международном уровне, в первую очередь США и России. Можно ли этим пренебрегать?

III. Проблемы ближневосточного урегулирования

Я не собираюсь описывать историю ближневосточного конфликта, который породил целый ряд войн во второй половине XX – начале XXI века, чуть не привел человечество к глобальному столкновению, стал базой международного терроризма. Остановлюсь лишь на последних двух годах, совпадающих со сроком пребывания Дж. Буша в Белом доме, да и только для того, чтобы показать, какой несомненно позитивный потенциал американо-российского сотрудничества мог бы быть использован для успеха урегулирования на Ближнем Востоке.

Администрация Дж. Буша в 2007 году обещала до конца своего срока, то есть до конца 2008 года, привести дело к мирному урегулированию. Специалисты, разби-

рающиеся в ближневосточных делах, понимали невозможность достижения этой цели в такой короткий период. В Израиле надвигался правительственный кризис. Ольмерт, с которым вели переговоры палестинцы, был обречен на отставку – обвинения его в коррупции нарастали, и мало кто верил, что до конца 2008 года он доживет в качестве премьер-министра. Новому израильскому премьеру, если даже он захочет и сможет подхватить эстафету у Ольмерта, понадобилось бы время, чтобы осмотреться. А если он не захочет следовать по пути, которым шел Ольмерт в его контактах с палестинцами, что весьма вероятно? В палестинском лагере тоже нет единства. Президент палестинской автономии Махмуд Аббас и ФАТХ не контролируют Газу, где власть принадлежит ХАМАСу – организации, отвергающей мир с Израилем. Изоляция Газы, осуществляемая Израилем, практически не привела к ослаблению позиций ХАМАСа. Предпринимаемые усилия, особенно президента Египта и короля Саудовской Аравии, по сближению ФАТХа и ХАМАСа, оказались малопродуктивными. Израиль, несмотря на открыто провозглашенное Кондολизой Райс несогласие, продолжал расширять свои поселения на оккупированном Западном берегу реки Иордан.

И тем не менее кое-какие позитивные подвижки в контактах Ольмерта и Махмуда Аббаса наметились. Администрация Буша проявляла несомненную активность, добиваясь продвижения переговорного процесса. Было ясно, что Буш и его окружение чрезмерно заинтересованы в том, чтобы «компенсировать» иракский провал успехом в израильско-палестинском урегулировании. В решение этой задачи США, с одной стороны, стремились к демонстративному единоличию, а с другой – несомненно, нуждались в международном участии. К. Райс, фактически отодвинув в сторону «квартет»*, на создание ко-

* Так называемый «квартет» состоит из четырех членов – Россия, США, Европейский союз и ООН.

того Вашингтон был вынужден согласиться взамен своего неудавшегося монопольного посредничества в палестино-израильском урегулировании, проводила на Ближнем Востоке больше времени, чем затраченное на все остальные визиты. Не случайно было выбрано место для международной встречи, которую США решили обозначить как начало «финишной прямой» урегулирования – Аннаполис. Не в Европе, не в Азии, а именно в Соединенных Штатах. Правда, чтобы обеспечить более широкое участие в этой встрече, Райс сказала, что за ней последует встреча в Москве.

Российское руководство очень трезво подошло к создавшейся обстановке. Понимая невозможность разрешения такого сложного, застарелого и пропитанного кровью конфликта, как говорится, одним махом, Россия тем не менее делала многое, чтобы поддержать американские усилия, которые считала небесполезными для продвижения мирного процесса. Основную роль в этом играл Президент В.В. Путин, министр иностранных дел России С.В. Лавров и его заместитель А.В. Салтанов, другие мидовцы, но и мне довелось принять кое-какое участие.

Нашу позицию в отношении американской идеи провести встречу в Аннаполисе изложил в беседе с главой китайского правительства Вэнь Цзябао в Москве 5 ноября 2007 года В.В. Путин: «Мы поддерживаем ее как первый шаг к полномасштабной международной конференции по Ближнему Востоку, – сказал Путин. – Мы побуждаем арабов принять в ней участие, в частности сирийцев. Находимся в постоянном, даже в прямом контакте со всеми возможными участниками этой встречи – с разными сторонами противостояния в Палестине, с Израилем, с различными политическими силами в Ливане, с Сирией. Сейчас в регионе по моему поручению находится Примаков, который объезжает страны, общается с политическими лидерами».

Первая моя встреча состоялась в Рамалле (Западный берег) с главой палестинской администрации Махмудом Аббасом. Со ссылкой на Президента Путина рекомендовал ему поехать в Аннаполис, если даже не удастся до этого согласовать документ с израильянами. Добавил, что в противном случае палестинцев обвинят в срыве встречи, которая, как уже решено, будет иметь продолжение в Москве. Аббас согласился, но попросил пока не говорить об этом Ольмерту, так как все-таки не терял надежды выработать до Аннаполиса согласованный палестино-израильский документ.

Встретившись в Иерусалиме с Ольмертом, а затем с министром обороны Бараком, акцентировал их внимание на необходимости добиться компромиссного прорыва в урегулировании. «В отсутствие этого, – согласился Ольмерт, – в Израиле придут к власти правые, а в палестинской администрации – ХАМАС». «Будучи другом Буша, я все равно понимаю, что Соединенным Штатам без России не обойтись», – заключил Ольмерт.

Естественно, что с израильскими руководителями пошел разговор об участии Сирии, без чего встреча в Аннаполисе была бы попросту неполноценной. Это понимали все, кроме, пожалуй, Ольмерта. Но и он начинал колебаться. Прямо не поддержав идею включения в повестку дня встречи обсуждение «сирийской проблемы», Ольмерт сказал: «Не буду против, если вы поделитесь с Асадом своими впечатлениями о моем благоприятном отношении к этой идее».

Определеннее высказался генерал Барак, который просил передать Асаду, что он – сторонник прямых переговоров с Сирией без предварительных условий, имея в виду и судьбу Голанских высот. Характерно, что, по словам Барака, он «...излагал свои взгляды Чейни, но тот настаивал на необходимости изолировать Сирию, которая срывается с Ираном. Между тем, – добавил Барак, – сейчас возникла ситуация, при которой лишь с помо-

щью России можно выправить положение, так как американцы мало что понимают на Ближнем Востоке». Сознаясь, я с ним не спорил по этому вопросу.

6 ноября прибыл в Дамаск, где был принят президентом Б. Асадом. Он связал участие Сирии во встрече в Аннаполисе с готовностью США и Израиля обсудить там проблему Голанских высот. Из отдельных замечаний Асада стало ясно, что он все-таки примет решение о поездке сирийской делегации в Аннаполис, но, конечно, не во главе с президентом Сирии. Стимулирующим моментом для такого решения определенно стала весть о последующей встрече в Москве, так как «там, несомненно, должны обсуждаться сирийско-израильские проблемы, и приглашение Сирии будет направлено Россией». К этим словам Асад добавил: «Сирия готова вступить в переговоры об урегулировании с Израилем, но на первых порах лишь при участии третьей стороны. Если пойдет дело неплохо, то может быть предложен формат двусторонних переговоров. Однако для Сирии желательно, чтобы все развивалось в контексте общего урегулирования. А в Москве мы готовы сесть с израильтянами за один стол».

Хотел бы также сказать несколько слов о встрече в Дамаске с руководителем политбюро движения ХАМАС Х. Машаалем. Он сказал, что рассмотрит с коллегами высказанное мной от имени Президента России предложение прекратить ракетные обстрелы израильской территории из Газы. Машааль утверждал, что ХАМАС полностью контролирует положение и при прекращении израильских военных акций в Газе может остановить ракетные обстрелы Израиля, осуществляемые также и другими палестинскими организациями.

Несомненно, полезными были также беседы в Каире с президентом Х. Мубараком и с генеральным секретарем Лиги арабских государств А. Мусой. «Речь идет о том, – сказал Муса, – чтобы сразу после Аннаполиса обозначить наиболее приоритетные вопросы палестино-изра-

ильского урегулирования на предстоящие, скажем, три месяца и подвести итоги работы на следующей встрече в Москве».

Беседы с различными арабскими руководителями подтвердили, что они стремятся к непрерывности ближневосточного мирного процесса, придавая встрече в Москве большое, если не решающее значение в достижении этой цели. Однако московского продолжения Аннаполиса в 2008 году так и не последовало. Вашингтон и израильское руководство не проявили к этому интереса.

Между тем убежден, что без сотрудничества США с Россией, Европейским союзом мирное урегулирование на Ближнем Востоке недостижимо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проиграют все, если российско-американские отношения соскользнут к новому изданию холодной войны. Чтобы этого не произошло, нужно, прежде всего, отказаться от набирающей, к сожалению, силу риторики с двух сторон. Этот вывод лежит на поверхности. А если попытаться погрузиться в ситуацию глубже, то, по словам Фрэнсиса Фукуямы, внешней политике Соединенных Штатов нужно «изящно справиться с невыгодным изменением мирового баланса сил и серьезным уменьшением влияния США в мире». Касаясь американо-российских связей, Фукуяма написал: «США никогда не рассматривали двусторонние отношения как политический торг, в котором американцы могли бы отказаться от чего-то им нужного в обмен на уступки России. Мы вели себя так, как англичанин из старого анекдота: разговаривая с иностранцем и видя, что его не понимают, англичанин начинает громче повторять свои слова»*.

Осенью 2008 года произошло усиление внимания к российской тематике в США. Плохо, что это началось после того, как Россия вынуждена была защищать силой свои интересы, а не молчаливо выслушивать все громче повторяемые в свой адрес слова, как в анекдоте, рассказанном Фукуямой. Все, что нужно России, – это уважительные, равноправные отношения с Западом. Те, кто считают, что антиамериканизм генетически заложен в

* Financial Times. 2008.02.09.

политику России, заблуждаются. Приведу лишь два факта, которые, как представляется, говорят сами за себя.

Ирак. Если бы Россия проводила антиамериканский курс, то она, несомненно, воспользовалась бы тупиковой ситуацией, в которую США попали в Ираке. Ведь еще свежо в памяти, как в Афганистане США поддерживали и вооружали воюющих против нас моджахедов. Может ли Россию обвинить кто-либо в том, что она поступает аналогично в Ираке?

Иран. Если бы Москва придерживалась, как в годы холодной войны, «игры с нулевым результатом» (что невыгодно США – в интересах России и наоборот), то, возможно, в российском руководстве нашелся бы кто-нибудь, посоветовавший президенту: давайте делать все, чтобы США влезли и застряли в Иране. Вспомним, как еще до ввода советских войск в Афганистан З. Бжезинский советовал американскому президенту поставить моджахедам «стингеры», вооружить их современным оружием, чтобы СССР, в конце концов, втянулся в Афганистан. Может ли кто-нибудь обвинить сегодня Россию в намерениях способствовать тому, чтобы США «втягивались» в Иран?

Так в чем же дело? Неужто так сильна инерция восприятия России в качестве наследницы СССР времен холодной войны? Очевидно, это тоже имеет место. Но главное все-таки в другом. В 90-е годы в США распространились разговоры о том, что век России завершился. И вдруг Россия поднимается и заявляет о себе как о полноправном игроке на международной арене. Видно, что она уже не спит. Она сосредоточивается.

Когда эта книга дойдет до читателя, в американском Белом доме будет новый хозяин. Учет ли он промахи администрации своего предшественника? Избавится ли окончательно от идеологического влияния неоконгов? Приведет ли политику США в соответствие с реалиями

многополярного мироустройства, при понимании, что один из его полюсов – Россия? Ответы на эти вопросы даст время. Между тем от них зависит направление мирового развития на близлежащий период, в том числе, создание условий, благоприятствующих нейтрализации таких вызовов и угроз как распространение ядерного оружия, международный терроризм, кровавые региональные конфликты.

Вполне понятно, что не все зависит от США. Значительная мера ответственности ложится на плечи других основных игроков на международной арене, видное место среди которых принадлежит России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь ошибка. А.Г. Ханджян застрелился не в Ереване, а в Тбилиси 9 июля 1936 года.

² В действительности Абу Айяд был убит собственным телохранителем.

³ Шестидневная война Израиля против Египта, Иордании и Сирии, на помощь которым также пришел Ирак, продолжалась с 5 по 10 июня 1967 года и закончилась полным разгромом арабских армий.

⁴ Пражская весна – период политической и культурной либерализации в Чехословакии в 1968 г., попытка построить «социализм с человеческим лицом».

⁵ Дартмутские встречи – ежегодные конференции представителей советской и американской общественности, созываемые попеременно в СССР и США. Инициатором проведения первой встречи осенью 1960 года в Дартмутском колледже г. Хановер (шт. Нью-Гэмпшир) был президент США Д. Эйзенхауэр, который выступил с идеей регулярных встреч политических деятелей и экономистов, а также деятелей науки, культуры и искусства США и СССР как частных лиц, а не как официальных представителей своих стран. Целью таких встреч был открытый, свободный от идеологических подходов неофициальный обмен мнениями по актуальным проблемам взаимоотношений между обеими странами и международных отношений и поиск путей их улучшения. С 1960 по 1990 состоялось 17 встреч (конференций); за исключением периода 1964–68, когда они были прерваны по инициативе советской стороны в связи с войной во Вьетнаме. Последняя, 17-я Дартмутская встреча состоялась в июне 1990 года в Ленинграде.

⁶ Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС) – форум 21 экономики Азиатско-Тихоокеанского региона для сотрудничества в области региональной торговли и облегчения и либерализации капиталовложений. Основан в Канберре, Австралия, в 1989 г.

⁷ План Маршалла – это программа помощи Европе после Второй мировой войны. Выдвинут в 1947 году американским государственным секретарем Джорджем К. Маршаллом и вступил в действие в апреле 1948 года. В осуществлении плана участвовали 17 европейских стран, включая Западную Германию. СССР и страны Восточной Европы отвергли план Маршала. Общая сумма ассигнований по плану Маршалла в 1948–1951 годах составила 13 млрд долларов, из которых на ФРГ пришлось 1,3 млрд долларов.

⁸ По каким-то соображениям Е.М. Примаков засекретил имя директора МИ-5 названием популярного шотландского виски The Charles House Blended Scotch Whisky. В действительности генеральным директором МИ-5 в 1992–1996 годах была Стелла Римингтон (р. 1935), но была ли она в Москве в сентябре 1992 года, или в действительности нашу столицу посетил какой-то другой представитель британской контрразведки, неизвестно. С. Римингтон стала первым директором МИ-5, о назначении которой было объявлено публично, и который стал появляться перед камерами. Ранее имена лиц, занимавших эту должность, были засекречены. Возможно, Евгений Максимович решил несколько продлить эту традицию. С. Римингтон в качестве заместителя директора МИ-5 действительно была в Москве для налаживания контактов с российскими спецслужбами, но не в сентябре 1992 года, а в конце декабря 1991 года, и сразу после возвращения из Москвы была назначена директором МИ-5.

⁹ По утверждению О.А. Гордиевского, он сбежал не из санатория, а из своей квартиры в Москве, где находился под наружным наблюдением.

¹⁰ В действительности во второй половине XIX века пустошь Дугино приобрел купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин Василий Ефремович Мещерин,

основатель Даниловской мануфактуры и отец художника Николая Мещерина. В.Е. Мещерин и построил усадьбу, названную Мещерино.

¹¹ Парижский клуб – неофициальная межправительственная организация развитых стран-кредиторов, созданная в 1956 году. Лондонский клуб – неформальная организация банков-кредиторов, созданная для урегулирования вопросов задолженности иностранных заемщиков перед членами клуба. Создана в 1976 году.

¹² СНВ-2 – Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, который был подписан Джорджем Бушем-старшим и Борисом Ельциным в январе 1993 г. В 2002 г. в связи с намерением США выйти из договора по ПРО Россия отказалась от ратификации СНВ-2.

¹³ Армия освобождения Косово – албанская военизированная организация, борющаяся за независимость Косово в 1996–1999 гг. Политическим крылом АОК является основанная в 1999 г. Демократическая партия Косово.

¹⁴ 17 августа 1998 г. Правительство России и Центральный банк объявили о техническом дефолте по основным видам государственных ценных бумаг и о переходе к плавающему курсу рубля в рамках резко расширенного валютного коридора.

¹⁵ Хасавюртовские соглашения совместное заявление от 31 августа 1996 года представителей Российской Федерации и Республики Ичкерии Александра Лебеда и Аслана Масхадова о разработке «Принципов определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой». Они положили конец Первой Чеченской войне. Российские войска выводились с территории Чечни, а вопрос о статусе Чеченской республики был отложен до 31 декабря 2001 года.

¹⁶ Унилатерализм – доктрина односторонних действий, позволяющая пренебрегать интересами других субъектов международных отношений.

¹⁷ Неправительственная организация «Совет международного взаимодействия» (InterAction Council, IAC), объединяющая бывших президентов и премьер-министров ряда стран. Неофициальное название – «Совет бывших». Осно-

вана в 1983 году для выработки рекомендаций и поощрения позитивных акций во всем мире.

¹⁸ Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией был подписан в 1960 году.

¹⁹ Созданная в 1982 году военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. Признана террористической организацией в ряде государств, в том числе в Европе и в США.

²⁰ Комиссия Бейкера – Гамильтона была создана Конгрессом США в марте 2006 года для изучения ситуации в Ираке и последствий войны 2003 года. В докладе, представленном в декабре 2006 года, политика администрации Дж. Буша-младшего в Ираке подверглась резкой критике.

²¹ См. примечание 7.

²² «Меркурий-клуб» основан Е.М. Примаковым в 2002 году для конструктивного диалога предпринимателей с представителями федеральных и региональных законодательных и исполнительных органов власти с целью выработки общих подходов к решению социальных, экономических и политических проблем.

²³ Проект «Сахалин-2» реализуется на острове Сахалин на условиях соглашения о разделе продукции с 1996 года с участием компаний Shell, Mitsui и Mitsubishi.

²⁴ Газопровод, проходящий между Великобританией и континентальной Европой.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Аббас, Махмуд (р. 1935) – палестинский политик, Премьер-министр Палестинской национальной администрации в 2003 г., председатель Палестинской национальной администрации в 2005–2013 гг., председатель Организации освобождения Палестины в 2004–2015 гг., президент Палестины с 2013 г.

Абдраббо, Ясир – глава отдела образования и культуры в исполкоме ООП, позднее – министр культуры, искусства и информации Палестинской автономии.

Абдулатипов, Рамазан Гаджимурадович (р. 1946) – российский политик и государственный деятель, председатель Совета национальностей Верховного совета РФ в 1990–1993 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1997–1998 гг., министр национальной политики РФ в 1998–1999 гг., глава Республики Дагестан с 2013 г.

Абдулла (Абдалла) бен Абдулазиз Аль Сауд (1924–2015) – наследный принц Саудовской Аравии в 1982–2005 гг., король в 2005–2015 гг.

Абрамович, Роман Аркадьевич (р. 1966) – российский бизнесмен и политик, губернатор Чукотского автономного округа в 2001–2008 гг., председатель Думы Чукотского автономного округа в 2008–2013 гг.

Абрамс, Эллиот (р. 1948) – американский политик, заместитель Государственного секретаря США в 1981–1989 гг. По делу «Иран-Контрас» был признан виновным в сокрытии информации от Конгресса, но был помилован президентом Дж. Бушем-старшим в 1992 г. Помощник советника по национальной безопасности президента США в 2002–2005 гг., заместитель советника по национальной безопасности президента США в 2005–2009 гг.

Абу Бакр ас-Сиддик (572–634) – первый праведный халиф в 632–634 гг., сподвижник и один из тестей пророка Мухаммада.

Авдеев, Александр Алексеевич (р. 1946) – российский дипломат. Начал работу в МИД СССР в 1968 году. В 1987–1990 гг. – посол СССР в Люксембурге, в 1992–1996 гг. – посол России в Болгарии. С 1996 года – заместитель, с 1998 по 2002 год – первый заместитель министра иностранных дел РФ. В 2002–2008 гг. – посол России во Франции. В 2008–2012 гг. – министр культуры РФ. С января 2013 г. – посол России в Ватикане.

Ага Хан IV, Карим (р. 1936) – имам мусульманской общины исмаилитов-низаритов (с 1957 года); мультимиллионер, спонсор благотворительных проектов.

Адамишин, Анатолий Леонидович (р. 1934) – российский дипломат. Начал работу в МИД СССР в 1957 году. Заместитель министра иностранных дел СССР в 1986–1990 гг.; посол СССР / РФ в Италии в 1990–1992 гг.; первый заместитель министра иностранных дел РФ в 1992–1994 гг.; посол РФ в Великобритании в 1994–1997 гг.; министр по сотрудничеству с государствами СНГ в 1997–1998 гг., вице-президент АФК «Система» в 1998–2005 гг. С 2004 года – президент Ассоциации евроатлантического сотрудничества.

Адлер, Александр (р. 1950) – французский историк, журналист и эксперт по геополитике стран бывшего СССР и Ближнего Востока.

Азиз, Тарик (1936–2015) – иракский политический деятель. С 1957 года – член партии «Баас». В 1971–1979 гг. – главный редактор газеты «Аль-Тавра». В 1974–1979 гг. – министр информации, в 1983–1991 гг. – министр иностранных дел; в 1979–2003 гг. – заместитель премьер-министра Ирака. С 1977 года – член Совета революционного командования Ирака. Являлся одним из ближайших соратников президента Ирака Саддама Хусейна.

Айяд, Абу (1933–1991) – лидер террористической организации «Черный сентябрь», организатор теракта против израильских спортсменов во время Олимпийских игр 1972

года в Мюнхене. Убит собственным телохранителем 14 января 1991 года.

Акчурин, Ренат Сулейманович (р. 1946) – российский кардиохирург, академик РАМН (с 1997 г.) и РАН (с 2011 г.). В ноябре 1996 года выполнил операцию коронарного шунтирования сердца президенту РФ Б.Н. Ельцину.

Алекперов, Вагит Юсуфович (р. 1950) – российский бизнесмен, генеральный директор производственного объединения «Когалымнефтегаз» в 1987–1990 гг., заместитель в 1990–1991 гг. и первый заместитель министра нефтегазовой промышленности СССР в 1991–1992 гг., президент нефтяного концерна «ЛангепасУрайКогалымнефть» в 1992–1993 гг., президент и совладелец крупнейшей нефтяной компании России «Лукойл» с 1993 г.

Александр Михайлович (1866–1933) – русский великий князь, внук Николая I. Главнначальствующий Главного управления торгового мореплавания и портов в 1902–1905 гг., шеф Императорского военно-воздушного флота в 1910–1917 гг. С 1918 г. в эмиграции во Франции.

Александров-Агентов, Андрей Михайлович (1918–1993) – советский дипломат и партийный работник. Помощник по международным делам Генерального секретаря ЦК КПСС в 1966–1986 гг.

Алешин, Борис Сергеевич (р. 1955) – российский государственный деятель и ученый, председатель госкомитета РФ по стандартизации и метрологии в 2001–2003 гг., заместитель Председателя Правительства РФ по промышленной политике в 2003–2004 гг., руководитель Федерального агентства по промышленности в 2007–2009 гг.

Али ибн Абу Талиб (599–661) – двоюродный брат, зять и сподвижник пророка Мухаммеда, четвертый праведный халиф в 656–661 гг., первый из двенадцати почитаемых шиитами имамов. Был убит сектантами-хариджитами.

Алиев, Гейдар Алиевич (1923–2003) – президент Азербайджана в 1993–2003 гг.

Аллен, Ричард (р. 1936) – советник президента США по национальной безопасности в 1981–1982 годах.

Аллидуева, Светлана Иосифовна (1926–2011) – советский филолог-переводчик. Дочь И.В. Сталина. В 1966 году эмигрировала из СССР в США.

Алферов, Жорес Иванович (р. 1930) – советский и российский физик, лауреат Нобелевской премии по физике 2000 года, вице-президент АН СССР и РАН с 1990 г., научный руководитель инновационного центра в Сколково с 2010 г.

Аляви, Ийяд (р. 1945) – премьер-министр Ирака в 2004–2005 гг., представитель шиитского большинства.

Амеронген, Отто Вольф фон (1918–2007) – германский бизнесмен, владелец одной из крупнейших германских торговых групп Otto Wolff AG, глава Восточного комитета германской экономики в 1955–2000 гг., один из главных архитекторов сделки «газ – трубы» 1970 г. между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии о поставке в СССР труб большого диаметра и другого оборудования для строительства газопровода в Западную Европу с платой за поставленные трубы и оборудование газом с месторождений Западной Сибири.

Андерс, Владислав (1892–1970) – генерал польской армии, главнокомандующий польской армии в СССР в 1941–1942 гг., командующий 2-м польским корпусом в Италии в 1943–1944 гг., главнокомандующий польскими войсками на Западе в 1945 г.

Андреотти, Джулио (1919–2003) – итальянский политик. Председатель Совета министров Италии в 1972–1973, 1976–1979 и 1989–1992 годах.

Андропов, Юрий Владимирович (1914–1984) – посол СССР в Венгрии в 1954–1957 гг., секретарь ЦК КПСС в 1962–1967, 1982 гг., председатель КГБ СССР в 1967–1982 гг., генеральный секретарь ЦК КПСС в 1982–1984 годах.

Аннан, Кофи (р. 1938) – генеральный секретарь Организации объединенных наций в 1997–2006 годах.

Аньелли, Сюзанна (1922–2009) – министр иностранных дел Италии в 1995–1996 годах.

Арафат (Абу Аммар), Ясир (1929–2004) – председатель Организации освобождения Палестины в 1969–2004 гг., председатель Палестинской национальной администрации в 1994–2004 гг.

Арбатов, Алексей Георгиевич (р. 1951) – российский политический деятель, политолог. Сын Г.А. Арбатова. Академик РАН с 2011 г. депутат Государственной Думы РФ в 1993–2003 гг.

Арбатов, Георгий Аркадьевич (1923–2010) – советский и российский историк, основатель Института США и Канады АН СССР / РАН.

Ардзинба, Владислав Григорьевич (1945–2010) – абхазский государственный деятель, советский историк-востоковед. В 1969–1987 годах работал в Институте востоковедения АН СССР. В 1990–1994 гг. – председатель Верховного Совета, в 1994–2005 гг. – президент Абхазии.

Аристотель (384–322 до н. э.) – древнегреческий философ, воспитатель Александра Македонского. Был самым влиятельным из диалектиков древности; основоположник формальной логики. Создал понятийный аппарат философии.

Арнетт, Питер Грегг (р. 1934) – американский журналист новозеландского происхождения, специализирующийся на работе в «горячих точках». Корреспондент Ассошиэтед Пресс в Юго-Восточной Азии – в 1960–1980 гг., корреспондент CNN в 1981–1999 гг.

Асад, Башар (р. 1965) – сын Хафеза Асада, президент Сирии с 2000 г.

Асад, Хафез (1930–2000) – сирийский военный и политический деятель. Член партии Баас с 1946 года. В 1966–1972 гг. – министр обороны, в 1971–2000 гг. – президент Сирии.

Аслаханов, Асламбек Ахмедович (р. 1942) – российский политик, в органах МВД в 1967–1991 гг., глава временной администрации Ингушетии в 1992 г., депутат от Чечни в Госдуме в 2000–2003 гг., заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам в 2008–2012 гг., советник президента Российской Федерации по вопросам Северо-Кавказского региона с 2003 г.

Аушев, Руслан Султанович (р. 1954) – российский политический и общественный деятель, президент Ингушетии в 1993–2002 гг.

Афанасенко, Питер (р. 1946) – переводчик Государственного департамента США в 1972–2010 гг.

Афанасьевский, Николай Николаевич (1940–2005) – советский и российский дипломат. Посол СССР / РФ в Бельгии в 1990–1994 гг., заместитель министра иностранных дел России в 1994–1998 гг., посол РФ во Франции в 1998–2002 гг., посол РФ в Польше в 2002–2005 гг.

Багров, Николай Васильевич (1937–2015) – председатель Верховного Совета Крымской АССР в 1991–1994 гг.

Бажора Анатолий – тбилисский друг Е.М. Примакова.

Аль-Баз, Усама (1931–2013) – египетский дипломат, глава канцелярии и советник президента Х. Мубарака в 1981–2002 гг.

Байерли, Джон (р. 1954) – американский дипломат, посол США в России в 2008–2011 гг.

Бакатин, Вадим Викторович (р. 1937) – министр внутренних дел СССР в 1988–1990 гг., председатель Комитета государственной безопасности СССР в августе – декабре 1991 года.

Бараев, Арби Алаутдинович (1973–2001) – один из наиболее жестоких чеченских полевых командиров, организатор похищения и убийства четырех иностранных инженеров-связистов – трех англичан и новозеландца Питера Кеннеди, Даррена Хики, Рудольфа Пеши и Стенли Шоу в 1998 г.

эль-Барадеи, Мохаммед (р. 1942) – египетский дипломат и общественный деятель, генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в 1997–2009 годах. Вице-президент Египта в 2013 году. Лауреат Нобелевской премии мира 2005 года.

Барак, Эхуд (р. 1942) – израильский военный и политический деятель. Премьер-министр Израиля в 1999–2001 гг.

Барановский Владимир Георгиевич (р. 1950) – советский и российский политолог, руководитель проекта в Стокгольмском институте исследования проблем мира (SIPRI) в 1992–1996 гг., заместитель директора ИМЭМО РАН с 1998 г.

Барзани, Идрис (1944–1987) – деятель национально-освободительного движения в Иракском Курдистане, сын Муллы Мустафы Барзани.

Барзани, Масрур (р. 1969) – курдский и иракский политический деятель, сын Масуда Барзани, глава Службы безопасности Курдского Региона.

Барзани, Масуд (р. 1946) – курдский и иракский политический деятель, президент Иракского Курдистана с 2005 г. и лидер Демократической партии Курдистана (ДПК), сын Муллы Мустафы Барзани.

Барзани, Мулла Мустафа (1903–1979) – курдский военный и политический деятель, лидер национально-освободительного движения в Иракском Курдистане. Председатель Курдской демократической партии в 1946–1979 гг.

Барзани, Нечирван (р. 1966) – племянник Масуда Барзани, сын Идриса Барзани, внук Муллы Мустафы Барзани, иракский курдский политический деятель, премьер-министр Регионального Правительства Иракского Курдистана с 2012 г.

Барцевский, Михаил Юрьевич (р. 1955) – полномочный представитель Правительства России в Конституционном суде, Верховном суде и Высшем арбитражном суде РФ с 2001 г.

Басаев, Шамиль Салманович (1965–2006) – один из лидеров чеченских сепаратистов, организатор захвата заложников в Буденновске в 1995 г., председатель правительства Чеченской Республики Ичкерия в 1998 г., вице-президент Чеченской Республики Ичкерия в 2006 г.

Батиста, Фульхенсио (1901–1973) – кубинский военный и политический деятель. Организатор государственных переворотов 1933 и 1952 годов, президент Кубы в 1940–1944 и 1952–1959 гг. Был свергнут в ходе Кубинской революции 1 января 1959 года.

Батлер, Ричард (р. 1942) – представитель Австралии в ООН в 1992–1997 гг., председатель Спецкомиссии ООН по разоружению Ирака в 1997–1999 гг.

Бахутапшвили, Мария Александровна (р. 1997) – внучка Е.М. Примакова

Бегин, Менахем (1913–1992) – премьер-министр Израиля в 1977–1983 гг.

Бейкер, Джеймс (р. 1930) – американский политик. Глава администрации президента США в 1981–1985 и 1992–1993 гг.; государственный секретарь США в 1989–1992 гг.

Бейлин, Юси (Йосси) (р. 1948) – израильский политик, секретарь правительства в 1984–1986 гг., заместитель министра иностранных дел в 1992–1995 гг., министр юстиции в 1999–2001 гг., министр по делам религий в 2000–2001 гг., глава израильской делегации на переговорах с палестинцами в 2000–2001 гг.

Беланже, Жерар – французский финансист, заместитель директора второго европейского департамента МВФ и глава миссии МВФ в Москве в 1999–2002 гг.

Белл, Корал – австралийский социолог, сотрудница Австралийского Института стратегической политики в Бартоне.

Белоусов, Андрей Рэмович (р. 1959) – министр экономического развития РФ в 2012–2013 гг., помощник президента РФ с 2013 г.

Белоусов, Игорь Сергеевич (1928–2005) – заместитель председателя Совета Министров СССР в 1988–1990 годах.

Беляев, Евгений Александрович (1895–1964) – советский арабист, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока в Московском институте востоковедения в 1945–1955 гг. Главный труд «Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье» (1965).

Беляев, Игорь Петрович (1923–1993) – советский журналист и востоковед. Представитель Совинформбюро в Сирии и Ливане в 1954–1956 гг., корреспондент и редактор газеты «Правда» по отделу Азии и Африки. Заместитель директора Института Африки АН СССР в 1970–1976 гг.

Бергер, Сэмюэль Ричард Сэнди (1945–2015) – советник президента США по национальной безопасности в 1997–2001 годах.

Березовский, Борис Абрамович (1946–2013) – российский предприниматель и политик. Исполнительный

секретарь СНГ в 1998–1999 гг. В 2000 году эмигрировал из России в Великобританию.

Берия, Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский политический деятель, маршал Советского Союза, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1946–1953 гг. Входил в ближайшее окружение И.В. Сталина.

Берлингс, Орестес (1913–2002) – берлинский корреспондент латвийской газеты «Брива земе». Агент-двойник германских (псевдоним «Петер») и советских (псевдоним «Лицеист», поскольку в Риге учился во Французском Лицее) спецслужб. После войны проживал в США.

Берлускони, Сильвио (р. 1936) – итальянский государственный и политический деятель и бизнесмен, председатель Совета министров Италии в 1994–1995, 2001–2005, 2005–2006, 2008–2011 гг.

Бессмертных, Александр Александрович (р. 1933) – советский дипломат. Министр иностранных дел СССР в январе–августе 1991 года.

Бешлосс, Майкл (р. 1955) – американский историк. Соавтор книг «На самом высоком уровне: закулисная история окончания холодной войны» и «Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами» (со Струобом Тэлботтом).

Бжезинский, Збигнев (р. 1928) – американский политолог и государственный деятель. Советник президента США по национальной безопасности в 1977–1981 гг.

Биаллер (Бялер), Северин (р. 1926) – американский политолог, специалист по истории Советского Союза и Польши. Участник польского Сопротивления в годы Второй мировой войны.

Биньон, Майкл – британский журналист, корреспондент The Times в Москве в 1970-е годы, редактор The Times по вопросам международных отношений с 1991 г. Автор книги «Жизнь в России» (1982).

Блаватник, Леонид Валентинович (р. 1957) – американский, британский и российский бизнесмен, уроженец Одессы. Основатель и глава компании Access Industries с 1986 г., один из основателей и партнер Российско-амери-

канского совместного инвестиционного предприятия «Ренова» с 1991 г. В 2015 г. признан самым богатым жителем Великобритании с состоянием более 20 млрд долларов.

Блейк, Джордж (р. 1922) – бывший офицер английской разведки, по собственным убеждениям перешедший на сторону советской разведки и работавший в качестве двойного агента. После разоблачения в 1961 году был приговорен в Великобритании к 42 годам тюремного заключения, но в 1965 году бежал из тюрьмы и переехал в СССР.

Блэр, Энтони (Тони) (р. 1953) – бывший лидер Лейбористской партии, премьер-министр Великобритании с 1997 по 2007 год.

Бовин, Александр Евгеньевич (1930–2004) – советский и российский журналист и дипломат. Руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС в 1963–1972 гг., политический обозреватель газеты «Известия» в 1972–1991 гг., посол РФ в Израиле в 1991–1997 гг.

Богданчиков, Сергей Михайлович (р. 1957) – президент компании «Роснефть» в 1998–2010 гг.

Бокарева (Примакова), Ирина Борисовна (р. 1952), вторая жена Е.М. Примакова в 1994–2015 гг., в 1989–1991 годах – его личный врач.

Болдин, Валерий Иванович (1935–2006) – руководитель аппарата Президента СССР в 1990–1991 гг.

Боос, Георгий Валентинович (р. 1963) – российский государственный и политический деятель, предприниматель, губернатор Калининградской области в 2005–2010 гг.

Бордюжа, Николай Николаевич (р. 1949) – российский военный и государственный деятель, директор ФПС России в 1998 г., руководитель администрации Президента РФ в 1998–1999 гг., Секретарь Совета Безопасности РФ в 1998–1999 гг., Генеральный секретарь ОДКБ с 2003 г.

Брегель, Энох Яковлевич (1903–1993) – советский экономист, преподавал в Московском институте востоковедения в 1926–1954 гг. В 1973 г. эмигрировал в Израиль, в 1979 г – в США.

Брежнев, Леонид Ильич (1906–1982) – первый секретарь ЦК КПСС в 1964–1966 годах, генеральный секретарь ЦК КПСС в 1966–1982 годах.

Брейтвейт, Родрик (р. 1932) – британский дипломат. Посол Великобритании в СССР / РФ в 1988–1992 годах, руководитель Объединенного разведывательного комитета Великобритании в 1992–1993 годах.

Броз Тито, Иосип (1892–1980) – генеральный секретарь ЦК Союза коммунистов Югославии в 1949–1980 годах, президент Югославии в 1953–1980 годах, генеральный секретарь Движения неприсоединения в 1961–1964 годах.

Бронштейн, Михаил Лазаревич (р. 1923) – эстонский экономист, академик АН Эстонии, народный депутат СССР в 1989–1991 годах.

Будкер, Герш Ицкович (1918–1977) – советский ученый-физик, академик АН СССР с 1964 года. Основатель и первый директор Института Ядерной Физики Сибирского Отделения АН СССР в 1958–1977 гг.

Булгак, Владимир Борисович (р. 1941) – министр связи РФ в 1991–1997 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1997–1998 гг. по научной сфере и высоким технологиям, министр науки и технологий РФ в 1998 г., заместитель Председателя Правительства РФ по промышленности и связи в 1998–1999 годах.

Бурджанадзе, Нино Анзоровна (р. 1964) – грузинский государственный и политический деятель, председатель парламента Грузии в 2001–2008 гг., и. о. президента Грузии в 2003–2004 гг. и 2007–2008 гг.

Бурлацкий, Федор Михайлович (1927–2014) – заместитель директора Института социологических исследований АН СССР в 1969–1972 гг., политический обозреватель «Литературной газеты» в 1982–1991 гг.

Бутков, Михаил Владимирович (Майкл Ньюмен) (р. 1958) – майор Первого главного управления КГБ СССР. Работал в Норвегии под прикрытием корреспондента газеты «Труд». В 1991 году бежал в Англию вместе с будущей женой. Основал компанию «Линкольн маркетинг». В 1996 г. арестован и в 1998 г. приговорен Высоким судом Лондона к 3 годам заключения за финансовые махинации. Впоследствии утверждал, что вынужден был сделать признание под давлением МИ-6, а в действительности не был виновен.

Буткова-Ньюмен (Гремицких) Мария Николаевна – вторая жена М.В. Буткова, вместе с ним бежавшая в Англию. В 1996 г. арестована и в 1998 г. приговорена к полугоду заключения за финансовые махинации в компании «Линкольн маркетинг».

Буш-младший, Джордж Уокер (р. 1946) – губернатор штата Техас в 1995–2000 гг., президент США в 2001–2009 гг.

Буш-старший, Джордж Герберт Уокер (р. 1924) – вице-президент США в 1981–1989 гг., президент США в 1989–1993 гг.

Буш, Джэб (р. 1953) – американский политик, сын Джорджа Буша-старшего, младший брат Джорджа-Буша-младшего, губернатор Флориды в 1999–2007 гг.

Быков, Олег Николаевич (1926–2015) – заместитель директора ИМЭМО АН СССР / РАН в 1977–1998 годах.

Валенса, Лех (р. 1943) – президент Польши в 1990–1995 годах, первый руководитель профсоюза «Солидарность».

Василиу, Георгиос (р. 1931) – президент Кипра в 1988–1993 годах.

Васильев, Владимир Абдуалиевич (р. 1949) – российский государственный и политический деятель, первый заместитель министра внутренних дел РФ в 1997–1999 гг., статс-секретарь – заместитель министра внутренних дел РФ в 2001–2003 гг., председатель комитета Государственной Думы по безопасности в 2004–2011 гг., заместитель Председателя Государственной Думы с 2012 г.

Васильев И.К. (ум. 1924) – муж К.В. Одэ-Васильевой, заведующего амбулаторией при Русском Сергиевском подворье ИППО в Назарете. Участник Первой мировой войны.

Ваэзи, Махмуд (р. 1952) – иранский политик, заместитель министра иностранных дел Ирана в 1990–1997 годах.

Вебстер (Уэбстер), Ноа (1758–1843) – американский лексикограф, языковед, школьный учитель, составитель «Американского словаря английского языка» (1828). После его смерти словарь переиздается компанией Мерриам–Уэбстер.

Ведрин, Юбер (р. 1947) – французский дипломат, министр иностранных дел Франции в 1997–2002 годах.

Вексельберг, Виктор Феликсович (р. 1957) – российский бизнесмен, председатель совета директоров группы компаний «Ренова» с 2010 г., президент фонда «Сколково» с 2010 г.

Велаяти, Али Акбар (р. 1945) – иранский политик, министр иностранных дел Ирана в 1981–1997 годах.

Велихов, Евгений Павлович (р. 1935) – физик, академик, вице-президент АН СССР / РАН в 1978–1996 годах. С 1992 года – президент НИЦ «Курчатовский институт».

Вершбоу, Александр (р. 1952) – американский дипломат. Специальный помощник Президента и директор по европейским делам в Совете национальной безопасности США в 1994–1997 гг., представитель США в НАТО в 1998–2001 гг. Посол США в РФ в 2001–2005 гг. и в Южной Корее в 2005–2008 гг. Заместитель министра обороны США по вопросам международной безопасности в 2009–2012 гг. С 2012 года по настоящее время – заместитель генерального секретаря НАТО.

Вилсон, Джозеф (р. 1949) – американский дипломат, посол США в Габоне и Сан-Томе и Принсипи в 1992–1995 гг., политический советник командующего вооруженными силами США в Европе в 1995–1997 гг., специальный помощник президента США и глава департамента СНБ по вопросам Африки в 1997–1998 гг. В 2002 г., совершив поездку в Ирак по заданию правительства США, не нашел прямых доказательств того, что Ирак покупал там урановую руду. В 2003 г. его жена Валери Плейм была публично разоблачена как агент ЦРУ, что вызвало скандал и отставки ряда официальных лиц, обвиненных в утечке информации.

Вольский, Аркадий Иванович (1932–2006) – депутат Верховного Совета СССР в 1986–1989 гг., народный депутат СССР в 1989–1991 гг. Президент Российского союза промышленников и предпринимателей в 1990–2005 годах.

Вольф, Маркус (1923–2006) – начальник Главного управления разведки Министерства государственной безопасности ГДР в 1958–1986 годах.

Волчек, Галина Борисовна (р. 1933) – советский и российский режиссер театра и кино, актриса, педагог, главный режиссер театра «Современник» с 1972 г.

Воронцов, Михаил Александрович (1900–1986) – один из руководителей советской военно-морской разведки, вице-адмирал.

Воронцов, Юлий Михайлович (1929–2007) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Индии в 1977–1983 гг., во Франции в 1983–1986 гг. и в Афганистане в 1988–1989 гг.; посол России в США в 1994–1998 гг.

Вулси, Роберт Джеймс (р. 1941) – директор Центральной разведки США в 1993–1995 годах.

Вулфенсон, Джеймс (р. 1933) – американский финансист, Президент Всемирного банка в 1995–2005 гг.

Вулфовиц, Пол (р. 1943) – заместитель министра обороны США в 1989–1993 и 2001–2005 годах.

Вурмсер, Дэвид – американский политолог, основатель Дельфийской группы глобального анализа, старший помощник заместителя Государственного секретаря Дж. Болтона в 2002–2003 гг.

Вэник, Чарльз Альберт (1913–2007) – американский политик, член Палаты представителей США в 1955–1981 гг. В 1974 году стал соавтором «поправки Джексона–Вэника», ограничивающей торговлю со странами, препятствующими свободной эмиграции.

Вэнь Цзябао (р. 1942) – китайский государственный деятель, премьер Госсовета КНР в 2003–2013 гг.

Вяхирев, Рем Иванович (1934–2013) – глава ПАО «Газпром» в 1992–2001 гг.

Гайдар, Егор Тимурович (1956–2009) – российский государственный и политический деятель, экономист, заместитель Председателя Правительства РСФСР по вопросам экономической политики и министр экономики и финансов РСФСР в ноябре 1991 г. – марте 1992 г., министр финансов и первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1992 г., и. о. Председателя Правительства в июне – декабре 1992 г., первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1993–1994 гг.

Гайдук – майор КГБ, сотрудник научно-технической разведки в посольстве в Оттаве. В 1991 г. стал перебежчиком.

Гамильтон, Ли Херберт (р. 1931) – председатель Комитета по иностранным делам Палаты представителей США в 1993–1995 г., сопредседатель Комиссии Бейкера–Гамильтона в 2006 г., созданной для оценки ситуации в Ираке.

Гамсахурдия, Звиад Константинович (1939–1993) – президент Грузии в 1991–1992 годах, один из лидеров грузинского национального движения.

Гевара, Эрнесто Че (1928–1967) – датиноамериканский революционер, команданте Кубинской революции 1959 года и кубинский государственный деятель.

Гейвандов, Константин Ервандович (р. 1930) – советский журналист-международник.

Гейтс, Роберт (р. 1943) – директор Центральной разведки в 1991–1993 гг., министр обороны США в 2006–2011 гг.

Гелбард, Роберт С. (р. 1944) – американский дипломат, посол США в Боливии в 1988–1991 гг. и в Индонезии в 1999–2001 гг. Специальный представитель президента и госсекретаря США на Балканах по выполнению Дейтонских соглашений в 1997–1999 гг.

Генералов, Сергей Владимирович (р. 1963) – российский бизнесмен, министр топлива и энергетики в 1998–1999 гг.

Геращенко, Виктор Владимирович (р. 1937) – председатель Центрального банка РФ в 1992–1994 и 1998–2002 годах.

Гитлер, Адольф (1889–1945) – председатель НСДАП в 1921–1945 гг., рейхсканцлер Германии в 1933–1945 гг. Основатель диктатуры Третьего рейха. Покончил с собой.

Глушко, Валентин Петрович (1908–1989) – советский инженер. Академик АН СССР с 1958 года, главный конструктор космических систем с 1974 года. В 1938 г. арестован, в 1939 г. осужден на 8 лет лагерей, работал в «шарашке» (конструкторской группе 4-го Спецотдела НКВД), освобожден в 1944 г., реабилитирован в 1956 г.

де Голль, Шарль (1890–1970) – французский военный и государственный деятель, лидер движения «Свободная (Сражающаяся) Франция» в 1940–1945 гг., премьер-министр Франции в 1944–1946 и 1958–1959 гг., министр обороны Франции в 1958–1959 гг., президент Франции в 1959–1969 гг.

Гор, Альберт (р. 1948) – вице-президент США в 1993–2001 годах.

Горбачев, Михаил Сергеевич (р. 1931) – генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985–1991 годах, президент СССР в 1990–1991 годах.

Гордиевский, Олег Антонович (р. 1938) – полковник, заместитель резидента и резидент внешней разведки КГБ СССР в Дании в 1973–1878 и в Англии в 1982–1985 гг. С 1974 по 1985 гг. тайно работал на британскую разведку. 20 июля 1985 года бежал из СССР.

Грачев, Павел Сергеевич (1948–2012) – министр обороны РФ в 1992–1996 годах.

Греф, Герман Оскарлович (р. 1964) – российский государственный деятель, министр экономического развития и торговли РФ в 2000–2007 гг., президент и председатель правления Сбербанка России с 2007 г.

Гринспен, Алан (р. 1926) – американский экономист, председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы США в 1987–2006 гг.

Гришин, Виктор Васильевич (1914–1992) – первый секретарь Московского городского комитета КПСС в 1967–1985 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1971–1986 гг.

Громыко, Андрей Андреевич (1909–1989) – министр иностранных дел СССР в 1957–1985 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985–1988 гг.

Грэм-младший, Томас (р. 1933) – американский дипломат, специальный представитель президента США по вопросам контроля и нераспространения вооружений и разоружению в 1993–1994 гг.

Гуджрал, Индер Кумар (1919–2002) – индийский государственный деятель. Министр иностранных дел Индии в 1989–1990 годах, премьер-министр Индии в 1997–1998 годах.

Гургенов, Вячеслав Иванович (1935–1994) – заместитель начальника ПГУ КГБ СССР в 1989–1991 гг., заместитель директора СВР России в 1991–1994 гг.

Гурриа, Хосе Анхель – министр иностранных дел Мексики в 1994–1998 гг., генеральный секретарь Организации экономического сотрудничества и развития с 2005 года.

Густов, Вадим Анатольевич (р. 1948) – российский политический и государственный деятель, член Совета Федерации в 1994–1996, 2002–2011 гг., губернатор Ленинградской области в 1996–1998 гг., первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1998–1999 гг., с 2012 г. вице-спикер Законодательного собрания Ленинградской области.

Гэлбрейт, Джон Кеннет (1908–2006) – американский экономист, Президент Американской экономической ассоциации в 1972 г., профессор экономики в Гарварде в 1949–1975 гг.

Давид IV Агмашенебели (Давид-строитель) (1073–1125) – царь Грузии из династии Багратионов в 1089–1125 гг.

д'Алема, Массимо (р. 1949) – председатель Совета министров Италии в 1998–2000 гг., министр иностранных дел Италии в 2006–2008 гг.

Даллес, Джон Фостер (1888–1959) – государственный секретарь США в 1953–1959 годах.

Даян, Моше (1915–1981) – израильский военный и государственный деятель. Министр обороны Израиля в 1967–1974 годах, министр иностранных дел Израиля в 1977–1979 годах.

Дворкович, Аркадий Владимирович (р. 1972) – помощник президента РФ в 2008–2012 гг., заместитель Председателя Правительства РФ с 2012 г.

Дельгадо, Эдуардо – начальник Управления разведки МВД Кубы с 1994 года.

Дель Понте, Карла (р. 1947) – швейцарский юрист, генеральный прокурор Швейцарии в 1994–1999 гг., прокурор Международного трибунала ООН по бывшей Югославии в 1999–2007 гг., посол Швейцарии в Аргентине в 2008–2011 гг.

Джабер III аль-Ахмад аль-Джабер ас-Сабах (1926–2006) – эмир Кувейта в 1977–2006 гг.

Джереджян, Эдуард (р. 1939) – американский дипломат. Посол США в Сирии в 1989–1991 гг., заместитель госсекретаря по ближневосточным делам в 1991–1993 гг., посол США в Израиле в 1993–1994 гг.

Джексон, Генри Мартин (1912–1983) – американский политик, конгрессмен и сенатор от штата Вашингтон в 1941–1953 гг., сенатор от штата Вашингтон в 1953–1983 гг. В 1974 году стал соавтором «поправки Джексона–Вэника», ограничивающей торговлю со странами, препятствующими свободной эмиграции.

Джефферсон, Томас (1743–1826) – один из авторов Декларации независимости, 1-й Государственный секретарь США в 1790–1793 гг., вице-президент США в 1797–1801 гг., президент США в 1801–1809 гг.

Джуканович, Мило (р. 1962) – Премьер-министр Черногории в 1991–1998, 2003–2006, 2008–2010 и с 2012 г., президент Черногории в 1998–2002 гг.

Джумблат, Валид (р. 1949) – ливанский политик, руководитель Прогрессивно-социалистической партии Ливана с 1977 года.

Джумблат, Камаль (1917–1977) – ливанский политик, основатель Прогрессивно-социалистической партии Ливана. Отец Валида Джумблата.

Джунди, Абдель Керим (1932–1969) – сирийский офицер, руководитель службы безопасности сирийской ветви партии Баас в 1966–1969 годах.

Дзасохов, Александр Сергеевич (р. 1934) – посол СССР в Сирии в 1986–1988 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1990–1991 гг., президент республики Северная Осетия – Алания в 1998–2005 гг.

Дзержинский, Феликс Эдмундович (1877–1926) – профессиональный революционер, советский политический деятель, глава ВЧК в 1917–1922 гг., народный комиссар внутренних дел РСФСР в 1919–1923 гг., глава Главного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР в 1922–1923 гг., глава Объединенного Главного политического управления СССР в 1923–1926 гг.

Димитров, Георгий Михайлович (1882–1949) – генеральный секретарь исполнительного комитета Комин-

терна в 1935–1943 гг., руководитель Международного отдела ЦК ВКП(б) в 1943–1945 гг., председатель Совета министров Народной республики Болгария в 1946–1949 гг.

Дини, Ламберто (р. 1931) – председатель Совета министров Италии в 1995–1996 гг., министр иностранных дел Италии в 1996–2001 гг.

Донован, Хидли (1914–1990) – главный редактор журнала «Time» в 1964–1979 годах.

Достоевский, Федор Михайлович (1821–1881) – русский писатель.

Дудаев, Джохар Мусаевич (1944–1996) – президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия (1991–1996). Убит.

Дума, Василий Михайлович (р. 1954) – президент нефтегазовой российско-белорусской компании «Славнефть» в 1998–2000 гг.

Дьяченко (Юмашева), Татьяна Борисовна (р. 1960) – советник президента РФ в 1996–2000 годы. Дочь Б.Н. Ельцина.

Дэвис, Линн Этеридже (р. 1943) – заместитель государственного секретаря США по вопросам контроля вооружений и международной безопасности в 1993–1997 гг.

Дэн Сяопин (1904–1997) – китайский политик и государственный деятель, архитектор китайских реформ, фактический руководитель Китая с 1977 до начала 1990-х годов, председатель Центрального военного совета ЦК КПК в 1981–1989 гг.

Егоров, Николай Дмитриевич (1951–1997) – губернатор Краснодарского края в 1992–1994 и в 1996 гг., министр по делам национальностей и региональной политике РФ, полномочный представителем Президента РФ в Чечне и руководитель Территориального управления федеральных органов исполнительной власти в Чеченской республике в ранге вице-премьера Правительства РФ. В 1994–1995 гг.

Ельм-Валлен, Лена (р. 1943) – министр иностранных дел Швеции в 1994–1998 годах.

Ельцин, Борис Николаевич (1931–2007) – президент Российской Федерации в 1991–1999 годах.

Ельцина (Гирина), Наина (Анастасия) Иосифовна (р. 1932) – вдова Б.Н. Ельцина.

Елютин, Вячеслав Петрович (1907–1993) – министр высшего образования СССР в 1954–1959 гг., министр высшего и среднего специального образования СССР в 1959–1985 гг. Член-корреспондент АН СССР с 1962 года.

Ерин, Виктор Федорович (р. 1944) – министр внутренних дел РФ в 1992–1995 годах, заместитель директора Службы внешней разведки в 1995–2000 годах.

Есенин, Сергей Александрович (1895–1925) – русский поэт.

Есин Виктор Иванович (р. 1937) – начальник Главного штаба РВСН в 1994–1996 гг.

Ефремов, Олег Николаевич (1927–2000) – советский и российский театральный режиссер, актер и педагог, художественный руководитель театра «Современник» в 1956–1970 гг., МХАТ им. Горького в 1970–1987 гг. и МХАТ им. Чехова в 1987–2000 гг.

Жириновский, Владимир Вольфович (р. 1946) – советский и российский политический деятель, заместитель председателя Государственной Думы в 2000–2011 годах, основатель и председатель Либерально-демократической партии России (ЛДПР).

Жмайель, Амин Пьер (р. 1942) – ливанский политический деятель, лидер партии «Катаиб» («партии фалангистов»), президент Ливана в 1982–1988 годах.

Жмайель, Башир (1947–1982) – ливанский политический деятель. Был убит 14 сентября 1982 года в штаб-квартире партии «Катаиб».

Жолио-Кюри, Фредерик (1900–1958) – французский физик, и общественный деятель, один из основателей и лидеров всемирного Движения сторонников мира и Пагуошского движения ученых. Лауреат Нобелевской премии по химии 1935 года и Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» 1951 года.

Жордания, Ной Николаевич (1869–1953) – российский и грузинский политический деятель, социал-демократ, меньшевик, председатель Тифлисского Совета в 1917 г., председатель Президиума Национального Совета Грузии в 1917–1918 гг., глава правительства Грузинской Демократической Республики в 1918–1921 гг. (формально – до 1953 г.) С 1921 г. в эмиграции.

Журкин, Виталий Владимирович (р. 1928) – заместитель директора Института США и Канады в 1968–1987 годах, директор Института Европы в 1987–1999 годах.

Загладин, Вадим Валентинович (1927–2006) – советник М.С. Горбачева в 1988–1991 годах.

Задорнов, Михаил Михайлович (р. 1963), российский экономист, банкир и государственный деятель, министр финансов России в 1997–1999 гг., председатель Совета директоров ООО СК «ВТБ Страхование» с 2010 г.

Зайцев, Владимир Павлович – руководитель представительства КГБ в Афганистане в 1987–1989 годах.

Замятин, Леонид Митрофанович (р. 1922) – генеральный директор ТАСС в 1970–1978 гг., заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС в 1978–1986 гг., посол СССР в Великобритании в 1986–1991 гг.

Захаров (Ширинкин), Марк Анатольевич (р. 1933) – советский и российский режиссер театра и кино, сценарист и педагог, главный режиссер тетра «Ленком» с 1973 г.

Зеруаль, Ламин (р. 1941) – Президент Алжира в 1994–1999 гг.

Зубаков, Юрий Антонович (р. 1943) – вице-адмирал, заместитель директора Службы внешней разведки РФ в 1991–1996 гг., заместитель министра иностранных дел в 1996–1998 гг., руководитель аппарата Правительства в 1998–1999 гг. в правительстве Е. Примакова. Посол РФ в Литве в 1999–2003 гг. и в Молдове – в 2003–2004 гг. Заместитель секретаря Совета безопасности РФ в 2004–2011 гг.

Зубков, Виктор Алексеевич (р. 1941) – российский государственный деятель, Председатель Правительства РФ в 2007–2008 гг., Первый заместитель Председателя Правительства РФ в 2008–2012 гг., председатель Совета директо-

ров ОАО «Газпром» с 2008 г., специальный представитель президента России по взаимодействию с форумом стран – экспортеров газа с 2012 г.

Зурабов, Михаил Юрьевич (р. 1953) – российский государственный деятель, дипломат, министр здравоохранения и социального развития РФ в 2004–2007 гг., посол России на Украине с 2009 г.

Зуэйин, Юсуф (р. 1931–2016) – премьер-министр Сирии в 1965, 1966–1968 годах. После переворота 1970 г. в заключении до 1981 г. В дальнейшем – в эмиграции.

Зюганов, Геннадий Андреевич (р. 1944) – глава фракции КПРФ в Государственной Думе с 1994 г., председатель ЦК КПРФ с 1995 г.

Иакову, Георгиос (р. 1938) – министр иностранных дел Кипра в 1983–1993, 2003–2006 гг.

Ибн Сина (Авиценна) (980–1037) – средневековый персидский ученый, философ и врач, самый известный и влиятельный философ-ученый средневекового исламского мира. Был визирем в Хамадане в 1015–1024 гг. Автор 5-томного «Канона врачебной науки».

Иванов, Игорь Сергеевич (р. 1945) – российский дипломат и государственный деятель. Посол СССР / РФ в Испании в 1991–1995 гг., первый заместитель министра иностранных дел РФ в 1995–1998 гг., министр иностранных дел в 1998–2004 гг., секретарь Совета Безопасности в 2004–2007 гг.

Иванов, Сергей Борисович (р. 1953) – российский государственный деятель, министр обороны РФ в 2001–2007 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 2005–2007 и 2008–2011 гг., Первый заместитель Председателя Правительства РФ в 2007–2008 гг., руководитель администрации Президента РФ с 2011 г.

Ивашов, Леонид Григорьевич (р. 1943) – начальник Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны России в 1996–2001 гг.

Икэда, Юкихико (1937–2004) – министр иностранных дел Японии в 1996–1997 годах.

Илларионов, Андрей Николаевич (р. 1961) – российский экономист, советник Президента РФ в 2000–2005 гг.

Илларионов, Сергей – сотрудник резидентуры внешней разведки КГБ по научно-технической линии в Италии под прикрытием вице-консула в Генуе. Бежал на Запад в январе 1991 года и получил политическое убежище в США.

Илюшин – заместитель председателя Совнаркома Грузии. Арестован в 1937 г.

Иноземцев, Николай Николаевич (1921–1982) – заместитель главного редактора газеты «Правда» в 1961–1966 гг., директор ИМЭМО АН СССР в 1966–1982 гг.

Иноки, Масамити (р. 1914) – японский социолог и философ, профессор, член Совета по вопросам безопасности («Ампокэн»), президент Академии Национальной обороны Японии в 1970–1978 гг.

Исрапилов, Хункар-Паша Германович (1967–2000) – видный чеченский полевой командир, один из руководителей террористического рейда на Кизляр в январе 1996 г.

Ишингер, Вольфганг Фридрих (р. 1946) – немецкий дипломат. Директор политического департамента министерства иностранных дел Германии в 1995–1998 гг., заместитель министра иностранных дел в 1998–2001 гг., посол Германии в США в 2001–2006 гг., посол Германии в Великобритании в 2006–2008 гг. Председатель ежегодной Мюнхенской международной конференции по безопасности с 2009 года.

Йост, Чарльз (1907–1981) – американский дипломат. Представитель США в ООН в 1969–1971 годах.

Каверин, Сергей Николаевич (ум. 1957) – главный редактор арабской редакции Главного управления радиовещания на зарубежные страны в 1950-е годы.

Каган, Фредерик (Фред) (р. 1970) – американский политолог и военный историк, специалист по советской и российской военной истории, профессор (Assistant professor) военной истории в Вест Пойнте в 1995–2001 гг., основной автор доклада Комиссии Гамильтона–Бейкера по Ираку в декабре 2006 г. Автор книг «Военная история Советского

Союза» (2002), «Уроки долгой войны: как Америка может победить на новых полях сражений» (2010).

Кадафи, Муаммар (1940–2011) – лидер Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии в 1969–2011 гг.

Кадыров, Ахмат Абдулхамидович (1951–2004) – чеченский религиозный и государственный деятель, муфтий Чечни в 1994–2000 гг. Во время Первой Чеченской войны объявил джихад России. Во время Второй Чеченской войны перешел на сторону федеральных войск. Глава временной администрации Чеченской Республики в 2000–2003 гг., Президент Чеченской Республики в 2003–2004 гг. Убит в результате покушения.

Кадыров, Рамзан Ахматович (р. 1976) – российский государственный и политический деятель, первый заместитель председателя правительства Чечни в 2004–2005 гг., председатель правительства Чечни в 2005–2007 гг., глава Чеченской Республики с 2007 г. Сын А.А. Кадырова.

Калинин, Арнольд Иванович (1929–2011) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Португалии в 1974–1982 гг., посол СССР в Анголе в 1983–1987 гг., посол СССР / РФ на Кубе в 1991–2000 гг.

Калинин, Михаил Иванович (1875–1946) – советский государственный и партийный деятель. Председатель ВЦИК в 1919–1938 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1938–1946 гг.

Калмыков, Юрий Хамзатович (1934–1997) – министр юстиции РФ в 1993–1994 гг.; ушел в отставку в связи с вводом российских войск в Чечню.

Калугин, Олег Данилович (р. 1934) – сотрудник КГБ СССР в 1952–1989 годах. В 1995 году эмигрировал в США. В 2002 году заочно осужден к 15 годам лишения свободы за государственную измену.

Камдессю, Мишель (р. 1933) – французский экономист, директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ) в 1987–2000 гг.

Камингс, Брюс (р. 1943) – американский историк, специалист по Восточной Азии.

Караганов, Сергей Александрович (р. 1952) – официальный эксперт Комитета по международным отношениям Верховного Совета СССР в 1989–1991 гг. С 1991 года – член Совета по внешней политике МИД РФ, с 2006 года – декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики.

Караджич, Радован (р. 1945) – президент Республики Сербской в 1992–1996 годах.

Караме, Рашид (1921–1987) – ливанский политический деятель. С 1955 по 1987 год восемь раз занимал должность премьер-министра Ливана.

Карасин, Григорий Борисович (р. 1949) – российский дипломат. Посол России в Великобритании в 2000–2005 годах, заместитель министра иностранных дел в 1996–2000 годах и с июня 2005 года по настоящее время.

Кардозу, Фернанду Энрики (р. 1931) – бразильский социолог и государственный деятель, президент Бразилии в 1995–2003 годах.

Карзай, Хамид (р. 1957) – афганский государственный деятель, этнический пуштун, глава временной администрации Афганистана в 2001–2004 гг., президент Афганистана в 2004–2014 годах.

Картер, Джеймс Эрл (Джимми) (р. 1924) – президент США в 1977–1981 гг. Лауреат Нобелевской премии мира 2002 г.

Касьянов, Михаил Михайлович (р. 1957) – российский государственный и общественно-политический деятель, Председатель Правительства РФ в 2000–2004 гг., председатель Российского народно-демократического союза с 2006 г.

Кастро, Рауль (р. 1931) – председатель Совета министров Кубы с 2008 года, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы с 2011 года. Брат Фиделя Кастро.

Кастро, Фидель (р. 1926) – председатель Совета министров Кубы в 1959–2008 годах, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы в 1961–2001 годах.

Катушев, Константин Федорович (1927–2010) – секретарь ЦК КПСС в 1968–1977 гг., заместитель Председа-

теля Совета Министров СССР в 1977–1982 гг., председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям в 1985–1988 гг., министр внешних экономических связей СССР в 1988–1991 гг.

Качиньский, Лех (1949–2010) – польский государственный деятель, президент Польши в 2005–2010 гг.

Квасьневский, Александр (р. 1954) – польский государственный и политический деятель, президент Польши в 1995–2005 гг.

Квашнин, Анатолий Васильевич (р. 1946) – начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ – первый заместитель министра обороны Российской Федерации в 1997–2004 гг., полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе в 2004–2010 гг.

Квелидзе, Георгий – боксер, тбилисский друг Е.М. Примакова, брат С. Квелидзе.

Квелидзе, Сергей – боксер, тбилисский друг Е.М. Примакова, брат Г. Квелидзе.

Келдыш, Мстислав Всеволодович (1911–1978) – советский ученый в области прикладной математики и механики, президент АН СССР в 1961–1975 гг. Лауреат Ленинской премии 1957 года. Покончил жизнь самоубийством.

Кеннеди, Эдвард («Тэд») (1932–2009) – сенатор США от штата Массачусетс в 1962–2009 годах. Младший брат президента США Джона Кеннеди.

Ким Ир Сен (1912–1994) – основатель Корейской народно-демократической республики. Председатель кабинета министров КНДР в 1948–1972 гг., президент КНДР в 1972–1994 гг.

Кинкель, Клаус (р. 1936) – глава БНД в 1979–1982 гг., министр иностранных дел Германии в 1992–1998 годах.

Кириенко, Сергей Владиленович (р. 1962) – Председатель Правительства России в апреле–августе 1998 года. С 2005 года – генеральный директор государственной корпорации по атомной энергии «Росатом».

Кирпиченко, Вадим Алексеевич (1922–2005) – советский разведчик, первый заместитель начальника ПГУ КГБ СССР в 1979–1991 годах.

Кирпиченко, Валерия Николаевна (1930–2015) – российский литературовед-востоковед.

Кирпиченко, Сергей Вадимович (р. 1951) – советский и российский дипломат. С 1973 года работал на различных должностях в центральном аппарате МИД СССР и РФ и в дипломатических представительствах за рубежом. С 2011 года – посол России в Египте. Сын Вадима Алексеевича и Валерии Николаевны Кирпиченко.

Киршенблат, Давид Абрамович (ум. 1959) – врач-терапевт, муж Ф.Я. Киршенблат. Был арестован в ходе кампании против «врачей-вредителей» начала 1950-х годов и освобожден в 1953 г.

Киршенблат, Михаил Давидович (1905–1938) – директор Тбилисского института скорой помощи, сын Д.А. и Ф.Я. Киршенблатов, брат Я.Д. Киршенблата. В 1936 г. арестован, приговорен к 10 годам заключения, в 1938 г. расстрелян в Полтаве.

Киршенблат (Примакова), Фанни Яковлевна – жена Д.А. Киршенблата, сестра А.Я. Примаковой.

Киршенблат, Яков Давидович (1912–1980) – биолог, сын Д.А. Киршенблата, брат М.Д. Киршенблата.

Киссинджер, Генри (р. 1923) – американский политик, советник президента США по национальной безопасности в 1969–1975 гг., государственный секретарь США в 1973–1977 годах.

Клинтон, Билл (р. 1946) – президент США в 1993–2001 годах.

Кобулов, Амаяк Захарович (1906–1955) – руководящий работник советских органов государственной безопасности. В 1940 году легальный резидент НКВД в Берлине. Расстрелян.

Козак, Дмитрий Николаевич (р. 1958) – российский государственный деятель, руководитель Аппарата Правительства – министр РФ в 1999–2000 и 2004 гг., полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе, министр регионального развития РФ в 2007–2008 гг., заместитель Председателя Правительства РФ с 2008 г.

Козырев, Андрей Владимирович (р. 1951) – министр иностранных дел РСФСР / РФ в 1990–1996 годах.

Колби, Уильям (1920–1996) – директор Центральной разведки США в 1973–1976 годах.

Колесниченко, Томас Анатольевич (1930–2003) – советский журналист-международник. Являлся членом редколлегии газеты «Правда», ее корреспондентом в странах Африки, США, Великобритании.

Колесниченко, Светлана Яковлевна – вдова Т.А. Колесниченко, жена писателя В.Н. Войновича.

Коллинз, Джеймс Франклин (р. 1939) – специальный советник госсекретаря США по делам СНГ в 1993–1997 годах, посол США в России в 1997–2001 годах.

Коломе, Абелардо Ибарра (р. 1939) – министр внутренних дел Кубы с 1989 года.

Коль, Гельмут (р. 1930) – федеральный канцлер ФРГ в 1982–1998 годах.

Корабельников, Валентин Владимирович (р. 1946) – советский и российский военный деятель, начальник Главного разведывательного управления – заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ в 1997–2009 гг.

Корнблюм, Джон (р. 1943) – американский дипломат. Помощник государственного секретаря США по делам Европы и Канады в 1996–1997 гг., посол США в Германии в 1997–2001 гг.

Корниенко, Георгий Маркович (1925–2006) – советский дипломат, первый заместитель министра иностранных дел СССР в 1981–1986 годах.

Корнуэлл, Дэвид Джон Мур (псевдоним: Джон Ле Карре) (р. 1931) – английский писатель, автор шпионских романов. Сотрудник разведслужбы МИ-6 в 1959–1964 годах.

Косачев, Константин Иосифович (р. 1962) – российский государственный деятель, дипломат, советник и помощник по международным вопросам Председателя Правительства РФ в 1998–1999 гг., заместитель председателя Комитета по международным делам Госдумы в 1999–2003 гг. и председатель Комитета по международным

делам Госдумы в 2003–2012 гг., председатель Комитета Совета Федерации по международным делам с 2014 г.

Костиков, Вячеслав Васильевич (р. 1940) – российский дипломат и журналист, пресс-секретарь Президента Российской Федерации в 1992–1994 годах. Посол РФ в Ватикане в 1994–1996 гг.

Котти, Флавио (р. 1939) – швейцарский политик. Начальник департамента внутренних дел в 1987–1993 годах, начальник департамента иностранных дел в 1994–1999 годах. Член Федерального совета Швейцарии в 1986–1999 годах, президент Швейцарии в 1991 и 1998 годах.

Кравчук, Леонид Макарович (р. 1934) – украинский государственный и политический деятель, председатель Верховной Рады Украины в 1990–1991 гг., первый президент Украины в 1991–1994 гг.

Крестинский, Николай Николаевич (1883–1938) – советский политический деятель, заместитель и первый заместитель наркома иностранных дел СССР в 1930–1937 годах. Расстрелян. Реабилитирован в 1963 г.

Кристофер, Уоррен (1925–2011) – государственный секретарь США в 1993–1997 годах.

Крузе, Морис (1897–1973) – французский историк, автор «Истории цивилизаций» в 7 томах.

Крылов, Сергей Борисович (р. 1949) – заместитель министра иностранных дел РФ в 1993–1996 гг., представитель России в ООН в 1996–1997 гг., посол РФ в Германии в 1997–2004 гг. С 2004 года – руководитель департамента международных связей АФК «Система».

Крэдок, Бэнц Джон (р. 1949) – американский генерал, командующий Южным командованием США в 2004–2006 гг., главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе в 2006–2009 гг.

Крючков, Владимир Александрович (1924–2007) – начальник Первого главного управления КГБ СССР в 1974–1988 гг., председатель КГБ СССР в 1988–1991 гг.

Кудрин, Алексей Леонидович (р. 1960) – российский государственный деятель, министр финансов РФ в 2000–

2011 г., основатель и глава Комитета гражданских инициатив с 2012 г.

Кузнецов Анатолий Иванович (р. 1957) – начальник Службы безопасности президента РФ в 1996–1999 гг.

Кузнецов, Василий Васильевич (1901–1990) – советский государственный деятель, председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР в 1946–1950 годах, первый заместитель министра иностранных дел СССР в 1955–1977 годах, первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1977–1986 годах.

Кузнецов, Евгений Семенович (1938–2005) – губернатор Ставропольского края в 1991 по 1995 гг.; после теракта в Буденновске ушел в отставку.

Кук, Дэвид О. (1920–2002) – помощник министра обороны США по делам администрации в 1971 г., заместитель помощника министра обороны США по делам администрации в 1971–1988 гг., директор по администрации и менеджменту в офисе министра обороны США в 1988–2002 гг., представитель министерства обороны США на переговорах с Россией в 1997 г.

Кук, Робин (1946–2005) – британский политик, член Лейбористской партии, министр иностранных дел Великобритании в 1997–2001 гг.

Кукава, Пармен Засимович – учитель математики 47-й Тбилисской школы, где учился Е.М. Примаков.

Кулак, Алексей Исидорович (1922–1984) – полковник государственной безопасности СССР, Герой Советского Союза (1945). В 1962–1976 годах сотрудничал с ФБР и ЦРУ США. Отказался остаться в США и вернулся в СССР. Умер неразоблаченным. Раскрыт в 1985 г. О. Эймсом. В 1990 г. лишен всех званий и наград.

Кулиджанов, Лев Александрович (1923 или 1924–2002) – советский и российский актер, кинорежиссер, сценарист и педагог, Лауреат Ленинской премии 1982 года.

Кулиджанова Екатерина Дмитриевна (1902–1982) – мать Л.А. Кулиджанова. В 1937 г. арестована и приговорена к 5 годам лагерей.

Кулик, Геннадий Васильевич (р. 1935) – российский государственный и политический деятель, депутат Государственной Думы в 1994–1998 гг., заместителем Председателя Правительства РФ, курировавший АПК, в 1998–1999 гг.

Куликов, Анатолий Сергеевич (р. 1946) – министр внутренних дел РФ в 1995–1998 годах.

Купчан, Клиффорд – американский политический аналитик, специалист по России и Ирану, председатель Eurasia Group с 2014 г.

Кэй, Дэвид (р. 1941) – американский военный, глава американской Группы по обследованию Ирака в 2003–2004 гг.

бен Ладен, Усама (1957–2011) – глава террористической организации «Аль-Каида» в 1988–2011 гг. Убит американским спецназом.

Лахе, Карлос (р. 1951) – секретарь Совета министров Кубы в 1986–2009 гг., вице-председатель Государственного совета Кубы в 1993–2009 гг.

Лебедев, Владимир Семенович (1914–1966) – советский партийный деятель, помощник Н.С. Хрущева в 1954–1964 гг. Лауреат Ленинской премии 1960 г.

Лебедев, Сергей Николаевич (р. 1948) – российский разведчик, генерал армии, директор Службы внешней разведки России в 2000–2007 годах, исполнительный секретарь СНГ с 2007 года.

Левин, Карл (р. 1934) – американский политик, Председатель Сенатского комитета по делам вооруженных сил в 2008–2015 гг.

Лейк, Энтони (р. 1939) – советник президента США по национальной безопасности в 1993–1997 годах.

Ленин (Ульянов), Владимир Ильич (1870–1924) – один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года, председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР в 1917–1924 гг. Основатель СССР.

Леонтович, Михаил Александрович (1903–1981) – советский физик, академик АН СССР в 1946–1981 гг., Лауреат Ленинской премии 1958 года.

Леонтьев, Василий Васильевич (1905–1999) – американский экономист российского происхождения, лауреат Нобелевской премии по экономике 1973 года.

Лец, Станислав Ежи (1909–1966) – польский поэт, философ, писатель-сатирик и автор афоризмов.

Либби, Льюис (р. 1950) – американский политик, начальник аппарата вице-президента США в 2001–2005 гг. В 2007 г. был признан виновным в разглашении имени агента ЦРУ Валери Плейм. Получил 2 года тюрьмы условно.

Лобов, Олег Иванович (р. 1937) – советский и российский государственный деятель, первый заместитель председателя Совета министров РСФСР в апреле – ноябре 1991 г., и. о. председателя Совета министров РСФСР в сентябре–ноябре 1991 г., первый заместитель председателя Совета министров РФ – министр экономики в 1993 г., секретарь Совета безопасности Российской Федерации (1993–1996), первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1996 г.

Лодал, Йен М. – заместитель заместителя министра обороны США по политическим вопросам в 1994–1998 гг., президент Атлантического Совета в 2005–2006 гг. Главный научный сотрудник Центра Брента Скоукрофта по международной безопасности Атлантического совета с 2007 г.

Ломоносов, Михаил Васильевич (1711–1765) – первый русский ученый-естествоиспытатель, химик, физик, историк и поэт, действительный член Санкт-Петербургской Императорской академии наук в 1745–1765 гг.

Лофгрэн, Уильям С. – резидент ЦРУ в Индии в 1969–1971 гг., в Ливане в 1971–1973 гг., на Кипре в 1973–1975 гг., в Греции в 1975–1977 гг., в Дании в 1977–1979 гг. Начальник отдела Центральной Евразии ЦРУ в 1993–1996 гг. Глава компании Shenandoah Consultants с 1996 г.

Лужков, Юрий Михайлович (р. 1936) – российский политический деятель, мэр Москвы в 1992–2010 гг.

Лукин, Владимир Петрович (р. 1937) – российский политик. Посол России в США в 1992–1994 гг., уполномоченный по правам человека в РФ в 2004–2014 гг.

Лукьянов, Анатолий Иванович (р. 1930) – первый заместитель председателя Верховного Совета СССР в 1989

году, председатель Верховного Совета СССР в 1990–1991 годах.

Лучинский, Петр Кириллович (р. 1940) – член Политбюро ЦК КПСС в 1990–1991 гг., председатель парламента Молдавии в 1993–1997 гг., президент Молдавии в 1997–2001 гг.

Льюис, Бернард (р. 1916) – британский и американский историк, востоковед. Профессор Института перспективных исследований Принстонского университета (Нью-Джерси) в 1974–1986 гг. Глава Ассоциации по изучению Ближнего Востока и Африки (ASMEA) с 2007 г. Автор книги «Кризис ислама» (2004).

Лысенко, Александр Иосифович – легальный резидент советской разведки в Дели в 1981–1987 гг., легальный резидент российской разведки в Вашингтоне в 1992–1994 гг.

Люциус (Ликуис) – офицер германской внешней разведки в 1940–1941 гг.

Мазен, Абу (также известен как Махмуд Аббас; р. 1935) – палестинский политик, председатель Организации освобождения Палестины в 2004–2015 гг., президент частично признанного Государства Палестина с 2013 года.

Макиавелли, Никколо (1469–1527) – итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель, один из основоположников политологии. Секретарь и посол Флорентийской республики в 1498–1512 гг. Главные труды – «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «История Флоренции».

Маккейн, Джон (р. 1936) – американский политик, сенатор США с 1987 г., председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил с 2015 г.

Маккормак, Шон – американский дипломат, помощник госсекретаря и официальный представитель Госдепартамента США в 2005–2009 гг. Вице-президент по коммуникациям в вашингтонском представительстве компании Boeing с 2009 г.

Маклафлин, Джон – глава евро-азиатского аналитического управления ЦРУ США в 1988–1995 гг., заместитель директора Центральной разведки в 1997–2004 гг.

Маклейн, Дональд (Марк Фрейзер) (1913–1983) – британский дипломат, с 1934 года сотрудничавший с советской разведкой. В 1951 году переехал в СССР, с 1961 года работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Макнамара, Роберт (1916–2009) – министр обороны США в 1961–1968 годах.

Малашенко, Алексей Всеволодович (р. 1951) – российский востоковед, исламовед, политолог, председатель программы «Религия, общество и безопасность» в Московском Центре Карнеги.

Маленков, Георгий Максимилианович (1902–1988) – секретарь ЦК ВКП(б) в 1939–1953 гг., председатель Совета министров СССР в 1953–1955 гг., заместитель председателя Совета министров в 1955–1957 гг.

Аль-Малики, Нури (р. 1950) – иракский политический и государственный деятель, шиит, премьер-министр Ирака в 2006–2014 гг.

Малиновский, Родион Яковлевич (1898–1967) – советский военачальник и государственный деятель, маршал Советского Союза, министр обороны СССР в 1957–1967 гг.

Мамедов, Георгий Энверович (р. 1947) – российский дипломат, заместитель министра иностранных дел РФ в 1991–2003 гг., посол России в Канаде в 2003–2014 гг.

Мао Цзэдун (1893–1976) – китайский государственный деятель, основатель Китайской народной республики, председатель ЦК КП Китая в 1945–1976 годах.

Маркарян, Роберт Варганович (р. 1949) – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в 1980–1985 гг., научный сотрудник ИМЭМО в 1985–1989 гг., помощник Е.М. Примакова (в Президентском совете СССР, в СВР России) в 1990–1996 гг. Посол России в Сирии в 1999–2006 гг., посол России в Хорватии в 2009–2015 гг.

Мартынов, Владлен Аркадьевич (1929–2008) – директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР / РАН в 1989–2000 годах.

Маршалл-младший, Джордж Кэтлетт (1880–1959) – государственный и военный деятель США, генерал армии,

начальник штаба армии США в 1938–1945 гг., государственный секретарь США в 1947–1949 гг., министр обороны США в 1950–1951 гг. Лауреат Нобелевской премии мира 1953 г.

Маслюков, Юрий Дмитриевич (1937–2010) – первый заместитель председателя Совета министров СССР в 1988–1991 гг., первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1998–1999 гг.

Масуд, Ахмад Шах (1953–2001) – министр обороны Афганистана в 1992–1996 гг., главнокомандующий армией Северного альянса в 1996–2001 гг. Убит в результате покушения.

Масхадов, Аслан Алиевич (1951–2005) – военный и государственный деятель, президент непризнанной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) в 1997–2005 гг. Убит.

Матвиенко, Валентина Ивановна (р. 1949) – советский и российский политик, дипломат. Председатель Комитета Верховного Совета СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства в 1989–1991 гг., посол СССР / РФ в Республике Мальта в 1991–1994 гг., посол России в Греции в 1997–1998 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1998–2003 гг., губернатор Санкт-Петербурга в 2003–2011 гг., председатель Совета Федерации с 2011 года.

Машааль, Халед (р. 1956) – председатель политбюро палестинской партии Исламского движения сопротивления (ХАМАС) с 1996 г.

Медведев, Вадим Андреевич (р. 1929) – советский ученый-экономист, член Политбюро ЦК КПСС в 1988–1990 гг.

Медведев, Дмитрий Анатольевич (р. 1965) – российский государственный и политический деятель, президент РФ в 2008–2012 гг., Председатель Правительства РФ с 2012 г.

Меир, Голда (1898–1978) – израильский государственный деятель. Министр иностранных дел Израиля в 1956–1966 гг., премьер-министр Израиля в 1969–1974 гг.

Мейджор, Джон (р. 1943) – британский политик, премьер-министр Великобритании в 1990–1997 годах.

Меркель, Ангела (р. 1954) – германский государственный и политический деятель, федеральный канцлер Германии с 2005 г., лидер партии Христианско-демократический союз с 2000 г.

Меркулов, Всеволод Николаевич (1895–1953) – советский политический деятель. Народный комиссар государственной безопасности СССР в 1941 и 1943–1946 гг., министр государственного контроля СССР в 1950–1953 гг. Входил в ближайшее окружение Л.П. Берия.

Микоян, Анастас Иванович (1895–1978) – советский государственный деятель. Народный комиссар внешней торговли СССР в 1938–1949 гг., первый заместитель председателя Совета министров СССР в 1955–1964 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1964–1965 гг. Был женат на А.Л. Туманян.

Милошевич, Слободан (1941–2006) – президент Сербии в 1989–1997 годах, президент Союзной республики Югославия в 1997–2000 годах.

Милутинович, Милан (р. 1942) – президент Сербии в 1997–2002 годах.

Мильнер, Бенцион (Борис) Захарович (1929–2013) – советский и российский экономист, первый заместитель директора Института экономики РАН в 1987–2000 гг.

ди Мистура, Стефан (р. 1947) – итальянский дипломат, специальный представитель Генерального секретаря ООН по Ираку в 2007–2009 гг.

Миттеран, Франсуа (1916–1996) – первый секретарь Социалистической партии Франции в 1971–1981 годах, президент Франции в 1981–1995 годах.

Михайлов, Генрих Александрович – начальник отдела Православных Церквей Совета министров РСФСР по связям с религиозными организациями, в дальнейшем – член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ.

Моватт-Ларсен, Рольф – сотрудник ЦРУ США в 1982–2005 годах, в 1992–1994 гг. заместитель резидента ЦРУ в Москве, ответственный за контакты с СВР, в 1994–1996 гг. –

руководитель оперативной базы ЦРУ в Цюрихе. Директор по разведке и контрразведке в Министерстве энергетики США в 2005–2008 гг., старший научный сотрудник (senior fellow) в Белферовском центре науки и международных отношений Школы управления имени Кеннеди Гарвардского университета с 2008 г.

Моисеев, Никита Николаевич (1917–2000) – советский и российский ученый в области общей механики и прикладной математики, заместитель директора по научной работе Вычислительного центра АН СССР в 1967–1985 гг., советник директора ВЦ АН СССР (РАН) в 1985–2000 гг. Под его руководством в 1983 г. выполнены исследования по разработке математической модели последствий ядерной войны, названной «ядерная зима».

Молотов, Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 годах, народный комиссар / министр иностранных дел СССР в 1939–1949 и 1953–1956 годах.

Мондейл, Уолтер (р. 1928) – вице-президент США в 1977–1981 гг., посол США в Японии в 1993–1996 гг.

Моран, Чарльз Уилсон (1882–1977) – личный врач У. Черчилля.

Морозов, Григорий Иосифович (1921–2001) – советский правовед, профессор кафедры международного права МГИМО, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Первый муж С.И. Аллилуевой.

Мубарак, Хосни (р. 1928) – египетский военный и политический деятель. Вице-президент Египта в 1975–1981 годах, президент Египта в 1981–2011 годах. Свергнут в результате революции.

Муса, Амр Мухаммед (р. 1936) – египетский дипломат. Министр иностранных дел Египта в 1991–2001 годах, председатель Лиги арабских государств в 2001–2011 годах.

Муфти, Аднан (р. 1949) – член политического бюро Патриотического союза Курдистана (ПСК) и спикер Парламента Иракского Курдистана в 2005–2009 гг.

Мухаммед Омар (Мулла Омар) (1959 или 1962–2013) основатель движения Талибан, амир (глава) Исламского Эмирата Афганистан в 2006–2013 гг.

Мухитдинов, Нуритдин Акрамович (1917–2008) – советский партийный и государственный деятель, председатель Совета Министров Узбекской ССР в 1951–1953, 1954–1955 гг., первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана в 1955–1957 гг., член Президиума ЦК КПСС и секретарь ЦК КПСС в 1957–1961 гг., заместитель председателя Торгово-промышленной палаты СССР в 1977–1987 годах.

Мушарраф, Первез (р. 1943) – военный, политический и государственный деятель Пакистана, пришел к власти в результате военного переворота 1999 г. Начальник штаба сухопутных войск Пакистана в 1998–1999 гг., Премьер-министр Пакистана в 1999–2002 гг., президент Пакистана в 2001–2008 гг. После ухода от власти эмигрировал. В 2013 г. вернулся в Пакистан, обвинен в государственной измене и арестован.

Мюллер, Генрих (1900–1945) – начальник IV отдела (гестапо) Имперского главного управления безопасности (РСХА) в 1939–1945 гг., группенфюрер СС. Покончил с собой.

Мюллер, Зигфрид (р. 1916) – сотрудник гестапо и абвера в нацистской Германии.

Назарбаев, Нурсултан Абишевич (р. 1940) – председатель Совета министров Казахской ССР в 1984–1989 гг., первый секретарь ЦК КП Казахстана в 1989–1991 гг., президент Казахстана с 1991 года.

Найс, Джеффри (р. 1945) – британский адвокат, заместитель обвинителя на процессе С. Милошевича в Гаагском трибунале по бывшей Югославии в 2002–2005 гг.

Накасонэ, Ясухиро (р. 1918) – премьер-министр Японии в 1982–1987 годах.

Насер, Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта в 1954–1970 годах, генеральный секретарь Движения неприсоединения в 1964–1970 годах.

Наумкин, Виталий Вячеславович (р. 1945) – российский историк-востоковед, исламовед, политолог. Директор Института Востоковедения РАН в 2009–2015 гг., науч-

ный руководитель Института Востоковедения РАН с 2015 г. Автор книги «Ближний Восток в мировой политике и культуре» (2011).

Немченко – предполагаемый отец Е.М. Примакова, будто бы расстрелянный в 1937 г.

Неру, Джавахарлал (1889–1964) – лидер индийского национально-освободительного движения, премьер-министр Индии в 1947–1964 годах. Отец И. Ганди.

Нетаньяху, Биньямин (р. 1949) – израильский политик. Премьер-министр Израиля в 1996–1999 годах и с 2009 года по настоящее время.

Никсон, Ричард (1913–1994) – сенатор от штата Калифорния в 1950–1953 годах, вице-президент США в 1953–1961 годах, президент США в 1969–1974 годах.

Нимейри, Джафар Мухаммед (1930–2009) – председатель Революционного совета Судана в 1969–1971 гг., президент Судана в 1971–1985 гг., в 1985–1999 гг. в эмиграции.

Нишанов, Рафик Нишанович (р. 1926) – советский дипломат, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекской ССР в 1988–1989 гг., председатель Совета национальностей Узбекской ССР в 1989–1991 гг.

Норт, Дуглас (1920–2015) – американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 года.

Нури, Саид Абдулло (1947–2006) – таджикский политический деятель, лидер Партии исламского возрождения Таджикистана (также известной, как ДИВТ – Движение за исламское возрождение Таджикистана) в 1993–2006 гг. Возглавлял Объединенную таджикскую оппозицию во время Гражданской войны в Таджикистане.

Обути, Кэйдзо (1937–2000) – министр иностранных дел Японии в 1997–1998 гг., премьер-министр Японии в 1998–2000 гг.

Одэ-Васильева, Клавдия (Кулсум, Кельсум) Викторовна (1892–1965) – советский ученый-востоковед, арабист, первая женщина-профессор, выходец из арабского мира, член Императорского Православного Палестинского Общества. Медсестра в годы Первой мировой войны. В 1938 г. была арестована за попытку заступиться за ранее аресто-

ванных арабистов. Освобождена в 1939 г. Профессор Московского института востоковедения в 1943–1954 гг. Профессор Высшей Дипломатической школы в 1954–1965 гг.

Окуневская, Татьяна Кирилловна (1914–2002) – советская и российская актриса театра и кино. В 1948 г. арестована и приговорена к 10 годам лагерей за связь с иностранцем. Реабилитирована в 1956 г.

Олбрайт, Мадлен (р. 1937) – постоянный представитель США при ООН в 1993–1997 годах, государственный секретарь США в 1997–2001 годах.

Ольмерт, Эхуд (р. 1945) – израильский политический и общественный деятель, премьер-министр Израиля в 2006–2009 гг.

Осипов, Юрий Сергеевич (р. 1936) – советский и российский математик, механик. Президент Российской академии наук в 1991–2013 годах.

Ощенко, Виктор Алексеевич (р. 1940) – полковник СВР России, советник посольства СССР / РФ во Франции в 1985–1992 годах, заместитель резидента. В июле 1992 года бежал в Великобританию с семьей. Предположительно был агентом МИ-6 еще во время работы в Англии в 1970-е годы.

Панов, Александр Николаевич (р. 1944) – российский дипломат. Начальник Департамента Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии МИД СССР / РФ в 1988–1992 гг., посол России в Республике Корея в 1992–1993 гг., заместитель министра иностранных дел России в 1993–1996 гг., посол России в Японии в 1996–2003 гг., посол России в Норвегии в 2004–2006 гг., ректор Дипломатической академии МИД РФ в 2006–2010 гг.

Пастухов, Борис Николаевич (р. 1933) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Дании в 1986–1989 гг., посол СССР в Афганистане в 1989–1992 гг. В 1992–1996 гг. – заместитель, в 1996–1998 гг. – первый заместитель министра иностранных дел РФ. В 1998–1999 годах – министр Российской Федерации по делам СНГ.

Пауэлл, Колин (р. 1937) – американский военный и государственный деятель, советник президента США по национальной безопасности в 1987–1989 гг., председатель

Объединенного комитета начальников штабов в 1989–1993 гг., Государственный секретарь США в 2001–2005 гг.

Пеньковский, Олег Владимирович (1919–1963) – полковник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР. В 1963 году обвинен в шпионаже (в пользу США и Великобритании), расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Перес, Шимон (р. 1923) – израильский политик. Министр иностранных дел Израиля в 1986–1988, 1992–1995 и 2001–2002 гг., министр транспорта в 1970–1974 гг., министр финансов в 1988–1990 гг., министр обороны в 1974–1977 и 1995–1996 гг., премьер-министр Израиля в 1984–1986 и 1995–1996 гг., президент Израиля в 2007–2014 гг. Лауреат Нобелевской премии мира 1994 г.

Перл, Ричард (р. 1941) – американский политик, заместитель министра обороны США в 1981–1987 гг., глава Совета по оборонной политике Министерства обороны США в 2001–2003 гг.

Петр I, прозванный Великим, (1672–1725) – царь всея Руси в 1682–1721 гг., император Всероссийский в 1721–1725 гг.

Петров, Георгий Георгиевич (р. 1948) – советский и российский дипломат, посол по особым поручениям МИД РФ в 1998–2000 гг., директор Департамента экономического сотрудничества МИД в 2000–2002 гг., вице-президент Торгово-Промышленной Палаты РФ с 2002 г.

Пиебалгс, Андрис (р. 1957) – латышский политик и дипломат. Министр финансов Латвии в 1994–1995 гг., комиссар Евросоюза по энергетике в 2004–2010 гг., комиссар Евросоюза по развитию с 2010 г.

Пиотровский, Михаил Борисович (р. 1944) – генеральный директор Государственного Эрмитажа с 1992 г.

Плеханов, Георгий Валентинович (1856–1918) – русский революционер, философ, лидер меньшевиков. В 1883 году основал первую российскую марксистскую организацию – группу «Освобождение труда». Главные труды – «К развитию монистического взгляда на историю» (1894), «К вопросу о роли личности в истории» (1898).

Полозков, Иван Кузьмич (р. 1935) – советский государственный деятель, первый секретарь ЦК КП РСФСР в 1990–1991 годах.

Попова, Елена Вячеславовна – помощница Е.М. Примакова.

Посувалюк, Виктор Викторович (1940–1999) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Омане в 1988–1990 гг., посол СССР / РФ в Ираке в 1990–1992 гг., директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ в 1992–1994 гг., заместитель министра иностранных дел и специальный представитель Президента России по ближневосточному урегулированию в 1994–1999 гг. Посвящал свободное время творчеству в жанре авторской песни.

Примаков, Александр Евгеньевич (1954–1981) – сын Е.М. Примакова, аспирант Института востоковедения АН СССР.

Примаков, Александр Яковлевич (ум. 1938) – дядя Е.М. Примакова, врач-гинеколог. Расстрелян.

Примакова, Анна Яковлевна (1896–1972) – мать Е.М. Примакова.

Примаков, Евгений Александрович (Евгений Сандро) (р. 1976) – журналист, сын А.Е. Примакова, внук Е.М. Примакова, автор и ведущий программы «Международное обозрение» на телеканале «Россия-24» с 2015 г.

Прихня, Ольга Вакуловна – учительница литературы и русского языка 47-й Тбилисской школы, где учился Е.М. Примаков.

Проди, Романо (р. 1939) – премьер-министр Италии в 1996–1998 и 2006–2008 годах, председатель Европейской комиссии в 1999–2004 годах.

Пуго, Борис Карлович (1937–1991) – председатель КГБ Латвийской ССР в 1980–1984 гг., первый секретарь ЦК КП Латвии в 1984–1988 гг., председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС в 1988–1991 гг., министр внутренних дел СССР в 1990–1991 гг. Член ГКЧП в августе 1991 года. Покончил жизнь самоубийством.

Пуго, Валентина Ивановна (1938–1991) – жена Б.К. Пуго. Покончила жизнь самоубийством.

Путин, Владимир Владимирович (р. 1952) – директор ФСБ в 1998–1999 гг., секретарь Совета Безопасности РФ в 1999 г., Председатель Правительства РФ в 1999–2000 и 2008–2012 гг., президент России в 2000–2008 и с 2012 г.

Раббани, Бурхунаддин (1940–2001) – президент Афганистана в 1992–2001 гг.

Рабин, Ицхак (1922–1995) – премьер-министр Израиля в 1974–1977 и 1992–1995 годах. Был убит ультраправым экстремистом Игалем Амиром 4 ноября 1995 года. Лауреат Нобелевской премии мира 1994 г.

Райс, Кондолиза (р. 1954) – советник президента США по национальной безопасности в 2001–2005 гг., государственный секретарь США в 2005–2009 гг.

Рамадан, Таха Ясин (1938–2007) – вице-президент Ирака в 1991–2003 годах. Казнен.

Рамсфелд, Дональд (р. 1932) – министр обороны США в 1975–1977 и в 2001–2006 гг.

Рар, Александр Глебович (р. 1959) – немецкий журналист-международник, научный сотрудник Исследовательского института Радио Свобода (Мюнхен) в 1982–1994 гг., директор центра по России и Евразии при Германском совете по внешней политике в 1995–2012 гг., старший советник президента германо-российской Внешнеторговой Палаты с 2012 г. Автор биографий М.С. Горбачева (1986) и В.В. Путина (2000).

Рассел, Бертран (1872–1970) – британский философ, общественный деятель и математик, один из основателей Пагуошского движения ученых. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1950 года.

Рафсанджани, Хашеми Акбар (р. 1934) – министр внутренних дел Ирана в 1979–1980 гг., председатель Меджлиса Ирана в 1980–1989 гг., президент Ирана в 1989–1997 гг.

Рахмон (Рахмонов), Эмомали (р. 1952) – председатель Верховного Совета Таджикистана в 1992–1994 годах, президент Таджикистана с 1994 года.

Резун, Владимир Богданович (р. 1947) – сотрудник легальной резидентуры ГРУ ГШ СССР в Женеве в 1974–1978 годах. В 1978 году бежал в Великобританию. С 1981 года – автор книг под псевдонимом Виктор Суворов.

Рейган, Рональд (1911–2004) – американский политик, губернатор штата Калифорния в 1967–1975 гг., президент США в 1981–1989 гг. До начала политической карьеры получил известность как актер и радиоведущий.

Рейснер, Лев Игоревич (1928–1990) – советский востоковед, специалист по экономике стран Среднего Востока, сотрудник Института востоковедения АН СССР.

Риббентроп, Иоахим фон (1893–1946) – министр иностранных дел нацистской Германии в 1938–1945 гг. Приговорен к смертной казни Нюрнбергским трибуналом в октябре 1946 года.

Риджуэй, Розанна Линн – американский дипломат. Посол США в Финляндии в 1975–1977 годах, посол США в ГДР в 1983–1985 годах. Помощник государственного секретаря США по делам Европы и Канады в 1985–1989 годах.

Риттер, Скотт (р. 1961) – инспектор Спецкомиссии ООН в Ираке в 1991–1998 годах.

Рифкинд, Малкольм (р. 1946) – британский политик. Министр транспорта в 1990–1992 гг., министр обороны в 1992–1995 гг., министр иностранных дел в 1995–1997 гг., председатель комитета по разведке и безопасности Парламента Великобритании в 2010–2015 гг.

Робеспьер, Максимилиан (1758–1794) – французский революционер, лидер якобинцев, глава Комитета общественного спасения в 1793–1794 гг. Казнен.

Рогозин, Дмитрий Олегович (р. 1963) – российский государственный деятель, заместитель Председателя Правительства РФ и председатель коллегии Военно-промышленной комиссии РФ с 2011 г.

Родригес, Хосе Луис (р. 1946) – министр финансов Кубы в 1994–1995 годах, министр экономики и планирования Кубы в 1995–2009 годах.

Розенберг, Этель (1915–1953) и **Юлиус** (1918–1953) – американские граждане, обвиненные в передаче СССР ин-

формации об американской атомной бомбе и приговоренные к смертной казни за шпионаж в 1953 году.

Рокфеллер, Дэвид (р. 1915) – американский банкир и общественный деятель. Президент банка Чейз Манхэттен в 1961–1981 гг. С 1947 года – директор Совета по международным отношениям и в 1970–1985 годах – председатель его совета директоров. Участник Дартмутских встреч. Внук основателя Стандарт Ойл Джона Д. Рокфеллера.

Рольф, Дэвид (р. 1948) – представитель ЦРУ в Восточном Берлине в 1988–1990 гг., представитель ЦРУ в Москве в 1991–1993 гг.

Рорабакер, Дана (р. 1947) – член Палаты представителей Конгресса США с 1993 г.

Росс, Деннис (р. 1948) – американский дипломат, глава отдела планирования Государственного департамента США в 1989–1992 годах.

Россель, Эдуард Эргартович (р. 1937) – российский государственный и политический деятель, глава администрации Свердловской области в 1991–1993 гг., председатель Свердловской областной думы в 1994–1995 гг., губернатор Свердловской области в 1995–2009 гг., член Совета Федерации РФ в 1993–2001 гг. и с 2009 г.

Ростропович, Мстислав Леопольдович (1927–2007) – советский и российский виолончелист, дирижер. В 1978 году он и его жена Г.П. Вишневецкая были лишены советского гражданства (оно было возвращено им в 1990 году).

Ругова, Ибрагим (1946–2009) – лидер партии «Демократическая лига Косова» в 1989–2006 годах, президент частично признанной республики Косово в 1992–2000 и 2002–2006 годах.

Рузвельт, Франклин Делано (1882–1945) – президент США в 1933–1945 гг.

Румянцев, Алексей Матвеевич (1905–1993) – советский экономист. Руководил Отделом науки (науки и культуры с 1953 г.) ЦК КПСС с 1952 по 1955 год. Академик АН СССР с 1960 года, вице-президент АН СССР в 1967–1971 гг., директор Института конкретных социальных исследований АН СССР в 1968–1972 гг.

Рущкой, Александр Владимирович (р. 1947) – российский политический деятель, генерал-майор авиации. Член Президиума Верховного Совета РСФСР в 1990–1991 гг., вице-президент РФ в 1991–1993 гг., губернатор Курской области в 1997–2000 гг.

Рыбкин, Иван Петрович (р. 1946) – российский государственный и политический деятель, председатель Государственной Думы в 1994–1996 гг., секретарь Совета безопасности РФ в 1996–1998 гг.

Рыжков, Николай Иванович (р. 1929) – секретарь и заведующий Экономическим отделом ЦК КПСС в 1982–1985 гг., председатель Совета министров СССР в 1985–1991 гг.

Рю Хаку – кореец, военнопленный, сотрудник Института востоковедения и ИМЭМО, в 1990-е годы репатриировался в Южную Корею.

Саакашвили, Михаил Николозович (р. 1967) – грузинский и украинский государственный и политический деятель, министр юстиции Грузии в 2000–2001 гг., президент Грузии в 2004–2007 и в 2008–2013 гг., Председатель Одесской областной государственной администрации Украины с 2015 г.

Сабах IV аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах (р. 1929) – заместитель премьер-министра Кувейта в 1963–2003 гг., министр иностранных дел Кувейта в 1963–2001 гг., премьер-министр Кувейта в 2003–2006 гг., эмир Кувейта с 2006 г.

Садат, Анвар (1918–1981) – президент Египта в 1970–1981 годах. Убит в результате покушения.

ас-Садр, Муктада (р. 1973) – великий аятолла, радикальный лидер иракских шиитов, предводитель шиитской полувоенной организации «Армия Махди», созданной им в 2003 г.

Саймс (Симис), Дмитрий Константинович (р. 1947) – американский политолог советского происхождения. Научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1967–1973 годах. В 1973 году эмигрировал в США, Руководил Центром по российским и евроазиатским программам в Фонде Карнеги. С 1994 года –

президент Никсоновского центра. Является издателем журнала The National Interest.

Салтанов, Александр Владимирович (р. 1946) – российский дипломат, заместитель министра иностранных дел РФ в 2001–2011 гг., специальный представитель Президента России по Ближнему Востоку в 2006–2011 гг.

ас-Самараи – заместитель председателя комитета по вопросам безопасности и обороны парламента Ирака в 2007 г.

Саммерс, Лоуренс (Ларри) (р. 1954) – американский экономист, министр финансов США в 1999–2001 гг., директор Национального экономического совета в 2009–2010 гг.

Саркози, Николя (р. 1955) – французский государственный и политический деятель, президент Франции в 2007–2012 гг., лидер Союза за народное движение в 2004–2007 гг. и с 2014 г.

Сатюков, Павел Алексеевич (1911–1976) – советский журналист и партийный деятель, главный редактор газеты «Правда» в 1956–1964 годах, главный редактор научно-популярных и учебных программ Центрального телевидения СССР в 1970–1976 годах.

Сауд аль-Фейсал (1940–1975) – принц, министр иностранных дел Саудовской Аравии в 1975–2015 гг.

Сафайр, Уильям (1929–2009) – политический колумнист газеты The New York Times в 1973–2005 годах.

Сахаров, Андрей Дмитриевич (1921–1989) – советский физик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы, лауреат Нобелевской премии мира 1975 года. С конца 1960-х годов являлся одним из лидеров правозащитного движения в СССР. В 1989 году был избран народным депутатом СССР.

ас-Сахаф, Мухаммед Саид (р. 1940) – министр иностранных дел Ирака в 1992–2001, министр информации в 2001–2003 годах.

Саэки, Киити (1913–1999) – японский профессор исследовательского института Номура, советолог, член Совета по вопросам безопасности («Ампокэн»).

Сейджман, Марк – судебный психиатр, агент ЦРУ в Пакистане в 1987–1989 гг., после увольнения из ЦРУ в 1991 г. – политолог, писатель, автор книг «Постижение террористических сетей» (2004) и «Джихад без лидеров» (2008).

Селезнев, Геннадий Николаевич (1947–2015) – советский и российский государственный и политический деятель, председатель Госдумы РФ в 1996–2003 гг.

Сергеев, Игорь Дмитриевич (1938–2006) – российский государственный и военный деятель, министр обороны РФ в 1997–2001 гг., помощник Президента РФ по вопросам стратегической стабильности в 2001–2004 гг.

Сердюков, Анатолий Эдуардович (р. 1962) – российский государственный деятель, глава Федеральной налоговой службы в 2004–2007 гг., министр обороны РФ в 2007–2012 гг., покинул этот пост в результате коррупционного скандала. Индустриальный директор по авиационному кластеру государственной корпорации «Ростех» с 2015 г.

Сестанович, Стивен (р. 1950) – американский политолог, специалист по России и странам Кавказа и Центральной Азии. Сотрудник Госдепартамента, занимающийся политическим планированием, в 1981–1984 гг., старший директор по политическому развитию в СНБ в 1984–1987 гг., посол по особым поручениям и специальный советник государственного секретаря по новым независимым государствам бывшего СССР в 1997–2001 гг. В настоящее время – профессор Школы международных отношений и связей с общественностью Колумбийского университета.

Силаев, Иван Степанович (р. 1930) – министр авиационной промышленности СССР в 1981–1985 гг., заместитель председателя Совета министров СССР в 1985–1990 гг., председатель Совета министров РСФСР в 1990–1991 гг.

Ситарян, Степан Арамаисович (1930–2009) – первый заместитель Министра финансов СССР в 1974–1982 гг., первый заместитель Председателя Госплана СССР в 1983–1989 гг., заместитель Председателя Совета Министров СССР и постоянный представитель СССР в СЭВ в 1989–1990 гг.

Скарлетт, Джон (р. 1948) – руководитель Секретной разведывательной службы Великобритании в 2004–2009 годах, ее представитель в Москве в 1991–1994 годах.

Скотт, Хью (1900–1994) – американский политик, сенатор от штата Пенсильвания в 1959–1977 годах.

Скоукрофт, Brent (р. 1925) – генерал-лейтенант ВВС США, советник президента США по национальной безопасности в 1975–1977 и 1989–1993 годах.

Скринский, Александр Николаевич (р. 1936) – советский, российский физик, действительный член Академии наук СССР и РАН с 1970 г., директор Института ядерной физики СО АН СССР в 1977–2015 гг., руководитель ИЯФ СО РАН с 2015 г.

Скуратов, Юрий Ильич (р. 1952) – российский юрист и политик, генеральный прокурор РФ в 1995–2000 гг.

Слаттер, Эндрю – сотрудник МИ-5, ее представитель в Москве в 1992 г.

Солана, Хавьер (р. 1942) – испанский ученый и политический деятель. Министр культуры Испании в 1982–1988 гг., министр образования и науки Испании в 1988–1992 гг., министр иностранных дел Испании в 1992–1995 гг., генеральный секретарь НАТО в 1995–1999 гг., генеральный секретарь Совета Европейского союза и Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности в 1999–2009 гг.

Солженицын, Александр Исаевич (1918–2008) – писатель, публицист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 года. В 1974 году был лишен советского гражданства и выслан из СССР (восстановлен в гражданстве в 1990 году).

Сондерс, Гарольд (р. 1930) – американский дипломат. Заместитель государственного секретаря США по разведке и исследованиям в 1975–1978 годах и по делам Ближнего Востока – в 1978–1981 годах.

Сорос, Джордж (р. 1930) – американский финансист, создатель сети благотворительных организаций «Фонд Сороса», начиная с 1979 г.

Спектер, Майкл (р. 1955) – американский журналист, бывший корреспондент и директор нью-йоркского бюро The Washington Post в 1985–1991 гг., корреспондент The New York Times в Москве в 1994–1998 гг., в журнале The New Yorker с 1998 г.

Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1878–1953) – генеральный секретарь ЦК ВКП(б) в 1922–1953 годах, председатель Совета народных комиссаров СССР в 1941–1946 годах, председатель Совета министров СССР в 1946–1953 годах.

Степашин, Сергей Вадимович (р. 1952) – российский государственный и политический деятель. Директор ФСБ в 1994–1995 гг. Министр юстиции РФ в 1997–1998 гг. Министр внутренних дел РФ в 1998–1999 гг. Председатель Правительства РФ в мае – августе 1999 г. Председатель Счетной палаты РФ в 2000–2013 гг. С 2014 г. председатель наблюдательного совета государственной корпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства».

Султан ибн Абдул-Азиз (1928–2011) – министр обороны и авиации Саудовской Аравии в 1962–2011 годах.

Сунуну, Джон Генри (р. 1939) – губернатор Нью-Хэмпшира в 1983–1989 гг., глава аппарата Белого дома в 1989–1991 гг.; ушел в отставку в связи со скандалом из-за использования военно-транспортных самолетов для личных поездок.

Суслов, Михаил Андреевич (1902–1982) – секретарь ЦК КПСС в 1947–1982 годах, член Президиума / Политбюро ЦК КПСС в 1952–1953 и 1955–1982 годах. Считался главным идеологом партии.

Суэцугу, Итиро (1923–2001) – председатель научно-исследовательского совета по вопросам национальной безопасности Японии («Ампокэн») в 1972–2001 годах.

Сысуев, Олег Николаевич (р. 1953) – российский бизнесмен и политик, мэр Самары в 1992–1997 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1997–1998 гг., первый заместитель руководителя Администрации президента РФ в 1998–1999 гг., первый заместитель председателя Совета Альфа-банка с 1999 г.

Табара, Рияд – посол Ливана в США в 2002 г.

Талабани, Джаляль (р. 1933) – курдский и иракский политический деятель, президент Ирака в 2005–2014 гг.

Твардовский, Александр Трифонович (1910–1971) – советский писатель и поэт, главный редактор журнала «Новый мир» в 1950–1954 и 1958–1970 годах.

Тенет, Джордж (р. 1953) – Директор Центральной разведки и глава ЦРУ США в 1997–2004 гг.

Титов, Константин Алексеевич (р. 1944), российский политический и государственный деятель, губернатор Самарской области в 1991–2007 гг., сенатор Совета Федерации ФС РФ от Правительства Самарской области в 2007–2014 гг.

Ткаченко – корреспондент газеты «Правда» в Албании в 1957 г.

Трапезников, Сергей Павлович (1912–1984) – советский партийный деятель и историк, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС в 1965–1983 годах.

Троцкий (Бронштейн), Лев Давидович (1879–1940) – один из организаторов Октябрьской революции 1917 года, большевик, председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в 1917–1918 гг., нарком иностранных дел РСФСР в 1917–1918 гг., председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам СССР в 1918–1925 гг. Убит агентом НКВД.

Трубников, Вячеслав Иванович (р. 1944) – сотрудник КГБ СССР в 1967–1992 гг., первый заместитель директора СВР России в 1992–1996 гг., директор СВР в 1996–2000 гг., первый заместитель министра иностранных дел РФ в 2000–2004 гг., посол РФ в Индии в 2004–2009 гг.

Туманян, Ашхен Лазаревна (1896–1962) – жена А.И. Микояна.

Тураджонзода, Ходжи Акбар (р. 1954) – заместитель руководителя Объединенной таджикской оппозиции в 1993–1998 годах, первый заместитель премьер-министра Таджикистана в 1998–2005 годах.

Тургенев, Иван Сергеевич (1818–1883) – русский писатель.

Турок-Попов Владимир Михайлович (1904–1981) – советский историк-германист, в 1920-е годы агент Коминтерна в Австрии под прикрытием корреспондента ТАСС, профессор в Московском институте Востоковедения в конце 1940-х – начале 1950-х годов, читал историю международных отношений. Сотрудник Института истории АН СССР, затем Института славяноведения и балканистики, специалист по новейшей истории стран Центральной и Южной Европы.

Тэйки, Рэй – американский исламовед иранского происхождения, исследователь Вашингтонского института ближневосточной политики в 2001 г., старший научный сотрудник Совета по международным отношениям с 2008 г.

Тэлботт (Ширер) Брук Ллойд (1950–2009) – американская журналистка, жена С. Тэлботта.

Тэлботт, Струоб (р. 1946) – американский дипломат и политолог, первый заместитель государственного секретаря США в 1994–2001 гг., президент Брукингского института с 2002 г.

Тэтчер, Маргарет (1925–2013) – баронесса, премьер-министр Англии в 1979–1990 гг.

Удугов, Мовлади Саидарбиевич (р. 1962) – чеченский политический деятель, министр информации и печати самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия в 1991–2008 гг., директор Информационно-аналитического центра Имарата Кавказ за рубежом с 2008 г.

Ульяновский, Ростислав Александрович (1904–1995) – советский историк. Заведующий кафедрой Индии и Афганистана и заместитель заведующего отдела Востока и колоний и Международного аграрного института при Коминтерне в 1930–1934 гг. Арестован в ночь с 1 на 2 янв. 1935 г., после убийства С.М. Кирова, приговорен к 5 годам лагерей. Реабилитирован в 1955 г. заместитель директора Института востоковедения АН СССР в 1958–1961 гг., заместитель начальника Международного отдела ЦК КПСС в 1961–1986 гг.

Умар (Омар) ибн аль-Хаттаб аль-Фарук (585–644) – второй Праведный халиф в 634–644 гг.

Уолт, Стивен (р. 1955) – американский политолог, профессор Гарвардского университета с 1999 г.

Усман (Осман) ибн Аффан (574–656) – третий Праведный халиф с 644 по 656 год. В его правление был составлен Коран.

Устинов, Дмитрий Федорович (1908–1984) – народный комиссар и министр вооружения СССР в 1941–1953 гг., министр оборонной промышленности СССР в 1953–1957 гг., министр обороны СССР в 1976–1984 гг. Секретарь ЦК КПСС в 1965–1976 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1976–1984 гг.

Ушаков, Юрий Викторович (р. 1947) – российский дипломат и государственный деятель, заместитель Министра иностранных дел РФ в 1998–1999 гг., посол РФ в США в 1998–2008 гг., заместитель Руководителя Аппарата Правительства РФ в 2008–2012 гг., помощник Президента РФ с 2012 г.

Фахд ибн Абдул-Азиз (1921–2005) – король Саудовской Аравии в 1982–2005 годах.

Федоров, Борис Григорьевич (1958–2008) – российский государственный и политический деятель, финансист и бизнесмен, министр финансов РСФСР в 1990 г., Заместитель Председателя Правительства РФ в 1992–1994 и в 1998 гг., Директор Государственной налоговой службы в 1998 г.

Федоров, Николай Васильевич (р. 1958) – министр юстиции РСФСР / РФ в 1990–1993 гг., президент Чувашской республики в 1994–2010 гг., министр сельского хозяйства России в 2012–2015 гг.

Федосеев, Петр Николаевич (1908–1990) – советский философ, социолог и общественный деятель, академик АН СССР в 1960–1990 гг., член ЦК КПСС в 1961–1989 гг., директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1967–1973 гг., вице-президент АН СССР в 1962–1967, 1971–1988 гг. Лауреат Ленинской премии 1983 г.

Фейс, Дуглас (р. 1953) – американский политик и эксперт, заместитель министра обороны США в 2001–2005 гг.

Фейсал ибн Абдул-Азиз (1906–1975) – министр иностранных дел в 1930–1960 и 1962–1975 годах, король Саудовской Аравии в 1962–1975 годах.

Фейсал С. – заместитель министра иностранных дел Ирака в 1990–1991 гг.

Фейхтвангер, Лион (1884–1958) – немецкий писатель-антифашист, с 1933 г. в эмиграции.

Ферт, Леон – советник вице-президента США Альберта Гора по национальной безопасности в 1998–1999 гг.

Филипс, Дэвид – старший научный сотрудник Атлантического совета (Atlantic Council), директор Программы укрепления мира и прав человека в Институте изучения прав человека Колумбийского университета в 2014 г.

«Философ» – сотрудник берлинской резидентуры НКВД в 1940 г.

Фитин, Павел Михайлович (1907–1971) – руководитель внешней разведки СССР в 1939–1946 годах, министр государственной безопасности Казахской ССР в 1951–1953 годах.

Фолл, Брайан (р. 1937) – британский дипломат, посол Великобритании в России в 1992–1995 годах.

Форд-первый, Генри (1863–1947) – американский бизнесмен, изобретатель, основатель и глава Ford Motor Company в 1903–1945 гг. Автор книги «Моя жизнь, мои достижения».

Фрам, Дэвид (р. 1960) – американский журналист, сотрудник Wall Street Journal в 1989–1992 гг. и Forbes в 1994–2000 гг. Спичрайтер президента США Дж. Буша-младшего в 2001–2009 гг.

Франко, Марк – итальянский дипломат, глава делегации Еврокомиссии в России в 2004–2009 гг., глава делегации ЕС в Египте в 2009–2012 гг.

Фридман, Михаил Маратович (р. 1964) – российский бизнесмен, совладелец и председатель наблюдательного совета консорциума «Альфа-Групп» с 1991 г.

Фридрих II Великий (1712–1786) – полководец, король Пруссии в 1740–1786 гг.

Фукуяма, Фрэнсис (р. 1952) – американский философ, политолог и политэкономист японского происхождения. Автор книги «Конец истории и последний человек» (1992).

Фултон, Эндрю (р. 1944) – британский дипломат, сотрудник внешней разведки Великобритании.

Хабаров, Геннадий Алексеевич – начальник охраны Е.М. Примакова.

Хаббард, Фрэнк (1868–1930) – американский юморист и карикатурист, автор афоризмов.

Хаджиев, Саламбек Наирович (р. 1941) – российский бизнесмен, председатель правительства национально-возрождения Чечни в 1995 г., председатель Государственного комитета РФ по промышленной политике в 1995–1996 гг.

Халонен, Тарья (р. 1943) – финский политик. Министр социальной защиты и здравоохранения Финляндии в 1987–1990 гг., министр юстиции в 1990–1991 гг., министр иностранных дел в 1995–2000 гг. Президент Финляндии в 2000–2012 годах.

Хан, Герман Борисович (р. 1961) – российский бизнесмен, крупный акционер Альфа-Групп с момента основания в 1989 г.

Ханджян, Агаси Гевондович (1901–1936) – советский партийный и государственный деятель, первый секретарь ЦК КП(б) Армении в 1930–1936 гг. Покончил с собой.

Хантингтон, Сэмюэл Филлипс (1927–2008) – американский социолог и политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, обнародованной им в статье «Столкновение цивилизаций?» (The Clash of Civilizations?), опубликованной в 1993 году в журнале «Форин афферс», а в 1996 г. в одноименной книге. Координатор отдела планирования в Совете национальной безопасности США в 1977–1978 гг. Директор Центра международных отношений в 1978–1989 гг. Один из основателей в 1970 г. журнала «Foreign Policy».

Харадзе, Лаура Васильевна (1930–1987) – первая жена Е.М. Примакова.

Харадзе, Надежда Васильевна (1912–1999) – грузинская оперная певица. Тетя Л.В. Харадзе.

Харнак, Арвид (1901–1942) – немецкий юрист и антифашист, участник подпольного сопротивления в гитлеров-

ской Германии, с 1935 года сотрудничавший с советской разведкой.

Хасан ибн Талал (р. 1947) – брат короля Иордании Хусейна бин Талала, наследный принц в 1965–1999 гг.

Хасан II (1929–1999) – король Марокко в 1961–1999 годах.

аль-Хаттаб, Амир ибн (Самер Салех ас-Сувейлем) (1969–2002) – один из руководителей вооруженных формирований самопровозглашенной Чеченской республики Ичкерия, уроженец Саудовской Аравии, Был одним из руководителей ваххабитских организаций «Исламская международная миротворческая бригада» и «Высший военный маджлисуль шура объединенных сил моджахедов Кавказа», обвинялся в организации ряда терактов на территории России.

Хекматияр, Гульбеддин (р. 1947) – премьер-министр Афганистана в 1993–1994 гг., лидер Исламской партии Афганистана.

Хелмс, Ричард (1913–2002) – директор Центральной разведки США в 1966–1973 годах, посол США в Иране в 1973–1977 годах.

Хемингуэй, Эрнест (1899–1961) – американский писатель, журналист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года. Автор романов «Прощай, оружие», «По ком звонит колокол», «Старик и море». Покончил жизнь самоубийством.

Херд, Дуглас (р. 1930) – британский политик, министр внутренних дел Великобритании в 1985–1989 годах, министр иностранных дел в 1989–1995 годах.

Хилл, Кристофер (р. 1952) – американский дипломат. Посол США в Македонии в 1996–1999 гг., посол США в Польше в 2000–2004 гг., посол США в Южной Корее в 2004–2005 гг., помощник государственного секретаря по делам Восточной Азии и Океании в 2005–2009 гг., посол США в Ираке в 2009–2010 гг.

Ходжа, Энвер (1908–1985) – албанский политический деятель, Первый секретарь ЦК Албанской партии труда в

1941–1985 гг., председатель Совета министров Албании в 1946–1954 гг.

Ходорковский, Михаил Борисович (р. 1963) – российский предприниматель, общественный деятель, публицист. Совладелец и глава нефтяной компании «ЮКОС» в 1997–2004 гг. В 2005 г. был признан виновным в мошенничестве, присвоении чужого имущества, неуплате налогов и других преступлениях и приговорен к 9 годам лишения свободы. В 2010 г. повторно осужден за присвоение чужого имущества и незаконной предпринимательской деятельности к 14 годам заключения с учетом первого приговора. В конце 2013 г. был помилован президентом В.В. Путиным после отбытия 10 лет и 2 месяцев заключения. С 2014 г. возглавляет общественную организацию «Открытая Россия».

Холбрук, Ричард (1941–2010) – американский дипломат, помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Океании в 1977–1981 гг., посол США в Германии в 1993–1994 гг., помощник государственного секретаря США по делам Европы и Канады в 1994–1996 гг., постоянный представитель США при ООН в 1999–2001 гг. Управляющий директор журнала «Foreign Policy» в 1972–1976 гг., управляющий директор инвестиционного банка Lehman Brothers в 1985–1993 гг.

Хонеккер, Эрих (1912–1994) – немецкий политик, генеральный секретарь ЦК СЕПГ в 1971–1989 годах. Основатель Союза свободной немецкой молодежи и его председатель в 1946–1955 годах. Один из организаторов строительства Берлинской стены.

Хрущев, Никита Сергеевич (1894–1971) – председатель ЦК КПСС в 1953–1964 годах, председатель Совета министров СССР в 1958–1964 годах.

Хусейн ибн Талал (1935–1999) – король Иордании в 1952–1999 годах.

Хусейн, Саддам (1937–2006) – президент Ирака в 1979–2003 годах. Казнен.

Хэдли, Стивен (р. 1947) – американский политик, заместитель советника по национальной безопасности прези-

дента США в 2001–2005 гг., советник по национальной безопасности президента США в 2005–2009 гг.

Цзян Цзэминь (р. 1926) – китайский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК Компартии Китая (КПК) в 1989–2002 гг., председатель КНР в 1993–2003 гг.

Чайка, Юрий Яковлевич (р. 1951) – Генеральный прокурор Российской Федерации в 1999 и с 2006 года, министр юстиции РФ в 1999–2006 гг.

Чамов, Владимир Васильевич (р. 1955) – российский дипломат, посол РФ в Ираке в 2005–2008 гг., посол России в Ливии в 2008–2011 гг., посол РФ в Мавритании с 2014 г.

Чаушеску, Николае (1918–1989) – генеральный секретарь ЦК КП Румынии в 1965–1989 годах, президент Социалистической Республики Румыния в 1974–1989 годах. Свергнут в результате революции и расстрелян.

Чейни, Дик (Ричард) Брюс (р. 1941) – американский политик, министр обороны США в 1989–1993 гг., вице-президент США в 2001–2009 гг.

Чернавин, Владимир Николаевич (р. 1928) – советский военачальник, адмирал флота. Начальник Главного штаба ВМФ в 1981–1985 годах, главнокомандующий ВМФ в 1985–1992 годах.

Черномырдин, Виктор Степанович (1938–2010) – советский и российский политический деятель. Председатель Правительства РФ в 1992–1998 годах, специальный представитель президента РФ по урегулированию ситуации вокруг Югославии в 1999 г., посол России на Украине в 2001–2009 годах.

Черняев, Анатолий Сергеевич (р. 1921) – помощник генерального секретаря ЦК КПСС, затем президента СССР М.С. Горбачева по международным делам в 1985–1991 годах.

Черчилль, Уинстон (1874–1965) – британский политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 годах, лауреат Нобелевской премии по литературе 1953 года. Наиболее известный литературный труд – мемуары «Вторая мировая война».

Чжу (Чжа) Пэйсинь (р. 1946) – аспирант МГУ в 1950-е годы, в 2000-е годы посол КНР в Англии и в Канаде, затем член постоянного комитета ВСНП и заместитель председателя Комиссии по иностранным делам ВСНП.

Чубайс, Анатолий Борисович (р. 1955) – советский и российский политический и хозяйственный деятель, Председатель Государственного Комитета РФ по управлению государственным имуществом в 1991–1994 гг., вице-премьер Правительства РФ в 1992–1994 гг., министр финансов РФ в 1997 г., первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1994–1996, 1997–1998 гг., глава Администрации Президента РФ в 1996–1997 гг., председатель правления РАО «ЕЭС России» в 1998–2008 гг., председатель правления ОАО «Роснано» с 2011 г.

Шаликашвили, Джон (1936–2011) – генерал Армии США, председатель Объединенного комитета начальников штабов в 1993–1997 годах.

Шамун, Дани (1934–1990) – ливанский политик, сын Камиля Шамуна.

Шамун, Камиль Нимр (1900–1987) – президент Ливана в 1952–1958 годах, один из главных христианских лидеров во время гражданской войны в Ливане 1975–1990 годов.

Шапошников, Евгений Иванович (р. 1942) – последний министр обороны СССР в 1991–1992 гг., Главнокомандующим Объединенными Вооруженными Силами (ОВС) СНГ в 1992–1993 гг., Секретарь Совета Безопасности РФ в 1993 г.

Шарет, Моше (1894–1965) – Министр иностранных дел Израиля в 1948–1956 гг., премьер-министр Израиля в 1954–1955 гг.

Шаретт, Эрве де (р. 1938) – министр иностранных дел Франции в 1995–1997 годах.

Шарон, Ариэль (1928–2014) – израильский военный и политический деятель, генерал-майор армии, премьер-министр Израиля в 2001–2006 годах.

Шагалин, Станислав Сергеевич (1934–1997) – советский экономист, руководитель рабочей группы по соз-

данию программы перехода к рыночной экономике – программы «500 дней» – в 1990–1991 годах.

Шахназаров, Георгий Хосроевич (1924–2001) – советник Президента СССР М.С. Горбачева в 1990–1991 годах, президент Советской ассоциации политических наук в 1973–1991 годах.

Шваков, Андрей Васильевич – главный редактор арабской редакции Главного управления радиовещания на зарубежные страны в конце 1950-х годов.

Швейч, Томас – координатор Государственного департамента США по антинаркотической деятельности и судебной реформе в Афганистане в 2008 г.

Шебаршин, Леонид Владимирович (1935–2012) – начальник Первого главного управления КГБ СССР в 1989–1991 годах.

Шеварнадзе, Эдуард Амвросиевич (1928–2014) – советский и грузинский политический деятель. Первый секретарь ЦК КП Грузии в 1972–1985 годах, министр иностранных дел СССР в 1985–1990 годах, президент Грузии в 1995–2003 годах.

Швецова, Людмила Ивановна (1949–2014) – советский и российский государственный и политический деятель, заместитель мэра Москвы по социальной политике в 2000–2011 гг., заместитель председателя Государственной Думы в 2011–2014 гг.

Шевченко, Владимир Николаевич (р. 1939) – руководитель служб протокола президента СССР в 1990–1991 и президента РФ в 1991–1999 годах, советник Президента РФ в 2000–2011 годах.

Шеху, Мехмет (1913–1981) – албанский государственный, военный и партийный деятель, председатель Совета Министров Албании в 1954–1981 гг. По официальной версии, покончил с собой, так как был раскрыт его заговор в пользу Югославии. По другой версии, был застрелен прямо на заседании ЦК Албанской партии труда из-за разногласий с Э. Ходжа.

Шиманский, Дмитрий Вячеславович – помощник Е.М. Примакова.

Ширак, Жак (р. 1932) – французский политик, мэр Парижа в 1977–1995 годах, премьер-министр Франции в 1974–1976 и 1986–1988 годах, президент Франции в 1995–2007 годах.

Шиroyн, Сурен Григорьевич – заведующий отделением Агентства печати «Новости» в Ливане в 1960-х годах.

Шишлин, Николай Владимирович (1926–1994) – советский журналист-международник, руководитель группы консультантов Международного отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран в 1960–1990 годах.

Шмидт Гельмут (1918–2015) – федеральный канцлер ФРГ в 1974–1982 гг.

Шмидт – профессор-историк Московского института востоковедения в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

Шойгу, Сергей Кужугетович (р. 1955) – российский государственный деятель, председатель госкомитета РФ по чрезвычайным ситуациям в 1991–1994 гг. министр РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в 1994–2012 гг., губернатор Московской области в 2012 г., министр обороны РФ с 2012 г.

Шоэр, Майкл – глава специального подразделения ЦРУ Alec Station по поимке бин Ладена в 1996–1999 гг., советник этой же группы в 1999–2004 гг.

Шредер, Герхард (р. 1944) – германский политик, федеральный канцлер Германии в 1998–2005 гг., Председатель комитета акционеров Nord Stream AG с 2006 г.

Шредер (Шрейдер), Эрих (1901–?) – руководитель сектора IV-D (ответственного за «иностранцев из враждебных государств») в Гестапо в 1939–1941 годах.

Штебе, Ильзе (1911–1942) – немецкая журналистка, участница немецкого движения Сопротивления, агент советской военной разведки.

Шувалов, Игорь Иванович (р. 1967) – российский государственный деятель, первый заместитель Председателя Правительства РФ с 2008 года.

Шуйский, Григорий Трофимович (1907–1985) – советский партийный деятель, помощник Н.С. Хрущева в 1950–1964 гг., консультант Идеологического отдела – Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС в 1964–1976 гг. Лауреат Ленинской премии 1960 года.

Шульц, Джордж (р. 1920) – министр финансов США в 1972–1974, государственный секретарь США в 1982–1989 гг.

Шульце-Бойзен, Харро (1909–1942) – обер-лейтенант люфтваффе, участник подпольного сопротивления в гитлеровской Германии, с 1936 года передававший советской разведке секретную информацию через А. Харнака.

Шушкевич, Станислав Станиславович (р. 1934) – белорусский государственный и политический деятель, ученый-физик, председатель Верховного Совета Республики Беларусь в 1991–1994 гг.

Щербаков, Владимир Иванович (р. 1949) – в 1991 году заместитель и первый заместитель премьер-министра СССР, а также министр экономики и планирования СССР.

Эймс, Олдрич (Мэдисон Фрэд) (р. 1941) – начальник контрразведывательного подразделения ЦРУ, агент СССР / РФ в 1985–1994 годах. В феврале 1994 года был арестован сотрудниками ФБР; приговорен к пожизненному заключению, которое в настоящее время отбывает в тюрьме особо строгого режима Алленвуд (штат Пенсильвания).

Эйнштейн, Альберт (1979–1955) – немецкий физик, автор теории относительности, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года.

Экеус, Рольф (р. 1935) – шведский дипломат, председатель Спецкомиссии ООН в Ираке в 1991–1997 годах, верховный комиссар по делам национальных меньшинств в ОБСЕ в 2001–2007 годах.

Эксуорси, Ллойд (р. 1939) – канадский государственный деятель, министр иностранных дел Канады в 1996–2000 годах.

Эргеч, Салахатдин – председатель Фронта иракских туркмен.

Эрмарт, Фриц (р. 1941) – сотрудник ЦРУ в 1973–1998 годах, председатель Национального совета по разведке в 1993–1998 годах.

Эрхард, Людвиг (1897–1977) – министр экономики ФРГ в 1949–1966 гг., Федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 гг.

Ющенко, Виктор Андреевич (р. 1954) – украинский государственный и политический деятель, премьер-министр Украины в 1999–2001 годах, председатель Национального банка Украины в 1993–1999 гг., президент Украины в 2005–2010 гг.

Юмашев, Валентин Борисович (р. 1957) – российский журналист, руководитель администрации Президента РФ в 1997–1998 годах.

Ющук, Ростислав Васильевич – генерал-лейтенант СВР России.

Явлинский, Григорий Алексеевич (р. 1952) – советский и российский экономист, политик. Участник рабочих групп по созданию экономических программ «500 дней» и «Согласие на шанс» в 1990–1991 годах, лидер политической партии «Яблоко» в 1993–2008 годах.

Явлюхин, Николай Борисович (р. 1949) – советник посольства РФ в Лондоне в 1994 году.

Язов, Дмитрий Тимофеевич (р. 1924) – министр обороны СССР в 1987–1991 годах, член ГКЧП в августе 1991 года.

Яковлев, Александр Николаевич (1923–2005) – советский политический деятель, один из главных идеологов перестройки. Посол СССР в Канаде в 1973–1983 гг., директор ИМЭМО АН СССР в 1983–1985 гг., заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС в 1985–1986 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1987–1990 гг.

Яковлев, Владимир Анатольевич (р. 1944) – российский политический и государственный деятель, Губернатор Санкт-Петербурга в 1996–2003 гг., Министр регионального развития РФ в 2004–2007 гг., президент Российского союза строителей (РСС) с 2009 г.

Ямадаев, Сулим Бекмирзаевич (1973–2009) – российский военный деятель, подполковник (2005; с 2008 – в запасе). Командир батальона «Восток» 291-го мотострелкового полка 42-й гвардейской мотострелковой дивизии Рос-

сийской армии в 2003–2008 гг. Участник Первой и Второй чеченских и российско-грузинской войн. Был сторонником Д. Дудаева, в начале Второй Чеченской войны перешел на сторону федеральных войск. Герой Российской Федерации. Убит в Объединенных Арабских Эмиратах в результате покушения.

Янаев, Геннадий Иванович (1937–2010) – вице-президент СССР в 1990–1991 годах, член ГКЧП в августе 1991 года.

Ясин, Евгений Григорьевич (р. 1934) – советский и российский экономист, заведующий отделом Государственной комиссии по экономической реформе при Совете Министров СССР в 1989–1991 годах, член рабочей группы по созданию программы «500 дней» в 1990–1991 годах. Министр экономики РФ в 1994–1997 годах. Научный руководитель Высшей школы экономики с 1998 года по настоящее время.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аббас М. – 695, 697, 709, 741
Абдраббо Я. – 38, 293, 709
Абдулатипов Р.Г. – 346, 709
Абдулла (Абдалла) бен Абдула-
зиз Аль Сауд – 106, 191, 709
Абрамович Р.А. – 436, 709
Абрамс Э. – 496, 497, 555, 709
Абу Бакр ас-Сиддик – 510
Авдеев А.А. – 210, 710
Ага Хан IV, Карим – 195, 710
Адамишин А.Л. – 179, 710
Адлер А. – 638, 710
Азиз Т. – 35, 85–89, 91, 93, 103,
105, 110, 111, 113–117, 257–259,
264, 266, 710
Айяд А. – 38, 705, 710
Акчурин Р.С. – 238, 711
Алекперов В.Ю. – 382, 711
Александр Михайлович – 415,
711
Александров-Агентов А.М. – 50,
711
Алешин Б.С. – 574, 711
Али ибн Абу Талиб – 711
Алиев Г.А. – 134, 711
Алилуева С.И. – 56
Аллен Р. – 688, 711
Аллилуева С.И. – 712, 745
Алферов Ж.И. – 712
Аляви И. – 537, 712
Амеронген О.В. фон – 317, 712

Андерс В. – 38, 712
Андреотти Д. – 95, 96, 712
Андропов Ю.В. – 45, 205, 712
Аннан К. – 262–264, 266, 391,
392, 504, 515, 520–522, 712
Аньелли С. – 263, 712
Арафат (Абу Аммар) Я. – 38, 39,
88, 712
Арбатов А.Г. – 67, 713
Арбатов Г.А. – 45, 46, 52, 55, 713
Ардзинба В.Г. – 283, 294, 661,
713
Аристотель – 558, 713
Арнетт П.Г. – 112, 713
Асад Б. – 697, 698, 713
Асад Х. – 93, 102, 713
Аслаханов А.А. – 349, 713
Аушев Р.С. – 345, 349, 447, 713
Афанасенко П. – 136, 714
Афанасьевский Н.Н. – 210, 241,
281, 283, 714

Б

эль-Барадеи, Мохаммед – 680,
714
Багров Н.В. – 139, 714
Аль-Баз У. – 41, 714
Бажора А. – 21, 714
Байерли Д. – 668, 675, 714
Бакагин В.В. – 138, 141, 143–
145, 152, 714
Бараев А.А. – 350, 714
Барак Э. – 634, 697, 714

- Барановский В.Г. – 473, 714
Барзани И. – 715
Барзани Масрур – 544, 715
Барзани Масуд – 540, 543, 544, 715
Барзани Мулла Мустафа – 35, 275, 539, 540, 543–545, 715
Барзани Н. – 541, 544, 715
Барщевский М.Ю. – 715
Басаев Ш.С. – 342–345, 350, 352, 353, 715
Батиста Ф. – 196, 715
Батлер Р. – 254, 255, 261, 266, 268–271, 530, 715
Бахугашвили М.А. – 715
Бегин М. – 38, 716
Бейкер Д. – 97, 98, 135, 137, 220, 500, 536, 538, 688, 708, 716, 723, 731
Бейлин Ю. – 293, 716
Беланже Ж. – 356, 357, 360, 716
Белл К. – 487, 716
Белоусов А.Р. – 716
Белоусов И.С. – 88, 716
Беляев Е.А. – 22, 23, 716
Беляев И.П. – 39, 45, 46, 716
бен Ладен У. – 41, 68, 274, 351, 511, 512, 518, 531, 548, 549, 739, 769
Бергер С.Р.С. – 260, 655–657, 688, 716
Березовский Б.А. – 328, 345, 346, 412, 419, 429, 430, 435, 436, 438–440, 449, 716
Берия Л.П. – 24, 165, 168, 169, 717, 744
Берлингс О. – 166–169, 717
Берлускони С. – 633, 717
Бессмертных А.А. – 99, 108, 138, 209, 221, 717
Бешлосс М. – 94, 717
Бжезинский З. – 68, 242, 605, 688, 701, 717
Биаллер (Бялер) С. – 717
Биньон М. – 671, 717
Блаватник Л.В. – 614, 717
Блейк Д. – 186, 187, 718
Блэр Э. – 386, 387, 718
Бовин А.Е. – 45, 52, 718
Богданчиков С.М. – 330, 718
Бокарева (Примакова) И.Б. – 22, 718
Болдин В.И. – 130, 718
Болтон Дж. – 722
Боос Г.В. – 326, 360, 718
Бордюжа Н.Н. – 410, 434–436, 663, 718
Брегель Э.Я. – 23, 718
Брежнев Л.И. – 46–49, 52, 718
Брейтвейт Р. – 177, 178, 719
Броз Тито И. – 27–30, 276, 647, 719
Бронштейн М.Л. – 127, 719
Будкер Г.И. – 719
Булгак В.Б. – 301, 719
Бурджанадзе Н.А. – 669, 719
Бурлацкий Ф.М. – 45, 719
Бутков М.В. – 180, 181, 719, 720
Буткова-Ньюмен Буткова-Ньюмен (Гремицких) М.Н. – 180, 720
Буш Б. – 87
Буш Джэб – 555, 720
Буш-младший Дж. – 97, 494, 495, 498, 500–502, 519, 523, 535, 538, 627, 635, 668, 672, 673, 675, 681, 682, 694, 695, 697, 708, 720, 762
Буш-старший Дж. – 69, 87, 93, 94, 97–99, 101, 108, 110, 115, 116, 135–137, 173, 202, 274, 493, 495, 496, 499–501, 503, 505, 506, 519, 523, 536, 538, 546, 548, 555, 628–630, 650, 652, 671, 683, 707, 709, 720
Быков О.Н. – 67, 475, 720

В

- Валенса Л. – 216, 720
Василиу Г. – 108, 720
Васильев В.А. – 720
Васильев И.К. – 23, 720
Ваэзи М. – 193, 194, 720
Вебстер (Уэбстер) Н. – 557, 720
Ведрин Ю. – 721
Вексельберг В.Ф. – 614, 721
Велаяти А.А. – 193, 194, 681, 721
Велихов Е.П. – 65, 721
Вершбоу А. – 241, 721
Вилсон Д. – 496, 721
Вишневская Г.П. – 753
Волчек Г.Б. – 333, 722
Вольский А.И. – 141, 721
Вольф М. – 203, 204, 721
Воронцов М.А. – 175, 209, 722
Воронцов Ю.М. – 99, 209, 229, 234, 241, 246, 247, 722
Вулси Р.Д. – 172–174, 722
Вулфенсон Д. – 362, 722
Вулфовиц П. – 154, 495, 496, 499, 503, 506, 722
Вурмсер Д. – 499, 722
Вэник Ч.А. – 497, 722, 726
Вэнь Цзябао – 696, 722
Вяхирев Р.И. – 382, 722

Г

- Гайдар Е.Т. – 308, 364, 722
Гайдук – 181, 723
Гамильтон Л.Х. – 536, 708, 723, 731
Гамсахурдия З.К. – 674, 723
Ганди И. – 747
Гевара Э.Ч. – 196, 723
Гейвандов К.Е. – 150, 723
Гейтс Р. – 171, 536, 639, 640, 692, 723
Гелбард Роберт С. – 281, 723
Генералов С.В. – 405, 723

- Герашенко В.В. – 301, 302, 382, 723
Гитлер А. – 167–169, 203, 534, 723
Глушко В.П. – 53, 723
Гор А. – 268–271, 296, 363, 365–367, 371, 372, 378, 380, 381, 383–385, 392–395, 724, 762
Горбачев М.С. – 22, 47, 48, 54, 63–66, 69–73, 78, 79, 83, 87–89, 93, 94, 98, 99, 101, 105, 108, 110, 111, 114, 115, 119, 123–128, 130, 131, 135–139, 141–143, 145, 146, 220–222, 404, 477, 478, 497, 498, 717, 724, 729, 751, 766, 768
Гордиевский О.А. – 183, 706, 724
Грачев П.С. – 337, 339, 340, 343, 348, 724
Греф Г.О. – 568, 724
Гринспен А. – 533, 724
Гришин В.В. – 52, 724
Громыко А.А. – 204, 205, 724
Грэм-младший Т. – 627, 688, 724
Гуджрал И.К. – 212, 724
Гургенов В.И. – 151, 153, 178, 725
Гурриа Х.А. – 212, 725
Густов В.А. – 301, 725
Гэлбрейт Д.К. – 725

Д

- д'Алема М. – 388, 725
Давид IV Агмашенебели (Давид-строитель) – 21, 725
Даллес Д.Ф. – 30, 725
Даян М. – 38, 643, 725
Дворкович А.В. – 725
де Голль Ш. де – 392, 621, 724
Дель Понте К. – 398, 725
Дельгадо Э. – 195, 725

Джабер III аль-Ахмад аль-Джабер ас-Сабах – 725

Джексон Г.М. – 497, 726

Джереджян Э. – 726

Джефферсон Т. – 295, 726

Джуканович М. – 726

Джумблат В. – 39, 726

Джумблат К. – 39, 726

Джунди А.К. – 35, 36, 726

Дзасохов А.С. – 345, 726

Дзержинский Ф.Э. – 170, 726

Димитров Г.М. – 232, 726

Дини Л. – 211, 263, 727

Донован Х. – 58, 727

Достоевский Ф.М. – 17, 727

Дудаев Д.М. – 335, 336, 338–340, 342, 351, 727, 772

Дума В.М. – 330, 727

Дьяченко (Юмашева) Т.Б. – 297, 302, 407–409, 435, 436, 727

Дэвис Л.Э. – 241, 245, 247, 727

Дэн Сяопин – 70–72, 727

Е

Егоров Н.Д. – 339, 340, 343, 727

Ельм-Валлен Л. – 212, 727

Ельцин Б.Н. – 119, 125–127, 138, 139, 141, 143, 145–147, 152, 153, 163, 173, 199, 201–204, 215–218, 224, 225, 234, 237–240, 244, 248, 249, 256, 257, 259, 262–264, 266, 267, 295–299, 302, 304, 308, 311, 328, 335, 336, 338, 340–342, 344, 345, 355, 362, 365, 385, 386, 388, 396, 401, 402, 404, 406–413, 415, 417, 418, 420, 421, 432–438, 440–444, 446, 450–453, 455, 456, 478, 481, 707, 711, 727, 728

Ельцина Н.И. – 238, 728

Елютин В.П. – 27, 53, 728

Ерин В.Ф. – 337, 339, 340, 343, 728

Есенин С.А. – 16, 728

Есин В.И. – 634, 728

Ефремов О.Н. – 333, 334, 728

Ж

Жириновский В.В. – 299, 728

Жмайель А.П. – 39, 728

Жмайель Б. – 728

Жолио-Кюри Ф. – 728

Жордания Н.Н. – 21, 729

Журкин В.В. – 55, 59, 729

З

Загладин В.В. – 138, 729

Задорнов М.М. – 311, 355, 356, 360, 433, 729

Зайцев В.П. – 150, 151, 729

Замятин Л.М. – 99, 729

Захаров М.А. – 333, 729

Зеруаль Л. – 729

Зубаков Ю.А. – 133, 210, 211, 302, 303, 661, 729

Зубков В.А. – 583, 729

Зурабов М.Ю. – 461, 730

Зуэйн Ю. – 36, 730

Зюганов Г.А. – 404, 730

И

Иакову Г. – 730

Ибн Сина (Авиценна) – 558, 730

Иванов И.С. – 211, 265, 267–269, 285, 381, 388, 393, 395, 730

Иванов С.Б. – 645, 730

Ивашов Л.Г. – 241, 398, 730

Икэда Ю. – 212, 730

Илларионов А.Н. – 731

Илларионов С. – 181, 731

Илюшин – 18, 731

Иноземцев Н.Н. – 33, 34, 46, 47, 49–52, 731

Иноки М. – 60, 731
Исрапилов Х.-П.Г. – 345, 731
Ишингер В.Ф. – 280, 283, 284,
731

Й

Йост Ч. – 58, 731

К

Каверин С.Н. – 28, 731
Каган Ф. – 672, 673, 731
Кадафи М. – 341, 342, 732
Кадыров А.А. – 351, 352, 732
Кадыров Р.А. – 352, 353, 732
Калинин А.И. – 198, 732
Калинин М.И. – 232, 732
Калмыков Ю.Х. – 337, 732
Калугин О.Д. – 151, 152, 732
Камдессю М. – 354–362, 377,
732
Камингс Б. – 656, 732
Караганов С.А. – 67, 733
Караджич Р. – 650, 733
Караме Р. – 39, 733
Карасин Г.Б. – 210, 733
Кардозу Ф.Э. – 733
Карзай Х. – 549–551, 733
Картер Д.Э. – 491, 733
Кастро Р. – 195, 198, 733
Кастро Ф. – 195–200, 733
Касьянов М.М. – 325, 378, 733
Катушев К.Ф. – 133, 733
Качиньский Л. – 636, 734
Квасьневский А. – 636, 734
Квашнин А.В. – 267, 592, 734
Квелидзе Г. – 21, 734
Квелидзе С. – 21, 734
Келдыш М.В. – 54, 734
Кеннеди Дж. – 734, 745
Кеннеди П. – 714
Кеннеди Э. – 59, 734
Ким Ир Сен – 26, 232, 683, 734
Кинкель К. – 202, 211, 226, 277,
279, 280, 283, 284, 734

Кириенко С.В. – 159, 295, 297,
370, 378, 734
Киров С.М. – 760
Кирпиченко В.А. – 149–151, 153,
734, 735
Кирпиченко В.Н. – 149, 735
Кирпиченко С.В. – 91, 735
Киршенблат А.Я. – 16
Киршенблат Д.А. – 17, 735
Киршенблат М.Д. – 17, 735
Киршенблат Ф.Я. – 17, 735
Киршенблат Я.Д. – 735
Киссинджер Г. – 207, 287, 290,
487, 501, 639, 646, 687, 735
Клинтон Б. – 159, 171, 172, 174,
200, 215, 227, 229–231, 234,
237–240, 244, 249, 257, 267,
293, 365, 367, 369, 371–373,
387, 390, 495, 499, 501, 519,
520, 555, 655, 671, 678, 683,
735
Кобулов А.З. – 165–169, 735
Козак Д.Н. – 661, 735
Козырев А.В. – 202, 206, 207,
217, 736
Колби У. – 182, 736
Колесниченко С.Я. – 175, 736
Колесниченко Т.А. – 174, 175,
736
Коллинз Д.Ф. – 219, 269, 348,
736
Коломе А.И. – 195, 736
Коль Г. – 220, 221, 226, 249,
390, 391, 736
Корабельников В.В. – 388, 736
Корнблум Д. – 241, 736
Корниенко Г.М. – 65, 736
Корнуэлл Д.Д.М. – 179, 180, 736
Косачев К.И. – 381, 638, 736
Костиков В.В. – 218, 737
Котти Ф. – 212, 737
Кравчук Л.М. – 478, 737
Крестинский Н.Н. – 40, 737

Кристофер У. – 212–216, 224,
225, 228–230, 241, 245, 688,
737

Крузе М. – 557, 737

Крылов С.Б. – 210, 219, 737

Крэддок Б.Д. – 737

Крючков В.А. – 93, 108, 737

Кудрин А.Л. – 582, 737

Кузнецов А.И. – 408, 738

Кузнецов В.В. – 35, 738

Кузнецов Е.С. – 342, 738

Кук Д.О. – 241, 263, 738

Кук Р. – 259, 260, 738

Кукава П.З. – 20, 738

Кулак А.И. – 148, 738

Кулиджанов Е.Д. – 17, 738

Кулиджанов Л.А. – 17, 738

Кулик Г.В. – 301, 402, 447, 739

Куликов А.С. – 238, 344, 739

Купчан К. – 672, 739

Кэй Д. – 531, 739

Л

Лахе К. – 195, 198, 739

Лебедев В.С. – 31, 32, 180, 739

Левин К. – 639, 739

Лейк Э. – 229, 739

Ленин (Ульянов) В.И. – 27, 28,
43, 119, 489, 516, 739

Леонтович М.А. – 53, 739

Леонтьев В.В. – 51, 740

Лец С.Е. – 143, 740

Либби Л. – 496, 499, 555, 740

Лобов О.И. – 343, 740

Лодал Й.М. – 241, 740

Ломоносов М.В. – 25, 740

Лофгрэн У.С. – 176, 740

Лужков Ю.М. – 347, 348, 447,
448, 740

Лукин В.П. – 172, 740

Лукьянов А.И. – 130, 139, 740

Лучинский П.К. – 139, 140, 741

Лысенко А.И. – 172, 176, 741

Льюис Б. – 496, 499, 556, 741

Люциус (Ликуис) – 167, 741

М

Мазен А. – 38, 741

Макиавелли Н. – 400, 741

Маккейн Д. – 674, 675, 741

Маккормак Ш. – 638, 741

Маклафлин Д. – 741

Маклейн Д. – 185, 742

Макнамара Р. – 64, 688, 742

Малашенко А.В. – 514, 742

Маленков Г.М. – 24, 742

Аль-Малики Н. – 541, 546, 742

Малиновский Р.Я. – 29, 742

Мамедов Г.Э. – 210, 229, 234,
241, 269, 742

Мао Цзэдун – 24, 232, 742

Маркарян Р.В. – 210, 229, 302,
303, 742

Мартынов В.А. – 78, 742

Маршалл-младший Д.К. – 134,
317, 587, 706, 742

Маслюков Ю.Д. – 133, 295, 300,
360, 377, 402, 404, 743

Масуд А.Ш. – 190, 743

Масхадов А.А. – 341, 344–346,
349–353, 707, 743

Матвиенко В.И. – 81, 301, 743

Машааль Х. – 698, 743

Медведев В.А. – 128, 743

Медведев Д.А. – 565, 566, 574,
576, 594, 604, 619, 636–638,
666, 667, 743

Меир Г. – 38, 643, 743

Мейджор Д. – 221, 743

Меркель А. – 630, 631, 744

Меркулов В.Н. – 168, 744

Микоян А.И. – 198, 199, 744, 759

Милошевич С. – 275, 276, 278,
281, 282, 381, 385–393, 398,
399, 647, 652, 744, 746

Милутинович М. – 278, 279, 744

Мильнер Б.Н. – 744

Мистура С. ди – 543, 744
Миттеран Ф. – 93, 96, 105, 221, 744
Михайлов Г.А. – 513, 744
Моватт-Ларсен Р. – 744
Моисеев Н.Н. – 561, 693, 694, 745
Молотов В.М. – 24, 134, 167, 168, 745
Мондейл У. – 491–494, 745
Моран Ч.У. – 55, 745
Морозов Г.И. – 56, 745
Мубарак Х. – 41, 93, 102, 341, 631, 698, 714, 745
Муса А.М. – 508, 698, 745
Муфти А. – 541, 745
Мухаммед Омар (Мулла Омар) – 548, 549, 746
Мухитдинов Н.А. – 29, 746
Мушарраф П. – 658, 746
Мюллер Г. – 167, 746
Мюллер З. – 166–169, 746

Н

Назарбаев Н.А. – 478, 663, 746
Найс Д. – 398, 746
Накасонэ Я. – 60, 61, 746
Насер Г.А. – 35, 36, 38, 39, 46, 62, 287, 293, 746
Наумкин В.В. – 558, 746
Немченко – 33, 747
Неру Д. – 27, 747
Нетаньяху Б. – 409, 747
Никсон Р. – 206, 207, 495, 674, 747
Нимейри Д.М. – 37, 747
Нишанов Р.Н. – 80, 81, 139, 747
Норт Д. – 747
Нури С.А. – 191–193, 546, 747

О

Обути К. – 356, 747
Одэ-Васильева К.В. – 23, 720, 747

Окуневская Т.К. – 20, 748
Олбрайт М. – 175, 212, 229, 231, 233, 234, 239–247, 251, 256, 259, 260, 263, 264, 269, 273, 274, 279, 281, 367, 371, 373, 374, 393, 395, 397, 446, 530, 644, 648, 683, 688, 748
Ольмерт Э. – 291, 695, 697, 748
Осипов Ю.С. – 365, 456, 748
Ощенко В.А. – 181, 748

П

Панов А.Н. – 210, 748
Пастухов Б.Н. – 211, 440, 748
Пауэлл К. – 493, 501, 520, 538, 688, 748
Пеньковский О.В. – 182, 183, 749
Перес Ш. – 38, 749
Перл Р. – 495, 497–499, 501, 520, 749
Петр I – 620, 749
Петров Г.Г. – 473, 749
Пеши Р. – 714
Пиебалгс А. – 623, 749
Пиотровский М.Б. – 173, 749
Плейм В. – 721, 740
Плеханов Г.В. – 21, 749
Полозков И.К. – 122, 750
Попова Е.В. – 473, 750
Посувалюк В.В. – 103, 112, 210, 262, 264, 267, 750
Примаков А.Е. – 27, 60, 204, 750
Примаков А.Я. – 17, 750
Примаков Е.А. (Евгений Сандро) – 403, 750
Примакова А.Я. – 16, 294, 735, 750
Прихня О.В. – 19, 750
Проди Р. – 263, 750
Пуго Б.К. – 139, 140, 750, 751
Пуго В.И. – 139, 140, 751

Путин В.В. – 11, 84, 273, 347, 348, 352, 378, 390, 418, 449–460, 463–468, 565–567, 570, 574, 576, 581, 583, 586, 590, 595, 601, 618, 619, 629, 630, 635, 636, 639, 651, 665, 673, 680–682, 689, 692, 696, 697, 751, 765

Р

Раббани Б. – 190, 751
 Рабин И. – 751
 Райс К. – 97, 476, 497, 501, 605, 639, 641, 644, 651, 668, 675, 681, 682, 689, 692, 695, 696, 751
 Рамадан Т.Я. – 104, 751
 Рамсфелд Д. – 498, 501, 506, 519, 538, 555, 751
 Рар А.Г. – 617, 751
 Рассел Б. – 57, 751
 Рафсанджани Х.А. – 193, 751
 Рахмон – 191–193, 751
 Резун В.В. – 184, 185, 752
 Рейган Р. – 64, 66, 69, 497–499, 519, 555, 752
 Рейснер Л.И. – 557, 752
 Риббентроп И. фон – 167, 168, 752
 Риджуэй Р.Л. – 66, 752
 Риттер С. – 271, 530, 752
 Рифкинд М. – 226, 752
 Робеспьер М. – 516, 752
 Рогозин Д.О. – 752
 Родригес Х.Л. – 195, 752
 Розенберг Э. – 164, 752
 Розенберг Ю. – 164, 752
 Рокфеллер Д. – 58, 59, 753
 Рокфеллер Дж. Д. – 753
 Рольф Д. – 171, 176, 753
 Рорабакер Д. – 668, 753
 Росс Д. – 97, 753
 Россель Э.Э. – 382, 753
 Ростропович М.Л. – 42, 753

Ругова И. – 278, 281, 392, 647, 753
 Рузвельт Ф.Д. – 317, 335, 600, 753
 Румянцев А.М. – 43, 44, 46, 753
 Руцкой А.В. – 142, 754
 Рыбкин И.П. – 339, 754
 Рыжков Н.И. – 48, 93, 398, 754
 Рю Хаку – 61, 62, 754

С

Саакашвили М.Н. – 631, 651, 667–675, 754
 Сабах IV аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах – 754
 Садаг А. – 38–40, 62, 754
 ас-Садр М. – 537, 754
 Саймс (Симис) Д.К. – 206, 207, 674, 675, 754
 Салтанов А.В. – 696, 755
 ас-Самараи – 546, 755
 Саммерс Л. – 363, 367, 755
 Саркози Н. – 630–632, 666, 755
 Сатюков П.А. – 34, 755
 Сауд аль-Фейсал – 40, 106, 107, 112, 755
 Сафайр У. – 209, 755
 Сахаров А.Д. – 42, 53, 54, 755
 ас-Сахаф М.С. – 257, 755
 Сазки К. – 60, 755
 Сейджман М. – 508, 756
 Селезнев Г.Н. – 412, 756
 Сергеев И.Д. – 388, 756
 Сердюков А.Э. – 756
 Сестанович С. – 348, 756
 Силаев И.С. – 141, 142, 756
 Ситарян С.А. – 25, 26, 133, 134, 138, 756
 Скарлетт Д. – 177, 178, 180, 757
 Скотт Х. – 58, 271, 757
 Скоукрофт Б. – 87, 97, 98, 500, 523, 538, 740, 757
 Скринский А.Н. – 757
 Скуратов Ю.И. – 417–419, 757

Слаттер Э. – 177, 757
Солана Х. – 224, 227, 228, 231–
233, 247, 248, 250, 757
Солженицын А.И. – 42, 757
Сондерс Г. – 58, 757
Сорос Д. – 328, 605, 757
Спектер М. – 472, 758
Сталин И.В. – 18, 24, 27, 28, 30,
43, 44, 48, 56, 165–169, 186,
209, 516, 712, 717, 758
Степашин С.В. – 339, 341, 343,
346, 378, 414, 429, 430, 444,
758
Султан ибн Абдул-Азиз – 758
Сунуну Д.Г. – 98, 758
Суслов М.А. – 37, 43, 44, 758
Суэцугу И. – 59, 60, 758
Сысуев О.Н. – 413, 434, 758

Т

Табара Р. – 499, 759
Талабани Д. – 539, 543, 759
Твардовский А.Т. – 74, 759
Тенет Д. – 496, 759
Тит Ливий – 741
Титов К.А. – 382, 759
Ткаченко – 31, 32, 759
Трапезников С.П. – 52, 759
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. –
516, 759
Трубников В.И. – 152, 153, 176,
204, 381, 388, 759
Туманян А.Л. – 744, 759
Тураджонзода Х.А. – 193, 759
Тургенев И.С. – 42, 759
Турок-Попов В.М. – 760
Тэйки Р. – 561, 760
Тэлботт (Ширер) Б.Л. – 234,
760
Тэлботт С. – 94, 219, 229, 234,
241, 246, 367–369, 371–373,
377, 380, 382, 644, 760
Тэтчер М. – 99–101, 760

У

Удугов М.С. – 346, 760
Ульяновский Р.А. – 32, 46, 760
Умар (Омар) ибн аль-Хаттаб
аль-Фарук – 345, 760
Уолт С. – 552, 674, 761
Усман (Осман) ибн Аффан – 761
Устинов Д.Ф. – 205, 761
Ушаков Ю.В. – 382, 761

Ф

Фахд ибн Абдул-Азиз – 40, 93,
106, 761
Федоров Б.Г. – 324, 365, 761
Федоров Н.В. – 142, 761
Федосеев П.Н. – 46, 761
Фейс Д. – 495, 496, 499, 506, 761
Фейсал ибн Абдул-Азиз – 761
Фейсал С. – 762
Фейхтвангер Л. – 16, 762
Ферт Л. – 381, 382, 762
Филипс Д. – 672, 762
Философ – 166, 762
Фитин П.М. – 169, 762
Фолл Б. – 177, 178, 762
Форд-первый Г. – 485, 578, 762
Фрам Д. – 498, 502, 506, 507,
762
Франко М. – 615, 762
Фридман М.М. – 614, 762
Фридрих II Великий – 84, 762
Фукуяма Ф. – 554–556, 700, 762
Фултон Э. – 178, 179, 763

Х

Хабаров Г.А. – 246, 763
Хаббард Ф. – 201, 763
Хаджиев С.Н. – 340, 763
Халонен Т. – 212, 213, 763
Хан Г.Б. – 195, 614, 763
Ханджян А.Г. – 705, 763
Хантингтон С.Ф. – 554–556,
560, 763

Харадзе Л.В. – 26, 74, 763
 Харадзе Н.В. – 58, 763
 Харнак А. – 168, 763, 770
 Хасан II – 41, 341, 764
 Хасан ибн Талал – 764
 аль-Хаттаб, Амир ибн (Самер Салех ас-Сувейлем) – 345, 764
 Хекматияр Г. – 549, 764
 Хелмс Р. – 764
 Хемингуэй Э. – 764
 Херд Д. – 221, 764
 Хики Д. – 714
 Хилл К. – 283, 764
 Ходжа Э. – 29, 193, 764, 768
 Ходорковский М.Б. – 382, 454, 569, 765
 Холбрук Р. – 280, 381, 383, 384, 765
 Хонеккер Э. – 203, 765
 Хрущев Н.С. – 24, 29–32, 199, 644, 739, 765, 770
 Хусейн бин Талал – 764
 Хусейн ибн Талал – 765
 Хусейн С. – 35, 37–41, 84–96, 98, 100–106, 108–111, 113, 114, 116, 117, 202, 257, 262, 264, 266, 269–274, 499, 530, 531, 533–535, 538, 539, 542, 710, 765
 Хэдли С. – 497, 640, 765

Ц

Цзян Цзэминь – 409, 766

Ч

Чайка Ю.Я. – 766
 Чамов В.В. – 766
 Чаушеску Н. – 222, 766
 Чейни Д. – 495, 496, 500, 501, 538, 555, 633, 672–674, 697, 766
 Чернавин В.Н. – 21, 766
 Черномырдин В.С. – 159, 295–297, 339, 355, 365, 378, 396, 397, 404, 766

Черняев А.С. – 110, 128, 138, 139, 766
 Черчилль У. – 745, 766
 Чжу (Чжа) Пэйсинь – 26, 27, 767
 Чубайс А.Б. – 324, 364, 405, 767

Ш

Шаликашвили Д. – 154, 239, 767
 Шамун Д. – 767
 Шамун К.Н. – 39, 150, 767
 Шапошников Е.И. – 338, 767
 Шарет М. – 293, 767
 Шаретт Э. де – 211, 226, 767
 Шарон А. – 291, 767
 Шаталин С.С. – 128, 767
 Шахназаров Г.Х. – 128, 139, 768
 Шваков А.В. – 29, 768
 Швейч Т. – 550, 551, 768
 Швецова Л.И. – 82, 768
 Шебаршин Л.В. – 152, 768
 Шеварднадзе Э.А. – 58, 65, 66, 70, 73, 88, 93, 94, 221, 294, 348, 661, 768
 Шевченко В.Н. – 297, 443, 446, 452, 768
 Шеху М. – 30, 768
 Шиманский Д.В. – 473, 768
 Ширак Ж. – 226, 228, 241, 248, 249, 262, 267, 268, 355, 387, 388, 391, 507, 629, 630, 769
 Широян С.Г. – 22, 769
 Шишлин Н.В. – 45, 769
 Шмидт – 23, 769
 Шмидт Г. – 512, 632, 769
 Шойгу С.К. – 769
 Шоу С. – 714
 Шозр М. – 512, 769
 Шредер Г. – 355, 388, 390, 391, 409, 536, 629, 630, 641, 769
 Шредер Э. – 769
 Штебе И. – 168, 769
 Шувалов И.И. – 769

Шуйский Г.Т. – 31, 32, 770
Шульц Б.Х. – 168, 770
Шульц Д. – 687, 770
Шушкевич С.С. – 478, 662, 770

Щ

Щербаков В.И. – 133, 135, 138,
770

Э

Эймс О. – 173–177, 738, 770
Эйнштейн А. – 57, 252, 770
Экеус Р. – 254, 770
Эксуорси Л. – 211, 493, 770
Эргеч С. – 542, 770
Эрмарт Ф. – 154, 770
Эрхард Л. – 317, 771

Ю

Юмашев В.Б. – 297, 409, 433–
436, 771
Ющенко В.А. – 631, 646, 771
Ющук Р.В. – 179, 771

Я

Явлинский Г.А. – 134–136, 301,
771
Явлюхин Н.Б. – 178, 771
Язов Д.Т. – 108, 221, 771
Яковлев А.Н. – 52, 63, 128, 771
Яковлев В.А. – 382, 447, 771
Ямадаев С.Б. – 351, 771
Янаев Г.И. – 140, 772
Ясин Е.Г. – 128, 772

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абхазия – 63, 339, 646, 660, 661, 667, 668, 676, 713
Австралия – 250, 254, 487, 546, 706, 715
Австрия – 409, 624, 632, 760
Азербайджан – 339, 624, 635, 639, 662, 711
Азиатско-Тихоокеанский регион – 76, 409, 486, 706, 748
Азия – 33, 488, 496, 513, 622–625, 643, 653–658, 696, 713, 716, 732, 748, 756, 764, 765
Албания – 29–32, 277, 280, 281, 394, 396, 527, 648, 650, 652, 759, 765, 768
Александрополис – 623
Алжир – 341, 729
Амман – 38, 88, 257
Амурская область – 76
Анбар – 536
Анкара – 542, 662
Аннаполис – 696–699
Арабский Восток – 511, 558, 716
Аравийская пустыня – 96
Аравийский полуостров, Аравия – 28, 40, 86, 90, 93, 101, 102, 105–107, 144, 162, 204, 256, 273, 507, 509, 511, 695, 709, 755, 758, 761, 764

Арктика – 608
Армения – 17, 606, 663, 763
Афганистан – 67, 68, 150, 188–195, 205, 351, 358, 374, 465, 507, 508, 515, 518, 527, 534, 548–551, 563, 641, 654, 671, 701, 722, 729, 733, 743, 746, 748, 751, 760, 764, 768
Африка – 33, 342, 488, 497, 525, 716, 721, 736, 741, 750
Ахмета – 348
Ахметский район – 348

Б

Багдад – 35, 38, 39, 84–89, 92, 93, 101, 103, 105, 108–117, 258–268, 272–274, 496, 531, 534, 536–541
Бадахшан – 195
Баку – 16, 21, 294, 303, 622–624, 635
Балканы – 281, 651
Балтийское море, Балтика – 610, 615, 630
Балтия, Прибалтика – 159, 166, 251, 427, 586, 616, 621, 641, 661, 673
Бальбек – 142
Барраж – 39
Батуми – 623
Бахрейн – 256

Бахтаран (Керманшах) – 111, 115
Башкортостан, Башкирия – 132, 514
Бейрут – 35, 150, 288, 291
Белград – 20, 28, 151, 276–283, 285, 380, 381, 383, 384, 386–392, 394–398, 648–650, 652
Беловежская Пуща – 478
Белоруссия, Беларусь – 212, 319, 357, 466, 477, 478, 606, 659, 662–665, 770
Бельгия – 181, 616, 632, 714
Берлин – 51, 165, 166, 169, 186, 209, 226, 632, 735, 753
Берн – 176
Беслан – 353, 516
Ближний Восток – 34, 40, 41, 45, 58, 62, 87, 93, 95, 97, 98, 144, 172, 174, 179, 230, 257, 287, 289, 290, 292, 294, 342, 488, 495–499, 503, 507, 535, 545, 556, 631, 641, 654, 679, 694, 696, 698, 699, 710, 716, 741, 747, 750, 755, 757
Болгария – 30, 212, 236, 623, 624, 643, 710, 727
Бонн – 145, 204, 279, 280, 388–391
Босния и Герцеговина – 275, 276, 650
Босфор – 623
Бразилия – 259, 488, 733
Брюссель – 235, 248, 623, 632, 647
Будапешт – 673
Буденновск – 296, 342–344, 715
Бургас – 623
Бухарест – 631, 662
Бушер – 374

В

Ванкувер – 637
Варшава – 216

Вашингтон – 64, 67, 68, 85, 86, 96–98, 135, 144, 171, 172, 176, 206, 209, 213, 215, 224, 233–235, 242, 267–269, 273, 287, 361, 363, 369, 372, 374, 380–384, 465, 476, 479, 482, 487, 499, 517, 521, 522, 535, 537, 549, 552, 617, 623, 624, 627–629, 632, 634, 635, 638–641, 643, 646, 647, 652, 656–658, 667, 669–671, 675, 677, 683, 696, 699, 726, 741
Ведено – 345
Великобритания, Англия – 148, 169, 177–181, 185, 187, 219, 221, 226, 256, 259, 260, 267, 278, 287, 386, 387, 422, 505, 546, 584, 616, 632, 648, 677, 682, 688, 708, 710, 717–720, 724, 729, 731, 733, 736, 738, 743, 748, 749, 752, 757, 760, 762–764, 766, 767
Вена – 227, 491
Венгрия – 45, 251, 624, 712
Владивосток – 637
Волыньское – 128
Восточная Азия – 732, 764, 765
Восточная Германия, ГДР – 170, 203, 204, 219, 220, 721, 752
Восточная Германия, ГДР – 220
Восточная Европа – 196, 216, 218, 221–224, 243, 364, 483, 620, 633–636, 638, 639, 641, 673, 706
Восточная Сибирь – 76, 77, 464, 592, 607, 608, 625
Восточный Берлин – 753
Восточный Иерусалим – 287
Восточный Тимор – 527
Вьетнам – 39, 68, 658, 705

Г

Гаага – 399, 650
Гавана – 195, 196

Газа, Сектор Газа – 287, 290,
291, 695, 698

Гандер – 384

Германия, ФРГ – 133, 166–169,
202, 203, 206, 219–221, 226,
241, 280, 284, 317, 365, 389,
391, 486, 505, 512, 525, 534,
536, 584, 615, 616, 629–632,
641, 648, 652, 653, 682, 706,
712, 723, 731, 734, 736, 737,
744, 746, 752, 764, 765, 769,
770

Голанские высоты – 287, 292,
697, 698

Гонконг – 484

Греция – 30, 301, 623, 740, 743

Грозный – 335, 337, 339, 340,
346, 349, 352

Грузия – 18, 21, 58, 59, 74, 120,
165, 173, 251, 344, 347, 348,
357, 439, 466, 606, 631, 636,
644, 646, 651, 660, 662, 663,
665–671, 674–676, 719, 723,
725, 729, 731, 754, 768

Гуантанамо – 520

Д

Давос – 363, 366, 367, 429

Дагестан – 339, 342, 345–347,
353, 709

Дальневосточный федеральный
округ – 593

Дальний Восток – 76–78, 121,
379, 464, 575, 579, 592, 619,
636

Дамаск – 35, 36, 39, 101, 103,
288, 698

Дания – 183, 616, 724, 740, 748

Дейтон – 650

Дели – 70, 259, 741

Джакарта – 225, 245

Джейхан – 623

Джидда – 105

Диала – 541

Душанбе – 189, 191, 192

Е

Евразия – 638, 663, 740, 751

Европа – 50, 55, 66, 69, 101, 129,
196, 216, 218, 221–224, 230,
243, 245, 247, 293, 351, 358,
364, 375, 388, 391, 478, 483,
492, 512, 558, 587, 597, 605,
607, 608, 611, 612, 615, 616,
618, 620–624, 626, 627, 629,
633–643, 652, 655, 673, 675,
681, 692, 693, 696, 706, 708,
712, 721, 729, 736, 737, 752,
760, 765

Европейский союз – 178, 223,
250, 292, 388, 484, 486, 505,
584, 605, 618, 620–622, 626,
627, 631–635, 642, 649, 655,
661, 695, 699, 757

Египет – 38, 41, 45, 46, 101, 102,
144, 212, 255, 287, 288, 290,
341, 507, 509, 631, 670, 695,
705, 714, 735, 745, 746, 754, 762

Екатеринбург – 15

Ереван – 17, 294, 705

Ж

Женева – 64, 65, 184, 212, 213,
239, 259, 752

З

Забайкалье – 303, 592

Залив Свиней, залив Кочинос –
196

Западная Европа – 50, 66, 69,
129, 364, 478, 483, 587, 621,
629, 640, 641, 667, 712

Западная Сибирь – 607, 608,
610, 712

Западный берег реки Иордан –
287, 290, 291, 695, 697

Зураулье – 121

И

- Иерусалим – 212, 287, 293, 697
Израиль – 97, 109, 111, 160, 287–294, 376, 495, 496, 498, 499, 512, 517, 563, 634, 643, 654, 670, 678, 679, 692, 695–698, 705, 714, 716, 718, 725, 726, 743, 747–749, 751, 767
Ингушетия – 336, 339, 345, 347, 349, 353, 447, 713
Индия – 69, 70, 73, 74, 160, 179, 212, 230, 250, 259, 293, 409, 467, 484, 509, 525, 578, 587, 625, 653, 656, 657, 678, 692, 722, 724, 740, 747, 759, 760
Иордания – 37, 39, 40, 287, 288, 499, 705, 764, 765
Ирак – 35, 38, 62, 84–91, 94, 95, 97–101, 103–107, 109–111, 113, 115–117, 151, 253–275, 292, 351, 373, 466, 492, 493, 496, 497, 499, 502, 503, 506, 507, 512, 515, 520, 521, 529–549, 552, 556, 563, 628, 629, 641, 652, 658, 681, 701, 705, 708, 710, 712, 715, 721, 723, 731, 739, 742, 744, 750–752, 755, 759, 762, 764–766, 770
Иракский Курдистан – 539–544, 715, 745
Иран – 62, 86, 91, 92, 111, 112, 114, 144, 191, 193, 194, 372–377, 495, 496, 502, 503, 535–537, 540, 563, 624, 625, 633–635, 640, 641, 654, 677, 679–683, 687, 697, 701, 708, 709, 720, 721, 739, 751, 764
Ирландия – 632
Исландия – 65
Испания – 196, 546, 632, 730, 757
Италия – 30, 95, 132, 168, 181, 211, 263, 388, 632, 633, 710, 712, 717, 725, 727, 731, 750

Й

Йонбен – 686

К

- Кабул – 68, 188–190, 193, 549
Кавказ – 347, 351, 464, 509, 599, 603, 635, 671, 674, 756, 760, 764
Казахстан – 134, 375, 619, 622, 625, 659, 663, 664, 746
Калининград – 462, 621
Камбоджа – 62
Каменный остров – 173
Канада – 46, 55, 196, 198, 211, 250, 365, 493, 713, 729, 736, 742, 752, 765, 767, 770, 771
Карабах, Нагорный Карабах – 194, 294, 659
Карелия – 464
Каспий, Каспийское море – 623
Кения – 255
Киев – 611, 612, 644–646, 662
Кизляр – 343, 731
Кипр – 108, 423, 720, 730, 740
Киргизия – 121, 625, 659, 663
Киркук – 541, 542
Китай, КНР – 22, 26, 69–72, 77, 212, 216, 250, 255, 256, 259, 293, 376, 409, 467, 471, 484–486, 509, 510, 520, 578, 579, 587, 608, 619, 625, 653, 655–658, 677, 680, 682–686, 688, 692, 722, 727, 742, 766, 767
Кишинев – 661
КНДР, Северная Корея – 77, 374, 502, 656, 658, 677, 683–687, 692, 734
Кондопога – 464
Констанца – 623
Косово, Косово и Метохия – 275–278, 351, 389, 391, 393, 395, 397, 515, 647–653, 707, 753

Крым – 141, 644
 Куала-Лумпур – 245, 268
 Куба – 195–200, 520, 715, 725,
 732, 733, 736, 739, 752
 Кувейт – 38, 85–92, 94, 95, 97,
 99, 100, 102–108, 110, 113–117,
 144, 254, 256, 538, 725, 754
 Кутаиси – 93

Л

Ларнака – 108
 Латвия – 477, 641, 662, 749, 750
 Латинская Америка – 198, 200,
 259, 467, 488, 525
 Ливан – 150, 290, 291, 499, 535,
 696, 708, 716, 726, 728, 733,
 740, 759, 767, 769
 Ливия – 91, 618, 741, 766
 Лион – 16, 225, 226, 762
 Литва – 477, 641, 662, 729
 Лондон – 99, 100, 137, 138, 177–
 179, 183, 278, 344, 361, 476,
 632, 719, 771

М

Мадинат-Садр, район Багдада –
 537
 Мадрид – 241, 249, 267
 Македония – 276, 283, 394, 650,
 764
 Малайзия – 352, 409
 Марокко – 257, 258, 341, 342,
 507, 764
 Масада – 90
 Массачусетс – 734
 Медина – 96
 Мекка – 96, 511, 513
 Мексика – 196, 212, 725
 Мещерино – 231, 232, 707
 Молдавия – 466, 606, 659, 661–
 663, 741
 Москва – 22, 26, 27, 31, 32, 36,
 40, 46, 51, 54–56, 60, 61, 64, 66,
 79, 85–87, 89, 93, 95, 99, 101,

103, 108, 110, 111, 114–117, 120,
 126, 137, 139–143, 145, 150, 167,
 171, 173, 175–180, 183, 185, 186,
 191, 192, 194, 195, 199, 203, 211,
 212, 215, 216, 220, 222, 224, 225,
 231, 237, 241–244, 247, 248,
 254, 257, 258, 263, 268, 269,
 281, 283, 284, 287, 290, 311, 321,
 346, 347, 355, 356, 361, 362,
 367, 369, 385–387, 391, 399,
 409, 415, 439, 446, 462, 472,
 478, 517, 518, 530, 539, 611, 612,
 615, 622, 624, 630, 645, 665,
 670–672, 675, 693, 696–699,
 701, 706, 716, 717, 740, 744, 753,
 757, 758, 768

Московская область – 769

Мюнхен – 161, 711, 751

Н

Находка – 625
 Нечерноземье – 121
 Нидерланды, Голландия – 422,
 616, 632
 Нижний Новгород, Горький –
 54, 728
 Никарагуа – 496
 Новая Зеландия – 250
 Новороссийск – 622, 623
 Новосибирск – 592
 Норвегия – 180, 219, 586, 587,
 618, 719, 748
 Нью-Гэмпшир – 705
 Нью-Дели – 73
 Нью-Джерси – 741
 Нью-Йорк – 88, 99, 144, 209,
 227–229, 240, 242, 250, 261,
 267, 268, 361, 382, 465, 472,
 506, 542, 550, 648, 668
 Нью-Хэмпшир – 174, 758

О

Объединенные Арабские Эми-
 раты, ОАЭ – 90, 91, 772

Одесса – 21, 717
 Оман – 37, 750
 Осло – 181, 290, 497
 Оттава – 181, 723

П

Пакистан – 160, 162, 230, 508,
 515, 534, 548, 563, 625, 654,
 658, 678, 692, 746, 756
 Палестина – 38, 88, 290, 294,
 499, 696, 709, 712, 741
 Панджшер – 190
 Париж – 95, 96, 105, 181, 226,
 241, 247, 249, 251, 262, 380,
 386, 632, 642, 769
 Пекин – 26, 71, 78, 256, 260,
 509, 672, 683, 685
 Пенсильвания – 508, 757, 770
 Персидский залив – 38, 84, 97,
 101, 105, 108–110, 118, 151, 680
 Польша – 216, 586, 616, 621,
 633–636, 639–641, 691, 714,
 717, 720, 734, 764
 Португалия – 632, 732
 Прага – 44, 222, 224, 225, 243,
 635
 Приднестровье – 236, 643, 659
 Приморский край – 76
 Приштина – 276, 281
 Пхеньян – 683–686

Р

Рамалла – 697
 Рамбуйе – 380, 386
 Рейкьявик – 64, 65, 498
 Рокский тоннель – 670
 Румыния – 222, 223, 236, 624,
 643, 662, 670, 766
 Рустави – 120

С

Самара – 321, 630, 758
 Самарра – 534

Санкт-Петербург – 171, 173, 321,
 447, 451, 597, 611, 740, 743, 771
 Сараево – 357
 Саудовская Аравия – 40, 86, 90,
 93, 101, 102, 105–107, 144, 162,
 256, 273, 507, 509, 511, 695,
 709, 755, 758, 761, 764
 Сахалин – 330, 610, 611, 613,
 614, 619, 708
 Сахалинская область – 76, 613
 Северная Африка – 342, 750
 Северная Дакота – 214
 Северная Осетия – Алания –
 345, 353, 726
 Северный Ирак – 542
 Северный Кавказ – 347, 351,
 464, 509, 599, 603, 635
 Северо-Восточная Азия – 427,
 655, 656, 670, 713
 Сербия – 275, 276, 278, 279, 386,
 394, 397, 399, 647–653, 744
 Сержень-Юрт – 345
 Сеул – 62, 683
 Сибирский федеральный округ –
 593, 719, 734
 Сибирь – 76, 77, 464, 575, 592,
 607, 608, 610, 625, 712
 Сингапур – 484
 Синьцзян-Уйгурский автоном-
 ный округ – 509
 Сирия – 35, 36, 39, 91, 101, 287,
 288, 291, 292, 499, 535, 536,
 540, 558, 670, 696–698, 705,
 713, 716, 726, 730, 742
 Сколково – 712, 721
 Словения – 276
 Смоленская область – 201, 211,
 218, 219, 247, 254, 439, 602
 Сочи – 283, 309, 417, 456, 661
 Средний Восток – 172, 535, 577,
 654, 716, 752
 Средняя Азия – 513
 Ставропольский край – 342, 344,
 347, 738

Судан – 37, 747
 Суздаль – 242
 Сулеймания – 539, 543
 Супса – 623
 Сухуми – 439, 660
 США, Соединенные Штаты –
 30, 46, 51, 55–59, 64, 66–69, 72,
 76, 78, 85–87, 91, 94, 96–98,
 108–110, 114, 117, 119, 134, 135,
 148, 152, 154, 155, 157–159, 162,
 164, 171–176, 181, 182, 196–200,
 206, 207, 209, 212–215, 218–
 220, 222–227, 229, 230, 234,
 236, 237, 241–243, 245, 246, 250,
 251, 253, 255, 256, 259, 265–272,
 274, 277, 278, 283, 287–290,
 292, 293, 296, 300, 319, 348, 351,
 355, 358, 359, 362–367, 369,
 371–374, 377–385, 391–393, 395,
 423, 425–427, 465, 466, 471, 472,
 474, 476, 478, 479, 481–487,
 491–509, 512, 518–522, 529–534,
 536, 538, 541–552, 555, 556, 562,
 563, 580, 582–584, 587, 596,
 598, 605, 608, 616, 620, 622–
 624, 626–641, 643–645, 648–
 650, 652, 653, 655–658, 662,
 666–675, 677, 680–702, 705,
 707–709, 711–714, 716–718, 720–
 727, 729, 731–745, 747–749, 751–
 755, 757, 759–768, 770

Т

Таджикистан – 189–191, 193–195,
 374, 625, 659, 663, 747, 751, 759
 Таиф – 107
 Тайвань – 484, 656, 658, 686
 Татарстан – 447, 514
 Тбилиси – 16–22, 27, 58, 59, 94,
 173, 294, 439, 623, 660–662,
 668, 705
 Тегеран – 111, 114, 115, 193, 194,
 535, 679–682
 Тель-Авив – 109, 261

Тенгиз – 622
 Терек – 344, 347–349
 Техас – 605, 720
 Тирасполь – 661
 Тихий океан – 625
 Токио – 59, 79, 100, 136, 683
 Триест – 623
 Тунис – 38, 88
 Туркмения – 619, 625
 Турция, Османская империя –
 33, 144, 540, 542, 543, 624, 647,
 654, 661, 662

У

Узбекистан – 191, 619, 625, 659,
 663, 746
 Украина – 134, 224, 251, 319,
 357, 375, 466, 477, 606, 611,
 612, 616, 631, 644–646, 662,
 663, 670, 730, 737, 754, 766, 771
 Урал – 592, 620
 Урузган – 550
 Урус-Мартан – 345

Ф

Финляндия – 181, 212, 586, 616,
 621, 752, 763
 Форос – 138, 139, 141, 142
 Франция – 96, 105, 142, 211, 219,
 221, 226, 241, 248, 255, 256,
 259, 262, 287, 359, 365, 388,
 391, 422, 486, 505, 507, 576,
 584, 616, 629–632, 648, 666,
 677, 682, 688, 710, 711, 714, 721,
 722, 724, 744, 748, 755, 767, 769

Х

Хабаровский край – 76
 Ханакин – 541
 Хельсинки – 87, 213, 233, 237,
 238, 240, 280
 Хиросима – 516
 Хорватия – 276, 742

Ц

- Центральная Азия – 622–625, 654, 756
Центральная Евразия – 740
Центральная Европа – 216, 218, 221–224, 243, 364, 611, 615, 622, 760
Центральная Россия – 462
Цхинвали, Цхинвал – 651, 665, 666, 668, 669
Цюрих – 361, 745

Ч

- Чеджу – 655
Чекерс – 99, 101
Черногория – 279, 394, 397, 650, 652, 726
Черное море – 283, 345, 624, 675
Чехия – 634, 635, 639, 640, 691
Чечено-Ингушская республика – 336
Чечня – 194, 335–353, 455, 464, 509, 514, 515, 599, 707, 713, 727, 732, 763

Ш

- Швеция – 49, 211, 422, 727
Штокмановское месторождение – 608, 610
Штутгарт – 167

Э

- Эрбиль – 539, 541–543, 545
Эр-Рияд – 101, 105
Эстония – 477, 641, 673, 719

Ю

- Юго-Восточная Азия – 471, 496, 653, 713, 748
Югославия – 30, 276–281, 285, 353, 380–384, 386–393, 395–399, 642, 647, 648, 652, 719, 725, 744, 746, 766, 768
Южная Африка – 488
Южная Европа – 760
Южная Корея, Республика Корея – 61, 62, 250, 283, 484, 486, 608, 625, 657, 658, 683, 684, 686, 692, 721, 748, 754, 764
Южная Осетия – 472, 633, 635, 646, 651, 665–669, 672, 673, 676, 686, 691

Я

- Ямайка – 472
Япония – 49, 60, 61, 100, 168, 206, 210, 212, 250, 356, 484, 486, 492, 525, 584, 587, 608, 625, 653, 657, 658, 684, 686, 708, 730, 731, 745–748, 758

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук
АОК – Армия освобождения Косово
АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
(англ. Association of Southeast Asian Nations, ASEAN)
АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудни-
чество
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
БиГ – Босния и Герцеговина
БНД – Федеральная разведывательная служба Германии
(нем. Bundesnachrichtendienst, BND)
ВВП – валовой внутренний продукт
ВПК – военно-промышленный комплекс
ВРЯН – внезапное ракетно-ядерное нападение
ВСНП – Всекитайское собрание народных представителей
ВТО – Всемирная торговая организация
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с
контрреволюцией и саботажем при Совете народных ко-
миссаров РСФСР
ВЭБ – Внешэкономбанк
ГАТТ – Генеральное соглашение по тарифам и торговле
ГДР – Германская Демократическая Республика
Генштаб – Генеральный штаб
гестапо – тайная государственная полиция Третьего рейха
(нем. Geheime Staatspolizei)
ГКО – государственные краткосрочные облигации
ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному по-
ложению
Госдепартамент – Государственный департамент
Госдума – Государственная Дума

- Госкомитет – государственный комитет
Госплан – Государственный плановый комитет Совета Министров СССР
госсекретарь – государственный секретарь
Госсвет – Государственный совет
Гостелерадио – Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию
ГП – главный противник
ГПУ – Главное политическое управление
ГРУ – Главное разведывательное управление
ГУАМ – объединение Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии
ДИВТ – Движение за исламское возрождение Таджикистана
ДОВСЕ – договор об обычных вооруженных силах в Европе
ДРСМД – Договор о ликвидации ракет средней (1000–5500 км) и меньшей (500–1000) дальности
ДСНВ – Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений
ДСНП – Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов
ЕврАзЭС – Евразийское экономическое содружество
Еврокорпус – Европейский корпус
ЕС – Европейский союз
ЕЭС России – Единая энергетическая система России
ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений
Инвестфонд – Инвестиционный фонд
иновещение – иностранное вещание Гостелерадио СССР
ИППО – Императорское Православное Палестинское Общество
ИСКАН – Институт США и Канады Академии наук СССР
ИТАР-ТАСС – центральное государственное информационное агентство России
ИЯФ СО РАН – Институт ядерной физики Сибирского отделения РАН
КБ – конструкторское бюро

- КГБ – Комитет государственной безопасности
КНДР – Корейская Народно-Демократическая Республика
КНР – Китайская Народная Республика
КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КР – Курдский Регион Ирака
МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
МБРР – Международный банк реконструкции и развития
МВД – Министерство внутренних дел
МВФ – Международный валютный фонд
МВЭС – Министерство внешних экономических связей
МИ-5 – Служба безопасности (контрразведки) Великобритании (англ. Military Intelligence, Section 5)
МИ-6 – Служба разведки Великобритании (англ. Military Intelligence, Section 6)
МИД – Министерство иностранных дел
Минздравсоцразвития – Министерство здравоохранения и социального развития РФ
Минобороны – Министерство обороны
Минфин – Министерство финансов
Минэкономразвития – Министерство экономического развития
МККК – Международный комитет Красного Креста
МНС – Многонациональные силы
МООНК – Миссия ООН по делам временной администрации в Косово
МЭА – Международное энергетическое агентство
НАТО – Организация Североатлантического договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НДПИ – налог на добычу полезных ископаемых
НДС – налог на добавленную стоимость
НИИ – научно-исследовательский институт
НИОКР – Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (англ. Research and Development, R&D)
НПЗ – нефтеперерабатывающий завод
ОАК – Освободительная армия Косова

- ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
- ОВР – Отечество – Вся Россия
- ОГПУ – Объединенное Главное политическое управление
- ОДКБ – Организация договора о коллективной безопасности
- ОИК – Организация Исламская конференция
- ОМОН – Отряд милиции особого назначения
- ОМУ – оружие массового уничтожения
- ООН – Организация Объединенных Наций
- ООП – Организация освобождения Палестины
- ОПЕК – Организация стран – экспортеров нефти (англ. The Organization of the Petroleum Exporting Countries, ОПЕК)
- ОПК – оборонно-промышленный комплекс
- ОФЗ – облигации федерального займа
- ПГУ – Первое главное управление КГБ СССР
постпредство – постоянное представительство
- ПРО – противоракетная оборона
- ПТУ – профессионально-техническое училище
- развединформация – разведывательная информация
- РАН – Российская Академия наук
- РАО «ЕЭС России» – Российское открытое акционерное общество энергетики и электрификации «ЕЭС России»
- РВСН – Ракетные войска стратегического назначения
- РК – Республика Корея
- РЛС – радиолокационная станция
- РПК – Рабочая партия Курдистана
- РСМД – ракеты средней и меньшей дальности
- РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РСХА – Имперское Главное управление государственной безопасности Третьего рейха (нем. Reichssicherheitshauptamt, RSHA)
- РФ – Российская Федерация
- СБ – Совет безопасности
- СБ ООН – Совет Безопасности ООН
- СВР – Служба внешней разведки

- СДК – Силы для Косово (KFOR, англ. Kosovo Force)
СИС – Секретная разведывательная служба Великобритании (англ. Secret Intelligence Service, SIS)
СМИ – средства массовой информации
СНБ – Совет национальной безопасности США
СНВ – стратегические наступательные вооружения
СНГ – Содружество Независимых Государств
СНОП – Совет по оборонной политике при Министерстве обороны США
Совмин – Совет министров
Спецкомиссия, СК – Специальная комиссия СБ ООН по разоружению Ирака
спецслужба – специальная служба
СПС – Совместный постоянный совет Россия – НАТО
СРП – Соглашение о разделе продукции
СРЮ – Союзная республика Югославия
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
Стабфонд – Стабилизационный фонд
СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия
США – Соединенные Штаты Америки
СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза, центральное государственное информационное агентство России
ТПП – Торгово-промышленная палата
УВКБ – Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев
ФАС – Федеральная антимонопольная служба
ФАТХ – Движение за национальное освобождение Палестины
ФБР – Федеральное бюро расследований США
ФРГ – Федеративная Республика Германия
ФСБ – Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ФСК – Федеральная служба контрразведки
ХАМАС – Исламское движение сопротивления
Центробанк – Центральный банк РФ

ЦКБ – Центральная клиническая больница

ЦРУ – Центральное разведывательное управление США

ЦСР – Центральная служба разведки СССР

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества

Штази – Министерство государственной безопасности ГДР,
нем. Stasi, Ministerium für Staatssicherheit

CBS – the Columbia Broadcasting System

**АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ
произведений,
вошедших в собрание
сочинений
Евгения Максимовича
ПРИМАКОВА**

Анатомия ближневосточного конфликта	Том 1
Библиография Е.М. Примакова	Том 10
Война, которой могло не быть	Том 2
Восемь месяцев плюс...	Том 4
Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России	Том 8
Восток после краха колониальной системы	Том 1
Годы в большой политике	Том 3
Избранные доклады, статьи, интервью, эссе	Том 9
История одного сговора	Том 2
Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами	Том 5
Минное поле политики	Том 6
Мир без России?	Том 6
Мир после 11 сентября	Том 4
Мысли вслух	Том 7
Россия. Надежды и тревоги	Том 7

Научное издание

Евгений Максимович ПРИМАКОВ

Собрание сочинений.

В 10-ти томах.

Том 6:

Минное поле политики.

Мир без России?

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С. П. Щербина

ISBN 591022322-4

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.2016
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 50.0
Тираж 1000 экз. Зак.